Дэвид Дрейк
Слуга Дракона

Повелитель Островов – 3

Распознавание и вычитка – Георгий http://www.oldmaglib.com/
«Слуга дракона»: АСТ, АСТ Москва, Транзиткнига; М.; 2006
ISBN 5-17-030928-7, 5-9713-1569-2, 5-9578-1871-2
Оригинал: David Drake, “Servant Of The Dragon”
Перевод: Т. Минина

Аннотация

Архипелаг Островов.

Здесь некогда правила могущественная королевская династия – но вот уже тысяча лет прошла с тех пор, как последний из великих королей – Карус – был убит магом, нанятым коварным герцогом-узурпатором.

Однако черная магия принесла на Архипелаг БЕДУ.

Перепутаны линии магической Силы, прервана связь времени и пространства… и многие годы идет непрерывная война за титул Повелителя Островов.

И теперь юноша Гаррик ор-Рейзе, последний прямой потомок короля Каруса, и его друзья – добродушный богатырь, суровая чародейка, прекрасная дева и циничная старая колдунья – поневоле вынуждены вступить в схватку с СЕМЬЮ магами-некромантами, обладающими ВЕЛИКОЙ СИЛОЙ, – с чернокнижниками, при помощи волшебства открывшими Архипелаг Островов для бесчисленных полчищ монстров из иных миров.

Помочь людям согласен таинственный Дракон, пришедший из далекого прошлого, но помощь его будет стоить ДОРОГО…

Дэвид Дрейк
Слуга дракона

БЛАГОДАРНОСТИ

Дэн Брин, мой первый читатель, называет себя переписчиком.

Не стану спорить: он большой мастер исправлять грамматические ошибки. Однако куда больше я ценю его критические замечания. И хотя я не всегда согласен с ними (даже, как правило, не согласен), тем не менее Дэн заставляет меня задуматься: почему я сделал что-то именно так, а не иначе.

Если вы увидите фотографию автора на обложке книги, то, скорее всего, она сделана Джоном Кокером в 1986 году (я с тех пор поседел, но не сменил размер брюк). Джон не только превосходный фотограф, он – милейший человек, о встрече с которым можно только мечтать. Я очень ценю его разрешение использовать эту фотографию.

В процессе издания книги, как и в любой человеческой деятельности, случаются огрехи. Стефани Лэйн из Тора положила немало сил, чтобы их исправить. Поверьте, в издательском деле это ничуть не проще, чем где-либо еще, и мне страшно повезло, что я работаю именно с ней.

Моя борьба с компьютером заняла в среднем полгода. Особо примечательны те три месяца, которые совпали по времени с написанием этого романа. Большое спасибо Марку Л. Ван Нейму, Эллин Фогель, Рубену Фернандесу и Ричи Крилу, которые помогали мне в моих безнадежных экспериментах, оказавшихся тем не менее плодотворными.

Текст данного издания в мягком переплете оказался чище, чем в твердом, – отчасти благодаря стараниям Шэрон Пиготт и Рика Ла Бака. Шэрон довелось вычитывать гранки моей первой книги, так что подобная работа была для нее не в новинку. Мне пришлось нелегко во время написания этой книги (причины ясны из предыдущего абзаца). Неизменной поддержкой являлись мне друзья и особенно моя жена, Джо. Моя искренняя благодарность им всем.

АВТОРСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Религия (общая на Островах) основана на шумерском культе и ритуалах, но все, что касается собственно магии, происходит из Средиземноморья и имеет по большей части египетские корни. Тайные Слова, которые я называю «словами Силы», представляют язык демиургов. Это означает, что они должны иметь значение для существ, способных доводить человеческие желания до высших космических сил. Я скопировал их из настоящих магических манускриптов классического периода.

Лично я не верю, что тайные слова имеют власть над событиями, но миллионы умных, цивилизованных людей убеждены в этом. Посему я не произношу Тайные Слова вслух, когда пишу.

Вместо того чтобы придумывать литературные источники, в своем романе я использовал реально существующие. Цитаты взяты из поэм Горация и Овидия; мои переводы вполне сносны, хотя Гораций, естественно, выше любого перевода.

Вдобавок в романе встречаются ссылки на Гомера, Вергилия, Гесиода, Афинея и Платона – мне видится заманчивым обращаться к оригинальным источникам, ведь это лучший способ узнать не только как люди далеких времен думали, но и что заставляло их так думать. Поверьте, когда прозреваешь разницу между нами и далекими предками западной культуры, то становишься более терпимым к различным современным верованиям – именно так и случилось со мной. Думается, это весьма плодотворная позиция в нашем мире.

ПРОЛОГ

Глубины сотрясались, приводя в движение колокольню, которая стояла незыблемо вот уже тысячу лет. Неведомая сила коснулась затопленного острова, вспугнув стаю электрических угрей. Их глянцевые тела с огромными немигающими глазами извивались, излучая холодное свечение.

Над разрушенным городом разнесся колокольный звон – это зазвучал колокол, отлитый из бронзовых таранов с вражеских кораблей, добычи первого Йольского герцога. Звук разбудил кистеперую рыбину: оттолкнувшись от дна брюшным плавником, она судорожно заработала хвостом и уплыла прочь.

Аммониты же – Морские Владыки глубин, – напротив, медленно двигались на звук. Эти создания были снабжены щупальцами, подобно каракатицам, и великолепными раковинами, скрученными в бараний рог. Самые крупные экземпляры могли поспорить размером со средним кораблем.

Силы, поддерживавшие вселенную в равновесии на протяжении тысячелетия, сместились. Они нарушили покой города, веками стоявшего на морском дне, и над Йолем поплыл набатный звон.

Остров поднимался.

Щупальца Морских Владык змеями колыхались в такт заклинанию, которое привело в смятение подводные глубины. Наверное, в солнечных лучах это было бы незабываемое зрелище – гигантские раковины заиграли бы всеми цветами радуги. Но здесь единственным источником освещения являлось слабое мерцание, исходившее от стаи рыб-гадюк, улепетывавших во все стороны.

Мертвые лежали в тех же позах, что и тысячу лет назад, когда нагрянула смерть. Их покрывал ковер осыпавшейся черепицы и обломков камней, упавших во время землетрясения. Вслед за этим город опустился на дно: морские воды хлынули на улицы Йоля и навечно погребли вопли несчастных, их руки, простертые в поисках спасения. Спасения, которое им так и не довелось обрести.

Тела сохранились на удивление хорошо: темная, холодная пучина оказалась столь же негостеприимна к мельчайшим тлетворным частицам, как и к людям. Правда, некоторые трупы хранили следы укусов морских демонов – чудовищ, попавших в гибнущий город на гребне нахлынувших волн. Были и такие, которые угодили в жадные клювы Морских Владык, – от них мало что осталось. Но в основном трупы лежали нетронутыми, если не считать налипших на них неповоротливых морских крабов.

… Солнечные лучи проникли под воду и окрасили всплывавшие здания в нежнейшие оттенки голубого цвета. Предметы возвращали себе свои краски: вскоре даже черепица заалела на полуразрушенных крышах.

Морские Владыки медленно поднимались вместе с городом, как живые свидетели возрождения Йоля. Ленивое колыхание их щупальцев закручивало, искажало планы вселенной.

И вот шпиль колокольни – высочайшей точки герцогского дворца пропорол морскую гладь и вышел наружу. С него хлынули потоки воды, очищая потемневшие камни от ила и тины, накопившихся в глубочайшей впадине Внутреннего Моря.

Мгновением позже всплыли и аммониты, их раковины переливчато засветились в лучах восходящего солнца. Они медленно двинулись в разные стороны, дабы избежать ловушки неожиданно восставшей суши. В их S-образных зрачках отражалась странная группа волшебников, которая зависла в воздухе над поднимающимся островом.

Трое из них были облачены в черные балахоны с остроконечными капюшонами. Лица и руки вычернены смесью жира и сажи, лишь зубы белели, когда они нараспев произносили Слова Силы:

– Лемос агруле эурос…

Еще трое колдунов носили одеяния из выбеленной шерсти – белые в тени, они расцветали всеми оттенками розового и пурпурного цвета там, где их касалась утренняя заря. Лица, вымазанные известью, казались призрачными масками, на которых темнели колодцы

черных глаз.

– Птолос ксенос гайеа… – звучали слова.

Земля гудела. Из окон и дверных проемов извергались потоки воды, они катились по широким улицам Йоля, спускавшимся к гавани, увлекали за собой трупы, несли и закручивали в пенных водоворотах. И над всем этим шумом и гамом плыли Слова Силы: каждое слово звучало отчетливо, даром что вылетало из человеческих глоток.

Седьмой – и главный – маг был двуцветным: черным слева, белым справа. Слово за словом он произносил заклинание, которое эхом повторяли его товарищи. Из жаровни у его ног подымались клубы белого и черного дыма: струи переплетались меж собой, но не смешивались, храня черно-белый узор.

– Ката фейнра тенай…

Напротив предводителя магов стояла мумифицированная фигура, тело покрывали почерневшие от времени повязки, лишь голова оставалась свободной. Засохшая смуглая кожа мумии хранила отпечаток мельчайших чешуек, тонкие, иссохшие губы заставляли вспомнить рептилию. Язык, сморщившийся до размеров раздвоенной нити, трепетал в воздухе, когда фигура произносила заклинание. Слова Силы шли из ее мертвой глотки.

Колокольня продолжала содрогаться, хотя голос колокола терялся в грозных звуках катаклизма. В воздухе кружили морские птицы, привлеченные издалека зрелищем подымавшейся из морских пучин земли.

– Ката, хэйро, иофиде…

За спиной магов повисла призрачная завеса – каменная филигрань, которая вибрировала в воздухе, расплывалась и вновь проявлялась в пределах видимости. Реальность завесы принадлежала другому времени и месту, но заклинание частично обнажило ее для магов.

Наконец почва Йоля коснулась ступней магов. Остров в последний раз содрогнулся и прекратил подъем. Волны, разбежавшиеся при его появлении, вернулись, чтобы с яростной силой хлестать берега Йоля.

В образовавшейся гавани плавали Владыки. Их щупальца извивались в жутком подобии танца.

Чайки и птицы-фрегаты с пронзительными криками ныряли и взмывали вверх. Еще бы им не радоваться! Подъем острова увлек за собой обитателей глубин, чьи тела не успели приспособиться к смене давления. Птицы растаскивали их разорванные туши в клювах.

Шестеро младших магов рухнули в изнеможении на влажный булыжник площади, задыхаясь от тяжести сотворенного заклятия. Их предводитель поднял руки и прокричал заключительную фразу:

– Тэето уорше ахелеул!

Моментальная тишина окутала мир, завораживая волны и даже крики чаек. Солнечный свет мерцал на доспехах солдат и украшениях женщин, одетых с иголочки и не знавших, что одеваются для смертного одра. Детская рука все еще сжимала погремушку из слоновой кости; она слишком ярко сияла на солнце.

Предводитель магов остался на ногах. Его сумасшедший смех разносился над мертвым городом.

Мумия также стояла, недвижная и безмолвная. Ее запавшие глаза были направлены на мага, а ящерообразные черты лица свела маска гнева.

Глава 1

Принц Гаррик Хафтский, будущий преемник Валенса Третьего, короля Островов, – а по сути уже правитель королевства – оглядел Совет. Перед ним за столом сидел весь цвет орнифольской знати, с ними – самые могущественные люди со всех Островов. Они ждали, когда он изволит озвучить свои желания, а в это время лорд Валдрон, командир Королевской армии, спорил с лордом Аттапером, командиром Кровавых Орлов – личной королевской

стражи.

Гаррик же мечтал вернуться домой, на Хафт, в деревушку Барка, где он провел свои первые восемнадцать лет (если не считать раннего младенчества). Только теперь он начинал понимать, какой простой была его жизнь в те времена.

– Но ты не можешь туда вернуться, парень, – раздался в его голове голос – это нашептывал призрак короля Каруса, последнего повелителя Королевства Островов, которого вражеское заклинанье утопило за тысячу лет до того. – Даже если ты презреешь свой долг и покинешь Вэллис, Барка не сможет снова стать твоим домом.

– Могу ли я напомнить вам обоим, господа, что солдатам нужно платить жалованье? – подал голос лорд Тадай, сменивший на посту королевского казначея своего незадачливого предшественника, который служил при Валенсе. Тадай вытер круглое лицо платком, на котором был вышит герб дома бор-Титайнов.

Его заявление вызвано бурю эмоций. Все вскочили и загалдели. Канцлер Ройяс бор-Боллиман, который, пожалуй, мог в настоящий момент претендовать и на звание друга Гаррика, огрызнулся:

– Если уж затрагивать финансовую сторону, Тадай, то ваша неспособность заплатить бросает тень на честь королевства…

– Господа, – мягко вмешался Гаррик. Он знал, что никто не станет его слушать, но отец учил его быть вежливым.

Лиэйн бос-Бенлиман – темноволосая девушка одних лет с Гарриком – сидела рядом с ним, в полушаге позади, как бы подчеркивая, что не имеет права вмешиваться в дискуссию. Сейчас она исполняла роль простого секретаря принца. Встретившись с ним взглядом, она ответила деловой улыбкой.

Лиэйн – единственная из присутствующих здесь – не преследовала собственных целей, а хотела того же, что и Гаррик: мира и единства для Островного Королевства, которое тысячу лет назад было разрушено при помощи колдовства. Сейчас те же силы грозили и вовсе стереть Королевство с лица земли.

В глазах Гаррика Лиэйн была красивейшей женщиной Островов, и с этим мог бы согласиться и более беспристрастный судья.

– Денег хватает, просто вы не можете ими распорядиться так, как того требуют ваши обязанности! – выкрикнул Ройяс, нависая над столом.

Тадай побагровел так, что цвет лица сравнялся с его алым носовым платком, и прошипел в ответ канцлеру:

– Если вы, Ройяс, так твердо решили обеспечить всех своих родственников рабочими местами, я советую вам найти еще и деньги для них!

Указательный палец Гаррика коснулся стола, за которым проходило заседание. Богатая фактура и причудливый узор ореховой фанеры подчеркивались тщательной полировкой – до зеркального блеска. В Барке люди обрабатывали дерево с помощью тесла или грубого топора. Гаррик никогда не видел пилы или распиленной доски, пока судьба не увела его из дому. Такой стол, по его мнению, подходил для Небесной Госпожи и ее спутника, Пастыря, но никак не для смертных, вроде Гаррика ор-Рейзе.

– А кроме того… – начал было Ройяс.

И тут Гаррик с силой опустил кулак на стол. Последний был тяжел и достаточно велик, чтобы за ним могло усесться двенадцать человек, но все равно он подпрыгнул на каменном полу.

На мгновение все замолкли.

У Гаррика за весь день росинки маковой не было во рту. Помнится… ну да, на рассвете он съел апельсин и пшеничную лепешку, но это и все. Может быть, поэтому его и тошнило.

– Господа, – заявил он, – объявляется перерыв в заседании, поскольку очевидно я не в состоянии контролировать его.

Раздался гул возмущенных голосов:

– Прошу прощения, Ваше Высочество, но…

– Я не имел в виду…

– Конечно, Гаррик, я…

– Нет, принц, правда…

– Молчать! – рявкнул Гаррик.

Ставни в зале собраний были устроены таким образом, чтобы пропускать внутрь летние бризы и при этом сохранять происходящее в секрете от глаз люда, бродящего по территории дворцового комплекса. Они грохнули об оконные переплеты. Лиэйн аж подскочила от неожиданности, хотя дежурная улыбка тут же вернулась на ее лицо.

– Господа, – вернулся Гаррик к своему мягкому тону, – мы продолжим обсуждение завтра в третьем часу пополудни. Я знаю, что некоторые из вас записали свои предложения. Оставьте записи у Лиэйн, и я успею их просмотреть.

Он посмотрел в сторону Ройяса и Тадая: оба так и застыли с открытыми ртами. Было ясно, что у них имеются возражения, но они видели выражение лица принца – жестокое и острое, как лезвие меча.

– Конечно, – пробормотал канцлер, вынимая из кошеля пергаментный свиток, перевязанный красной лентой. С подобострастным поклоном он вручил его Лиэйн.

Лорд Тадай держал в руках такой же документ, только лента была бледно-желтая, окрашенная намытой из ульев пыльцой.

– Здесь дополнения. Мой помощник в скором времени принесет его вам, леди Лиэйн, – сказал он, понизив голос.

Зал собраний располагался в отдельном строении – одном из множества, составлявших дворцовый комплекс Вэллиса.

Члены Совета по одному проследовали на выход, за дверью их ждали телохранители с дубинками из слоновой кости вместо мечей. Право ходить вооруженными внутри дворцового комплекса имели только Кровавые Орлы и те, кому король даровал особенные привилегии.

В комнате остались только Аттапер и Валдрон. Они оба одновременно шагнули к двери и остановились в нерешительности. Аттапер вымученно улыбнулся:

– Я верю, лорд Валдрон, что вы не способны нанести удар в спину. Даже мне.

И он проскользнул в дверь впереди своего более старшего по возрасту коллеги.

– Щенок! – проворчал Валдрон, посторонившись. Дверь за собой он оставил открытой: открывание и закрывание дверей было ниже достоинства человека его происхождения.

Слуга в ожидании распоряжений заглянул в зал заседаний. Но Лиэйн отрицательно покачала головой и закрыла дверь сама.

– Это было превосходно! – улыбнулся Гаррик. – Я чуть не рассмеялся, когда ты процитировала главу из Сороса, тот абзац про наихудшего паразита, каковым он считает своего друга. Сама Илна лучше бы не сказала!

Гаррик подумал о своих друзьях, о тех, с кем вместе вырос. Его сестра Шарина – высокая, светловолосая, она (как и сам Гаррик) одинаково способна и читать произведения классиков, и целый день работать на деревенском постоялом дворе, принадлежавшем их отцу. Кэшел ор-Кенсет, оставшийся сиротой после ранней смерти отца, почти такой же высокий, как Гаррик, и вдвое сильнее любого другого мужчины…

Его сестра-близнец Илна – темноволосая, красивая; ткачиха, чье мастерство было сродни колдовству. Она обладала таким же острым язычком, как костяное лезвие ее ножа (тот нож Илна использовала и на кухне, и в своей мастерской). Небось могла бы заткнуть за пояс самого Сороса, но…

– Илне бы понравилось, – грустно сказал Гаррик. – Я тоже веселился, пока наблюдал… хоть и не должен был бы. Сорос – дурак, но это еще не преступление. Наверное, я просто поддался усталости и раздражительности.

Гаррик откинулся в кресле, оперся на подлокотники из цельных кусков черного дерева.

«Интересно, что они сказали бы, – подумал он, – если бы я заменил здесь кресла на лавки?»

Король Карус рассмеялся невысказанной мысли, и Гаррик усмехнулся вместе с ним – настроение несколько улучшилось.

– Боюсь, что мы топчемся на месте, – произнес он, но тон его был уже бодрее, чем несколько мгновений назад.

Как важно для правителя иметь собеседника, знающего все твои мысли и готового посмеяться вместе с тобой. Или над тобой. Собственный опыт (равно как и воспоминания Каруса) подсказывали Гаррику, что королям обычно врут.

В этом отношении ему повезло больше, чем другим правителям: ни Лиэйн, ни его друзья детства не стали бы лгать ни самому Гаррику, ни кому бы то ни было. Но еще больше он благодарил судьбу за такого друга и советчика, как Карус.

– За последние несколько месяцев тебе удалось больше, чем любому другому королю Островов за все правление, – немного резко сказала Лиэйн. – Во всяком случае, тех, кто был после Старого королевства. У нас есть Королевская армия и – что еще важнее – королевская администрация. Она работает, Гаррик, а не просто соглашается с теми подачками, которые местные землевладельцы платят вместо налогов.

– Да, мы заложили административную систему, – согласился Гаррик, – но это лишь начало. Система действует только здесь, на Орнифоле. Правители же других островов придерживаются собственной политики. Единственная причина, по которой герцог Сандракканский и правитель Блэйза еще не объявили себя королями на своих островах, так это надежда подгрести под себя всю державу – при условии грамотной игры.

– А теперь, убедившись, что король Вэллиса – не слабак, которого можно запросто отпихнуть, – добавил Карус, – они наверняка вытащат на свет идею национальной независимости. И нам придется с этим считаться.

Гаррик погладил медальон короля Каруса, который носил на шнурке под туникой. Старший наставник, неизменно присутствовавший в сознании Гаррика, зачастую смешил его. Но вместе с тем помогал всегда быть настороже. Собственно, Карус являлся самим Гарриком, только постарше. Он носил одежду тех же цветов. И точно так же всегда держал правую руку на эфесе своего длинного, прямого меча.

– Вначале надо наладить все на Орнифоле, а потом мы сможем перейти к управлению другими Островами. В конце концов, это ведь не только вопрос взимания законных налогов и справедливого королевского суда. Речь идет о народе.

Гаррик рассмеялся.

– О да, весь народ, за исключением тех, кто извлекает выгоду из нынешнего хаоса, – заметил он. – А это значит, что большинство людей уже достаточно сильно.

– Но в конце концов… – вздохнула Лиэйн, слегка покраснев. Она так горела идеей объединения Островов, что зачастую, невзирая на свой острый ум, предпочитала не замечать существующих проблем. Обладая решительным характером, девушка терпеть не могла преград на пути к цели, в истинность которой верила всей душой.

– Люди редко задумываются о том, что свершится в конце концов, – тихо возразил Гаррик. – Их больше заботит сегодняшняя синица в руках.

С уст Лиэйн готово было сорваться возражение, но она заставила себя промолчать. Девушка тоже сегодня устала.

– Мы-то с тобой знаем об опасностях, – сказал Гаррик, легонько коснувшись руки Лиэйн. В прошлом ужасный демон на глазах у девушки выпотрошил ее отца. Сегодня силы злой магии вновь стремились к своему тысячелетнему пику. И никто лучше Лиэйн не понимал, что произойдет с Островами, если этим силам удастся поколебать и без того хрупкий мир, воцарившийся впервые после падения Старого королевства. – Но большинство людей не понимают этого. А ведь нам придется иметь дело именно с большинством.

Лиэйн порывисто сжала руку Гаррика.

– Есть такие, – добавила она, – которым даже знание не помешает и дальше грабить своих крестьян. Они не заинтересованы в строительстве честного и справедливого сообщества. Ну что ж, у тебя ведь есть Королевская армия.

– Точно, парень, – подтвердил король Карус. – Отличная армия, и она становится лучше с каждым днем. Не повторяй моих ошибок: даже добрый меч не заменит стола переговоров. Не забывай: при всей моей замечательной армии, нашелся маг, который отправил и ее, и меня на дно Внутреннего Моря.

Гаррик рассмеялся. Лиэйн улыбнулась, пряча удивление: слова великого предка слышал только Гаррик.

– Мне тут пришло на ум, что никакая армия не уменьшит опасности магии, – сконфуженно пояснил Гаррик. Увы, его замечание тянуло разве что на юмор висельника.

Вдоль боковых стен комнаты стояли покрытые кожей скамьи, где полагалось сидеть помощникам советников, буде они окажутся допущенными на заседания. Гаррик невольно подумал, что его постель на чердаке родительского дома уже, чем эти скамьи.

– Нет, мне просто необходимо немного вздремнуть, – сказал он. – Надеюсь, нет ничего настолько срочного, чтобы…

– Я распоряжусь, чтобы никто, кроме меня, не смел тебя беспокоить, – поспешила Лиэйн, одним грациозным движением поднимаясь и складывая свой переносной столик. – А я буду в здании по соседству – там тоже есть кушетка… Мне кажется, я усну стоя, если не успею лечь раньше.

– Когда-нибудь все непременно наладится, – пообещал Гаррик, придерживая дверь для Лиэйн. Слуга попытался забрать у нее столик, но девушка решительно отстранила его и направилась к соседнему зданию, на прощание улыбнувшись своему другу.

Гаррик сбросил алую официальную мантию и остался в тонкой шерстяной тунике: юноша по привычке предпочитал шерсть шелку. Усевшись на скамью, он сбросил дурацкие туфли из позолоченной кожи, которые приходилось носить вместе с тяжелой мантией.

– Для некоторых все уладится только после смерти, – не преминул ухмыльнуться его венценосный предок. – Хотя и не для всех нас.

И добавил, когда Гаррик уже погружался в темноту долгожданного сна:

– Да и скажи на милость, парень, что бы мы с тобой стали делать, если б вдруг – благодаря какому-нибудь чуду – наступил мир, а?

* * *

Кэшел ор-Кенсет учился танцевать на городской манер. Здешние танцы – не чета тому, что происходило на свадьбах и празднике урожая в их деревушке.

– О, лорд Кэшел, вы так искусны! – промолвила его партнерша, леди Берса бос-Балиан – женщина, которая с первого взгляда напомнила Кэшелу его сестру. Берса была темноволоса и изящна, как и Илна, но ей недоставало принципов Илны, ее надежности и остроумия.

В частности, Берсе не хватило ума верно оценить способности Кэшела. Пусть он не столь сообразителен, как его друзья Гаррик и Шарина, но и не настолько глуп, чтобы попасться на ее уловки. Берсе нравилось называть себя девочкой, но Кэшел догадывался, что ей по крайней мере тридцать и – судя по морщинкам в уголках глаз под слоем меловой пудры – это были нелегкие годы.

– Да нет, леди Берса, – смиренно ответил Кэшел. – Я ошибся. Повернул налево, когда требовалось повернуть направо.

Он обернулся и кивнул учительнице танцев, леди Куше – очень древней на вид старушке.

Леди Куша служила Почетной горничной еще жены первого короля Валенса, дедушки того, кто сейчас сидел на троне. Эта черноглазая женщина и одежды носила под стать – из жесткого черного льна, словно недавно овдовела. Правда, Шарина говорила, что на самом деле Куша никогда не была замужем.

– Простите меня, леди Куша, – тихо произнес юноша. – В следующий раз я постараюсь

не сбиться.

– Уверена, что так и будет, мастер Кэшел, – ответила Куша. – У вас врожденное чувство танца; его необходимо лишь отшлифовать до совершенной формы.

В отличие от Берсы и очень многих людей в Вэллисе Куша никогда не пыталась льстить Кэшелу, называя его лордом. Отец Кэшела был сыном мельника, спившимся до смерти через несколько лет после того, как вернулся в деревушку Барка с детьми, но без жены, которая могла бы их вырастить.

Фальшивые почести раздражали Кэшела, хотя он уже бросил попытки отучить Берсу и ей подобных. На самом деле Кэшел вообще не задумывался бы над вопросом знатности происхождения – ему еще не встречался аристократ, который превосходил бы его в чем-то важном, с точки зрения Кэшела, – просто ему не нравилось владеть тем, что не принадлежало ему по праву. Особенно когда ему это навязывали.

Кроме Кэшела в зале с мраморным полом присутствовали еще трое мужчин. Двое являлись музыкантами, игравшими на флейте-сопрано и карманной скрипке – крошечном струнном инструменте, изогнутом, в отличие от выпуклой лютни, к которой привык Кэшел.

Третьим был лорд Эвлатун. Все учителя Кэшела, казалось, претендовали на благородство происхождения, хотя, кроме имени и манеры поведения, ничто об этом не говорило. Эвлатун вступал вместе с леди Кушей в фигурах, которые требовали четырех танцоров.

Эвлатун являлся партнером Берсы; было ли это партнерство таким же формальным, как брак, Кэшел не знал, да и не задумывался. Светловолосый, лысеющий мужчина предпочитал широко улыбаться в лицо Кэшелу. Но когда юноше удалось поймать его случайный взгляд… бр-р.

Если бы Эвлатун был змеей, то Кэшел нимало не сомневался бы, что это – одна из самых ядовитых змей. И не задумываясь сломал бы ему хребет хорошим ударом дубины.

Похоже, в Вэллисе много подобных людей. Наверное, слетались во дворец как мухи на компостную кучу.

– Вы самый элегантный мужчина, с которым я когда-либо танцевала, лорд Кэшел! – ворковала Берса. Она положила свою правую руку на его бицепс, скользнув пальцами по бахромчатому рукаву вышитой туники. Этот костюм юноше приходилось надевать для занятий танцами. И делал он это ради Шарины – чтобы не стеснять ее.

Кэшел слегка повел плечами, высвобождаясь из рук навязчивой партнерши. Эвлатун смотрел на них улыбаясь как человек, умирающий от столбняка.

– Хм, – сказал Кэшел. – Мы в Барке тоже танцуем, но используем совершенно другие движения.

Он знал, что ему не чужда своеобразная элегантность. Берса была не первой, кого это удивляло. Кэшел обладал большим ростом, поэтому привык двигаться осторожно: большие, сильные, но неосторожные мужчины все ломают. Он провел немало времени, двигаясь в отаре овец или за плугом, запряженным парой быков, и знал, что эти животные идут своей дорогой не менее уверенно, чем самые грациозные звери.

Люди, видя перед собой здоровенного детину, с трудом считающего по пальцам, автоматически считали его неуклюжим. Однако неуклюжим людям, вынужденным управляться с топорами и неподъемными тяжестями, как правило, не удается выжить, да еще сохранив все конечности. Кэшел же, едва подрос, был первым парнем на деревне, которого неизменно звали, если требовалось аккуратно свалить дерево или же сдвинуть тяжелый валун.

Если только возникала необходимость двигаться быстро, от медлительности юноши не оставалось и следа. Не раз случалось, что какой-нибудь перепившийся задира на Овечьей Ярмарке вызывал Кэшела подраться на дубинках или просто врукопашную. Те, кому повезло, уходили с обтянутой флажками площадки пошатываясь; а иных и вовсе уносили друзья.

Берса снова придвинулась ближе к Кэшелу; юноша обернулся к учительнице танцев,

оставляя Берсу за спиной. Он мог поклясться, что слышал зубовный скрежет Эвлатуна.

– Я готов продолжать, леди Куша, – сказал он.

– Начнем с ригодона, – предложила Куша. Она легонько махнула веером в сторону музыкантов; складывающиеся черепаховые пластины издали приглушенный щелчок. – Сначала, пожалуйста.

Салон представлял собой просторную комнату, расположенную в центре здания для развлечений. С обеих сторон, в двухэтажных крыльях, располагались анфилады комнат для дам и кавалеров, где они могли бы оставить верхнюю одежду и слуг. Как и остальная часть разваливающегося дворца в предместьях Вэллиса, здание сильно обветшало за последние несколько лет, но ремонтные работы шли полным ходом. Обрушившуюся в восточном крыле штукатурку заменили, и пара рабочих обновляла позолоту на своде потолка в перерывах между уроками Кэшела.

В дверь постучали со стороны мужской анфилады. Куша повелительно повернулась и произнесла:

– Ступайте прочь! Зала занята!

Однако дверь открылась, пропустив мужчину в серо-голубых одеждах дворцового слуги. Золотая кисточка на его головном уборе служила символом его служебного положения. Кэшел признал в нем управляющего.

– Прочь, я сказала! – взвизгнула Куша. Ее тощее тело начало словно раздуваться, как у жабы, увидевшей змею. – Я – леди Куша бос-Кадриман, нахожусь здесь по особому приглашению леди Шарины и не позволю прерывать себя простому прислужнику!

Вообще-то Кэшел считал управляющего куда более значительной фигурой, чем учительница танцев, но тут имелись еще и дополнительные соображения.

– Все в порядке, – вмешался он. – Мастер Рейзе мой сосед.

При этих словах управляющий низко поклонился, сделав витиеватый жест правой рукой. Вполне в духе того, что здесь считалось хорошим тоном.

– Я самым искренним образом прошу у вас прощения, леди Куша, – произнес он, – но возникла причина, по которой мне необходимо переговорить с мастером Кэшелом, и как можно скорее.

– Вы что, не слышали, леди? – выступил Эвлатун, на октаву выше, чем обычно. Он шагнул вперед с важным видом и положил руку на рукоять меча.

– К тому же, – подумав, добавил Кэшел, – это отец Гаррика. Принца Гаррика, я имею в виду.

– Вы, должно быть, шутите! – задохнулась Куша, впившись глазами в управляющего. – Ну конечно же, вы шутите, мастер Кэшел.

Управляющий оглядел троих аристократов с сардонической усмешкой. Трудно было соотнести этого уверенного в себе придворного с Рейзе – хозяином постоялого двора в Барке, рябым, слегка комичным, которому набила оскомину жизнь в деревушке овцеводов.

С другой стороны, не менее сложно представить себе, чтобы простой пастух, каковым являлся Кэшел, превратился в героя, сражавшегося с демонами и победившего их… хотя именно так и случилось. Да уж, жизнь порой выкидывает такие штучки, что им в Барке и не снилось.

– Я служил личным секретарем графини Теры на Хафте, – пояснил Рейзе Куше.

Берса снова уставилась на Кэшела. Пара музыкантов с интересом прислушивались, радуясь потихоньку тому, что на сей раз развлекают их, а не они. Эвлатун замер с выпученными от удивления глазами.

– У графини случились роды в ночь мятежа, который стоил ей жизни, – продолжал свое повествование Рейзе. – Мы с моей женой спасли ее младенца, будущего принца, и воспитали вместе с дочерью моей жены, Шариной. Так что это правда: я имел честь растить принца Гаррика.

– Но вы слуга! – изумленно вымолвила леди Берса. Это прозвучало примерно как: «Но у вас же три головы! »

– Видите ли, когда… после того как король Валенс усыновил его, принц Гаррик нуждался в надежном управляющем, которому бы он доверял, – На губах Рейзе мелькнула улыбка, слабая и холодная, как роса на гладком сером камне. – Он попросил меня вернуться в Вэллис, где я когда-то служил во дворце; и я посчитал своим долгом откликнуться на его зов.

Куша замерла, очевидно переваривая новую информацию. Она стояла неподвижно, лишь глаза дважды моргнули. Так внутреннее веко ящерицы резко омывает ее глаз, когда она поджидает, пока добыча подойдет на расстояние одного рывка. Как только Куша сложила все кусочки головоломки в единое целое, она резко скомандовала:

– Уходите! Вы все, быстро! Мастеру Кэшелу требуется уладить личное дело!

Вскидывая руки вперед, словно одетый в траурный наряд богомол, Куша погнала танцоров и музыкантов через дамскую анфиладу. Скрипач нагнулся подобрать ноты, которые он, вероятно, уронил во время разговора Кэшела с Эвлатуном. Куша хлестнула беднягу веером так, что тот припустил бегом. Наверняка пониже спины у него вспух рубец.

Кэшел ощутил внезапное беспокойство.

– У Шарины ведь все в порядке, верно, мастер Рейзе? Я хочу сказать…

– Она находилась в полном порядке сегодня, когда я привел к ней делегацию, – холодно произнес Рейзе – так, словно был простым управляющим, а не отцом Шарины. – Леди Шарина упомянула, что после ухода посетителей с удовольствием встретится с вами. А сейчас она решает вопросы, касающиеся налогообложения землевладельцев, насколько я понял.

Он прочистил горло. И сменил тему.

– Однако я пришел поговорить о другом. Дело в том, что ваш дядя Катчин хотел бы переговорить с вами.

– Мой дядя? – переспросил Кэшел. Казалось, он был изумлен не меньше леди Куши, узнавшей, кем являлся Рейзе на самом деле.

– Катчин, мельник, хочет меня увидеть? Что он вообще делает в Вэллисе?

– Подозреваю, пытается получить пост в новом правительстве, – сухо усмехнулся Рейзе. – Это только мое предположение; мы ведь с вашим дядей не секретничали даже в бытность соседями по Барке…

Кэшел кивнул, когда информация улеглась в голове. Мельник и хозяин постоялого двора являлись довольно заметными фигурами в обществе, где почти все жили сельским хозяйством и овцеводством. Катчин, возможно, был даже богаче, по крайней мере он больше уделял внимания внешнему виду. Он также стал графским бейлифом в Барке – скорее всего, должность досталась ему в силу незначительности деревушки. Но так или иначе, Катчин считал Рейзе своим соперником.

Что до Рейзе, то он, казалось, вообще не думал о Катчине. Только теперь, когда Кэшел увидел Рейзе в роли придворного управляющего, он понял причину такого равнодушия: человека, в юности служившего при королевском дворе, мало волновали сословные различия в крохотной деревушке.

– Строго говоря, Катчин искал не вашей аудиенции, мастер Кэшел, – продолжал Рейзе. – Он хотел встретиться с принцем Гарриком, которого осмелился называть «мой старый друг Гаррик». Я вовсе не собирался допустить подобного, разумеется; но когда он попросил хотя бы о встрече с вами, я почувствовал, что родственные отношения обязывают меня предоставить это дело вашему вниманию.

Здесь Рейзе держался спокойно. Прежде, в родной Барке, он нередко кипел злобой и раздражением, которые подчас вырывались наружу. Другому человеку соседи бы это припомнили. Однако в случае с Рейзе все знали: если уж его довести до крайности, то этот человек скорее схватит медный чайник и стукнет себя по голове, чем навредит кому-нибудь.

Забавно, как мало, оказывается, мы знаем о людях, с которыми живем рядом всю жизнь. Еще забавнее, как мало мы знаем самих себя.

– Конечно, я поговорю с дядей, – пожал плечами Кэшел. Подобные ситуации он

воспринимал как некую обязанность, вроде как ежевечерне искать паразитов у овец. – Куда мне пройти?

– Он ожидает в комнате для слуг, – Рейзе кивнул на дверь, через которую вошел в зал. – Привести его, или же вы можете переговорить с ним прямо там, сэр?

Кэшел в изумлении покачал головой. Надо же, отец Гаррика называет его «сэром»!

– Я пойду туда, – сказал он, направляясь к двери.

Честно говоря, Кэшел несколько удивился, как это дядя согласился ждать в соседнем помещении, а не ворвался с криками в залу. Войдя в приемную, он все понял. Катчин сидел там, абсолютно невредимый, краснолицый, сопящий, но возле него два здоровенных привратника держали жезлы из черного дерева с серебряными набалдашниками на обоих концах. Жезлы не шли ни в какое сравнение с дубинками вроде той, к которой привык Кэшел, но их вполне хватило, чтобы держать Катчина на месте.

Здесь, во дворце, ему приходилось занимать то место, которое указал управляющий. Неудивительно, что мельник выглядел взбешенным до крайности: казалось, еще немного, и он начнет грызть камни.

– Добрый день, дядюшка, – поприветствовал его Кэшел. – Не ожидал тебя здесь увидеть.

Дузи свидетель: наполовину это была правда.

Катчин скривил губы в некоем подобии улыбки. Он носил отвислые усы – возможно, под стать поредевшим волосам, которые тоже свисали двумя клочковатыми полосками над ушами. Мельник слишком много ел и пил; об этом свидетельствовали отекшее лицо, раздувшееся брюхо и в особенности опухшие пальцы, на каждом из которых сидело по кольцу.

– Ну, мой мальчик, ты должен знать: я прибыл, как только узнал, что ты и наш Гаррик нуждаетесь в помощи! – твердо сказал он.

– Мастер Кэшел? – произнес Рейзе голосом сухим, как ломтик вяленого мяса. – Я оставлю привратников у внешней двери. По окончании аудиенции они проводят вашего посетителя, куда вы им укажете.

Он поклонился – только Кэшелу, не мельнику – и направился к задней двери, уводя с собой подчиненных. Один из них, уходя, подмигнул Кэшелу.

Кэшел рассматривал дядюшку. По случаю визита во дворец тот принарядился во все новое: туники в несколько слоев, узор верхней состоял из пересекающихся диагональных полос бежевого и красновато-коричневого цвета; кушак из золотой парчи, на котором висел меч, выглядевший смехотворно. Кэшел припомнил, как однажды он согнул пополам меч потолще дядиной игрушки. На голове у мельника красовалась остроконечная шляпа с лебединым пером, выкрашенным в грязно-пурпурный цвет. Да, пожалуй, это одеяние стоило целой фермы в их родной Барке, хотя в результате Катчин смахивал на фокусника с Овечьей Ярмарки.

– Напрасно ты приехал, дядя, – сказал Кэшел. – Не припомню, чтобы Гаррик нуждался в твоей помощи. Я – так тем более. Думаю, лучше бы тебе вернуться домой.

– Ушам своим не верю! Неужели ребенок, которого я вырастил, оказался таким неблагодарным? – взревел Катчин. Возможно, он говорил вполне искренне. Каким-то чудесным образом ему удавалось запоминать события так, как ему было удобнее в данный момент. – Принцу Гаррику нужны помощники в управлении государством – такие, которым он мог бы доверять! Я и пришел, как только узнал об этом.

Кэшел грустно покачал головой. Странное дело, раньше он не замечал, насколько мелкий мужчина его дядя. В Барке Катчин постоянно хвастал и пыжился, отчего выглядел куда значительнее. А здесь он смотрелся просто шутом, приехавшим в город из деревушки, где главной достопримечательностью служил овечий загон. Ему и в голову не приходило, что никто в Вэллисе даже не слышал о деревушке под названием Барка.

– Дядя, – твердо произнес Кэшел, – тебе придется поехать домой. Если нет, по крайней мере, избавься от этой дурацкой одежды. Надень чистую шерстяную тунику и будь собой, а

не посмешищем для дворцовых слуг. Ты же видел, как на тебя смотрели привратники.

Лицо Катчина потемнело от ярости.

– Да ты кто такой, мальчишка-попрошайка, чтобы читать лекции о моде бейлифу графа Ласкарга? – закричал он.

– Тебе прекрасно известно, что я никогда не попрошайничал, – пожал плечами Кэшел. Он мало значения придавал чужим словам, эти же звучали настолько глупо, что сердиться на них было смешно. – А что касается моих познаний в моде, так не мог же я столько лет прожить рядом с Илной и ничему не научиться. Ты же знаешь, купцы приходили со всего Вэллиса, чтобы купить ее ткани.

Катчин выдохнул с такой силой, что его усы растрепались. Будь он чуть менее осторожным, это бы плохо кончилось.

– Послушай, Кэшел, мальчик мой, – сказал он с притворной веселостью. – Просто позволь мне увидеться с нашим Гарриком, и тогда он поймет, что ему предлагают. Ты сильный и честный парень, но это дело – ниже твоего понимания.

Кэшел улыбнулся.

– Пожалуй, ты прав, дядюшка, – ответил он. – Именно поэтому тебе не надо было приходить ко мне. У Гаррика есть специальные люди, они ему докладывают, кого ему предстоит принять. А я знаю недостаточно, чтобы идти против их решений. – Он указал на дверь: – Возвращайся домой, Катчин. – Кэшела раздражала необходимость объяснять то, в чем не было нужды. – Поверь, лучше быть большой шишкой в Барке, чем ничтожеством в Вэллисе.

Катчин открыл рот и снова закрыл. Видно, ярость на несколько секунд лишила его дара речи. Наконец ломающимся голосом он спросил:

– А твое место, я так понимаю, здесь, Кэшел-Овцепас?

– Мое место там, где Шарина, дядя, – ответил Кэшел. Год назад, когда ему приходилось разговаривать на эту тему, он напрягался, как цепь на тяжелой бороне. – И всегда так было. Просто сейчас я это знаю точно.

Привычным движением, как будто шуганул щенка с непотребного места, он снова указал на дверь. Переполненный желчью, Катчин повиновался.

А Кэшел снова с улыбкой подумал: да, действительно его место рядом с Шириной, он это точно знал, так же как и она сама.

* * *

Тем временем Шарина беседовала с делегацией землевладельцев Западного Региона. Встреча продвигалась примерно с той же скоростью, с какой схватывается строительный раствор в дождливый день. И надо сказать, наблюдать за раствором казалось намного интереснее.

– Не то чтоб нам не нравился сборщик налогов, которого прислали в наш округ, – говорил очередной оратор. Шарина попыталась запомнить имена посетителей, но это оказалось ей не под силу: девушка слишком устала… она чувствовала себя нехорошо, а все делегаты выглядели такими похожими. Все равно, что пытаться различить двенадцать горошинок из одного стручка. – Просто мы не понимаем друг друга. А почему? Не сочтите, что мы придираемся к его северному происхождению, но не разобрать нам этого гнусавого выговора, и все тут.

Мимо просвистел колибри, остановившись, чтобы попить из алого трубообразного цветка лотоса. За ним пролетел второй. Пара скрылась в глубине садов, сердито щебеча друг на друга.

В черепичном бельведере помещалась вся делегация представителей от трех западных графств Орнифола – одиннадцать мужчин и одна женщина. Они носили ботинки с высокой шнуровкой и туники, подпоясанные таким образом, чтоб подол можно было заправить в

штаны, когда того требовала работа. Делегаты выглядели крепкими людьми во всех смыслах – сложением они напоминали большие мшистые пни. В отличие от огромных поместий северного Орнифола Западный Регион представлял собой мозаику из крошечных владений. И каждому из делегатов когда-то в жизни приходилось ходить за плугом, да и теперь небось большинство из них явилось сюда, оторвавшись от яростной борьбы за урожай.

Шарине деревни Западного Региона напоминали родную Барку на восточном побережье Хафта. Так что уж кто-кто, а Шарина прекрасно понимала их заботы. Гораздо лучше, чем визитеры могли себе представить.

Проблема состояла в том, что все двенадцать представляли точную копию мельника Катчина. Воистину посади его в конец очереди – и не отличишь от остальных. Напыщенные маленькие людишки, полные гордыни, но с мелкими запросами, узкими, как у жеманного придворного подхалима.

И, разумеется, каждый со своими интересами.

– И у нас то же самое! – подал голос делегат из прибрежного округа, на груди его туники красовался ромбоид с камбалой, вышитой серебряной нитью; брошь на бархатной шапочке повторяла рисунок. – Представляете, он спросил меня, где может купить торф для кухонной печки. Торф! Когда же я сказал, что мы топим деревом, он посмотрел на меня как на сумасшедшего! И возмущается: «Вы позволяете себе жечь дерево? » И прямо видно, как в уме подсчитывает серебряные монеты, которые можно с нас сорвать.

– Ну в точности как у нас! – эхом откликнулись делегаты, словно хор на театральной сцене. Трое тут же начали излагать собственные истории о несправедливостях, чинимых чужаками в их округах.

Восемь делегатов уже высказались сегодня. Их речи вполне можно было поменять местами или вообще сократить в несколько раз без всякого ущерба для смысла. Все сводилось к одному: «Чужаки не знают, как ведутся дела на Западе».

Разумеется, чиновник, присланный с Севера, где деревья плохо растут на болотистых почвах, не может не удивляться использованию дров, а не торфяных брикетов, вырезанных в болотах и высушенных под навесом. Но это вовсе не означает, что он не сумеет соответствовать своей должности. В конце концов, сумма налога устанавливалась исходя из местной стоимости продукции, без учета возможности вывозить и продавать ее где-то еще.

Настоящая же проблема заключалась в том, что новые чиновники Гаррика были чужими для местных властных структур, они работали на правительство в Вэллисе, а не на себя и своих друзей. Конечно, существовала возможность их подкупить – они тоже люди, в конце концов, и ничто человеческое им не чуждо. Но сборщиков налогов контролировали региональные инспекторы, сравнивавшие индивидуальные доходы различных людей в одном округе.

Кроме того, подкупить постороннего человека гораздо сложнее, чем того, кого знаешь всю жизнь. Как можно доверять человеку со странным выговором и нелепыми вкусами в еде?

Со стороны фонтана в сердце дворцового комплекса, где стояли гигантские водяные часы, раздался негромкий звон. Бронзовый кувшин повернулся на своей оси, выливая воду, перед этим наполнявшую его по капле. Тут же приставленный слуга ударил звонким жезлом. Слуги, ожидавшие в переходах, провозгласили: «Пробил пятый час! » Их голоса, подобно эху, зазвучали в переходах, повторяя по цепочке эту фразу.

Шарина встала. Трое делегатов, говорившие одновременно, замолчали, бросая друг на друга нервные взгляды. Они боялись – верно, леди Шарина собиралась окончить аудиенцию прежде, чем они успели высказаться. За месяцы подобных приемов Шарина уяснила: больше всего делегатов волновала перспектива услышать собственный голос. Не снижение налогов, не улучшение дорог, не восстановление местных пошлин, на которых они наживались от торговли и перевозки грузов через их земли…

– Дамы и господа, – сказала Шарина, по традиции кивая женщине, а затем мужчинам, – в течение последних трех часов я выслушивала ваши обращения. Я сочувствую вам и

обещаю обсудить эту информацию с руководителями, в чей круг обязанностей входят ваши дела.

По правде говоря, после трех часов общения с этими людьми Шарина теряла способность сочувствовать им, даже если бы их сварили в масле. Горничная одела Шарину как частное лицо высокого ранга. Канцлер Ройяс специально подобрал одежду таким образом, чтобы подчеркнуть непричастность Шарины к кругу придворных чиновников. Пусть не думают, что она способна как-то повлиять на решение правительства.

Шарина понимала свою задачу. Она умудрялась даже не обижаться на Ройяса, обращавшегося с ней как с глупой девочкой, с которой станется отменить региональные налоги или пообещать место в правительстве какому-нибудь шарлатану, объявившему себя незаконнорожденным сыном короля. Ройяс проявлял осторожность, а осторожный канцлер – это благо для Королевства Островов.

Проблема состояла в том, что предложенные ей одеяния были гораздо тяжелее и неудобнее, нежели придворный наряд из шелковых бежевых платьев, с полосой сбоку, указывающей ранг и положение. Светлые волосы Шарины приходилось укладывать в высокую прическу, закрепленную лентами и золотыми гребнями. Корсаж из золотой парчи туго затягивался поверх платья из тяжелого шелка с нашитыми аппликациями, изображавшими рождение и подвиги мифического героя Вала.

Чтоб как-то скрасить неудобства, Шарина решила провести встречу в водяном саду дворца. Кипарисы затеняли покрытый шифером бельведер, струи воды изо рта каменных дельфинов с плеском текли в пруд с лотосами, охлаждая воздух. Но ничто не могло сделать эту одежду достаточно прохладной! Приглядывая за хлебом в печи в середине лета, Шарина чувствовала себя комфортнее – ну или, скажем, менее неудобно. Наряд оставался жестким как броня и душным как парилка – еще одна кординская достопримечательность, которую в последнее время начала перенимать вэлисская элита.

– Я обязательно все обдумаю, – продолжала Шарина (Ройяс был бы доволен подобной дипломатичностью!), – но не могу обещать, что изменения немедленно войдут в систему управления, принятую правительством. Тем не менее…

Единственная женщина-делегат, госпожа Алатча, воскликнула:

– Принцесса, король – ваш брат! Неужели вы не можете объяснить ему, что мы заслуживаем управителя из своего собственного народа?

Внешне Алатча не слишком отличалась от своих коллег. Вот только туника доходила ей до лодыжек, а не до колен. Да с полей шляпы свисала тоненькая полоска кружева, изображая вуаль почтенной вдовы. Видимо, ее принадлежность к прекрасному полу придала ей смелости высказать протест, на который не решились мужчины.

Шарина улыбнулась, чтобы показать свою благосклонность. И даже кивнула – очень аккуратно, так как нагромождение гребней в прическе было очень тяжелым. Страшно подумать, что может случиться, если она наклонится слишком низко.

– Разумеется, я обсужу это дело с моим братом, принцем Гарриком, леди Алатча. – Слава богине, она наконец вспомнила хоть одно имя из двенадцати. – Однако спешу напомнить, что королем Островов является Валенс Третий. Мы с братом, подобно вам, – лишь верноподданные короля.

Это замечание – при всей его снисходительности – оказало неожиданное действие: остальные делегаты начали осторожно отодвигаться от Алатчи, будто у нее вдруг пена пошла изо рта. Гаррик со своими советниками, обеспечившими ему истинную власть, старательно поддерживали иллюзию, что Валенс по-прежнему является королем. Поступить иначе означало вызвать беспорядки на Орнифоле и подтолкнуть другие острова к провозглашению независимости.

Алатча, казалось, замерла в ужасе. Чтобы смягчить скрытую угрозу своих слов, Шарина сделала шаг вперед и протянула женщине руку. Алатча сжала ее с отчаянием утопающего.

– Но поскольку вы подняли данный вопрос, я передам его непременно, – сказала

Шарина. Она легонько похлопала Алатчу свободной рукой, затем высвободилась и сделала шаг назад, чтобы видеть всю делегацию. – Налоги с вас собирают люди, которых вы не знаете. И вы, возможно, слышали, или же я вам сейчас сообщу, что в течение года окружные суды с королевскими судьями начнут слушание всех дел об убийствах, а также гражданских исков по сумме более двадцати серебряных монет.

– Ого! – вырвалось у одного из делегатов. Его коллеги, кивавшие с мрачными лицами, явно уже слышали подобные разговоры. Мужчина смущенно сел. Еще двое, поднявшиеся, чтобы держать речь, тоже присели. Впервые за этот день делегаты слушали кого-то, кроме самих себя.

– Люди, которые приходят к вам, раньше служили приказчиками в домах северных землевладельцев, – сказала Шарина. – Между прочим, платят им из государственной казны. И они хранят верность государству, на которое работают, а не тому или иному дворянину.

Она замолчала, мечтая о кружке терпкого, темного эля с дубровником, который варил ее отец в своем трактире. Один глоток его охладил бы и прочистил горло.

– Но они же не знают нас! – возразил один из делегатов, тщетно пытаясь придать важность вопросу, который они повторяли на все лады в течение аудиенции.

– Им предстоит познакомиться с вами, – с нажимом повторила Шарина. – Но служить они будут королю. И если вам кажется, что вы страдаете, работая с людьми с севера, подумайте, как благородные северяне чувствуют себя, имея дело со сборщиками, прибывшими из Вэллиса. Представьте себе, сколько раз я слышала: «Вы не можете предлагать лорду Такому-то Растакому платить налоги, как простому крестьянину Западного побережья! »

Делегаты разразились довольным хохотом.

– Правда, что ли? – удивленно выкрикнул кто-то.

– Да, принц Гаррик действительно ожидает, что все высокие лорды станут платить свои налоги, – сказала Шарила. – А мореходы Вэллиса будут платить свои и следить за этим пошлют кого-то из ваших же сыновей или дочерей. Разве не справедливо?

Перекрывая общий одобрительный гул, человек с усами, делившими его лицо на две порозовевшие части, громко подтвердил:

– Ага, вот и племянник мой, Эсмон, один из них, точно! Король платит ему семнадцать «орлов» в месяц. Каждый месяц платит – холодненькими, твердыми монетами!

Во времена недавно минувшего кризиса, когда королева волшебством пыталась заполучить королевство, налоги в отдаленных регионах практически не платились. Нынешнее правительство пошло на то, чтоб оплачивать новых служащих, и тому имелось две причины. Во-первых, заговорщики, которые противостояли королеве, когда король Валенс был слишком слаб, чтобы сделать это самому, являлись людьми состоятельными. Они имели возможность поддерживать новое правительство не только своими жизнями, но и кошельками.

Вторая причина заключалась в том, что перед своим поражением королева накопила огромные богатства. Кое-что оказалось разграбленным, еще больше пропало во время восстания, сделавшего Гаррика наследником короля. Но все же большая часть сохранилась, и лорд Тадай быстро и умело определил сокровища в королевскую казну.

Правда, оставался открытым вопрос: хватит ли Тадаю честности, чтобы в дальнейшем не встать на путь личного обогащения? Но за этим зорко следил канцлер Ройяс. Во всяком случае, Тадай знал о ведущемся за ним наблюдении. Посему старался выполнять обязанности казначея таким образом, чтоб и злейший враг не подкопался.

– И Роан, младший сын Робаса, мельника в Хэлвадейле, он тоже отправился к королю в Вэллис, – подхватил второй делегат. – Остер как шило, но что бы ему делать, останься он в округе? Ты ж мельницу пополам не распилишь! И двумя семьями на доходы с одной мельницы не проживешь…

Воцарилось одобрительное молчание. Госпожа Алатча осторожно поднялась.

– Леди Шарина, вы же сможете засвидетельствовать своему брату лояльность

Западного Региона, не правда ли? – осторожно произнесла она. – Я хочу сказать, так уж повелось, что в Вэллисе люди смотрят на нас, как будто мы щетки сапожные. А мы этого не потерпим!

Некоторые представители подхватили крик «Ну нет! » или нечто подобное. Один пустился было рассказывать про некоего землевладельца, который плохо следил за своим забором, но другие немедленно одернули его.

– Тем не менее мы будем стоять за королевство, если королевство стоит за нас! – подытожила Алатча.

Мужчины вокруг нее завопили: «Эйе!» и «Слушайте, слушайте!» – так, что, казалось, от голосов рухнет крыша. Слуги и мелкие чиновники, проходившие вблизи, вытягивали шеи, желая посмотреть, что происходит. Здесь, в Вэллисе, привыкли, что многоголосые крики скорее означают мятеж, нежели воодушевление и ликование.

Шарина про себя вздохнула с облегчением. Наконец-то встреча завершилась. Она успела ощутить некое родство с посланцами, такими же крестьянами, как и она сама. Люди остались довольны, что с ними обошлись честно.

Обычно посетители, приходившие к леди Шарине, – те, которых Ройяс и Тадай не допускали к Гаррику, – мало заботились о том, что честно или же просто необходимо Королевству Островов в условиях нынешнего кризиса. Как правило, они стремились оттяпать побольше для себя. Их представления о справедливости формулировались просто: весь мир и уж тем более королевство должны давать им все, что они захотят.

– Госпожа Алатча, – произнесла в заключение Шарина, – господа, я буду рада заверить моего брата, что Западный Регион лоялен. Со своей стороны не стесняйтесь обращаться к своему правительству лично, как сегодня, или в письменной форме. Но я также прошу вас проявить терпение и помнить: тяжесть, которую вы несете на своих плечах, – во благо королевства.

Шарина задумалась о том, как тратятся королевские доходы. Она подозревала, что существует возможность уменьшить огромное количество слуг, с важным видом слонявшихся по дворцу… Хотя кто она такая, чтоб судить? Ее отец превратил постоялый двор в преуспевающее заведение, где ничего не пропадало зря. Теперь он управлял делами сына, и она представить себе не могла, чтобы он изменил своим принципам.

Требования дворца выходили за рамки простой эффективности. Он должен был соответствовать представлениям большого количества людей – вроде сегодняшней делегации или посольств с других островов. Возможно, армия слуг-бездельников столь же необходима, как и дорогие одеяния Шарины. Сама-то девушка вполне удовольствовалась бы простой шерстяной туникой и босыми ногами. Интересно, а что бы сказала госпожа Алатча, если бы Шарина выглядела как крестьянка?

Она улыбнулась. Делегаты отнесли улыбку на свой счет и, довольные, распрощались. На самом деле Шарина думала о том, как хорошо было бы переодеться в тунику и снять высокие котурны, которые отягощали ее ступни.

Церемониймейстеры, появившиеся невесть откуда, стояли наготове. Они проводили посетителей назад, к дворцовому входу. Надо бы поинтересоваться, как обычно невидимые слуги появляются в нужный момент.

Делегаты медленно откланялись и ушли, переговариваясь между собой. Госпожа Алатча обернулась и помахала рукой, прежде чем обойти искусственный пруд, в центре которого возвышался заросший ивняком остров. Все ее спутники остановились и сделали то же самое. Шарина бросила холодную улыбку и махала им в ответ, пока последний из двенадцати не исчез.

Безмолвно появилась горничная по имени Диора. Шарина опустила руку и тихо проговорила:

– Никогда в жизни не смотрела на заросли ив с таким удовольствием…

– Миледи? – переполошилась испуганная горничная, не вполне уловившая смысл этих слов: ведь неизвестно, как господа отреагируют на твое непонимание. Даже в Барке

случайный торговец или гуртовщик мог отвесить оплеуху слуге, не выполнившему его приказания.

Правда, повторить свой подвиг драчуну не удавалось. Пока широкоплечий Гаррик ор-Рейзе распоряжался на постоялом дворе своего отца, любой житель Барки мог спрятаться за его спиной. Посему охранникам высокопоставленного гостя – ежели они сами себе не враги – приходилось мириться с тем, что их зарвавшегося хозяина укладывали лицом в компостную кучу за трактиром.

– Все в порядке, Диора, – отмахнувшись сказала Шарина. – Я просто разговариваю сама с собой. Помоги мне лучше распустить волосы. Боюсь, от остального маскарада не избавиться, пока не доберусь до своей комнаты.

Она собиралась увидеться с Кэшелом, как только переоденется. И дело не в том, что он мог как-то помочь ей. Шарина хихикнула, представив себе, как Кэшел тащит ее в покои, словно мешок с шерстью. Его силы хватило бы, чтобы поднять двух таких, как она, даже в ее тяжелых одеждах. Вот только как бы отреагировали на это окружающие? Пожалуй, это вызвало бы такой же скандал, как если бы леди Шарина решила раздеться до льняной нижней туники прямо здесь, в бельведере. Люди повсюду одинаковы: их больше беспокоит то, как вещи выглядят, чем реальное достоинство или непристойность происходящего.

Диора быстрыми пальцами выдернула гребни. Шарине претила мысль иметь слуг, но выбирать не приходилось. Она не могла самостоятельно надеть это одеяние, как не смогла бы в одиночку грести всеми ста семьюдесятью веслами триремы.

Диора – тихая, приветливая девушка – хорошо знала свое дело. К тому же она была истинное дитя Вэллиса, что являлось весьма важным для Шарины. Она могла провести свою госпожу через подводные камни придворной жизни. Без такой помощницы Шарина пропала бы, как, впрочем, пропала бы эта Диора, окажись посреди Хафтских лесов.

– Ах, миледи… – нерешительно промолвила Диора, когда последний гребешок был вынут легким движением и волосы Шарины свободно упали на спину. Маленькие золотые монетки звякнули друг о друга негромко и мелодично. – Не могли бы вы уделить минутку, чтобы поговорить с… некими людьми?

Шарина почувствовала желудочный спазм. У нее не оставалось больше сил…

Но придется. Она должна была выполнять свою работу, покуда остается в Вэллисе. Это ее долг.

– Что же это за некие люди, Диора? – Шарина попыталась придать своей интонации оттенок дружеского любопытства. Она направилась по дорожке к своим покоям. Горничная проскользнула вперед и взяла Шарину за локоть свободной от мешочка с расческами рукой. Шарина не ощущала своих ног под этими жесткими, пышными одеяниями, поэтому что бы не упасть, нуждалась в проводнике.

Недавно нанятые садовники восстанавливали разрушенное в годы разрухи, но работы оставалось еще очень и очень много Корни величественного вяза выступали поперек дорожки. Рабочие сложили плиты с одной стороны и насыпали песка с другой, но не успели его разровнять над корнем и уложить плиты.

– Сюда, выше, миледи, – громко подсказывала Диора. – Выше – вот так, теперь левой, и опять выше… Вот! Вы прошли его, миледи.

Как только сложный участок остался позади, Диора выпустила руку хозяйки. Горничная продолжала идти впереди, пока они пробирались меж клумбами цинний, радующих глаз живыми и нежными цветами. Шарина не видела лица девушки.

– Дело в том, миледи, что эти люди – мои старые соседи. Из Мостового Округа, где я жила, прежде чем получила место во дворце.

– А, – сказала Шарина без энтузиазма. Она даже не знала, где находится Мостовой Округ – возможно, на юге, на реке Белтис, потому что там находился единственный мост. В Вэллисе имелось три округа на западном берегу реки, Шарина знала это, но с остальными пятнадцатью округами их соединяли только паромы и маленькие лодки.

– Понимаете, миледи, их никто не хочет выслушать! Моя маменька с ума сходит от

тревоги! И я сказала, что вы – настоящая леди, а не просто раскрашенная статуя… и возможно, вы смогли бы уделить минутку вашего времени…

В волнении девушка заговорила быстрее, глотая слова. Такой говор слышен на улицах Вэллиса, но не здесь, во дворце – святилище культуры.

Шарина слабо улыбнулась. Сама она старалась избегать певучих хафтских интонаций в речи. Именно они отличали ее от окружающих, хотя никто не посмел бы сказать ей это в лицо.

Шарина стерла недовольную гримасу с лица. Наверное, она осчастливила бы делегатов из Западного Региона, объявив им, что завтра реки потекут вином, а пироги будут расти на деревьях. Но стоило ли обнадеживать их несбыточными посулами? Важно то, что леди Шарина выслушала их, поговорила с ними, и они могли унести память об этом в свои округа с такой радостью, как будто их одарили мешком золотых монет прямо с королевского двора. Девушка знала, что делает важное дело, но ощущала в себе такую опустошенность, будто пыталась метлой остановить прилив.

А теперь еще и горничная приводит к ней делегатов. Что ж, Рейзе воспитал в своих детях чувство долга.

Диора отважилась бросить взгляд через плечо: молчание госпожи встревожило ее. Они почти дошли до покоев Шарины – несколько маленьких аккуратных комнат вокруг центрального атриума с небольшим бассейном, блестевшим в солнечном свете. Из-за жаркой погоды привратник снял стеклянный экран, обнажив кувшинки, среди которых плескался карп с ажурными плавниками.

Шарина хотела было спросить, нельзя ли ей сперва переодеться, но побоялась оскорбить родственников и друзей Диоры – будто они менее важны, чем только что ушедшие делегаты. В ее задачу входило создавать у людей хорошее мнение о правительстве.

Что поделать, сегодняшний день выдался ужасным. Впрочем, Шарина и так чувствовала себя несчастной. Не умрет, если помучается еще часок-другой.

– Конечно, я приму твоих соседей, Диора, – сказала Шарина. – Твоя мать тоже пришла?

– О нет, госпожа! – изумилась Диора. – Ей и в голову не пришло бы вмешиваться в такие дела. Я велела прислать шестерых самых главных мужчин, они сейчас ожидают… Это ведь правильно?

– Ну разумеется, правильно, – успокоила ее Шарина. Очевидно, сама Диора не чувствовала нелепости положения: лишь мужчины могли встречаться с Важной Персоной… которая сама являлась женщиной. Это позабавило Шарину, в результате, входя в холл навстречу посланцам из Мостового округа, девушка улыбалась.

Делегаты ждали в атриуме, прислонившись к расписной стене. Привратник Шарины наблюдал за ними с подчеркнуто безразличным выражением лица, готовый прогнать незваных гостей, если их присутствие вызовет неудовольствие леди Шарины. Несчастные горожане чувствовали себя неуютно – вряд ли они больше напугались, если бы их бросили реальным грифонам и химерам, нарисованным на черном фоне за их спинами.

– Добрый день, господа, – с улыбкой произнесла Шарина, рада познакомиться с друзьями Диоры. С первого дня моего пребывания здесь она стала моим незаменимым помощником.

Прокатился общий вздох. Шарине показалось, что большой парень с рубцами ожогов от искр на предплечьях – несомненно, кузнец – чуть не упал в обморок от облегчения.

– Господин Альсвинд, – представила Диора старшего из мужчин, тот сдержанно кивнул. На нем была пурпурная туника, явно подаренная каким-нибудь знатным вельможей лет двадцать назад. С тех пор Альсвинд поправился фунтов на сорок, и попытайся он отвесить полноценный поклон, туника попросту лопнула бы по швам.

– Господин Риххольф, господин Альдерн, господин Дьюдо (кузнец), господин Демерас и Арперт, церковный служка.

Шарина отважилась на легкий поклон, единственное движение, которое позволял ее жесткий корсаж. Увы, Альсвинд являлся не единственным пленником своих одежд.

– Рада встрече, господа. Не угодно ли присесть?

По обе стороны от двери стояли скамьи с полосатыми сиденьями и бронзовыми ножками. Шарина сделала жест в их сторону.

Делегаты выглядели смущенными.

– О, мы никогда не посмеем сидеть в вашем присутствии, госпожа! – произнес Риххольф, грузный мужчина. На плечах у него висела пелерина с капюшоном – должно быть, ужасно неудобная в такую погоду. К тому же не маскирующая полностью заштопанную дыру от моли на груди туники.

– Она не госпожа, птичьи твои мозги! – прохрипел сзади Дьюдо. – Она леди!

Шарина указала на скамейки.

– Сядьте, – велела она. Ей не раз доводилось управляться с буянами в обеденной зале отцовского трактира. Горе тому, кто не умел себя вести.

Шарина сделала шаг в сторону, чтобы освободить делегатам подход к скамейкам. Произошла заминка, пока они решали, кому из них где сидеть. Диора нашла решение, указав места, по трое на скамью, и громким шепотом выкликая имена.

Усевшись, они замолчали. Совершенно очевидно, что жители Мостового Округа придерживались концепции мужского главенства, посему не было ничего странного в том, что женщина ожидала решения мужчин, явно лишенных даже капли здравого смысла.

– Мастер Арперт, – наконец предложила Шарина, – начинайте. Объясните, зачем вы хотели меня видеть.

Арперт открыл рот, закрыл его и беспомощно оглянулся на своих товарищей.

– Говори, тебе леди велит! – прохрипел Дьюдо. – Да поможет мне…

– Хорошо, – сказал Арперт, внезапно собравшись. – Мы пришли сюда, леди, потому что никто не желает нас выслушать. А девушка Ганны, Ора…

– Диора, – шепотом поправил его Альсвинд. Бедняге удалось опуститься на скамью, не пожертвовав при этом туникой, зато теперь он сидел выпрямившись, будто его на кол посадили.

– Ну да, Диора, – согласился Арперт. – Она сказала, будто вы принимаете людей, которых никто больше не слушает, и что вы сможете нам помочь. Это касается моста. Его там быть не должно, но он опять есть. Ночью. И эти звуки, и чем дальше, тем хуже…

– Народ напуган до смерти, – вступил другой мужчина, кажется, Демерас, но Шарина не назвала бы точно его имя даже под страхом смерти. Она устала, и за последние три месяца звучало слишком много имен. – Я имею в виду не только старух и младенцев.

– А Городской Дозор… они говорят, что это не их дело, и просто держатся в сторонке, – добавил Арперт. – Впрочем, они почти всегда так поступают. Кого волнует, что в Мостовом Округе грабят? Вот как они к этому относятся.

Мужчины мрачно кивнули друг другу. Шарина прикусила язык, чтобы не завопить от отчаяния. Если эти болваны так же мямлили и на Дозорном пункте, то неудивительно, что часовые выгнали их взашей!

Но Шарине это показалось нечестным. Негоже так поступать с людьми. Тем более что Арперт и его товарищи отнюдь не являлись беднейшими из бедных – сами-то они, скорее всего, вообще не считали себя бедняками; их сбережений наверняка хватало, чтоб, например, в Барке считаться зажиточными фермерами. Однако здесь, во дворце, они выглядели напуганными и чувствовали себя совершенно не в своей тарелке. Девушка понимала, что просто застала этих людей не в лучший момент.

Совесть подсказывала ей: нужно им помочь, если, конечно, она хочет закончить аудиенцию до следующего утра.

– Так вы говорите, что там не должно быть моста, – принялась допытываться она. – Но почему? Вы ведь живете в Мостовом Округе…

– Да нет, госпожа, все изменилось еще сотни лет назад… – Риххольф снова перепутал обращение, но Дьюдо, захваченный более серьезными мыслями, не поправил его на этот раз. – Мост стоял там во времена Старого Королевства, но рухнул незнамо когда. На нашем

берегу еще сохранились руины, а на левом даже их смыло наводнениями, еще когда Иснард Лысый был городским поверенным и пытался стать королем.

Три поколения назад, перевела про себя Шарина. Большая часть библиотеки, привезенной Рейзе в деревню Барка, являлась классикой Старого Королевства, написанной тысячу и больше лет назад. Однако там имелось и несколько книг по современной орнифольской истории, поскольку сам Рейзе был родом с этого острова. Шарина знала, что отец когда-то служил дворцовым управляющим – еще до того, как сбежал на Хафт по причинам, о которых никогда не рассказывал детям.

– Ну вот, а теперь мост возвращается по ночам, – серьезно заключил рассказ тот, которого она определила как Демераса. – Ну, может, не сам мост, а что-то еще… светится таким синим цветом, вообще ни на что не похожим!

– Так, подождите, – сказала Шарина и окликнула своего привратника: – Броджиус! Отправьте, пожалуйста, посыльного к госпоже Теноктрис и скажите ей, что мне требуется ее совет по весьма неотложному делу. Еще лучше – сходите сами. Я хочу, чтобы Теноктрис выслушала этих граждан.

– Да, миледи, – ответил Борджиус. Он замешкался всего на минутку, чтоб поставить свой церемониальный топор – его двойное лезвие из желтой меди было выполнено в форме орлиных голов, символа Орнифола, – и кинулся выполнять поручение.

За дверью в коридоре раздался какой-то шум. Спустя мгновение по мозаичному полу прихожей прошуршали сандалии. Шарина разгневанно обернулась. Если кто-то, воспользовавшись отсутствием привратника, решил войти к ней без предупреждения, то его ожидает неприятное открытие. Шарина не нуждается в слугах, чтобы избавиться от непрошеных гостей.

Броджиус показался в дверях в сопровождении похожей на птичку женщины в зеленых шелковых платьях.

– Миледи, – пояснил он, – она как раз шла…

– Чтобы встретиться с тобой, Шарина! – сказала Теноктрис, следуя за привратником со своей обычной ясной улыбкой. – Я надеялась, что вы с Кэшелом – а возможно, и твой брат – пойдете со мной и поможете отыскать нечто весьма меня волнующее.

Теноктрис выглядела миниатюрной женщиной лет семидесяти – и лишь посвященные знали, что ее забросило в эту эпоху из тысячелетней древности. Искорка ее личности освещала любое собрание, где она появлялась. Вот и сейчас она оглядела людей на скамьях по сторонам и добавила:

– Но я не хотела врываться. Позволь мне подождать…

– Нет-нет! – возразила Шарина, взяв женщину за руку. – Господа, – обратилась она к застывшим в ожидании мужчинам, – перед вами волшебница Теноктрис. Это за ней я посылала, дабы вы могли пересказать ей то, что сообщили мне.

Она прочистила горло, с благодарностью вбирая тепло руки пожилой женщины. От рассказа Дьюдо у нее мурашки по коже побежали.

Девушка понимала: лишь злое волшебство могло породить этот мост из мерцающего синего света. А Шарина навидалась достаточно колдовства, чтобы представить, какие ужасные опасности оно могло навлечь на Королевство Островов.

* * *

Илна ос-Кенсет стояла в своем саду и ткала летопись о знакомых ей людях, павших жертвою злой магии. Ее пальцы быстро и абсолютно безошибочно двигались вдоль челнока двойного станка.

Другой ткачихе пришлось бы полностью сконцентрироваться над таким сложным узором. Илна же предоставила пальцам самим захватывать нити, в то время как она отдалась размышлениям о дороге, приведшей ее сюда.

Существовало столько вариантов переплетения, сколько было нитей в основе ткани. Но каждый узор определял лишь один, единственно верный, путь создания. Илна считала, что это справедливо и для человеческих судеб. Она не жаловалась на подобное положение вещей, но порой позволяла себе задуматься: как сложилась бы ее жизнь, если б ей был предначертан другой узор?

Пальцы продолжали порхать над изделием, гобелен вырастал с уверенной легкостью морского прилива.

Илна была красивой, темноволосой и миниатюрной девушкой. Издалека вы бы определили ее просто как хорошенькую. Вблизи же – особенно если заглянуть в ее глаза – становилось ясно: Илна прекрасна опасной, острой красотой, подобной острию меча.

Глаза ее казались чистыми озерами, в которых отражалась сама Истина. И если вас пугает эта истина, которую удалось разглядеть Илне, то лучше вам бежать подальше от ее глаз. И как можно скорее.

Илна была искусной ткачихой, прежде чем подчинилась Злу и приобрела нечеловеческие способности. В конце концов девушке удалось спастись от Зла, но выкинуть воспоминания о своих прежних поступках она так и не смогла. При ней остались и способности, приобретенные в Аду.

Каждая нить имела свою историю, которую Илна вдыхала, как аромат цветов в саду. Барашки резвились на склоне, возвышающемся над прудом, берег которого был истоптан в грязь. Пастух склонился над трехструнным ребеком и пел своему стаду…

Гаррик раньше играл на свирели. Часто, стоя за станком на мельничном дворе, Илна слышала чистые, приятные звуки, успокаивающие овец на лугу.

Все это осталось в другой жизни, которая безвозвратно миновала. Даже если бы приливы времени и пространства не вынесли волшебницу Теноктрис на берег у деревни Барка, вряд ли будущее сложилось бы по желанию Илны. Гаррик – сильный, красивый, получивший завидное образование, о котором даже столичная молодежь могла только мечтать, никогда бы не женился на неграмотной крестьянке Илне ос-Кенсет.

У ворот раздался повелительный стук. Охранник открыл зарешеченное окошко и заговорил с посетителем.

Ее жилище в дворцовом комплексе состояло из трех комнат и крошечного атриума, окруженного роскошным садом, где Илна работала в хорошую погоду. Работы по дому хватало, но девушку это не пугало. У себя дома, в Барке, ей приходилось содержать в образцовом порядке половину мельницы, а уж там места куда как больше.

Те горничные, что Илна встречала в Вэллисе, были по большей части неряхами. Да даже если и не так, ей все равно не хотелось видеть посторонних в своем доме. Посему они с Кэшелом слуг не держали.

Правда, на воротах стояла стража. По личному распоряжению принца Гаррика пара Кровавых Орлов постоянно несла дежурство, сменяясь каждые четыре часа.

Илна попробовала возражать. Гаррик вежливо выслушал ее и объяснил: покуда его друзья живут во дворце, они находятся в опасности. Именно потому, что они его друзья, Илне – так же как Лиэйн, Шарине и Теноктрис – надлежит иметь охрану, независимо от их мнения по этому поводу. У него и самого имелась охрана.

Слава Госпоже, хоть к Кэшелу он не приставил стражников. Улыбка пробежала по лицу Илны – нечастый случай – при мысли о паре Кровавых Орлов, пытающихся защитить ее брата лучше, чем он сам мог бы это сделать.

Перебранка у двери продолжалась: люди рвались внутрь, а стражники возражали – пока негромко, но с нарастающим раздражением. Можно было бы предоставить Орлам разбираться с незваными гостями, но, очевидно, те пришли по делу, а Илна не привыкла перекладывать свои обязанности на чужие плечи.

Она захлопнула крышку станка и шагнула из прохода, отделенного витыми колоннами, в атриум.

– Я выясню, в чем тут дело, – резко бросила она охранникам.

Кровавые Орлы носили шлемы и нагрудники из железных чешуек поверх стеганых кожаных жилетов. Костюм получался жарким, неудобным и, возможно, излишним. Но так уж заведено: стражники первыми появляются там, где происходит что-то невероятное. Они обязаны находиться во всеоружии. Одному из Орлов, седому, было уже за пятьдесят, но похоже, старшим по званию являлся его молодой товарищ.

Он вместо того чтобы посторониться, захлопнул окошко и доложил Илне:

– Прибыли Глава Храма Пастыря-Заступника и двое его советников. Желают увидеть вас, госпожа. Как нам следует поступить?

Илна усмехнулась: «Интересно, а если я прикажу выпотрошить посетителей прямо здесь, в саду, выполнят они мою волю? » Солдаты внушали ей опасения не в силу своей способности творить ужасные вещи, а из-за готовности делать это по чужому приказу.

Подразделение Кровавых Орлов несло службу в королевском дворце, но одновременно являлось, так сказать, школой молодого бойца, откуда молодые офицеры поступали в действующую армию. Ее старший охранник уже никуда не отправится. Вместо этого он носил черную форму телохранителя – очевидно, потому что был храбрым, законопослушным, натасканным солдатом, но, увы, мозгами он вряд ли превосходил крупную сторожевую собаку.

Вот более молодой относился совсем к другому сорту: конечно, бывалый солдат (иначе Кровавым Орлом не станешь), но проворный и амбициозный. Надо думать, при том расширении Королевской армии, которое затеял принц Гаррик, парень очень скоро пойдет в гору.

Но при всем различии их объединяла готовность убивать совершенно незнакомых людей – просто потому, что им приказано. Возможно, в них есть необходимость – как в острых ножах на кухне, однако Илна предпочла бы не видеть их поблизости.

– *Я* сама займусь посетителями, – спокойно сказала она, отодвинула засов и открыла дверь.

А если уж действительно решу, что их следует выпотрошить, то справлюсь с этим самостоятельно.

Илна могла вынести исключительно точное суждение о состоянии и социальном положении людей по их одежде и внешнему виду. Троица, стоявшая у ее ворот, относилась к процветающим дельцам, но отнюдь не к высшему свету. Хотя все они одевались по вэлисской моде – в многослойные туники с кушаками из цветного шелка, девушка сразу определила, что лишь их предводитель, бледный, похожий на покойника мужчина был родом с Орнифола.

– Я Велайо ор-Элвис, Глава Храма Пастыря-Заступника, – представился он, вскинув руку в напыщенном жесте.

Коренастый мужчина справа от него поспешно отпрянул, чтобы не попасть под руку; он проворчал что-то, глядя на Велайо.

– Мои спутники – советник Кассис и советник Эрманд, – продолжил Велайо чуть сдержанней. – Мы пришли обсудить с вами гобелен, на котором вы изображаете облик Пастыря-Заступника.

Лицо Илны не изменилось, пока она решала, что делать с незваными гостями.

– Входите, – пригласила она их мгновение спустя, отступая на шаг, чтобы полностью открыть дверь. – Но предупреждаю, вы пришли напрасно. Я уже сообщила вашему клирику, что закончу работу завтра. Запомните: вы избавите себя от ненужных хлопот, если уясните: обычно я имею в виду именно то, что говорю.

Коренастый советник, Кассис, носил тунику с длинными рукавами, чтобы скрыть татуировки на руках. Когда-то он служил морским капитаном, но с тех пор, очевидно, завел какое-то дело на берегу, раз заседал в Совете при Храме.

Эрманд был совсем из другого теста. Он протянул руку жестом придворного – ладонью вниз, позволяя Илне коснуться ее кончиками пальцев.

Этот человек прямо-таки лучился легким очарованием. Понятно, каким образом он

добился своего нынешнего богатства.

Илна предпочла проигнорировать протянутую руку.

– Ну что ж, проходите и садитесь, раз пришли, – сказала она, поворачиваясь к гостям спиной. – Могу предложить вам воды или хорошего эля. Еще есть хлеб и сыр, но уверена: во дворце вы сможете найти что-нибудь поизысканней…

Обстоятельства вынуждали Илну жить в обществе людей, не умеющих слушать и попусту тратящих свое время. Она пыталась приспособиться к такому обществу, но это быстро надоело ей. Иной раз она чувствовала себя челноком, летающим над нитями основы: он создает узор, но не способен стать его частью.

Более того, порой Илна гадала: каково это – не быть одинокой, но получить ответ на свой вопрос она уже не надеялась.

Озадаченные советники последовали за хозяйкой. Эрманд нервным жестом сплетал и расплетал пальцы. Охранники закрыли и заперли за ними двери, затем незаметно удалились за бисерную занавесь в темном углу комнаты – оттуда можно было наблюдать за тем, что творится в освещенном солнечным светом атриуме.

Две плетеные табуретки составляли скудную обстановку помещения. Имелась еще пара табуреток в спальнях, но…

– Выйдем в сад, – вслух решила Илна. – Там, у стены под колоннадой, есть скамейки.

Они вышли через заднюю часть атриума: трое мужчин следом за девушкой. Она не очень хорошо понимала, что они делают здесь, зато прекрасно знала, кто они такие.

Обдумав предварительно свой мемориальный гобелен, Илна отправилась за советом к Лиэйн бос-Бенлиман. В принципе и другие могли бы объяснить ей, как работает храмовая бюрократия в Вэллисе. Но Илна обратилась именно к Лиэйн, девушке Гаррика. Тем самым она словно приносила извинения за беспричинную злость, которую чувствовала к сопернице. Ведь Лиэйн не виновата, что обладала и культурой, и образованием, которых так не хватало крестьянке Илне…

Советники осторожно расселись. По обе стороны от каменной скамьи росли грушевые деревья, создавая живую ширму. Их ветви переплетались в колючую сеть, к которой нельзя было прислониться.

Илна стояла, положив руку на станок и глядя на гостей. Советы при храмах обеспечивали положение людям, которые не смогли получить его по рождению и воспитанию и которым не хватало денег, чтобы войти в высший свет. В обязанности советников входило следить за состоянием самого храма, а также культовой статуи, стоявшей в нем. За это им дозволялось носить богатые одеяния во время церемоний и устраивать ежегодный банкет при храме.

– Желаете прохладительные напитки? – предложила Илна.

Не так давно ее ужасно бы разозлила необходимость терять дневное время (когда свет позволял работать) на пустые разговоры. После возвращения из Ада она могла при необходимости ткать и в темноте. Испытывая все же легкое раздражение, она решила держать себя в руках и особо не изливать его на посетителей.

Велайо остановился у станка, разглядывая центральную часть триптиха, которую Илна почти закончила. Советники со своего места могли рассмотреть лишь небольшой участок рисунка.

– Вы ткете гобелен, госпожа! – с удивлением в голосе спросил Велайо.

– Конечно, – ответила Илна. – Я же договорилась об этом с вашим клириком месяц назад: занавес с изображением Пастыря, в память о спасении Вэллиса от Чудовища. Разве вы пришли не по этому поводу?

Советники уставились на нее, а Илна глядела на них и прикидывала: неужели у нее такое же глупое выражение лица? Непонятно, а что они собирались получить, если не…

– Но мы думали, вы нанимаете людей, госпожа! – сказал советник Кассис. – Никак не предполагали, что вы собираетесь выткать часть гобелена самостоятельно.

Илна холодно улыбнулась. Теперь она поняла причину замешательства.

– Я все тку сама, господин Кассис, – пожала она плечами. – Уверю вас, я умею это делать. Я обещала вашему клирику подготовить уникальный занавес и выполню обещание. Завтра к назначенному времени полотна будут соединены, и вы сможете увидеть законченную работу. Пусть она самостоятельно скажет за себя.

Кассис нахмурился и облизал губы. Илна вдруг подумала, что, возможно, бывший моряк самый умный из всей троицы. Он присматривался к ней, как наблюдал некогда за облаком на горизонте: не принесет ли оно смертоносный шторм?

Велайо прокашлялся и сказал:

– Впрочем, не важно, кто делает занавес, который нас интересует, госпожа. Но, видите ли, по традиции инициатор подношения храму в дальнейшем обеспечивает содержание дара в подобающих условиях. А мы пока не получали известий от ваших банкиров.

– Изделие такого размера требует дорогого ухода, госпожа Илна, вы же понимаете, – елейным голосом вставил Эрманд. Он озарял ее фальшивой улыбкой, которую явно годами оттачивал на богатых женщинах. – Наверняка вы захотите самый лу…

Эрманд замолк на полуслове, выражение его лица изменилось. Должно быть, он впервые взглянул Илне в глаза.

– У меня нет банкира, господин Велайо, – любезно сказала Илна. – По крайней мере здесь, в Вэллисе. Есть деньги… много денег… люди… я могла бы их вызвать из Эрдина… но дело не в том.

Илна старалась не злиться – это единственно, чего она боялась. Тем не менее по мере того, как она говорила, голос девушки становился все жестче.

– Я предлагала подарить вашему храму занавес, который напоминал бы всем верующим о спасении города и о принесенных для этого жертвах. Чрезвычайно сожалею, если вы умудрились меня не понять. А теперь, господа, всего вам хорошего… поскольку мне еще – нужно работать, чтобы выполнить свою часть сделки.

Для вящей убедительности Илна прищелкнула пальцами, будто подцепляя советников крючком. Они поспешно вскочили, но Велайо остался сидеть.

– Госпожа, – учтиво сказал он, – вы проживаете во дворце. Я понимаю, у вас может не быть денег, но…

Кассис стиснул его локоть в тщетной попытке остановить дурака, пока тот не проболтался. Поздно…

– … неужели ваш покровитель…

Илна, подобно Кассису, уже знала окончание фразы. Она достала из левого рукава моток нитей, который постоянно носила при себе. Ее пальцы сплели узор с той же быстротой, с какой вода пробивается сквозь речные пороги.

– … не согласится обеспечить потребный фонд, если вы попросите…

Девушка шагнула вперед и поднесла свою плетенку прямо к лицу Велайо. Он попытался вскрикнуть, но звук застрял у него в горле. Изо рта пошли пузыри. Веки замерли, не способные моргнуть. Никто из его спутников не пошевелился, не произнес ни слова.

Содрогнувшись, Илна сжала узор в руке и отступила.

В лучах летнего солнца от нее исходило мерцание. Она слышала, как рвало приходящего в себя Велайо.

Обращаясь к станку – несколько мгновений она не решалась посмотреть Велайо в лицо, – Илна произнесла:

– У меня ужасный характер, мастер Велайо. Я до сих пор расплачиваюсь за то зло, которое совершила в прошлом в приступах гнева.

Прочистив горло, она обернулась. Кассис поддерживал Велайо, чтобы тот не сполз на землю.

– Вам только что довелось увидеть, куда мой гнев отправит любого, назвавшего меня шлюхой, – сказала Илна. – Но не стоит пугаться: я больше не позволяю гневу владеть мною.

Она откашлялась, поперхнувшись произнесенной ложью.

– Ведь вы же не собирались меня оскорбить, не так ли?

Велайо покачал головой. Говорить он не мог, и ему пришлось прикрыть руками глаза, прежде чем в них исчезло ощущение стеклянной сухости.

Кассис нервно пихнул Эрманда локтем, направляя его к выходу. Велайо он повел туда же.

– Мы оставляем вас наедине с вашей работой, госпожа, – произнес он самым вежливым и любезным голосом (так лавочник говорит с богатым клиентом). – Смею уверить вас, что с пожертвованием проблем не будет. Нам не составит труда найти покровителя, профинансирующего вашу работу.

– Жду вас завтра, – с трудом ответила Илна. У нее тоже пересохло в горле. Она была потрясена своей реакцией, которую обычно не позволяла себе проявлять.

Ей не место в этом мире! Кто дал ей право вести себя подобным образом? Не ее это дело исправлять дурное поведение людей. Да, она обладала силой, но использовать эту силу против обычных людей – это все равно что пытаться починить молотком любую поломку. Иногда молоток – подходящий инструмент, но чаще он только усугубляет проблему.

Стражники вернулись в атриум, когда Илна вывела гостей через заднюю калитку. С непроницаемыми лицами они открыли дверь советникам. Если у Кровавых Орлов и было свое мнение о происходящем, то они профессионально держали его при себе.

– Почему нас никто не предупредил, что она маг?! – заныл советник Эрманд, едва они переступили порог.

Илна, все еще стоявшая за станком, благодаря своим способностям могла видеть сквозь опоры дома. Она безмолвно смотрела в спину потрясенным людям, удалявшим по аллее из грушевых деревьев.

Слуга с жезлом из черного дерева, знаком церемониймейстера, поспешил обогнуть троицу по дороге к жилищу Илны. Кровавые Орлы также заметили его. Молодой повернулся, вопросительно глядя на Илну.

– Да, конечно, я приму его, – кивнула она в ответ на невысказанный вопрос стражника. Пошла в атриум. Не так уж много людей, имевших в посланниках церемониймейстера, претендовали на ее время.

Королевский слуга достиг порога. Ему еще не случалось доставлять Илне сообщений, поэтому он ожидал увидеть привратника. Встретив двух Кровавых Орлов и настороженную девушку, одетую слишком просто для дворцовой служанки, он замер в нерешительности.

Наконец, глядя мимо Илны на пустой интерьер дома, церемониймейстер объявил:

– Леди Теноктрис просит госпожу Илну ос-Кенсет срочно присоединиться к ней и ее друзьям в апартаментах принца Гаррика. Немедленно… если ей это будет удобно.

Илна кивнула. Последние слова означали, что Теноктрис не считает сложившиеся обстоятельства – в чем бы они ни заключались – критическими. С другой стороны, старая волшебница не стала бы собирать Илну «и своих друзей» ради одной только светской беседы.

При мысли о Теноктрис девушка слабо улыбнулась. Да уж, пожилая дама еще меньше подходила для жизни во дворце, чем сама ткачиха.

– Конечно, – сказала Илна. – Раз уж вы здесь, помогите нам, пожалуйста, внести станок внутрь на случай дождя. Он двойной ширины, поэтому очень громоздкий.

Церемониймейстер открыл рот, но сказать ничего не успел. Старый Кровавый Орел сжал его плечо мозолистой от меча ладонью.

– Давай, это твоя работа, парень, – произнес он с северным акцентом. – Так же как и наша. Ты эту красивенькую палку поставь и пойди помоги нам. А потом можешь сидеть на заднице хоть весь остаток дня.

Илна быстро вернулась к рабочему месту, чтобы закрепить челнок, прежде чем будут двигать станок. И услышала, как старый солдат за ее спиной добавил хриплым шепотом:

– Если, конечно, ты не предпочитаешь до конца своих дней прыгать зеленой жабой. И это еще не худшее, что с тобой может случиться, если будешь выпендриваться вместо того, чтобы помочь леди. Понял?

Илна вздрогнула, но сделала вид, что не слышала комментария.

Глава 2

Тело Гаррика продолжало спать на скамье в зале заседаний, но его сознание отделилось и покинуло здание. Он совершенно не контролировал свои движения и даже не задумывался об этом: юноша считал, что видит сон.

Ноги привычно отмеряли широкий шаг, но двигался он гораздо быстрее обычного человека, перемещаясь не только в пространстве. Места казались знакомыми, но многие из них располагались не в Вэллисе, а в Барке… а то и вовсе за пределами обычного мира.

Люди, которых встречал Гаррик, выглядели тенями, но тем не менее они обращались к нему, а он отвечал. Однако даже своих собственных слов не слышал.

Впервые с того момента, как отец вручил ему коронационный медальон короля Каруса, Гаррик остался наедине с собой. В тот момент, когда старинный золотой диск оказался на груди Гаррика, они с Карусом оказались связаны теснее, чем близнецы или супруги, разделяя друг с другом каждый миг жизни. Но теперь…

Юноша потянулся к медальону. Тот по-прежнему лежал на груди спящего. Тогда он расправил плечи и позволил сновидениям унести себя в неведомую даль.

Он достиг моста и ступил на него. Позади остался Вэллис, вдали же… что? – Гаррик не мог с уверенностью определить. Временами юноша видел сияющие стены, в других видениях те же здания лежали в руинах. Поверхность под ногами была тверже камня, хотя Гаррику казалось, будто он идет по светящимся голубым линиям – волшебному бесплотному свечению.

Гаррик добрался до дальнего конца моста. Там стоял день, хотя в Вэллисе, когда он покинул скамью, едва стемнело. Перед ним раскинулся город, который во времена своего расцвета, должно быть, поражал великолепием; он и сейчас производил впечатление. Гаррик направился туда.

Пожалуй, современному Вэллису город уступал размерами, да и Каркоза в дни короля Каруса и Старого Королевства была намного величественнее. Но ни один город, известный Гаррику в настоящем или прошлом, не мог сравниться с этим местом по богатству декора.

Он прошел по эспланаде, вымощенной плитами из красного гранита, каждая шириной в рост Гаррика и в два раза длиннее. Гаррик вздрогнул, представив себе, сколько труда потребовалось, чтобы вырезать и отполировать такой твердый камень.

Местами плиты были вывернуты и разбиты: время и корни разросшихся деревьев не пощадили их. Идти по ним оказалось не легче, чем по морю, замерзшему вдруг в самый разгар шторма. Но в этой реальности сна неровности дороги не доставляли Гаррику особых неудобств.

Дорогу окаймляли проходные арки. Часть их обвалилась, обнажая каменные перекрытия. В древней Каркозе подобные конструкции делались из бетона или бута.

Дома по обе стороны были выстроены также из камня, с металлической кровлей. На некоторых сохранились остатки жести, превратившейся в ржавую труху. Она свисала в щели между потолочными балками. Другие, очевидно, были крыты медными и бронзовыми листами, о них напоминали сине-зеленые пятна патины. Гаррик нахмурился. О подобном городе рассказывалось в легендах о последних днях Старого Королевства. Ему припомнился фрагмент из рассуждений древнего философа Андрона, изложенных неизвестным автором в сборнике с названием «Одежда всех времен и народов». Гаррик не мог восстановить точной цитаты и названия места, но в памяти всплывали описания жителей в полосатых одеждах. Они отражались в разноцветных зеркальных стенах, мимо которых проходили.

Сон? Легенда? Эти руины были твердой действительностью.

Юноша прошел к массивному зданию в конце эспланады. Три этажа его фасада поддерживали колонны равной высоты, но средний ряд казался более изящным, чем массивные нижние колонны. Наверху же их сменяли хрупкие пары переплетенных

травертиновых опор, поставленных больше для красоты, чем для надежности. Деревянные оконные переплеты и ставни на верхнем этаже рассыпались в пыль.

Вход, расположенный в цоколе, провалился глубоко в стену, вместе со стрельчатой аркой, но сама дверь была такой маленькой и сделана так крепко, что уцелела. По бокам от входа когда-то били фонтаны. Дожди оставили пенистый осадок на стенках чаш, но бронзовые статуи, из которых некогда струилась вода, настолько деформировались, что не представлялось возможности восстановить прежние формы.

В городе царила тишина, только ветер шелестел меж стен.

Широкая винтовая лестница вела на крышу здания. Рядом стояла башня с колоннами, построенная в том же стиле, что и основное здание. Между собой они соединялись только наверху.

Туда Гаррик и направился. Ступени лестницы оказались слишком узкими для его длинных и крепких ног. Они должны казаться неудобными, отстраненно подумал юноша. Это была только мысль: во сне у него отсутствовали мышцы, чтобы почувствовать неудобство. Гаррик задумался: а заметил ли Карус его отсутствие? И страдает ли от этого так, как страдает сам Гаррик?

Поднявшись по лестнице, он окинул взором открывшуюся панораму города. Улицы расходились концентрическими кругами от здания, только разросшийся морской порт пролег аркой с одной стороны. Кораблей не осталось, но причалы и каменные швартовые тумбы сохранились. Гаррик не заметил наклонных спусков, по которым военные галеры обычно вытаскивали на сушу во избежание гниения обшивки.

Вдалеке, на пределе видимости юноша разглядел стену мерцающего света – вроде того, который формировал мост. Хотя, возможно, сходство ему только привиделось – слишком слабым было свечение, чтобы сказать наверняка. Небо заливал дневной свет, хотя солнце отсутствовало.

Гаррик ступил на крышу, крытую гранитом, как бульвары и эспланада. Правда, плиты здесь были не толще столов в трактире Рейзе.

Крыша представляла собой просторную площадку, украшенную двумя десятками каменных цветочных кадок, похожих на пуговицы, которые стягивают наполнитель из конского волоса в обитых тканью сиденьях. Они заросли травой и бурьяном, а из одной кадки пробивалась яблонька, маленькая и кривая – далекий потомок дерева, посаженного здесь, когда дома были новыми. Корни разорвали стенки других кадок в далеком прошлом, дожди вымыли почву, оставив тонкую пленочку грязи. Только яблоня сумела вновь вырасти из своих семян.

Когда-то крыша служила местом для приемов. Напротив лестницы располагался зал, отгороженный алебастровой, с отверстиями, ширмой от выступающей наружу стены фасада. Гаррик направился туда, ноги несли его следом за движением мысли.

Просвечивающий алебастр был не толще пальца. Свет отражался и проникал сквозь молочно-белый камень, отчего воздух сиял, словно мыльный пузырь. Отверстия оказались не просто дырами или повторяющимся узором. Подойдя ближе, Гаррик разглядел силуэт картин – таких же неповторимых и неуловимых, как полет скворца в стае ранней осенью.

Прорезанные фигурки обладали определенным значением, – в этом Гаррик не сомневался, однако не мог уловить их смысл. Возможно, Теноктрис сумела бы разобраться?

Ширма позволяла гражданам слышать и видеть своего правителя на расстоянии вытянутой руки, но при этом не давала прикоснуться к нему – или к ней, подумал Гаррик. Она была вырезана из цельного куска алебастра и не имела дверей. Веточка с парой сухих листьев застряла в одном из отверстий.

В древней Каркозе Король Островов обращался к людям, собравшимся на Поле Героев, с высокого балкона на задней стене дворца. С тех пор как Герцоги Орнифольские стали Королями Островов, они придерживались более строгой формы монархии. Народ видел Валенса Третьего на официальных шествиях и церемониях перед важнейшими храмами, но люди никогда не обращались к нему напрямую. Все, что король имел сказать своему народу,

звучало из уст мелких чиновников.

Это следовало изменить. Собственно, уже изменилось, в тот день, когда здравый смысл и страх заставили Валенса признать Гаррика своим сыном и наследником. Юноша подумал что балкон или возвышение все же подходили больше, но ширма показалась ему интересным решением.

Три остальные стены в отгороженном ширмой зале выглядели вполне крепкими. Окна в боковых стенах были забраны золотыми филигранными решетками, в задней двери тоже имелось зарешеченное окошко.

Комната выглядела совершенно пустой, если не считать пыли и закрытого травертинового гроба. Выцветшие отпечатки на полу показывали, где некогда лежали бронзовые предметы. Что…

Гаррик прошел сквозь алебастр, словно там имелась дверь. Ощутил мгновенное изумление, но был слишком занят изменениями вокруг, чтобы удивляться нелогичностям.

Теперь, когда Гаррик оказался внутри, он увидел грузного пожилого мужчину в тунике с лентами, лежащего на надгробье. Над ним извивался – то увеличиваясь, то уменьшаясь – змееподобный призрак. Явно не видимый, он отбрасывал блики, словно золотое покрывало.

Глаза старика открылись. Он поднялся с дружелюбной улыбкой, потянув за собой хвост расшитого бархата, покрывавшего камень.

– Добрый день, – произнес он, протягивая Гаррику руку для рукопожатия. – А вы кто будете?

Не получив ответа, старик умолк. Его улыбка стала настороженной, превратившись в раздраженную гримасу.

– Мы часом не встречались? Я вас знаю? Отвечайте!

Тем временем стемнело. Небо за золотой решеткой стало зловеще красным. Толпы людей на улицах смотрели вверх. Корабли скопились у причалов, некоторые стояли на рейде, но ни один из них не готовился к отплытию.

– Не думаю, чтоб мы встречались, сударь, – ответил Гаррик. Он шагнул вперед, протягивая руку старику, хотя тот резко убрал свою, охваченный сомнением. – Я – Гаррик ор-Рейзе с Хафта. – Он сглотнул. – Вот только сдается мне, что я грежу наяву.

Улыбка вновь вернулась на лицо старика, как солнце на небо после летнего дождя. Они обменялись рукопожатием, касаясь локтями – так, что их предплечья встретились. Пожатие старика было крепким, а плоть – гибкой и теплой.

– Грезите? – переспросил он Гаррика. – Чушь! Вы же здесь, разве нет? Как же вы можете грезить?

Комната почти не изменилась по сравнению с тем, что видел Гаррик сквозь алебастровую загородку. Вот разве что стала более обитаемой. Мягкая ткань покрывала гроб, а вдоль трех стен стояли деревянные книжные шкафы: полки для фолиантов и маленькие ниши для свитков.

Шкафы пустовали. Тут и там криво повисли запертые шкафчики, вывороченные со своих мест во время грубого обыска. Гаррик попятился. Старик, казалось, смутился.

– Сэр, могу я узнать ваше имя? – вежливо осведомился Гаррик.

– Что за вопрос? – проворчал старик. – Я Ансалем!

Все это время он не отрывал глаз от мерцающего призрака, который то исчезал, то появлялся над надгробием. Он смахивал на змею с коротким толстым телом, и ее голова возникала то на одном конце тела, то на другом.

Наконец Ансалем оторвался и пальцем указал на нишу в стене, достаточно большую, чтобы туда встала статуя в человеческий рост. Как и шкафы, она была пуста.

– По крайней мере, мне так кажется, что я – Ансалем. Вот только не понимаю: если я и вправду Ансалем Мудрый…

Он повернулся к Гаррику. На лице старика проявилось отчуждение.

– Если это действительно я, то где же мои книги? И где все те амулеты, которые я собирал годами?

Внезапно выражение лица Ансалема стало таким же холодным и непостижимым, как лед в пруду посредине зимы.

– Это вы их взяли? – впился он глазами в юношу. – Верните немедленно! Это предметы Силы. Понимаете, никто другой не может сохранить их в целости. Я умею с ними обращаться, но кто-то другой… – тут он щелкнул короткими и толстыми пальцами, произведя при этом такой же пронзительный звук, как ударившая неподалеку молния, – разнесет этот мир в пыль! Я не шучу, молодой человек. Верните их сейчас же!

– Сэр, – ответил Гаррик, – я не брал вашей собственности. Я только что сюда прибыл и даже не представляю, где нахожусь.

Во рту у него пересохло. Ансалем казался таким же непредсказуемым, как летний день, когда солнце на небе сменяется штормом, прежде чем пастух успевает собрать свою отару.

И, несмотря на то, что Ансалем был по природе добр, он представлял собой опасность почище любого шторма. Гаррик не слышал о нем раньше, но понял, что старик являлся магом. И если это он привел Гаррика сюда, значит, сила его была практически безгранична.

– Где находитесь? – переспросил Ансалем. Его солнечное настроение снова вернулось. – Конечно же, в Клестисе, в моем дворце, а что? Разве вы не знаете?

Он обвел комнату широким жестом. При этом взгляд его снова упал на пустые шкафы; брови старика опять нахмурились.

– Где же может… – Ансалем замолк. Он пронзил Гаррика изучающим взглядом и взял за подбородок большим и указательным пальцем. Повернул голову Гаррика из стороны в сторону.

Гаррик стерпел, хотя в нем поднялась волна гнева. Ему не нравилось, что с ним обращаются как с бараном, выставленным на продажу. Он сказал себе, что Ансалем стар и, очевидно, не в себе.

Однако большой вопрос: к кому в большей степени относилось это утверждение – к Ансалему или самому Гаррику?

– Вы уверены, что я вас не знаю? – снова повторил старик, не столь грубо, скорее с ноткой прорезавшегося интереса. – Наверняка мы встречались! Только вот где, хотелось бы знать?

Он повернулся к книжному шкафу, очевидно, в поисках тома, которого там больше не было. Ансалем застыл, лицо его снова приняло холодное и упрямое выражение, уже знакомое Гаррику.

– Где мои слуги? – вопросил он. – Вы не видели их, господин Гаррик? Пурлио должен знать, что здесь происходит.

– Сударь, я ничего не знаю, – ответил Гаррик. – И никогда о вас не слышал. Единственный Клестис, известный мне, это рыбачья деревушка на южном побережье Кордина.

– Говорите, рыбачья деревушка? – изумился Ансалем. Он сделал Гаррику знак подойти к окну, выходящему на порт. – Разве это похоже на рыбачью деревушку, сударь?

– Нет, но…

– Но что там внизу происходит? – взволнованно проговорил Ансалем. Похоже, он увидел совсем не то, что хотел показать Гаррику. – На улицах все стоят, уставившись вверх…

Он обернулся к Гаррику. Его взрывной характер снова давал о себе знать.

– Что вы сделали с моими слугами? Пурлио, да иди же наконец сюда!

– Я… – попытался ответить Гаррик.

Ансалем отступил назад к гробу, где он лежал до прихода Гаррика. Протянул руку в воздух, как будто гладя трепещущую змею.

– Амфисбена здесь, – сказал он, – но где все остальное? Использовать некоторые из этих предметов слишком опасно, даже для меня! Вы разве не понимаете?

Ансалем дотронулся до высокой ниши, потом ощупал другие альковы, пробежался пальцами по верху мраморного постамента, пустующего в конце комнаты. Доведенный до

отчаяния ужасом, он двигался резко и отрывисто, напоминая скачущую жабу.

– Вы должны их вернуть! – умолял старик. – Уверяю вас, они не принесут вам добра. В чужих руках они послужат только к разрушению!

В комнате стало туманно, будто там перемешивались два разных мира.

– Верните… – крикнул Ансалем голосом высоким, как у далеко летящей чайки. Слова затихали.

Гаррик почувствовал, что его душа спешит назад, туда, откуда пришла. Она мерцала, подобно бегущему потоку.

– Гаррик? – произнес голос. Не Ансалем, но… Гаррик открыл глаза. Он лежал на скамье в зале заседаний.

Рядом стояла Лиэйн, держа в руке лампу; через открытую дверь был виден догорающий закат. Его друзья смотрели на него с настороженным участием: Кэшел и Шарина, Теноктрис и Илна, и Лиэйн, благодарение Госпоже; Лиэйн, и беспокойство в ее темных ясных глазах.

– Мне снился сон, – сказал Гаррик, осторожно усаживаясь. – И как же я рад снова очутиться здесь, с вами.

– Ты все спал и не просыпался, – рассказывала Шарина. – Сначала мы думали, что все нормально… но Теноктрис сказала: происходит что-то опасное.

– И очень могущественное. Чего я никак не могу понять – добавила старая волшебница, криво улыбнувшись Гаррику. – А это уже, само по себе, означает опасность.

Она немного успокоилась.

– Мне необходимо выяснить, что это за источник Силы. Он уже вызывает разрушения в нашей части вселенной. Где-то здесь неподалеку, в Вэллисе, находится место величайшей Силы.

– Я пойду с Теноктрис в качестве… ну, скажем, носильщика, – ухмыльнулся Кэшел. Очевидно, на уме у него было совсем другое – в руках парень держал ореховый посох, который он вырезал своими большими и умелыми руками. – Шарина и Илна тоже идут. Мы знаем, ты занят, но все равно решили спросить, не хочешь пойти с нами? Как в старые времена, помнишь?

– Сегодня вечером у тебя запланирован деловой обед с канцлером Ройясом, – осторожно напомнила Лиэйн, встречаясь с Гарриком глазами. – Я имела в виду, что неплохо было бы перед этим расслабиться.

– Знаешь, Гаррик, я не раз видел тебя после целого дня пахоты на солнцепеке, – сказал Кэшел. – И хотя тогда ты был весь покрыт грязью и потом, но никогда не выглядел так погано, как сейчас.

Илна кивнула. Она стояла на расстоянии вытянутой руки позади остальных, не желая вылезать вперед, даже несмотря на свою давнюю дружбу с Гарриком.

– Ты слишком измотан, – твердо произнесла она, – это видно. Яне совсем понимаю, отчего обед с канцлером так напрягает тебя, но тут важны твои ощущения. Только дурак пожертвует нормальным сном во имя делового обеда.

– В конце концов, мне не обязательно идти с Теноктрис, – извиняющимся тоном добавила Шарина. – Почему бы тебе сегодня не отдохнуть нормально в постели? А я встречусь с лордом Ройясом, если это просто формальный ужин.

Гаррик посмотрел на друзей.

– К сожалению, это не просто формальный ужин, – вздохнул он. – Скорее часть самой большой проблемы, которая мучает меня в качестве… ну не важно, в любом качестве.

– В качестве Короля Островов, парень, – сквозь века прошептал Карус. Он снова возник в сознании Гаррика – прямой, как древняя сосна, и незаменимый в качестве поддержки для юноши. – Вот кем ты сейчас являешься.

– Я имел в виду часть самой большой проблемы, которая может возникнуть у меня как у Короля Островов, – грустно улыбаясь, поправился Гаррик. Здесь было не место для самоуничижения. – Конечно, я нуждаюсь во сне, но сейчас я подремал, и этого вполне

достаточно. А вот что мне действительно необходимо, так это потолковать с друзьями о Королевстве.

– Гаррик, я ничего не знаю о королевствах, – заявил Кэшел. – Может быть, Шарина?..

Принц сделал шаг вперед и обнял друга. Здорово напоминает объятия с большим горячим камнем. Гаррик был выше его – совсем ненамного, но Кэшел обладал огромной силой, и в этом намного превосходил любого из них.

– Мне нужно поговорить с кем-то, кому я доверяю, – ответил он. – Вы пятеро – единственные люди на земле, в которых я не сомневаюсь. Знаю: вы хотите того же, что и я, – мира для всех людей Островов.

Он отступил назад и бросил быстрый взгляд на волшебницу:

– Теноктрис, могут твои поиски немного подождать… пока мы поедим и поговорим?

– Пожалуй, – ответила та, задумчиво нахмурившись. Как трудно объяснить то, что она видела – движущие силы вселенной во всем их многообразии – несведущим людям. – Это не вражеское вторжение и не происки Малкара или его приспешника.

Малкар – Зло, сила абсолютно черного Зла, которая является отрицанием всего светлого и доброго. Слава Госпоже, не оно.

– Но все же это что-то очень могущественное, – добавила волшебница, разведя руками.

Гаррик кивнул.

– Половина зданий в дворцовом комплексе до сих пор не отремонтирована, – сказал он. – Давайте найдем тихое место в одном из них, и я приготовлю ужин, как если бы мы сейчас присматривали ночью за отарой на Северном выгоне. Идет?

– Приготовишь? – изумилась Лиэйн. Она в замешательстве хлопнула пальцами по губам, сдерживая готовый сорваться вопрос.

– Именно, – оживилась Илна. – Уверена, слуги смогут обеспечить принца Гаррика мукой, сыром и луком. Иначе управляющий уволит их всех еще до утра.

– И куском бекона. – Гаррик рассмеялся от облегчения, что не надо быть принцем Хафта хотя бы на сегодняшний вечер. – Поужинаем мясом, как богачи!

Он повел плечами, чтобы расслабить мускулы. Надо бы тренироваться побольше… а то совсем он закис в последнее время.

– А после того как поедим и поговорим, – заключил он, – мы найдем связующее звено, которое ищет Теноктрис. И если оно действительно составляет проблему, то мы вместе постараемся решить ее.

– Как мы делали уже не раз, – пророкотал король Карус. Он стоял, заправив пальцы за перевязь меча и широко улыбаясь юноше, в чьем сознании жил. – И будем продолжать делать, пока на Островах не воцарится мир. Мир, который я не смог дать королевству в одиночку!

Глава 3

Раньше на месте большой кухни располагались спальни для слуг – но это было еще в прошлом поколении, при Валенсе Втором. В те времена обслуга жила на территории дворца. Затем все переменилось, и место оказалось заброшенным. За последнюю неделю бригада садовников выкорчевала заросли жимолости вдоль длинного здания и уложила в высокие, больше человеческого роста, вязанки.

Садовники сожгут побеги, как только те высохнут. Илна представила себе, как запылает пламя в клубах дыма. Жимолость горит жарко и неистово, словно гнев… По крайней мере, как ее гнев. Илна улыбнулась.

Поварята поставили на кирпичный пол кухни корзину с едой и кувшин пива, – на Орнифоле жидкости хранили не в деревянных бочонках, а в запечатанной смолой глиняной посуде. Теперь они замерли в нерешительности, ожидая приказаний. Лиэйн кинула взгляд на Гаррика, но они с Шариной; так увлеклись изучением предложенного ассортимента, что не замечали слуг.

– Ступайте, – махнула поварятам Илна. – Дальше мы обо всем позаботимся сами.

Гаррик рассеянно поднял голову и кивнул, но мальчишек уже и след простыл. Все равно толку от них мало: будут слоняться тут с глупым видом. Илна сомневалась, что они вообще отличат морковь от пастернака.

– Гаррик, я могу заняться готовкой, – сказала Шарина, распрямляясь над корзиной с припасами. Она взглянула на Илну и улыбнулась. – Или Илна…

Тяжелые железные прутья жаровни сохранили свою прочность, хотя выглядели ужасно – облепленные ржавчиной и старым жиром. Илна подозревала, что даже в лучшие времена, когда ежедневно на кухне кипела работа, представления местных поваров о чистоте сильно отличались от того, к чему привыкла она – или дети Рейзе.

– Знаю-знаю… к тому же сделаешь это лучше, – отозвался Гаррик. – Но и я не так уж плох. И мне хочется заняться этим…

Шарина улыбнулась брату.

– Тогда я приготовлю растопку для очага, – согласилась она. – Тут ведь нет недостатка в хворосте, правда?

Дрова являлись ценным сырьем и относились к королевской собственности. При Валенсе дела находились в упадке, и древесина, вместо того чтобы пойти в дело, гнила на земле.

На Шарине была тонкая туника и скромный черный плащ до колен. Обычный наряд, в котором вэллисские горожанки средней руки ходят за покупками.

За то время, пока кухня не использовалась, металлическая посуда пришла в негодность, но сохранившейся керамики хватило бы, чтобы приготовить еду на целую роту, не то что на шестерых. Расстегнув эмалевую позолоченную пряжку, Шарина повесила плащ на колышек для кастрюли. На поясе обнажилось скрытое до того, отнюдь не женское оружие – пьюльский нож в ножнах из черной тюленьей кожи. Его тяжелое лезвие было прямым, длиной с предплечье Шарины, с утолщением, смещающим силу удара к острию. Пьюльский нож мог рубить дерево с легкостью топора и выпустить дух не хуже меча. Его прежнему владельцу – отшельнику Ноннусу не раз приходилось использовать нож в обеих целях. До той печальной ночи, когда он пал, защищая Шарину.

С тех пор девушка не расставалась с пьюльским ножом. Илна полагала, что подруга носит его не столько в качестве оружия, сколько в память об отшельнике. Впрочем, это были лишь догадки, поскольку она не спрашивала, а Шарина не рассказывала о своих переживаниях. Совсем неплохо иметь под рукой подобную вещь. Например, чтобы настругать лучины, если за дверью не оказалось топорика, – такое иногда случалось даже в зажиточных домах Барки.

Илна рассмеялась. Все оглянулись на нее, даже Кэшел, инспектировавший перевернутый котел, прежде чем принести в нем воды.

– Дворец – неподходящее место для нормальной жизни, – пояснила Илна. – Ничего не найдешь под рукой, за всем нужно специально посылать…

Гаррик тоже улыбнулся, но выглядел он неважно; усталость затаилась где-то глубоко – под мышцами и костями, в самом сердце. Илне так хотелось обнять его, приободрить. И она бы обязательно это сделала, если б… если б не была Илной ос-Кенсет. И винить тут совершенно некого, кроме нее самой.

– Я уже не знаю, что считать нормой, – пожаловался Гаррик, – Но рад тому, что у меня есть друзья, умеющие довольствоваться малым. Эх, если бы в Вэллисе и во всем Королевстве было побольше таких людей …

Тут он сам себя оборвал.

– Впрочем, скорее всего, так и будет, когда у людей появится возможность жить дружно и в мире, – закончил он. – И мы сделаем все, чтобы она появилась, верно?

Лиэйн посмотрела на Гаррика, обеспокоенная его интонациями. Она сжала его руку.

– Я видела, в саду растет люфа, – сказала Илна и отвернулась. – Пойду нарву, чтобы почистить решетку.

Она быстро шагала вдоль здания, пытаясь сморгнуть набежавшие слезы. Сад представлял собой печальное зрелище: пустой и заброшенный, как и сама кухня. Тем не менее некоторым растениям удалось выжить. Грядка спаржи буйно разрослась, да и тыквы исправно выбрасывали свои плети из семян. Илна присела на корточки и потянулась за ножиком, который носила на поясе.

– Я помогу, – раздался голос Лиэйн.

Илна в удивлении обернулась. Лиэйн опустилась рядом с ней на колени и достала из потайных ножен свой обоюдоострый кинжал. Лезвие было длиной всего лишь в палец, зато сталь – не чета той, что можно сыскать в Барке. Знатные дамы берут подобные вещицы в путешествие… так сказать, маленькая страховка на всякий случай, если сопровождающий эскорт не сумеет предотвратить неприятности.

И пусть вас не вводят в заблуждение драгоценные камни на рукояти и золотая насечка на лезвии: этот ножик мог перерезать горло не хуже, чем тот, который носила Илна.

Обе туники Лиэйн, и верхняя, и нижняя, при своем простом покрое, были сшиты из шелка. Сандалии червонной кожи расшиты золотой нитью; одна из них по щиколотку перепачкалась в мягкой земле, пока Лиэйн пробиралась через сад. Илна в помещении вообще не носила обуви, выходя же из дворца, надевала сабо.

Впрочем, какое все это имело значение? Как вычурный кинжал Лиэйн, так и его рафинированная хозяйка вполне справлялись со своей работой.

– Хорошо, – согласилась Илна, сгибая побег и перепиливая жесткие волокна, держащие плод. – Мне потребуется не меньше дюжины тыкв, чтобы отчистить такую грязную решетку.

Лиэйн срезала люфу, копируя движения Илны.

– Я бы помогла с чисткой, если б ты показала мне, как это делается, – сказала она, подтягивая к себе следующий побег.

Илна проглотила и это.

– Послушай… – произнесла она, не отрывая взгляда от работы. – Помнится, ты как-то читала стихи… Что-то о танцующих пчелах.

– «Сердце мое греет кувшин старого вина, о Фила, и пчелы танцуют в кронах сада моего…» – охотно продекламировала Лиэйн. – Красиво, правда? Это Селондр.

– Не могла бы ты несколько раз повторить, пока я тоже не запомню? – попросила Илна, бросая третий плод в подол верхней туники. Затем, откашлявшись, добавила: – Там было еще что-то вроде «знай свое место»…

– Ну, видишь ли, Селондр ощущал себя аристократом, – сказала Лиэйн извиняющимся тоном. – Но, если тебе интересно, я могу припомнить этот кусок. Хоть сейчас…

Если тебе нетрудно, – криво усмехнулась Илна.

«Только к тому устремись, что тебе подобает, – начала было Лиэйн вполголоса. – Остерегайся того, что превыше тебя».

Кто-то или что-то – намного искуснее, чем сама Илна, создавал тот узор, в котором ей отведена роль простой нити. Чем все закончится, она пока не ведала – возможно, и никогда не узнает. Но в существовании самого узора девушка ни секунды не сомневалась.

* * *

Кэшел помешивал кашу ложкой, вырезанной из ивы, которую Шарина срезала для него пьюльским ножом. Он не стал даже предлагать свои услуги, поскольку знал, что девушка легко справится с молоденьким деревом. К тому же Кэшел не хотел просить у нее нож Ноннуса. Отшельник относился к Шарине как к родной дочери. Это он защищал девушку, когда Кэшел находился за тридевять земель. И он же отдал за нее жизнь. Конечно, Кэшел был безмерно благодарен Ноннусу за его жертву… но порой его угнетало сознание, что Шарина, возможно, постоянно сравнивает его с этим святым человеком. Кэшел боялся, что сравнение не в его пользу.

– Меня тревожит… – начал Гаррик и умолк, чтобы перевернуть ломтик бекона своим мечом. Стальное лезвие блеснуло в свете фонаря, который Лиэйн повесила на вертящийся крюк над старым очагом. Не совсем обычная поварская вилка, но, кажется, Гаррик неплохо справлялся своим длинным клинком, – не столько сам кризис, – продолжил Гаррик, когда бекон зашипел. Его солоноватый аромат напомнил Кэшелу о доме. – Хотя, видит Пастырь, все здесь взаимосвязано. А теперь еще твое странное открытие, Теноктрис…

Он улыбнулся, пытаясь смягчить горечь своих слов и показать, что не винит старую волшебницу за тревожные вести. Сейчас Гаррик выглядел лет на пять моложе, чем когда Кэшел с друзьями прервали его тяжелый сон.

– Согласно последним донесениям, граф Блэйза и герцог Сандракканский намереваются провозгласить себя королями. Естественно, только на своих островах. Но и это принесет немало бед. Вы помните: Валенс Третий разбил тогдашнего герцога Сандракканского на Каменной Стене. Минуло уж двадцать лет, а Королевство так и не оправилось от их противостояния.

– Этим слухам можно доверять? – Шарина обращалась к брату, но смотрела на Лизйн, в чью компетенцию входили конфиденциальные донесения.

Лиэйн бросила взгляд на Гаррика; тот кивнул. Лишь после этого она произнесла:

– Да в данном случае сведения проверенные. Единственный сдерживающий фактор заключается в том, что никто не хочет выступать первым. Они оба помнят Каменную Стену.

– Наши шпионы лишь подтвердили очевидное, – добавил Гаррик. – Я предвидел нечто подобное. Прежде, пока на троне в Вэллисе сидела слабая фигура, местные правители не придавали большого значения титулу. Но теперь, когда нависла реальная угроза объединения Островов, они зашевелились.

– Когда силы, движущие Вселенной, достигают своего пика – задумчиво произнесла Теноктрис, – они ввергают все человечество в бурлящий котел. Происходит это раз в тысячелетие. Причем дело здесь не только в том, что мощь магии неизмеримо возрастает… – Улыбнувшись, она добавила: – Хотя некоторые из нас даже сейчас не могут похвастать особой силой.

Кэшел не раз слышал, как Теноктрис сетовала на свои невеликие возможности. Но он продолжал считать: подчас сама сила не так важна, как умение ее использовать. Теноктрис видела и понимала источники энергии, в то время как другие маги действовали вслепую. И хотя многое было не под силу пожилой волшебнице, все ее начинания, на памяти Кэшела, увенчивались успехом.

Юноша широко улыбнулся. Уж кто-кто, а Кэшел знал, как важно быть осторожным. Иначе можно наломать дров, да и самому расшибить голову.

Гаррик кивнул.

– Даже если предположить, что наша армия способна сокрушить одного из противников, – задумчиво сказал он, – то у меня нет возможности переправить ее туда: на Сандраккан или Блэйз. Да и, независимо от исхода сражения, такая война чересчур разрушительна для Королевства. Сталкиваться лбами – не выход.

– Нам нужно выиграть время, – с тревогой поддержала его Лиэйн. – Хотя бы несколько месяцев. Правители других Островов должны увидеть, что Орнифол процветает под властью настоящего короля. Это возымеет большее действие, чем просто военная угроза.

Кэшел задумался, кого она имеет в виду под словом «нам». «Нам» – значит Островам? Возможно. Впрочем, не его ума это дело.

Илна фыркнула из своего угла, где она что-то плела из тростника.

– Но тем не менее у тебя есть армия. И какие-то головы должны полететь.

Гаррик кивнул, больше чтобы показать, что слушает, чем в знак согласия.

– Думаю, мы… правительство Островов, мое правительство могли бы найти способ договориться с Блэйзом и Сандракканом.

Со вздохом он принялся переворачивать остальные ломтики мяса.

– Проблема в том, – продолжал он, – что в самом Совете нет согласия, и я пока не

вижу, как изменить ситуацию. По сути, мы не получаем результатов – должных результатов, потому что люди, призванные трудиться вместе, грызутся между собой. Злу не о чем беспокоиться, пока наши люди делают за него всю работу.

Кэшел задумался на минуту.

– Ты говоришь о том, что Аттапер и Валдрон готовы друг другу в глотку вцепиться из-за армии? – спросил он. Ничего не смысля в политике, парень видел, как ведут себя в подобных случаях соперники-самцы. Уж кому, как не сельскому жителю, понимать это.

Встретив такое понимание, Гаррик с облегчением рассмеялся.

– Ну, все не так безнадежно, – пояснил он. – Конечно, и Аттапер, и Валдрон очень опасны: ни один из них не желает уступать ни дюйма. Но они не играют в глупые игры. У обоих достаточно компромата на соперника: каждый из них угробил больше людей, чем может припомнить. Эти двое не провоцируют друг друга, потому что знают: тот, другой, с радостью схватится за меч при малейшем поводе. Слишком часто они получали тому подтверждение, чтобы снова лезть на рожон по мелочам.

Шарина присела на разделочный чурбан, накрытый тростниковой подстилкой, которую Илна успела сплести несколькими проворными движениями.

– Значит, проблема в канцлере и лорде Тадае? – спросила она.

– И ещё какая! – вздохнул Гаррик, Он перебросил ломтики бекона на кирпичную подставку, чтобы подсушить, пока готовятся остальные. – Любой проект Ройяса обречен целую вечность ждать финансирования. В то же время все предложения казначейства остаются без внимания. Им не дают исполнителей или предлагают таких людей, которым даже цыпленка ощипать нельзя доверить. В результате дела – важные дела! – стоят на месте.

– Но ты же король! – удивился Кэшел. Он привык размышлять вслух о важных вещах – так ему легче было ухватить суть. – Ты ведь можешь им просто приказать …

– Это все равно как указывать овечьей отаре, какой дорогой идти на пастбище, – возразил Гаррик. – Эффект будет тот же. Овцы идут тем путем, который им нравится больше. И тут криками не поможешь.

Кэшел усмехнулся. Гаррик уловил его невысказанную мысль и добавил:

– Да, часто выходит, что они и впрямь выбирают лучшую дорогу. Хуже, когда в стаде, как у меня, два барана. У них обоих могут быть прекрасные идеи, но я не могу – Острова не могут! – идти в две разные стороны одновременно.

– Да, такое иногда случается, – согласился Кэшел, продолжая вслух размышлять над проблемой. Он вытащил ложку и облизал ее; каша уже распарилась. – Тогда надо посмотреть. Если оба барана стоящие, можно одного продать в соседнюю деревню. Если же какой баран совсем никчемный… ну, так ведь на зиму все равно придется делать выбраковку, верно?

Юноша снял котел с огня. Они не прихватили черствого хлеба, который обычно использовался в качестве тарелок. Но Шарина засветло нарезала немного бересты, Лиэйн, верно, не привыкла к тому, что все лезут в котел руками.

– Ты вот толкуешь об овцах, Кэшел, – вступила Лиэйн. – А разве бараны не дерутся?

Лиэйн – настоящая леди – была, скорее, другом Гаррика, но с Кэшелом старалась держаться очень любезно. Парню часто казалось, что во дворце многие исподтишка посмеиваются над ним. Впрочем, к этому Кэшел привык. В Барке было все то же самое. «Здоровый как буйвол и такой же тупой», – постоянно приходилось ему слышать. Правда, когда юноша вошел в полную силу, остряки не решались говорить ему это в лицо.

Возможно, в чем-то они были правы, но Кэшелу это не нравилось. И, естественно, он не любил тех, кто обращался с ним подобным образом. Лиэйн не относилась к их числу. Поэтому, услышав ее слова, Кэшел не отмахнулся раздраженно, а посмотрел на своего друга. Гаррик только пожал плечами.

– Госпожа, – терпеливо объяснил Кэшел, – в стаде не держат больше одного барана. Какой смысл тратить корм на того, кто приносит лишь проблемы?

– Ясно, – произнесла Лиэйн, моргая. Она, конечно же умная девушка, но Кэшел уже

заметил: горожане, в большинстве своем, не осознавали тяготы сельской жизни. Как следствие, они не понимали, насколько крепкими приходится быть сельским жителям, чтобы выжить.

– На самом деле Тадай и Ройяс оба ценны, – сказал Гаррик. – И, что еще важнее, оба слишком влиятельны, я не могу просто так вышвырнуть их на улицу. Это приведет к серьезным беспорядкам в Королевстве. Не секрет, что в какой-то момент они столкнулись и устроили заговор против Валенса, хотя считались его друзьями. А ведь ни один из них не является мне другом.

Заметив, что Кэшел не вполне вникает в ситуацию, Лиэйн дружелюбно пояснила:

– На Орнифоле многих устроило бы правительство, которое делает то, что оплачено, а не то, что надо. Получив такого лидера, как Тадай или Ройяс – не важно, которого, – они могут стать очень опасными.

Кэшел кивнул:

– Понятно. А убивать их вы тоже не хотите, – проговорил он, не спрашивая и ни в коем случае не предлагая – просто пытаясь уложить факты в своей голове.

– Я не желаю так поступать, – просто сказал Гаррик. – Не согласен с подобной политикой, но главное: вообще считаю недопустимым убивать человека, просто потому что он неудобен…

Рассмеявшись через силу, принц сменил тему.

– Кажется, наша еда готова, – он скинул последний ломтик бекона с решетки. – Давайте кушать!

* * *

Шарина присела на корточки опершись плечом о Кэшела. Огонь угасал на мерцающих углях. Дерево перележало на сырой земле, превратившись в гнилушки, которые скорее тлели, чем полыхали ярким, горячим пламенем. Кашу с беконом еще можно было приготовить, но гнилые дрова прогорали слишком быстро, чтобы держать тепло зимней ночью.

– Лердок, граф Блэйза, уже прилюдно носит корону, – сказал Гаррик, опуская в кашу ивовую ложку. – Он пока формально не сменил титул на королевский; возможно, выжидает: как я поступлю. А я тоже выжидаю.

Он улыбнулся. Голос звучал устало, но юноша уже не казался таким бесконечно изможденным, каким наблюдала его Шарина в последние две недели.

– Наверное, Лердок рассчитывает своим поступком подтолкнуть герцога Сандракканского к открытым действиям, – подала голос Лиэйн". Она расположилась на огромном котле, который Кэшел перевернул для нее. Что взять с аристократки! Похоже, она никогда не научится сидеть на корточках, да и со скрещенными ногами долго на земле не просидит.

– Возможно, он не далек от истины, – подхватил Гаррик. – Герцог Вилдальф объявил сбор Сандракканского ополчения на двадцатое число следующего месяца. По нашим предположениям, это своего рода смотр сил. Он хочет определиться, кто из знати поддержит его, прежде чем провозгласит себя королем Вилдальфом Первым. Именно так поступил и его двоюродный дед… за год до того, как пал у Каменной Стены.

Каша, пожалуй, понравилась Шарине. С момента приезда в Вэллис ей не доводилось пробовать простую пищу, и сейчас она невольно сравнивала здешнюю еду с той, к которой привыкла дома. Сама каша, лук-порей и шнитт-лук были точно такие же, как и в Барке (сколько раз она возилась с ними на кухне!), но вот сыр, который растопил Кэшел, готовился не из овечьего, а из козьего молока.

– Карус столкнулся с теми же проблемами когда стал Королем Островов, – продолжал Гаррик с кривой усмешкой. – Узурпаторы, повстанцы, раскольники – на Хафте и по всем

Островам. И успешно решал их с мечом в руках и непобедимой армией за спиной… до того дня, пока по воле одного мага не отправился с нею вместе на дно морское.

Теноктрис пристально наблюдала за Гарриком. Незадолго до этого она удалилась в дальний угол длинного здания и творила какое-то заклинание. Шарина отметила красные сполохи магического огня, трепещущие в сложенных чашей ладонях старой женщины, но не стала задавать вопросы – ни о целях, ни о результатах.

– У меня в отличие от Каруса нет такой армии, – сказал Гаррик. – И закончить свои дни под водой мне совершенно не улыбается.

Он снова улыбнулся, хотя Лиэйн поморщилась при этих словах. С тех пор, как Гаррик начал носить медальон Каруса, у него появилась тяга к черному юмору. Как-то он заявил Шарине, что смех на поле боя человеку нужен как нигде. Поэтому лучше воспитывать в себе способность смеяться над тем, что тебя ожидает.

– Я подумывал перекинуть войска сначала на Сандраккан, а затем на Блэйз, – задумчиво продолжал Гаррик. – Не нападать на Вилдальфа или Лердока, а просто поставить у их порога силу, которая заставит их задуматься, прежде чем объявлять свои Острова независимыми.

– Это может сработать, но только на тот период, пока твои войска будут на Сандраккане. – По интонации Лиэйн легко было догадаться, что подобный вопрос обсуждается не впервые. – Но что случится, когда они отправятся на Блэйз? И что произойдет в это время здесь, на Орнифоле?

– Так или иначе что-то надо решать, – сказал Гаррик с легким раздражением. – И у меня нет других идей.

– А ты отправь послов, – посоветовала Шарина, вызвав всеобщее удивление. – По-моему, неплохо: посольство вместо войска.

Такое предложение пришло Шарине в голову, как только Гаррик обрисовал положение вещей. Это могло дать результаты. В последнее время пустая круговерть повседневных дел начала сводить девушку с ума, но именно бесконечные встречи с делегациями подсказали ей решение самой сложной проблемы брата.

– Да наши дипломаты уже сидят в Эрдине и Пицайне, – ответил Гаррик. – А Вилдальф и Лердок имеют представительства в Вэллисе…

– Готовые поддержать любого бунтаря на Орнифоле, – довольно резко вставила Лиэйн. – Мы ведем за ними тщательное наблюдение.

– Я не о том, – сказала Шарина. – Вы отправили профессиональных дипломатов: мелких дворян, которые всю жизнь только и делали, что учились говорить безопасные вещи в смягченной форме.

Гаррик кивнул. Он счищал мякотью рогоза жир с меча, рядом наготове лежал точильный камень, который он постоянно носил в поясном кармане.

– А вам нужно послать к герцогу Вилдальфу человека, к которому он будет прислушиваться. Поскольку знает, что это один из самых влиятельных людей при твоем дворе, – пояснила Шарина. – Отправь Тадая или Ройяса.

– Ого! – выдохнул восхищенный Кэшел. – Ну, Шарина, ты даешь!

– Во имя Пастыря, Шарина! – мягко сказал Гаррик, – Это то, что надо! Вместо неприкрытой угрозы – посланник, которого будут слушать.

Он обернулся к Лиэйн.

– Отправим Тадая, – заявил он, скорее с утвердительной, чем вопросительной интонацией. – Лучше уж пожертвовать им… хотя, видит Госпожа, мне бы так хотелось, чтобы они с Ройясом работали вместе.

– А он выполнит твой приказ? – невозмутимо, как умела только она, поинтересовалась Илна.

– В данном случае да, – убежденно ответил Гаррик. – Тадай не хуже меня понимает необходимость срочных перемен. Иначе Королевство не устоит. Но он не может уступить Ройясу…

– Не хочет, – уточнила Лиэйн. Гаррик пожал плечами:

– Не может, не хочет… какая разница. Тадай воспользуется достойным выходом из тупика, в который они с Ройясом сами себя загнали. Яназначу его послом в Эрдин, уполномоченным вести переговоры о статусе Сандраккана в Королевстве – это королевский пост, и он его примет.

Гаррик встал и вышел на порог, вглядываясь в ночь. Одним движением, не глядя, он отправил длинный меч в ножны; острие само скользнуло в устье.

– К тому же он понимает, что в случае неповиновения я выведу его из Совета. Так или иначе, но ему тут же придется уйти.

Голос Гаррика был таким же отстраненным, как у Илны, в нем чувствовалась твердость, удивившая Шарину. Она помнила своего брата в Барке: он либо улыбался, либо что-то напевал. Увы, те времена миновали…

– А на Блэйз отправь меня, Гаррик, – предложила Шарина. Ее бросило в дрожь от собственных слов, но отступать было поздно. – Пошли туда леди Шарину, свою сестру.

Кэшел стоял молча. Его рука, на которую девушка привыкла опираться, была тверда, как дубовый ствол. Шарина обернулась и обняла его.

– Прости, Кэшел, – сказала она. – Прежде следовало поговорить с тобой, но я придумала все это прямо сейчас.

Кэшел слабо улыбнулся. Его щеки окрасились – то ли румянцем, то ли красными бликами от костра.

– Не переживай, Шарина, – ответил он. – Я ничего не имею против Вэллиса, но меня здесь ничто не держит. Я живу здесь только из-за тебя.

Гаррик прокашлялся.

– Но, Шарина? Зачем тебе ехать на Блэйз? Тот же Питре бор-Пириал станет великолепным послом, не хуже Тадая. С той только разницей, что у меня нет необходимости от него избавляться…

– Гаррик, я с ума схожу от того, чем приходится заниматься, – приглушенно ответила девушка. Она встала; Кэшел поднялся вслед за ней; теперь они представляли замечательную картинку: ива, растущая возле каменного утеса. – Мне каждый день приходится встречаться с просителями… И знать, что ничем помочь не могу. Чтобы у этих людей появилась надежда получить желаемое, им надо встречаться с представителями реальной власти.

– Но это важ… – начал было Гаррик.

– Конечно, – отрезала Шарина, не давая брату возразить. – Важная работа, с которой король Валенс справится лучше меня. Разве не так?

Гаррик молчал, сжав губы. Ответила Лиэйн, все еще сидевшая на котле:

– Не сказала бы, что лучше… но он вполне может этим заняться. Валенс вполне доверяет лорду Ройясу, он позволит канцлеру направлять свои мысли.

Она задумчиво прищурилась.

– Знаете, а ведь такое дело, когда королю придется общаться со своими подданными, может оказаться равно полезным и для него самого, и для его Королевства.

– С другой стороны, – добавила Шарина, – ты и сам признаешь, Гаррик, что поездка в Пицайну полномочным представителем – это настоящая работа. Мне не хочется оставлять тебя… – Она оглядела друзей и поправилась: – Никого из вас…

Кэшел улыбнулся с тихим одобрением.

– Но раз речь идет о спасении Островов от хаоса, то я найду дело поважнее, чем выслушивать жалобы делегации от Мостового округа на шум, который им мешает.

– Решено, – проговорил Гаррик с королевской твердостью. Он выслушал советы, взвесил все доводы и теперь без лишних колебаний приступил к действиям. – Мы встретимся с Ройясом завтра и обсудим наши предложения Блэйзу. Но у тебя будут все полномочия, чтобы на месте принимать решения относительно предстоящих договоренностей.

Странная улыбка скользнула по его губам.

– Забавно, однако, что ты упомянула Мостовой Округ. Мне как раз снился мост, когда вы меня разбудили. Мост и какой-то человек по имени Ансалем…

* * *

– Ансалем? – встрепенулась Теноктрис, лицо ее оживилось. Раньше она вполуха прислушивалась к дискуссии, но тут Гаррик почувствовал ее напряжение. – Ты имеешь в виду Ансалема Мудрого?

Гаррик кивнул, чувствуя сухость во рту.

– Да, именно так он представился, – подтвердил Гаррик. – и еще сказал, что город, в который я попал во сне, назывался Клестис. И я думаю… – Он снова откашлялся. – … думаю, он маг.

Теноктрис кивнула и собиралась что-то сказать, но прежде, чем она заговорила, на Гаррика обрушился поток воспоминаний – не его собственных, а тех, что впустил Карус, будто распахнув окно в память юноши.

* * *

Корабли и лодки выстроились в два ровных ряда вдоль пристаней, виденных Гарриком из окна в покоях Ансалема. Флаги реяли на мачтах и флагштоках. Ликующие толпы на палубах махали флажками, приветствуя трирему Каруса, короля Островов.

– Мне довелось однажды побывать в Клестисе с посольством, парень, – поведал Карус. – Это случилось осенью того года, когда я утонул. Тогда я думал: приехав и лично поговорив с Ансалемом, я уговорю его прийти мне на помощь. «Помоги королевству» – вот что я сказал ему, и в этом, конечно, была доля правды. Только, к несчастью, в те времена я еще не умел отличать собственных желаний от нужд Королевства.

* * *

Вдоль бульваров, во сне Гаррика превратившихся в руины, выстроились радостные горожане в полосатых одеждах. Солнечные блики на металлических фасадах наполняли город ослепительным сиянием ярче моря, замирающего вокруг корабля в полуденный штиль.

Карус шагал с двумя десятками моряков со своего корабля. Остаток экипажа триремы – две дюжины матросов, управлявшихся со снастями, и сто семьдесят гребцов – остался в гавани.

Моряки, исполнявшие роль почетного караула, носили вышитые туники вместо доспехов, но имели при себе мечи. Они были единственными вооруженными людьми в толпе, а возможно и во всем городе.

* * *

– Магия Ансалема возвеличила Клестис, – рассказывал Карус. – Его жители обеспечивали себя сами и жили в сотни раз лучше, чем где бы то ни было еще. Дома возводились очень быстро – за одну ночь, и каждое утро заставало городские улицы в полной чистоте.

Карус со своей охраной не стали подниматься по круглой лестнице-башенке, а приблизились к самому входу во дворец. Юные девушки в пастельных платьях теснились в дверной нише, хихикая и бросая цветочные лепестки в сторону вооруженных мужчин.

Однако дверь позади них не открывалась.

* * *

– Ансалем был великим магом, – мрачно продолжал Карус, – и великим правителем, хотя официально среди жителей Клестиса он никакого титула не носил. И он наотрез отказывался иметь дело с каким-либо насилием.

Пожилой мужчина в тунике из выбеленной шерсти – невзрачный наряд для богатого Клестиса – протиснулся сквозь толпу девушек, почтительно поклонился Карусу и что-то шепнул ему на ухо, не обращая внимания на мрачные взгляды моряков. Карус коротко кивнул и расстегнул длинный двойной язычок пряжки на перевязи меча. Седовласый капитан стражи горячо запротестовал, но Карус жестко взглянул на него и проронил всего лишь одно слово. Капитан и его подчиненные замерли.

Карус протянул перевязь с мечом придворному – тот отпрянул, словно король сунул ему в руки гадюку. Тогда Карус передал оружие своему капитану.

Дверь отворилась, и девушки расступились, по-прежнему хихикая. Пожилой придворный проводил Каруса во дворец.

* * *

На те деньги, что стоила отделка любого дома в Клестисе, я мог бы построить большой флот в две сотни боевых кораблей, – вспоминал Карус. – Или взять хотя бы жесть на крышах – средства на содержание одной такой крыши позволили бы содержать экипаж в течение года… Меня трясло от одной только мысли о магии, но я вынужден был притворяться, что не догадываюсь об источниках богатства города. Ведь против волшебства я не мог ничего поделать.

* * *

Дворцовый вестибюль был лишен окон, но неизвестно откуда поступал свет, который свивался бледными лентами в высокие арки. Сводчатый потолок украшали сцены сельских праздников: веселые крестьяне танцевали, состязались в беге, борьбе и метании камня.

Воспоминание – теперь уже лично Гаррика – заставило его глаза наполниться слезами. Он тосковал по тому миру, который покинул навсегда. Но юноша напомнил себе, что жизнь в родной Барке отнюдь не являлась бесконечным праздником… А без Гаррика и его друзей скоро может не остаться радости ни в одном уголке Островов.

Семеро магов в балахонах, расшитых символами Древней Вязи, поджидали Каруса в сводчатом зале. Слуги и обычные придворные отсутствовали. Делегацию магов возглавлял человек неопределенного пола. Несмотря на то, что тот был абсолютно лыс, Гаррик рискнул бы все же назвать его юношей… хотя, возможно, перед ним стоял бесполый скопец.

Глава кивнул королю вместо поклона. Он повернулся и повел Каруса к лестнице, которую скрывала колонна из халцедонового монолита: три переплетающихся столба, похожих на ствол смоковницы. Остальные маги, четверо мужчин и две женщины, безмолвно шли сзади, словно пажи, несущие длинный шлейф за своей госпожой.

* * *

– Никто и никогда не называл меня трусом, – сказал Карус. – Но я бы охотнее взял

полную горсть пауков, чем пошел куда бы то ни было в компании этих семерых.

* * *

Лестница делала десятки витков по пути на крышу здания. Ступени и перила были из застывшей смолы. Полосы света просвечивали сквозь камень, освещая кристаллы голубого, пурпурного и белого кальцита размером с человеческий кулак. Мягкий камень светился, будто его полировки никогда не касалась человеческая нога.

Их восхождение закончилось возле приемной залы – той самой, где Гаррик повстречался с Ансалемом в своем сне. Бледный, как мертвец, привратник сидел на табурете, держа на коленях двухлетнего мальчика. Он тут же встал, едва Карус и маги вошли, и опустил улыбающегося мальчика на пол возле себя. На цепи, обвивавшей шею привратника, висел диск с отверстием, по краю которого бежали солнечные лучи.

Человек был не менее семи футов ростом, тощий, но на руках и ногах бугрились мышцы. Хотя привратник и не носил оружия, Гаррик не взялся бы с ним бороться. Пожалуй, даже Кэшела бы такая перспектива устрашила.

Привратник сверлил Каруса взглядом, проницающим в самую душу, – как никто другой в этом оплоте миролюбия. Глава магов обронил короткий приказ, но привратник не обратил на него внимания. Он отошел назад и задал вопрос через зарешеченное окошко. Судя по всему, ответ был положительный, потому что мужчина отодвинул засов и отворил дверь.

Малыш стоял, выпрямившись и держась за стену двумя руками. Он широко улыбался королю.

Карус вошел внутрь один. В дверях он остановился и поклонился привратнику.

* * *

Его звали Кастиган, – неожиданно сказал Карус, – я спросил позже. Так вот, поглядев на Кастигана, я понял: Ансалем отнюдь не дурак, несмотря на все свои мирные устремления.

* * *

Приемная зала оказалась такой же, как ее запомнил Гаррик во сне, хотя сейчас книжные шкафы были битком забиты. Во многих ячейках лежало по два свитка, а то и по три, не очень объемных. Сверху на шкафах стояли дополнительные полки.

Ансалем приветствовал короля в своей привычной смешливой манере. Он шагнул вперед и пожал руку Карусу. Покрытый тканью травертиновый гроб служил единственным сиденьем в зале. Ансалем подвел к нему гостя и радушно устроился рядом, все еще держа Каруса за руку.

* * *

– Ты пробовал когда-нибудь говорить с человеком, сидящим рядом, а не напротив? – спросил Карус. – Ужасно неудобно. Понимаю, это звучит глупо, но я, наверное, чувствовал бы себя уютнее, если б во время разговора он держал нож у моей глотки. Я оставил намерение просить волшебника о помощи – независимо от хода нашей беседы.

* * *

Снаружи поверх алебастровой стены была натянута ширма из тонкой, но очень прочной ткани, укрывавшая залу от непогоды и слишком ярких солнечных лучей. Проколотые символы проступали белым на кремовом фоне камня.

В высокой нише напротив надгробия стояла мумия существа с чешуйчатой кожей и длинной, как у рептилии, челюстью. Побуревшие от времени повязки спеленали мумию с прижатыми к груди руками, а кусочки янтаря заменяли впалые глаза. Они смотрели на Каруса и хозяина дома с холодным желтым блеском – безразличные и совершенно чуждые человеку.

– Ансалем казался чрезвычайно дружелюбным, – продолжил Карус. – Но разговаривать с ним было все равно что с трехлетним ребенком. Он слушал, но полностью игнорировал все мои доводы, Я рассчитывал, что он поможет мне удержать Острова от распада, и пребывал в ярости. Волшебник легко согласился признать меня Королем Островов, но его это заинтересовало не более, чем название какой-нибудь шенгийской птицы. Сообщение из разряда любопытных фактов, и только.

* * *

Карус высвободился из объятий волшебника и резко встал. Сжимая кулаки, он шагнул к двери.

На протяжении нескольких месяцев – с тех пор как Гаррик получил от отца коронационный медальон Каруса – тайный гость не раз посещал сознание юноши. Гаррику доводилось наблюдать короля Каруса в разных ситуациях, не раз он видел, как тот смеялся посреди кровавой битвы с полным презрением к опасности. Юноша даже представить себе не мог короля в такой бессильной ярости.

На постаменте, который во сне Гаррика пустовал, сейчас стоял ископаемый аммонит. Его витая раковина окаменела и превратилась в марказит, поблескивающий серно-бронзовыми оттенками в солнечных лучах. Хотя тварь отнюдь не поражала размерами – ее кольцо не превышало фута в диаметре, в ней чувствовалась зловещая глубина… Гаррику она напомнила туннель, ведущий в огненное сердце Зла. Карус, войдя в залу, не обратил внимания на композицию. Сейчас же, в ярости направившись к выходу, он чуть было не столкнулся с постаментом. Отскочив назад, он в сердцах грохнул кулаком по раковине.

Аммонит не шелохнулся. Карус толкнул дверь; она оказалась запертой снаружи. Лишь после того, как привратник заглянул в окошечко и получил безмолвный приказ хозяина, король смог покинуть комнату.

* * *

Никогда не вымещай зло на вещах, парень, – сказал погруженный в воспоминания Карус. – Моя рука оставалась онемевшей неделю после этого дурацкого поступка. И дело тут не в камне, разумеется, а в чертовой магии.

Воспоминания постепенно померкли, Гаррик вернулся к действительности, прежде чем друзья осознали его отсутствие. На задворках его сознания все еще звучало ворчание Каруса: «Ненавижу колдовство!..»

– В мое время жил волшебник Ансалем, – говорила тем временем Теноктрис. – Он превосходил всех по силе. Я не знала никого, кто мог бы сравниться с ним – ни тогда, ни позже.

– Так ты встречалась с Ансалемом? – спросил Гаррик. У него голова шла кругом от того потока воспоминаний, которые только что обрушились на него. В уголке его сознания

затаился внимательно слушающий Карус. Он служил тем столпом, который поддерживал Гаррика, пока тот возвращался в реальную действительность.

– О нем ходили слухи как о великом ученом и маге, – вздохнула Теноктрис. – Он правил в Клестисе, на южном побережье Кордина. Держал обширную библиотеку и позволял другим ею пользоваться, это и привело меня в его город.

Старуха улыбалась, теребя локон своих коротких седых волос.

– Я долго копила деньги на дорогу с Блэйза, где жила в то время. Да, вот так-то… Увы, я не относилась к тем могущественным магам, которые не испытывают недостатка в средствах. К тому же не обладала талантом фокусника, которые зарабатывают на жизнь, развлекая людей.

– Зато ты понимаешь суть, Теноктрис, – заметила Лиэйн.

– Что правда, то правда, – согласилась старая волшебница. – К сожалению, одной мудростью сыт не будешь. Но я не жаловалась: мне много не надо – скромная пища да минимум книг, чтобы продолжать работу. Просто пришлось дольше ждать этой поездки к Ансалему.

Она улыбнулась своим воспоминаниям, помолодевшая на десятки лет.

– А с тех пор как я вернулась оттуда, мои потребности в деньгах еще более сократились.

– Ансалем что-то сделал с тобой? – спросил Кэшел, слегка подавшись вперед. Это его движение о многом говорило людям, хорошо знавшим юношу.

Обычно его сила служила защитой для Шарины; и теперь девушка успокаивающим жестом положила руку на плечо своего друга. Оскорбления в собственный адрес мало волновали Кэшела – скатывались как с гуся вода… Но человек, обидевший его друзей, вряд ли рискнул во второй раз повторить такую ошибку.

– Не думаю, чтоб Ансалем мог сознательно навредить кому-то или чему-то, – ответила Теноктрис. Она говорила спокойно, словно не замечая бури, которую ее предыдущая реплика вызвала в беспокойном сердце Кэшела. – Он отличался невинностью ребенка. Возможно, в этом и заключалась его сила. Пожалуй, Ансалема можно упрекнуть в некотором тщеславии – но это и понятно при таком-то могуществе. Иногда он становился раздражительным, но никогда не злился настолько, чтобы причинить настоящий вред.

Старая волшебница опустила глаза, улыбаясь воспоминаниям и удивленно покачивая головой.

– Но пусть вас не вводит в заблуждение мое сравнение Ансалема с маленьким ребенком, – продолжала Теноктрис. – Этот человек являлся настоящим ученым. Думаю, равным мне по серьезности подхода. – Губы ее сжались. – Ну или почти равным… – уточнила она и усмехнулась собственному хвастовству.

Гаррик и другие тоже улыбнулись. Гордость – самое распространенное человеческое чувство. Теноктрис всегда признавала за собой недостаток силы, но гордилась накопленными знаниями. Она постоянно совершенствовала свои умения – которые были скорее сродни искусству ювелира, нежели кузнеца – и немало преуспела в этом.

– Ансалем собрал книги со всех Островов, – продолжала Теноктрис. – Труды по всем наукам, не только о волшебстве. И мне кажется: он умел управлять временем не хуже, чем пространством. Говорю так, потому что видела в его коллекции вещи, которые не просуществовали бы и часа без охранной магии… не говоря уже о веках, прошедших с тех пор, когда они были созданы. Там имелись стихи, написанные на чешуйках с крылышек бабочки, оправленных в паутину…

– Заклинания? – спросила Шарина.

– Просто стихи, – Теноктрис опять покачала головой, Удивляясь миру, в котором существовали подобные вещи. – Полагаю, эпитафия… «Благочестивое дитя, воспитанное мною, дабы охранить себя от гнева вражьего. Когда упокоюсь я в мире, он возведет мне курган на этом зеленом холме».

– Но зачем все это волшебнику? – спросил Кэшел. Он сосредоточенно размышлял,

сплетя пальцы и нахмурившись.

Теноктрис хлопнула в ладоши и немного устало улыбнулась.

– Я не знаю, – ответила она. – Так же как не знаю, зачем кто-то написал эти слова на паутинке и крыльях бабочки, вместо того чтобы выбить на камне… Но я никогда не забываю стихи, Кэшел. Даже если не знаю, о ком или о чем они.

Лицо волшебницы стало задумчивым. Свет лампы подчеркивал линии на щеках, выгравированные временем.

– В его библиотеке имелись заклинания, которые, пожалуй, даже самому могущественному магу не стоило пытаться использовать. Но не они меня интересовали. Ансалем собирал еще и коллекцию предметов, служивших проводниками для потусторонних сил.

Старуха встала, воспоминания о давних событиях, казалось, разволновали ее.

– Его дворец напоминал водоворот сил, способных перевернуть всю вселенную. Никто, кроме самого Ансалема, не мог оставаться в безопасности рядом с подобным источником. Я, во всяком случае, не смогла…

Гаррик подумал о предметах, которые он видел в своем сне: мумия рептилии; лежавший в нише образец какого-то металла – он освещал все вокруг голубоватым светом; шар размером с кулак, сверкавший, как затвердевшее пламя; и конечно же, марказитовый Владыка Морей.

– Но Ансалема, выходит, это не пугало? – спросил Кэшел, – По причине его могущества?

Теноктрис покачала головой.

– Скорее по причине его невинности, – ответила она. – Видишь ли, от такого не спасет никакое могущество. Но Ансалем был чист в душе, силы не смогли ни за что зацепиться, как это случилось бы с другими людьми… По крайней мере с другими магами.

– Даже с тобой, Теноктрис? – удивилась Лиэйн.

– Даже со мной, – подтвердила та. – В Ансалеме же присутствовала скорее не мудрость, а полет воображения.

Она сжала ладони и прикрыла глаза.

– Как сейчас помню экспонат из его коллекции – раковина одного из Владык, обратившаяся в марказит задолго до эпохи человечества. Она воплощала в себе абсолютное Зло, ничего подобного я не встречала в реальном мире.

Гаррик согласно кивнул. Никто, даже Теноктрис, не представлял себе, насколько хорошо он понимал ее.

– Мне нравилось работать в библиотеке Ансалема, – говорила Теноктрис. – Даже маленький глоток из этого источника мудрости являлся наслаждением, которое я до сих вспоминаю с трепетом. Но если б я не уехала оттуда в какой-то момент… меня бы просто разорвало на части той аурой зла, которая окутывала дворец.

– Там вроде присутствовали и другие маги? – спросил Гаррик. Он сидел, стараясь не держать расслабленные руки на коленях. Вместе с воспоминаниями Каруса в нем проснулась и давнишняя нелюбовь короля к колдунам, магам и прочему чародейству.

Но ведь магия – это просто инструмент. В руках Теноктрис она являлась тонким, ключом, открывающим тайные истины, в других же… Инструмент не виноват, если большинство магов превращали это искусство в нечто опасное, подобно саням, управляемым сумасшедшим слепцом.

– Как же, очень даже помню, – невозмутимо подтвердила Теноктрис. – Во время визита в Клестис я видела там семерых помощников, как называл их Ансалем. И хотя я уверена, что от него они не почерпнули ничего дурного, тем не менее…

Она покачала головой, поморщившись.

– Знаешь, если б я и сомневалась относительно риска, которому подвергаются волшебники во дворце Ансалема, то один только вид этих помощников развеял бы все сомнения. При всем при том они действительно являлись могущественными

волшебниками… Особенно один – по имени Пурлио из Мнара.

Воцарилось загробное молчание. Илна встала и шагнула к двери, чтобы проверить время по положению луны на небе. Проходя мимо с Гаррика, она чуть-чуть посторонилась, будто не желая случайно его коснуться – этакая ласка без прикосновения.

– Ну что, похоже, с едой покончено, – сказала она. – Теноктрис, насколько я помню, ты собрала нас, чтобы отправиться в Мостовой округ. Так мы идем?..

Теноктрис кивнула.

– Да, – сказала она. – Это необходимо сделать. Сегодня я еще раз убедилась, что мои опасения нисколько не преувеличены.

Глава 4

– Тпрр-руу! – прикрикнул кучер, с грохотом останавливая карету, запряженную парой лошадей. Ее тряхануло в последний раз, когда переднее колесо с лязгом влетело в выбоину между булыжниками мостовой. Гаррик резким движением открыл дверь и спрыгнул на землю, проигнорировав подножку. Нет ничего лучше, чем вновь обрести твердую почву под ногами.

Всю дорогу карета скрипела и раскачивалась, и юноша просто оглох от грохота железных ободьев по каменной мостовой. И только сейчас, когда они остановились, уши Гаррика начали воспринимать гул толпы, скопившейся на площади. Сотни людей собирались маленькими группами и глядели на реку.

Королевские знаки отличия отсутствовали на его экипаже. Но в рабочем районе, вроде этого, ни одна карета не осталась бы незамеченной. Люди оборачивались и глазели на вновь прибывших.

Кэшел слез с козел, где он восседал возле кучера. Его посох не поместился бы внутри кареты, куда с трудом втиснулись пять человек. Расставаться же со своим оружием юноша ни в какую не хотел. Сейчас он с улыбкой шагнул навстречу другу.

– Я бы предпочел прогуляться пешком, – сказал он, – но так, похоже, быстрее. Опять же кучер знал дорогу. Вы как там, все планы обсудили?

– Там невозможно было думать! – возмутилась Шарина вылезая следом за братом. Форейтор распахнул дверцу с другой стороны и помог выйти Лиэйн с Теноктрис. Илна, пропустив вперед Шарину, сама с облегчением покинула карету; на лице девушки читалось отвращение к подобного рода поездкам.

– До чего жуткий грохот!

– Да, но Теноктрис не прошла бы столько пешком. Да и Лиэйн требовалось полистать свой справочник морехода… Вот я и подумал, что карета окажется разумной альтернативой двум паланкинам и пешей прогулке для остальных. Я рассчитывал поговорить по дороге, – Гаррик удрученно покачал головой. – В следующий раз буду знать…

Со времен Старого Королевства постоялый двор в Барке служил перевалочным пунктом для повозок, следующих в восточную часть острова. Дорогу в свое время замостили – Гаррик видел ее в воспоминаниях Каруса, но за тысячу лет непогода раскрошила камень и обрушила все, кроме пары небольших участков, в море.

Там нечасто встречали чужестранцев. Изредка приезжали верхом на Овечью Ярмарку зажиточные купцы, да порой на тропинке с западного побережья, из Каркозы, появлялся паланкин, где восседал грузный гуртовщик. Посему до недавнего времени слово «карета» было для Гаррика всего лишь пустым звуком. Да и покинув отчий дом, он не жаждал прокатиться в такой штуковине.

– Королю Карусу довелось однажды побывать в Клестисе, – сообщил Гаррик, обращаясь к Теноктрис. Он не объяснял, откуда у него такие сведения, хотя остальные уже начинали догадываться. Юноша стеснялся признаться, что беседует и живет бок о бок с человеком, умершим тысячу лет назад. – И вроде бы никакого моста там не наблюдалось.

Кучер и форейтор навострили уши, так же как и люди из толпы, хоть и казались

занятыми своими разговорами. Гаррик давно уже смирился с тем, что стоит ему где-то появиться, и люди обращают на него внимание, – это стало частью его жизни.

Ни во дворце, ни в деревне не существовало понятие уединенности. Окружают тебя придворные слуги или соседи по соломенной хижине – будь готов к тому, что твои дела станут достоянием гласности. При условии, конечно, что они того заслуживают.

– Если мы собираемся осмотреть мост, – произнесла Илна, не то чтобы резко, но с холодной бесстрастностью в голосе– то нам нужно спуститься поближе к воде.

– Верно, – сказал Гаррик, размышляя, как им протолкнуться к набережной. – Давайте продвигаться.

Они с Кэшелом пошли вперед. Во избежание излишней суматохи Гаррик не взял с собой отряда стражи. Ему и в голову не приходило, что происшествие в Мостовом Округе породило уже множество слухов во всех районах города. Ведь его правительство даже не догадывалось о том, что происходит.

А молва между тем уже успела просочиться и за пределы Вэллиса. В некоторых зеваках безусловно угадывались сельские жители. Об этом свидетельствовали их туники из небеленой шерсти и шляпы с широкими кожаными полями. Более того, здесь присутствовали и люди – в основном моряки, но далеко не все – в иноземной одежде. Гаррик разглядел жителей, по крайней мере, шести других Островов, включая далполан с их костяными украшениями. Некоторые пришли сюда с семьями или в компании друзей; мужчины по большей части стояли отдельно, женщины кучковались между собой. Беззаботно резвились дети за которыми приглядывали встревоженные матери. Вот, кстати, приметы местной жизни: если родители собирались на вечернюю прогулку, то детей приходилось брать с собой, поскольку слуг, с которыми их можно было бы оставить, здесь не держали.

Кэшел окинул взглядом толпу.

– Вон там можно пройти, – указал он и двинулся вперед. Поскольку зеваки стояли маленькими группками, пробиться между ними не составляло особого труда. Люди предпочитали общаться со своими друзьями, поворачиваясь спиной к другим компаниям. В преддверии зрелища все чувствовали себя неуютно, но даже это не объединяло зрителей в нечто целое. То, что им предстояло увидеть, исключало общество чужаков.

– Прямо как деревья в лесу, которые еле касаются друг друга ветвями, – с удивлением бросил через плечо Кэшел. Он протискивался бочком, но этого хватало, чтобы прокладывать Друзьям широкую дорогу. Иногда юноше случалось грудью или локтем задеть кого-нибудь, но не настолько сильно, чтобы вызвать раздражение. Некоторые оглядывались, но рост и комплекция Кэшела на корню уничтожали любой протест.

– Как только Ансалем стал правителем, Клестис перестал выплачивать дань герцогу Кордина, – рассказывал Гаррик, обращаясь к Теноктрис, которая шла между ним и Кэшелом. Защищенная с двух сторон рослыми парнями, пожилая женщина могла не бояться, что ее задавят в толпе. – Подарки, которые Ансалем посылал герцогу в Рагос, стоили во много раз дороже. Но тем не менее маг явственно продемонстрировал, что ничего не должен ни Кордину, ни вообще Островам.

– Да, об этом я знала, – кивнула Теноктрис. – Ансалем – при всей своей приятности и готовности развлечь своих ученых сотоварищей – являлся весьма своевольным человеком. Некоторые утверждали, будто он не от мира сего, но на самом деле он всегда знал, что происходит вокруг. Просто предпочитал отгородиться от окружающего мира всеми доступными способами.

Площадь озарялась лишь светом неполной луны, но и этого хватало, чтобы разглядеть беспокойство на лице Теноктрис.

– С такой-то силищей Ансалем имел почти неограниченные возможности, – продолжала она. – Но даже он был не гарантирован от ошибки.

Кэшел добрался наконец до набережной и обернулся. Здесь толпа теснилась уже не так плотно, как на каменной дамбе в двадцати футах позади. Состав тоже поменялся: стояли в

основном иностранцы да несколько дворян в сопровождении слуг и стражников. Все жители Мостового Округа осмотрительно предпочитали держаться подальше.

Гаррик шагнул в сторону, чтобы Лиэйн, Илна и Шарина поместились рядом с Теноктрис. Ему частенько приходилось работать с Кэшелом в ситуациях, где от четкости действий зависела безопасность, например когда валили лес. Так что оградить женщин от толпы не представляло сложности.

– Простите, сэр, – пробормотал Гаррик моряку с мутным изумрудом в ухе, отодвигая его всей грудью, вместо того чтобы оттеснить его плечом. Толкаться плечом – это оскорбление, вызов; а легкий толчок грудной клеткой мог трактоваться как случайное касание в условиях тесноты.

Кэшел в это время расчищал себе место, нависнув над лакеем в подшитой тесьмой тунике – не дотрагиваясь до него, но вынуждая дать дорогу этакой громаде. Лакей юркнул за спины своей группки, бросая на Кэшела злые взгляды через плечо.

Лиэйн прижалась к Гаррику. Улыбаясь, он посмотрел на девушку сверху вниз – она, как и Илна, едва доставала ему до плеча, две крохи. То ли дело Шарина: лишь на полголовы ниже Кэшела, а ведь его друг почти такой же высокий, как он сам, Лиэйн тоже улыбнулась ему в ответ, но улыбка не могла скрыть напряжения.

Все они знали, какая опасность скрывается в чародействе, но Лиэйн, наверное, тревожилась больше всех. На глазах девушки ее отец разрушил, а затем и вовсе потерял жизнь из-за ошибки в том, что он называл Искусством. Гаррик никогда не видел, чтобы Лиэйн пасовала перед опасностями, не важно, какого происхождения. Но столкновение с магией всегда требовало от нее особой силы воли.

– Справочник морехода, который я тут читала, составлен на Серизе, – она говорила вроде бы для всех, но обращалась в первую очередь к стоявшим рядом Гаррику и Теноктрис. – Их традиция отличается от принятой на остальных Островах.

Гаррик кивнул. Отец Лиэйн всю свою жизнь провел в путешествиях. Доводилось ему встречаться с серианскими банкирами и плавать на серианских кораблях. В результате у его дочери сохранились связи, о которых Гаррик, даже в качестве принца Островов, и мечтать не мог.

Справочник морехода был книжечкой из тонких бамбуковых пластин, которую Лиэйн захватила почитать по дороге из дворца. Слюдяные оконца пропускали внутрь кареты свет от масляных фонарей, висевших по бортам, но требовались, должно быть, неимоверные сосредоточение и усилие, чтобы читать в такой тряске и грохоте.

– Их справочник содержит в основном информацию о местах для высадки вдоль побережья, – сказала она, для пущей убедительности вынув из левого рукава саму книгу. – Здесь есть и политические сведения, но ровно столько, сколько требуется торговцам. Все остальное – список импортируемых и экспортируемых товаров для каждого порта.

Гаррик кивнул, дабы показать, что он слушает Лиэйн, но глаза его неотрывно следили за рекой. В этом месте Белтис текла стремительнее, чем несколькими милями южнее, где она разделялась на три рукава, впадающие во Внутреннее Море. На поверхности был виден лишь лунный свет и обычный речной мусор.

– Этому сборнику сто лет в обед, – продолжала Лиэйн. – Он давно устарел, не понимаю, зачем корабел – знакомый моего отца держал его у себя в библиотеке. Здесь, кстати, говорится, что Клестис – это маленькая, ничем не примечательная рыбачья деревушка.

– Все верно, – кивнул Гаррик. То же самое сообщали орнифольские капитаны королевским курьерам, наводившим по просьбе принца справки.

– Но вот что интересно: раньше Клестис являлся крупнейшим портом на южном побережье, – добавила девушка. – Старый город затонул во время того же катаклизма, который поглотил Ноль.

Теноктрис поджала губы. Сейчас она была похожа на малиновку, которая примеривается, как бы схватить червя.

– Вполне возможно, – отозвалась она. – Наверняка не знаю, поскольку меня унесло с Ноля во время этого самого катаклизма. Но слабо верится, чтобы Ансалем мог допустить подобную ошибку с родным Клестисом.

На мгновение она замолкла, подыскивая слова, чтобы лучше объяснить свои чувства. Затем продолжила с легкой улыбкой:

– Ансалем действительно был Ансалемом Мудрым, но его мудрость не имела отношения к простой учености, вроде моей. Она включала в себя такое понимание мира, которое недоступно простому человеку. В этом он мне очень напоминает Кэшела и Илну.

Теноктрис взглянула на брата с сестрой, давая понять, что она не хочет говорить за их спиной. Кэшел не слышал ее; Илна же скорчила гримасу, не отрывая взгляда от воды.

В этот момент над водой возникло холодное мерцание. «Начинается! » – закричал из толпы юный женский голос, дрожащий от вина и волнения.

– Начинается… – произнесла Илна, глядя на линии голубого света, которые складывались и уходили вдаль от набережной.

* * *

Теноктрис резко опустилась на каменную мостовую – будто упало давно подгнившее дерево. Старое, хрупкое тело утратило способность двигаться быстро и при этом грациозно. Илна дернулась в сторону колдуньи, но ее опередила стоявшая ближе Лиэйн.

Все обошлось. Усевшись, Теноктрис вытащила пучок бамбуковых палочек, которыми часто пользовалась в своих обрядах. Другие волшебники предпочитали специально изготовленные инструменты. Причем зачастую при ковке атамов читались и писались заклинания для усиления магического воздействия. Теноктрис же обходилась обычным бамбуком, хворостинками или просто пучком травы. После каждого использования она выбрасывала самодельные атамы – так, чтобы остатки старых заклинаний не накладывались на последующую работу.

Илна одобряла подобный подход. Будь Теноктрис ткачихой, наверное, ее изделия выглядели бы маленькими, плотными и безупречными по качеству.

Колдунья начертила в уличной пыли какую-то фигуру – неровные булыжники мешали разглядеть точно, круг или квадрат, – и начала что-то писать по внешнему краю. Ничего неожиданного не последовало.

Разочарованная Илна вновь вернулась к переплетению синеватых лучей, колебавшихся над рекой. Иногда они касались опор, которые когда-то поддерживали первую арку древнего моста. Отдельные проблески, казалось, никак не группировались, словно вспышки одиночных молний. Но опытный глаз Илны быстро вычленил рисунок: она уже видела плавную дугу, уходящую не к противоположному берегу, а гораздо дальше – к невидимому горизонту.

Все вокруг шептались про мост, но, на взгляд Илны, это больше походило на рыболовную удочку, закинутую сюда издалека. Конструкция не таила прямой угрозы, но явно преследовала какую-то цель. Девушка подозревала, что эта цель не обрадует Гаррика и его друзей.

А ты кто такая, красотка? – раздалось сзади. Илна поморщилась: развязный тон покоробил ее, хотя слова адресовались явно не к ней. Она обернулась, привычным движением правой рукой выдергивая моток ниток из левого рукава.

Какой-то юноша – лет восемнадцати – пытался обнять Шарину. Его длинные светлые волосы были щедро сдобрены ароматическими маслами и уложены в замысловатую прическу. Одежду кавалера составляла полупрозрачная нижняя туника, поверх которой красовалось замысловато скроенное верхнее платье из позолоченной кожи.

Костюм производил впечатление чего-то экзотического и очень дорогого. В сторонке стояла компания – или банда, от которой отошел парень. Илна разглядела троих молодых

людей сходной наружности и четырех женщин, в которых чувствовались хорошо оплачиваемые профессионалки. Их сопровождала дюжина слуг. Все юноши были при мечах, но реальную угрозу представляли не сами аристократы, а четверо их телохранителей.

Против ожидания, Шарина не отвесила пощечину этому надушенному червяку, а, покачав головой, отошла и спряталась за спиной Кэшела, который возвышался подобно валуну на равнине.

– Возвращайтесь к своей компании, сударь, – сказала она.

Однако «сударю» недостало ума послушаться совета. Он двинулся вслед за Шариной. Теноктрис по-прежнему сидела с закрытыми глазами и бормотала заклинание. Похоже, она не замечала ничего вокруг. Лиэйн, вскинув руки, встала между юношей и волшебницей, чтобы тот на нее не наступил. Гаррик перекинул полу плаща через плечо, демонстрируя рукоять длинного меча, но не касаясь ее.

Ситуацию разрешил Кэшел. Он приподнял юношу за шиворот и поставил на прежнее место. Мягко и бережно, как кошка-мать переносит своего котенка. А ведь Илне доводилось видеть, как брат голыми руками колет орехи.

– Уходи, – произнес Кэшел. В голосе звучал не гнев, а скорее удивление. И впрямь, рядом с Кэшелом хрупкий парень выглядел тявкающим щенком. – Я не желаю причинять тебе вред.

– Эмрих! – взвизгнул юноша. – Вышвырни этот сброд! Окружающие, в том числе шлюхи и слуги аристократов, начали отодвигаться подальше от назревающей ссоры. Юный забияка с презрением оглядел Гаррика и его спутников. Отметил простую одежду и отсутствие слуг и, очевидно, принял их за местных бедняков. Это прибавило ему храбрости: ведь с простолюдинами можно делать все что угодно. Вся сцена выглядела настолько безобразной и непривычной для Илны, что девушка аж задохнулась от возмущения.

Более умного человека – или, может, более трезвого – простая туника Гаррика не ввела бы в заблуждение. Он наверняка обратил бы внимание на то, что меч юноши стоил целое состояние, побольше годового дохода иной фермы. Четверо телохранителей приметили этот факт, но тем не менее потянулись к своим клинкам. Вместо того чтоб попытаться миром уладить дело, они предпочли разговаривать с позиции силы: четверо против двоих.

Илна не сомневалась, что Гаррик и ее брат справятся с ситуацией, но она-то могла это сделать лучше и быстрее. Девушка связала четыре нити. Узор проявился, когда она подбросила их, заставив завертеться в воздухе.

Конечно, при ярком освещении все выглядело бы куда эффектнее, но и в лунном свете беленая шерсть – достаточно хорошо видимая – привлекла внимание стражников. Все четверо закричали и упали на мостовую, хватаясь за лица и тела, будто пытаясь оторвать от себя невидимую сеть.

– Не отдавайте меня пауку! – в ужасе кричал Эмрих. – Уберите его отсюда!

Молодой человек, их хозяин, потрясенно смотрел на извивающихся охранников, забывших об оружии. Трое его приятелей, казалось, не разделяли испуг юноши и наблюдали скорее с интересом; один из них потягивал вино из большого, оправленного в серебро рога. В конце концов они за этим сюда и пришли: поглазеть на нечто сверхъестественное. Действительность превзошла все их ожидания.

Очевидно, ужас лишил заводилу последних остатков разума, потому что он схватился за меч. Неверное действие. Кэшел перехватил левой рукой его запястье, на мгновение сжал, а затем аккуратно убрал руку юноши с рукояти меча. Гаррик, шагнув к ним, взялся за перевязь чужого меча. Он скрутил, расстегивая, серебряную пряжку, словно сухой кукурузный стебель.

Что за… – возмутился незадачливый драчун, но Кэшел легонько отпихнул его.

Тот сделал пару неверных шагов и глухо шлепнулся на мостовую. Гаррик вышвырнул меч, ножны и пояс в Белтис. После чего друзья рассмеялись и обменялись рукопожатием. Они работали слаженно, словно два мельничных жернова…

– Да вы знаете, сколько стоил тот меч? – прошипел слуга, настолько пораженный

происходящим, что позабыл о собственной безопасности.

– Примерно столько же, сколько жизнь этого маленького сутенера, – произнес Гаррик, показывая пальцем на юношу. Тот заерзал на мостовой, по-лягушачьи выпучив глаза.

С ленивой улыбкой Гаррик обернулся к Илне.

– С этими все будет в порядке? – спросил он, прищелкнув пальцами в сторону охранников. Левой рукой, как отметила Илна, потому что правая сжималась и разжималась, будто в поисках меча.

Девушка взглянула на замерших мужчин. В какой-то леденящий душу момент ей показалось, что ее пальцы добавили лишний узелок к узору. Который ее мозг вовсе не предполагал завязывать…

Но охранники продолжали дышать. Просто обессилели от борьбы с паутиной, видимой лишь им одним. Илна ощутила, как ее окатило волной облегчения – даже ноги подкосились…

– Гаррик, держи ее! – услышала она голос Лиэйн, так и не успев упасть на мостовую.

Руки Гаррика, крепкие, как ореховый обод, ловко подхватили ее. Девушка почувствовала, как сильно бьется в груди его сердце – охваченное тем же яростным гневом, что и ее собственное.

* * *

– Они придут в себя, если развязать узлы, – простонала она на груди у Гаррика. – Но я-то… О Госпожа! Я чуть не убила их!

Кэшел присел на корточки, разглядывая поверженных стражников. Глаза их были открыты, но никто не шевелился. Они лежали с прижатыми к телу руками, словно их спеленали влажным полотном. Эмрих, этакий денди в усыпанных серебром ремнях и с шелковым платком на шее, слабо пробормотал:

– Прошу вас…

– Ничего-ничего, все в порядке, – приговаривал Гаррик, поглаживая Илну по спине. – Ты же остановилась в нужный момент. И благодаря тебе они остались живы, иначе я или Кэшел…

Не посредственно после стычки юноша отключился: взгляд его блуждал где-то за тысячу миль отсюда. Лишь сейчас глаза Гаррика снова оживились. Зато Кэшел не придал особого значения происшествию. Просто глупая история…

Он подобрал нити, связанные Илной. Узор ничего ему не говорил, переплетение узелков выглядело случайным, словно ветер играючи перепутал их между собой. Кэшел протянул было нити сестре, но та все еще всхлипывала, не в силах отойти от пережитого. Тогда юноша принялся сам распутывать узлы.

Кэшел подозревал, что это займет у него немало времени. Магия Илны сильно отличалась от того, что делала Теноктрис ни заклинаний, ни начертанных символов… но это не делало ее слабее.

Скорее наоборот. Кэшелу в своей жизни доводилось встречаться с настоящими магами и успешно противостоять их ударам. У него это получалось неосознанно. Юноша не задавался лишними вопросами, не пытался понять – в отличие от Илны с ее плетеными штучками… но тем не менее они оба в случае крайней нужды прибегали к одной и той же могучей силе.

Новая мысль пришла в голову Кэшелу и насмешила его: он взялся за нелегкое занятие. Пожалуй, потруднее, чем целый день катить в гору огромный валун. Ну что ж, они с сестрой не привыкли бегать от тяжелой работы.

Тугие узлы постепенно поддавались под сильными пальцами юноши. Илна умела видеть узоры, а Кэшел прозревал равновесие вещей, способ их совместного существования. И догадывался, что, по сути, это две стороны одного знания.

Охранники вздрагивали и подергивались, когда Кэшел касался той или иной нити в ладони или же подцеплял ее указательным пальцем другой руки, сжимающей посох. Он не знал, действительно ли эта штука, сотворенная Илной, могла убить. Приходилось мириться с такой возможностью: в конце концов, у охранников были мечи, и они могли ими воспользоваться. Так что на особую деликатность времени не оставалось.

Кэшел удивленно покачал головой. Как глупо!

Илна уже вполне оправилась и могла стоять сама. Во всяком случае, она отвергла протянутую руку Лиэйн.

Тем временем Гаррик подошел к аристократу, затеявшему ссору. Парень хотел подняться, но, очевидно передумав, снова откинулся на мостовую. При этом он на всякий случай прикрыл пах руками!

– Кто ты? – Голос Гаррика звучал достаточно мягко и дружелюбно, однако давал понять, что лучше не сердить говорившего.

– Я – лорд Мос бор-Мориман! – заявил юный аристократ. – Да как вы смеете! Я с моими друзьями…

И он оглянулся в поисках поддержки. Его приятели со всем окружением стояли в сторонке, наблюдая за ним с любопытством чаек, готовых заклевать насмерть выброшенную на берег рыбу.

Кэшел вполглаза приглядывал за стражниками – просто так, на всякий случай… Вдруг им придет в голову подобраться к Гаррику со спины. Излишняя предосторожность: в минуты напряжения Гаррик умудрялся замечать все вокруг. К тому же Илна тоже не сводила глаз со стражников, она стояла с жестокой усмешкой, держа наготове очередной пучок нитей. И тем не менее Кэшел предпочел не рисковать – в этот вечер уже случилось достаточно глупостей.

– Итак, лорд Мос, – продолжал допрос Гаррик. – Вам известно, кто я?

Один из охранников неуклюже распластался на земле, бормоча: «Забери меня, Сестра! Этого не может быть!»

– Во имя Госпожи! – вдруг сообразил Эмрих. – Это же он! Простите, принц Гаррик, мы не знали!

Он униженно скорчился у ног Кэшела; тот кивнул, давая разрешение подняться. Кэшел всю жизнь имел дело с овцами и сейчас отметил, что парень вовсе не глуп – не глупее его бывших подопечных, К сожалению, этого нельзя было сказать о его высокородном хозяине.

Поднявшись с земли, Эмрих преклонил колени перед Гарриком.

– Ваше Высочество, – медленно проговорил он, глядя на грязную мостовую, – наши жизни в ваших руках, но мы же не знали…

Остальные охранники тоже пришли в себя и начали осторожно подниматься. Кэшел с удивлением заметил, что двое из них косятся не на его окованный железом посох, а на пряжу в руках Илны. Впрочем, после пережитого ужаса их нетрудно было понять.

– Вы принц Гаррик Хафтский? – воскликнул Мос. – Действительно, принц Гаррик! Но я не понимаю, как люди должны вас…

– Молчать! – оборвал его Гаррик. – Или я отправлю тебя вслед за мечом, мне давно уже хочется это сделать.

Гаррик был обут в тяжелые ботинки – как всякий раз, когда он выходил на улицы Вэллиса. Он поставил ногу прямо перед носом Моса, едва не касаясь его. Юный аристократ счел за благо промолчать.

– Лорд Мос, – продолжил Гаррик, – в соответствии с вашим выбором, вы возьмете под свою опеку местный приют для сирот. Представитель казначейства вызовет вас завтра, чтобы обсудить детали.

– Выбором? – проскрежетал Мос. Он напоминал, и вполне резонно, жука, опрокинутого на спину. – Но о каком выборе вы говорите?! Вы же просто отдаете приказы!

Гаррик усмехнулся.

– Ну что вы, милорд, у вас есть самый настоящий выбор. Вот только, боюсь, альтернатива не понравится вам.

Кэшел наконец сообразил, в чем дело, и – на случай, если слова Гаррика не окажутся предельно ясны, – легонько пристукнул своим окованным посохом о мостовую. Крак!

Подмигнув ему, Гаррик с мрачным видом обернулся к компании.

– Вы сейчас же уберетесь отсюда, прихватив с собой этого гаденыша. – Его ботинок ткнулся Мосу в бок: не сильно, но ощутимо. – И я не советую возвращаться. – Затем он обратился к охранникам: – Вас это не касается. Для вас у меня отдельное сообщение.

Знатные гуляки переглянулись, и один из них бросил приказ слугам. Те, боязливо оглянувшись на Гаррика, бросились помогать лорду Мосу. Вся компания потянулась сквозь толпу вначале молча, затем, отойдя на безопасное расстояние, разразившись целой бурей взаимных упреков.

– Принц Гаррик? – обратился Эмрих. Он с ужасом ожидал, что скажет ему Гаррик. Четверо охранников замерли, как на смотре перед командующим.

– Утром, – просто сказал Гаррик, – вы подадите рапорт лорду Валдрону в Арсенал. Скорее всего, вам предстоит беседа с одним из чиновников, а не с самим командующим, но это не имеет значения. Скажете, что подаете рапорт о переводе в одно из новых подразделений.

Шарина подошла поближе к Кэшелу, но не прижалась к нему, как он в душе надеялся. Девушка боялась, что это может помешать при необходимости пустить в ход посох. Однако угроза уже миновала. Шарина снова закуталась в плащ, пряча длинный нож, который она успела вытащить из ножен.

– Жалованье вам положат исходя из вашего опыта и умений, – продолжил Гаррик. – Боюсь, оно вас несколько разочарует по сравнению с нынешним…

– Зато вы будете работать на достойного человека, – вставила Илна, и слова ее звучали сухо и жестко, – Думаю, вам придется по вкусу такая перемена в жизни.

– Вы верите, что мы придем, Ваше Высочество? – спросил второй (теперь уже бывший) телохранитель. Выглядел он старше Эмриха – с усами и баками необычайной густоты. Плащ с капюшоном свалился с него, пока он бился в конвульсиях, и теперь стало видно, что мужчина совершенно лыс.

– Либо вы появитесь, либо покинете Остров еще до заката, – ответил Гаррик. – Надеюсь, вы понимаете, что на Орнифоле вы не сможете спрятаться от меня и моих друзей.

Илна оскалилась, как череп из могилы. Она помахала перед охранниками мотком пряжи, а затем демонстративно спрятала нити в рукав.

– Да защитит меня Пастырь своим Посохом, – прошептал охранник, лицо его болезненно пожелтело. – Да укроет меня Госпожа покровом милосердия Ее…

– Ну же, – пробормотал Эмрих, обращаясь к своим товарищам. Старший подобрал свой плащ. Вместо того чтобы тут же его надеть, он встретился взглядом с Гарриком и прижал руку к груди, выставив локоть вперед.

К удивлению Кэшела, Гаррик ответил, стукнув кулаком правой руки в левое плечо. Как понял Кэшел, это являлось каким-то военным приветствием; может, салют или что-то в этом роде. У Гаррика появилось много странностей с тех пор, как отец отдал ему этот медальон!

Охранники молча ушли, держась поближе друг к другу. Ссора помогла расчистить вокруг принца и его друзей пространство в добрых двадцать футов. Маловато, с усмешкой отметил про себя Кэшел. Дойди дело до драки, одному Пастырю известно как далеко может улететь меч, выбитый кэшеловым посохом из неловкой руки.

Гаррик оглядел притихшую толпу.

– Как часто происходят подобные вещи? – громко спросил он. – Богатые глупцы приходят сюда пощеголять и натравливают своих слуг на всех недовольных?

Люди нерешительно переминались, и вдруг вперед шагнула девушка. Кэшел видел ее раньше, только в более изысканных нарядах. Это была горничная Шарины, Диора. Она тянула за собой из толпы полноватую женщину в возрасте.

– Давай же, мама, – воскликнула Диора, – расскажи ему! Принц Гаррик хочет знать правду!

Женщина несколько раз открыла и закрыла рот, но так и не смогла заставить себя произнести ни слова. Девушка с раздражением отвернулась от нее, звонко проговорила:

– Не каждый вечер, сир, но случается. Приходят и делают все, что вздумается. И никто им не может противостоять!

– И еще сторожевых псов натравливают! – крикнул мужской голос из дальних рядов безликой толпы. – Они прекрасно осознают свою безнаказанность. Ведь рискни мы взяться за булыжники, и сюда бросят целую армию на подавление бунта!

Гаррик кивнул.

– Хорошо, – сказал он; голос эхом прокатился между унылыми фасадами. – Завтра же я поговорю с городским префектом. Велю ему выставлять на ночь особый патруль, который будет следить, чтобы все жители Островов вели себя благочестиво.

Гаррик засмеялся и быстро огляделся, прижав кулаки к губам. В этот момент он казался много старше того парня, с которым Кэшел вместе вырос. И очень, очень сильным…

– Если же это не поможет, – продолжал он, – то мы сменим перфекта. И новый префект будет жить в Двенадцатом Округе до тех пор, пока не справится с проблемой! Наше Королевство – для всех граждан, а не только для безмозглых денежных мешков с титулами!

Люди встретили его речь радостными криками. Гаррик же выглядел, изумленным и смущенным, словно только сейчас вспомнил, кто он и откуда.

Кэшел восхищенно улыбался другу. Вот уж воистину – слова принца. Если кто и сомневался прежде в происхождении Гаррика, то нынешняя ночь развеяла все сомнения.

В ответ на приветственные крики Гаррик поднял руки, затем повернулся спиной к толпе.

– Так или иначе, – произнес он тихо, глядя на странное явление над рекой, – но эту проблему нам тоже придется решить. Вот только кто бы мне объяснил, как это сделать!

В какой-то момент Шарине показалось, что Диора хочет подойти к ней. Но, видно, нервы девушки не выдержали, и она в последний момент юркнула в толпу, скрывшись из виду.

Одно дело – рассказать своей госпоже в приватной беседе про странный мост. Но тут Диора обратилась прямо к принцу Гаррику перед всем честным народом. Ничего удивительного, что девушка перепугалась.

Шарина с улыбкой отвернулась и вновь обратила внимание на мост, мерцающий над Белтис. Завтра она успокоит Диору и объяснит ей, что она все сделала правильно. Так даже лучше: заговори она с горничной сегодня, это только напугало бы бедняжку еще больше. Шарина мягко коснулась запястья Кэшела кончиками пальцев.

Непонятная конструкция казалась нарисованной бледной пастелью. Девушке припомнилось, как в самые холодные зимы над их родной Баркой полыхало северное сияние. Этот мост выглядел таким же призрачным, как небесные огни. Вовсе не устрашающим, просто каким-то сверхъестественным.

– По-моему, там ходят люди, – сказал Кэшел, напряженно вглядываясь. – По крайней мере мне так кажется.

Гаррик посмотрел на Теноктрис. Та по-прежнему сидела на камнях, шепча что-то в такт движениям своей бамбуковой палочки. Лиэйн склонилась над старой волшебницей, оберегая ее, покуда остальные разбирались с лордом Мосом и его компанией.

– Она не?.. – начал Гаррик, но Лиэйн предостерегающе подняла вверх ладонь. Затем пожала плечами и опустила в ножны кинжал, который держала до этого наготове.

– Она не произнесла ни слова, Гаррик, – сказала она, – Если не считать заклинаний.

– Раньше здесь был совсем другой мост, – заявил Гаррик. Он говорил достаточно громко, но Шарине показалось, что брат просто раскладывал мысли по полочкам. – Яимею в виду тот, который видел король Карус. Честно говоря, это вообще не похоже на мост, хотя в моем сне я, помню, пересекал реку по мосту.

– Так это то самое место, где ты побывал во сне? – спросила Лиэйн.

– Я говорю о том, как я попал туда, – улыбнулся Гаррик. Но вот насчет где, я не

уверен… ни во сне, ни наяву.

И тут ночную мглу пронзил крик – слишком резкий, чтобы принадлежать человеку. Пожалуй, даже для лошади он казался чересчур громким, Кэшел с тревогой огляделся, но звук явно пришел издалека.

Шарина сняла руку с рукояти своего пьюльского ножа. Очень может быть, что звук вообще не принадлежал этому миру. Так же, как и мерцающая в воздухе структура.

Теноктрис с приглушенным вздохом облегчения опустила свое стило. Ее била дрожь, и женщина упала бы, если бы Илна не подхватила ее вовремя.

Девушка холодно взглянула на друзей, как бы говоря: «Ну вот, я так и знала…» Шарина встретилась с ней глазами и улыбнулась. Илна действительно прозревала суть событий. Если Лиэйн во время толчеи следила, чтобы Теноктрис не затоптали, то Илна видела внутреннее состояние волшебницы.

– Помоги мне, пожалуйста, – попросила Теноктрис.

Илна осторожно выпрямилась, поддерживая пожилую женщину за плечи. Гаррик хотел помочь, но девушке не требовалась помощь, и она не собиралась ее принимать.

Шарина попыталась представить себе мир, в котором все люди такие, как Илна. Очень вежливый и правильный мир.

Но и очень пугающий… Как прогулка по застывшей лаве над кипящим в глубине вулканом. Неужели эта ярость и сила навсегда поселились в душе девушки?

Поддавшись чувству, Шарина сжала маленькую сильную руку Илны. Просто дружеское прикосновение, жест подруги… Илна скупо улыбнулась в ответ, словно знала, о чем думает Шарина, и соглашалась с ней.

Теноктрис выпрямилась и перевела дух.

– Ну, теперь ты выяснила, что это? – спросил Гаррик. Он сгорал от нетерпения и попытался сгладить его извиняющимся тоном.

– Боюсь, до этого еще очень далеко, – ответила волшебница.

Она сделала жалкую попытку улыбнуться, но не смогла. Есть вещи, которые можно постичь лишь через магию, но данный путь требует чудовищного напряжения сил. К тому же грозит немалыми опасностями, даже при условии, что маг все делает правильно.

Если он все же ошибался, то это дорогого стоило. И всегда вставал вопрос – единственно важный – сколько человек в результате он унесет с собой в Преисподнюю? Именно ошибка – в не меньшей степени, чем злой умысел, разрушили, разнесли Старое Королевство в кровавые клочья. Новый промах волшебника мог означать крах всех надежд для цивилизации Островов.

Услышав крик, толпа затихла, и теперь Шарина смогла различить другие голоса.

Они были слишком высокими для человеческого уха, и девушка затруднялась сказать точно, смеялись они или вопили от ужаса. Как и мост, голоса терялись в неясной дали.

Лягушки, обычно устраивающие звонкие концерты на речном мелководье, тоже смолкли. Лишь где-то вниз по течению раздался всплеск – это рыба уходила вглубь от какой-то ей одной видной опасности.

– Сегодня я только попыталась… – с усилием начала Теноктрис. Старая волшебница задыхалась и собиралась с силами перед каждым новым словом. Она с благодарностью погладила Илну по руке и высвободилась. Кажется, ей уже удавалось самостоятельно держаться на ногах. – Выяснить, является ли сила наблюдаемого явления цикличной или же возрастает. Если бы я установила, что оно исчезнет само по себе, то предпочла бы не вмешиваться.

Она устало улыбнулась.

– Но, к сожалению, в данном случае явление будет расти, пока его не уберут. А сделать это не проще, чем, скажем, перенести Вэллис на северное побережье Орнифола… Или уж сразу на Хафт.

Подняв руки, Кэшел закинул свой посох за голову, где он никому не мешал.

– Ну и как, – усмехнулся он, – будем перетаскивать Вэллис по домику или ухватим все

сразу?

Теноктрис рассмеялась, преображаясь на глазах. Она все еще выглядела усталой, но с лица исчез отпечаток обреченности. Как хорошо, что вокруг нее друзья – ее друзья, готовые вместе с ней противостоять надвигающемуся хаосу.

– Думаю, прежде всего нам нужно заручиться поддержкой – объявила Теноктрис. – Точнее, нам следует найти мага, ответственного за это и убедить его исправить содеянное.

– Ты имеешь в виду Ансалема? – спросил Гаррик.

Теноктрис пожала плечами.

– Ансалем подошел бы, – сказала она, – будь он жив. Он являлся уникальным человеком – не похожим ни на кого и ни на что, встречавшееся мне. Явление, которое мы сейчас наблюдаем, на самом деле вовсе не мост. Просто наше сознание так его воспринимает. Я бы скорее назвала это точкой пересечения пластов мироздания. Само по себе оно не несет зло, но тем не менее способно причинить вред одним своим…

Снова раздались крики, на этот раз – вполне человеческие. Кто-то, вопя от ужаса, бросился в реку. Странное создание из розоватого света продиралось сквозь толпу. Оно выглядело не менее напуганным, чем люди, в панике кинувшиеся врассыпную.

Существо было ростом со взрослого мужчину или около того и сложением напоминало – почти напоминало – человека. То есть имело две руки, две ноги, но конечности покрывала густая шерсть. К тому же ноги сгибались у него каким-то совершенно невероятным, неправильным способом. И заканчивались козлиными копытцами, они звонко зацокали по мостовой, когда тварь окончательно материализовалась.

Затем фавн расплылся в бледное пятно, которое промчалось прямо сквозь паланкин и сидящую в нем, увешанную драгоценностями даму. Та завопила; впрочем, она кричала и до того. Шарина не заметила, чтоб дама как-то пострадала от неожиданного вторжения.

В двух шагах за паланкином фигура вновь обрела твердость яшмовой статуи. Он – а на существе не было одежды, и сомнений в его половой принадлежности не оставалось – мчался по эспланаде прямо к Шарине и ее друзьям.

Фавн совершил отчаянный прыжок, дородный мужик в кожаном фартуке мясника на свою беду нырнул в том же направлении. Они столкнулись. Мясник упал, а фавн отскочил назад, отчаянно блея.

Теперь он направлялся прямо к Шарине. На его заостренном лице застыла маска ужаса. Девушка вытащила было пьюльский нож, но Кэшел шагнул вперед и заслонил ее, держа наготове посох. Фавн подпрыгнул не хуже оленя… и растворился прямо в воздухе, оставив за собой рассеивающееся пятно алого мерцания.

Шарина охнула, чувствуя, как обмякли мышцы живота. Ей припомнилось, как однажды шершень – стремительный, безмозглый и жутко ядовитый – влетел ей со всего размаху в лицо. Сейчас она пережила нечто подобное.

Мясник лежал на мостовой, мыча от боли и сжимая бок, откуда сочилась кровь. Острые копытца фавна распороли кожаный передник и вошли в левое бедро бедняги как пара ножей. Вокруг него хлопотали женщина и мальчик: она рвала подол своей туники на повязки, а подросток придерживал голову раненого и шептал слова утешения. Он и сам был потрясен не меньше жертвы, по лицу мальчишки текли слезы.

Большинство зевак разбежалось с набережной. Аристократка в паланкине продолжала рыдать. Трое телохранителей с мечами наголо окружили ее, оглядываясь в поисках носильщиков. Тех и след простыл. После недолгого спора процессия продолжила путь пешком. Двое стражников поддерживали свою госпожу на булыжной мостовой.

Кэшел опустил посох, но оставался в напряжении.

– Что это было? – тихо спросил он.

– Некто попавший сюда по ошибке, – ответила Теноктрис. – Сам по себе он не представляет опасности, но является тревожным симптомом нашей проблемы. Пока существует связь реальностей, те или иные вещи будут проваливаться сквозь дыры мироздания. И кое-что может оказаться по-настоящему опасным.

В этот момент Шарина разглядела нечто в небе над мостом. Сначала ей показалось, что это просто отблески, оставшиеся после исчезновения фавна. Они мерцали, как иней на рассвете, затем приобрели очертания крылатой фигуры – птицы, медленно двигавшейся в сторону Шарины и ее друзей.

Красное свечение погасло. Птица исчезла из поля зрения, затем вновь проявилась.

– Думаю, пора возвращаться во дворец, – сказала Теноктрис. – Сегодня я узнала все, что хотела.

Она слабо улыбнулась.

– К тому же я слишком устала, чтобы чем-то еще заниматься.

Шарина обернулась. Их карета одиноко стояла у начала теперь уже совершенно опустевшей эспланады. Мясника увели прочь. Он ушел, хромая и опираясь на женщину и незнакомого смельчака, рискнувшего прийти ему на помощь.

Лиэйн что-то обсуждала с Гарриком. Шарина поглядела вверх, надеясь, что птица исчезла вслед за фавном. Увы, она по-прежнему висела в небе – и стала гораздо больше.

– Так и сделаем, – решил Гаррик.

– Что это? – воскликнула Шарина, указывая вверх, Она почувствовала себя не совсем удобно, будто пыталась не вовремя привлечь к себе внимание.

Кэшел посмотрел вверх и нахмурился. Он шагнул, чтобы загородить Шарину от возможной опасности. Не слишком ли велика эта тварь для птицы? Сначала Шарина приняла ее за чайку, но сейчас та значительно увеличилась в размерах. Крылья ее уже достигали почти сорока футов в размахе.

Гаррик потянулся было за своим длинным мечом, но после недолгого колебания оставил его в ножнах. Стоять с обнаженным мечом не слишком-то удобно. Если понадобится, он всегда успеет достать оружие.

Стало слышно хлопанье крыльев. Нездешняя тварь, казалось, стояла на месте, но тем не менее продолжала быстро расти в размерах. Теперь ее крылья, покрытые чешуей, были в сотню футов шириной. Кроме того, присутствовал зубастый клюв и по три крючковатых пальца на сгибе каждого крыла. Чудовище поворачивало голову из стороны в сторону, наблюдая за Шариной огненным глазом.

– Ложись! – крикнул Гаррик, выдергивая таки меч. – Кэшел, давай вместе!

Лиэйн толкнула Теноктрис и упала, накрыв собой пожилую волшебницу. Шарина, успевшая достать пьюльский нож, поняла, что Гаррик прав: для боя им с Кэшелом требовалось свободное пространство. Девушка тоже распласталась на камнях, повернув голову так, чтобы видеть небо. Ее нож, крошечный кинжал Лиэйн и аркан Илны годились в определенных ситуациях, но не против такого монстра, закрывшего собой полнеба.

Даже на меч Гаррика, откровенно говоря, была слабая надежда. Зато вот Кэшел…

Он начал вращать свой посох с неспешной аккуратностью мастера. Юноша ухватил гладкую орешину чуть ближе к концу, скрестил запястья – палка перевернулась. Затем снова и снова…

Круговое вращение являлось основой техники работы с посохом. Прочный орешник надежно защищал владельца и давал возможность наносить удары любым его концом.

Однако в руках Кэшела посох выполнял и другую функцию. Искры голубого огня, а затем обжигающие светящиеся потоки срывались с обоих набалдашников, когда он вращал свое оружие. Широко расставив ноги, юноша твердо стоял во всеоружии, готовый победить или погибнуть.

Птица снижалась. Вспышка рубинового пламени очертила массивную фигуру монстра – она напоминала сияющую каплю росы на паутинке. Клюв твари приоткрылся в крике.

Она зависла прямо над ними. Меч Гаррика взмыл вверх, посох Кэшела превратился в сияющий сапфировым светом диск, но птица…

Птица испарилась, словно ее никогда и не было.

Шарина поднялась на ноги. Лиэйн прикрывала Теноктрис, опираясь на ладони, чтобы не придавить старую женщину. Она подняла голову, убедилась, что опасность миновала, и

помогла волшебнице встать.

Илна грациозно вскочила и принялась обматывать свой шелковый аркан вокруг талии. Она поймала взгляд Шарины и ответила с кривой усмешкой:

– Не знаю, много ли проку в этой штуке, но с ней в руках мне как-то спокойнее.

Шарина в свою очередь улыбнулась и спрятала пьюльский нож.

Кучер пытался разобраться с поводьями, но, похоже, вся упряжь перепуталась. Хотя опасность миновала, лошади продолжали испуганно ржать. Только искусство и мужество слуги не позволили им рвануть в какой-нибудь узкий переулок у въезда на эспланаду. Карета неминуемо разбилась бы при этом о какой-нибудь угол.

Гаррик по-прежнему сверкал глазами. Он крутанулся на пятках, словно ожидая увидеть тварь за спиной, но та попросту исчезла. Реальность выплюнула ее, как перед этим – фавна. Юноша содрогнулся.

– Сомневаюсь, что я когда-нибудь привыкну к подобным фокусам, – тихо сказал он. – Но лучше уж так, чем сражаться с тварью, размером превышающую трирему…

Кэшел шумно перевел дух. Он уперся посохом в землю и стоял, тяжело облокотясь на него. Парень выглядел таким измученным, словно попытался удержать целый мир на своих плечах.

Шарина подошла поближе и крепко сжала его руку. Кожа Кэшела была горячей, а волоски еще стояли дыбом.

– Я не разглядел, куда она улетела, – сказал он. – Не помню точно…

– Никуда она не улетала, просто исчезла, – ответил Гаррик. Он убрал меч в ножны и с сомнением посмотрел на друга: не нужна ли тому помощь? – Теноктрис, а ты не знаешь, что это было?

– Еще одна тварь; провалившаяся в щель – так же, как и мост, – ответила волшебница. – Боюсь, тут побывает еще много странных гостей, прежде чем мы уберем этот груз с плеч Мироздания…

– Мне показалось, она пришла за нами, – спокойным голосом сказала Лиэйн.

Илна едва заметно кивнула.

– За нами или за одним из нас. И мне так почудилось.

– Давайте-ка выбираться отсюда, – сказал Гаррик.

И вдруг снова раздались крики ужаса. Шарина взглянула вверх: птица пикировала на них из-за домов. Она описала круг по какому-то из слоев мира, куда ее затянуло, и теперь возникла у них прямо за спиной. Ее огромная фигура темнела в ореоле алого магического света. От резкого клекота на реке пошли пенные волны.

Шарина обернулась, пытаясь заслонить Теноктрис от монстра. Кэшел покачнулся, вновь раскручивая посох; Гаррик вытаскивал меч. Нет, только не Теноктрис! Если что-то случится с пожилой волшебницей, это станет настоящей катастрофой. Ведь никто из них не сумеет выработать программу действий. Даже если предположить, что таковая имеется.

Небо почернело. Чешуйчатые крылья монстра рассекали воздух с шелестом весеннего леса.

– Шарина!!! – закричал Кэшел.

Роговые когти длиной с человеческую руку сомкнулись вокруг Шарины сзади. Она сделала попытку вытащить нож, но руки оказались прижаты к бокам. «Словно мышь полевка в когтях у совы», – подумалось ей. Правда, в отличие от совы тварь держала ее бережно, не сжимая и не раня.

Девушка бросила взгляд вниз. Земля стремительно удалялась. Под ней текла Белтис, мост казался мерцающим призраком на ее поверхности.

Кожистые крылья птицы взмахнули еще раз, и вся вселенная с грохотом исчезла.

Глава 5

Туман заклубился от удара широких крыльев, и Шарина изогнулась в когтях твари. По

твердости они превосходили рог (а может, и железо), но сжимали ее нежно – словно два мельничных жернова, едва касающиеся зернышка, прежде чем растереть в порошок.

Дымка вновь застыла и обрела реальность, ничуть не похожую на тот мир, который они только что покинули. Под ними плескалось море. Над горизонтом зависло солнце, хотя Шарина не смогла определить, был это закат или восход.

Птичьи крылья отражались в черной воде. Шарина разглядела и себя – бледное пятно, прижатое к огромному темному брюху.

Из морских глубин впереди медленно поднималось нечто. Его обтекаемые контуры напомнили девушке морских демонов, которых ей несколько раз доводилось видеть в прибрежной Барке: океанский ящер с плоским хвостом и челюстями, способными расплющить корабль. Или человека.

Крупный морской демон достигает в длину двадцати футов. Тварь внизу тянула размером на корабль или даже больше. Ее клыки мерцали в красных лучах солнца.

Птичьи крылья по-прежнему работали все в том же размеренном ритме. Море и монстр, вынырнувший из глубин, остались позади, рассыпавшись в радужном сиянии. Шарина вновь оказалась наедине со своей похитительницей. Ее чешуйчатая кожа сохраняла незыблемую реальность, даже когда все вокруг расплывалось и теряло очертания.

Девушка снова дернулась, но когти оплели ее словно прутья клетки. Они не причиняли боли, однако не позволяли даже высвободить руку, чтобы откинуть волосы с лица.

Крылья медленно вздымались и опускались. Шарина подумала о своих друзьях. Развевающиеся на ветру волосы больно хлестали ее по лицу, нагоняя слезы на глаза…

* * *

Страсти кипели, одна только Илна сидела в углу, строгая и подтянутая. Она не двигалась, только пальцы сплетали и расплетали нити, создавая узоры, способные свести с ума любого по ее выбору.

– Мы должны спасти Шарину, – повторял Кэшел. Он тоже казался спокойным, но это было опасное спокойствие буйвола, которого донимает назойливый слепень. В любой момент Кэшел мог взорваться яростью, которая грозила смести все на своем пути.

– Я не думаю, что Шарина сейчас в непосредственной опасности, – сказала Теноктрис. Она не так хорошо знала Кэшела, как Гаррик или Илна, однако всячески старалась не обидеть молодого человека. – Мы не знаем, кто послал эту тварь и зачем ему понадобилась Шарина…

Презрев усталость, пожилая волшебница сотворила еще одно заклинание прямо на берегу реки, прежде чем позволила друзьям забрать ее во дворец. Она утверждала, что волшебный сияющий мост усиливает эффект заклинания, хотя и обязывает к повышенной осторожности.

Под конец она даже упала в обморок. Илна и Лиэйн усадили женщину в карету, поддерживая с двух сторон и пытаясь как-нибудь смягчить немилосердную тряску.

– … но она явно нужна ему для какой-то цели, так что он поостережется причинять ей вред, – умозаключила Теноктрис.

Кэшел фыркнул.

– Вот только Шарининого мнения на этот счет не спросили! – воскликнул он. – И моего, между прочим, тоже. Во имя Пастыря! Я собираюсь вернуть ее, и меня не волнует, чего это будет стоить!

Масляные лампы в серебряных чашах висели на всех колоннах, поддерживавших крышу павильона. Многие провалились внутрь чаш, и пламя лизало их края. Илна с удивлением взирала на столь яркое освещение посреди ночи.

– Наверное, лучше сначала закрыть дыру, – вслух рассуждал Гаррик, беспокойно меряя зал шагами. Затем, не желая передавать другим свою нервозность, он присел на корточки,

крепко сцепив пальцы, на каменную скамью в центре павильона. Юноша выглядел напряженным, как натянутый лук. – Я имею в виду, избавиться от моста. Как только Теноктрис восстановит силы, мы сможем обсудить дальнейший план действий.

Кэшел посмотрел на друга.

– Я уже сказал, каковы мои планы, – тихо выговорил он, и только легкое дрожание голоса выдавало страсти, кипевшие в его душе. – Я собираюсь найти Шарину и вернуть ее обратно, раз я не успел остановить чертову птицу…

Он развернулся и с силой впечатал кулак в колонну. Внутри оказалось дерево, а не камень, как думала Илна. Колонна дрогнула, штукатурка посыпалась хлопьями и пылью. Лампа закачалась на цепи, расплескивая масло вокруг. На поверхности остался кровавый след.

Илна быстро встала и подошла к брату. Остальные благоразумно остались на своих местах. Кэшел сжимал колонну двумя руками, словно глотку своего врага. Легонько прикоснувшись к его щекам ладонями, Илна повернула его лицом к себе. Но никакая сила не могла прогнать гнев Кэшела.

– Это из-за меня… – сдавленно прошептал он.

– Если самый страшный твой грех, – жестко сказала Илна, – заключается в том, что некая тварь прокралась у тебя за спиной, пока ты, рискуя жизнью, защищал друзей, – то ты, должно быть, святой! Отвечай, Кэшел ор-Кенсет, считаешь ты себя святым?

Юноша застыл в смущении.

– Нет, мэм, – вынужден был он признать. – И ты конечно, это знаешь, Илна.

Лицо девушки оставалось неумолимым, как лезвие ножа – привычное выражение, хотя оно осветилось легким подобием улыбки. Если понимать святого как человека, который милостью Великих Богов может пройти сквозь огонь и по воде аки по суху – а именно так описываются праведники в гимнах Госпоже, – тогда нет, ее брат не святой. Но на практике праведность определялась суммой пожертвований в пользу Богов – во всяком случае, если судить по ежегодным процессиям по сбору десятины, во время которых священники из Каркозы торжественно проносили изображения Госпожи и Пастыря по городам и весям. Тут, в силу странного совпадения, наиболее добродетельными объявлялись граждане, заплатившие деньги о которых осиротевшие дети Кенсета даже не слышали до отъезда из Барки.

Нельзя и мечтать о более добром и заботливом парне, чем Кэшел, если только вы не умудрились стать его врагом. Они с Илной были близнецами, и порой девушке казалось, что мера чувств, отпущенная каждому, значительно превышает норму, отпущенную среднему человеку. Естественно, речь шла о разных чувствах…

Илна опустила руки и отошла.

– Тогда хватит лупить дом, – сказала она уже мягче. – Ни ему, ни тебе от этого лучше не станет. Лиэйн, будь так добра, посмотри, что у него с рукой? Может, нужно позвать целителя?

– Все в порядке, – пробормотал Кэшел, вконец смутившись.

Илна обхватила его запястье двумя руками и потащила к Лиэйн. Кэшел не сопротивлялся, но всем своим видом выражал недовольство подобным обращением.

Лиэйн повернула его руку ладонью вниз. Она держала окровавленные костяшки Кэшела так, чтобы на них падал свет ближайшей лампы.

– Я знаю, что она могла погибнуть! – продолжал Кэшел, сверля взглядом портик. Темноту снаружи нарушали лишь порхающие желто-зеленые светляки. – Я знаю, что Шарина могла погибнуть…

* * *

А Шарина висела в сероватой дымке, лишенной температуры, Взмах крыльев – и

реальность вокруг снова восстановилась. Воздух стал прохладным, в нем ощущался запах недавно прошедшего дождя. Они пролетали над равнинами. Земля широко раскинулась внизу, она казалась такой же безбрежной, как прежде море. И там было так же сложно что-то различить.

Желтели высокие травы, темно-рыжие колосья клонились к земле. Огромная тень Шарининой похитительницы заставляла стайки маленьких птиц испуганно, с недовольным чириканьем разлетаться с осенних полей.

Пасущиеся животные – похожие на лошадей, но размером чуть больше овцы – смотрели высоко вверх, на гигантскую птицу. Несколько смешанных стад бросились врассыпную. Животные блеяли и ржали, их голоса – и поодиночке-то не слишком мелодичные – вместе сливались в омерзительный хор.

Большая птица беззвучно летела дальше. Пейзаж растворился в бесцветной дымке.

Когти так стиснули девушку, что она не могла разглядеть голову птицы. Обладает ли та способностью думать? Могла ли слышать?

– Куда ты меня несешь?! – прокричала девушка. Слова показались плоскими и безжизненными без эха. – Кто ты?!

Звук ее голоса показался страшнее тишины, в которой прозвучал. В этом сером аду Шарина была одинока, как никто на свете.

Затем вместе с птицей она перенеслась в мир светлой весны. Среди прудов и садов выросли сверкающие хрустальные шпили. Шатры были полны света; лишь дрожащие лучи выдавали тонкие, легче паутинки, нити, с помощью которых они натягивались.

Шарина увидела людей, впервые с момента похищения. В свободных, ниспадающих одеждах те прогуливались в садах и смеялись, когда ветер доносил до них брызги фонтанов. Некоторые полулежали в беседках, отхлебывая из кубков. Дюжина молодых ребят танцевала вокруг шеста с лентами, поднимавшегося из узкого извилистого пруда. Их ступни не касались земли.

– Помогите! – закричала Шарина. Она ловила обрывки смеха снизу, значит, и ее услышат. – Помогите мне освободиться!

Кто-то посмотрел вверх. Одна девушка, не старше Шарины, стояла на хрустальном балконе в сотнях футов над землей. Она помахала Шарине алой ленточкой и улыбнулась.

Молодежь продолжала танцевать. Птица снова взмахнула крыльями, набирая высоту и унося Шарину прочь от этой реальности.

– Помогите! – повторила Шарина, однако никто уже не слышал ее слов.

* * *

– Кэшел, – сказал Гаррик, – мне может понадобиться твоя помощь. И не только мне – всему Королевству.

Кэшел смотрел на друга, чувствуя смущение и досаду. Все ведь так просто! Вот только как объяснить это Гаррику, если тот до сих пор не понял.

– Мне нужно найти Шарину, – терпеливо повторил он. – Явернусь, как только смогу. Но сначала мне надо найти ее.

– Но Королевство… – попытался возразить Гаррик. Он хмурился, словно ему предстояла тяжелая работа, а он не знал, с какой стороны за нее взяться. Такое иногда случалось в беседах с Кэшелом.

– Я ничего не знаю про Королевство, – пожал плечами Кэшел. – Я многое знаю про овец, но это все. И еще мне известно, в чем заключается мой долг. Ты король, Гаррик, и тебе приходится думать обо всем сразу. А я – друг Шарины и понимаю, что ей моя помощь сейчас нужнее, чем тебе.

Кэшел оставил свой посох у входа в павильон. Он знал, что в таком гневе лучше не брать его в руки. Теперь, расставив все по местам, он успокоился и заскучал по привычной

гладкости орешины в руках.

Но сейчас даже она его не радовала. Ему ничего не нужно, лишь бы вернуть Шарину!

Гаррик внезапно рассмеялся и хлопнул Кэшела по плечу. Они снова превратились в друзей, выросших вместе и знавших друг друга лучше, чем самих себя.

– Даже если бы я был совершенно твердо уверен, что ты ошибаешься, – весело сказал Гаррик, – и то я не смог бы тебя переубедить. А я в этом совсем не уверен…

– У меня тоже случаются моменты, когда я ни в чем не уверена, – откликнулась Лиэйн, сидевшая на центральной скамейке, сложив руки на коленях.

Она дружелюбно улыбнулась Кэшелу. Лиэйн была девушкой, на редкость приятной в общении.

Гаррик снова сел, чуть ближе к Лиэйн, чем до этого. Он устало вздохнул, веселость сошла с его лица, теперь он выглядел почти отчаявшимся.

Он действительно был умен. Никто в Вэллисе не усомнился бы в его интеллекте… Но, что бы ни говорили, далеко не всегда это давало преимущество.

Гаррик и остальные видели все возможные пути и связанные с ними трудности и вопросы. Зачастую именно обилие вариантов мешало им принять решение.

Кэшел в отличие от них попросту целеустремленно шел вперед. Вот и сейчас он решил найти и вернуть Шарину, где бы она ни была. Что по сравнению с этим значит Королевство?

Да Кэшел толком и не знал, что из себя представляет Королевство. Даже их родная Барка, крошечная в сравнении с Вэллисом, не являлась единым понятием: там жило множество семей, куча людей, и у каждого была своя жизнь. Гаррик, наверное, должен больше понимать во всем этом, и Кэшел не сомневался, что видение его друга абсолютно правильно… для Гаррика. Но оно никак не могло помешать Кэшелу отправиться на помощь другу, попавшему в беду.

– Я знаю: ты считаешь, что нам всем важнее сейчас сражаться со злом, – извиняющимся тоном сказал Кэшел. – Но, знаешь, вряд ли какие-то доказательства убедят меня в том, что человек, пославший птицу, служит добру.

Даже Илна не смогла сдержать улыбку. Но затем взгляд ее перескочил на Гаррика, сидящего рядом с Лиэйн, и лицо девушки потемнело. Вслух же она произнесла:

– Конечно, Кэшел прав. Но узор так велик, что если попытаешься охватить его целиком, то утратишь способность, вообще, что-либо делать. А кое-что сделать стоит… – Она усмехнулась: – По крайней мере, с обычной, человеческой точки зрения. Я, например, собираюсь закончить полотно и отправиться в Эрдин. У меня там осталось одно не законченное дельце.

Гаррик поморщился, но промолчал. Он знал не хуже Кэшела: проще научить дерево танцевать, чем заставить Илну поменять решение.

– Лорд Тадай тоже на днях отбывает в Эрдин, – сообщил он. – Хотя ему об этом еще не известно. Он ложится поздно, так что думаю, мы с ним успеем увидеться сегодня же.

Он кисло улыбнулся Кэшелу и пояснил:

– Лучше не откладывать неприятную работу, чтобы она не висела над душой. Хотя – Дузи свидетель! – у короля столько неприятной работы, что уж и не знаю, когда я со всем этим разберусь…

Илна встала и окинула друзей взглядом, давая возможность попросить ее помочь, если им требовалось. Она никогда не навязывала свою помощь, но Кэшел не помнил, чтобы его сестра не откликнулась на чью-то просьбу. Язычок у девушки, конечно, будь здоров! И порой просителю приходилось выслушивать нелицеприятное замечание об идиотах, неспособных обойтись своими силами, но, несмотря на это, помощь всегда гарантировалась. Каждый сам решал, что ему важнее.

Сейчас все промолчали, только Гаррик с Лиэйн поднялись на ноги. Илна кивнула брату, Гаррику, Теноктрис… и быстро обняла Лиэйн. Кэшел моргнул от удивления: неожиданный жест оказался самым большим сюрпризом этой ночи. И куда более приятным, чем все остальные. Правда, при этом на лице у Илны промелькнуло выражение, знакомое

юноше еще по Барке, – именно с таким видом его сестра чистила голубятню при мельнице… Но она изо всех сил старалась быть дружелюбной.

Попрощавшись, Илна направилась к выходу. Когда она проходила мимо, Кэшел коснулся ее плеча и сказал:

– Ты… это… береги себя, ладно?

– Ты тоже, Кэшел, – ответила девушка. Она улыбалась, но в уголках глаз блеснули слезы, когда она зашагала к их с Кэшелом жилищу.

Гаррик и Лиэйн тоже собрались уходить. Кэшел задержался и обратился к Теноктрис:

– Госпожа! Вас проводить до дома? Если хотите, я могу понести вас.

– Знаю, не впервой уж, – ответила Теноктрис, вставая. – Но я вполне смогу дойти сама, если ты меня проводишь.

Кэшел подставил старой волшебнице правую руку. Посох стоял, прислоненный к колонне у входа, и он подхватил его левой рукой. Пара слуг ожидала с фонарями наготове – при том, что на небе ясно светила молодая луна.

– Вас тут не хватало, – огрызнулся Кэшел. Грубить он не хотел, но лишние уши были ему ни к чему.

– Я не могу отправиться с тобой на поиски Шарины, Кэшел, – сказала Теноктрис в ответ на вопрос, который он даже не пытался задать. – Мне бы очень хотелось, но я должна оставаться здесь.

– Я знаю! – ответил Кэшел. – Просто надеялся, что вы укажете мне верное направление… Но если вы не можете, я все понимаю…

Они проходили мимо беседки, сплошь заросшей жимолостью. Ее побеги были настоящим бедствием, способным задушить даже дерево… лишь бы им хватило для роста солнечного света. Но Кэшелу нравился запах цветущей жимолости ранним летом, и он обрадовался, что садовники не успели вырубить ее.

– Кажется, вы не одобряете моего решения… Считаете, что я поступаю неправильно, – тихо добавил он. Кэшел ненавидел разочаровывать своих друзей.

Теноктрис весело заквохтала в ответ.

– Думаю, ты всегда поступаешь верно, Кэшел, – ответила она. – Твой выбор всегда оказывается для тебя самым правильным.

Кэшел громко откашлялся. За самшитовой изгородью плескался фонтан. Ему нравились дворцовые фонтаны. Они напоминали ему речушку Паттерн-Крик у южного пастбища в Барке.

– Ну, – признался он, – на самом деле я многих вещей не понимаю…

– Не понимаешь сознанием, – возразила Теноктрис. – Но истинная суть важных вещей никогда от тебя не ускользает. К сожалению, о себе я не могу сказать того же. Помолчав, волшебница добавила:

– Кэшел, если чувствуешь, что должен покинуть нас, – ты наверняка прав. Я не могу объяснить этого, но знаю: все твои решения пойдут нам – а если угодно, то и Добру – на пользу.

– Вы считаете, это Пастырь ведет меня? – тупо спросил Кэшел.

– Я так не считаю, – ответила Теноктрис, – но если б я даже верила в Великих Богов, то могла бы сказать именно так.

Поперек дорожки валялась ручная тележка с гравием, оставленная рабочими там, где их застал заход солнца. Кэшел взял пожилую женщину на руки и осторожно пронес вокруг препятствия. Теноктрис не требовалось просить о помощи: они уже сработались, и Кэшел привык быть ее ногами и сильной рукой.

Подыскивая себе жилище, Теноктрис остановила свой выбор на маленьком домике вдали от суеты центральной части дворца. Восстановительные работы сюда еще не добрались; разросшийся кустарник обеспечивал волшебнице необходимое уединение. Большинство людей – даже таких просвещенных, как придворные, – настороженно относились к магии.

Обогнув препятствие, Кэшел поставил пожилую женщину на землю, и они продолжили путь рука об руку.

– Но вот что я могу для тебя сделать, – произнесла Теноктрис. – Я пошлю тебя к человеку, который может оказаться полезным. Пожалуй, даже больше меня… Его зовут Ландур.

– Хорошо, – быстро согласился Кэшел. – И как мне его найти?

Они подходили к домику, где проживала старая волшебница. Большая часть черепицы на крыше требовала замены, но Теноктрис мало обращала внимания на потоки воды, почти уничтожившие штукатурку на внутренних стенах.

У входа полагалось гореть лампе. Однако обязательность не входила в число добродетелей Римары, горничной Теноктрис. По сути, она умела только одно: оставаться спокойной при мысли, что прислуживает колдунье. Кэшел вообще сомневался, что вечно сонная Римара подозревает о магических способностях своей хозяйки.

– Мне придется отправить тебя к нему, – сказала Теноктрис. – Он обретается на другом плане. Так же как и Шарина сейчас – в этом я не сомневаюсь. Ландур – он…

Волшебница замолчала, подбирая слова. Кэшел тем временем шагнул вперед, чтобы открыть дверь. Выступающее крыльцо бросало тень на ступеньки, и усталая Теноктрис могла споткнуться.

– По правде говоря, я никогда не видела его, – продолжала она. – Только слышала… По слухам, он высокомерный и надменный человек, но нам важно, что он яростный противник хаоса и зла. И очень сильный маг.

Кэшел приподнял ее и внес внутрь.

– Фу! – досадливо фыркнула Теноктрис. – Яеще сама в состоянии ходить.

– Римара! Хэй! – громко крикнул Кэшел, усадив пожилую женщину на скамью в прихожей. – Римара! Зажги же свет!

– И зачем так орать? – послышался сонный голос из боковой комнаты. Кремень чиркнул о кресало.

– Я думаю, Ландур согласится помочь тебе, – сказала Теноктрис. Несмотря на все ее уверения, голос был слабым, как лунный свет из-под закрытых ставен. – В любом случае, ничего лучшего я сейчас не могу предложить.

В боковой комнате показался колеблющийся желтый свет. Вышла Римара в грязной рубахе. В одной руке она несла сальную свечу, другой терла глаза.

– Да вы не волнуйтесь, – сказал Кэшел, поглаживая правой рукой свой посох. Он проверял, нет ли на нем случайных трещинок – привычный жест, который всегда его успокаивал. – Мне много и не надо. Пусть только кто-нибудь укажет, где мне искать Шарину, а уж об всем остальном я сам позабочусь.

«Только покажите мне, где Шарина», – беззвучно повторил он. Горничная, неверно расценив мрачность юноши, рассыпалась в пустых извинениях.

* * *

Наконец большая птица вынырнула из серой мглы, и Шарина невольно поморщилась от серного запаха. Девушка чихнула, снова ощутив ребрами неумолимую клетку когтей. В настоящий момент они планировали над темнотой, освещенной бурлящими на горизонте вулканами и яркими потоками лавы, просачивавшимися на поле, где шла битва.

Мечники в рогатых шлемах и с железными щитами сражались против великанов с извивающимися змееподобными конечностями. У монстров было по четыре руки, и в каждой из них – по дубинке. Они яростно колотили ими, и гулкие звуки от ударов по щитам воинов разносились над полем, как погребальный звон.

Время от времени один из монстров падал с пронзительным криком. Люди толпились над жертвой, рубя ее с упорством роботов. Иногда их мечи сталкивались, высекая алые

искры в ночи.

Случалось, что и мечникам доставалось: тела их сминались под ударами пробивших щиты дубинок, мозги брызгали во все стороны – и все это происходило в полном молчании. Люди не издавали ни звука – ни в триумфе, ни в агонии.

То там, то здесь на равнине возникали трещины, лава продолжала разливаться, оттесняя сражавшихся. Раскаленные камни шлепались на тела павших, тогда волосы занимались мрачным пламенем, а плоть шипела и обугливалась. Через несколько дней вся равнина от края до края превратится в жаркое море лавы, но бойцы, похоже, не задумывались о будущем.

Шарина закрыла глаза. Она чувствовала, как огромные крылья вздымаются и опускаются с величием небесного явления. На сей раз, покидая реальность, девушка вздохнула с облегчением. Она не открывала глаз, пока свежий воздух не умыл ее кожу.

Земля, над которой они теперь летели, казалась сухой и каменистой – и ни малейших признаков моря. Только на северном горизонте Шарина разглядела сияние ледяных скал.

Время и ветры испещрили землю буграми и рытвинами. Вдоль канав полосы желтой, сиреневой и даже пурпурной почвы выделялись на более привычном буром и коричневом фоне.

Несмотря на засушливость, здешний мир не выглядел пустынным. Заботливые руки укрепили северный склон каждого холмика подпорными стенками, достаточно высокими, чтобы защитить от ветра узкие поля. Каждый выпавший дождь стекал на три или четыре уровня вниз, орошая посадки на каждой террасе. Этого да выпадающей по утрам росы хватало для выращивания ячменя и какого-то сорта бобовых.

Шарина не видела ни домов, ни каких-либо других строений. Обнаженная женщина с плетеной сумкой обернулась, когда ее накрыла тень птицы. Она издала пронзительный крик – смесь свиста и трубного звука, перед тем как нырнуть в нору неподалеку.

Тревожные крики эхом прокатились по холмам над бесплодной равниной. Люди – а местные жители, несомненно, являлись людьми – так хорошо сливались с пейзажем, что Шарина не могла разглядеть ничего, кроме движения исчезавших под землей тел.

Птица махала крыльями, не обращая внимания на панику, вызванную ее появлением. Чудовище так же мало заботил этот странный путь сквозь вселенную, как сандаловое дерево не замечает камней, на которых растет. И вновь сумрак, который нельзя назвать ни светом, ни отсутствием света, сменил бесплодные земли и их суетливых обитателей.

Как далеко унесет ее птица? А может, ей предстоит умереть от голода в этой неопределенности, перемежающейся пейзажами таких чуждых миров?

Шарина рассмеялась. Она знала о своем будущем не больше других, а правильнее сказать – совершенно ничего не знала. Ну и будь что будет, решила девушка. Она сделает все, что в ее силах. Несомненно, ее друзья поступят так же. Если Боги их не оставят – этого должно хватить. Если же нет… по крайней мере никто не упрекнет их в том, что они не пытались.

* * *

Помещение, в котором располагался кабинет лорда Тадая, изначально планировалось как спальня в шикарно обставленных апартаментах. Украшенная колоннами лоджия выходила на пруд – вполне симпатичный, после того как садовники проредили мимозу и удалили гниющие водоросли.

В ночи пруд по-прежнему давал о себе знать громким лягушачьим кваканьем. Гаррик слабо улыбнулся: его эти звуки радовали не меньше, чем розовые цветки лотоса над плавучими листьями, которые сверкали днем на солнце. У них Дома лотосов не было, зато лягушке хоть отбавляй.

Тот факт, что Гаррик являлся королем… ну ладно, принцем, означал прежде всего

необходимость делать множество вещей, которые ему совсем не нравились. Но вместе с тем это избавляло его от необходимости жить в многоэтажном доме, какие теснились по всему Вэллису и давали кров большинству горожан. Слабая компенсация, с точки зрения Гаррика. Будь его воля, он давно бы уже уехал отсюда, но… Принц Гаррик был нужен Островам. Об этом ему твердили со всех сторон.

– И я готов снова и снова повторять тебе это, если ты не веришь своим глазам! – вставил Карус саркастическим шепотом.

– Я верю, – слабо улыбнулся Гаррик. Он действительно смирился и свыкся с таким положением вещей. Но порой ему казалось невероятным, что именно этот человек, жизнью которого он жил с момента отъезда с родины, и являлся Гарриком ор-Рейзе.

– Что случилось, Ваше Высочество? – Тадай поднялся навстречу Гаррику из-за письменного стола, освещенного множеством масляных светильников.

– Вы знаете, лорд Тадай, я так устал в последнее время… Вот и подумал: а вдруг благотворное воздействие природы – деревья вокруг, лягушки поют – поможет мне остаться в здравом уме, – сказал принц, и они оба – Гаррик и Карус – улыбнулись. – Вернее, скажем так, в более или менее здравом уме.

– Я-то сам городской человек, – ответил лорд Тадай. Он выглядел мягким и лоснящимся, как кусок сливочного масла. Несмотря на поздний час и долгий рабочий день, внешний вид Тадая оставался безукоризненным: синяя шелковая мантия и позолоченные сандалии с эмалевыми застежками в тон одеянию. – Раньше я подумывал распорядиться, чтобы повозки объезжали дом, пока я работаю… но кажется, в этом нет необходимости.

Он бросил взгляд на своих помощников: один был юноша благородного происхождения, другой – намного старше и, возможно, не столь высокородный.

– Эрадок и Мурейн, вы можете идти. Передайте охране, что на сегодня прием посетителей окончен.

Улыбнувшись с неожиданной горечью, Тадай добавил:

– И пусть никого ко мне не пускают, понятно?

Младший помощник внимательно разглядывал Гаррика. Лицо его казалось принцу очень знакомым, почти наверняка он видел парня рядом с лордом Тадаем во время заседаний Совета. Однако, как ни пытался Гаррик вспомнить его, ему так и не удалось.

Старший – более вышколенный – подтолкнул молодого, и оба помощника покинули помещение через ту же дверь, в которую вошел принц.

– Разумеется, я вас ждал, – сказал Тадай, стоя прямо, точно кролик перед удавом. Выглядел он при этом слегка глуповато, но Гаррик знал: с лордом Тадаем нельзя полагаться на видимость, она часто обманчива. – Либо вас, либо отряд Кровавых Орлов…

В кабинете стояли стулья из слоновой кости; плавные изгибы и искусная резьба создавали впечатление чего-то тонкого, словно паутина. Однако в паутину часто попадалась на удивление крупная добыча, и Гаррик знал, что его почти что бывший казначей не позволил бы своей любви к искусству полностью возобладать над прагматичной сутью.

Гаррик взял стул, стоявший у стены, поставил его в центре комнаты напротив Тадая и опустился… осторожно. Он указал на серебряную амфору, лежавшую в керамической вазе, наполненной влажным мхом. Как выяснилось позже, под ним скрывался лед – невесть как сохранившийся с прошлой зимы.

– Я бы не отказался от бокала вина, – сказал принц, закидывая ногу на ногу. – Если вы не возражаете.

Тадай кашлянул в замешательстве.

– На самом деле это шербет, – пояснил он, поворачиваясь и наполняя, один за другим, два миниатюрных кубка. – Если бы я позволял себе пить вино на службе, то мои дни оказались бы куда короче. Во всяком случае, помнил бы я гораздо меньше.

Гаррик принял кубок и слегка пригубил, пока Тадай обошел вокруг стола и занял свое место. Шербет – прохладный и терпкий – удивил его незнакомым вкусом. Впрочем Гаррику понравилось. И еще он отметил, что вряд ли когда-нибудь привыкнет к серебряной посуде.

Ему не нравился металлический привкус, который не смягчали даже сцены из жизни бога виноделия Фиса, виртуозно выгравированные на кубке.

– Бросьте, Тадай, я не настолько глуп, чтобы отправить солдат вместо себя. И вы это знаете, – парировал Гаррик, опуская кубок. – В противном случае вы бы не оставили под дверью всего пару стражников.

Тадай презрительно усмехнулся:

– Разве количество стражников имеет какое-то значение?

– Имело бы, – в голосе Гаррика впервые прорвались нотки гнева, – если б вы неверно истолковали ситуацию. И к тому же оказались настолько глупы, что дали бы своим людям приказ сражаться с Кровавыми Орлами. А теперь давайте потолкуем о деле. Ведь мы с вами люди, от которых зависит безопасность Островов.

Тадай замер. Он едва заметно кивнул Гаррику.

– Приношу свои извинения, Ваше Высочество, – тихо проговорил он. – У меня был очень напряженный день.

– Я предпочитаю имя «Гаррик», – мягко заметил юноша и поверх кубка посмотрел в глаза собеседнику. – И если мне это перестанет нравиться, значит, настала пора отправиться на недельку чистить хлев. Чтобы не забывать, кто я такой на самом деле.

Тадай рассмеялся.

– По-моему, мы оба с вами знаем, кто вы на самом деле, Гаррик, – сказал он. – Хотя я нимало не сомневаюсь, что вы великолепно сумеете чистить хлев. С какой стороны ни посмотри, вы дадите мне сто очков вперед…

– Мне хотелось бы, чтоб вы отправились к герцогу Вилдальфу, – приступил к делу Гаррик, – и попытались вернуть остров Сандраккан Королевству. На тех условиях, которые сочтете приемлемыми. Мы можем разбить герцога, но это не видится мне разумным путем. Полагаюсь на ваше решение, лорд Тадай.

Осушив кубок в два глотка, Гаррик поставил его подле себя и продолжал:

– Чтобы убедить герцога, я снабжу вас бумагами, подтверждающими полномочия, – со всеми печатями и лентами. Но, главное, что сейчас я даю вам свое слово.

– Ясно… – произнес Тадай без всякого выражения. Его рука с кубком застыла на полпути к губам.

– Планировалось, что на Блэйз с такой же миссией отправится моя сестра, – сказал Гаррик. – Но сегодня вечером ее похитило непонятное создание – птица-монстр. Поэтому буду очень обязан, если вы порекомендуете подходящую кандидатуру – кто мог бы поехать вместо нее к графу Лердоку.

В данный момент Гаррик использовал случившееся с Шариной – что бы это ни было: смерть, похищение или нечто худшее – как инструмент для завоевания симпатии Тадая. Юноша, выросший в деревушке Барка и являвшийся частью нынешнего Гаррика, ненавидел себя за слова, слетавшие сейчас с его языка. Но король в нем, призванный сохранить Острова, знал: монархам во имя своего долга приходится делать и более страшные вещи.

– Леди Шарина?.. – ужаснулся Тадай. На его лице промелькнула череда эмоций: недоверие, минутный гнев на глупый обман… а затем – настоящее сочувствие и понимание. – Монстр похитил леди Шарину?

Девушку любили всё. Вежливая, красивая, умная. И, что немаловажно, Шарина никогда не отдавала неприятных приказов.

– Да, и с этим мне еще предстоит разбираться, – сказал Гаррик без злости, но с ощущением, что ему предстоит разбираться со множеством вещей, так как это его долг. И да поможет ему Дузи понять, как это делать. – Однако я пришел сюда не за тем, лорд Тадай.

– Да-да, я понимаю, – задумчиво ответил Тадай. – У Валдрона есть сводный младший брат – Варрок бор-Варриман. Ничуть не глупее Валдрона и гораздо искушеннее его в политических делах. На мой взгляд, даже чересчур искушенный… Из него выйдет великолепный посол.

Гаррик нахмурился.

– Вы уверены, что он не пойдет на тайную сделку с Лердоком, если тот предложит ему лучшие условия? – спросил он.

– Ни в коем случае, – горячо ответил Тадай. – Вы, может быть, не поверите, но Варрок еще больший шовинист, чем его брат. Ничто не может поколебать его во мнении, что единственные достойные люди на свете – это крупные помещики с Северного Орнифола. Он не польстится даже на титул графа Блэйза.

Тадай поднялся и снова наполнил кубок.

– С другой стороны, мой дорогой Гаррик… если Варрок уладит дела на Блэйзе и вернется героем, вот тогда вам придется смотреть в оба. Потому что он будет наступать вам на пятки.

Протянув Гаррику кубок, он добавил:

– Хотя – при всем своем уме – он вряд ли справится на Блэйзе лучше, чем я в Эрдине. Мне известно о финансах герцога Сандракканского кое-что такое, чего он, скорее всего, и сам не знает. Очень полезные вещи… и я объясню ему это в приватной беседе.

Подумать только, а Гаррик опасался, что Тадай отвергнет его предложение! Юноша не смог удержаться от смеха, который так редко слышится в подобных роскошных кабинетах. А может, это и плохо?

– Лорд Тадай, вы лучше меня знаете, что потребуется для вашей миссии. Составьте список, я прослежу, чтобы вам все доставили.

Гаррик принял кубок с шербетом из рук хозяина и залпом осушил его. Он действовал, почти не отдавая себе отчета, но вязкий, терпкий вкус напитка привел его в чувство.

– Осталось пожелать вам спокойной ночи, – промолвил юноша. – Мне еще нужно…

Гаррик и король Карус засмеялись одновременно.

– Да, нас всех еще ждет множество дел. Королевству повезло, что у него такой умный и находчивый министр, как вы, Тадай.

– А еще больше повезло иметь такого принца, как вы, Гаррик, – ответил Тадай, подхватывая пустые кубки. Он поставил их на стол (слуги вымоют позже). – Вы молоды и к тому же обладаете качествами, одинаково ценными в любом возрасте.

Гаррик с улыбкой повернулся к дверям, но замер, услышав последние слова Тадая:

– К тому же с вашим появлением в Вэллисе моя жизнь стала намного интереснее. И в этом тоже ваша заслуга.

* * *

Крылья птицы работали без устали. Застывшая под ними равнина обретала очертания со скоростью тропического рассвета. Далеко на юге сияло крошечное солнце, ветер пробирал Шарину до костей.

Птица скользила параллельно поверхности ледника, простиравшегося до самого горизонта. На белой поверхности широкой ледяной реки застыли грязь и валуны, но в трещины проглядывала чистейшая голубизна.

Льды постепенно отступали. К югу от ледяной поверхности равнину покрывали шероховатые камни – осколки прошедших тысячелетий, оставленные тающим ледником. Из туннелей в основании ледника сочилась талая вода. Извилистые ручейки причудливо вились между скал и исчезали где-то вдалеке.

Иногда солнечный луч падал на металлический предмет внизу: то позолоченный шлем, то серебряная кабанья голова в центре круглого щита, то эфес из слоновой кости с золотой оплеткой. Лезвие меча покрывала ярь-медянка, но глаза Шарины различали остатки богато украшенных ножен в сине-серых наслоениях.

Еще здесь валялась одежда: парчовая, расшитая золотом и серебром, драгоценными камнями в металлических оправах. Блики света пробуждали ото сна эти свидетельства прежней роскоши среди унылой пустоши. Ветер и песок попортили ткани и меха.

Иногда взгляд Шарины упирался в деревянные обломки: сломанное копейное древко, топорище, торчащее вертикально из поглотившей обух гальки. Однако нигде ни малейшего следа тел или хотя бы остатков костей.

Птица продолжала свой стремительный полет; огромное левое крыло приподнималось самую малость выше – чтобы поймать восходящий воздушный поток, поднимавшийся от стены льда. В лучах солнца Шарина неожиданно разглядела крапчатый рисунок на перепонках распростертых крыльев. В этом пласте реальности с момента похищения они летели дольше всего. Неужели гнездо находится в этой безжизненной…

Ого, не такой уж и безжизненной! Из тоннеля выползло существо и уставилось на птицу фасетчатыми глазами. Даже с высоты полета оно показалось Шарине огромным: не меньше восьми футов, а то и всех десяти. Шесть конечностей и очертания тела делали его похожим на насекомое, но тем не менее существо стояло на задних ногах.

Оставшиеся четыре конечности сжимали человеческие останки – тела давно погибших солдат, выкопанные изо льда. Шарина успела разглядеть богатые одежды и щит с изображением серебряной головы вепря на алом поле – он примерз к рукам одного из воинов.

Увидев птицу, существо бросило свою добычу и вскинуло верхние конечности, заканчивающиеся клешнями. Серьезный инструмент! Вдобавок ко всему они были снабжены зубами не хуже крокодильей пасти. Жвала насекомообразной твари разошлись в стороны, раздался скрежещущий вопль.

Из соседних туннелей показались такие же монстры. В их движениях чудилась безмозглая враждебность и желание добыть пищу любой ценой.

Птица вновь взмахнула крыльями, и сцена исчезла. В серой пустоте Шарина продолжала размышлять о только что покинутом мире.

Да уж, зрелище ничуть не лучше навозной кучи с копошащимися червями…

Глава 6

Илна оглянулась на звук открывающейся двери. В атриум вошел стражник (из незнакомых девушке) и гаркнул:

– Прибыл господин управляющий. Желаете его видеть, госпожа?

Увы, Кровавым Орлам не доставало той серьезной официальности, примером которой мог послужить привратник Шарины. Илна попыталась представить себе, как тот орет через всю залу, вместо того чтобы подойти к хозяйке и прошептать на ухо имя посетителя, и усмехнулась. Зато солдаты не обижались, если приходилось выполнять работу отсутствующей прислуги. Интересно, знали ли Орлы, что их буквально навязали Илне. Ведь откажись они выполнять ее распоряжения, девушка тут же выскажет все, что думает о своих охранниках.

Да еще так, что слушатели надолго запомнят.

– Рейзе здесь? – с улыбкой воскликнула Илна. Ей нравилось иметь дело с этим человеком, не гнушающимся никакого честного труда. – Буду рада его видеть.

Губы ее тронула ироническая усмешка. Она часто жалела, что мысли, вызывавшие у нее улыбку, были мало связаны с чем-то радостным и добрым. С другой стороны, кто-то же должен избавлять мир от дураков. Очевидно, роль добренькой и хорошей в этой жизни предназначалась не ей.

Вошел отец Гаррика. В деревушке Барка привыкли к этому высокому, слегка неуклюжему человеку: его уважали за ученость и за то, что он умудрился поднять обветшалый постоялый двор… но никто особо не любил. Здесь же, несмотря на серые одежды дворцового слуги, Рейзе играл куда более заметную роль.

Он поклонился и сделал замысловатый жест рукой – не одобряемый Илной, но диктуемый его положением. Тут они были квиты. Девушка знала, что ей придется мириться со знаками внимания, приличествующими ей как придворной даме. Но и Рейзе давно

привык, что Илна не держит горничной и сама убирает мотки шерсти в корзины. При всем неприятии придворных церемоний, ей очень импонировала решимость, с которой Рейзе следовал своим принципам. Независимо от результатов.

Он всегда был таков. И так же воспитал сына и дочь.

– Я позволил себе побеспокоить вас по делу личного характера, госпожа, – выпрямившись, произнес Рейзе.

– Что-то с Гарриком? – вскинулась Илна; ее мышцы внезапно напряглись и похолодели.

– Простите, я неверно выразился, – ответил Рейзе. По тому, как он вздрогнул в замешательстве, стало ясно: он понял больше, чем Илне хотелось бы. Ну и ладно. В конце концов, все уже, наверное, в курсе. Кроме самого Гаррика, разумеется. Дело в том, что Еаш дядюшка Катчин вчера посетил дворец. Он уже имел беседу с вашим братом, но я подумал: вам тоже следует об этом знать.

– Вы нисколько не побеспокоили меня, Рейзе, – фыркнула девушка. – Давайте выйдем в сад. Я покажу вам свою последнюю работу.

А проходя меж колонн, добавила:

– Вы правы, я не знала, что Катчин здесь. Мой брат имеет привычку забывать все, что ему кажется не важным… а ни я, ни Кэшел не считаем нашего дядюшку важной персоной.

Илна не сшила три полотна между собой, потому что в ее комнате не хватало места для готовой работы. Вместо этого она разместила фрагменты для временного просмотра на западной – затененной – стороне колоннады. Оправданный шаг. Изображаемое действие как бы перетекало из одной части полотна в другую, и нынешнее расположение позволяло лучше рассмотреть детали, чем когда занавес будет висеть в храме перед изваянием Пастыря-Заступника.

– Рейзе прошелся вдоль работы. Вначале он потянулся к изображению но через несколько шагов скрестил руки за спиной, словно боясь прикоснуться к ткани. Дойдя до конца третьей – нижней части, он развернулся и подошел к Илне. Теперь он стоял и молчал с непроницаемым выражением лица.

– Вы первый, кто видит это полотно законченным, – осторожно произнесла она. Набиваться на комплименты она не любила, но полное отсутствие реакции ее озадачивало. – Ничего не хотите сказать, Рейзе?

– Зачем вы спрашиваете, госпожа? – ответил тот дрожащим голосом. – Я ощущаю именно то, что вы хотели. Вам это известно! И любого, кто будет смотреть на вашу работу, охватят чувства, которые вы им предназначили.

– Я – начала Илна в замешательстве. Окружающие не ждут сильных чувств от Рейзе-Трактирщика. Как, впрочем, и от Илны – сиротки, жившей по соседству с постоялым двором – При такой сложной работе я не знаю точно…

– Это.. – начал Рейзе. Он еще раз посмотрел на занавес, затем с видимым усилием отвернулся. – Образ моего… моего с-с… принца Гаррика, сражающегося с Тварью, заставляет меня…

Мужчина вытер слезы, навернувшиеся на глаза, и произнес:

– Госпожа, я не верил в Великих Богов. Да, я делал ежегодные подношения, это неизбежно, когда живешь в таком местечке, как Барка, – но теперь я благодарю Госпожу. И благодарю вас.

– А я теперь не верю в Великих Богов, – резко ответила Илна. – По крайней мере, место, где я выучилась такому ткацкому искусству, не имеет отношения ни к Госпоже, ни вообще к понятию добра.

И девушка рассмеялась. Смех вышел горьким – но тут уж ничего не поделаешь. Иначе она не могла удержаться от истерики, в которую ее повергало воспоминание о сером месте и дереве с извивающимися, словно змеи, ветвями.

– Госпожа? – окликнул Рейзе. Затем, более резко: – Илна!

Илна моргнула. Ее тело раскачивалось, как верхушка дерева. Она судорожно вцепилась

в подставленную руку. Забавно искать поддержку у неуклюжего рябого Рейзе! Эта мысль вызвала новый приступ смеха, но через минуту девушка пришла в себя.

– Простите меня, я много работала, – попыталась она оправдаться. Это было правдой и отчасти объясняло ее поведение.

Илне хотелось как можно скорее закончить гобелен и уехать из Вэллиса. Она не завидовала тому счастью, которое Гаррик обрел в Лиэйн, – вовсе нет! Они оба были ее друзьями и хорошими людьми, достойными друг друга.

Но тем не менее вид этой пары разрывал ей сердце. Кроме того, Илне предстояло вернуть долги в Эрдине, где она разрушила немало жизней своим искусством, постигнутым в Аду.

– На гобелене тот сын, которого ты вырастил, Рейзе, – сказала Илна, критически глядя на соседа, которого она знала всю свою жизнь. – Ты можешь гордиться им, как он гордится тобой.

– Принц Гаррик, – подчеркнул Рейзе, – чужой сын, которого я воспитал.

– Мне ты можешь этого не говорить! – отрезала Илна. – Явижу родословную людей столь же ясно, как породу шелковицы, давшую начало нитям, из которых соткана твоя одежда! Яне сомневаюсь, что Гаррик – отпрыск графини Теры, и с этой стороны в нем течет кровь древних королей Островов; но точно так же он является твоим сыном. Гаррик, сын Рейзе.

Рейзе хрипло закашлялся.

– Можно присесть? – спросил он, указывая на одну из скамеек между колоннами.

– Разумеется, – ответила Илна с легким удивлением. – Если желаешь, у меня есть хлеб, сыр и пиво. – С натянутой улыбкой добавила: – Конечно, с твоим в Барке ему не тягаться…

Рейзе неопределенно улыбнулся – вежливый ответ на слова, к которым он на самом деле не прислушивался. Глаза его блуждали по участку стены, расписанному под кирпич; облицовка сильно потрескалась, и часть ее осыпалась с бутовой поверхности.

– Тера была замечательной женщиной, – проговорил Рейзе, бросив взгляд на Илну. – Знаешь, я не мог себе позволить с кем-то поговорить об этом. Даже с тобой, если бы мы по-прежнему находились в Барке.

И не надо, – подумала Илна, – поскольку мне это совершенно неинтересно.

Однако прикусила язык. В то время когда они жили в деревне, Рейзе относился к ней с братом так же, как к остальным односельчанам: грубовато, придирчиво, но честно. Строго говоря, он не являлся другом сирот – как и чьим-нибудь еще, но этот человек не пытался извлечь из них какую-либо выгоду. Рейзе принадлежал к тем людям, кого сложно полюбить. Но Илна не могла не видеть его достоинств, а недостатки с легкостью прощала.

– А граф Ниард? – Девушка давала Рейзе возможность выговориться, в память о том времени, когда он – в отличие всех прочих – весьма достойно относился к ней.

– Он был отцом Шарины, – тихо сказал Рейзе, снова устремив взгляд на гобелен. На этот раз его внимание привлекла фигура высокой светловолосой женщины, мечущейся среди монстров и огненных демонов. – Неплохой парень, Ниард… Хотя мы про него частенько шутили: мол, в тот день, когда его посетят сразу две мысли, у него, должно быть, ухо отвалится… а оба уха при нем. Граф приказал мне жениться на Лоре, чтобы замять слухи по поводу своего романа с ней. Ятак и сделал, потому что это служило хорошим прикрытием для Теры.

Он покачал головой, прогоняя остатки воспоминаний.

– Лора старается как может, – сказал он.

– Да, но получается из рук вон плохо, – ответила Илна. И впрямь, Лора со своими дворцовыми амбициями и сварливым характером казалась ей еще невыносимее, чем дядюшка Катчин.

Рейзе повернулся к Илне.

– Пожалуй, ты права, – сказал он. – Но она вырастила чужого ребенка без единой жалобы.

Он слабо улыбнулся.

– Возможно, это единственная вещь в нашем мире, на которую она не жаловалась, как мне кажется. И конечно, она не поняла, что Шарина – ее дочь, а Гаррик – приемыш. Об этом знали только я и повитуха.

– Она обращалась с Шариной как с принцессой, – с горечью в голосе сказала Илна, – а с Гарриком – так же плохо, как…

Она снова оборвала себя на полуслове и встретила взгляд Рейзе привычной гримасой.

Он засмеялся и тяжело поднялся со скамейки.

– Так же плохо, как со мной? – закончил он. – Да, в той или иной мере. Но тот факт, что Лора не смогла испортить Шарину, говорит лишь о силе девочки… и, боюсь, эту силу дети унаследовали не у меня.

Рейзе кивнул в сторону гобелена:

– Госпожа Илна, я ценю, что вы показали мне свою работу. Знакомство с вами – большая честь для меня.

Илна фыркнула, провожая управляющего назад в дом. Ему пора было уходить, да она и сама собиралась присоединиться к друзьям, чтобы попрощаться с Кэшелом, прежде чем он отправится на поиски Шарины.

– Катчин, разумеется, приходил по поводу работы? – спросила она, проходя через атриум.

– Полагаю, так, – согласился Рейзе. – А вернее сказать, по поводу должности – чего-нибудь публичного и показушного. Здесь ему такого не найти, по крайней мере, пока делами ведает мой сын.

Управляющий отвесил свой официально-изысканный поклон и замялся у двери.

– Катчину следует вернуться к себе домой. Как это сделал я…

Рейзе повел рукой, указывая на дворец, где он работал в молодости, и город вокруг, который являлся для него самым родным.

– Должен сказать, здесь я намного счастливее.

Провожая гостя до входной двери, Илна посмеивалась. Со стороны могло показаться, что Рейзе обладает огромной властью во дворце. В то время как все, на что мог рассчитывать Катчин, – это должность бейлифа в сельской глуши, до которой никому нет дела. Но дело в том, что обязанности управляющего сочетали реальную власть с необходимостью вовремя прогнуть спину, на что Катчин точно был неспособен. И Рейзе добился значительных успехов в Барке, хотя никто не знал, что он представлял из себя на самом деле.

Управляющий зашагал по дорожке, затем обернулся, Кровавые Орлы возле девушки чуть заметно сдвинулись, хотя напряжения в них не чувствовалось.

– Надеюсь, ты тоже поймешь, где твой дом, Илна, – произнес Рейзе на прощание.

– Мой дом – это моя работа, Рейзе! – крикнула она ему вслед. Девушка знала: едва прозвучав, ее слова стали правдой.

Ах если бы только эта правда сделала ее хоть немного счастливее…

* * *

– Знаешь, парень, мне самому никогда не доводилось видеть Алтарь Гармонии, – говорил король Карус, пока группа поднималась по Прямой Улице, которая отнюдь таковой не казалась, если не смотреть на весь квартал целиком. – Но слышал, что он действительно великолепен… К тому же он считался древностью даже в мои времена. Но когда я приезжал в Вэллис, меня одолевали дела поважнее, чем осмотр достопримечательностей.

В сознании Гаррика вспыхнули картины из памяти Каруса: банкет в Зале Объединенных Гильдий – этот зал до сих пор существовал в центре города, хотя превратился в торговые ряды еще в прошлом тысячелетии; собрание орнифольского дворянства в храме – сиденья были установлены в арках под гигантской статуей Госпожи из золота и слоновой

кости; двенадцать виднейших банкиров Вэллиса в торжественно обставленном зале заседаний, сидящие с ничего не выражающими лицами.

– Я мог бы преспокойно сидеть у себя на Хафте… но вместо этого пытался любой ценой убедить людей поддержать меня в борьбе за объединенное Королевство. В то время как два десятка узурпаторов хотели разорвать его на куски! – добавил Карус. – Увы, Орнифол пребывал в уверенности, что сможет откупиться от любых пиратов и узурпаторов. На Королевство ему было наплевать…

– Эй ты, смотри, куда идешь! – возмутился водонос с двумя кувшинами, висящими на коротком коромысле. Он остановился, чтобы налить воды домохозяйке в самую маленькую из мерных чашек, висевших на цепочке, которую он с легкостью перекидывал с одного кувшина на другой.

Коромысло мешало на переполненной улице, и один из Кровавых Орлов на него наткнулся.

– Заткнись и убирайся отсюда поздорову! – прикрикнул солдат. Он и его сосед подхватили водоноса под руки и отвели назад, туда, где стояли вдоль мостовой торговцы старой одеждой и старыми – чтоб не сказать больше – овощами. Водонос и две старухи за прилавками завопили в унисон.

– Довольно! – крикнул Гаррик. – Сударь, мы нечаянно толкнули вас, но ведь это же улица. А вы, капитан Бесимон, напомните своим людям, что мы и так занимаем немало места, так что будьте снисходительны, если вас кто-то потеснит.

Лиэйн улыбнулась Гаррику и сжала его руку.

Процессия оказалась намного больше, чем планировал Гаррик, но он так и не смог придумать, как этого избежать. Десяток Кровавых Орлов вышагивал перед ними, еще столько же – за спиной. Воины потребуются, чтобы выставить охрану вокруг Алтаря, где Теноктрис собиралась произнести заклинание для отправки Кэшела в погоню за Шариной.

Сама волшебница ехала в паланкине. Кэшел шел рядом, болтая и глазея по сторонам: ни дать ни взять селянин в большом городе. Его увесистый посох мешал на забитых улицах, но никто не решался ворчать на Кэшела, даже если и натыкался на него.

Илна держалась рядом с братом, но в общих беседах, как заметил Гаррик, не участвовала.

– Кажется, мы приближаемся, – шепнула Гаррику Лиэйн, – но я не уверена. Госпожа Гудеа не водила нас к Алтарю во время занятий по истории, из-за его месторасположения.

Лиэйн хихикнула.

– Она это называла «не слишком подходящим местом для прогулок юных девушек», хотя, как я погляжу… – Она кивнула на многочисленные балкончики в переулках, отходивших от Прямой Улицы. Там стояли женщины в платьях, открывающих грудь, и с подведенными киноварью глазами. Они смеялись и окликали солдат, проходивших мимо с каменными лицами.

– … юных девушек вокруг хватает, – закончила она. – Мы осматривали этот квартал с высоты Крепости. Так что я знаю: мы близко.

– Уже пришли, сир, – обратился к Гаррику Бесимон, командир отделения стражи.

Ниша естественного происхождения, углубленная человеческими руками, вгрызалась в отвесную скалу слева. Первые поселенцы в Вэллисе строили свои дома на вершине крутого холма, чтобы он служил им защитой. Крепость оставалась центром города во времена Войны Знамен. После объединения Орнифола правительство и богатые люди покинули Крепость и прилегающий квартал, где ощущалась нехватка воды, и переселились в нижнюю часть города. Храм Госпожи в Вэллисе остался по-прежнему стоять в Крепости, а у подножия холма первый герцог Орнифольский построил Алтарь Гармонии как символ единства, установившегося на острове еще за сотни лет до Лоркана Хафтского. Того самого, что позже превратился в Лоркана, Короля Островов.

– Наверное, он был прекрасен, пока не разрушился, – сказал Гаррик. В его душе жило множество воспоминаний Каруса о замечательных памятниках. Да и самому юноше довелось

увидеть не меньше, пока он путешествовал по Островам и другим мирам в борьбе с Хаосом. Однако Алтарь Гармонии производил впечатление чего-то уникального и поистине прекрасного. – Даже теперь…

Пандус вел к широкому огороженному пространству без крыши, где и располагался алтарь. Мраморные стены когда-то сплошь были покрыты барельефами-виньетками с изображением людей и богов в рамах из виноградной лозы. Со временем камень потемнел, на нем выделялись пузырящиеся прожилки белой гнили. Западная стена и вовсе рухнула давным-давно.

Бутовая перегородка и тростниковая крыша, пристроенные к богато украшенному Алтарю, превратили часть святилища в жилище. Нет! В таверну!

– Очистить место, – коротко приказал Бесимон. – Госпоже Теноктрис требуется пространство для работы.

На этот раз Кровавые Орлы ограничились частичным вооружением: кирасы, шлемы, копья; меч и кинжал на каждом поясе. Шестеро солдат тут же уперлись древками копий в перегородку и сдвинули ее.

– Эй, чего это вы там делаете?! – заорал громила, выскакивая вместе с четырьмя огорошенными клиентами. В руках он держал заостренную палку с шипами, которую тут же выронил, едва завидев королевскую охрану.

Крыша на глазах начала оседать. Из постройки выскочил хозяин, размахивая кривым ножом. Он отличался совершенно бандитской наружностью: на левой руке у него не хватало трех пальцев, а зачесанные на лоб волосы явно скрывали клеймо «В» – «вор».

– Один из обычаев Блэйза, – не преминул сообщить Карус. Говорил он спокойно – так же, как прикидывал направление первого удара, если дело обернется совсем туго.

– Кто вы такие, чтобы выгонять меня отсюда? – прорычал хозяин, сжимая нож.

Один из Кровавых Орлов схватил его руку и вывернул за спину так, что кости затрещали, а другой ударил древком копья по костяшкам пальцев, заставляя выпустить оружие.

– Я – гражданин Вэллиса, – сказал Гаррик, чувствуя, как нарастает в нем гнев. – Ты же присвоил себе то, что призвано быть честью всего города, всего Королевства. Неужели ты считаешь это своим только потому, что у тебя есть нож и громила, который сумеет заткнуть недовольных?

Кровавый Орел оценил диспозицию, затем наступил подкованным каблуком сапога на лежащий нож. Тот сломался у самой рукояти, да и костяная рукоять рассыпалась на мелкие части.

Десять Кровавых Орлов развернулись и изготовились к возможной стычке, но столпившийся народ лишь улюлюкал, радуясь бесплатному развлечению. Похоже, хозяина притона здесь не особо жаловали.

– Жить по соседству с преступниками беднякам нравится не больше, чем всем остальным, – сказала стоявшая рядом с Гарриком Лиэйн. Она вытряхнула из кошеля на ладонь две серебряные монеты, затем, с хмурой решительностью, добавила одну из двойных бронзовых, которые в народе прозвали «сноп в короне» из-за рисунка на обороте. – Судя по клиентуре, это самый дешевый притон в округе!

– Чего? – сказал хозяин. Он выглядел искренне удивленным. – Эй, я заплатил Одноглазому Тэшину полновесной бронзой за это место!

Стражники отпустили скандалиста, хотя Гаррик знал, что тому ничего не стоит снова схлопотать тумак, прямо под дых.

Он не стал отдавать подобный приказ, хотя какая-то часть его сознания жаждала увидеть это.

Под командованием Бесимона четверо солдат уперлись копьями словно рычагами, чтобы приподнять крышу и выкинуть ее за пределы святилища. Внутри обнаружился деревянный бар и два кувшина вина. Их тоже без лишних церемоний отправили за заднюю стену.

Один из солдат силился поднять резной камень, служивший табуретом.

– Оставьте это, – приказала Теноктрис. – Они когда-то были частью стены.

Барельеф на одном из камней изображал священника, ведущего увитого гирляндами вола с причудливо украшенными рогами. Должно быть, так выглядела часть священной процессии в те времена, когда Алтарь использовался по своему прямому назначению.

– Алтарь Гармонии вскоре будет перестроен, и ему вернут первоначальный облик, – провозгласил Гаррик. – Он не может принадлежать тебе или мне. Алтарь – это достояние всего населения Орнифола! И никогда еще за прошедшие тысячелетия люди не нуждались в Гармонии так остро, как сейчас.

Юноша шагнул вперед, чтобы не показалось, будто он прячется за спинами вооруженных солдат. Хотя он обращался к хозяину таверны, голос его звучал достаточно громко, чтобы в собравшейся толпе его услышали и узнали.

– Эгей! – послышался радостный крик в толпе. – Да это же принц Гаррик! Принц здесь!

– Принц Гаррик? – повторил хозяин. – О чем это они болтают?

Он растерянно уставился на разоружившего его солдата. Местные завсегдатаи – среди них и громила – шарахнулись в разные стороны, как от чумы.

«И как же я оплачу реставрацию», – озабоченно подумал Гаррик. Он сам не понимал, зачем сказал это, но теперь отступать было поздно. Птерлион бор-Паллиал, новый казначей, взвоет. Наверняка заявит, что есть куда лучшее применение тем немногим деньгам, которые поступают в Королевство!

– Ну, ты опять за свое, парень, – прошептал сквозь века король Карус. – Порой символы необходимы. И далеко не худшее применение деньгам – напомнить людям, что все они – часть Королевства и король заботится о них.

– Но это же всего лишь старые камни, – возмущался хозяин таверны, напуганный таким оборотом дела. – А у меня достойное заведение…

Илна фыркнула, и мужик оглянулся на нее. Вряд ли ему что-то сказал пучок ниток в ее руках, готовых сложить грозный узор. Но презрительное недоверие на лице девушки оказалось весьма красноречивым.

– Опять же, – заныл хозяин, – я ведь платил…

– Я оплачу твои убытки, – резко сказал Гаррик. – Но предупреждаю: чтобы через пару дней, когда сюда явятся рабочие, тебя и близко не было.

Сможет ли он начать работы так быстро? Возможно, да. Одна из странностей королевской жизни заключалась в следующем: пока Гаррик еще только обдумывал, как сделать что-то (и сомневался), происходили некоторые вещи, заставлявшие его делать то, что он мог. О, если бы привести в порядок орнифольскую налоговую систему было так же просто, как отстроить старое здание!

Лиэйн шагнула вперед, держа в руках три монеты: «двойной сноп» и две «госпожи», зажатые между большим и указательным пальцем. Хозяин ахнул при виде серебра. Он схватил было монеты, но тут заметил, что солдаты готовы приложить его древками копий для пущей уважительности.

Хозяин поклонился и протянул сложенные лодочкой руки, опустив лицо. Лиэйн бросила ему монеты и тут же отошла, неосознанно отряхивая руки. Хозяин и в самом деле был омерзительным и невежливым грубияном, и даже отдать ему деньги – не прикасаясь к нему – казалось девушке весьма неприятным.

– Учти: если ты сейчас не уберешься, – продолжал Гаррик приятным голосом, – то присоединишься к каторжникам, которые ремонтируют городские стены. До конца своей жизни!

Он звонко прищелкнул пальцами. Бывший хозяин притона сунул монеты за щеку и кинулся прочь. Тут же из толпы послышались недовольные голоса, утверждающие, что прощелыга им задолжал. Парень попытался улизнуть в переулок, но шансов сбежать у него было немного!

Капитан Бесимон слабо улыбнулся. Ни он, ни Гаррик не мели ни малейшего желания

вмешивать в это дело административное правосудие. Не та ситуация.

Солдаты очистили святилище так скоро и споро, что это произвело на Гаррика сильное впечатление. Еще при Атта-пере если не раньше Кровавые Орлы стали не просто церемониальным подразделением – и даже не просто обычными телохранителями, способными защитить своего короля на поле боя ценой собственной жизни. Эти люди обладали навыками во всех видах строительных и инженерных работ, которые могут потребоваться в армии. Так что задача очистить пустое здание от каменных обломков оказалась для них детской игрой.

– Войска, не способные укрепить свой лагерь, прежде чем уснут после марш-броска, – одобрительно отметил Карус, – в один прекрасный день проснутся до рассвета в одной постели с неприятелем.

В ожидании дальнейших приказаний Бесимон посмотрел на Гаррика. Тот предупреждающе поднял руку и обратился к старой колдунье:

– Теноктрис! Что нам следует сделать дальше?

Пожилая женщина склонилась, изучая останки центрального Алтаря. Кэшел стоял подле нее, молчаливый и надежный, – посох в руке, кошель на тяжелом ремне через плечо. Совсем как в родной деревушке, когда он возвращался поутру с пастбища, – единственное, чего не хватало, так это коровьего рога с деревянным мундштуком, с которым он когда-то пас овец.

Гаррик вдруг понял, что Кэшел не только выглядел, он и был прежним человеком – наиболее типичным представителем баркианцев. Интересно, а он сам остался Гарриком ор-Рейзе из маленькой деревушки Барка? Все вокруг так поменялось, что трудно однозначно ответить на этот вопрос.

Лиэйн улыбнулась ему. Что ж, не все перемены к худшему.

– Думаю: если ваши люди смогут держать толпу на расстоянии… – произнесла Теноктрис, пока Лиэйн помогала ей подняться, – то мы вполне управимся здесь с Кэшелом.

– Бесимон, – коротко распорядился Гаррик. – Госпожа Теноктрис будет работать на месте старого Алтаря. Пусть ваши люди оцепят святилище, чтобы освободить ей место.

Бесимон ответил с унылой улыбкой:

– Это было бы несложно, сир. Если б только люди не…

Он обернулся к зевакам. В толпе вовсю сновали разносчики с подносами пирожков, корзинами фруктов и лотками амулетов с изображениями Госпожи и Пастыря («Настоящее серебро, да утащит Сестра мою душу прямо в Ад, если вру!»). Происшествие стремительно превращалось в большую уличную ярмарку.

– … не почувствовали, что здесь пахнет волшебством, – закончил Кровавый Орел.

Стражники оцепили западную и северную арки. Они стояли лицом к толпе и держали копья крест-накрест на уровне живота, составив длинную решетку. Ни толкотни, ни брани. Гаррику понравилось, что войска выполняют свою работу в хорошем расположении духа.

Он подошел к Теноктрис и остальным в центре святилища. Верхняя часть Алтаря и четыре боковые плиты с годами рухнули. Хозяин таверны и ему подобные навалили здесь кучу мраморных осколков, чтобы сделать подпорку.

На самой верхней плите сохранилось изображение: мужчины, женщины и дети в островерхих колпаках, связанные между собой гирляндами из роз. Некоторые трубили в изящные рога, другие звенели колокольчиками и били в бубны. Дети открывали рот в беззвучной песне.

Настанет день, когда гармония вернется к нам, подумал Гаррик. Король в его сознании криво усмехнулся, Гаррик ответил такой же улыбкой. И у нас этой гармонии будет не меньше, чем у тех, кто строил Алтарь.

Теноктрис вытащила бамбуковую палочку из пакета, который подал Кэшел. Носить вещи волшебницы являлось почетной обязанностью юноши, когда они ходили куда-нибудь вместе. Заглянув мимоходом в суму друга, Гаррик обнаружил в ней лишь круглую буханку черствого хлеба и головку сыра, завернутую в лист щавеля.

Негусто… Наверное, другой на месте Кэшела постарался бы предусмотреть все грядущие опасности и подготовиться к ним. Может, дело в опрометчивости Кэшела? Да нет, любой, кто видел его во главе овечьей отары, знал: этот парень видит своих подопечных насквозь. Он знал наизусть все глупости, которые могли прийти в голову этим животным.

Но не все в жизни поддается планированию. Иногда выдают такие ситуации, с которыми приходится разбираться по ходу дела. На этот случай у Кэшела была припасена медлительная улыбка, верный посох, а также силища, которой никто в их родной деревушке не мог противостоять. Кэшелу этого вполне хватало, чтоб бороться с неожиданностями.

– Алтарь является средоточием силы, – пояснила Теноктрис. – Это здорово облегчит отправку Кэшела туда, где ему окажут более квалифицированную помощь. Это место…

Она окинула мимолетным взглядом почерневшие мраморные стены, затем посмотрела вверх – на обрыв, где высилась Крепость. Грубый известняк покрывали трава и ползучие растения; то тут, то там выпячивались корни сучковатых деревьев.

Теноктрис встряхнулась и обернулась к друзьям.

– Простите, меня одолевают грезы, – сказала она смущенно. – О прошлом, о будущем… Наверное, я пытаюсь оттянуть момент. Но, как вы любите говорить, трудная работа не станет легче, если ее откладывать.

Она легонько похлопала Кэшела по руке. Юноша улыбнулся, хотя глаза его вглядывались в невидимые горизонты будущего.

– Да… так вот, – продолжила Теноктрис, – это место связано с Ландуром. Вот почему мы здесь.

Волшебница придирчиво оглядела палочку, которую сжимала в руке.

– Кэшел, – сказала она, – не срежешь ли мне свежую веточку вместо этой палки? Вещь, сделанная твоими руками, облегчила бы мне задачу. – Быстрая улыбка скользнула по ее лицу. – А я такая работница, что мне любая помощь пригодится.

Кэшел срезал росший у стены побег и острогал его простым железным ножом, который всегда носил на поясе. Этот инструмент годился на все случаи жизни: порезать хлеб, счистить намотавшуюся на плуг траву, подрезать кожу на ремне для сбруи.

Он протянул свое изделие Теноктрис. Деревянный прутик был тонким, но достаточно твердым для ее целей. Женщина присела, чтобы нацарапать круг и слова на Старой Вязи во впадине Алтаря. Мягкий прут не оставлял следов на камне; по крайней мере, заметных глазу, но Теноктрис в этом и не нуждалась. Иногда символ важен сам по себе… Гаррик шагнул к Кэшелу и обнял его.

– Жаль, что я не могу пойти с тобой, – сказал он и удивился, как хрипло прозвучал его голос.

Кэшел улыбнулся.

– Да, я бы не отказался от компании, но у тебя ведь дела здесь, – ответил он довольно спокойно. Впрочем, Кэшел не имел привычки беспокоиться.

Люди, не знавшие его, могли бы подумать, что парень не совсем понимает грозящей ему опасности. Но Гаррик то вырос вместе с Кэшелом и точно знал: его друг отлично понимает, во что ввязывается. Просто не позволяет эмоциям брать верх.

Илна шепнула брату слова прощания. Она стояла прямо и твердо, как Кэшелов посох, и взгляд ее был под стать. Собственно, как всегда. Такова уж она – Илна.

Гаррик посмотрел на Кэшела, вспоминая тех людей, которых он отправлял навстречу опасности. В нем снова зашевелился король Карус – уж ему-то куда как часто приходилось это делать за свою долгую жизнь. Всегда легче идти в бой самому, чем посылать друга. И крестьянином быть намного легче, чем королем.

Хотя… И крестьянину порой приходится принимать решения, от которых зависит жизнь или смерть. В благополучном обществе, каковой являлась Барка (по крайней мере, в собственных глазах), люди имеют привычку помогать соседу в нужде. Но и тут существовали границы. И даже в Барке шли пересуды по поводу того, куда порой пропадают младенцы, рожденные в чересчур суровую зиму.

– Итак, – сказала Теноктрис, выпрямляясь. – Кэшел, встанешь в центр круга…

Слова Силы были едва заметной тенью на камнях, но сама форма Алтаря точно указывала место.

– … когда будешь готов. И я начну.

Я уже готов, – без выражения откликнулся Кэшел.

Лиэйн быстро обняла его. Она отошла назад, и напряжение исчезло с лица юноши. Он аккуратно перешагнул через отметины и встал, прижимая посох к телу, чтобы тот не касался начертанного узора.

– Кэшел, последнее предостережение, – произнесла Теноктрис. – Ландур очень могущественный волшебник, но говорят, что он также жесткий, неуступчивый и надменный человек. Он может отказать тебе в помощи.

Кэшел пожал плечами.

– Ну, если мастер Ландур не захочет помочь мне, то я думаю, что найдется кто-нибудь другой, – сказал он. – Или я разыщу Шарину своими силами. Но я все равно так или иначе сделаю это.

Волшебница быстро, по-птичьи, кивнула.

– Гаррик, – сказала она. – Заклинание я произнесу сама. Но если ты встанешь рядом со мной на колени и возьмешь меня за руку, чтобы я не упала, это здорово поможет. Можешь считать, что я чересчур пессимистична…

Она улыбнулась. Гаррик понял, что волшебница безуспешно пытается скрыть всю тяжесть затеянного ими дела. Он положил руку ей на плечо, как всегда отметив про себя худобу Теноктрис – кожа да кости, как на птичке.

Теноктрис уселась, скрестив ноги, и закрыла глаза, чтобы собраться с силами. Затем начала размахивать палочкой в такт распевным словам:

– Хай афоно апа-фоно…

По толпе пронесся ропот, едва они поняли, что происходит. Гаррик стоял спиной к собравшимся, но он прекрасно знал, как магия отпугивает обычных людей. Человек в здравом уме не может любить магию. Ведь маг, как и любой, способен допустить ошибку, цена которой – жизни и души тех, кто окажется поблизости.

– Эхайпен панациос эпайпен… – продолжала Теноктрис. Ее голос звучал размеренно, словно падали капли воды в клепсидре. Бледная голубая дымка заклубилась вокруг неподвижной фигуры Кэшела.

– Семон секнетт'аллассосемон…

Лиэйн стояла по другую сторону от Гаррика, кончики ее пальцев лежали на его плече. Он черпал силы в ее прикосновении – так же пеший солдат держится за стремя всадника и находит в себе силы бежать за лошадью.

Тело Кэшела выглядело все таким же твердым и материальным, только теперь его окутала сфера голубого огня. Оно повисло в воздухе под прямым углом к поверхности, где он только что стоял. Со стороны трудно было понять, осознавал ли он происходившие перемены.

– Агра базагра ореобазагра! – воскликнула Теноктрис ломким голосом. Палочка в ее руках раскололась, жесткие волокна разлетелись от разрыва грани миров. Старая волшебница начала заваливаться назад. Гаррик подхватил ее и поднял на руки.

Тело Кэшела вращалось внутри сияющего шара, не отбрасывающего теней. Он уменьшался, словно проваливаясь куда-то вдаль, выражения лица было не различить, но руки по-прежнему сжимали посох.

Теноктрис обессиленно выдохнула. Свет обернулся вокруг себя и исчез. В сознании Гаррика навсегда запечатлелась картина, как его друг вертится и уменьшается, словно кукла, брошенная в пучину водоворота.

* * *

Огромная птица вынырнула из неопределенности и заскользила по широкой дуге навстречу солнцу. Внизу лежала гавань, приютившаяся на поросшем лесом побережье. Было уже далеко за полдень.

Вначале Шарина не увидела никаких следов человеческой деятельности, но, по мере того как птица продвигалась вперед, девушка заприметила несколько лодок, вытащенных на песчаную косу вдоль зализа. На вершине холма, возвышающегося над морем, была вырублена просека, смахивающая на рваный желтый рубец. Вдоль вырубки тянулся частокол; за ним стояла дюжина овальных лачуг с тростниковыми крышами над каменными стенами. Одна казалась чуть больше других и отгораживалась от них собственным забором.

Люди в одеждах из кожи и грубой травы увидели птицу и бросились врассыпную по домам. Шарина слышала предостерегающие крики. Матери подхватывали детей, слишком маленьких, чтобы спасаться самостоятельно.

Птица продолжала планировать, ощутимо теряя высоту. До верхушек деревьев оставалось не более пятидесяти футов. Здесь росли большей частью твердые породы дерева, сейчас, в разгар лета, одетые в пышную листву.

Первобытный поселок располагался на западном хребте. Птица описывала дугу над заливом. Спутанные космы зелени спускались до самой линии прибоя, перемежаясь с пятнами песка, за который цеплялись корни более солидных растений.

Внезапно внизу мелькнула некая сложная структура – огромное нагромождение камней на полуострове напротив человеческого поселка. Отдельные камни в этой конструкции оказались меньше, чем ожидала Шарина, к тому же неправильной формы. Однако они подходили друг к другу с точностью мозаичной облицовки.

Деревья разрушили древний город, их корни извивались и протискивались в щели, куда в свое время не вошло бы и лезвие ножа. Многие дома рухнули и превратились в кучи булыжников, заросшие травой. Шарина бы и не заметила их, если бы птица не пронеслась прямо над листвой.

Несмотря на эту зеленую вакханалию, строения сопротивлялись. Деревья на камнях выглядели чахлыми и иссохшими, гораздо ниже своих лесных собратьев, чьи семена долетели сюда. Стаи скворцов перелетали с дерева на дерево, двигаясь как единое бесформенное существо. И никаких признаков человеческой жизни.

Огромная птица сменила направление с поразительным изяществом кита в открытом море. Кончик левого крыла приподнялся, в то время как правое ушло вниз, указывая прямо на землю. Шарина, неподвижная в птичьих когтях, раскачивалась по головокружительной дуге.

Из устья залива дул сильный бриз. Птица подставила ему свои крылья, словно паруса огромного корабля, который неспособно даже нарисовать человеческое воображение. На миг она зависла в воздухе, словно чайка над пищей, затем полетела над деревьями к кромке залива.

Сильные ноги, державшие Шарину, выпрямились.

Затем когти раскрылись, птица опустила девушку на прибрежный песок. Все было проделано с нежностью кошки, перетаскивающей своих котят.

Руки и ноги Шарины онемели от долгой неподвижности, и девушка попросту откатилась подальше. Она знала: попробуй она встать, ноги не удержат ее вес. Но девушка достала пьюльский нож, чтобы воткнуть твари в глотку, если та вдруг попытается прикончить ее.

Тело птицы, почти вертикально стоящее на вытянутых ногах, вновь скользнуло в ветер и открытое море за гранью залива. Крылья хлопали с медленной силой перемалывающего скалы ледника.

Тень снова поднялась в воздух, скользнула в небо. Птица пролетела прямо над гаванью, ловя вечерний бриз между водой и крыльями. От ее мягкого полета на волнах побежали барашки пены.

Прежде чем крылья перестали отбивать свой медленный ритм, птица исчезла, как песочный замок в волнах прилива. Шарина осталась одна на омытой морем окраине леса.

Неподалеку трубил рог.

* * *

Илна хмурилась, рассматривая фигуру Шарины на гобелене: та пыталась освободиться из лап демона. Для ее светлых волос Илна использовала самую тонкую шелковую нить, но результат все равно не мог сравниться с оригиналом.

Илна не знала, где сейчас находилась ее подруга, и порой ей страстно хотелось поверить в Великих Богов… чтобы искренне, без лицемерия помолиться за несчастную девушку. Больше ничего Илна не могла придумать.

– К вам пришли люди по поводу гобелена, госпожа, – крикнул через весь атриум Кровавый Орел из своей арки. – Впустить их?

– Да, сделайте это, – откликнулась она и, вздрогнув от звуков собственного голоса, добавила помягче: – Пожалуйста.

Излишнее добавление, охранник уже проорал ответ своему напарнику у входной двери. У солдат есть одно несомненное достоинство: они привыкли к грубым приказам. Очень удобно для того, кто необдуманно резок со всеми подряд. Как в Илнином случае.

С Шариной все будет в порядке. Наряду с природным умом, эта девушка обладала редким даром находить друзей, готовых сделать для нее то, что ей самой не под силу. Таких как Кэшел, например.

Илна улыбнулась. Появившаяся в дверях делегация из Храма Пастыря-Заступника приняла это на свой счет. Господин Велайо заметно расслабился, отчего улыбка на лице Илны расплылась еще шире.

Она искренне не желала пугать людей. Как правило…

Кровавый Орел отошел в сторону, пропуская Велайо с помощниками и какого-то незнакомого мужчину. За ними по песчаной дорожке шли лорд Тадай и девочка лет девяти, похожая на него – возможно, дочь. Илна узнала бывшего казначея – она видела его на общественных мероприятиях в свите Гаррика, которые могла свободно посещать. Девушка полагала, что ее допустят даже на заседание Совета, хотя пока подобного желания у нее не возникало.

– Госпожа Илна ос-Кенсет, – начал Велайо довольно твердым голосом, хоть и не решаясь встретиться с ней глазами. – Позвольте представить вам лорда Джейло бор-Джариала из Управления по делам религии…

Джейло – мужчина лет тридцати, с узким лицом и кислым взглядом – и был тем самым незнакомцем. Его многослойные туники выглядели новыми и были хорошего качества. Вышивка, поражающая скорее богатством, чем вкусом, тоже неплоха. И хотя наметанный глаз Илны разглядел, что откидной капюшон перелицевали, дабы скрыть поношенность, тем не менее стоимость одеяния впечатляла. Злые языки поговаривали, что Джейло неминуемо разорится на своих костюмах, и многие из тех, кому приходилось вести с ним дела, с нетерпением ждали этого момента.

Он не поклонился Илне, очевидно сочтя ее происхождение недостаточно знатным. Илна промолчала, полагая недопустимым насылать затмение на малознакомого человека. Однако подозревала, что к концу сегодняшней встречи положение изменится.

– А также лорд Тадай бор-Титайн, Советник принца, Полномочный Посол…

Тадай отмахнулся от Велайо, дабы прервать этот длинный список. Девушка отметила, что ногти у него ухоженные и аккуратно обточены до идеальной миндалевидной формы.

– Госпоже Илне известно обо мне все, что требуется, – сказал он. – И я достаточно наслышан о ней, чтобы пытаться произвести впечатление громкими титулами. Дурацкое занятие.

Тадай низко поклонился, но без замысловатых жестов, которые так любил Рейзе и дворцовые подхалимы. Илна прищурилась, Тадай тонко нащупал грань между тем, что Илна сочтет уважением, и оскорбительной избыточностью. Он угадал очень точно… а это означало, что он – или его помощники – хорошо изучил характер девушки. А заодно выяснил, что способно довести ее до состояния, когда из рукава вынырнет моток пряжи.

Наверное, другой это польстило бы. Однако Илна в глубине души меньше всего хотела, чтобы ее изучали и знали. Она жила по своей собственной правде и не видела никакого смысла делать ее достоянием гласности.

– Госпожа, – вновь обратился Тадай. В его манерах сквозило изящество человека, который всю жизнь принадлежал к высшим слоям и посему не испытывал необходимости что-то кому-то доказывать. – Позвольте представить вам мою племянницу и помощницу, леди Мероту бос-Рориман.

Девочка сделала реверанс, едва не споткнувшись. Илна сдержала усмешку и поклонилась в ответ. Девочка проявляла учтивость и не заслуживала насмешек за глупые, на взгляд Илны, ужимки.

Вот Шарина умела делать реверанс. Лора настояла, чтобы ее дочь изучила всю ту придворную чепуху, которой сама она придавала такое значение.

– Мероте предстоит сопровождать меня в поездке на Сандраккан, – пояснил Тадай. – Мы отправимся, как только корабли будут готовы. Именно по этой причине мне хотелось бы, чтобы вы поторопились с отправкой вашей работы.

Он несколько нервно улыбнулся.

– Видите ли, я не слишком опытный путешественник, – пояснил Тадай. – Надеюсь, этот дар обеспечит мне защиту и покровительство Пастыря. Ну а если нет – может, хотя бы память обо мне подольше сохранится среди живых…

Илна шагнула в сторону, давая возможность посетителям рассмотреть гобелен. Жестом пригласила их подойти поближе.

– Я отвечаю только за качество ткани, господа. Все остальное – не в моей власти.

Тадай прошел к первому из трех полотнищ. Мерота следовала за ним, но, проходя мимо обернулась, чтобы взглянуть на Илну. У девочки были большие и умные карие глаза и чистая кожа. Подобно своему дядюшке, она обнаруживала склонность к полноте, что почему-то раздражало Илну.

Трое представителей Совета Храма теснились за спиной Тадая. Они нервничали, с трудом скрывая свое нетерпение, но вылезать вперед высокопоставленного начальства избегали.

Лорд Джейло со своей стороны презрительно усмехнулся, проходя мимо Илны:

– Полагаю, вы совершаете большую ошибку, лорд Тадай, связываясь с этой тряпкой. Для человека вашего уровня существует много других способов обессмертить себя. Вот, например…

– Мы уже обо всем договорились, Джейло, – вмешался советник Эрманд. По лицу Илны скользнула слабая улыбка – единственная эмоция, которую она могла себе позволить. Джейло, с ее точки зрения, такой слизняк, об которого не стоило даже подошву пачкать.

– Это сделали вы, – окрысился Джейло. – Даже не согласовав с Управлением по делам религии. Вы…

– Нам что, следовало сначала подкупить шайку благородных ублюдков? – злобно огрызнулся Кассис. Будь у него в руке кофель-нагель, Джейло, того и гляди, обзавелся бы вмятиной на черепе. Кровавые Орлы, сопровождающие группу, с улыбкой смотрели на Илну. Пока хозяйке ничего не угрожало, проблемы присутствующих их мало касались – пусть хоть перережут друг друга. Солдаты понимали приказы очень узко, но очень последовательно – этакая охранная система, способная идти до конца в исполнении своих обязанностей.

Тадай шел вдоль гобелена. На лице его застыла неопределенная улыбка. Рядом с ним маленькая племянница все больше уходила в себя. Между средней и последней частью

занавеси она бросила взгляд на Илну. Та приподняла бровь в ожидании вопроса, но девочка промолчала.

– Новый храм Госпожи Морей в последнее время получает большое количество даров от морских путешественников, лорд Тадай, – подал голос Джейло. Он ни словом не ответил Кассису, но пятна румянца, выступившие на скулах, доказывали: оба оскорбления – и упоминание взяток, и (еще больше) намек на неясное происхождение Джейло, – достигли цели. – Надеюсь, вы понимаете, что дар Храму будет использован не по прямому назначению, а скорее всего пойдет на оплату вина на общинном ужине.

– Эй ты! – взвился Кассис.

Велайо, который все еще стоял возле первого фрагмента, тронул своего коллегу за рукав.

– Нас это не касается, – тихо сказал он. Он быстро взглянул на Илну и поклонился.

– Наша задача – подтвердить сделку, которую мы заключили с госпожой Илной, – добавил он, формально обращаясь к Кассису, но обернувшись к ткачихе.

Она коротко кивнула.

На лице Джейло все отчетливее проступало разочарование. Еще бы: лорд Тадай не обращал на него ни малейшего внимания, а представители общины храма вели совершенно непонятные разговоры с Илной.

При этом девушка с удивлением отметила, что Джейло даже не взглянул на гобелен. Больше всего его волновал факт, что сделка состоялась без участия Управления, в чьи функции входила во избежании конкуренции координация действий всех религиозных общин Вэллиса.

– Не понимаю, – задумчиво произнес Эрманд. Он шел за Тадаем и Меротой, сосредоточенно всматриваясь в сюжет на гобелене. – Это великолепное произведение искусства, я бы и сам не отказался такое купить. Но меня смущает одно: почему же мы не видим здесь Пастыря?

Тадай обернулся. Несмотря на подчеркнутое спокойствие аристократа, он был разгневан: пальцы так крепко сцеплены, что кончики побелели под ухоженными ногтями.

– Любой, кто посмотрит на этот гобелен, почувствует на себе силу Великих Богов, – резко ответил он Эрманду.

Затем Тадай посмотрел Илне прямо в глаза и повторил:

– Любой.

– В конце концов, не так уж важно, что там изображено, – примирительно сказал Велайо. – Уверяю вас: все захотят получить благословение в храме, где висит подобный занавес. Вы понимаете? Эрманд? Кассис? Этот гобелен прославит наш Храм!

– Ах ты вонючий торгаш! – взорвался Джейло. Скорее всего, настоящей причиной его гнева являлось упорное нежелание Тадая обращать на него внимание, но советники храмовой общины показались ему более безопасной мишенью. – Вот когда Управление отберет лицензию у вашей навозной кучи, тогда-то вы оцените пользу ваших тайных сделок с сомнительными ткачихами!

– Лорд Джейло! – вмешался Тадай. Он не повысил тона, но слова упали, словно лезвие топора. – Насколько мне известно, ваше Управление занимается общественными делами, однако не подчиняется ни одному из министерств в правительстве, не так ли?

– Именно так, – четко ответил Джейло. – Мы полностью частная организация, существующая на взносы наших членов.

Он расцвел улыбкой: наконец-то благородный лорд Тадай обратился к нему. Парень не отличался сообразительностью и еще не понял, к чему идет разговор.

Зато Илна вполне поняла. И тоже улыбнулась.

– Таким образом, любезный господин, вы – взяточник и к тому же дурак, – констатировал Тадай приятным, слегка ироничным голосом. – Недопустимое положение! Если б не мой отъезд, я бы собственноручно приписал ваше управление к казначейству, но раз уж я уезжаю… Придется подсказать канцлеру Ройясу, чтобы, Канцелярия

незамедлительно занялась вами. Думаю, мой друг Ройяс поймет меня правильно…

– Что? – задохнулся Джейло. – Чтобы?..

Он дико уставился на собравшихся вокруг. Кассис с трудом сдерживал ликование, Эрманд выглядел озадаченным не меньше самого Джейло, Велайо же сохранял непроницаемое выражение лица.

– Что вы такое говорите? – сорвался на крик Джейло. – Да вы не имеете права!

– Госпожа? – обратился Тадай к Илне. Его племянница отскочила назад, испугавшись вспышки гнева Джейло. – Как я понимаю, ваши стражники не станут выполнять моих приказов. Но я буду весьма признателен, если они проводят этого господина… – Он с гримасой отвращения указал на Джейло: – Куда-нибудь подальше. Мне непонятно, кто пригласил его сюда. Но это точно был не я.

– А он сам себя пригласил, – разъяснил Велайо. – Заявил, что мы не имеем права принимать решения без его Управления… И пообещал проследить, чтобы впредь мы знали свое место.

– Ох, забери меня Сестра, сейчас я сам его выведу! – пообещал Кассис. Коренастый моряк схватил Джейло, скрутив ему руку за спину. В таком положение он и двинулся к дому, не обращая внимания на вопли Джейло.

Один из Кровавых Орлов вопросительно поднял бровь. Илна пожала плечами, и солдат с улыбкой тихо скомандовал своему напарнику:

– Проводи лорда Джейло. Его аудиенция окончена.

Тадай, убедившись, что ситуация под контролем, казалось, утратил к ней всякий интерес.

– Вас я тоже не вижу на гобелене, госпожа Илна, – мягко сказал он. – Однако я слышал, вы сыграли чуть ли не решающую роль в победе над Чудовищем.

– Слухи часто врут, господин, – отрезала Илна, – глупо им верить.

Тадай улыбнулся.

– Возможно, но я не настолько глуп, чтобы полностью игнорировать слухи, – сказал он.

– Ее нет на гобелене, потому что она смотрит со стороны, – неожиданно прервала их спор девочка. Не отрывая взгляда от Илны, она пояснила: – Это ее гобелен, дядюшка, и ее взгляд на историю.

– Полагаю, что так, – кивнул Тадай и внимательно посмотрел девушке в глаза. Интересно, что такое он там увидел? – Так или иначе, я берусь оплатить расходы по скорейшей доставке гобелена в Храм Пастыря-Заступника. И, разумеется, дальнейшее содержание… – Он кивнул Илне. – Не возьметесь ли вы проследить за всем, госпожа? – спросил он. – Мне хочется установить гобелен как можно скорее, поскольку мы торопимся с отъездом. Но главное, чтоб все было сделано правильно…

– Разумеется, – согласилась Илна. – Если только эти господа не возражают…

Да щелкни только Илна пальцами, и «господа» помчатся к храму во весь опор! Кассис вернулся в сад с довольной улыбкой.

– … то думаю, мы можем приступить прямо сейчас.

– Пошлем гонца в Храм, – решил Велайо. – Служители будут ожидать нас.

– Я прекрасно понимаю, что вы работали не ради денег, – произнес лорд Тадай. Он говорил с осторожностью человека, ступившего на зыбкую почву. – Но если бы вы позволили, то гонорар или хотя бы покрытие расходов…

– Нет, – отрезала Илна. Предложение денег не рассердило ее так как было достаточно вежливым по форме. Но тем не менее… – Это мой памятник тем, кто погиб ради того, чтоб я продолжала жить, – сказала девушка. – И взять эти деньги для меня так же недопустимо, как торговать их костями.

Она улыбнулась, хотя улыбка вышла жутковатой.

– Впрочем, боюсь, сейчас даже костей их не сыскать… – Повисло молчание. Илна откашлялась и продолжила:

– Но я бы просила вас об одном одолжении… Дело в том, что Ятоже хочу попасть в

Эрдин. И как можно быстрее.

В уме она горько усмехнулась своим словам. На самом деле все что она хотела, – это поскорее покинуть Вэллис, где вид Гаррика и Лиэйн разбивал ей сердце.

– Если бы на вашем судне оказалось свободное местечко, я бы с удовольствием купила…

– Купила?! О нет! – с жаром воскликнул Тадай. – Но если вы пожелаете путешествовать в качестве почетного члена моей свиты, тогда, разумеется, да! Только придется поторопиться, корабли отплывают завтра после полудня.

– Меня это устраивает, – мрачно сказала Илна. – Чем раньше, тем лучше…

Глава 7

– «Тянем – за женушку, в спину глядящую, эх!» – пел покрытый шрамами моряк, задавая ритм. Он не был офицером: Илна приметила, что офицеры в качестве знака отличия носили широкие кожаные ремни. Скорее всего, этот человек просто обладал большим опытом и хорошим голосом.

– Эх! – вторили ему тянущие канаты мужчины.

Арсенал выделил и оснастил две триремы, на которые погрузили объемистый багаж лорда Тадая бор-Титайна и его свиты. В настоящий момент матросы спускали первое судно по рампам из сухого дока.

Илна стояла на причале вместе с другими пассажирами, ожидая, когда корабль встанет на воду и можно будет подняться на борт. Весь свой багаж – запасную тунику, туго завернутую в плащ, да немного сыра и печенья – девушка держала в руках. Если, упаси Госпожа, случится кораблекрушение, ей не грозит остаться без припасов. Помимо еды, ей, конечно, потребуется пряжа и ткацкий станок. Но это можно купить и в Эрдине.

– «Тянем – за наших детишек, отцов нас не помнящих, эх!» – Певец поддерживал ритм. Рампы опирались на столбы, а не на сплошные стенки, поэтому воздух свободно циркулировал вокруг изящных сосновых кораблей. Голос эхом отражался от опор, перекрывал сам себя, превращаясь в невнятный шепот.

– Эх! – рявкнули мужики на канатах.

Киль триремы скрипел и дымился, хотя рабочие хорошо смазали его, прежде чем опустить в желоб волока. Илна со слабой улыбкой рассматривала механизм, тянущий корабль вперед, в то время как ухающие матросы дергались на месте в противоположном направлении. Узор направляющих и тянущих канатов уступал по сложности тем, которые ткала она сама, но в точности и размахе системы тросов присутствовало что-то величественное.

Возможно, нечто или некто ткет узор из человеческих жизней. Илна могла только надеяться, что он – кто бы это ни был: Бог, Рок или Фортуна… – Девушка широко улыбнулась. – … нет, не «он» – Она знает свое дело.

– «Тянем – к девчонке, что в дальнем краю ожидает, – продолжал запевала. Он был небольшого роста, всего на полголовы выше Илны, зато широкоплеч и хорошо сложен. Задавая ритм, он вышагивал, словно петушок. Заметив, что Илна наблюдает за ним, сорвал с головы платок и приветственно помахал ей. Лицо девушки тут же приняло ледяное выражение.

– Эх! – тянули канаты матросы.

Лорд Тадай стоял в окружении помощников и двух капитанов, Капитаны носили ярко начищенные шлемы и нагрудники из желтой меди. С виду они мало напоминали моряков – не больше самой Илны. А ей совсем не нравились морские путешествия.

«Признайся честно, – сказала она себе. – Ты ведь мало что любишь». Илна невольно улыбнулась своим мыслям.

Племянница Тадая, Мерота находилась тут же – выряженная для морского путешествия. Няньки напялили на нее тунику и бриджи из плотного льна, обработанного

воском, и зашнурованные на лодыжках и запястьях. Бедная девочка, наверное, изнемогала от жары! Только богатые умудряются выглядеть настолько глупо, в то время как бедняки обходятся тем, что у них есть, и прекрасно себя чувствуют.

– «Тянем – к рыбешкам, что ждут не дождутся, когда пообедают нами, эх!»

За Меротой присматривала сурового вида компаньонка, чьи черные одеяния тоже выглядели неудобными и жаркими, но, по крайней мере, не водоотталкивающими. Внезапно женщина протиснулась через оцепление Кровавых Орлов, громко крича одному из матросов. Видимо, он что-то делал – или ей так показалось – с ее багажом.

– Эх!

Мерота бросила через плечо взгляд на своего дядюшку и убедилась, что он занят разговором. В следующий момент девочка нырнула сквозь оцепление. Один из охранников хотел было схватить девочку, но потом передумал. Кровавые Орлы – не няньки, а леди Мерота бор-Рориман все же знатная леди, несмотря на свой юный возраст.

Причал был выстроен из шероховатого вулканического туфа. За долгие годы он стерся под множеством ног и тележных колес, но пористая поверхность камня не давала поскользнуться даже теперь – несмотря на прошедший утром дождик.

Сандалии Мероты, украшенные золотыми накладками и колокольчиками на загнутых вверх носках, представляли собой единственную уступку моды на фоне остального абсурдно-«практичного» костюма. Раздался тихий звон – триньк-тинь, триньк-тинь, когда девочка быстро засеменила к Илне.

– Доброе утро, госпожа Илна, – произнесла Мерота с легким поклоном. – Я очень рада, что вы едете с нами.

– Доброе утро, – ответила Илна. Ей не хотелось называть девочку «леди Мерота», но вдруг Мерота ждет от нее почтительности? Это опасение сковало язык ткачихи, лицо ее посуровело, хотя она вовсе не хотела показаться недружелюбной.

Девочка выглядела встревоженной и несчастной.

– Вы путешествуете на том же корабле, что и мы с дядюшкой Тадаем, госпожа? – спросила девочка фальшивым тоном, совершенно неуместным для ее юного возраста. – На «Ужасе»?

Илна озадаченно посмотрела на Мероту. Кому пришло в голову дать такое название трireме? Однако вопрос застыл у нее на губах: девочка выглядела такой отчаянно серьезной….

– На самом деле не знаю, – в конце концов сказала Илна. – Полагаю, на нем поплывут твой дядюшка и офицеры. Меня, наверное, направят на второй корабль, к солдатам.

Посольство Тадай отправлялось на двух триремах. Военные корабли часто использовались для перевозки пассажиров, поскольку они не зависели от капризов ветров, которые в середине лета на Внутреннем Море были совершенно непредсказуемы. Проблема с триремами – если не считать оплаты гребцов – заключалась в одном: 170 человек на веслах, некоторое количество офицеров и специалистов по парусам – полностью занимали все место на корабле. Тадай (а вернее, Гаррик) уже втрое сократил количество гребцов, но даже при этом несметные пожитки высокого чиновника и его свиты не могли уместиться на одном корабле.

Кроме дюжины штатских помощников Тадая сопровождал отряд из тридцати Кровавых Орлов – десятая часть королевской гвардии телохранителей. Вряд ли они смогли бы защитить посла от серьезного нападения. Граф Сандракканский держал армию в несколько тысяч солдат, и ни отвага, ни умение не помогли бы даже Кровавым Орлам победить, Ведь сражаться пришлось бы одному против сотни.

Скорее, их присутствие возле Тадая имело целью подчеркнуть его статус, поскольку элитное подразделение солдат в черных доспехах сопровождало только наиболее приближенных к принцу людей. Но статус статусом, а Тадаю и его друзьям вряд ли понравится, если во время путешествия возле них постоянно будет болтаться куча неотесанных солдат. Довольно с них и неотесанных матросов, с чьим присутствием им

приходилось мириться.

Улыбка Илны не имела никакого отношения к Мероте, но девочка приняла ее за проявление дружелюбия и явно повеселела:

– Ах, госпожа, ну что вам стоит поехать со мной? Мне бы так этого хотелось!

– Почему это вдруг? – удивление на время вытеснило из головы Илны прежние мысли о разнице в социальном положении.

Мерота собиралась ответить, но в этот момент раздался иступленный крик. Дама в черном заметила отсутствие своей воспитанницы и заголосила:

– Леди Мерота! Леди… ах вот вы где!

Она протиснулась между Кровавыми Орлами.

– Немедленно отойдите от этой женщины!

Илна улыбнулась. Девочка, наоборот, придвинулась к ней, но не она в этот момент занимала мысли девушки.

– Простите, госпожа, я не ослышалась – вы меня назвали «этой женщиной»? – спросила она самым любезным тоном.

– Я… – проговорила компаньонка.

Илна шагнула ей навстречу. Женщина была старше Илны и, по меньшей мере, вдвое крупнее: высокая, широкая в кости, чтоб не сказать толстая, но сейчас она смотрелась, словно цикада перед маленьким взбешенным скорпионом.

Компаньонка остановилась.

– Я – госпожа Келайна, наставница леди Мероты, – представилась она. – Отвечаю за безопасность и образование ребенка.

Шум привлек внимание Тадая. Он огляделся, нахмурился; затем, почувствовав назревающую конфронтацию, направился к дамам, сохраняя профессионально непроницаемое выражение. Свита и охранники поспешили следом, словно бурлящая в кильватере пена.

– Госпожа Илна, – обратился он, пройдя мимо Келайны, – надеюсь, вам не причинили неудобства?

– Неудобства ей? – ахнула дама.

– Вовсе нет, – ответила Илна. – Мы вели приятнейшую беседу с вашей племянницей. А что-то не так?

– Разумеется, все в порядке! – ответил грузный дворянин с облегчением. – Госпожа Келайна, будьте добры, покиньте нас.

Он сделал резкий жест правой рукой, словно пытаясь отодвинуть наставницу подальше от себя.

– Но… – начала было Келайна. Тадай бросил на нее грозный взгляд, а один из его помощников, мужчина в летах, подошел к наставнице. Женщина отскочила от Илны, желая избежать прикосновения чужих рук. – Я ничего не понимаю.

– Это заметно, – тихо заметила Илна с довольным видом.

Мерота хихикнула, выныривая из-за ее спины.

– Зато вы понимаете суть вещей, – тихо сказала девочка. – Я сразу почувствовала это, как только увидела ваши гобелены. Я вот, к сожалению, вообще ни в чем не разбираюсь…

Напускная холодность Мероты куда-то испарилась.

– Ох! – заплакала она. – Я так боюсь. Все твердят, что я должна найти мужа в Эрдине, а я….

– Так говорит ваш дядюшка? – спросила Илна. Лицо у нее вновь застыло, глаза неотрывно следили за лордом Тадаем, вернувшимся к разговору с капитанами.

– Нет… Госпожа Келайна, – вздохнула девочка. – И она права. Я ведь круглая сирота, мои родители умерли. Видите ли у нас был дом в Вэллисе. Королева хотела его купить, но родители отказались заключать сделку. Тогда дом сгорел вместе со всеми, кто находился внутри… Мне повезло: в тот момент я была в школе. После этого королева выкупила землю и построила там свой особняк…

– Да – осторожно произнесла Илна без всякого выражения в голосе, – я слышала эту историю. Но теперь королева мертва.

– Но и мои родители тоже, – рассудительно заметила Мерота. – После пожара денег почти не осталось. Пока обо мне заботится дядюшка Тадай, но госпожа Келайна говорит, что рано или поздно он выдаст меня замуж за богатого человека, который захочет жениться на благородной.

– Ага, – повторила Илна с выражением лица, более уместном на мраморной глыбе. Глаза ее неотрывно следили за Тадаем, увлеченным разговором. Наставница стояла, отвернувшись, ее спина демонстрировала полное отвращение ко всему происходящему вокруг.

Если оперировать общепринятым мнением, Тадай – вовсе не плохой человек. Но с точки зрения Илны, это свидетельствовало лишь о низких стандартах общества, в котором считается нормальным продать свою племянницу нуворишу-иностранцу, лишь бы избавиться от хлопот с ребенком.

Первый корабль уже покачивался на волнах возле сухого дока. Моряки скидывали канаты и тросы и разворачивали корабль кормой к причалу. Кто-то из помощников Тадая направился к трапу.

– Постойте! – окликнул их капитан в медном шлеме. – Подождите, пока спустят на воду «Разрушитель», и экипаж поднимется на борт. Иначе им придется карабкаться по вашим головам.

Сановники с ворчанием отошли. Неужели они действительно не понимали: такому огромному количеству гребцов придется взлететь, чтобы не побеспокоить пассажиров, если те первыми устроятся на тесной палубе?

– А что вы думаете о моем замужестве, госпожа? – спросила Мерота, вглядываясь в неподвижное лицо Илны.

Та посмотрела на девочку.

– Ничего особенного я об этом не думаю, – ответила она. – И вообще это не мое дело.

Моряки тем временем поднимали такелаж на вторую трирему. Настроение царило довольно мрачное. При наполовину заполненном судне требовалось гораздо больше усилий, чтобы заставить его отчалить. Однако казалось, не это являлось причиной уныния.

Запевала поймал взгляд Илны и снова шутливо отсалютовал ей. Девушка никак не отреагировала.

К причалу широким шагом приближался новый отряд Кровавых Орлов. «Еще пассажиры? Вот уж глупость», – подумала Илна. Впрочем, она давно уже отчаялась уловить смысл в показушных мероприятиях королевского двора.

На набережной, по обе стороны от сухого дока, скопилось несколько сотен зевак. Среди них слонялись бездельники, которым некуда больше податься с утра пораньше, но в основном тут собрались родственники и друзья отплывающих моряков. Жены и друзья тех, кто сопровождал Тадая, стояли на причале, и стража держала простолюдинов подальше от них.

Илна подумала о своих друзьях. Шарину похитили, и никто не знал, где она теперь. Кэшел отправился за ней. Оставался еще Гаррик, но у Гаррика важные дела… и Лиэйн.

– Можно, я буду называть тебя просто Илной? – спросила девочка. Ее мягкий голос прогнал горькие мысли ткачихи.

– Разумеется, – резко бросила она. – Что еще тебе… ох, прости!

Илна присела на корточки, чтобы не смотреть на девочку сверху вниз.

– К друзьям не надо обращаться «госпожа», – сказала она. – Поэтому зови меня просто Илной, Мерота… – Она прокашлялась. – Или мне следует говорить «леди Мерота»? – спросила она.

Ребенок звонко засмеялся. Илна и не представляла, что она так умеет.

– Ой нет! – воскликнула девочка. – Довольно того, что госпожа Келайна все время называет меня так. Мне уже выть хочется!

Илна выпрямилась.

– Что касается помощи, – сказала она, – знаешь ли, я родом из мест, где все люди привыкли помогать друг другу. Я сделаю для тебя все, что могу, а ты точно так же постараешься для меня. Вот так это и работает.

Отряд солдат присоединился к своим товарищам, окружавшим лорда Тадая. Ими командовал капитан Бесимон; Илна помнила его по прежним встречам. Один из Кровавых Орлов подошел к Илне и девочке, Его щит висел на ремне за спиной; в руке он держал метательное копье с широким наконечником. С какой это радости он…

– Ой! – сказала Илна и улыбнулась. Рослый солдат улыбнулся в ответ. – Я заметила только униформу…

– Именно поэтому я и надел ее, – ответил Гаррик, обнимая девушку и прижимая к своей бронированной груди.

* * *

– Даже Тадай меня не узнал, – рассказывал Гаррик, покачивая головой. – Но по-другому я бы не смог выбраться из дворца. Всем обязательно нужно что-то сказать принцу Гаррику.

– Точно, всем нужен кусочек короля, – поддакнул Карус. – Вот одна из причин, по которой я так много времени проводил в сражениях… В конце концов все кусочки достались рыбам.

Его низкий, раскатистый смех разнесся в сознании Гаррика, и юноша мягко улыбнулся в ответ. Готовность посмеяться над смертью – безусловно, не самая главная добродетель на земле, но тем не менее весьма полезная для королей. И Гаррику никак не грозит лишиться ее, пока дух его предка пребудет с ним.

– Ты представишь меня своей подруге, Илна? – спросил Гаррик, отходя назад. Он чувствовал, что его слегка потряхивает, будто он скакал на горячем и норовистом жеребце.

Карус – выдающийся воитель своего времени – и сейчас никак не хотел угомониться. Стоило Гаррику облачиться в доспехи или взять в руки меч, как внутри него разгоралась борьба: древний король стремился занять место Гаррика, отодвинув того на роль безучастного наблюдателя в собственном теле.

– Меня зовут Мерота, – сообщила девочка.

Интересно, сколько же ей все-таки лет? Судя по эмоциям на ее ясном личике: от восьми до двенадцати.

– А вас я знаю, вы принц Гаррик и друг Илны.

– В первом пункте я не всегда уверен, – усмехнулся Гаррик. – Но вот последнее совершенно точно.

Вторая трирема скользила к воде. Военные корабли обходились казне в копеечку: эти хрупкие суда трудно было хранить, невероятно дорого строить и обслуживать… но на воде они смотрелись великолепно – изящные и легкие.

Гаррик смотрел на Илну.

– Не стану попусту сотрясать воздух, стараясь тебя переубедить – на этот раз или по любому другому поводу. Скажу только: мне будет тебя не хватать.

Илна пожала плечами, но в этом жесте проявилось гораздо больше нежности, чем обычно.

– Жизнь идет своим чередом, как бы люди ни пытались ее переделать, – сказала она. – Возможно, есть другой мир, в котором правила другие. Хотя…

Она подарила Гаррику улыбку – то ли грустную, то ли жестокую, как разящий удар. С Илной ведь никогда не знаешь наверняка: любое предположение могло оказаться верным.

– Я далеко не уверена, что хотела бы поменяться местами с кем бы то ни было, даже с Илной из того гипотетического мира (если он вообще существует). Но иногда мне интересно,

как бы это могло выглядеть.

Вторая трирема с плеском достигла воды. Экипаж убирал канаты и тросы обратно на крюки, где им предстояло висеть под навесом до следующего раза. На первый корабль уже грузились гребцы.

– Эти ребята принимали участие в восстании адмирала Ниткера еще во времена королевы, – сказал Гаррик, мрачно рассматривая гребцов. – Не хочу сказать о них ничего плохого – в конце концов, и лорд Ройяс участвовал в восстании, да и все мы – но после того, как большинство парней Ниткера погибли, настрой у выживших более чем мрачный, и я бы не назвал их самыми верными подданными нового правительства.

Его губы дрогнули в улыбке, но на душе оставалось сумрачно. Илна, наблюдая за Гарриком, и сама помрачнела.

– Я очень надеялся на то, что тренировки новых фаланг боевых гребцов пойдут достаточно быстро, и я смогу выделить вам сотню человек в команду, – сказал Гаррик. – Но при нынешнем положении дел разумнее использовать остатки старого флота.

Илна фыркнула.

– Мы используем то, что имеем, – сказала она. – И, как правило, этого хватает…

На ее вечно холодном лице проявилась улыбка.

– Для нас обоих, Гаррик.

К удивлению юноши, она шагнула вперед и обняла его, как он сам собирался сделать, когда только прибыл. Затем отошла и, закинув на плечо сверток с плащом, протянула свободную руку Мероте.

– Пойдем, девочка, – сказала она. – Нам уже пора на посадку.

Прямая, как копье, Илна, не оборачиваясь, зашагала прочь. Гаррик смотрел, как девушка протискивается по узкой центральной палубе между гребцами на внешних скамьях. Багаж заполнил трюм, где обычно располагалось еще два ряда скамеек.

Илна и племянница лорда Тадая вышли на бак, куда в военное время полагалось устанавливать катапульту. Вот они обернулись. Гаррик приветственно вскинул свой шлем, Мерота помахала в ответ шарфиком.

Прошла пара бесконечно долгих минут, прежде чем Илна ответила ему.

* * *

Шарина думала, что сможет добраться до поселка, пройдя вдоль берега, но начался прилив. Ей пришлось выбирать: брести по пояс в соленой воде и тине или взбираться на низкий обрыв и сражаться с растительностью, заполонившей не затесненный склон над морем.

Девушка выбрала второе и потратила более часа, чтобы подняться на сотню ярдов над песчаной полоской пляжа, где покинула ее птица. Часть пути удалось прорубить пыольским ножом, дальше начинались заросли бамбука.

Шарина остановилась, тяжело дыша и чуть не плача от усталости. Долгий полет в птичьих когтях оставил ее в ужасном состоянии – в царапинах и синяках, едва владевшей своим онемевшим и замерзшим телом. Ей с трудом удалось преодолеть даже такое расстояние, шансов же пробиться сквозь бамбуковые заросли, как подсказывал ей опыт, у нее было не больше, чем прорыть вручную ход в скале.

Издалека по-прежнему доносились долгие, протяжные звуки рога. Если б Шарина не знала, где находится поселок – не видела хижины и частокол с высоты, – она обязательно запуталась бы с направлением. Звук эхом отражался от противоположного берега бухты и вводил в заблуждение.

Впрочем, что толку в ее знании – в нужном направлении все равно не пройти.

Девушка углубилась в лес, обходя стороной заросли бамбука. К своему удивлению, она обнаружила, что идти по лесу легче, чем вдоль берега, где травы намертво переплетались

между собой.

Шарина не узнавала породы деревьев, но на вид лес выглядел вполне обычным. Вокруг многих стволов обвивалась лоза, но подлесок оказался не таким густым, как она ожидала. В темную зелень больших деревьев вторгалась светло-зеленая масса бамбука, и все же, шагая вдоль его зарослей, Шарина довольно быстро продвигалась вперед.

Она невольно улыбнулась. Шла-то она шла, да только не в том направлении, в котором хотелось бы.

Вдоль северного края бамбуковых зарослей выворачивала тропинка. Поколебавшись секунду, Шарина приняла решение. Возможно, когда-то это была обычная кабанья тропа, но с тех пор абсолютно точно проход расчищали топорами. Возле пней лежали молодые деревца, а в одном месте дорогу прорубили прямо через упавший ствол, очевидно, чтобы не обходить препятствие.

Теперь до Шарины доносились только самые низкие звуки горна, и она затруднялась определить по ним направление. Солнце скрылось за могучими кронами, и Шарина слабо представляла себе, куда именно она идет. Во всяком случае, тропинка должна вести к поселку… или от него.

В листве водились какие-то звери: кучки помета, встречавшиеся на пути, были слишком велики для птичьих – по крайней мере, для птиц, способных проскользнуть сквозь густую листву. Чириканье и крики над головой могли принадлежать кому угодно – белкам, ящерицам, птицам и еще каким-нибудь тварям. Может, в этом мире рыбы ползают по деревьям.

Девушка прикоснулась к рукояти пьюльского ножа. Она не рассчитывала встретить в лесу существо, опаснее, чем она сама. По крайней мере пока не дойдет до поселка. Людей, конечно, может напугать появление незнакомца, пусть даже одинокой женщины. Однако что гадать – другого пути Шарина не видела.

Возможно, удастся выяснить, где она оказалась. Хотя маловероятно, что ей укажут дорогу домой.

Шарина обогнула дуб – настолько большой, что он вытеснил всех своих соседей: под его ветвями образовалась целая поляна. Здесь дорожка, по которой шла Шарина, разветвлялась. По левой тропинке шли три женщины, возбужденно болтая. При виде незнакомки они остановились, выпучив глаза.

Шарина осторожно развела руки ладонями в стороны.

– Привет, – произнесла она, стараясь говорить дружелюбно.

Однако договорить даже такое короткое слово ей не удалось.

Женщины закричали и бросились бежать, на ходу роняя какие-то инструменты. Тропинка завернула, и скоро беглянки скрылись за поворотом. Голоса их почти сразу стихли в листве.

Шарина сглотнула. Такого она не ожидала. Может, их напугал нож? Но Шарина даже не прикоснулась к его рукояти. Сказанные слова тоже вряд ли кому-либо могли показаться враждебными, разве что женщины изначально были смертельно напуганы.

Она осмотрела один из брошенных инструментов. Он представлял собой лопату, сделанную из твердого ствола молодого деревца, и плоского кремня, надежно примотанного ремнями к расщепленному черенку. Тут же валялась плетеная из коры корзина. В ней лежали бамбуковые побеги, срезанные странным инструментом с зазубренным лезвием. Шарина заметила у одной из женщин на поясе нож: кривой корень с закрепленными акульими зубами.

Девушка пошла вперед. На самом деле ей хотелось бежать, но она боялась, что со стороны это будет похоже на погоню. Может, женщин напугала птица, которая принесла ее сюда? Или что-то еще, о чем она не подозревала?

О чем она пока что не подозревала.

Зов горна оборвался. Шарина шла и шла, усилием воли держа руку подальше от рукояти пьюльского ножа.

Почва под ногами постепенно становилась все каменистее. Картина леса тоже изменилась: твердые породы стали перемежаться хвойными, хотя Шарина по-прежнему не знала их названий.

Она вышла на участок, где с деревьев была содрана кора. Стволы по-прежнему стояли, но ветви без листьев пропускали достаточно солнечного света для высеянного между ними ячменя.

Завитки коры свисали с серых безжизненных древесных стволов, словно волосы мертвецов.

Огороженный частоколом поселок находился на высокой площадке. Пройдя между мертвыми деревьями, Шарина вышла к воротам.

Поля здесь не вспахивали: слишком каменистая и испещренная корнями почва. Земледельцам приходилось сажать каждое зернышко в отдельную лунку, проделав ее в земле заостренной палкой. На взгляд Шарины, овес рос хилым, однако она могла ошибиться с сезоном, приняв его за позднее лето. Единственное, что она констатировала с уверенностью, – огромная птица унесла ее слишком далеко от дома и друзей.

Все вокруг выглядело грубым и недоработанным. Деревья, судя по всему, вырубили не так давно – меньше года назад. Рыжеватая почва, размытая прошедшими дождями, казалась не слишком плодородной.

От ближайших к поселению деревьев после вырубки остались лишь неровные пеньки. Шарину шокировало такое варварское истребление леса, как шокировали бы человеческие жертвоприношения, если б она их обнаружила. Кстати, а нет ли здесь такого в обычае? Судя по всему, за ней наблюдали в щели меж бревен частокола, потому что, как только Шарина вышла из леса, раздался предупреждающий крик. Девушка слышала бормотание, но не могла различить слова. Скорее всего, говорили на незнакомом вообще языке, хотя ритм речи звучал вполне привычно.

Деревянные ворота венчал кол с насаженной на него акульей головой. Этакий своеобразный штандарт. Голова была вполне натуральной и к тому же плохо сохранившейся. Приближаясь к поселку с подветренной стороны, Шарина невольно поморщилась. Хотя трудно сказать, что было хуже: тяжелое зловоние дохлой рыбы или кисловатые испарения от нечистот, исходившие от поселка.

Трое мужчин в полном вооружении появились в воротах, полностью закрывая их своими большими щитами из воловьей кожи. На каждом красовался бронзовый шлем с плюмажем. У мужчин по краям его было орлиное перо, выкрашенное в красный цвет, у того, что стоял посередине, – пучок перьев из хвоста павлина. Обувь отсутствовала, зато голени мужчин защищали бронзовые поножи. У того, что в центре, даже украшенные изображением голов демонов. Недавно отполированный металл блестел на солнце.

Мужчины опустили копья с бронзовыми наконечниками и начали наступать на Шарину. Центральный шагал шире, чем его товарищи, и потому медленно выдвигался вперед.

Из-за частокола показались еще люди. Некоторые из мужчин были вооружены грубыми луками, но большинство обходилось камнями или рабочими инструментами – топорами, мотыгами с каменными наконечниками, кольями и даже цепами. Женщины сжимали каменные ножи и заготовленные камни. Всего в толпе насчитывалось человек восемьдесят, среди них около дюжины детей. Они находились примерно в сотне ярдов от Шарины – дальше, чем мог бы долететь камень или даже стрела, пущенная из такого лука… Беда в том, что толпа приближалась.

Шарина остановилась и подняла правую руку ладонью вперед.

– Ястранница и хочу стать вашим другом, – обратилась она к людям. – Вам не нужно меня бояться!

Что их так напугало? Ведь она – всего лишь одинокая женщина…

Приближавшаяся группа – или шайка? – была одета в основном в грубую одежду из похожей на кору ткани, хотя некоторые носили шкуры. Шарина смогла рассмотреть

отдельные предметы одежды из более тонкой ткани. Например, плащ предводителя воинов был из отличной шерсти, но выкрашенной в грязный желто-коричневый цвет.

Одна из встреченных в лесу женщин подняла свой резак из акульего зуба.

– Драконье отродье! – выкрикнула она. Шарина с трудом понимала язык аборигенов.

Девушка позади нее – та, что оборонила корзину с бамбуком, швырнула камень. Он ударился в мертвый ствол дерева и, отскочив назад, чуть не ударил воина в шлеме. Лица его Шарина не разглядела, поскольку выпуклые пластины закрывали все, оставляя только Т-образную щель, дающую возможность видеть и дышать.

Трое воинов ударили копьями по своим и без того побитым щитам и издали приглушенный военный клич. Потом они вскинули над головой копья и тяжело пошли вперед, что-то в такт выкрикивая.

Толпа следовала за ними, разделившись на две группы. Полетели камни, и даже пара вихляющих стрел. Поднялся вой, состоявший из смешанного «Держи!», «Убей!», «Умри!» и особенно «Драконье отродье!»

Шарина развернулась и быстро побежала по просеке. Она не стала рисковать углубляться в лесную чащу, ведь запутаться в зарослях дикой ежевики или непроходимого бамбука, когда за тобой гонятся убийцы, было бы чистой воды самоубийством.

Девушка оглянулась через плечо. Преследователи не отставали – все они бежали, подбадриваемые собственным количеством и сознанием того, что добыча уходит. Простые жители, не обремененные доспехами, вырвались вперед.

– Драконье отродье!

Несомненно то, что они связывают ее появление с большой ящерообразной птицей. Что может напугать местных еще больше?

Длинноногая Шарина бежала с присущей ей с детства грацией. Никто во всей Барке – даже Кэшел – не мог догнать ее даже при небольшом начальном гандикапе. И уж конечно это было не по силам никому из приземистых аборигенов, преследовавших ее в настоящий момент.

Но девушка не знала, насколько далеко они последуют за ней, а ведь она так рассчитывала, что с их помощью сможет вернуться домой. И вот теперь эта слабая надежда – единственная надежда! – рухнула.

Ветки хлестали Шарину по лицу. И с каждым ударом ее пальцы крепче сжимали черную костяную рукоятку пьюльского ножа. Если они все же поймают ее – обгонят, загонят в ловушку, окружат во сне, а ведь когда-то ей придется заснуть… если это случится, вот тогда они узнают, что взять ее не так-то просто.

* * *

Кэшел смотрел, как мир вращается вокруг него, гадая, когда же все закончится. Сам он оставался неподвижен. В этом он был уверен как в собственном имени. А вот стоило моргнуть, и все вокруг менялось.

Друзья закрутились и исчезли из виду. Бледный голубой туман сгустился, а затем растаял, как роса на солнце. Кэшел стоял на том же обрыве, что и раньше, только теперь площадку увивала густая растительность темно-бордового цвета. На месте прежней улицы блестел неглубокий пруд, заросший синеватыми водорослями. Под водой пряталась какая-то тварь: ее обширная черная масса лишь угадывалась среди растительности, на поверхность же выглядывала пара открытых глаз.

Все опять сдвинулось. Вода вертикально раскачивалась. Утес за спиной Кэшела на мгновенье превратился в плоскую равнину, затем ослепительное рубиновое сияние окутало юношу, и все исчезло.

Кэшел оказался на дне бледного зеленого моря. Трепеща грудными плавниками, прямо перед ним неподвижно висела рыбка. Давление сорока футов воды сжало Кэшела и начало

его выталкивать.

Он поднимался, извиваясь и гадая, успеет он всплыть или захлебнется, прежде чем достигнет поверхности. Обрыв за его спиной был покрыт губками и мягкими кораллами, чьи опахала волнообразно покачивались на течении.

И снова красный свет окутал Кэшела. Он вдохнул горячий сухой воздух, поглядел на свой посох, накрепко застрявший в каменистой почве. С одежды у него текло, а на губах все еще ощущался вкус соленой воды.

Три странных существа таращились на него. Выглядели они как жабы, стоящие на задних лапах, их широкие безгубые рты бело оскалились. Существа носили медные браслеты на запястьях, лодыжках и уплотнениях пониже головы – где у людей находится шея. Кэшел не видел при них оружия или инструментов, но одна из жаб держала в руках метелочку из мягкого материала, который мог быть хвостом какого-то зверя, пучком травы или даже каким-то волокнистым минералом.

Голубое сияние возникло вокруг Кэшела, затем раскрылось, чтобы выпустить его. Теперь он стоял на лесной поляне, под тем же скалистым склоном, что и во всех предыдущих случаях. От неожиданности юноша споткнулся и оперся на посох, чтобы удержаться.

В отвесной скале обнаружились тридцатифутовые ворота, обрамленные колоннами из розовато-серого гранита – в Вэллисе Кэшел такого камня не видел. Он посмотрел вверх на треугольный фронтон. Хотя разглядеть изображение под таким крутым углом было трудно, все же Кэшелу показалось, что там изображена битва (или взаимная пытка) людей и демонов. Неведомый скульптор вырезал картину из того же плотного камня. Наверняка такая же трудная работа, как резьба по хрусталю.

Бронзовые створки ворот стояли распахнутыми. Их поверхность была испещрена широкими буквами, которые сейчас называли Старой Вязью. Сам Кэшел читать не умел, собственное имя писал с трудом современными буквами, но эти знаки в недавнем прошлом видел достаточно часто. Именно такую форму использовали волшебники для записи заклинаний в своих магических ритуалах.

Кэшел глубоко вдохнул. Лес вокруг него выглядел вполне обычно, странность заключалась в том, что здесь не должно его быть. Тем не менее дубы, буки и орешник стояли могучей стеной. Там, где хватало света, грабы формировали нижний уровень. В воздухе висел тяжелый дух гниения и аромат позднего лета, когда листья кизила и аира уже начинают скручиваться.

Кэшел завертел посох, сначала одной, а потом и двумя руками. Таким образом юноша расслаблял затекшие мускулы, а заодно убеждался, что все – и тело, и оружие – в полном порядке.

Над головой заверещала белка. Посох еще раз со свистом рассек воздух и остановился. Кэшел издал гортанный крик, и испуганная белка затихла.

Кэшел поджал губы и огляделся. Хорошо снова оказаться вне города, хотя юноша предпочел бы лесу луг. Если попадаешь со своими овцами в лес – то жди беды. Конечно, эти дурочки и на открытых лугах умудрялись находить неприятности – если и существует животное глупее овцы, то Кэшел о нем не слышал, по крайней мере, на открытой местности до них проще добраться, прежде чем они умудрятся утонуть или застрять в развилке молодого деревца.

Кэшел усмехнулся. Он хорошо знал овец и не сказал бы, что их отсутствие сильно огорчало его.

Подумав, юноша решил, что наконец достиг того самого места, куда отправила его Теноктрис. Но проблема была в том, что он не видел тут никакого Ландура. Открытые бронзовые ворота указывали один единственный путь, по которому он мог бы пройти. Да и все три лесные тропинки сходились именно тут.

Из пещеры тянуло затхлым духом – как это обычно бывает, если снаружи холоднее, чем внутри пещеры. Однако Кэшел не сказал бы, что в лесу так уж прохладно, к тому же ему

сильно не нравился запах серы, идущий снизу.

Юноша сморщил нос и решил лучше опробовать одну из тропинок.

В конце концов грех жаловаться: это место выглядело лучше тех, куда его забрасывало по дороге. Жаболюди вообще-то не казались враждебными, но вот море могло бы создать множество проблем для такого пловца, как Кэшел. Хотя, возможно, он и справился бы.

Юноша выбрал тропинку, которая пролегала через мшистую полянку – просто потому, что она была не лучше и не хуже других. Не успел он сделать двух шагов, как из-за группки желтых берез выскочила женщина, сжимавшая кровоточащую рану на бедре.

Они увидели друг друга одновременно.

– Помогите, пожалуйста! – отчаянно выкрикнула женщина. – Он хочет убить меня!

Выглядела она обычно – не красавица, с точки зрения Кэшела, но и уродиной не назовешь. Длинные черные волосы были заплетены в две косы и уложены на макушке как тюрбан. На бледной коже выделялись яркие губы, а ногти на руках и босых ногах женщина, очевидно, чем-то красила, потому что в природе такого металлического красного цвета не существует.

Одета она была в одну только льняную тунику. Справа подол намок от крови, хотя, как прикинул Кэшел, рана вряд ли очень серьезная. Если бы оказалась повреждена артерия, женщина давно бы уже умерла (как если бы ей перерезали горло), а не бегала резво по лесу.

Кэшел выставил посох перед собой поперек тропинки.

– Держитесь позади меня, – сказал он внезапно охрипшим голосом. Кэшел не вполне понимал происходящее, но чувствовал, что не мог просто отвернуться и уйти. Придется отложить ненадолго поиски Ландура и Шарины.

Женщина с благодарностью взглянула на него и послушно шмыгнула ему за спину. Кэшел надеялся, что дама догадается держаться на достаточном расстоянии: ведь работа с семифутовым посохом требовала много места. Ему некогда присматривать за своей подопечной: из-за берез показался мужчина с длинным окровавленным мечом.

– Эй, там! – окликнул его Кэшел, напрягая ноги и перехватив посох так, чтоб можно было и раскрутить его, и ударить. – Ты куда это собрался?

Человек остановился. Мимолетное изумление на его лице сменилось выражением ярости. Кэшел успел рассмотреть незнакомца: высокий парень с широкой черной бородой и волосами до плеч. На лбу у него красовалась повязка из красной кожи с золотыми символами. Тунику подпоясывал красный фартук, тоже с золотым шитьем. На среднем пальце левой руки незнакомец носил кольцо с крупным черно-фиолетовым камнем, почти непрозрачным на вид.

Мужчина в свою очередь оглядел Кэшела.

– Не лезь не в свое дело, парень, – огрызнулся он, и его слова эхом отразились от ворот позади Кэшела.

Он вытянул указательный палец в сторону съежившейся женщины и приказал:

– Выходи сюда, Кольва! А не то получишь по заслугам.

– Если ты сделаешь еще хоть шаг, – сказал Кэшел с трудом: гнев сковывал его язык не хуже гальки во рту, – то это станет моим делом.

– Избавь меня Госпожа от дураков! – простонал мужчина. Он вскинул левый кулак и направил его на Кэшела – так, будто собирался обороняться кольцом.

– Порази его! – приказал он.

Пузырь красного света вспух на сапфире, как смола, вытекающая из поврежденной сосны. Он разросся до размеров матерого борова, выпустил язык пламени и продолжал заполнять собой пространство между Кэшелом и атакующим незнакомцем.

Не раздумывая – скорее на уровне инстинкта – Кэшел ударил посохом, направляя его правой рукой. Металлический набалдашник встретил огненный пузырь синей вспышкой, от которой Кэшел пошатнулся, словно его посох с размаху налетел на камень.

Шар исчез. Маг – а это несомненно был маг – кувырком отлетел назад, хотя он стоял в добрых десяти футах от Кэшела и его посоха.

– Плохая идея, хозяин! – воскликнул писклявый голос, непонятно откуда доносившийся. – Очень плохая! Теперь я бы посоветовал вам опуститься на колени и просить прощения – именно так!

Однако маг не обратил внимания на мудрый совет бестелесного голоса. Мягким, осторожным движением он поднялся на ноги – как человек, в котором осторожность возобладала над гневом.

– Ты так думаешь? – хрипло переспросил он. – Уверен, что нет, Госпожа мне свидетельница!

Он шагнул к Кэшелу и рубанул с плеча. Кэшел вновь послал посох навстречу, на этот раз левым концом вперед, и заблокировал удар на полпути.

Лезвие зазвенело, ударившись о металл. Маг не выпустил из рук завибрировавший клинок, но удар отбросил его плашмя на землю.

– Что, не привык драться с теми, кто может дать сдачи? – прорычал Кэшел таким страшным голосом, что и сам его не узнал. – Иди-ка ты отсюда подобру-поздорову, приятель. И постарайся не пересекаться с этой дамой!

Тот снова поднялся, с яростью глядя на Кэшела своими темными, как гагат, глазами. Маг начал обходить Кэшела справа. Повязку он потерял во время падения, и сейчас то и дело отбрасывал левой рукой спадавшие на лицо волосы. Острие меча мелко дрожало, описывая круги напротив сердца противника.

Кэшел стоял на месте, слегка разворачиваясь вслед за мечом; женщина по-прежнему держалась за его спиной. Она оторвала подол своей туники и теперь на ходу пыталась перевязать рану на бедре.

Судя по всему, маг был неслабым человеком, раз так крепко держал свой меч, однако техника фехтования у него явно хромала. Кэшел не сводил глаз с отполированного лезвия. Оно сверкало и звенело сталью, когда Кэшел отбивал выпады. Но сияние скорее напоминало серебро или даже стекло.

Снова раздался тонкий голосок, язвительно проскрипев:

– Вы же знаете, хозяин, что он прав! Вот вы всегда всех третируете… только и слышно: сделай то, сделай это… А теперь настала ваша очередь…

– Заткнись! – взревел волшебник.

– Как скажете, – прочирикал бестелесный голос. – Вы мой хозяин, поэтому я-то заткнусь. Но он вам не слуга и…

В этот момент маг попытался сделать длинный выпад, но поскользнулся на мокрой глине. Кэшел мгновенно нанес удар посохом, направляя его правой рукой и выталкивая левой прочное ореховое древко, словно таран.

Длиной посох в два раза превышал клинок, и это решило дело. Металлический набалдашник врезался прямо в переносицу колдуну, проломив череп и отбросив тело в проход в скале. Кэшел почувствовал, как у него от удара загудела левая рука. Он шагнул назад, тяжело дыша после боя.

– Ты его убил, – сказала женщина. Она скользнула мимо Кэшела с грацией змеи, будто рана ей вовсе не мешала. Коснулась сведенных мышц его левой руки нежными, словно бриз, кончиками пальцев.

– Прочь! – крикнул Кэшел. – Вдруг он не?..

Однако она оказалась права: волшебник был мертвее мертвого. Очевидный факт – как то, что солнце восходит по утрам.

– Я не хотел его убивать, – пробормотал Кэшел. – Мы ведь даже не знакомы…

Женщина опустилась на колени возле тела. Юноше показалось что она держит за руку покойного. Но тут она повернулась и Кэшел увидел, что женщина покрыла кольцо толстым слоем мягкой грязи.

– Зато я с ним очень хорошо знакома, – сказала она, гибко поднимаясь на ноги. – Это монстр из преисподней. Он сбежал оттуда, пока мой супруг Ландур был в отъезде. Я попыталась вернуть эту тварь в подземный мир, но он оказался мне не по зубам. Если бы не

ты, прекрасный незнакомец, он непременно убил бы меня… или забрал бы с собой, что стократ страшнее.

Женщина склонилась и непринужденно отерла руки о богатый передник покойника. Ее огромные золотисто-медовые глаза неотрывно смотрели на Кэшела.

– Кольцо тоже является демоном, – пояснила она, выпрямляясь. – Слышал, как оно разговаривает? Эта вещь почти так же опасна, как и демон-лорд, носивший его.

Она облизнула губы и промолвила:

– Меня зовут Кольва.

– Кэшел откашлялся.

– А я Кэшел ор-Кенсет, – представился он. Мысли у него разбегались, и парень говорил, запинаясь: – Моя знакомая… ну, то есть Теноктрис, которая волшебница… она послала меня сюда, чтобы я нашел вашего мужа. Я… э… я ищу свою подругу Шарину. Леди Шарину.

Кольва улыбнулась.

– Должно быть, Боги послали тебя мне, – проговорила она. – Тебе так не кажется, Кэшел?

Юноша физически ощущал ее голос – словно кошка языком лижет: и тепло, и щекотно, и липко. И здорово мешает думать.

– Ну, насчет Богов я не знаю, – сказал Кэшел. – Я… А вы не могли бы меня отправить к господину Ландуру?

– Пойдем, – сказала Кольва, взяв его за руку и направившись по тропинке, откуда она и пришла. – Яотведу тебя к нам домой, где ты сможешь дождаться Ландура. Он появится через пару дней.

Кэшел обернулся через плечо:

– А что делать с этим, ну, мертвым?

Кольва взглянула Кэшелу в глаза:

– Оставь его там, где лежит. Он послужит предупреждением тем, кто возжелает явиться в мир живых с дурными намерениями.

Женщина потянула Кэшела прочь. Под ее мягкой и бледной кожей обнаружились крепкие кошачьи мускулы.

– Пойдем, – повторила она.

Так, рука об руку, они проследовали по тропинке. Лес замер, в листве не слышалось ни белок, ни птиц. Кольва запела, однако веселее не стало. Мелодия была печальной, а слов Кэшел разобрать не мог.

Глава 8

Как только стемнело, Илна выползла из роскошного шатра, который лорд Тадай велел установить для нее. Ей не хотелось оскорблять аристократа, но уж лучше бы он предложил ей уснуть на тюфяке, набитом человеческими костями.

В отличие от тканей кости не разговаривали с Илной. Покрывавшие пол шелковые подстилки изготавливались тонкими детскими пальцами, поэтому узелки лежали очень плотно – и они рассказывали о вопиющей нищете.

Илна не питала романтических иллюзий. Фермерский труд тяжек, и дети на селе начинали трудиться, едва научившись ходить. Но все равно она предпочла бы спать под открытым небом, завернувшись в плащ, нежели на блестящих подстилках и под навесом из шелка и золота.

Триремы опирались на весельный каркас, поэтому не боялись поднимающегося прилива. Чтобы вода не могла сдвинуть корабли с места, лапы якорей прочно впились в песок. Корабли стояли на рейде возле одного из множества безымянных островков, которые усеивали Внутреннее Море в часы отлива.

Островок, полностью уходящий под воду только в пору весеннего половодья, в центре

был покрыт густой растительностью, ближе к берегу сменявшейся бесплодным песком. Деревьям трудно выдерживать регулярные соленые ванны, однако береговой виноград и другой невысокий кустарник пронизывали почву своими корнями.

На восточном побережье разрослась, свешивая корни на мелководье, мангровая роща. И пока пассажиры трирем ужинали в освещенных лампами шатрах на более возвышенных участках, моряки развели костры на сыром песке. В ход шли корявые мангровые ветки да плавник, вынесенный волнами. Частицы соли, сгорая, вспыхивали голубыми и зелеными искрами или окрашивали пламя в мерцающий пурпур.

С плащом в руках – вечер был теплым, но не настолько, чтобы спать в одной тунике, – Илна пошла прочь от шатров. Стража и слуги, наверняка заметившие ее бегство, мало волновали девушку. Раньше она диву давалась, как это Тадай и его спутники умудрились набрать столько багажа, что едва он уместился на двух кораблях. Теперь, увидев, как из узких чехлов извлекались парчовые шатры, она все поняла.

Илне хотелось побыть одной, но стоило ей выбраться из топкой низины, где песок не просыхал даже в час отлива, и подняться по склону, как она увидела моряков. Те расположились по другую сторону гряды вокруг костра, горевшего настолько неярко, что Илна подошла почти вплотную к зарослям крестовника, прежде чем заметила искры.

Девушка в нерешительности остановилась. Компания моряков прельщала ее не больше, чем общество аристократов.

– Там несметные богатства! – донеслась до ее слуха фраза. – Золото валяется прямо на улицах: браслеты, обручи, броши из тончайшего металла, и все в драгоценных камнях! А еще есть дворянские сокровищницы и тайники торговцев – не чета нынешним!

Отбросив мешавший плащ, Илна опустилась на четвереньки, пробралась сквозь сочную листву крестовника, и затаилась. Теперь она имела полный обзор. Она действовала не задумываясь: руки сами развязали шелковый аркан, висевший на поясе. Если потребуется, петля бессловесно выполнит все, что Илна пожелает.

В округлой низинке, скрытой со всех сторон, собралось три десятка моряков. Вонкуло, шкипер с «Ужаса», сидел на корточках у огня. По рангу он являлся старшим среди моряков, хотя формально судном командовал благородный капитан, лорд Нейрал.

Однако здесь, у костра, всем заправлял боцман Мастин: именно его рассказ услышала Илна. Девушка приметила его еще в пути: крепко сбитый мужчина с бритой головой, позволявший себе презрительные взгляды в сторону аристократов, когда был уверен, что они на него не смотрят.

Хотя Илна в известной степени разделяла его мнение, ее коробила скрытность боцмана. Если кого-то интересует мнение Илны ос-Кенсет по любому предмету, достаточно спросить ее об этом.

Один из моряков что-то сказал, Илна не расслышала, так как костер в этот момент выплюнул сноп искр.

Мастин запустил большие пальцы под широкий пояс.

– А то, – ответил он хриплым голосом.

Илна понимала, что свою скрипучесть он приобрел, выкрикивая команды во время шторма. Вот уж когда не до жиру: тут любое неразборчивое слово могло привести к крушению и гибели. – Что нам смотреть на капитанов и всяких там пижонов! Они-то небось попивают вино – пока мы ютимся здесь с черствым хлебом и дрянной водой… Нас потому и не казнили за мятеж с адмиралом Ниткером, что мы им сейчас нужны! А теперь подумайте: как долго нас продержат после того, как узурпатор Гаррик натренирует собственную команду?

– Но мы же получили прощение, – прозвучал голос, полный сомнения. – Все выжившие…

– Ага, скажи-ка лучше: горстка выживших! – громко прорычал Мастин. – И прощение даровали нам аристократы – те самые, которые смеялись, глядя, как Волосатые люди убивали наших парней. Убивали и жрали! Вот цена их прощения!

– Из него вышел бы неплохой политик, из нашего Мастина, правда? – прошептал голос рядом с Илной. Она метнула взгляд в сторону, готовясь кинуть лассо, но пальцы запевалы перехватили ее запястье прежде, чем она пошевелилась. Не слишком сильно, однако Илна чувствовала железную хватку.

– Спокойно, девочка, – сказал он и улыбнулся. В слабом свете луны шрам на его щеке казался продолжением губ, придавая лицу выражение смеющейся лягушки. – Думаю, им не понравится, что мы за ними шпионим. Особенно ты.

Илна кивнула и с облегчением продолжила наблюдать за моряками. Запевала выпустил ее руку. Мозолистые пальцы казались твердыми, как подошва сапога.

– Меня зовут Чалкус, – с запозданием представился моряк. Девушка отметила, что голос у него чистый и мягкий. – А ты – госпожа Илна, колдунья.

– Вот уж не знаю, откуда вы это взяли, – заметила Илна, – Уж точно не от меня.

– Правители того города знают, как отблагодарить храбрецов, – вещал тем временем Мастин. Он наклонился и поднял что-то завернутое в козью шкуру ворсом внутрь. Внутри обнаружился слой шелка, блеснувший алым в свете костра. – Им тоже нужны моряки… и те, кто придет к ним вовремя, будут жить как короли!

– Ага, как же, – прошептал Чалкус. – А еще там реки текут вином, а жареные утки сами прыгают тебе на тарелку и просят, чтобы их съели.

Илна не смогла удержаться от смеха, так хорошо совпадали слова запевалы с ее собственными мыслями.

Один из моряков задал вопрос: слов было не разобрать, Илна уловила только встревоженную интонацию.

– Мы позаботимся о страже, – твердо ответил Вонкуло. Он выпрямился и покачнулся, как человек, слишком долго просидевший на корточках. Потом выругался себе под нос и продолжил: – Итак, драки не будет. Мы не причиним им никого вреда… если уж ты так печешься об этих аристократишках, которые всегда плевали на нас с высокой колокольни.

Мастин развернул последнюю обертку. Внутри лежала шкатулка из золота и перламутра, казавшаяся невероятно хрупкой в руках боцмана. Он поднял крышку, затем вставил ключик в щель и провернул его.

Чалкус наклонился вперед, внимательно следя за происходящим. В его левом ухе висела золотая серьга. Оказавшись вблизи, Илна разглядела, что кожа парня испещрена шрамами – просто невероятно, сколько всего выпало на долю этого человека. Полукружие отметин на плече, вероятно, оставили зубы какого-то животного.

Мастин вынул ключ. Медленно раскручивающаяся пружина запустила механизм шкатулки. Высокие серебристые ноты запели среди песка, пробуждая в сознании Илны ложные воспоминания. Она поймала себя на том, что думает о затонувших дворцах, о плывущих вдоль улиц рыбах. Сокровища лежали на мостовых – те самые богатства, о которых рассказывал Мастин, и даже более того…

Музыка замедлилась и оборвалась на протяжной ноте. Собравшиеся моряки приумолкли, даже сам Мастин казался зачарованным.

Наконец он потряс головой, приходя в себя.

– Итак, парни, – проговорил он. – Что скажете? Выбирайте: набрать золота больше, чем сможете унести… или всю жизнь горбатиться на дураков вроде Нейрала, пока они не решат вас повесить?

Сомневающийся матрос снова что-то тихонько спросил. Мастин тут же обернулся к шкиперу. Тот дважды кивнул и сказал:

– Пока ничего. Поговорим с остальными. Когда час настанет, вам скажут.

Илна сползла с гряды. Сухие листья отчаянно шуршали под ней, хотя этого шороха никто не слышал. Чалкус тоже скользнул назад, беззвучно, как хорек.

– Ну что, девочка? – зловеще прошептал он. – А ты за что проголосуешь? За то, чтобы грести сокровища большой лопатой?

– Сокровища-то, может, там и есть, – ответила Илна. – А вот что, интересно, к ним в

придачу? Боюсь, этого они нам не расскажут… даже уверена!

Разыскав свой плащ, она сунула его под левую мышку. В правой руке девушка по-прежнему сжимала аркан. Не то чтобы она собиралась им воспользоваться, но…

– Ага, тут согласен, – кивнул Чалкус с понимающей улыбкой. – Слишком уж хороши эти обещания, чтобы быть правдой. Вот что я скажу: слишком хороши! Я в свое время чуть головы не лишился из-за таких…

Все так же улыбаясь, он провел указательным пальцем по шраму, идущему от мочки правого уха по шее и уходящему под вырез туники.

– Мне того раза хватило… Но ведь большинство парней попадутся на удочку, как считаешь?

– Чужие дела меня не волнуют, – отрезала Илна. Ее раздражала улыбка моряка. Почему-то казалось: высмеивая что-то, Чалкус действительно понимал то, над чем смеялся, – и Илну ос-Кенсет том числе.

Девушка повернулась и быстро зашагала в том направлении, откуда пришла. Ей не хотелось, чтоб расходящиеся заговорщики застукали ее на месте преступления.

Потому что, несмотря на все заверения, Илна прекрасно понимала: чужие дела очень даже могут коснуться ее. И маленькой Мероты – если уж на то пошло.

* * *

Гаррик лежал на роскошной скамье. Ее бронзовая основа была инкрустирована эбеновым деревом и слоновой костью в переплетающемся узоре. Поверх лежали набитые конским волосом полосатые подушки – их черно-белый рисунок, очевидно, специально подбирался; хотя, на взгляд Гаррика, любой из этих двух цветов самостоятельно смотрелся бы куда лучше. Сознание юноши покинуло свое убежище и бросило взгляд со стороны на спящее тело. Мимоходом отметило, что ткань подушек кажется грубой на фоне тонких переплетений узора.

Гаррик во сне вышел из дворца – сквозь толстые двери, стены, сады. Для него не существовало преград.

Время приближалось к полуночи. Как раз происходила смена караула возле его спальни. Дух Гаррика прошел прямо сквозь Кровавых Орлов, продолжавших охранять его спящее тело.

Время сжалось или, по крайней мере, шло не так, как ему полагалось в реальном мире. Каждый шаг, совершаемый юношей, происходил в другую пору дня, причем полдень мог с той же вероятностью предшествовать рассвету, как и следовать за ним.

Таким образом Гаррик дошел до моста. С некоторым удивлением отметил, что попал туда, куда надо, хотя все перемещения не контролировались им (и даже не осознавались). Он ощутил неясную злость на то, что его перемещают, как пешку… Но к этому моменту неведомая сила уже полностью подчинила себе волю Гаррика.

Теперь мост не казался переплетением лучей, напротив, он был сделан из твердого серого песчаника, скрепленного железными скобами. Юноша разглядел даже рыжие пятна ржавчины, которые оставили на камне эти скобы. Шаги Гаррика отдавались громким звуком, раздражавшем его даже во сне.

Слева доносилось слабое эхо чьих-то чужих шагов. Гаррик обернулся и увидел короля Каруса; тот попытался улыбнуться ему. Но фигура его то появлялась отчетливо, то расплывалась. Он вроде что-то сказал, но слова затерялись в пространстве.

Гаррик закрыл глаза и сжал коронационный медальон на груди. Несколько мгновений он ощущал в руке лишь тепло золотой чеканки, затем его сменило пожатие мозолистой руки опытного мечника.

Гаррик открыл глаза и улыбнулся. Теперь они шли по твердому камню вместе с Карусом, рука об руку. В облаках над головой вспыхивали молнии, но звук грома до них не

долетал.

Они приближались к разрушенному городу, который Гаррику уже доводилось навещать подобным образом.

– Все верно, это действительно Клестис, – промолвил Карус. Голос короля звучал глубже, чем Гаррик привык слышать в глубине сознания. – Грустное зрелище, не правда ли?

Он коротко хохотнул и выпустил запястье Гаррика. Они приближались к городу, и Карус, лаская рукоять своего меча, добавил:

– Хотя должен признаться: Клестис выглядит намного лучше, чем моя Каркоза, парень. Ты и вправду видел, как свиньи роются на Поле Памяти?

– Каркоза продолжает жить, – возразил Гаррик. – А все, что осталось от Клестиса – это камни и дикая природа. А также, полагаю, Ансалем…

Его левая рука горела от прикосновения Каруса. Гаррик невольно задумался: какое же усилие потребовалось, чтобы вытащить короля за грань, в пространство заклинания, предназначенного только для Гаррика. Недаром даже злейшие враги короля признавали силу воли Каруса.

Мост окончился на эспланаде в центре Клестиса. Продолжая шагать, Гаррик обдумывал: а что бы произошло, реши он развернуться и побежать обратно?

Лицо его хранило жесткое выражение, несмотря на привычную улыбку. Юноша не собирался бежать – ни от Ансалема, ни от кого другого. Тем более на глазах у своего предка.

– Знавал я людей, которые почти боготворили Ансалема, – задумчиво проговорил Карус. – Они утверждали, что, мол, Желтый Король сотворил человечество из праха и что люди вновь обратятся во прах, когда Ансалем умрет.

Он засмеялся, но затем добавил с непривычной горечью:

– Не скажу, чтобы Королевство действительно обратилось во прах, но очень на то похоже. Возможно, мне стоило своевременно прислушаться к этим перепуганным горе-пророкам.

– Но большинство людей вовсе не считает, будто гибель Королевства вызвана смертью Ансалема, – возразил Гаррик. – К тому же, когда я последний раз видел его – так же, как тебя сейчас, – Ансалем выглядел вполне живым и здоровым. Ты же сам учил меня, что не стоит прислушиваться к страху!

– О, такого я никогда не говорил! – энергично возразил Карус. – Страх – это полезная штука, парень. Он спасает от излишней самоуверенности. Просто нельзя, чтоб он управлял тобой, ни в коем случае. Оставайся мужчиной.

Они шагали по направлению к дворцу – широко и смело, не поддаваясь страху. В гордости немного толку, если находишься целиком в чужой власти; но гордость – это все, что оставалось у Гаррика. За себя и своего предка, преодолевшего волю великого мага во имя того, чтобы быть рядом с Гарриком.

– Клестис полностью обеспечивал себя продуктами, – рассказывал Карус, когда они входили во дворец, на этот раз – через малый центральный вход. – Отсюда, с крыши, ты можешь разглядеть поля; я тоже видел их мельком, когда посещал Ансалема. Пшеничные зерна размером с мой ноготь и апельсины величиной с дыню! Полагаю: это работа Ансалема.

Время разрушило интерьеры дворца. Несколько кусков обивки, в основном металлические нити, когда-то составлявшие узор, – свисали с крюков под креплениями карниза; большая же часть сгнивших занавесей лежала на полу толстым слоем пыли. Мебель тоже рассыпалась в прах. Статуи и урны, расставленные в нишах, сохранились, хотя некоторые из них упали.

Десятилетиями, а то и веками здесь не ступала нога человека. Гаррик чувствовал, как пыль веков липнет к босым ногам. Он оглянулся и увидел цепочку следов. Карус проследил глазами направление взгляда Гаррика и кивнул.

Они взобрались по лестнице, на которой в прошлый раз слуги встречали Гаррика. Как давно это происходило? Одно несомненно: здесь прошло не меньше времени, чем на Островах.

Король внезапно рассмеялся.

– На вид совсем не опасно, верно? – сказал он. – Тогда почему же возникает такое странное чувство?

Гаррик пожал плечами. Правый поворот лестницы сменялся левым поворотом, так что приходилось то и дело увеличивать шаг.

– Курице тоже хорошо живется до поры до времени, – ответил он. – Ничего не надо делать, просто дойти до кухонного крыльца, где хозяйка утром зернышки кидает, и потом копайся себе в грязи целый день. Пока в один прекрасный день хозяйка не свернет шею и не отправит тебя на обеденный стол.

Гаррик переглянулся с Карусом.

– У меня нет доказательств, что нас привели сюда на подобный обед, – добавил он. – Но если вдруг мои опасения подтвердятся, боюсь, от меня вряд ли что-либо будет зависеть.

Карус опять засмеялся.

– Увидим, когда дойдет до дела, – сказал он.

Гаррик заметил, как король резким движением выдернул клинок из ножен примерно на палец – дабы убедиться, что тот легко выходит из ножен. Это было подсознательное движение, они оба понимали: обычное оружие не поможет против контролирующей их силы. Но, что еще важнее, это непроизвольное движение показывало: Карус считает опасность общей, а не личной проблемой Гаррика.

В ответ юноша сжал плечо короля. Они улыбнулись, не проронив ни слова.

Передняя в конце лестницы пустовала. Дверь, которую некогда охранял высокий мужчина, оказалась запертой снаружи. Карус без труда отодвинул нетронутую временем задвижку из сплава золота с серебром, потянул на себя дверь и с ироническим поклоном пропустил Гаррика вперед.

Ансалем – как и в прошлый раз – сидел на каменном ложе. Тут же мелькала двуглавая змея, амфисбена. Она то исчезала, то проявлялась сквозь тело чародея, но его это, похоже, совсем не волновало. Он вскинул глаза. Увидев входящих Каруса и Гаррика, нахмурился.

– Ах неужели! – воскликнул Ансалем, поднимаясь навстречу гостям. – Я ведь раньше вас встречал, не правда ли? Вас обоих… Или вы оба один и тот же человек? Король Карус, если не ошибаюсь?

– Карус я, – ответил король с легкой улыбкой. – А это мой далекий потомок Гаррик.

Он быстрым взглядом окинул комнату. Утреннее солнце просвечивало сквозь отверстия в алебастре, придавая освещению мягкий кремовый оттенок.

– И мы действительно встречались раньше, – добавил Гаррик. – Когда вы в первый раз перенесли меня сюда, мастер Ансалем.

– Я перенес? – удивился Ансалем, разглядывая захламленную комнату. – Ну, это вряд ли, мой мальчик… Боюсь, такое попросту невозможно. Ведь эта комната изолирована от всего мира. Понимаете, на самом деле вас не существует: вы просто мне снитесь.

Вместо ответа Карус легонько постучал костяшками пальцев по решетке на окне. Сплав серебра с золотом отозвался мелодичным звоном. Ансалем кивнул, но на лице его застыло крайнее удивление.

– Да, – сказал он, – действительно странно. Но вы никак не можете быть настоящими.

Он повернулся кстеллажам и замер, обнаружив, что все его книги исчезли.

– Пурлио! – закричал он в отчаянии. – Мастер Пурлио, немедленно явитесь сюда!

Ему ответило эхо – и ни звука больше.

– Подозреваю, мои помощники заперли меня здесь, – произнес Ансалем, скорее удивленно, чем озабоченно. – Как вы думаете, зачем они это сделали? Вы же их не видели, правда? Пурлио и всех остальных? Хотя нет, как бы вы могли? Вас же не существует.

– Я видел вашего Пурлио, когда был здесь во плоти, – заявил Карус. – На мой взгляд, скверный тип… да и остальные шестеро не лучше.

– Что? – проговорил Ансалем в легком недоумении. – О нет, они вовсе не такие уж плохие. К тому же очень умны… Хотя… – его пухлое розовощекое лицо потемнело, – … им,

конечно же, не следовало запирать меня здесь. Я так устал… Ведь перемещение целого города из мира яви – нелегкое дело. Я собирался…

Внезапно взгляд Ансалема сфокусировался на Карусе. Гаррик, внимательно наблюдавший за стариком, неожиданно понял: под маской детской невинности скрывалась сильная и аморальная суть – беспощадная, как молния.

– Вы, наверное, очень разозлились на меня за то, что я отказался поддержать вас в великом походе против всех твоих врагов, верно, Карус?

Карус с улыбкой пожал плечами.

– Вообще-то, они являлись врагами всей цивилизации, хотя… – тут король улыбнулся и даже немного повеселел, – да, в то время я действительно порой путал себя и цивилизацию. Но я вовсе не разозлился, нет. По крайней мере не на вас.

Карус отвернулся к окну и выглянул на улицу. Внизу, на сверкающих проспектах и площадях древнего Клестиса, толпились напуганные жители.

– Тогда я посчитал вас недальновидным дураком, – признался король, вновь переводя взгляд на Ансалема. – И сейчас не беру свои слова обратно. Но теперь – задним числом – я понимаю, что и сам был не лучше. Пытался решить все проблемы железной рукой и куском стали.

– Что касается меня, – мягко возразил Ансалем (Гаррик опасался, что он снова сорвется в приступе неожиданного гнева, как во время их первой встречи), – то я знал: у меня не хватит сил спасти Острова. Да и не мое это дело. Моим долгом было спасти Клестис и его граждан, что я и сделал.

– К сожалению, нет, – сказал Гаррик. – Город ныне мертв, как дно морское.

Вот как? – Ансалем вновь уселся на каменное ложе, задумчиво переплетая пальцы. – Видите ли, я не смог закончить начатое, потому что я до сих пор сплю здесь. Сколько времени прошло? Боюсь, уже очень много…

– Тысяча лет, – ответил Карус. – Гаррик – мой далекий потомок, живущий через тысячу лет после того, как я утонул.

Старый волшебник вздохнул.

– Этого я и боялся, – произнес он. – Иначе вы не смогли бы проникнуть в мои сны. Подобные вещи становятся возможными лишь раз в тысячу лет, когда мощь достигает своего пика.

Ансалем встал. Впервые стало видно, что он уже старый, уставший человек. Он провел рукой по пустым полкам, словно лаская исчезнувшие фолианты и свитки.

– Понимаете, – продолжил он, – когда вы умерли, Карус…

Он повернулся к королю со скоростью жабы, хватающей добычу.

– Вы ведь на самом деле умерли, не так ли? – резко спросил Ансалем. Такой вопрос предполагает быстрый и честный ответ.

Карус пожал плечами.

– Мое тело утонуло, – сказал он. – Я не философ и не священник, чтобы судить об остальном. Но сейчас я здесь.

– Да, здесь, в моем сне, – уточнил Ансалем, вновь превратившись в саму любезность. – Полагаю, нам даже не нужно смотреть в магические кристаллы или произносить заклинания, и так можно догадаться, что случилось с Островами после вашей гибели. Я извлек Клестис из времени, чтобы уберечь от наступающего хаоса. Затем…

Он повернулся и оглядел опустевшие полки и ниши, в которых прежде хранились предметы, способные сконцентрировать силы, вращающие вселенную. На сей раз руки его даже не пытались прикоснуться к исчезнувшим сокровищам. Лицо волшебника застыло и показалось на миг нечеловечески старым – как древние, разрушающиеся горы.

– Я слишком устал тогда, – вздохнул Ансалем. – Это была великая работа. И сделать ее мог только я один!

Он бросил быстрый недоверчивый взгляд на Гаррика и Каруса: не спорят ли с ним? В нем снова проглянул ребенок с его ребяческой хвастливостью – и при этом способный

запросто изъять город из времени. Что он однажды продемонстрировал.

Гаррик засунул ладони за широкий пояс своей ночной туники из беленой шерсти – единственной одежды здесь, во сне. Он осторожно кивнул в знак согласия. Ему казалось, будто он стоит перед бурлящим вулканом, ожидая, что в любой момент скала изрыгнет пламя и испепелит его и все вокруг.

Ансалем зевнул и как-то съежился.

– Я устал и заснул, – тихо проговорил он. – Когда проснулся, то перенес Клестис на тысячу лет вперед – туда, где уже воцарились мир и покой. Я не хотел, чтобы мой народ пострадал от грядущего разрушения.

Гаррик криво усмехнулся.

– Я бы не назвал наше время ни мирным, ни просто стабильным. Но оно все же лучше хаоса, воцарившегося сразу после падения Старого Королевства – в этом я уверен. По крайней мере до сих пор так было. Очень хотелось, чтоб так оно и осталось, сэр… Но ваш мост из Клестиса в наш мир сильно усложняет задачу.

– Мост? – удивился Ансалем. – Но я не знаю никакого моста… Правда, я столько всего забыл… Так вы говорите, там никого нет?

Он махнул рукой, но не в сторону окна, а к алебастровой перегородке, из-за которой Ансалем Мудрый принимал некогда людей из Клестиса. Отсюда, из покоев, Гаррик видел фруктовые деревья в кадках и клумбы с колышущимся на легком ветру портулаком. И по-прежнему никаких людей.

– Да, – ответил Карус, – никого. Полное запустение. Не осталось даже коз, которые щипали бы траву на улицах…

– Это потому, что я так и не проснулся, – сказал старый волшебник, покачивая головой в попытке осмыслить минувшие события. – Как вы думаете, почему Пурлио и остальные заперли меня в моих снах? Ведь они не могли не знать, что Клестис не выживет без меня! Разве нет?

– Возможно, их это не волновало, – сказал Карус. Он возвышался над Ансалемом, стиснув пальцы на поясе, словно изваяние беспощадного бога войны. – Скорее всего, именно так: им было наплевать.

– Сэр, – вмешался Гаррик, – необходимо разрушить заклинание и вернуть вас в ваше собственное время. Расскажите, что для этого нужно?

– О, мальчик, ты не сможешь помочь, – отмахнулся Ансалем. – Такое по силам только амфисбене…

Слушая чародея, Гаррик почувствовал, как некая неведомая сила отшвырнула его, подобно отпущенной тетиве. Комната превратилась в размазанное пятно, и юноша полетел сквозь пространство и время – прямо в опрокидывающуюся вселенную.

Сквозь наплывающую мглу он услышал слова Ансалема:

– … но амфисбена здесь, со мной!

* * *

После долгого полета в жестких птичьих когтях у Шарины кололо в боку. Вначале, обрадовавшись освобождению, девушка не заметила боли, зато сейчас та давала о себе знать.

Стоило ей поднять правую ногу, и волна боли копьем пронзала межреберные мышцы, а как только ступня касалась земли, готовясь принять на себя вес тела, снова следовал болезненный укол.

Она пробиралась сквозь заросли дикой розы. В сезон – а он уже миновал – цветы, наверное, радовали глаз, но сейчас от них остались одни только колючки. Шарина чувствовала себя уставшей и измученной, ей не хватало сил прорубать проход в кустах. Побеги с шипами царапали предплечья, вытягивали нити из алого кушака.

«Таким образом они сумеют проследить мой путь», – подумалось ей. Но жители

деревни и так висели у нее на хвосте – кровожадные и безжалостные, как рой ос-убийц. Шарина слышала, как они перекликались в охотничьем азарте.

Воины в тяжелом вооружении неминуемо должны были отстать. Слабое утешение… Ведь если два десятка крестьян с камнями и ножами окружат свою жертву, то даже такому мечнику, как Гаррик, пришлось бы туго. При условии, конечно, что убийцы готовы заплатить кровавую цену за свою победу…

Пьюльский нож висел на широком ремне, туго закрепленный, чтобы не болтался на бегу. Пока Шарина не стала вынимать его – это сбило бы ее с шага, но при мысли об оружии мрачная улыбка скользнула по ее губам. Им придется заплатить, прежде чем они справятся с одинокой женщиной.

Тем временем деревня осталась уже в доброй полумиле за спиной. Шарина продолжала бежать, высматривая дорогу. Она привыкла ориентироваться в лесу, правда не в таком лесу. К тому же совсем стемнело.

– О Госпожа, – прошептала девушка. Она слишком устала для настоящей молитвы, но продолжала: – Госпожа, защити меня, рабу Твою…

Дорогу ей пересекала поляна, вернее даже не поляна, а широкая просека, деревья на которой еще не успели вырасти в полный рост. Шарина свернула влево, по ее подсчетам дорога вправо, уходившая под острым углом, выводила ее навстречу преследователям. Деревенские наверняка знали – не могли не знать – об этой удобной просеке. И, конечно же, рассредоточились по лесу, чтобы перехватить свою жертву, если ей вздумается двинуться в этом направлении.

Шарина даже не пыталась прятаться в зарослях по краю просеки, а просто бежала вперед. Короткий плащ с капюшоном не прикрывал белую тунику, которая в залитом лунным светом лесу выглядела маяком в ночи. А еще белела светлая кожа, и яркие золотистые волосы развевались, словно призывный вымпел для тех, кто гнался следом.

Сначала девушка подумала, что под ее ногами пласт застывшей вулканической лавы – еще менее гостеприимный для растительности, чем, известняк, покрывавший большую часть острова. Но дорога выглядела слишком широкой – двадцать футов в ширину – и прямее большинства улиц в Вэллисе.

Это была древняя дорога, вымощенная столь искусно, что для корней не нашлось места, кроме как в тонком слое почвы, нанесенном ветрами и дождями за долгие годы запустения.

Шарина отвела в сторону маленькую чахлую сосенку и зашагала по плющу, ковром устилавшему дорогу. Ее ноги легко рвали стебли, оставляя позади отчетливый след из мягких, широких листьев. Птицы с щебетом взлетали с нависающих ветвей, громко хлопая крыльями в листве. Видимо, она потревожила не то голубей, не то перепелов, устроившихся на ночлег.

Дорога упиралась в заросшую стену, в которой имелась выступающая арка. Некогда она вздымалась не менее чем на тридцать футов, но сейчас верхняя часть обвалилась. Голова змеи, призванная внимательно следить за входящими, валялась теперь в проходе на груде маленьких квадратных камней, некогда поддерживавших ее.

Она была вырезана в странном кубическом стиле, что делало ее еще более устрашающей для такого неискушенного зрителя, как Шарина. Челюсти, из которых высовывался раздвоенный язык, легко могли бы перекусить туловище девушки. Всю огромную скульптуру покрывала вычурная резьба, в которой можно было рассмотреть и другие головы, поменьше.

Подойдя к арке, Шарина замедлила шаги и оперлась на холодный камень, чтобы не подвернуть ногу на грудах заросших камней.

Она добралась до большого скопления зданий, которые заметила во время своего вынужденного полета в когтях птицы. Все, сворачивать было некуда. Дорога оборачивалась узким проходом в лесном шатре, куда попадало больше света, чем на других участках. В таких райских условиях по обе стороны «проспекта» пышно разрослись непроходимые

колючие кусты.

Впрочем, это не имело значения: все равно Шарина больше не могла бежать – в боку и так огнем горело, ей требовалось передохнуть.

Девушка отступила немного в сторону, чтобы не попасться сразу же на глаза преследователям, и внимательно огляделась. Дорога плавно перетекала в улицу. Справа громоздились руины здания непонятной формы и назначения. Среди развалин успел вырасти гигантский дуб, и лишь квадратная форма плит свидетельствовала о рукотворном происхождении насыпи.

Она имела не меньше полутора сотен футов в длину и была, как и внешние стены, сложена из гранита. Это удивило Шарину: ведь на побережье и в обнажившихся породах возле поселка она видела известняк, а не гранит. Тем не менее сомневаться не приходилось: частички слюды и других вкраплений мерцали в тусклом ночном свете.

Вдоль высокого фасада разрослись розовые кусты и сосны с длинными иголками – тут и там их корневища разрывали скульптурные украшения. Груды резных камней (некоторые из них раскололись при падении) лежали вдоль стены. Они завалили два дверных проема, оставив лишь небольшой проход в третьем, ближайшем к Шарине.

Какое никакое, а укрытие, решила девушка. Она прикоснулась к своему ножу и полезла вверх по наваленным камням к отверстию у самого карниза арки. Взбираться приходилось на четвереньках, цепляясь за покрытые жесткой корой побеги пока пальцы ног нащупывали опору на резных лицах обезьян, ящериц и других непонятных тварей.

На верху арки красовалась еще одна змеиная голова. Шарина, скорчившись, поднырнула под ней в темноту укрытия. С этой стороны мусора и обломков оказалось еще больше чем снаружи, Чтобы не полететь вниз головой, Шарина ухватилась за край ниши, в которую когда-то, давным-давно, монтировалась дверная коробка. Девушка осторожно перевалилась через край и нашла точку опоры для ног. Таким образом, она могла стоять позади провала с ножом наготове и поджидать своих преследователей. Она широко открыла рот, чтобы прерывистое дыхание не выдало ее.

Конечно, рано или поздно кто-нибудь из поселян вскарабкается на стену и обнаружит ее убежище. Но им придется подниматься сюда по одному или же расчистить проход, растащив все эти камни, – долгая и тяжелая работа даже при свете дня.

Но и через отверстие попасть будет не проще, пока Шарина стоит здесь с ножом, который способен срубить одним ударом деревце в руку толщиной. Шарина мрачно усмехнулась. Сами виноваты: она не просила их становиться ее врагами.

Когда стук пульсирующей крови в висках немного успокоился, она услышала звук погони. Голоса, исключительно мужские, нервно и неразборчиво переругивались. Похоже, они все еще были достаточно далеко.

Решив, что возможность видеть своих врагов оправдывает риск оказаться замеченной, Шарина медленно подняла голову над грудой камней. Тусклый свет и бледный камень старинного города скроют ее очертания, даже если вдруг кто-то из жителей посмотрит прямо на щель.

Как она и предполагала, ее преследователи задержались у ворот. Они всматривались в отверстие, стараясь при этом не приближаться к змеиной голове. Девушка разглядела с полдюжины юношей и седого мужчину с выступающими буграми мышц на руках и голых ногах. Пока Шарина наблюдала, начали подтягиваться и все остальные.

Споры разгорелись с новой силой, но с минимальным результатом. Каждый из вновь прибывших талдычил что-то свое, остальные возражали, все больше выходя из себя. Стало совсем темно.

Седой присел на корточки с кремневым ножом в одной руке и пригоршней крепких тростинок, сорванных на обочине, – в другой. Он разложил нехитрые приспособления для разведения огня, затем сильно дунул в трубочку запала. Вылетели искры, которые упали на приготовленный трут. Мужчина добавил туда тонких щепок и раздул огонь.

Подошли воины в сопровождении не менее двух десятков деревенских женщин. Все

вояки были вооружены копьями, некоторые прихватили шлемы; щиты они, очевидно, оставили дама, рассудив, что в схватке с одинокой девушкой смогут обойтись и без них.

Сейчас они надевали бронзовые шлемы, подгоняя сложную систему ремешков, с помощью которых те держались на голове. Седой поднялся на ноги, держа в вытянутой руке пучок подожженных сосновых веток. Подняв их повыше, он повернулся к провалу, за которым пряталась Шарина. Девушка подавила желание отпрянуть: движение выдало бы ее скорее, чем смутное пятно ее лица.

Седой улыбнулся. Он стоял особняком, не вступая в общую перепалку односельчан. Если они все же доберутся до нее, за этим нужно приглядывать в первую очередь. Хотя Шарина подозревала, что ему хватит хитрости не лезть вперед при штурме, который планировали его товарищи.

Один из воинов с криком шагнул вперед. Он метнул копье в проем входной арки, тщательно следя за тем, чтобы не переступать линии ворот. Затем герой вернулся к своим.

Шарина оглянулась назад. Глаза ее достаточно привыкли к темноте, чтобы разглядеть: комната абсолютно пуста. Лишь валялось несколько камней, упавших с крыши, да мелкая лепнина – когда-то часть интерьера – теперь покрывала пол толстым слоем мусора и пыли. Примыкающая стена с балками дверного проема отделяла комнату от остальной части строения. По-видимому, раньше она являлась своеобразным фойе за центральным входом.

Шум снаружи усилился, и Шарина осторожно подняла голову. Селяне пытались запалить факелы, пропитанные сырой нефтью, от горящих сосновых веток, которые седой бросил на землю. Казалось, он единственный, кто чувствовал себя достаточно спокойно в ночном лесу. Не вмешиваясь, мужчина наблюдал с презрительным удивлением, как остальные пытаются поджечь напрочь сгнивший валежник или молодые зеленые побеги.

В конце концов они отчаялись и засобирались обратно. Воин с павлиньим пером погрозил копьем каменным руинам и проревел, коверкая слова:

– Гори в аду, драконье отродье!

Он развернулся и отдал короткий приказ седому. Тот кивнул и подобрал свой горящий пучок. Бросив последний долгий взгляд на убежище Шарины, мужчина направился к поселку с высоко поднятым факелом. Он шел впереди, освещая дорогу воинам, однако наверняка кто-нибудь из этих болванов в сползающих шлемах грохнется на землю, прежде чем доберется до деревни.

Процессия со светом быстро удалялась, и в лесу становилось совсем темно. Селяне с причитаниями натыкались на деревья и путались в плюще. Хотя Шарина не сомневалась, что они убрались, она все же выждала некоторое время около пролома, пока луна достаточно не взошла на небе.

Затем со вздохом убрала пьюльский нож в ножны и стала спускаться в здание. Девушку мучила жажда, к утру она наверняка проголодается, но ей не хотелось блуждать в темноте. В лучшем случае она попусту потеряет время. А в худшем – имеет шанс подвернуть ногу или вообще свернуть себе шею.

Люди с противоположного мыса боялись птицы-рептилии, которая принесла ее сюда. Они страшились также этого места со скульптурами рептилий, и они боялись самой Шарины. В другой ситуации девушка, возможно, поняла бы их, но не сейчас!

Прямоугольник внутренней двери слабо светился – бледнее даже блуждающего огонька. Шарина озадаченно нахмурилась. Лунного света, пробивавшегося сквозь листву, едва хватало, чтоб обозначить отверстие, через которое она пролезла. Чему же здесь светиться? Может, в одной из дальних комнат рухнула крыша и свет льется с неба?

Девушка двинулась по осыпавшейся штукатурке к смежной двери. Она осторожно переступила упавшую из своей ниши и разбившуюся об пол стелу. Ее задняя часть была также покрыта рельефами.

Шарина вошла в центральную комнату. Свет – в другом месте он вообще потерялся бы, но здесь, в абсолютной темноте, был виден – шел из еще одной двери на противоположной стене. Там стояла – лицом к заваленному входу – статуя из отполированного гагата. Ростом

она была в два шарининых роста – больше, чем в натуральную величину, подумала девушка, хотя она могла и ошибиться.

Статуя изображала не человека, а чешуйчатую человекоподобную тварь с острыми зубами в длинных челюстях рептилии. При таком слабом свете девушка не могла точно сказать, но предполагала, что вся фигура была вырезана из цельного камня.

«Драконье отродье», – подумала она, проходя мимо. Статуя не пыталась ее убить, в отличие от людей из деревни.

Против ожидания Шарина не увидела летучих мышей. Наверное, здесь было слишком сухо для них. В воздухе стоял некий запах, который девушка никак не могла распознать. Явно не растительного происхождения… возможно, так пахли сами камни.

Шарина пригнулась и пролезла под накренившимся дверным косяком второй двери. И оказалась в следующей комнате.

Никаких провалов в крыше не обнаружилось, наружная дверь блокировалась прочной массой корней и каменной крошки. Голубоватое свечение – хотя в цвете девушка сомневалась – исходило из ниши в задней стене здания. Более того, там что-то шевелилось, если только воображение не играло злую шутку с Шариной.

Пьюльский нож сам скользнул ей в руку до того, как девушка о нем подумала. С замиранием сердца она шагнула вперед. Вблизи стало видно, что никакой ниши там не было. Взгляд упирался в прочную сухую кладку позади свечения.

Шарина резко обернулась, уверенная, что источник света находится за ее спиной и лишь отражается от стены. Но и там не обнаружилось ничего нового: только дверной проем, в нескольких шагах почти неразличимый.

Тогда она снова повернулась к стене, скорее удивленная, чем испуганная. Теперь она разглядела – на прочной стене – фигуру, сидящую за письменным столом. При человеческих очертаниях и человеческих размерах принадлежала она рептилии. Глаза ее сияли голубым огнем.

– Эй! – крикнула Шарина, замахиваясь ножом. Она не задумываясь расколола бы череп твари, если б та приблизилась.

– Я не враг тебе, Шарина ос-Рейзе, – раздался голос. Безгубый рот рептилии шевелился, но слова, казалось, звучали непосредственно в сознании девушки. Они несли в себе сухой холод, напомнивший ей неуловимый запах в здании.

Фигура повела трехпалой рукой. Возле задней стены комнаты обнаружилась каменная скамейка – этакий приступочек возле бестелесного стола из света и теней.

– Не желаешь присесть? – прозвучал все тот же холодный голос. – У меня есть к тебе предложение.

* * *

Все время, пока они пробирались через безмолвный лес, Кольва прижималась к левому плечу Кэшела.

– Как мне повезло, что ты пришел и спас меня, – говорила она. – За твой подвиг, мой герой, любая награда покажется недостаточной!

Рука Кэшела одеревенела от напряжения, словно посох, который он держал в другой руке. Но просто отпихнуть женщину он не мог… да и не хотел.

– Никакой я не герой, – пробурчал юноша.

Дворец Ландура оказался высоким, строгим зданием, вырубленным в скале, которая возвышалась над мягким травянистым склоном. Фасад был плоским, но боковые стены и задняя часть образовывали мягкий полукруг, словно срез ствола гигантского каменного дерева. Верхние этажи выступали из внутреннего склона скалы, поднимаясь вверх башенками, а куполообразная крыша основного здания была чуть ниже, чем скала позади нее.

Наверное, оттуда открывался неплохой вид на долину, подумалось Кэшелу, хотя он не увидел окон, кроме узких вертикальных отверстий, прорезавших стены. Они являлись единственным украшением сурового фасада.

Кольва слегка потянула его в сторону, и оба они остановились перед замком.

– Он выстроил его в виде рабочей части ключа, запирающего структуру этого мира, – пояснила женщина бесстрастным голосом. – Яимею в виду Ландура, моего мужа. Что ты думаешь на этот счет, Кэшел?

Кэшел откашлялся.

– Ну да… очень интересно, – медленно промямлил он. А что он, собственно, еще мог еще сказать? Здание казалось ему таким же утилитарным, как старый водосточный желоб. Кэшел это ощущал, хотя не мог объяснить. – Так мы идем внутрь?

Ему хотелось чего-нибудь попить, лучше всего молока с маслом. Горло после стычки пересохло, хотя он вроде не кричал. Или кричал? Как правило, потом, задним числом, Кэшел не мог припомнить подробности.

– Разумеется, Кэшел, – ответила Кольва, опять сильно сжимая ему руку. – Прямо сейчас и пойдем.

Входные двери – тоже незатейливые, сливающиеся с фасадом – были достаточно высокими, чтоб такой крупный человек, как Кэшел, мог спокойно пройти. Издалека ему показалось, что они сделаны из потемневшего от времени дерева. Но вблизи обнаружилось: двери обшиты панелями из серебра или какого-то другого металла, почерневшего, но по-прежнему крепкого. Вертикальная ручка блестела, отполированная частыми прикосновениями.

– Не откроешь для меня дверь, Кэшел? – промурлыкала Кольва и улыбнулась, склонив голову набок. Ее пальцы – легкие, как осенняя паутинка, – по-прежнему касались его левого бицепса.

– Чего? – не понял юноша. – Ох, разумеется… Простите мою неучтивость.

Недовольный собой, он покачал головой. Как всегда, он не подумал. Ждал, что Кольва на правах хозяйки дома отопрет дверь, и не принял в расчет ее хрупкость.

Дверь оказалась именно такой, как он и ожидал: тяжелой и неподатливой. Кэшел медленно тянул ее; большой вес нельзя резко дергать, если не хочешь что-нибудь порвать, например мышцы собственной спины. Наконец раздался чмокающий звук, и панель сдвинулась мягко, как молоко, льющееся из крынки. Кэшел подивился устройству двери: ни малейшего намека на петли…

– Благодарю тебя, Кэшел, – произнесла Кольва, осторожно переступая через высокий порог. Притолока и дверной косяк были сделаны из того же гладкого металла, что и сама дверь. Запор отсутствовал.

– Никаких замков? – удивился Кэшел, разглядывая дверь. В их деревне все более-менее состоятельные дома запирались на защелку. Даже в самых бедных хижинах ладили засовы с внутренней стороны.

– Твари из Подземного мира не могут открыть эту дверь, – промурлыкала Кольва, с жадным блеском в глазах разглядывая интерьеры дворца. – А больше Ландур не боится ничего.

– Но когда вы одна?.. – начал Кэшел. Он вошел следом за Кольвой, так же аккуратно переступая порог, чтоб не коснуться босой ногой металла. Возможно, подумал юноша, хозяева таким образом стараются не повредить плотное металлическое покрытие.

– О, ты о том монстре, что напал на меня? – с улыбкой произнесла Кольва. – Видишь ли, он выследил меня снаружи. По счастью, ты явился и спас меня… мой герой!

Она снова ласково прикоснулась к его плечу. Юноша не знал, как воспринимать ее… скажем так, шутливое поддразнивание. К этому Кэшелу не привыкать – он часто не понимал чужих мотивов. Правда, он не был уверен, что Кольва шутит. Не вполне уверен.

Юноша снова откашлялся.

– Вы не могли бы раздобыть мне чего-нибудь попить? – спросил он. – Например,

воды… Пить хочется ужасно.

– Конечно, – проворковала женщина. Она осматривала комнату с любопытством мыши, забравшейся в кладовую. Быстрыми маленькими шагами подошла к металлической корзине.

Кэшел тоже огляделся, стараясь не задеть что-нибудь своим посохом. Он затруднялся определить: что здесь было настоящим, а что – просто… ну, отражением.

Все-таки прорези в стене оказались окнами. По крайней мере, свет поступал через них, но не так, как обычно проходит свет через распахнутые ставни. В воздухе плавали полосы чистейшего цвета. Иногда они накладывались друг на друга, образуя новые оттенки, иногда оставались разрозненными, словно квадратные каменные глыбы волнореза в родной Барке.

Кэшел вытянул руку, наблюдая, как играют на коже красные, синие и бледно-желтые, словно клеверный мед, блики.

Ему почему-то казалось, что он должен не только видеть, но и ощущать этот свет. Но блики были столь же невесомы, как и обычный солнечный свет.

От подобных эффектов Кэшел почувствовал себя неуютно, но не встревожился. Он часто чувствовал себя не в своей тарелке, например – на официальных приемах в Вэллисе.

Внутри дворец представлял собой одну полукруглую залу. Она вздымалась вверх на…

Кэшел задумался, пытаясь соотнести высоту потолка с наружным видом дворца. В цифрах юноша был не так силен, как Гаррик и Шарина. Но как опытный лесоруб мог точно определить высоту дерева и траекторию его падения.

Здесь задачка принципиально не отличалась. Потолок был – Кэшел растопырил пальцы на левой руке, затем сжал их в кулак и снова выпрямил указательный и средний пальцы – в семь раз выше его роста. При взгляде снаружи здание (до верхушки куполообразной крыши) всего вдвое превышало его рост. Значит, наверху имеется еще один этаж и, возможно, жилой чердак… хотя трудно предположить, что дворец построен на манер обычного дома.

Крутая, узкая лестница вела вдоль изгиба стены к отверстию в потолке. Перила отсутствовали.

– Вот, Кэшел, – произнесла Кольва, оборачиваясь к нему. В руках она держала графин и хрустальный бокал для вина – высокий, сужающийся книзу. Лицо женщины в переменчивом освещении казалось то фиолетовым, то оранжевым… Затем вдруг все цвета сменились на противоположные, как на негативе. Зубы Кольвы стали черными, кожа – серой с янтарным оттенком, а волосы – темного отлива лесной зелени.

Она улыбнулась и наполнила бокал жидкостью, такой же бесцветной, как глыба горного хрусталя.

– Твое здоровье, мой герой, – произнесла Кольва. Она пригубила из бокала и протянула его Кэшелу.

– Вода? – спросил он. Впрочем, сейчас это не имело для него никакого значения: в горле у юноши так пересохло, что вместо слов раздавалось хриплое кваканье. Холодная жидкость вызвала во рту покалывающее оцепенение. Кэшел проглотил ее и почувствовал, как все тело наполняют тепло и бодрость.

– Что это? – спросил он, опуская бокал. Это точно было не вино: его юноша раньше пробовал, и вкус ему не понравился. Больше всего жидкость напоминала бы воду, если б вода – каким-то чудом – оказалась… живой.

– Тебе нравится, Кэшел? – спросила женщина. – Выпей еще.

Она снова наполнила бокал. Кэшел собирался возразить, но вкус ему действительно понравился, да и пить очень хотелось.

Он вновь приложился к бокалу. На этот раз юноша старался не хлебать большими глотками, но, опустив бокал, обнаружил, что тот наполовину пуст. Кольва улыбнулась ему и долила до краев.

Пол окаймлял мозаичный бордюр шириной в человеческую руку. На нем изображались птицы и животные, занятые своими лесными делами. Причем лес очень напоминал тот, что располагался снаружи. Все выглядело очень реалистично, звери вышли как живые, несмотря на то, что материалом для них послужили кусочки камня.

Глядя на пересмешника, сидящего на ветке кизила и бранящегося на скачущую тут же белку, Кэшел ощутил вдруг острый приступ ностальгии. Глаза подсказывали ему, что если он нагнется и дотронется до пола, то почувствует твердую древесную кору вместо кусочков стекла и цветного мрамора.

Центральное панно производило не меньшее впечатление, чем лесной бордюр. Но изображало оно световые мечи, переносящие монстров к бронзовому порталу, через который Кэшел появился в этом мире.

В клубке рычащих тварей внутри огненного кольца можно было рассмотреть несколько монстров, казавшихся собранными из частей различных животных, другие выглядели обычными людьми, похожими на мужчину, которого Кэшел только что убил. Некоторые из монстров имели человекообразное, но слишком малопривлекательное обличье; да и то, что выглядывало из окон их глаз, казалось слишком жутким для живых существ.

Кэшел судорожно сглотнул и снова осушил бокал.

– Чья это работа? – спросил он, удивляясь, как вообще слушается его язык.

– Самого Ландура, – коротко ответила Кольва. – Моего мужа.

Прикоснувшись кончиками пальцев к шее Кэшела, она направила его к тому, что выглядело как диван. Юноша чувствовал, как затрепетал пульс под легким давлением ее пальцев.

– Присядь, – приказала она.

Мебель Ландура несла печать той же простоты, что и весь остальной дворец. Изогнутые ножки дивана казались отлитыми из бронзы, но цвет их приобретал лавандовый оттенок у светлых клинообразных расширений. Сиденье – из того же неизвестного материала, подушки отсутствовали. В целом оно производило впечатление чего-то, крайне неудобного и хрупкого.

– А он меня… это… выдержит? – с тревогой спросил Кэшел. Привередничать ему не хотелось, но боязнь сломать хозяйскую мебель все же пересилила. Юноша недоумевал: может, Ландур был небольшим высохшим человеком почтенного возраста, этакой Теноктрис в мужском варианте?

– Разумеется, Кэшел, – успокоила его Кольва, усаживая напротив себя. Ножки дивана заскрипели по каменному полу, но легко выдержали его вес.

Чтобы отвлечься от ощущения теплого женского тела под боком, Кэшел стал рассматривать комнату. Остальная мебель была выдержана в том же стиле, что и диван. В центре комнаты стоял высокий письменный стол и длинноногий табурет. На гладкой наклонной крышке стола лежала большая рукописная книга с серебряной застежкой на переплете чешуйчатой серой кожи. Она была закрыта.

Вдоль изогнутой стены расположилось несколько сундуков в половину человеческого роста. Из одного такого Кольва достала жидкость, которой поила Кэшела. Сундуки, как и вся прочая мебель, были сделаны из бронзы с выгравированными сценами лесной жизни. В особняках Вэллиса Кэшел видел гобелены и деревянную резьбу со сценами охоты, но в узорах Ландура птицы и животные жили своей обычной жизнью. Причем она была далека от идиллии.

Кэшел, как любой сельский житель, знал: в природе идет постоянная борьба. Тут ласка в прыжке настигает зайчонка, там черная змея изогнулась над гнездышком жаворонка, а сами птички с криками вьются над рептилией. Это была жизнь с ее естественной жестокостью, столь отличной от той, что вершится в людских делах.

Посреди высокой комнаты медленно вращались по кругу металлические шарики, центром их вращения являлся сияющий золотой шар, расположенный посередине. В неверном освещении Кэшел затруднялся сосчитать маленькие шарики, но всяко их было не меньше дюжины. Они кружились сами по себе; во всяком случае, Кэшел не разглядел никакого подвоха.

Внезапно зрение у него затуманилось, и Кэшел поднял руку протереть глаза. Хрустальный бокал звякнул, упав на пол. Кэшел забыл, что держал его в руке. Не разбил ли?

Приступ головокружения прошел. Кэшел поднялся на ноги, опираясь на посох.

– Боюсь, что я устал, – пробасил он. – Не найдется ли у вас какого-нибудь сарая, где можно передохнуть?

Перед этим Кольва сидела, прижимаясь к юноше. Она мягко извернулась, когда его плечи внезапно перестали быть поддержкой. Поднявшись на ноги с грацией колеблющегося тумана, Кольва проговорила:

– Нет, Кэшел, ты будешь спать в постели моего мужа. Он сам бы пожелал этого для героя, спасшего меня.

– Да меня вполне устроит голый пол! – пробормотал Кэшел. Но он чувствовал себя слишком уставшим, чтобы вести споры. Женщина взяла его за руку и повела к изгибу лестницы. Кончики ее пальцев, казалось, намертво приклеились к запястью Кэшела.

Поднимаясь по ступенькам, Кэшел задевал стену правым плечом, поэтому переложил посох в левую руку. Кольва метнулась в сторону, выпустив его левую руку и тут же подхватив справа.

Она шла впереди, потому что ширина лестницы не позволяла подниматься вдвоем. На Кэшела снова накатило головокружение, и он моргнул, прогоняя его. Юноша не боялся упасть: в своей жизни ему доводилось перебираться через реки и овраги настолько усталым, что он не разбирал, день стоит или ночь. Рецепт прост: надо идти не останавливаясь – переставлять ноги, даже когда голова гудит от усталости.

Пальцы Кольвы ощущались как браслет из тлеющих угольков. Кэшел пытался понять: то ли его вымотала схватка, то ли причину следует искать в кристальной согревающей жидкости из графина.

Наконец они достигли вершины лестницы. Нога Кэшела замерла в воздухе в поисках очередной ступеньки и, не найдя ее, опустилась на пол верхних покоев. Юноша старался сфокусировать взгляд. Он стоял с открытыми глазами, но ничего не видел вокруг.

Посох звонко ударил о пол, вызвав эхо. Кольва отпрыгнула, испугавшись алых искр, которые окованный наконечник выбил из каменного пола.

Над головой сияло ночное небо.

– А где же потолок? – спросил Кэшел, но, услышав эхо, понял, что смотрит на свод купола с мерцающими точками, а не на реальный небосвод.

Пока Кэшел изумленно рассматривал привычные созвездия, падающая звезда прочертила лилово-черное небо и исчезла. Или это у него в глазах мелькает от усталости?

– Здесь ты будешь спать, Кэшел, – промурлыкала Кольва теплым, медовым голоском. – Кровать принадлежит Ландуру, но на сегодня она твоя.

Единственной мебелью в комнате служила металлическая кровать, сильно смахивающая на диван в нижнем помещении. Тонкая бронза своей упругостью напоминала ложе из ивовых прутьев. Ни одеял, ни простыней Кэшел не разглядел.

В одном конце кровати возвышался литой подголовник в виде подковы. Лежа на этой кровати, можно было созерцать ночное небо, а ноги вытягивались к плоской части здания, где находился южный горизонт.

– Я не могу занять вашу кровать, – пытался возражать Кэшел. Он испытывал сильнейшее желание свернуться калачиком на каменном полу. Дома, в Барке, он привык спать на кухне мельничного домика, уступив комнату наверху сестренке Илне.

– Я уже говорила, Кэшел, – повторила женщина, – Это не моя кровать, а Ландура… и сегодня она твоя, мой спаситель.

– Я не… – снова пробормотал Кэшел, но Кольва решительно повела его к ложу. Юноша чувствовал себя настолько уставшим, что безропотно последовал за ней. Он сел, услышав скрежет бронзовых ножек – будто лесные насекомые скребутся.

Кольва положила руку, затем обе, на лоб юноши и мягко нажала. Через миг он уже лежал на спине. Он еще успел удивиться, отчего это кровать оказалась тесной для них двоих, но уснул раньше, чем коснулся головой металлической подушки.

* * *

Ему снился сон. Он видел себя статуей, лежащей на бесплодной земле. Человек, которого он убил перед бронзовыми воротами, возвышался над ним (он превратился в форменного великана) и громко бранился. Слов Кэшел не разбирал. Возможно, их и не было – просто сердитый рокот…

Вокруг вопящего гиганта прыгал и увивался бесенок из багрового света. Лицо его казалось составленным из осколков стекла. Иногда он подскакивал к Кэшелу, строя ему рожи и разражаясь скрипучим смехом. Затем, метнувшись яркой вспышкой, снова уносился прочь. Затем в какой-то момент он взял и исчез, словно был простым бликом света.

Луна поднималась. Ее холодный свет просачивался сквозь гиганта и танцующего демоненка, размывая их цвет. Гигант яростно потряс кулаком, но плоть его истончилась, стала прозрачной, затем и кости растворились среди теней.

Фигуры исчезли. Луна взбиралась все выше над безмолвной равниной.

Воздух обжигал холодом. Лунный диск приобретал человеческие черты, превращаясь в улыбающееся женское лицо.

Кэшел знал эту женщину, но имени вспомнить не мог.

Он был упавшей статуей, и он замерзал.

Из тьмы вынырнул крылатый череп, выбивая дробь зубами. Он клюнул Кэшела и умчался прочь… улетел, исчез. Осталось только обжигающее ощущение там, где прикоснулись его зубы, словно они были из ледяного железа.

Затем появились новые черепа. Крылья их шелестели, зубы клацали – юноша слышал, но не видел их больше. Они кусали и исчезали, всякий раз унося кусочек жизни Кэшела. Он пытался отогнать их, но руки не двигались.

Луна рассмеялась перезвоном серебряных колокольчиков. В ее миловидных женских чертах проглядывала жадность… жадность и ликование. Когда улыбка стала шире, Кэшел разглядел острые зубки.

Он содрогнулся. Его каменные конечности казались совсем застывшими – холоднее, чем звездный пепел. Но, так или иначе, он не позволит этой твари смеяться над собой. Юноша рванулся вперед, чувствуя, как тело разлетается на куски от усилия сдвинуться. Пальцы его аж свело судорогой, так хотелось ему сдавить это смеющееся, бестелесное лицо.

Его руки и впрямь ощутили что-то извивающееся. Оно выскользнуло, но зато Кэшел проснулся.

Своим движением он опрокинул бронзовую кровать, и сейчас полусидел, полустоял на коленях на полу спальни Ландура, освещенной мерцанием искусственного неба.

Та, которая называла себя Кольвой, скользнула прочь от него. Ее черты утончились, в них не осталось ничего доброго, ничего человеческого. Из лысого черепа твари тянулись усики серого света, стремясь к Кэшелу, как пиявки чующие кровь.

Юноша встал. Его посох лежал поперек кровати. Он взял его в руки, чувствуя очищающее прикосновение гладкой орешины.

Кольва рассмеялась и распростерла руки. Ее обнаженное бесполое тело напоминало лягушачье. Серая масса из ее черепа все тянулась к юноше, словно щупальца аммонита, готовые схватить жертву.

Кэшел рубанул по ним посохом. Там, где металлический наконечник коснулся серых щупальцев, они ссохлись, словно слизняки на солнце. Юноша шагнул вперед.

Кольва взвизгнула в изумлении и внезапном ужасе. Кэшел занес посох для прямого удара железным наконечником, который должен был размазать эту тварь по задней стене.

Кольва нырнула в лестничный проем и исчезла из вида. Вытянув перед собой посох для равновесия, Кэшел тяжело поплелся следом. Он ощущал такую слабость, как никогда в жизни, но чтобы прикончить это перед смертью, сил у него хватит.

Кольва вскрикнула, попав в пучок чистого света. Серая фосфоресцирующая масса на ее

голове сгорела, как солома в костре. Уже на спуске с лестницы она споткнулась, но удержала равновесие резким движением змеи, которой переломали хребет.

Кэшел шел, не отставая. Он отшвырнул в сторону письменный стол, который ударился об пол со злым колокольным гулом. Юноша ничего не видел, он стремился к своей цели, сметая все на пути.

Кольва тем временем уже достигла входной двери. Серебряная панель так и осталась полуоткрытой, после того как Кэшел отодвинул ее для Кольвы. Она прыгнула, но, видно, битва подкосила и ее силы тоже. Рука коснулась серебряного косяка.

Кольва завопила. Раздалось шипение, словно жарится бекон, и запах, как из разрытой могилы. Вопя от боли и ярости, тварь побрела, шатаясь, прочь.

Кэшел добрался до двери и захлопнул ее. Он все еще держал посох перед собой.

– Помоги мне Дузи… – выдохнул юноша, однако в помощи он больше не нуждался.

Все, что ему сейчас требовалось, – это немного здорового сна. Кэшел почувствовал, как его тело скользнуло на гостеприимный пол. Но и засыпая, он продолжал сжимать свой посох, направив его поперек дверного проема.

Глава 9

Сознание Гаррика стремительно выходило из ткани сна, подобно тому, как прыгун, нырнувший с большой высоты, выгребает на поверхность бассейна. В голове его бушевал поток недавних впечатлений, среди них – лицо Ансалема и его прощальные слова. Король Карус тоже присутствовал здесь, но скорее внутри его сознания, нежели как внешний образ.

Лиэйн взяла руки Гаррика в свои. Кожа юноши была холодной, как у путника, застигнутого снежным бураном вдали от укрытия.

– Теноктрис не хотела тебя будить, – шептала Лиэйн. Она растирала его пальцы, не поднимая взгляда от пола. – Ты был как мертвый. Мне пришлось поднести тебе зеркальце, к губам, чтобы уловить дыхание.

– Я боялась, что нам удастся разбудить лишь твое тело, – извиняющимся тоном проговорила старая волшебница. – Уж больно могущественный волшебник призвал твою душу. Это опять был Ансалем?

– Да, – ответил Гаррик. Он не знал, сколько времени проспал. Теноктрис принесла в комнату жаровню и жгла на углях написанные ею заклинания.

Гаррик встал, с удивлением ощупывая свою тунику. Она показалась ему не более реальной, чем ее тень во сне. Тонко спряденная козья шерсть на ощупь была такой же мягкой…

– Во всяком случае, я снова попал в Клестис, – добавил он. – Не уверен, что именно Ансалем вызвал меня. Он этого не говорил.

В комнате было светло – ставни откинуты, солнце уже поднялось. Лиэйн, очевидно, пришла еще до рассвета, чтобы пораньше приняться за работу, и обнаружила его…

Гаррик мрачно улыбнулся. Наверное, он мало отличался от мертвеца, раз девушка срочно вызвала Теноктрис.

Гаррик взял обеих за руки и сказал:

– Простите, что напугал вас. Не думаю, что Ансалем хотел причинить мне вред, просто порой и он ошибается. Из-за одной такой ошибки он сейчас и спит в одиночестве в городе, который выдернул из времени тысячу лет назад.

– Из времени? – резко переспросила Теноктрис. – Объясни, что именно он тебе сказал?

Слуги жались у стен спальни в ожидании распоряжений. Теноктрис махнула им, двое пажей приподняли треногу с жаровней и утащили прочь. В отличие от Гаррика и его давних друзей обе женщины с детства привыкли командовать слугами. Гаррик, не раздумывая, убрал бы треногу сам, чем снова шокировал бы своих подчиненных.

Юноша откашлялся, напряженно роясь в памяти в поисках нужных слов.

– Он сказал, что после смерти короля Каруса извлек Клестис из своего плана бытия.

Его пугал хаос, который неминуемо должен был наступить. Ансалем планировал переместить город вместе с его жителями во времени, но не успел. Он уснул от изнеможения, прежде чем довел дело до конца. А пока Ансалем спал, помощники заперли его в комнате, чтобы он никогда больше не проснулся. Ты улавливаешь в этом какой-то смысл?

Теноктрис кивнула. Рядом с тем местом, где стояла жаровня, располагался складной табурет с ножками из слоновой кости и сиденьем из шелковой парчи. Волшебница нащупала его рукой и уселась, прежде чем слуга успел придвинуть табурет ближе.

– Да, вполне, – снова кивнула она. – Но… с таким же успехом Ансалем мог бы рассказать тебе, что танцевал на цыпочках, держа на спине свой дворец! Звучит так же невероятно. А он не упомянул, какой источник силы он использовал?

Гаррик нахмурился, пытаясь хоть как-то сконцентрироваться.

– Он называл амфисбену. Это…

– Я знаю, что такое амфисбена, – оборвала его старуха непривычно резко. Видимо, рассказ Гаррика глубоко поразил ее. – Хотя, возможно, он раздобыл ее уже после нашей встречи. Так, ты говоришь, помощники заключили его в ловушку?

– Он вполне допускал это, – пожал плечами Гаррик. – По словам Ансалема, добраться до него можно только через амфисбену. Но она находилась внутри… хм… внутри заклятия вместе с ним.

Лиэйн отпустила левую руку Гаррика и принялась растирать правую. Кровь постепенно приливала к коже юноши, он перестал дрожать.

– Бедный Ансалем, – тихо сказала Теноктрис. – На самом деле он был слишком наивным. Ему следовало бы знать: любой маг, последовавший за ним, подвергается большой опасности из-за силы тех вещей, которые ему самому казались игрушками.

– Ты считаешь, если бы ему хватило практичности, чтобы распознать человеческие слабости, то он обеспечил бы себе безопасность? – спросила Лиэйн.

– Увы, нет, – вынуждена была признать Теноктрис. – И если бы мне представилась возможность что-либо изменить… то меня бы волновали в первую очередь отнюдь не психологические способности Ансалема.

– И все же, как вы считаете: что случилось с его помощниками? – вмешался Гаррик. – На сей раз я не видел никого из них. Абсолютно пустой дворец… если не считать самого Ансалема.

Теноктрис пожала плечами:

– Насколько мне известно, они слыли могущественными волшебниками, особенно Пурлио. Еще бы, в их распоряжении оказалась вся коллекция артефактов Ансалема, способных увеличивать силу заклинаний.

Она посмотрела в окно на залитый солнечным светом сад.

– Меня гораздо больше волнуют сами предметы, – продолжала она. – Среди них попадались действительно милые игрушки. Например, музыкальная шкатулка… Она воссоздавала не только чудесные мелодии, но и мираж города, которым можно было управлять при помощи клавиш шкатулки. А вот другие вещи…

Теноктрис вздрогнула. Гаррик шагнул к табурету и положил руки ей на плечи, ему так хотелось поддержать старую волшебницу, поделиться своей силой.

– Например, я видела раковину Владыки, – продолжила Теноктрис. – Очень древнюю, уже окаменевшую. Она заключала в себе огромную силу зла. И если какой-нибудь маг надумает ею воспользоваться, то я…

Теноктрис вскинула руки ладонями вверх.

– Я не знаю, к чему это может привести, – горько усмехнулась она. – Но знаю точно: нам, друзья, такая перспектива не понравится.

* * *

Просторный шатер лорда Тадая крепился на внешнем каркасе из черного дерева и виноградной лозы. Все четыре стенки охранялись Кровавыми Орлами в легком походном обмундировании. Из-под переднего и среднего отделения шатра пробивался свет фонаря; до Илны доносились невнятные разговоры. Задняя треть шатра, отведенная под спальню Тадая, оставалась темной.

У костра на песчаной отмели островка моряк играл на сдвоенной дудочке. Пронзительные звуки напоминали птичьи крики и вызывали не слишком приятные ассоциации у Илны, но приятели моряка со смехом танцевали в кругу неподалеку.

Гаррик тоже когда-то играл на пастушьей свирели – шесть тростинок разной длины с запаянными воском концами. Тогда Илне это казалось самой прекрасной музыкой на свете. Интересно: а сейчас, став принцем, находит ли Гаррик время для музицирования?

– Мне нужно повидаться с лордом Тадаем, – сказала стражникам Илна. Имена их были ей не известны, но двоих она знала в лицо: последние несколько месяцев они охраняли ее жилище во дворце.

– Прошу вас подождать, госпожа, – ответил один из солдат. Он постучал древком копья по перекладине, чтобы привлечь внимание слуги внутри шатра.

«Ну да, а тем временем Мастин обработает очередную компанию моряков», – подумала Илна. Однако спрятала свой гнев под обычным ледяным спокойствием. Кровавые Орлы исполняют свой долг и поступают строго по инструкции, хотя они знают Илну и, возможно, побаиваются ее. Она не станет ссориться с людьми, которые добросовестно выполняют свою работу, даже если при этом они стоят у нее на пути.

Дворецкий – симпатичный юноша не старше самой Илны, сдвинул в сторону входной полог и раздраженно бросил стражнику:

– Ну, что еще у вас случилось?

За его спиной Илна разглядела еще одну занавесь, делившую переднюю часть шатра на прихожую и закуток для слуг. Пока дворецкий разговаривал со стражником, трое его товарищей, развалившись на кушетках, продолжали пить из стеклянных кубков, украшенных сатирами и нимфами. Сам Тадай, очевидно, находился во внутреннем помещении.

– Госпожа Илна ос-Кенсет к лорду Тадаю, – доложил стражник.

Дворецкий взглянул на Илну, презрительно скривив губы.

– Лорд Тадай работает над личными счетами. У него накопилось много работы, пока лорд исполнял свой гражданский долг. Он просил, чтобы его не беспокоили.

Илна почувствовала, как желудок ее сжался. Второй солдат обернулся и коснулся носа дворецкого указательным пальцем, которым, казалось, можно сваи забивать.

– А как насчет того, чтоб пойти и спросить его, а? – В его голосе слышалась угроза. – Возможно, это убережет его от еще большего беспокойства. А то знаешь, как громко верещит поросенок, когда мясник прищемит ему нос!

Глаза у дворецкого полезли на лоб от удивления, он молча развернулся и бросился внутрь. Остальные слуги отставили кубки и сидели на своих кушетках, хотя ни один из них не выказал желания вмешаться.

Дворецкий с кем-то разговаривал по ту сторону занавеси. Илна чуть слышно проронила: «Спасибо!», не поворачивая головы к стражникам.

Солдат, пришедший ей на выручку, фыркнул.

– Маленький расфуфыренный выскочка, – прокомментировал он. – Верно, думает, что он слишком хорош для такой работы.

– Лорд Тадай готов вас принять, госпожа, – сказал дворецкий, подскакивая обратно ко входу. На щеках его горели красные пятна, и он решительно старался не замечать скалящих зубы солдат. Парень сдвинул в сторону входной полог, так что звякнули колечки, на которых он висел. Когда Илна вошла, дворецкий так же резко задернул полог – наверняка жалея, что это не дверь, которой можно хлопнуть, – и юркнул вперед, чтобы отодвинуть перед девушкой внутреннюю занавесь.

На полу шатра лежали толстые ковры. Ни один мускул не дрогнул на лице Илны, хотя девушка остро пожалела о своей привычке ходить босиком. Снова ковры, снова дети… В основе этого мира лежали страдания. Почему, собственно, ее должен волновать тот факт, что где-то страдают дети? Она вообще не любит детей!

Лорд Тадай сидел на кушетке, держа на коленях переносной столик. Записные книжки, сделанные из переплетенных листов дерева и слоновой кости, лежали возле него на подушках. Тут же, за складными столиками, сидели двое его помощников. В позолоченной подставке покоился кувшин вина, однако атмосфера царила деловая.

– Госпожа? – произнес Тадай. – Я бы хотел приветствовать вас стоя, но боюсь нарушить порядок, который с таким трудом навел сегодня. – Он сделал небрежный жест в сторону кучи документов, готовых полететь на пол от неосторожного движения.

Илна коротко кивнула.

– Я случайно подслушала разговоры команды, – начала она, не утруждая себя предисловиями, которые сейчас казались пустой тратой времени. – Там назревает мятеж. Мне кажется, что зачинщиком является боцман по имени Мастин, но шкипер с нашего корабля, Вонкуло, тоже участвует в заговоре.

Младший помощник хотел что-то возразить, но Тадай жестом оборвал его и позвал:

– Эппан! Будь добр, подойди!

Занавесь мгновенно скользнула в сторону – ясно, что излишне любопытный дворецкий подслушивал с другой стороны.

– Да, милорд? – подобострастно согнулся он.

– Приведи немедленно сюда лейтенанта Роубоса. И, пожалуй, лорда Нейрала тоже.

Дворецкий, уходя, повернулся с такой скоростью, что его поклон получился на все четыре стороны. Трое других слуг тоже вскочили на ноги, предусмотрительно припрятав кубки подальше.

– Не желаете присесть, госпожа? – предложил Тадай. – Можно принести кушетку или табурет – на ваш выбор.

Илна покачала головой, сдерживая гримасу. Ковры жгли ее ноги сильнее раскаленных углей. От боли она могла легко отгородиться, но куда деться от криков отчаяния? Ах, ну почему же она не надела сандалии!

Роубос, командир отряда Кровавых Орлов, вошел в палатку босиком, застегивая на ходу пояс. Уже немолодой и заметно прихрамывающий – он был из тех надежных ребят, которые, получив раны в бою, не отправляются в отставку, а остаются для почетных миссий вроде нынешнего посольства.

– Милорд? – произнес он, прикладывая правую руку к сердцу в качестве приветствия.

– Вот, Роубос, госпожа Илна утверждает, что команда замышляет мятеж, – сообщил Тадай, кивнув в сторону девушки. В его интонациях не чувствовалось иронии, равно как и паники. – По вашему мнению, это возможно?

В это время в прихожей послышался шум. Вошел лорд Нейрал, капитан «Ужаса». Лицо его раскраснелось. Когда он проходил мимо, Илна почувствовала от него явственный запах: похоже, вина выпито не меньше, чем пролито на тунику.

– В чем дело, Тадай? – недовольно бурчал он. – Сестра все побери, приятель, неужели оно не могло подождать до утра?

– Ваши люди готовят бунт, – сказала Илна, стараясь сдерживать нотки презрения в голосе, впрочем не особо успешно. – Вам удастся подавить его в зародыше, если вы арестуете Мастина и Вонкуло.

– Что?! – задохнулся от возмущения Нейрал. – Да вы с ума сошли? Я понятия не имею, кто такой Мастин, но без Вонкуло торчать нам до скончания веков на этой грязной кочке! По крайней мере, если вы не умеете управлять кораблем, госпожа.

Илна застыла. Пальцы сами потянулись к рукаву, но она так и не достала заветный моток ниток. Делу этим не поможешь; а сомнительное удовольствие созерцать Нейрала – голым, скачущим словно лягушка – в будущем обернулось бы лишними угрызениями

совести в бессонные ночи.

– Угости-ка меня вон тем вином, Тадай, – сказал капитан. Хоть немного загладишь вину за то, что посреди ночи оторвал меня от отдыха из-за какой-то чепухи.

– Лейтенант Роубос? – спросил Тадай. – А каково ваше мнение?

– Не представляю, что бы сделала горстка гребцов, – ответил Кровавый Орел. – У них нет оружия, кроме ножей и, возможно, дубинок. Если пожелаете, я могу приказать моим людям полностью вооружиться и отправить дополнительную охрану на ваш корабль. Но поверьте, довольно и тех шестерых, что сейчас на борту. Они справятся с пятью десятками матросов быстрее, чем мясник с овцами.

– Только потом вам придется грести самим, – заметил Нейрал, глядя поверх кубка с вином. – Я вообще не понимаю, к чему тратить время на обсуждение подобных глупостей. Люди не станут бунтовать – им же платят по окончании рейса!

Илна посмотрела на капитана, который не вспомнил имени собственного боцмана.

– Мастин обещает отвезти их в такие края, где золото лежит прямо на улицах, – сказала она, чувствуя, как звенит гнев в ее голосе. – У него есть…

У него есть музыкальная шкатулка, вызывающая видения? Едва произнеся эти слова в уме, девушка поняла, как глупо будет выглядеть.

– У него есть дар убеждения, – сказала она не очень убедительно.

Нейрал хихикнул и подмигнул Тадаю поверх только что наполненного кубка.

– Простите меня, госпожа, – произнес младший помощник, пытаясь изображать вежливость. – Вы утверждаете, что слышали заговор моряков. Но где? Быть может, в ваших сновидениях?

– Нет, я встала, чтобы подышать воздухом, – ответила Илна. – И, к вашему сведению, мне не снятся сны.

– А может, вам приснилось, что вы вышли подышать, госпожа? – продолжал настаивать помощник. Тадай и Роубос обменялись взглядами, понимающими и слегка сочувствующими. – Ведь, наверное, морское путешествие – тяжкое испытание для вас. Да тут еще расставание с друзьями…

– Я говорю вам то, что я слышала, а не придумала! – оборвала Илна. Дети плакали под ее ногами, приводя в ярость. Нужно поскорее убираться с этих проклятых ковров!

– Что ж, мы примем меры, – сказал лорд Тадай успокаивающим голосом. – Роубос, проследишь?

– Да, милорд, – с готовностью ответил солдат. – Усилим бдительность. Мы здесь для того, чтобы защищать вас…

Илна открыла было рот… и закрыла. Эх, отправить бы их всех в Ад – а ведь она могла бы это сделать, сила ей позволяла. Беда в том, что в таком случае она сама последовала бы за своими жертвами… А она уже провела там достаточно времени в своей жизни.

Илна повернулась и вышла из шатра, ослепленная гневом. Позади слышались голоса: «Госпожа Илна, присядьте с нами на минутку!» И другой: «Она что, пьяная? Она ж от нас уплывет без гребцов и без шкипера!»

Морской бриз раздувал ее тунику. В шатре было ужасно душно. Слуги, выпивавшие в передней, носили гирлянды надушенных шелковых цветов, но Илна задыхалась не поэтому.

Рядом раздался шорох.

– Госпожа Илна? – раздался шепот Мероты.

Илна резко обняла девочку одной рукой и быстро зашагала прочь от шатра и сидящих в ней идиотов. Отойдя на добрый десяток шагов, Илна требовательно спросила:

– Что ты здесь делаешь?

– Япролезла под пологом моего шатра, когда вы разговаривали с дядюшкой, – ответила девочка, – Госпожа Келайна уже заснула. Она храпит…

Илна посмотрела на девочку. Мерота куталась в огромный черный платок, чересчур большой для нее. Илна коснулась ткани и увидела… Стареющая, с негнущейся шеей, бедная женщина, лелеющая надежду, что отцом ее был дворянин, а вовсе не шорник – муж ее

матери. Напрасные надежды…

– Это шаль твоей воспитательницы, – сказала Илна.

Мерота кивнула.

– Да накинула ее из-за цвета. Так проще было подобраться к шатру и узнать, о чем вы разговариваете с дядей, – призналась девочка. – Стражник тоже подслушивал…

Илна горько рассмеялась.

– Никто меня не слушал, – сказала она. – Они это ясно дали понять: кто повежливее, а кто – напрямик.

Они вышли к гребню пористого камня, возвышающегося над линией прибоя. Возможно, это коралл? Илна мало знала о камнях и еще меньше интересовалась ими. Она села, расстелив нижний край своего плаща так, чтобы девочка могла уместиться рядом. Свободная вязка шерстяной шали не защищала от сырости.

– Мужчины думают, что вы были любовницей принца Гаррика, – как ни в чем не бывало сообщила Мерота, изящно скрестив ножки. – Говорят, будто он решил избавиться от вас, потому что у него теперь есть леди Лиэйн. А вы просто ищете, к чему бы привязаться, потому что злитесь… Но это же неправда!

– Нет, – проговорила Илна, стараясь держать руки совершенно спокойно. Девушка боялась того, что в противном случае могло произойти. – Это неправда. Но теперь понятно, почему они так обращались со мной сегодня. Видишь ли, девочка, все, что происходит вокруг, имеет свою причину.

Ее руки не шевелились, но прогнать картины, возникающие у нее в мозгу, Илна не могла. Она представляла, как увела бы их всех в море: заговорщиков, клятвопреступников, самодовольных солдат в их сверкающей скорлупе, знать со всем ее окружением. Всех, кто смеялся над маленькой крестьянкой, мечтавшей быть чем-то большим для принца… О, как бы они пошли от берега: дружным строем, держась за руки, и утонули бы в ужасе, неспособные сопротивляться своей участи.

А Илна ос-Кенсет утонула бы первой, раз и навсегда избавившись от лжи и дураков!

– Вы, правда, собираетесь сделать это, Илна? – едва слышно спросила Мерота.

Еще одна компания моряков танцевала, на сей раз под ритм тамбурина и пары кастаньет. Струнные инструменты долго не протянут в морском климате.

– Я что, говорила вслух? – опомнилась Илна.

– Ну да, – ответила Мерота. Шаль закрывала лицо девочки, но глаза блестели, как два огромных озера.

– Вообще-то я не собираюсь делать ничего подобного, – вздохнула Илна. – В этом нет никакого проку. Честно говоря, я вообще не вижу, что тут можно сделать.

– Я рада, – ответила Мерота, ее била дрожь.

Илна снова обняла ее и неловко прижала к себе.

– Этот мир не для таких, как я, Мерота, – проговорила Илна, разглядывая мягкий прибой. – Люди реагируют иначе, чем я. Многое их не волнует или же волнует совсем по-другому.

Она почувствовала, как слезы скапливаются в уголках глаз. Илна не могла их больше сдерживать, как не могла запретить сердцу биться. Мерота прильнула к ней; так они и сидели рядом.

– Видишь ли, Мерота, мир принадлежит им, – продолжала Илна, – следовательно, я не права. Возможно, я даже ошибаюсь насчет фантазий моряков. Мне-то кажется, что Мастин манит их несбыточной мечтой. И любой должен понять это, по здравом размышлении.

– Надеюсь, что так, Илна, – мягко ответила девочка.

Илна скорчила гримасу.

– Пойдем, – сказала она. – Найдем местечко помягче и немного поспим. В моем плаще поместятся двое.

Хорошо бы уснуть и забыть слова Чалкуса о том, как легко заставить людей верить в сказку… Даже если сказка слишком красива, чтобы быть правдой. Забыть всеведущую

улыбку Чалкуса.

* * *

– Где я? – простонала Шарина. Она инстинктивно отшатнулась, хотя ей тут же стало неловко. Длиннющие челюсти… И непонятно: то ли их владелец улыбается, то ли намеревается перекусить ей глотку.

– Ты на острове, который еще не имеет имени, Шарина, – ответила тварь. – В твое время – в эпоху, откуда ты родом, – его назовут Кордин.

Существо казалось пятном дыма и слабого света, видимым только из одной точки. Поверни чуть голову, и перестанешь различать смутную фигуру… Голос же звенел у нее в голове, будто слова исходили не из обычного горла, а рождались на тонких металлических струнах.

Шарина приказала себе дышать медленно, но это мало помогло. Она никак не могла справиться с бешеным сердцебиением. Девушка даже засомневалась: действительно ли она слышит голос рептилии или же это всего лишь галлюцинация, вызванная напряжением последних… часов… дней? Сколько времени прошло с тех пор, как огромная птица унесла ее от друзей?

– Можешь убрать свой нож, – спокойно произнесла тварь. – Я не причиню тебе вреда. И, кроме того, он абсолютно бесполезен против меня. Я уже давно мертв… Ты даже не можешь представить, насколько давно.

В голове Шарины раздался клокочущий звук, больше всего похожий на зов леопардовой лягушки. Она решила, что это, скорее всего, смех. Эта мысль необъяснимым образом успокоила девушку.

Она вернула нож в ножны, застегнула язычок из тюленьей кожи вокруг рукояти.

– Кто ты? – осторожно спросила она. – Мое имя тебе известно.

Существо пожало плечами. Ответило:

– Колонисты называют меня Драконом, – его длинная челюсть вытянулась, указывая направление, откуда пришла Шарина. – Я имею в виду людей, похожих на тебя. Мой народ давно уже мертв.

– Почему они хотят убить меня? – задала Шарина вопрос, мучивший ее. – Что ты сделал им? Почему они так тебя боятся?

– У них не больше причин бояться меня, чем у меня, давно мертвого, бояться их! – воскликнул Дракон. Его рот на последнем слоге закрылся так резко, что Шарина услышала явственный щелк! – будто от реальных зубов. – Они варвары, которые признают только страх и жестокость.

Он слегка наклонился вперед – однако Шарина отметила, что он не убирает четырехпалых рук со стола и не переходит через его призрачную границу.

– Но ты не такая, Шарина. Если хочешь, ты можешь уйти отсюда без помех и препятствий. Но в этом случае…

Девушка положила руку на черную роговую рукоять ножа. Она знала: как оружие нож сейчас бесполезен, но его гладкая прохлада помогала сохранять спокойствие.

– … ты должна отдавать себе отчет, что никогда не увидишь свой дом. Или же ты можешь выбрать службу мне. Поверь, это будет только на пользу тебе и твоим друзьям.

Шарина выпрямилась, опустив руки.

– Я не буду служить Злу, – громко сказала она. Дракон ответил еще более раскатистым смехом.

– Я не Зло, Шарина ос-Рейзе, – сказал он. – Но и не Добро, если уж на то пошло. Поступив ко мне на службу, ты будешь служить мне. Но обещаю: если ты не разочаруешь меня, то скоро убедишься, что я – хороший хозяин.

Шарина наконец поняла, что казалось ей странным в голосе Дракона. Он не имел эха, в

то время как ее собственные слова отзывались целым хором…

Шарина посмеялась про себя. А какова, в конце концов, альтернатива? Вернуться в селение? О, здесь выбор куда богаче: ее могут убить сразу, по-простому, или же долго и утонченно мучить…

Челюсти Дракона раздвинулись в зубастой усмешке. Его бесплотный голос отозвался:

– Боюсь, там не слишком утонченное общество. Хотя для тебя могут сделать исключение.

Он слышит мои мысли!

Шарина сцепила пальцы и потянулась.

– А вы другое дело, не правда ли? – невозмутимо проговорила она.

– Если ты решишь служить мне, тебя ждет дальний путь, – продолжал Дракон, проигнорировав ее выпад… чисто змеиная непреклонность. – И весьма тяжелый… даром что домой ведет. Видишь ли, я могу указать направление, но не смогу защитить тебя.

Во время разговора Дракон не моргал, как это делают люди, но периодически его глаза скрывались за появляющимися сбоку мембранами: то правый глаз, то левый. Это сбивало с толку, впрочем, как все остальное в Шарининой ситуации.

Девушка наклонилась и принялась массировать обеими руками затекшие икры.

– Если я соглашусь, что мне нужно будет сделать? – спросила она, не поднимая головы.

Перелет с птицей и сумасшедший бег по ночному лесу отняли у нее много сил. Шарине хотелось отдохнуть, но она не видела ни скамейки, ни стула, а сесть на пол означало бы оказаться у ног Дракона. Интересно, есть ли у него когти на ногах? Его пальцы выглядели бы вполне человеческими, если бы не тонкие чешуйки, покрывавшие их вместо кожи.

Не отвечая на ее вопрос, существо встало и поставило правую ступню на стол перед собой. Его челюсти выдали подобие улыбки. Высокие котурны из позолоченной кожи не мешали разглядеть, что если на ноге и присутствовали когти, то совсем небольшие.

– Я направлю тебя к месту, – продолжал Дракон. – Там ты найдешь объект, который необходимо уничтожить. Это будет самая опасная часть всего предприятия.

Шарина снова выпрямилась. Даже в обуви на высокой подошве Дракон был гораздо ниже ее. Он снова уселся и ждал ответа.

– И что это за объект? – как можно равнодушнее спросила девушка.

– Мумифицированное тело, – ответил Дракон. – Мое мумифицированное тело, если быть точным.

В голове у Шарины снова раздался драконий смех. Его пальцы растопырились и снова сжались на блестящей столешнице. Шарина решила, что это какой-то традиционный ритуал.

– Видишь ли, когда-то я был великим волшебником, – сказал Дракон, в его голосе звучали веселые нотки. – Моя мумифицированная плоть сохранила определенную власть над силами, которыми я управлял до того, как расстался с жизнью. Так вот… те, кто пытается использовать мое тело в своих целях, должны помнить…

Игривое настроение Дракона мгновенно испарилось. На лицевых костях рептилии отсутствовали мышцы, ответственные за мимику у млекопитающих, но Шарина вдруг поняла, каким именно взглядом смотрит удав на кролика в последний миг его жизни.

– … что они могут пробудить дух, некогда облеченный в эту плоть.

– И кто же использовал твою мумию? – спросила Шарина. В глубине сознания она тщетно пыталась переварить услышанное, картины опасности сменялись всепоглощающей чернотой неизвестности.

– Маги, – коротко сказал Дракон. Его длинные пальцы беззвучно постукивали по столу: беззвучно, поскольку ни сами они, ни мебель не существовали в материальном мире. – Дураки. – Снова широкая безгубая улыбка. – Они не друзья ни тебе, Шарина, ни твоим друзьям. В этом я могу поклясться.

Дракон снова наклонился вперед.

– Но тебе придется дать ответную клятву, Шарина ос-Рейзе. Если ты возьмешься за эту службу, поклянись своей честью и душой, что не свернешь с пути, не остановишься на

половине дороги, пока не завершишь порученное тебе дело.

– Если ты будешь честен со мной, – медленно и четко проговорила Шарина, – я тоже сохраню верность своему слову. Клянусь в этом Госпожой, Королевой Небес.

– Я видел многое благодаря своему искусству, – задумчиво проговорил Дракон, – но мне так и не довелось лицезреть Божество, которому поклонялся мой собственный народ. Как, впрочем, и ваших, человеческих Богов.

Шарина только покривилась.

– Возможно, я плохо смотрел, – сказал Дракон наконец. Девушке показалось, что она услышала – ощутила? – тень одобрения в его словах. – Так или иначе, я принимаю твою клятву, Шарина ос-Рейзе. Если выживешь, то порадуешься нашей сделке.

У Шарины будто гора с плеч свалилась. Ее унесли прочь от всех и от всего, что она знала. Она очень надеялась, что Дракон вернет ее к тем, кого она любила… но в любом случае у нее снова появилось свое место в мире. Она перестала ощущать себя щепкой на волнах океанов пространства и времени.

Шарина улыбнулась. Вот уж никогда не думала стать слугой доисторического мага, но она точно так же не представляла себя раньше принцессой, окруженной слугами и льстецами. Вслух девушка заметила:

– Что ж, мне доводилось выполнять и менее приятную работу.

– Тогда к делу, – подытожил Дракон. – Сейчас ты выйдешь из здания и пройдешь к арке в конце аллеи – напротив ворот через которые вошла. Там будет трон. В его полом основании найдешь змеиную кожу и золотую брошь.

Изображение Дракона стало нематериальным и волнистым, как твари, появлявшиеся в Вэллисе возле моста; однако по меньшей мере гигантская птица показала себя вполне реальной. Шарина потерла синяк от когтей на левом плече.

– Заберешь змеиную шкуру с собой, – продолжал Дракон. Его безгубый рот двигался в такт словам, но Шарина сомневалась в том, что челюсти рептилии способны были издавать понятные звуки. – Она тебе пригодится, когда доберешься до места. Брошь продашь и этими деньгами будешь пользоваться в пути.

– Продать – в этом селении? – недоверчиво спросила Шарина.

Дракон рассмеялся.

– Для здешнего народа торговля – это то, что ты делаешь, когда у соседа столько же копий, сколько у тебя, – сказал он. – Кроме того, они даже не поймут, что ты имеешь в виду под словом «деньги». Но вот их потомки поднялись, как минимум, на одну ступеньку. Ты продашь брошь на следующей остановке.

Шарина кивнула, ничего не сказав. Ее реплики только замедляли поступление информации, поэтому она решила молчать.

Дракон издал мягкое шипение в знак одобрения.

– Когда достанешь змеиную кожу и брошь, – продолжал его холодный, нечеловеческий голос, – встанешь под аркой и будешь ждать, пока луна достигнет зенита. Как только момент настанет, тебя переместят на следующий уровень.

Шарина попыталась вспомнить, насколько высоко находилась луна, когда она пробралась в убежище. Нахмурившись, она произнесла:

– Осталось недолго.

– Совершенно верно, – согласился Дракон. – После перемещения занимайся делом и жди, пока я не свяжусь с тобой.

– И сколько времени это займет?

– Столько, сколько нужно, – ответил Дракон. – Ступай, Шарина.

Светящаяся призрачная ниша потускнела, рассыпалась на отдельные точки, затем и вовсе исчезла. Может, все это ей только привиделось, так же как и голос? Когда девушка обернулась, ее глаза уже достаточно привыкли к темноте, словно не видели ни малейшего света за последние полчаса. Она смогла разглядеть внутреннюю дверь – прямоугольник лунного света, проникающий в здание через то самое отверстие, которое послужило ей

входом.

Единственный выход… Шарина направилась туда, размышляя, сколько времени займут поиски арки. Луна уже почти достигла зенита, значит, в ее распоряжении оставалось несколько минут.

Проходя мимо статуи в центральной комнате, девушка обратила внимание, что странный запах исчез.

Только теперь, задним числом, подсознание Шарины смогло его определить. Ей припомнилась ранняя весенняя буря в их родной Барке, которая повалила огромный дуб на холме. Вывороченные корни обнажили гнездо зимовавших под ними змей. Там стоял такой же запах.

Глава 10

Теплые солнечные лучи, проникавшие в открытую дверь замка, вернули Кэшела к жизни. Но не совсем… Юноша долго еще лежал, ощущая, как жизненные силы постепенно возвращаются в его тело. Наверное, так же себя чувствует обычная горошина, которую уверенная рука крестьянина вывернула из стручка и бросила в землю, чтобы она проросла на ярком солнышке.

Из окрестных лесов доносилась целая гамма привычных запахов: жизнь там била ключом. Но эти ароматы не проникали в дом Ландура. Окрестный луг и стоявший на нем замок хранили свою стерильную атмосферу. Они жили собственной жизнью, и нельзя сказать, чтобы Кэшел чувствовал себя здесь очень уютно. Во всяком случае, ему не хотелось бы задерживаться в замке надолго.

Улыбка – немного грустная – тронула губы юноши. Такое же чувство возникало у него подле сестры, когда она бывала в дурном настроении. Что, скажем прямо, случалось нередко.

Кэшел немного прошелся туда-сюда: тем неспешным шагом, которым обычно плелся вслед за отарой. Все тело болело. К тому же силой он сейчас вряд ли поспорил бы с новорожденным котенком. Да уж, в лучшие времена он двигался чуток побыстрее. Хотя, откровенно говоря, редко видел надобность в спешке.

Размышляя над всем этим, парень для пробы крутанул посохом перед собой, затем перехватил его на полпути. Посох двигался легко, как вода в мельничном колесе.

Он усмехнулся. Ничего, жить можно. Не такой уж он малахольный котенок!

Растения, в народе называемые «весенним яблоком», ковром устилали землю во дворе. Хотя сейчас, на исходе лета, листья уже начинали увядать, плоды зрели и наливались – там и сям мелькал оранжевый бочок.

Сегодня утром Кэшелу не было нужды торопиться. Ландур уж точно никуда не денется.

Каждый раз столкновение с колдовством – в той или иной форме – дорого обходилось Кэшелу. Вот и сейчас: юноша чувствовал себя так, будто накануне целый день толкал тяжеленную тачку. Возможно, конечно, на сей раз причина его слабости крылась в истории с Ландуром… ну ладно, будем называть вещи своими именами – в убийстве Ландура.

Но и Кольва приложила тут руку – это несомненно. Она при помощи своих мерзких серых щупальцев пыталась высосать из юноши жизненные соки, и похоже, недолгого сна и солнечного света недостаточно, чтоб полностью восстановить утраченное. Кэшел как сейчас помнит: стоит, помахивает своими чертовыми пиявками и плотоядно улыбается, будто ласка над разорванной глоткой цыпленка.

И вот теперь эта тварь гуляет себе по свету, потому что Кэшел освободил ее! Нет смысла закрывать глаза и притворяться, что ничего не произошло.

В верхушках деревьев зашелестело. Здесь, под холмом, ветер почти не чувствовался, но время от времени его порывы ворошили крупную листву огромного старого дуба. Тогда солнечные зайчики плясали по лицу юноши, по калине, разросшейся вдоль тропинки… и на

сердце становилось легче.

Как же его угораздило размозжить голову именно тому парню, к которому Теноктрис послала за помощью? Ужасно жалко… Но, оглядываясь на минувшие события, Кэшел понимал: это неминуемо должно было случиться. Если б Ландур потрудился объяснить ситуацию, а не рявкать на него как на цепного пса… возможно, все сложилось бы по-другому.

Не исключено, правда, что у волшебника не оставалось времени растолковывать, как да почему… Но ведь он долгие годы вел себя подобным неприятным образом. Мог бы и сообразить, что с незнакомцами лучше вести себя повежливее.

Неподалеку от Кэшела раздалось хриплое карканье. Подняв глаза, он увидел старую ворону, сидящую на орешнике: казалось, она о чем-то предостерегает юношу. Под его взглядом ворона тяжело сорвалась с ветки и перелетела подальше, так, что крона дерева оказалась между ней и человеком на земле. Но не замолчала… Ее скрипучее «кар!» напомнило Кэшелу треск мачты, ломающейся во время шторма.

Юноша обогнул березовую рощицу и снова очутился перед массивными бронзовыми воротами в отвесном обрыве. Он замер на месте, инстинктивно выставив перед собой посох.

К своему удивлению, он обнаружил, что тело Ландура изменило местоположение. Куча мелких лесных животных оттащила его подальше от порога и теперь – Пастырь свидетель! – занималась тем, что копала канаву для погребения.

Еноты поспешно юркнули в заросли кустарника, который рос у подножия холма, – так, что Кэшел успел только заметить мельтешение полосатых хвостов. Парочка опоссумов поспешила в том же направлении; третий замешкался, подслеповато моргая на невесть откуда появившегося человека. Мгновение – и он тоже исчез.

Зато кроха белка решила, видимо, отстаивать свою территорию. Распушив хвост и низко наклонив голову, она шипела и тараторила какие-то угрозы на своем, на беличьем наречии. На земле перед ней валялось белое корневище, явно извлеченное из будущей могилы.

– Прочь! – крикнул Кэшел, замахнувшись на грызуна медным наконечником посоха. – Кыш отсюда!

Белка подскочила на месте, спружинив на задних лапках. Ей-богу, Кэшел не помнил, чтобы кто-то так злился на него. Время от времени такое случалось: живые существа пытались напасть на него, но причина крылась не в каких-то поступках парня, а в том беспорядке, что царил в их головах.

Ну ладно, ладно… На сей раз он виноват. Он убил Ландура.

Не сводя глаз с белки, Кэшел присел на корточки и нащупал камень в сырой глинистой почве. Белки – смышленые, хоть и маленькие, твари… и с зубами их шутки плохи. Если бы он попытался отпихнуть ее своим посохом, то она наверняка кинулась бы вверх по деревяшке к его горлу. А вкладывать силу в удар Кэшел не решался: ему не хотелось убивать существо из этого мира, которое, возможно, по-своему было право.

Хотя он по-прежнему не понимал, что он мог сделать, когда Ландур наседал на него со своим мечом?

Юноша осторожно поднял кулак с камнем.

– Пошла прочь отсюда! – шикнул он на грызуна. Последнее предупреждение… и весьма серьезное. С такого расстояния Кэшел вряд ли промахнется.

То ли белка вняла его словам, то ли у нее просто кончился запал – но она метнулась в сторону и в мгновение ока вскарабкалась на верхушку соседнего кизила. Какое-то время она раскачивалась на ветвях и поливала бранью подлого врага. Затем скрылась в листве, подобно остальным лесным жителям, занятым своими важными и шумными делами.

Кэшел поморщился. «Сделанного не воротишь», – подумал он. Он еще раз посмотрел на кучки земли, насыпанные животными. Затем, обойдя кругом, присел над трупом Ландура, чтобы хоть рассмотреть его как следует.

Вообще говоря, трудно выглядеть достойно с проломленным черепом. Но тем не менее

юноша не мог не отметить волевой подбородок и сильные плечи покойника. И при этом такое нелепое одеяние! Беленая туника исключительно неудобна в повседневной носке: любая грязь бросается в глаза, как грозовое облако на чистом небе. А о толстом парчовом переднике с золотой вышивкой и говорить не стоит.

Кэшел по-прежнему не мог придумать, что же ему делать. Может, перенести Ландура поближе к дому и похоронить на склоне холма? Или же закончить могилу, которую начали рыть лесные звери? Кстати, лопата бы не помешала. В замке юноша не видел никаких инструментов, но не исключено, что за домом имеются надворные постройки. Надо бы посмотреть.

Занимая себя текущими проблемами, Кэшел старательно отодвигал глобальные вопросы, неминуемо возникавшие в его ситуации. Теперь, когда по его вине погиб единственный человек, на чью помощь он мог рассчитывать, юноша не представлял себе, как разыскать Шарину. И – если на то пошло – как вообще выбраться из этого времени и пространства?

Ну ладно… раз уж он собирается в дом за лопатой, почему бы не захватить с собой тело Ландура? Если потом он все же решит доделать эту могилу, то всегда можно принести его обратно.

Кэшел положил свой посох на землю и принялся просовывать его под труп. С момента смерти прошло уже достаточно времени, чтобы окоченение прошло и мышцы стали дряблыми, как мокрая шерсть. Сейчас юноша поднимет свой посох и…

– И что теперь? – раздался визгливый голосок. – Ты уже выпустил на свободу монстра и убил хранителя. Может, теперь ты планируешь сожрать его тело, чтоб достойно завершить начатое?

Кэшел резко отпрыгнул, развернувшись в воздухе и вскинув посох поперек груди.

Ему показалось, что кто-то подкрался к нему сзади. Но там никого не было.

– Ловко, – одобрил голосок. – Не собираешься ли показать номер с тарелкой на носу в следующем отделении?

Кэшел снова развернулся. Вгляделся в открытые ворота: не там ли прячется остряк-невидимка? Внутрь холма вел длинный коридор, но он был пуст, насколько позволял видеть проникавший солнечный свет. К тому же, если б человек разговаривал в туннеле, неминуемо возникло бы эхо. Голос же, который слышал Кэшел, скорее, верещал, как цикада.

Юноша обернулся в сторону леса.

– Кто это говорит? – крикнул он. Тело само заняло боевую стойку: ноги на ширине плеч, пальцы зарылись поглубже в землю, чтоб обеспечить устойчивость при работе с посохом.

– Ну, давай рассмотрим возможные варианты, – пропищал голосок. Он шел из-под ног Кэшела. – Что мы имеем? Прежде всего Ландур… но боюсь, у него будут большие сложности с устной речью. Трудно, знаешь ли, разговаривать, когда твоя верхняя челюсть раздроблена на двадцать кусочков. Не говоря уж о том, что мозги вытекли наружу.

Юноша опустился на колени, наклонившись к правой руке мага. Кусок грязи, который налепила Кольва поверх кольца, отвалился – очевидно, когда тело переворачивали.

– Далее… можно предположить, что ты разговариваешь сам с собой, – продолжал зловредный голос. – Лично меня бы это нисколько не удивило. Но сильно сомневаюсь, чтоб ты произнес нечто столь же умное. Ну и наконец…

Кэшел повернул к себе кольцо, чтобы рассмотреть камень. Он оказался просто огромным – величиной с утиное яйцо. К тому же не граненный, как обычно, а гладко отполированный. В глубине черно-лилового камня мерцала звезда: пять светящихся черточек, будто схематический человечек на детском рисунке – «палка, палка, огуречек…»

– … остаюсь я – Криас, демон кольца, – завершил свою тираду голос. Кэшел почувствовал, что кольцо вибрировало под его пальцем, как горлышко поющей птицы. – Ну, и каков правильный ответ? Давай договоримся, я тебе я даю три попытки…

Юноша снял кольцо с пальца мертвеца и повернул его так, чтобы свет падал прямо на

оправу. Он определил камень как сапфир, но такой темный, что вряд ли его оценили бы карточные шулеры, которые как воронье налетают в Барку на Овечью Ярмарку. Им требовались яркие, блестящие драгоценности, способные приковать взгляд жертвы и отвлечь ее от их проделок.

Туманная звезда в глубине камня изменила свои очертания: теперь она напоминала человечка, который стоял подбоченясь.

– Ну так? – требовательно произнесло кольцо.

– Доброе утро, мастер Криас, – вежливо поздоровался Кэшел. – Я чужак в этих местах и очень надеюсь, что вы поможете мне своим советом.

* * *

Мастер Копрату, главный служащий Управления Флотом, стоял слева от Гаррика и вместе с другими сановниками наблюдал за маневрами военных кораблей, проводившимися на реке.

– Ваше Высочество, – обратился он, – поверьте, это ошибочное решение! И опасное для Королевства.

С другой стороны голос лорда Валдрона прорычал:

– Сестра забери всю эту затею с солдатами на веслах! Для защиты Королевства нам нужны настоящие солдаты, а не гребцы со своими деревяшками – и не шайка ремесленников и городских бездельников!

– Наверное, впервые в жизни эти двое пришли к согласию – расплылся в улыбке король Карус, – но не обольщайся: такая идиллия ненадолго.

– Да по-моему, они в неплохой форме, Копрату, – мягко возразил Гаррик, стараясь не слишком демонстрировать собственное удовлетворение. – Гребут достаточно ровно, а выносливость появится со временем.

Маневры проводились в естественной запруде ниже Вэллиса, которая регулярно образовывалась, когда избыточная масса ила закупоривала нормальный отток воды из Белтис во Внутреннее Море. Сегодня показывала себя первая эскадра Королевского флота – десять трирем, укомплектованных копейщиками из новой фаланги.

Озерцо получилось достаточно глубоким для проходки военных кораблей с полной загрузкой и достаточно широким, чтобы учения эскадры не создавали угрозы – вернее сказать, серьезной угрозы – для торговых судов. Но исходили из того, что подобная тренировка в ограниченном водоеме не столь опасна для новоявленных моряков, как в открытом море. Ведь эти люди раньше не форсировали большего водного пространства, чем лужа перед собственным домом.

– Но, Ваше Высочество, большинство этих парней даже не поднимались на палубу до того, как вы их ангажировали в качестве гребцов! – возмутился Копрату, будто читая мысли Гаррика. Факты те же, оценки разные.

Во времена восстания адмирала Ниткера Копрату исполнял обязанности интенданта при Военно-морском арсенале в Вэллисе, хотя носил гордое звание Главы Арсенала – привилегия аристократа. Большая часть бюрократического аппарата флота была упразднена, когда подразделения королевы захватили морскую базу на маленьком островке Эшкол неподалеку от устья Белтис. Гаррик назначил Копрату ответственным за снабжение своего флота. Почти все корабли уцелели в ходе мятежа, но вот кадры пришлось полностью реорганизовывать.

– Честно говоря, гораздо больше их прошлого меня волнуют нынешние достижения, – заметил Гаррик. – А они, на мой взгляд, совсем не плохи – после двухмесячных тренировок.

Лорд Зеттин, в прошлом Кровавый Орел, ныне, несмотря на яростные протесты со стороны Валдрона, возведенный в звание адмирала флота, должно быть, заметил Гаррика на наблюдательном пункте. Эскадра разбилась на две половины, которые остановились друг

против друга. С флагмана раздался сложный сигнал: два долгих гудка трубы в сопровождении бряцания цимбал.

– Спаси нас Госпожа! – взвыл Копрату. – Этот титулованный идиот собирается потопить себя и все корабельное оснащение, за которое я отвечаю!

– Господин Копрату, следите за своим языком! – достаточно громко сделал ему замечание Гаррик. На самом деле он вовсе не являлся таким уж поборником вежливости. Просто знал: если сейчас он не одернет простолюдина, то это сделает лорд Валдрон – но уже кулаком… если не мечом. На Зеттина главнокомандующему наплевать, но вот к чести аристократов он относится очень трепетно.

Перестраивая армию, Гаррик взял за образец фаланги гребцов короля Каруса. Они формировались из бывших крестьян и горожан, способных подвести гребное судно к мятежному острову. Затем, предполагалось, они высаживаются на берег, вооруженные легкими щитами и двадцатифутовыми копьями. Такая фаланга могла каменной стеной противостоять кавалерии и прорвать строй вражеской пехоты, как шило сапожника протыкает кожаную подошву.

Но все это – при условии изрядной тренировки. В противном случае фаланга становилась опасно громоздкой, не способной отразить атаку с фланга – разве что удариться в паническое бегство. Это вовсе не означало отказа от самой идеи, просто возрастало значение усиленных тренировок.

И сейчас – с подачи адмирала Зеттина – происходило именно это. Гаррик нахмурился. Нет, Зеттин отнюдь не идиот, хотя со стороны могло так показаться. Сейчас он приказал своим кораблям провести сквозной прорыв.

Обе шеренги из пяти трирем попарно двинулись навстречу друг другу.

Если происходит лобовое столкновение – нос в нос, то оба корабля обречены на потопление. При сквозном же прорыве рулевой так направляет судно, чтобы оно прошло бок о бок с вражеским. В последний момент гребцы по команде втягивают свои весла внутрь корпуса и проезжают носом по весельному ряду противника, круша его. Сила удара заставляет вальки весел беспорядочно дергаться, ломая руки-ноги несчастных вражеских гребцов, пробивая груди и, таким образом, окончательно выводя из строя пораженный корабль. Вот такой вот маневр.

Выигрыш обеспечен… но только при условии, что ваши собственные гребцы успели вовремя убрать весла. Если же нет, помоги им Госпожа! – то их положение ничуть не лучше, чем у врагов.

В настоящий момент десять трирем шли навстречу друг другу, разгоняясь до таранной скорости. Предельная скорость используется только для маневрирования, поскольку слишком стремительный удар сокрушил бы всмятку не только корпус жертвы, но и самого атакующего. В данном же случае скорость сближения удваивалась за счет встречного движения с обеих сторон. Во всяком случае, расстояние между обеими шеренгами сокращалось угрожающе быстро.

Снова застрекотали цимбалы. Какое-то время – очень недолгое – Гаррик слышал только шипение воды, которую рассекали гибкие корпусы трирем. А затем…

Затрещало дерево, раздались крики. Два судна после удара изменили направления движения и плыли теперь в стороны под непонятным углом. Люди продолжали кричать.

Лорд Валдрон метался, проклиная все на свете. Мастер Копрату стонал о поломанных веслах – не менее полудюжины на одной из трирем! Остальные советники составляли безымянный хор: кто ахнул, кто гикнул – в зависимости от того, с каким чувством смотрел этот грандиозный спектакль.

Гаррик порадовался, что Лиэйн осталась во дворце присутствовать при передаче дел помощников лорда Тадая кабинету Птерлиона, нового казначея. Уж ей-то лучше других известно, какая мясорубка творится в трюме замешкавшегося корабля.

Карус, наблюдавший представление глазами Гаррика, вынес свой вердикт.

– Не так уж плохо, – раздался его одобрительный шепот в голове юноши. – Они

умудрились разойтись.

Но там погибли люди, – едва слышно пробормотал Гаррик.

На что король пожал плечами и возразил:

– Что поделать, приходится выбирать: потерять нескольких в учении или же всю армию в первом же реальном бою. Поздравляю – ты обрел отличного командующего в лице Зеттина.

– Сомневаюсь, что вам удастся сделать моряков из этого сброда, – прорычал Валдрон. – А также готов поклясться своим честным именем, что и солдаты из них никудышные!

– Возражаю, милорд, – проговорил Аттапер, вежливо, но непреклонно. Его семья была не менее знатной, чем валдроновская… хотя по части богатства – тот мог купить его с потрохами. Оба аристократа старались прилюдно не давать волю чувствам, но ни за что на свете не собирались уступать друг другу. – Не могу сказать, каковы наши парни в индивидуальном бою… их ведь этому и не обучали, в конце концов. Но построй ребят плечом к плечу в каре – и они будут стоять прочнее Таможенной Башни.

– Если мы мечтаем, чтобы Орнифол объединил вокруг себя все Острова, – произнес Гаррик, – то мы должны убедить в этом остальных правителей. Если надо – то и силой.

– Мы же разбили герцога Сандракканского возле Каменной Стены и посадили на трон короля Валенса! – огрызнулся Валдрон. – Но тогда мы использовали настоящих солдат – землевладельцев, а не какую-то шушеру, не имеющую даже возможности оплатить собственные копья и щиты!

– О да! – с горечью подтвердил Гаррик. Его устами сейчас говорил король Карус, и все силы юноши уходили на то, чтоб удержать руку подальше от рукояти меча. – А вы помните, Валдрон, как королевские солдаты дружно валялись на палубе корабля, перевозившего их, и выблевывали собственные кишки? А теперь скажите мне: насколько близки вы были к тому, что Валенс лишится головы, а Королем Островов станет герцог Сандракканский? Не чересчур ли?

– Что?! – взревел Валдрон, сжимая кулаки. Кровавые Орлы, до того благоразумно державшиеся в сторонке и присматривавшие за публикой, придвинулись ближе. Лорд Аттапер начал поспешно расстегивать пряжку плаща, который намеревался намотать на левую руку в качестве щита.

Валдрон резко отвернулся и в сердцах двинул слугу, стоявшего наготове с подносом. На нем лежали накрытые кисеей марципаны – на тот случай, если кто-то из аристократов проголодается. Парень взвизгнул и отскочил назад, но поднос из рук не выпустил.

– Лорд Валдрон, – произнес Гаррик, стараясь унять гневную дрожь. Он злился на своего несносного предка и на себя самого за то, что дал ему волю. – Прошу простить мой тон. Я продолжаю настаивать на правильности своего плана – строить боевой порядок нашей армии на основе фаланг гребцов, но это ни в коей мере меня не извиняет. Поверьте, я не имел намерения оскорбить вас. Ведь это ваши войска сражались и выстояли у Каменной Стены.

– Прости, парень, – прошептал Карус. – Я тебя больше не подведу.

Валдрон кивнул не оборачиваясь – видать, гнев все еще кипел в его душе.

– Мальчишка! Ты еще не родился, когда мы сражались у Каменной Стены, – пророкотал он. Затем, взяв себя в руки, продолжал: – Я лично командовал нашим левым флангом, и вот, что я скажу вам, принц Гаррик…

Он наконец обернулся к собеседнику, растянув губы в принужденной улыбке.

– Упаси нас Госпожа! Я по-прежнему уверен, что вам лучше использовать йоменов, а не каких-то подонков… Но тем не менее я поклялся служить вам! Королевство не переживет еще одну такую битву, как при Каменной Стене. Что уж скрывать, оно и в той-то еле выжило… Тут вы правы.

Гаррик сделал два шага, отделявшие его от лорда Валдрона, и пожал ему руку. Ройяс и Аттапер посторонились с непроницаемыми лицами.

– Я планирую усилить пехоту на кораблях, чтобы защищать гребцов с флангов, –

сообщил Гаррик все еще подрагивающим голосом. – Один набор весел и двойная команда копейщиков, которые гребут по очереди. А также третий ряд лавок для ваших йоменов из Северного Округа. Но на сегодняшний день копейщик стоит казне дешевле: одна серебряная «госпожа» в день против двух для тяжелого пехотинца.

Валдрон с пониманием кивнул, хотя брови еще продолжали хмуриться. Мужчины отступили в сторону – оба, очевидно, довольные, что размолвка разрешилась таким образом.

А он неглуп, – признал Карус, оценивающе глядя на Валдрона глазами Гаррика, – больше, чем просто честный генерал. И, хотя видит преимущества твоего принципа – когда переброска войска не зависит от попутного ветра, он не может смириться с переменами. Его пугает их скоротечность. Правда, слово «испуг» не слишком ему подходит.

– До сих пор мы обеспечивали себя за счет сокровищ, секвестрированных королевой, – произнес Ройяс, подчеркнуто обозревавший перемещение судов на реке – лишь бы не смотреть на Гаррика с Валдроном. – Но это не может продолжаться вечно.

Придя к власти, Гаррик вернул частично конфискованные богатства их владельцам или наследникам, если таковые объявились. Но в большинстве случаев источник королевских сокровищ установить не удалось. Или же – как вариант – они принадлежали раньше семействам, бесследно сгинувшим в водовороте королевской жестокости. В подобных случаях деньги шли на покрытие правительственных расходов.

– В этом нет нужды, Ройяс, – раздраженно вмешался Птерлион. Замечание канцлера по сути являлось камешком в огород казначейства, к чему Птерлион относился очень ревниво. Примерно так зажиточный хозяин реагирует на попытку вторжения со стороны соседей. – У нас нет проблем с поступлением налогов и, по моей оценке, не ожидается в будущем.

– Тем более теперь, когда Королевская армия превратилась в серьезную силу, – с зловещей улыбкой поддержал его Аттапер.

Гаррик бросил взгляд на командира Кровавых Орлов. Он относился к нему с симпатией и уважением, но тем не менее…

– Лорд Аттапер, – сказал принц, – мой предок Карус тоже полагал, что меч в руке обеспечит ему всеобщее повиновение. Если бы он сейчас стоял перед вами… – и юноша улыбнулся улыбкой короля Каруса. – то сам бы засвидетельствовал, что его убеждение оказалось ошибочным. Солдаты не должны превращаться в сборщиков налогов.

Снова пауза и широкая улыбка.

– Хотя такая ситуация не исключается. Подчас вид марширующих полков склоняет население к уплате налогов.

Тем временем эскадра на воде перестраивалась. Снова прозвучал сигнал трубы, и десять трирем двинулись навстречу друг другу. Сзади всех тащилось судно с поврежденными веслами и пострадавшими гребцами на палубе.

– Сестра забери меня! – вскричал Копрату. – Он собирается повторить маневр!

Лорд Валдрон неожиданно рассмеялся.

– Вот уж не хотел бы служить под началом твоего дружка Аттапер, – сказал он. – Но вот пойти в бой рядом с таким храбрецом я бы не отказался.

С едва заметной улыбкой Аттапер кивнул этому почти извинению соперника. Во всяком случае, ближе к извинениям господин канцлер еще никогда не подходил.

– Королевству всегда нужны смелые люди, Валдрон, – вслух заметил он. – Вот только надеюсь, смелость Зеттина не перерастет в опрометчивость.

На этот раз корабли справились со своей задачей. Все гребцы вовремя убрали весла, да и рулевые проводили триремы не так близко друг от друга, как в первый раз.

– Да уж, лучше потерять несколько человек в учениях, – произнес Гаррик с кривой усмешкой, понятной лишь тому, кого он сейчас цитировал, – чем целый флот, когда он попробует провести маневр в реальном сражении.

Аттапер и Валдрон странно посмотрели на него. Оба они умели быть жесткими, если надо, однако такая прагматичность молодого человека, похоже, их покоробила.

Трубы Зеттина, сопровождаемые перестуком цимбал, протрубили сигнал «Внимание!»

Триремы выстроились в ряд за своим флагманом и направились вверх по реке в закрытый эллинг. С мерно работающих весел серебряными ручейками стекала вода.

– Через несколько месяцев, – пообещал Гаррик – еще до конца судоходного сезона, я со своим новым Королевским Флотом нанесу дружеский визит на Сандраккан и Блэйз. Если, конечно, позволит Госпожа и не воспрепятствуют превратности судьбы.

– Необходимо учитывать, Ваше Высочество, что Вилдальф и Лердок тоже могут усилить свои вооруженные силы, – предостерег Аттапер. В отличие от остальных советников, которые в частных беседах называли принца по имени кстати, с его полного одобрения, – командир Кровавых Орлов всегда пользовался официальным обращением.

– Вполне возможно, – вступил в дискуссию Ройяс на правах канцлера Королевства Островов. Наверное, только он и Гаррик рассматривали будущее государства в таком ракурсе. Остальные члены Совета являлись прежде всего орнифольскими аристократами – и таковыми оставались. В тех редких случаях, когда они вообще задумывались о судьбах Королевства, им рисовалась картина расширения влияния их родного Орнифола. – Так вы говорите, через неделю, лорд Валдрон?

Старый вояка фыркнул.

– Ополчение из аристократических домов – по крайней мере, от половины из них – соберется за две недели. Остальные могут телепаться и два месяца… если вообще решатся присоединиться. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

Он криво усмехнулся. Очевидно, припомнил борьбу, которую ему пришлось выдержать, чтобы получить поддержку от северных землевладельцев в то время как гарнизон в Эрдине противостоял возвращению королевы.

– Что касается местной милиции, то я бы назвал сроки… где-то от месяца до бесконечности. Да и то использовать их можно лишь в качестве застрельщиков в цепи.

– Мы строим Королевство для каждого нашего гражданина, – задумчиво произнес Гаррик, оборачиваясь к Валдрону. Он очень хотел бы, чтоб в его голосе звучало уважение ко всем гражданам государства, независимо от их классовой принадлежности. – Лердок и Вилдальф хотят идти собственным путем, но тем труднее им найти взаимопонимание с собственными аристократами.

– Многие местные землевладельцы скорее предпочли бы видеть сильного короля в Вэллисе, – заметил король Карус, – или, возможно, снова в Каркозе… чем дать своему собственному барону всю полноту власти, о которой тот мечтает. И в этом они правы!

Триремы скрылись из виду в канале, который вел в Военно-морской арсенал. Гаррик вздохнул: пора было возвращаться во дворец… Но так хотелось продлить последние мгновения относительной свободы.

Сопровождавшая его знать начала рассаживаться по своим экипажам. Кареты стояли у края дроги: кучера на козлах придерживали лошадей, форейторы надраивали медные детали или отряхивали кожаные сиденья. Гаррик предпочел отправиться верхом с Птерлионом, чтобы разузнать, как парень, дальний родственник Тадая – чувствует себя в новой должности. А заодно продемонстрировать Ройясу, что новый казначей является полноправным членом Королевского Совета. Это решение подсказала ему Лиэйн – как и многое другое что помогало преодолеть ловушки и тупики политической жизни.

Лошади Кровавых Орлов паслись неподалеку. Обычно кавалерия передвигалась пешком, лишь каждый пятый ехал верхом. Охранники считали себя скорее пехотой, временно посаженной на коней, чем кавалерией. Посему они держали конюхов для ухода за лошадьми, чтобы не отвлекаться от задачи защищать принца своими мечами и своими жизнями.

– Я обещал Лиэйн вернуться до полудня, чтобы просмотреть ходатайства, – громко объявил Гаррик. – Время уже поджимает. Так что, Ройяс, если вы не возражаете, я бы отправился верхом…

На дороге, ведущей из города, показался элегантный экипаж, запряженный парой мулов. Единственное, что отличало его от выездов обычных лавочников, был усиленный

эскорт: четверо Кровавых Орлов скакали впереди и еще четверо – сзади.

– О, Госпожа смилостивилась надо мной! – воскликнул Гаррик. – Лиэйн сама едет сюда!

А с ней и Теноктрис на заднем сиденье, как удалось разглядеть юноше. Его советники замешкались, оглядываясь на приближавшийся экипаж.

Искусством править лошадьми обычно владели профессиональные возничие или отпрыски богатых семейств. Лиэйн приобрела эти навыки в сандракканских поместьях своего отца, который был состоятельным землевладельцем до того, как из-за чародейства впал в немилость и разорился. Теперь, когда возможность посидеть на козлах снова представилась, Девушка с удовольствием предавалась любимому занятию. И делала это с известным щегольством. Теноктрис слегка поморщилась, когда Лиэйн лихо форсировала мощеную канаву, проходившую вдоль дороги.

– Господа, мастер Копрату, – обратился к советникам Гаррик. – Полагаю, наши дела здесь окончены. Я планировал разделить с вами обратное путешествие, Ройяс, но, похоже, возникли новые обстоятельства.

– Сожалею, что не удастся обсудить с вами проблему налоговых инспекторов в округах, Ваше Высочество, – откликнулся канцлер. Он улыбался, но на лицо легла тень тревоги. – Но не смею конкурировать с такой приятной компанией, как леди Лиэйн.

Махнув на прощание советникам, Гаррик сам направился к вновь прибывшему экипажу, вместо того чтобы предоставить девушке разбираться с оцеплением из Кровавых Орлов. Эти парни слишком буквально воспринимали свои обязанности охранников. А впрочем, кто бы их упрекнул – принимая во внимание, что один из Повелителей Островов в прошлом был убит собственной матерью.

Гаррик пожал руку Лиэйн, затем перемахнув через дверцу кареты, уселся на заднем сиденье за спиной женщин, расположившихся впереди.

– Во дворец? – спросил он, разворачиваясь так, чтобы сидеть боком. Склонился, дабы лучше видеть своих спутниц.

– Если у тебя больше нет дел здесь, – ответила Лиэйн, прицокнув на мулов. Она легонько коснулась кнутом уха одного из животных, и они тронулись с места.

Кровавые Орлы, сопровождавшие экипаж, поскакали сзади и спереди. Те, что отвечали за охрану принца, пристроились по бокам. Гаррик подумал было попросить девушку ехать помедленнее, но вспомнил, что быстрая езда – одна из немногих вещей, которая помогала ей по-настоящему расслабиться.

– Я хотел посмотреть, как идет подготовка новых команд, – крикнул юноша, стараясь перекрыть грохот металлических ободов по каменному покрытию. Его нещадно трясло на заднем сиденье. Теноктрис предложила ему поменяться местами, но, несомненно, пожилая женщина больше нуждалась в комфорте, чем он – молодой, здоровый парень. – А также хотелось, чтоб это увидели мои советники. По традиции команды кораблей набирались из профессиональных рыбаков и барочников. Так что требуется время, чтобы орнифольские аристократы привыкли к новой концепции – укомплектовывать триремы трудягами.

– Так они не моряки? – удивилась Теноктрис. Как правило, волшебницу мало занимали тонкости управления королевством. Но, обладая пытливым умом, она живо интересовалась всем, что носило характер загадки или парадокса.

– Изначально нет, – ответил Гаррик. – Но эти люди привыкли много трудиться и преодолевать тяготы жизни. Будет только справедливо продемонстрировать последним беднякам – поденным рабочим с Орнифола и из сельской глубинки, что они тоже могут служить на благо отечества.

Юноша уселся поудобнее, держась за поручни с обеих сторон, поскольку Лиэйн перешла на галоп. Она щелкала кнутом над головами мулов – не касаясь, но достаточно выразительно, чтоб не давать им расслабляться. Каждый щелчок – хлобысть! – заставлял животных прядать ушами.

– Теноктрис временно зашла в тупик в своих поисках, – сообщила девушка, кивнув в

сторону волшебницы – все, что она могла себе позволить во время управления экипажем.

– Увы, – подтвердила Теноктрис, обернувшись к Гаррику, но продолжая обеими руками держаться за скамью. – Мне не удалось преодолеть барьеры, отделяющие меня от того измерения, откуда протянулся – призрачный мост. Для этого требуется больше силы, чем у меня имеется. Или более искусные приспособления. Сегодня вечером я собираюсь навестить одного волшебника по имени Альман, у которого есть магический кристалл. Это тоже нелегкое дело, но надеюсь, сам мост облегчит мне выполнение задачи.

– А я намереваюсь сопровождать Теноктрис, чтоб нести ее инструменты, – добавила Лиэйн, намеренно не глядя на юношу. – Но сначала, конечно, мы с тобой просмотрим все петиции.

Гаррик рассмеялся. Они достигли окраин Вэллиса с его оживленным уличным движением. Здесь даже эскорт Кровавых Орлов не спасал – хочешь не хочешь, Лиэйн пришлось сбросить скорость. Чему Гаррик был очень рад.

– Конечно же, я пойду с вами, – с готовностью ответил он на невысказанный вопрос.

– Но ты же занят, – возразила Теноктрис. – А нам не грозит никакая опасность. Ты знаешь, Гаррик: я доверяю тебе, как немногим… Но мне известно, что у тебя есть более важные обязанности.

– Быть королем – моя главная обязанность, – сказал юноша. – Но если я лишусь возможности время от времени чувствовать себя просто Гарриком ор-Рейзе, то стухну как прошлогоднее яйцо.

Он положил руки на плечи обеих женщин, и они все вместе рассмеялись. Король же Карус – еще менее Гаррика склонный к утомительным государственным обязанностям – гулко расхохотался в его сознании.

* * *

Илна стояла на корме и глядела через перила на прибрежные водоросли и цветных рыбок, плещущихся за бортом. На обоих кораблях царила суматоха: пассажиры складывали вещи, которые собирались взять на берег, и покрикивали на слуг. Они бранили их за неловкость, глупость или просто чтобы излить усталость от тягот путешествия. Аристократы любят срывать зло на слугах.

– Что-то не так, Илна? – спросила Мерота с выражением тревоги на лице. Весь день девочка была оживленной, веселилась, разглядывая незнакомых птиц и рыбок.

– Пожалуй, ты права, малышка: что-то не так с окружающим миром, – горько рассмеялась девушка. – Но это старая проблема, и тебя она напрямую не касается.

Илна снова грустно усмехнулась, но уже куда веселее, чем минуту назад. По большому счету ее эта проблема тоже не касалась. Никто не имел права портить настроение Илне ос-Кенсет.

Капитан Нейрал прохлаждался под вышитым навесом посреди палубы в обществе лорда Тадая и его ближайших помощников. Когда Вонкуло объявил о своем намерении пристать к острову, номинальному капитану потребовалось не меньше минуты, чтобы покинуть приятных собеседников и вернуться на корму.

– Надеюсь, это ненадолго, Вонкуло? – спросил Нейрал, приближаясь к своему шкиперу. – Мы сможем сегодня же продолжить плавание? До вечера еще далеко, и погода держится отличная.

– Думаю, лучше переночевать на берегу, милорд, – ответил Вонкуло. – У нас будут дрова для костров и твердая земля под ногами, чтобы разбить ваши шатры. К тому же я вовсе не так уверен насчет погоды… Хотя, конечно же, с вами, Ваша светлость, мне не сравниться по части составления прогнозов.

Он говорил ровным тоном, всего лишь с легким оттенком насмешки. Точно так же, со злостью припомнила Илна, как сам Нейрал вел себя с ней во время обсуждения угрозы

мятежа на судне.

– Что, в самом деле надвигается шторм? – шепотом спросила Мерота у девушки.

Корма была достаточно узкой, и большую часть места занимал рулевой. Он управлял рычагом, который приводил в действие румпели обоих ведущих весел. Офицеры стояли так близко, что Илна при желании могла бы их коснуться. Правда, они были так заняты своим разговором и взаимными претензиями друг к другу, что едва ли замечали женщин или еще кого-нибудь.

Илна бросила взгляд на небо – безукоризненно чистое, если не считать нескольких перистых облачков в вышине. Любой фермер, не говоря уж о таком опытном мореходе, как Вонкуло, скажет, что в ближайшие пару дней ждать шторма не приходилось.

– Нет, конечно нет, – ответила девушка.

С носа триремы за офицерами наблюдал Мастин, на лице его застыла злорадная улыбка. В руках он держал канат со стоп-анкером, который придерживал судно на месте, пока шкипер не решит окончательно вопрос о высадке на берег. «Разрушитель» покачивался на волнах в пределах видимости. На его корме и носу работали четыре весла – ленивыми хлопками они удерживали судно от неизбежного дрейфа по течению.

– Сестра забери тебя, мужик! – возмутился Нейрал. – Сколько еще мы будем телепаться туда-сюда, а? Я так понимаю, что мы могли – и особо не напрягаясь – в три дня доплыть до Эрдина! Так же, как ты ведешь судно, нам потребуется по меньшей мере неделя!

– Возможно, ученые джентльмены в Вэллисе и наплели вам что-то о трехдневном плавании, милорд, – издевательски процедил Вонкуло, глядя сверху вниз на капитана. – Те самые, которые рассчитали наше продвижение на корабле всего с одной гребной банкой, к тому же перегруженном, как священник после храмового праздника! Но любой бывалый моряк скажет вам, что течения в это время года отнюдь не благоприятствуют плаванию.

Илна прищурилась: совершенно очевидно, что Вонкуло врет! Обладая минимальными знаниями о ветрах и течениях, девушка тем не менее очень хорошо ощущала лживость этих слов. Несчастный Нейрал, похоже, знал о шкиперском деле не больше Илны, но вдобавок гнев начисто лишил его возможности рассуждать и понимать. Да уж, капитан «Ужаса» вряд ли стал бы победителем соревнования современных мыслителей!

Сейчас он вспыхнул, как спичка.

– Ну так вот, парень! Знаешь, что я д-думаю? – прокричал он, заикаясь от гнева, – Я д-думаю, что ты… ты д-далеко не так хорош, Вонкуло! И п-поэтому мы так долго болтаемся по волнам на этой чертовой п-посудине!

Вонкуло скрестил руки на груди.

– Что ж, милорд, никто не мешает вам меня заменить, – холодно произнес он. – Возможно, сами вы куда лучше справитесь с обязанностями шкипера на корабле. Я вам высказал свое мнение, но если вы предпочитаете оставить его без внимания – это дело Вашей светлости.

Мерота смотрела на парящих в небе фрегатов, но ее маленькая рука намертво вцепилась в старшую подругу. Илна тоже находила прекрасными этих птиц – могучие крылья, красные шейки, но она-то знала: девочка следит за ними, просто чтобы не глядеть на происходящее на палубе. Слишком пугала ее разгоревшаяся ссора.

Лорд Тадай поднялся со своей скамейки и тоже направился на корму. Его сопровождали пятеро Кровавых Орлов во главе с Роубосом. Хотя они старались передвигаться осторожно, вес семерых мужчин заставил здорово накрениться легкое судно. Лицо Тадая немедленно приняло зеленоватый оттенок, двое из его телохранителей были не в лучшем состоянии.

– Что случилось? – спросил посол. – Мы высаживаемся или нет?

– Я считаю, что нам лучше не прерывать плавания, – разгневанно отвечал Нейрал. – По крайней мере в дневное время. Иначе мы никогда не доберемся до Эрдина!

– Желание капитана закон, – угрюмо произнес Вонкуло, все так же стоя со скрещенными на груди руками. – Если капитан потребует, я, конечно же, буквально исполню

его волю, даже если это чревато пробоиной и потоплением корабля со всеми пассажирами!

Тадай, страдавший от морской болезни, видимо, не имел желания вникать в частности.

– Я вас умоляю, Нейрал! – махнул он рукой. – Чем вам не нравится этот остров? Он всяко лучше того, где мы заночевали вчера. Не говоря уж о том, что я согласен на любое место, лишь бы не качало!

Капитан в бессильной ярости сжал кулак, хотя так и осталось невыясненным: на кого или на что он хотел его обрушить. Несомненно, его разозлил тот факт, что Тадай принял сторону непослушного шкипера. Но сам Вонкуло, корабль и то, как складывались обстоятельства, бесили капитана не меньше.

Илна оглядела остров глазами опытного путешественника – более опытного, чем хотелось бы, к тому же, обладающего изрядной наблюдательностью. Даже сейчас, когда прилив набирал силу, остров поднимался на дюжину футов над уровнем моря. Крупные деревья на нем отсутствовали, но каждая пядь земли заросла береговой иргой и остролистом. Пенящийся прибой позволял разглядеть обломки скал вместо приятного песчаного пляжа или хотя бы узкой полосы гальки, как у них в Барке.

Ну что ж, если удастся причалить, у них, по крайней мере, будет твердая почва под ногами на ночь. На вид остров казался необитаемым, что, скорее всего, означало отсутствие запасов пресной воды.

– Ну хорошо, – согласился Нейрал, – давайте сделаем остановку. Подводите корабль к берегу и… – Он оглянулся на вторую трирему, которую ветер подогнал еще ближе, хотя усилиями гребцов ее удавалось держать на прежнем курсе, – подайте сигнал причаливать капитану Перра.

– У меня предложение, милорд, – быстро проговорил Вонкуло. Он явно испытывал облегчение, переспорив капитана: в голосе теперь вместо раздражения слышалось радостное возбуждение. – Чтобы не посадить триремы на мель, придержим их здесь, пока пассажиры будут высаживаться на берег, затем отойдем на один кабельтов и бросим якорь. Берег слишком каменистый, чтоб причаливать. Кроме того, можно повредить носы трирем о слишком крутой склон.

– Что? – взвился Нейрал. Лорд Тадай, повернувшийся уже, чтобы вернуться на свое место под навесом, снова остановился. – Постойте, Вонкуло! Если здесь небезопасно причаливать, мы просто обязаны подыскать другое место для ночевки!

Илна, наблюдая за развитием событий, едва заметно улыбнулась. Высадка на пустынном островке может оказаться вполне приемлемым выходом из того тупика, куда завело их противостояние между мятежной командой и офицерами, предпочитавшими ничего не замечать. В конце концов, они находятся в довольно оживленном регионе. За время путешествия они почти каждый день видели по несколько судов, курсировавших в поле их зрения. Так что пройдет совсем немного времени, и их спасет команда какого-нибудь корабля.

Илну в Эрдин вела одна-единственная малоприятная обязанность. Мероту и вовсе ничего там не привлекало. Они вполне могут провести несколько дней на острове – пусть даже питаясь моллюсками и солоноватой водой.

– Это вполне безопасно, милорд, – уверил капитана Вонкуло, голос его так и дрожал от нетерпения. – Мы оставим на борту половину команды, чтобы следить за якорем. Кроме того, боюсь до темноты нам уже не удастся разыскать остров, достаточно просторный для стоянки.

– А разве команда сможет ночевать на борту? – удивился Нейрал. – Ну ладно, если вы так считаете…

Он отвернулся от шкипера, продолжая ворчать:

– Я буду благодарен судьбе, если вообще когда-нибудь окажусь в Эрдине, с надежной крышей над головой. Вот все, что я могу сказать!

Вонкуло сложил руки рупором и прокричал приказ на «Разрушитель». Мастин тем временем уже отдавал распоряжения матросам «Ужаса».

Чалкус – моряк со шрамами, наблюдавший вместе с Илной сцену у костра, – в настоящий момент сидел на правом борту у загребного весла. Поймав взгляд девушки, он широко ухмыльнулся и прикоснулся указательным пальцем к кончику носа.

Илна отвела глаза. Парень слишком высокого мнения о своей смекалке!

– Илна! тихонько позвала ее Мерота. – Все ли в порядке?

– Да – ответила та, положив руку на плечо девочки. Она старалась говорить тихо, но не шептаться, чтоб не возбуждать подозрений мятежников. – Похоже, твоему дядюшке придется несколько изменить свои планы. Нам предстоит провести несколько дней на острове, но, думаю, это не худший выход.

Илна проверила шелковый аркан, который она носила на талии затем моток коротких ниток в левом рукаве и, в последнюю очередь, остро заточенный костяной нож за поясом.

– С нами все будет хорошо, – успокоила она девочку.

Десять гребцов на носу начали медленно работать веслами. Флейтист сидел со скрещенными ногами рядом с Вонкуло и наигрывал незамысловатый ритм: «ту-ру!» в такт движениям весел. Судно медленно приближалось к берегу.

Госпожа Келайна грудой черного тряпья лежала на носу триремы. Положение наставницы не давало ей права претендовать на место под навесом в центре палубы, а к Илне она не хотела – или боялась – приближаться после их первой стычки.

Лорд Тадай, так же как и большинство его помощников, были никудышными моряками. О Келайне и говорить не приходилось: она не могла и куска проглотить с тех пор, как корабль покинул Вэллис, но периодически – на особо крутых виражах – склонялась за перила, чтобы опорожнить свой желудок.

Илна злорадно усмехнулась. По крайней мере, эта курица научилась укрываться за поручнями. Не так уж плохо для первого опыта.

Понукаемые Мастином, с десяток матросов попрыгали с носа судна в низкий прибой. Боцман сбросил им канат с легким якорем, который держал в руках во время препирательства шкипера и капитана. Матросы с якорем принялись карабкаться на склон, подыскивая подходящую расселину, где бы можно было его закрепить.

Гребцы повставали со своих скамеек и стали поднимать покрытие, которое занимало пространство между скамьями. Его приладили, вставив в пазы, к правому борту в качестве сходней, которыми предстояло воспользоваться высокопоставленным пассажирам.

При этом они потревожили госпожу Келайну. Пока женщина медленно понималась на ноги, двое матросов схватили ее, как свернутый в рулон старый парус, и швырнули под ноги стоявшей в центре публики.

Матросы на берегу закрепили низ сходней на каменистой почве. Пенный прибой ударялся о доски, но это никого не смущало. Все уже привыкли, что время от времени какая-нибудь особо высокая волна захлестывала палубу, намочив при этом обувку лорда Тадая и его помощников. Военные корабли, конечно, очень надежный способ путешествовать с одного острова на другой, но никто, пожалуй, не назвал бы его комфортабельным.

Сначала по сходням спустились слуги и госпожа Келайна среди них. Трирема покачивалась с боку на бок, но гребцы смягчали качку, уперши лопатки своих весел в дно.

Следом, предваряемый парой Кровавых Орлов, двинулся лорд Тадай со своей свитой. Охранники шли во всеоружии – щиты, шлемы, копья наизготовку, внимательно оглядывая заросший кустарником берег.

Илна улыбнулась – или усмехнулась… формулировка зависела от позиции наблюдателя.

– Пошли и мы, – сказала она Мероте, вскидывая на плечо узелок со своими скромными пожитками. – Чем скорее покончим с этим, тем скорее сможем заняться настоящим делом.

Перспектива, ожидавшая их обеих, выглядела достаточно суровой. Что поделать, Илна не сама планировала узор своей жизни.

Пропустив девочку вперед и заботливо приглядывая за ней, девушка двинулась на нос судна. Дорогу им преградил один из матросов, слишком занятый работой, чтоб оглядываться

по сторонам. Мерота в нерешительности отступила, но Илна быстро решила проблему, прикрикнув:

– Эй, посторонись!..

Она не стала заканчивать фразу: «… или хуже будет!» – парень и так поспешно отскочил.

Девушка улыбнулась. Возможно, она была не права, подозревая угрозу повсюду. В общем-то, эти матросы неплохие ребята, надо только почаще напоминать им о манерах.

– Ты что-то сказала, Илна? – нервно спросила девочка.

– Я размышляла о том, – честно ответила Илна, – что возможно. Бывает, что и коровы летают… Но не на моей памяти.

Наконец они достигли сходней. Палуба так и ходила под ногами. Почти вся команда и пассажиры находились на берегу, трирема поднялась на волнах – лишь тяжелый таран оставался погруженным в воду, медленно надвигаясь на берег. Чалкус, сидевший у своего весла, улыбнулся проходившей мимо Илне.

– Удачной вам стоянки, госпожа, – произнес он весело, хотя видно было, что борьба с веслом дается ему нелегко.

Боцман подозрительно встрепенулся. Движения его приобрели угрожающую грацию, как у кота, изготовившегося к драке. Илна ответила ему холодным взглядом, не потрудившись ответить на приветствие Чалкуса.

Сейчас на Мероте была нормальная туника и плащ взамен того нелепого одеяния, в которое ее задрапировали перед отплытием. Госпожа Келайна слишком страдала во время путешествия, чтобы приставать со своими глупостями, а у Тадая имелись другие заботы. Илна пожалела, что на девочке такая легкая обувь – бархатные шлепанцы, но времени их менять не осталось.

Ступив на усеянный острыми обломками берег, Мерота ахнула. Она попыталась передвигаться на цыпочках, перепрыгивая с камня на камень. Илна подхватила девочку и перетащила на участок, откуда прибой не успел смыть мягкую почву.

Сама девушка была босиком, но у себя дома, в Барке, она привыкла обходиться без обуви большую часть года. Мозоли на ее подошвах, может, и смягчились на ухоженном вэллисском дерне, но их хватило, чтобы помочь бедной девочке миновать самый худший участок пути.

– Будь осторожна, иначе подвернешь лодыжку, – строго сказала она. – Нам только этого не хватало.

– Леди Мерота! – раздался сварливый голос Келайны. – Где вы? Ага, вот вы где, миледи. Сейчас же идите сюда!

Шарина как-то рассказывала подруге легенду об одном чудовище. Слово «легенда», как поняла Илна, означает, что этого на самом деле не происходило. Экая глупость: пересказывать и даже записывать в книжки то, чего никогда не было. Но тем не менее Шарина рассказала ей историю про чудовище, которое черпало свою силу из земли. Так вот, похоже, госпожа Келайна относилась к той же расе: здоровье ее немедленно восстановилось, как только она ступила на более-менее твердую почву. Она снова превратилась в старую брюзгу. Мерота бросила на Илну вопросительный взгляд.

– Да, иди, – сказала девушка, похлопав ее по плечу. Девочка засеменила к своей наставнице, на ходу приговаривая:

– Госпожа Келайна? Моя шкатулка у вас? Та самая, с вещами моих родителей?

Илна вздохнула и оглядела островок. В основном растительность была ей едва по плечо. От того места, где она стояла, берег резко повышался, и девушка начала карабкаться по склону. Вряд ли она обнаружит что-то особо интересное, но не стоять же на месте. Почему бы не разведать места, где ей предстоит провести ближайшие несколько дней… а может быть, и больше.

– Госпожа? – раздался незнакомый голос у нее за спиной. Поскольку она не обратила внимания на зов, голос повторил, уже громче: – Госпожа Илна ос-Кенсет?

Теперь уже Илна обернулась. Перед ней стоял мелкий чиновник из свиты Тадая. Он путешествовал на другом корабле, и девушка не удосужилась узнать его имя.

– Да? – не слишком вежливо отозвалась она, тратить время на пустопорожние разговоры с незнакомым человеком ей не хотелось.

– Госпожа, меня зовут Майзо ор-Досон, – представился тот. – Я младший дворецкий, ответственный за питание во время путешествия лорда Тадая. Дело в том, что вы получаете еду и питье наряду с членами делегации господина лорда. Но ведь фактически вы представляете собой частное лицо и как таковое не должны…

В этот момент глаза его встретились с Илниными, и поток чепухи, которую он нес, внезапно иссяк. Лишь короткое бульканье вылетело из горла парня.

Глядя на бедолагу, Илна прикидывала: что выбрать? Она видела два выхода из этой ситуации. Вернее, даже три, но последний, третий вариант, пожалуй, был ей не по силам. Сначала она потянулась к кошельку, чтобы швырнуть на землю серебряный – достаточная плата за те умеренные блага, которые выделялись ей во время путешествия. Но затем остановилась. И не потому, что не имела денег… просто ей претила мысль платить такому слизняку, как Майзо.

– За-ме-ча-те-льно, – отчеканила Илна по слогам. – Представьте мне счет за еду и воду – именно воду, потому что я не притрагивалась к вашему вину и тому пойлу, которое у вас именуется пивом, но годится лишь на то, чтоб мыть полы. А я оплачу ваш счет в присутствии лорда Тадая. Все понятно?..

В этот миг с «Ужаса» раздался хриплый зов трубы, и все моряки, бывшие на берегу, оставили свои занятия и побежали обратно к трирему.

Лорд Тадай бросил мимолетный взгляд через плечо и снова вернулся к важной беседе с коком – они обсуждали меню предстоящего обеда. В отличие от него лорд Нейрал очень рассердился, ведь номинально матросы пребывали в его распоряжении. Он лично назначил группу по расчистке поляны, на которой предстояло разбить шатры для него и господина посла.

С легкой улыбкой Илна продолжала:

– Итак, как я уже сказала…

Но договорить ей не удалось, потому что на сей раз раздался крик Мероты.

Илна обернулась с каменным выражением лица. Девочке полагалось находиться в абсолютной безопасности рядом с госпожой Келайной, и тем не менее…

Вместо того чтобы аккуратно поднять сходни на палубу, матросы небрежно сбросили их вниз на каменистый берег. Илна сразу же узнала девочку по алой шелковой подкладке плаща: она билась в руках мужчины, стоявшего на носу «Ужаса». В руках она сжимала шкатулку из черного дерева, инкрустированную жемчугом.

Все верно. Мерота подошла к воспитательнице с вопросом о «вещах своих родителей». Очевидно, у нее осталось совсем немного предметов, напоминавших ей о детстве и родных, сгинувших в пламени пожара. Наверняка, госпожа Келайна не забрала шкатулку с борта триремы – она, вообще, ничего не могла нести.

И девочка побежала за ними обратно.

Илна зашагала к кораблю. Лейтенант Роубос с горсткой кровавых Орлов бросились в воду, прикрываясь поднятыми щитами. Остальные солдаты мгновенно выстроились вокруг лорда Тадая.

Большинство команды собралось на корме триремы. Одни гребли, другие же просто пытались своим весом опустить корму и таким образом поднять нос судна. Дюжина матросов под предводительством Мастина доставали пики и абордажные сабли из оружейного сундука. Вооружившись, они спешили на нос, чтобы противостоять наступавшим Кровавым Орлам.

– Ко мне немедленно! – кричал Нейрал. – Что вы делаете, мерзавцы! Вонкуло! Что ты делаешь?

Именно то, о чем я тебя предупреждала, титулованный дурак, подумала Илна, двигаясь

по воде к судну. Она подобрала подол туники и подоткнула так, чтобы тот прикрыл кошель у пояса. Вода уже доходила ей до середины бедер; плавать девушка не умела и гадала, насколько быстро понижается дно.

Трирема медленно возвращалась в нормальное положение, гребцы заняли свои места на скамьях. Кровавые Орлы плюхались вслед за уходящим судном, хотя Илна не представляла, что они могли бы сделать в таком положении. Один из матросов метнул копье, но Роубос блокировал его своим щитом. Матрос склонился через поручни, пытаясь притопить лейтенанта. Остальные веселились и освистывали плывущих следом солдат.

Прозвучал сигнал флейтиста. Весла замерли, затем медленно, в унисон пошли вперед. Илна прикинула ритм и, когда ближайшее весло оказалось рядом с ней, схватилась за лопатку и подтянулась по древку.

Гребец взвыл от неожиданности. А девушка скорчившись, прильнула к рукоятке, чтобы не попасть под соседнее весло, когда то мелькнуло совсем рядом. Она обхватила деревяшку коленями и попыталась распустить аркан, который носила на талии. Веревка намокла, но тем не менее легко подалась.

Когда мужчина перегнулся через перила, чтоб посмотреть на внезапно утяжелившееся весло, Илна метким движением накинула аркан ему на шею.

Моряк успел вскрикнуть всего один раз, прежде чем петля затянулась у него на горле. Зато Илна проделала остаток пути до палубы, используя вес жертвы в качестве «кошки». По мере того как она поднималась, язык несчастного все больше вываливался изо рта.

«Ужас» медленно отходил от берега, правда, сейчас его курс несколько изменился: пошел по кривой, поскольку вмешательство девушки сбило с ритма гребцов по правому борту Они сидели слишком далеко от борта и не могли видеть, что происходит там, у поручней. Поэтому, увидев, как Илна переваливается через борт, они закричали, будто перед ними появилось то самое чудовище из легенды. Мастин и рулевой и вовсе ее не заметили, так как были заняты солдатами, осаждавшими нос судна.

Лицо девушки застыло в маске холодной ярости. Ну погодите, я покажусь вам страшнее самого страшного мифа!

Она швырнула лассо на палубу. Приятели задыхавшегося гребца оттащили его подальше и теперь пытались ослабить петлю на шее, которая едва не убила его. Хрипящий и ничего не понимающий парень бился на руках своих товарищей, в то время как они с ужасом смотрели на появившуюся из моря женщину-убийцу.

Илна тем временем достала нити из своего левого рукава. Ее пальцы ловко связали несколько отрезков вместе. Узор, возникший меж ее ладонями, был таким же неуловимым, как крыло стрекозы, зависшей над летним прудом.

Вонкуло находился на самой корме, когда услышал крики и обернулся поглядеть, что там происходит. Некоторые гребцы еще сидели на веслах, но большая часть их повскакивала со своих мест, закрывая обзор шкиперу.

С носа триремы разносилось насмешливое улюлюканье: это вооруженные моряки кричали вслед Кровавым Орлам, которые вынуждены были оставить попытки штурмовать трирему и повернуть к берегу. Роубос кашлял и отплевывался, опираясь на руку помощника. Он нахлебался воды, опрокинутый вражеским копьем и не сумев сразу подняться с тяжелым оружием.

– Сейчас же отпусти ребенка! – крикнула Илна мужчине, державшему девочку.

– Спокойно, госпожа, – холодно ответил тот. Это был Чалкус! Он убрал руку с талии Мероты и шлепком отправил ее к Илне. – Я только обеспечивал ее безопасность до вашего прибытия.

Чалкус ухмылялся. В правой руке он держал меч с закругленным острием, которое обеспечивало большую силу удара.

Примечательное оружие – не одна из тех дешевок, что хранились в оружейном сундуке триремы. Оно имело позолоченную гравировку у рукояти и было столь же острым, как запоздавшие сожаления.

– Со мной все в порядке, – пробормотала Мерота, зарываясь лицом в грудь Илны. – Они мне ничего не сделали!

– Сбросьте их в море! – распорядился Мастин. – Проткните суку копьями, если не хотите прикасаться к ней!

Гребцы в суматохе побросали весла, но благодаря течению и первоначальному толчку корабль продолжал медленно удаляться от берега. Расстояние уже было не меньше сотни футов, а глубина – как выяснила Илна, посмотрев за борт, – не позволяла разглядеть дна.

«Разрушитель» двигался параллельным курсом, хотя шкипер остался на берегу с покинутыми пассажирами. Рулевой «Разрушителя» прокричал с борта Вонкуло:

– Что у вас происходит?

Никто из вооруженных матросов не посмел двинуться в сторону Илны. Напрасно Мастин пытался подтолкнуть одного из них, парень так и шарахнулся.

– Забери вас морские демоны, жалкая шайка трусов! – орал Мастин. Он обнажил свою саблю и сам шагнул в сторону девушки.

Чалкус вопросительно поднял бровь, затем отступил в сторону с его пути.

Илна выкинула руку с нитяным узором навстречу боцману. Тот дико закричал и отмахнулся саблей от чего-то, невидимого для всех остальных. Чалкус, мгновенно сориентировавшись, рухнул на палубу, и сабля с размаху обрушилась на плечо стоявшего рядом копейщика.

Среди криков и ручьев крови Мастин высвободил свою саблю и снова рубанул что-то у себя под ногами. Хрусть! Полетели щепки, а вместе с ними – три отрубленных пальца боцмана.

Один из матросов, пытаясь удержать Мастина, накинулся на него сзади. Но тот, совершенно обезумев, вывернулся и вновь нанес удар. На сей раз он отсек себе левую ногу чуть не по колено.

Добровольный спаситель отскочил в сторону. С ревом боцман повалился на поручни и сиганул за борт. Он все еще кричал от ужаса перед чем-то невидимым, когда волны сомкнулись над его телом.

– Так а теперь все остальные… – сказал Чалкус, шагнув между девушкой и своими вооруженными товарищами, – Шаг назад от наших гостей! Мастин чуть не порубал меня, когда рехнулся. У меня нет ни малейшего желания давать такой шанс вам.

Моряк, раненный спятившим боцманом, лежал на палубе. Двое других пытались остановить кровь, но, похоже, это им не очень удавалось. Лезвие рассекло ему плечо до кости. Между прочим, замечательный удар при таком скверном оружии. Наверное, Мастин перед концом обрел небывалую силу, как это часто бывает с сумасшедшими.

Матрос, стоявший рядом с креплением кливера, в нерешительности поднял копье. Чалкус тут же направил меч ему в лицо и проговорил:

– Не слышал меня, Андро?

Тот опустил оружие. Его лицо, выше бороды и усов, было покрыто глубокими оспинами.

– Размягчаешься, Чалкус? – прорычал матрос.

– Может быть, Андро, – ответил Чалкус звучным голосом запевалы. Несмотря на закругленный кончик меча, силы в его плечах хватило бы, чтоб пронзить насквозь грудь противника. – Но не настолько, чтоб побояться скормить тебе твои же собственные кишки… если ты вынудишь.

Илна про себя улыбнулась. Вот! Это то самое обещание, которое, возможно, сулит ей освобождение.

Вонкуло и еще двое матросов с рукоятками от кабестана протолкались сквозь толпу в центре палубы и остановились в дюжине футов от Илны.

– Что здесь происходит? – спросил шкипер дрожащим от ярости и страха голосом. В руках он держал лук с натянутой стрелой. – Что случилось с Мастином?

– Он стал мочить своей саблей всех, кто стоял поблизости, – ответил Чалкус,

оборачиваясь к Вонкуло. Говорил он мягко и даже опустил меч, так что острие почти упиралось в палубу. – В какой-то момент он сиганул за борт, но перед этим прикончил Иписа…

Острием меча он указал на жертву. Кровотечение вроде удалось остановить, но лицо у парня приобрело землистый оттенок, а все тело начало подрагивать, не смотря на жаркое солнце.

Илна поморщилась. Она распустила уже готовый узор и увязала нити совсем по-новому.

– Сестра забери его! – с горьким отчаянием воскликнул Вонкуло. – Я знаю примерно курс, но этого недостаточно! Мастин был единственным нашим проводником!

Взгляд его остановился на Илне с девочкой.

– А вы что здесь делаете? – накинулся он на них.

– Девочка оказалась на борту, – пожала плечами Илна, – а я поднялась за ней вслед.

– Она колдунья, – проворчал кто-то сзади, возможно, копейщик Андро.

– Да уж наслышан, наслышан, – процедил шкипер. Он холодно посмотрел на девушку, затем решил: – Вы можете выбирать, госпожа: отправиться за борт или поплыть с нами туда, куда мы направляемся. Решайте!

Илна мягко оторвала от себя руки Мероты и опустилась на колени перед раненым моряком. Она растянула вновь созданный узор перед его невидящим взором, и тело несчастного обмякло, а на лицо стали возвращаться нормальные краски.

Девушка поднялась.

– Перевяжите как следует рану, – распорядилась она товарищам раненого. – Шок я сняла, но толку в этом будет немного, если вся кровь из него вытечет.

Она обернулась и посмотрела на шкипера. Затем, не глядя, нашла руку Мероты. Теперь остров и оставшиеся на нем люди маячили вдалеке – на расстоянии полета стрелы.

– Леди Мерота и я остаемся на борту, – бесстрастно сообщила девушка. Моряков слишком много, чтобы надеяться их победить – даже ее необычным оружием. Да и что бы они стали делать, если б все враги один за другим попрыгали за борт? Скитаться по морю, пока не помрут от голода?

– Мы рады вашему решению, госпожа, – раздался сзади голос Чалкуса. – Во всяком случае некоторые из нас.

Глава 11

Мост по-прежнему оставался полупрозрачным – сквозь его ткань Гаррик видел свет далеких фонарей на том берегу Белтис, но стал ощутимо твердым. Более того, он выглядел более реальным, чем темные и молчаливые здания на набережной.

– Улицы будто вымерли, – заметила Лиэйн, растерянно оглядывая прилегающие жилые кварталы. – Куда все подевались?

Первый раз попав в Мостовой Округ, Гаррик поразился суетливой толпе на улицах: местные жители, спешащие по своим делам, вдобавок к ним – еще куча зевак, пришедших полюбоваться на необычное явление моста над рекой. Помнится, все это тогда напомнило ему орды термитов, вышедшие поздней весной на освоение новых территорий. Запахи дешевого вина, жареных овощей, рыбьих потрохов и других отходов смешивались с другими мимолетными ароматами и создавали ту самую ауру кипящей, пульсирующей жизни, которая врезалась в память Гаррика.

Теперь все коренным образом поменялось. Атмосфера казалась затхлой и какой-то нежилой, что ли. Даже дым от древесного угля – неизменная примета быта – куда-то испарился. Лавки на первых этажах были большей частью закрыты, Да и верхние, жилые, помещения выглядели необитаемыми.

С трудом верилось в то, что совсем еще недавно окрестности оглашались гомоном вездесущей детворы и криками заботливых матерей.

По улице передвигалось странное существо из мерцающего красного света. Оно явно спешило, в гневе вскидывая голову. Больше всего существо напоминало быка, с той только разницей, что рост его в холке достигал восьми футов, а из ноздрей вырывалось пламя. Несколько мгновений тяжелые копыта грохотали по мостовой (Гаррик даже разглядел высекаемые искры), затем звук стал затихать, а само видение – меркнуть. Существо вступило на призрачный мост и растаяло на глазах принца и его попутчиков. Чу! Отдаленный стук копыт… Все смолкло.

– Местные жители бежали в испуге, – пояснила Теноктрис, выбираясь с помощью Лиэйн из портшеза, на котором прибыла. Остальные пришли пешком: сам принц, охранники – его неизбежное сопровождение и Лиэйн, решившая прогуляться, хотя Гаррик и настаивал на носилках для нее. – Их трудно винить.

С исчезновением потустороннего быка Кровавые Орлы снова закинули щиты за спину, но тем не менее оставались настороже. Бесимон – командир эскорта – выжидающе посматривал в сторону Гаррика, но поторапливать принца не решался.

Тот, будучи выходцем из Барки, всегда – даже в ущерб скорости – предпочитал пешее передвижение езде в каретах или даже верхом. Правда, порой возникали ситуации, когда без лошадей ну никак не обойтись. Король Карус был опытным наездником, и его навыки помогали Гаррику справляться даже с самыми сноровистыми животными. Хотя на следующее утро мышцы у юноши все равно болели, да и вообще ничто не заставит его полюбить занятие, в котором твоя жизнь и здоровье отданы на милость зверюге, в пять-шесть раз больше тебя самого.

– Эта картина напоминает мне Клестис из моих снов, – сказал Гаррик. – Дома стоят, а жителей не видно.

– Больше всего похоже на город, взятый после долгой осады, – подал голос Карус. Он видел то же, что и юноша, но оценивал все с позиции опытного воина. – Хотя, пожалуй, дыму маловато. И еще: нет запаха смерти… А это такая вещь, которую ни с чем не спутаешь.

К ним легкой рысцой приближалось подразделение Городского Дозора: наверное, им донесли о появлении в районе высокого гостя. В группе было всего четверо мужчин – взамен шести, полагающихся по инструкции.

Бесимон вышел навстречу дозорным. Возглавлял их офицер с мечом и в серебряном шлеме. Рядовые носили медные шлемы, деревянные дубинки с набалдашниками заменяли им мечи. Все металлические детали отливали холодным блеском, гармонирующим с голубым свечение моста.

– Этот бык опасен? – спросила Лиэйн.

– Правильнее говорить о существе, принявшем вид быка, – поправила ее Теноктрис. – Риск возникает всякий раз, когда смешиваются различные измерения Вселенной. Но существуют такие реальности, контакт с чьими обитателями несет смертельную опасность для людей.

Отвернувшись от Бесимона с офицером, Гаррик вздохнул:

– А как насчет Шарины?

Лиэйн достала сумку с магическими принадлежностями Теноктрис из-под сиденья портшеза. Старая волшебница не выглядела особенно обеспокоенной.

– Я уверена, что похищение твоей сестры не случайно, – ответила она. – Это только кажется, что какая-то сущность проникла из другого мира и мимоходом подхватила ее. На самом деле здесь преследуется определенная цель. Риск для Шарины, конечно, существует, но…

Теноктрис улыбнулась, помолодев сразу на десятки лет – Гаррик не уставал удивляться чуду ее улыбки.

– … он наверняка меньше того, что грозит всем нам здесь и сейчас. Наш приход сюда вынужденный: мне требуется весомый, материальный мост, чтобы добраться до Альмана. Но чем скорее мы отсюда уберемся, тем лучше.

– Кстати, – неожиданно встрепенулся Гаррик, – моя помощь нужна?

– Мне нужен человек, который нес бы фонарь, – ответила Теноктрис. – Но Лиэйн вполне справится с этим.

– Хорошо, – кивнул юноша. – Я скоро присоединюсь к вам.

Он направился к Бесимону, беседовавшему с дозорными. Тридцать Кровавых Орлов, вместо того чтобы пропустить принца сквозь строй, двинулись впереди него, сохраняя кордон. Оставшиеся двенадцать отправились к мосту с женщинами.

Двое носильщиков переминались возле покинутого портшеза. Такое обилие солдат явно заставляло их нервничать. Во имя Госпожи, что толку от реальных мечей против призрачных тварей, подобных промчавшемуся быку?

– Ваше Высочество, командир Копело рассказывал мне, что дома в пределах ближайших трех кварталов пустеют в ночное время, – доложил принцу Бесимон. Его тон – профессионально-бесстрастный – не мог скрыть симпатии, которую командир Кровавых Орлов испытывал к дозорному. Он даже стоял, слегка загораживая парня собственным телом. – Он со своими людьми патрулирует границы данного района, но, как правило, не вдоль реки.

– Днем часть местных жителей возвращается в свои жилища, – рассказывал Копело. Он сглотнул, пытаясь избавиться от сухости в горле. – Может, половина из них. Но зеваки сюда уже не приходят, и даже воришки по ночам не рискуют соваться в эти места. Так что, мы не… – Голос у него прервался. Глядя в землю и поглаживая рукоятку меча, офицер добавил: – Видите ли, многие дозорные болеют. Поэтому мы не…

– Явас прекрасно понимаю, – сказал Гаррик. Эти парни выглядели просто смельчаками на фоне своих «болезненных» товарищей, а ведь наверняка и те не являлись трусами. Гаррик и сам начинал нервничать, размышляя над феноменом светящегося моста. Сейчас, стоя в непосредственной близости, юноша ощущал его зловещую аномальность, хотя когда он пересекал мост во сне, то никаких неприятных чувств не возникало. – Берите своих людей и возвращайтесь к обычному маршруту.

Гаррик улыбнулся – располагающе, как он надеялся. Губы у него тоже пересохли.

– Обычному… покуда мы с моими друзьями не уберем этот мост.

Командир дозорных бросил на принца благодарный взгляд и с облегчением повернулся:

– Пошли… – Он запнулся, затем неуклюже поправился: – Я хотел сказать: так точно, сир! – и отсалютовал скрещенными руками у груди.

Гаррик лишь с улыбкой махнул Копело.

– Бесимон! – повернулся он к командиру Кровавых Орлов – хочу, чтобы вы отвели своих людей – и тех, которые сопровождают леди Теноктрис и Лиэйн, – на расстояние полета стрелы. Вы не понадобитесь нам и…

– Ваше Высочество, наша обязанность – защищать вас возразил тот. – И вы не можете…

– Но нас здесь не будет, – возразил Гаррик. – Вы правы этот район небезопасен, но Теноктрис уведет нас в другое место. А когда мы вернемся, вы сможете снова присоединиться к нам.

– О! – Бесимон бросил озадаченный взгляд на женщин.

Волшебница к тому времени уже нарисовала своей графитовой палочкой какую-то фигуру на булыжниках и сейчас писала вокруг нее слова Силы. – Мы отправимся вместе с вами…

– Это вряд ли, – усмехнулся Гаррик, в зародыше подавляя протест командира охраны, – если, конечно, вы сами не маги. Дело в том, что Теноктрис может взять с собой только двух человек.

– О! – повторил Бесимон. – Ну ладно, тогда я…

Он умолк и так резко отдал честь, что его кираса из черненой бронзы ответила гулким звоном.

– Как скажете, Ваше Высочество. – Обернувшись, Бесимон прокричал:

– В колонну по четыре стройся! По приказу Его Высочества отходим к фонтану, который выше по улице. Бегом марш!

Печатая шаг, Кровавые Орлы потопали к соседнему перекрестку. Шум они производили, как дюжина пивоваренных подвод: тяжелые, подбитые гвоздями подошвы грохотали по мостовой, передники, укрепленные кожаными полосами, скрипели и бренчали, к тому же всякий раз, как правый каблук касался камней, солдаты ударяли копьями по шишечкам щитов. Приказ есть приказ, они вынуждены повиноваться, но никто не посмеет упрекнуть Кровавых Орлов в том, что они пытались втихомолку улизнуть.

Теноктрис закончила свои приготовления, теперь они с Лиэйн стояли, поджидая Гаррика. Волшебница известкой нарисовала семиконечную звезду на каменной глыбе, которая осталась еще от моста времен Старого Королевства. Мост, соединявший – не берега реки, но вселенные, находился совсем рядом, так что Гаррик мог поставить ногу на его опору. Интересно, выдержит ли он юношу, как в его снах?

– Момент, когда мост достаточно затвердеет, настанет совсем скоро, – сообщила Теноктрис, как всегда предугадывая мысли окружающих. – И думаю, нам придется пройти по нему… Пока кто-нибудь другой не сделал это за нас. Но сейчас я лишь использую мост, чтоб попасть к Альману…

И тут сработали инстинкты Каруса – именно они, а не зрение Гаррика, заставили его резко обернуться. Даже быстрее, чем отреагировала Лиэйн, стоявшая лицом к юноше. Нательных доспехов или шлема он не носил – только длинный меч… Но уж меч в мгновение ока оказался у него в руке… динг!

Из тени ближайшей постройки неясным пятном выступил какой-то человек. Лица не разглядеть в неверном свете магического моста, оружия, кажется, тоже нет, но все же…

– Подождите! – Голос человека сорвался на испуганный визг. – Гаррик, это я!

Юноша с досадой вогнал меч обратно в ножны. Вот уж действительно непонятно: смеяться или гневаться. Умом он понимал: опасности нет… но тело, настроившееся на схватку или бегство, отказывалось играть «отбой», одной Госпоже известно сколь долго.

– Катчин! – воскликнул Гаррик. – Если только кто-нибудь из людей Бесимона сейчас оглянется, ты не успеешь оглянуться, как схлопочешь дротик меж лопаток. И поделом!

Кровавые Орлы расположились вокруг полуразрушенного каменного бассейна – остатки роскошного фонтана, когда-то украшавшего площадь времен Старого Королевства. «Нимфа на морском коньке», между прочим припомнил название Карус, и перед глазами Гаррика встало видение тех же самых улиц, по которым парадировал его славный предок тысячу лет назад. Бронзовая статуя с таким же именем, изначально венчавшая фонтан, была украдена или переплавлена на монеты сотни лет назад. Если Бесимон со своими подчиненными и заметил, что компания принца увеличилась на одного человека, то он тем не менее счел за благо остаться в назначенном месте.

– Ах, Гаррик, Гаррик! – разливался Катчин-мельник. – Это ведь твоя вина, что мне приходится встречаться с тобой подобным образом! Не умеешь держать своих слуг в повиновении, вот что я тебе скажу. Но не мне тебя судить, я ведь знаю, как трудно в наше время получить достойную помощь.

Гаррик знал мельника всю свою жизнь. Он припоминал эти интонации: именно так Катчин подкатывался к богатым купцам прибывшим на Овечью Ярмарку в Барку. Добродушное подтрунивание с ровней разительно отличалось от подобострастной манеры, которую мельник припасал для настоящих аристократов. Зато отыгрывался он на своих соседях-односельчанах – тут уж самодовольное превосходство так и перло из Катчина.

Лиэйн такая бесцеремонность привела в ярость. Кабы не Гаррик, она б точно крикнула Бесимона и его солдат! Однако девушка имела понятие о субординации.

Теноктрис взирала на нарушителя спокойствия с благожелательным интересом, как и обычно в тех случаях, когда происходящее не касалось ее напрямую. В руке она по-прежнему держала кисть, которой рисовала свои магические фигуры. Очевидно, в дальнейшем она собиралась использовать ее в качестве волшебного жезла.

– Ты, верно, не слышал меня, Катчин, – спокойно произнес Гаррик. -Эти люди наверняка убили бы тебя, если б заметили, как ты приближаешься к нам. Они практикуются со своим оружием по три часа в день.

– Но, Гаррик… – начал мельник.

Юноша протянул руку и двумя пальцами правой руки – большим и указательным – аккуратно взял за подбородок мужчину. Он просто приподнял его и заставил рот захлопнуться, похоронив словоизлияния, которым не видно было конца.

– Катчин, мы оба знаем: тебе здесь делать нечего. Увы, мозгов твоих не хватает, чтобы понять очевидное: ты рисковал жизнью… даже после того, как я максимально доступно объяснил тебе все. Но, надеюсь, ты сознаешь, что топчешь собственную гордость, выпрашивая как подачку должность.

И он отпустил Катчина, который – поперхнувшись от неожиданности, с вытаращенными глазами – отступил на пару шагов. Гаррик уж было думал, что прошиб броню его тупости, но мгновение спустя лицо мельника снова приняло обычное выражение.

– Я знал, что тебе понадобится доверенное лицо, – затараторил он: поспешные и закругленные слова наползали друг на друга. – А испытанные друзья-земляки – слишком большая редкость, чтобы ими разбрасываться. И – чего уж таить – я единственный в Барке, кто имеет опыт службы на таком высоком уровне. Ты же знаешь, я был бейлифом графа Ласкарга…

– Тут ты прав, Катчин, я слишком хорошо тебя знаю, – саркастически заметил Гаррик. Как ни странно, похоже, мельник искренне верил в ту чепуху, которую нес. Хотя каждый в деревне знал: Катчин – мошенник, лжец и болтун. Именно так, несмотря на все его богатство.

Каждый, но не Катчин.

– Ах! – продолжал он. – Я не хочу жаловаться на Рейзе, Гаррик…

Юноша поднял руку, но мельника было не остановить.

– Я знаю: он вырастил тебя и все такое, но…

Потеряв терпение, принц резко вскинул руку, и Катчин мгновенно замолк. Он двумя руками прикрыл рот и с ужасом смотрел на собеседника.

– Я уверен – поскольку королевский двор расширяется… – Гаррик старался говорить спокойно, но голос его слегка дрожал от гнева. Юноша всегда ненавидел наглецов… даже теперь, когда он стал недосягаем для их нападок. – Так вот, я уверен: мы приняли на службу кучу такого же дерьма, как ты, Катчин. Мелких людишек, которые притесняют тех, кто ниже их по рангу, но готовы пресмыкаться перед власть имущими. Таких подлецов у нас немало…

Он склонился над мельником. Катчин не отличался большим ростом, даже среди низкорослых жителей Хафта; Гаррик же и на Орнифоле был повыше многих. Сейчас он горой нависал над съежившимся мужичонкой.

– Но заруби себе на носу, Катчин: они пролезли лишь потому, что я их не знал. – Юноша позволил себе повысить голос. Но не кричал… пока еще не кричал. – А тебя я знаю. Поэтому убирайся домой, Катчин. Немедленно!

– Но я же потратился на дорогу! – проскулил мельник сквозь растопыренные пальцы. Казалось, еще чуть-чуть, и он заплачет.

– Я велел тебе убираться обратно! – отрезал Гаррик. – Иди и обращайся со своими соседями по-человечески… а не как с овцами, которые существуют только для того, чтобы безбожно стричь с них шерсть, а именно так ты ограбил собственного брата! И не как с грязью, которую можно топтать во имя собственных целей. Если ты докажешь мне, что ты достойный человек, тогда, может быть, однажды я вернусь в Барку и возьму тебя на службу. А если и нет – все равно это будет благом для тебя, Катчин, поскольку даст шанс стать человеком.

– Но… – не унимался Катчин, размазывая слезы. Он действительно плакал.

– Пошел вон отсюда! – вспылила Лиэйн. Ее звонкое контральто позволило Гаррику живо представить себе картинку: знатная дама вышвыривает дохлую крысу из своей

изысканной гостиной. – Тебе здесь не место. И, кроме того, это опасно. Убирайся, или я прикажу солдатам вышвырнуть тебя.

Катчин развернулся и поплелся прочь. Он шел, спотыкаясь, как пьяный.

Гаррик сжал лоб пальцами, интенсивно массируя щеки ладонями. Его ощутимо потряхивало.

– Теноктрис, – проговорил он с закрытыми глазами, – ты в состоянии начать прямо сейчас? Может, если мы уйдем с этого места, я почувствую себя лучше?

– Да, конечно, – ответила старая волшебница.

Опираясь о запястье юноши, она уселась на землю со скрещенными ногами. Лиэйн держала наготове подушку, которую принесла из портшеза. Прежде чем Теноктрис успела умоститься, она просунула подушку под ее тощие ягодицы.

Та со вздохом выпустила руку Гаррика.

– Подержи свою ладонь у меня на плече, – попросила она с виноватой улыбкой. – На тот случай, если у меня вдруг закружится голова.

– Не волнуйся, – успокоил ее юноша, с нежностью кладя руку на хрупкие ключицы старухи.

Порой он думал: может, та гигантская работа по объединению Островов, которую они затеяли, шла бы успешнее, будь Теноктрис моложе и здоровее. Но, с другой стороны, их сила заключалась в разуме волшебницы, а не в ее теле.

И если б плоть старухи была крепче, то, возможно, ее сверхъестественное чутье, позволяющее видеть движущие силы космоса, оказалось в той же степени слабее. Окружающие могли оказать ей физическую поддержку, как это делал сейчас Гаррик. Но никто, кроме Теноктрис, – ни Гаррик, ни сам король Карус – не мог пробиться сквозь лабиринт мощи и хаоса, чтобы помочь выжить этому миру.

– Должны мы читать заклинание вместе с тобой? – тихо спросила Лиэйн. Она стояла по другую сторону от нарисованной семиконечной звезды.

– Нет, я сделаю это сама, – утвердительно ответила Теноктрис. Она слабо улыбнулась и добавила: – В такой близости от моста хватит одного прочтения. По крайней мере я на это надеюсь.

Гаррик оглядел пролет моста, мерцающий в ночной мгле. Он казался таким реальным, будто был сделан из залитого солнцем голубого камня. Поверхность колебалась совсем немного – не более чем раскаленная земля на летнем солнцепеке.

– Пан, – начала волшебница; ее палочка коснулась земли и снова поднялась. – Пайпан, эпайпан…

Ущербная луна низко склонилась над западным берегом Белтис. Ее серебряный диск вдруг покраснел, затем стал синим и снова вернулся к своему исходному цвету. Каждое изменение сопровождало слово, слетавшее с губ Теноктрис. Горло у Гаррика перехватило.

– Коре базагра ореокоре… – продолжала волшебница. Юноша почувствовал, как ее тело затрепетало, а сердцебиение усилилось. Из центра магической звезды поднялась воронка голубоватого света. Постепенно она расширилась, захватывая их троих в свой водоворот. Гаррик ощутил, как острие ледяного клинка пронзило его плоть и его душу.

– Ифибе, – произнесла она и судорожно перевела дух между словами. – Амфибе, эроде, фнтеме…

Воронка застыла, и принц со своими друзьями оказались будто заключенными внутри конического кристалла сапфира. Мир снаружи – мост, постройки современного Вэллиса – начали вращаться против часовой стрелки. Движение, медленное вначале, все убыстрялось, подобно тому как набирает скорость танцор, выполняющий пируэт.

– Колассейс! – громко выкрикнула Теноктрис. – Пойне! Ренейя!

Окружающий мир стал расти. Здания увеличились до размеров огромных утесов, солдаты, стоявшие со своими щитами на перекрестке, превратились в великанов, нарисованных на фоне мелко мерцающего красно-синего магического света.

А затем Гаррик выпал из реального мира. Правой рукой он крепко сжимал плечо

Теноктрис, левая же сама нашла руку Лиэйн Ее пальцы были единственным источником тепла в том пронзительно-холодном пространстве, где оказался юноша. Ему казалось, что он тонет в темных морских пучинах.

Их окружала мерцающая стена. За ней то там, то здесь вспыхивали светящиеся воронки, которые – медленно раскручиваясь по спирали – уходили вглубь ночи. Булыжники выворачивались из мостовой и взлетали в воздух. Должно быть, Бесимон прокричал какой-то приказ, потому что Кровавые Орлы вскинули копья.

И вдруг вселенная захлопнулась. Стена магического света исчезла – лишь оранжево-фиолетовые пятна плясали на сетчатке глаза, как воспоминание об увиденном.

Мир вокруг совершенно переменился. Хотя ноги Гаррика не отрывались от земли – в этом он был уверен, тем не менее булыжная мостовая каким-то образом превратилась в мягкий песок. Ощутив резкий толчок, юноша пошатнулся: будто вес его тела круто изменился. Рядом с ним Лиэйн вскрикнула и упала на колени.

Старую волшебницу он успел подхватить на руки, иначе та неминуемо упала бы навзничь. Женщина страшно побледнела, пульс ее едва прощупывался.

Они стояли среди развалин некогда величественного города. Останки зданий скрывались под разросшимися ползучими растениями, многие из них наполовину ушли в землю.

Воздух казался разреженным, сквозь него ослепительно сияли звезды – колодцы в черном небе. Холодный порывистый ветер трепал колючие ветви кустарника.

Теноктрис медленно подняла голову. Гаррик продолжал обнимать ее – для поддержки, но еще и для того, чтобы почувствовать близость другого человеческого существа в этом чужом мире. Лиэйн тоже взяла его за руку.

– Я бы сказала, все прошло тяжелее, чем ожидалось, – откашлявшись, сказала старуха. Ей даже удалось улыбнуться. – Но, честно говоря, я вообще сомневалась, что такой переход мне под силу. Так… теперь нам надо разыскать Альмона.

– Сомнительно, чтобы здесь кто-то жил, – произнесла Лиэйн. И впрямь, единственным источником движения вокруг них был ветер.

– Альман не хотел, чтоб его беспокоили, – тихо пояснила Теноктрис. – Поэтому он избрал для себя такое место, куда вряд ли кто-то захочет прийти.

– Но мы-то пришли, – заметил Гаррик.

Улыбка на лице волшебницы напомнила первые солнечные лучи, упавшие поутру на морскую гладь.

– Ну я бы не сказала, что это был наш выбор, – покачала она головой. – Нам пришлось это сделать… ведь мы же хотим спасти цивилизацию.

С помощью молодых людей колдунья поднялась на ноги. Рукой, в которой все еще сжимала кисть, она махнула в сторону самого большого здания на горизонте.

– Начнем, пожалуй, с него, – решила она. – Если Альмана там не окажется, придется прочитать еще одно заклинание.

– А ты сможешь это сделать? – с тревогой спросил Гаррик, глядя, как та задыхается в разреженном воздухе.

– Если будет надо, – ответила Теноктрис со слабой улыбкой. – Если будет надо.

Она не возражала, когда юноша бережно обнял ее за талию. Медленно, подстраиваясь под походку измученной старухи, все трое побрели от пустынных развалин.

Сильный, порывистый ветер завывал с тем звуком, с каким металл трется о металл. Звезды не мигая смотрели на них с бездонного неба.

* * *

– Ну конечно, – проверещал Криас из кольца, – ты забредаешь сюда, как одна из твоих безмозглых овец. Первое, что ты делаешь, – это убиваешь моего хозяина… и еще надеешься

получить от меня помощь! Чего еще ждать от такого типчика!

Кэшел попытался было сообразить, что же он за типчик, но быстро бросил это занятие. Люди часто говорят подобные вещи, когда злятся, не стоит обращать на это внимания. Ты что-то делаешь, они заявляют: «Ну и тип!», желая выразить свое негодование.

Очевидно, демон кольца не сильно отличался от людей.

– Видите ли, я слишком недолго пробыл в вашем мире, чтобы разобраться в его тонкостях, – спокойно сказал он. – Там откуда я родом, люди имеют привычку вежливо отвечать на вопросы чужестранцев.

Правда, Кэшелу тут же припомнился Эйрон ор-Раддид, живший на одинокой ферме ближе к северу от Барки. Вечно недовольный Эйрон и это колечко составили бы неплохую пару.

– Во всяком случае, большинство моих односельчан так поступают, – честно поправился юноша.

Он внимательно рассмотрел кольцо: массивное, из высокопробного золота. Его поверхность была не гладкой, а усеянной цепочками крохотных пупырышков – неизвестно как приделанных и нимало не нарушавших его округлости. Лично Кэшелу подобная технология не так уж понравилась, но он не мог не признать виртуозное мастерство безымянного ювелира.

Юноша откашлялся и продолжал:

– Я очень сожалею о смерти вашего хозяина. На самом деле я прибыл сюда, чтобы потолковать с ним… Но, увы, дела пошли не так, как каждый из нас планировал.

– Я ему постоянно твердил, – проворчал Криас, несколько смягчившись. – «Ландур, будь умнее, веди себя спокойнее… иначе в один прекрасный день ты напорешься на такого же дурака который к тому же будет превосходить тебя в силе!» И что, он меня послушался? Куда там! Продолжал в том же духе… пока здесь не объявился ты – деревенский пастух. И вот теперь я спрашиваю: кто будет присматривать за границей, чтобы всяческая муть из Подземного Мира не просачивалась в нашу вселенную, а?

Некоторое время Кэшел молча смотрел на фигурку, кривлявшуюся в глубине камня. Интересно… кольцо откуда-то знало о его принадлежности к племени пастухов. Может, оно сумеет указать Кэшелу, куда идти дальше?

В душе юноши проснулась надежда – впервые с того мига, когда он осознал, что по неосторожности вышиб мозги единственному парню, на чью помощь мог рассчитывать. Но спрашивать напрямую о Шарине еще не время. Поэтому юноша снова откашлялся и задал мучивший его вопрос:

– Кстати, о вашем хозяине… Я все гадаю, где похоронить его? Здесь или возле дома? Как вы думаете?

– Похоронить его? – фыркнул Криас. – Ты хочешь сказать: где похоронить его мясо? По-моему, это пустая трата времени. Хотя, судя по всему, твое время не так уж дорого стоит…

Кэшел начал надевать кольцо обратно на палец мертвеца. Вот сейчас наденет и перетащит тело к замку. Он присмотрел там отличное местечко: перед входом, утренние лучи солнца будут освещать могилку…

– У Ландура имеется еще несколько тел, мой милый пастушок, – сообщил Криас. – А искру своей жизни он хранит под языком, деревенщина. Тело… эка важность! Некоторые из нас вообще прекрасно обходятся без тела.

Кэшел замер.

– Ага, – произнес он, пытаясь переварить услышанное. Держа в одной руке кольцо, парень положил посох поперек колен и другой рукой разжал челюсти Ландура. Зубы у покойника были просто отличные – белые, крепкие.

Приподнял язык и достал из-под него тонкую облатку. Кровь, выступившая на зубах Ландура, к ней не прилипла.

На вид облатка была чуть меньше, чем кружок, который Кэшел мог составить большим

и указательным пальцем. Похоже на амулеты, которые некоторые люди носят на счастье, но края ее – на удивление – оказались скругленными, а не острыми, как можно было бы ожидать от такого тонкого предмета.

Штучка выглядела прозрачной, кристаллической, но имела определенный цвет. Причем цвет этот не оставался постоянным: он резко поменялся, когда Кэшел взял облатку в руку… а затем и просто так, без видимой причины.

– И как же это может быть жизнью Ландура? – спросил парень.

– А как грязь может быть грязью? – парировал Криас. – Как овцы могут быть глупыми? Просто так. Положи эту штуку под язык другого тела Ландура – и он тут как тут… Мой хозяин собственной персоной со всей своей глупостью, которую ты попытался вышибить из его башки.

– О – юноша замер, как сидел на корточках, – настолько необычными показались ему слова демона. И то, что за ними крылось. Кэшел частенько мечтал, чтобы люди – и кольца тоже! прямо и просто высказывали свои мысли… вместо того чтобы играть словами. Жизнь стала бы намного проще.

Хотя если разобраться, именно так поступала его сестра Илна: говорила то, что думала, максимально понятными словами. Можно сколько угодно утверждать, что рядом с ней легче жить, но, посмотрев на Илну, всякий поймет, отчего большинство людей предпочитает поступать иначе.

– Ну? – снова раздался ворчливый голос Криаса. – Долго ты собираешься сидеть как истукан? Похоже, ты большой мастак в этом деле. Может, в следующем воплощении ты станешь лишайником?

Кэшел взглянул на свою загорелую руку.

– Цветом не вышел, – ответил он. – Но я не об этом хотел поговорить. А где?..

– Ты что действительно такой дурак? – взбеленился демон. – Ты часом дышать не забываешь?

– И не об этом тоже, – спокойно заметил юноша. Он уже давным-давно усвоил: если позволять людям ходить вокруг да около, то никогда ничего не выяснишь. – Меня интересует: где Ландур содержит свои дополнительные тела?

Кристаллическая пластинка по-прежнему спокойно лежала на его мозолистой ладони. Свет падал прямо на нее, и порой Кэшелу казалось, что там, в глубине, происходит какое-то движение. Хотя… какая глубина может быть в такой тонкой штучке?

– Он теперь ничего и нигде не содержит, дурья твоя голова! – насмешливо фыркнул Криас. – Впрочем, возможно, какое-то время он будет содержать червей. Если же ты спрашиваешь о телах… то они в другом жилище Ландура – том, что на дне Подземного Мира, тремя уровнями ниже.

– Ага, – удовлетворенно кивнул юноша. – Значит, надо просто положить эту штучку… – И он подбросил прозрачную пластинку на ладони. Неизвестно, способен ли демон видеть вещи – глазами, как это сделал бы человек, – но Кэшел использовал именно такой жест, чтоб привлечь его внимание. – … ему под язык, как это было у трупа?

Птицы снова завели свои незатейливые песенки в кронах деревьев. Юноше даже показалось, что где-то зацокала белка. Не бог весть какие красивые песни… Что же касается беличьего цоканья, то вряд ли даже собственная мамаша этой лесной хлопотуньи нашла бы его приятным. Но тем не менее это были естественные лесные звуки, и они понравились Кэшелу гораздо больше той мертвой тишины, что царила до того.

– Ты что, глухой, пастух? – издевательски спросил демон. Я сказал: дворец находится в Подземном Мире. Там, за бронзовыми дверями, которые раньше отделяли всех чудовищ и монстров от нашего мира… до того, как ты убил хранителя!

– Я слышал вас, – спокойно сказал Кэшел. – А далеко до этого дворца?

Он хотел было добавить, что собирается вернуть Ландура к жизни – к новому телу? – раз существует такая возможность… но Криас и сам, наверное, понимал. С этим кольцом столько сложностей, нечего позволять ему издеваться над собой.

Юноша прикинул, а не закопать ли кольцо вместе с трупом, прежде чем заняться поисками нового тела? Если Криас и дальше будет морочить ему голову…

– Далеко? – пропищало кольцо. – Гораздо дальше, чем ты сможешь дойти за всю свою дурацкую жизнь. Только великий маг, подобный Ландуру Хранителю, способен выжить в Подземном Мире.

Кэшел раздраженно тряхнул головой. Эх, бросить бы чертово кольцо на землю и растоптать в злости! Но мысль о Шарине остановила юношу. Чтобы добраться до девушки, ему необходима помощь Ландура, а единственный, кто мог указать путь к нему – живому и дееспособному, – был Криас.

Кроме того, юноша испытывал чувство вины за то, что убил волшебника в ответственный момент: когда тот пытался запереть подземную тварь. Раз так, решил он, то лучше на время смириться с брюзжанием Криаса – как с тарахтением белки. Возможно, уничтожив кольцо, он совершит еще худшую ошибку.

Поэтому, проглотив все оскорбления, парень молча положил кольцо на ладонь мертвого волшебника. Нагнувшись, он сорвал пучок сухого мха, укутал в него магический предмет и припрятал подальше в поясную сумку.

За спиной раздалось громкое цоканье белки. Усмехнувшись, Кэшел передразнил ее: «ц-ц-ц!» – у него это здорово получалось. Несколько мгновений зверек прислушивался, затем разразился новой тирадой на своем языке – еще быстрее, чем прежде.

Юноша снова достал кольцо и уставился на него.

– Меня интересует еще одна вещь: там, в Подземном Мире, можно найти какую-нибудь еду или нужно нести ее из замка? И потом… буду очень признателен, если вы скажете, сколько дней идти до того замка? – Затем, чтобы предупредить очередной взрыв негодования Криаса, добавил: – Если, конечно, я уцелею…

– Не думаешь ли ты, что сможешь пробиться сквозь Подземный Мир с помощью своего посоха? – проговорил демон. Кэшел начал уже привыкать к его манере разговаривать, но тут – о милостивый Дузи, маленький бог пастухов! – Криас издал звук, похожий на пение гарриковой свирели.

Кэшел взвесил посох в правой руке и произнес (надеясь, что звучит это не слишком хвастливо):

– А почему нет? Я же сокрушил им Ландура Хранителя… а он ведь великий волшебник, разве нет? Но вот еда мне понадобится.

– В Подземном Мире существует пища, – помолчав, ответил Криас. Ого, в первый раз он дал прямой и честный ответ на вопрос! Правда, пришлось дважды переспрашивать. – При условии, что тебе хватит сил ее добыть.

– Отлично, – сказал Кэшел. Склонившись, он снова надел кольцо на средний палец Ландура. Тело уже достаточно пролежало, чтобы утратить свою деревянную неподатливость.

По зрелом размышлении юноша решил, что здешняя поляна будет лучшим местом для захоронения, чем пустошь перед замком. Ведь волшебник погиб именно здесь, защищая свой мир.

– Я скоро вернусь с лопатой, – пообещал юноша с тропинки, которая вела к дому. – Я знаю, что вас тело мало интересует. Но, боюсь, местные животные другого мнения. Так же, впрочем, как и я.

– Эй, пастух! – услышал он мерзкий голосок демона, но продолжал идти. – Мастер Кэшел ор-Кенсет! Выслушайте меня!

Юноша обернулся, опершись на грубый ствол кизилового дерева.

– Да, мастер Криас?

– Я думаю, что вам лучше взять меня с собой, – сказал демон. Кэшел отметил, что – достаточно громкий вблизи – на расстоянии голос Криаса превращался в комариное жужжание.

Юноша в задумчивости потер подбородок. Ему и самому не нравилось одиночество. Правда, в отличие от своих друзей, выросших на постоялом дворе, Кэшел не часто находился

в обществе других людей. Но ведь овцы – его верные спутники – тоже обладают личностью, на свой, на овечий, манер. И она не так уж сильно отличалась от человеческой.

Тем не менее юноша вовсе не был уверен, что общество Криаса предпочтительнее одиночества.

– В конце концов, мастер Ландур наверняка захочет меня снова увидеть, когда оживет, – добавил демон кольца. Кэшел готов был поклясться именем Дузи, что в его голосе помимо обычного раздражения прозвучали отчаянные нотки. – По-моему, это стоит принять во внимание, нет?

– Пожалуй, вы правы, – приняв решение, юноша вернулся к трупу и снял кольцо. Оно оказалось ему впору на левый мизинец.

Криас молчал полдороги до замка, затем не выдержал:

– Знаешь, при такой скорости ты умрешь от старости еще до того, как доберешься до Подземного Мира.

Кэшел усмехнулся. Что правда, то правда… Он шел своим обычным спокойным шагом, вместо того чтобы нестись, высунув язык, подобно гончей на болоте. Его и раньше не раз упрекали в неспешности. Пусть себе упрекают.

– Не подскажете, где Ландур хранит свои лопаты? – спросил он.

– Клянусь всеми злодеями Вселенной! – взорвался Криас. – Ты понизишь интеллектуальный уровень любой овечьей отары!

Кэшел заразительно хохотнул. Все-таки хорошо иметь компанию.

* * *

Илна с Меротой сидели на носу триремы, прямо у поручней. Они держались за руки – правая в правой, левая в левой вытянув их перед собой. Без такого тактильного контакта девочка начинала дрожать, как ветхий коврик на ветру, хотя Илна не слышала от нее ни жалоб, ни упреков.

Флейтист проиграл свое обычное «ту-ту!» – хотя сейчас сигнал звучал медленнее, чем раньше. Один из гребцов прокричал, налегая на весло:

– Эй, Вонкуло, поднимай парус! Или, по крайней мере, подготовь кливер!

– Точно! – присоединился к нему другой. – Теперь мы все равны, Вонкуло. Если нас схватят, висеть будем на одной рее!

Шкипер сидел на корме судна. В руках он держал музыкальную шкатулку, которую достал из сундучка с личными вещами Мастина. Наклонив вещицу так, чтобы лучи заходящего солнца освещали ее дно из слоновой кости, Вонкуло пытался разглядеть выполненную на ней сложную гравировку. Он не отвечал на провокации матросов, на лице у него застыло мрачное выражение.

– А если, Титин, мы сядем на мель, которую сейчас проходим, – бросил Чалкус, сидевший у загребного весла, – то нам точно придется болтаться на рее или сдохнуть от голода. Поэтому заткнись и молись Госпоже, чтобы Амбиан на топе мачты успешно нас провел!

– Давно ли Госпожа возвела тебя в ранг Пастыря, Чалкус? – проворчал матрос по имени Титин. Тем не менее дальше он греб уже молча.

Все ясно, парень не хотел драки. Да и никто из познакомившихся с мечом Чалкуса не захотел бы.

Мерота исподтишка разглядывала спину запевалы. А там было на что посмотреть: шрамы от порки, от ножей, от зубов и еще какие-то отметины, которые даже Илна не сумела распознать. В спокойном состоянии Чалкус выглядел поджарым, но сейчас, во время гребли, мышцы так и играли под кожей.

Девушка рассмеялась.

Илна? – вскинула на нее глаза девочка.

В ответ девушка лишь мотнула головой:

– Не сейчас.

Ей не хотелось озвучивать пришедшую в голову мысль. А именно: по сути команда триремы взбунтовалась и перешла в ранг пиратов. Такое впечатление, что для Чалкуса это было не в новинку. Парень явно выделывал вещи и похуже.

Как ни странно, но именно этот человек претендовал на то, чтобы стать их другом в предстоящем плавании. Хотя с какой стати ему быть другом или по крайней мере вести себя так, Илна не знала – эта часть узора еще ей не открылась.

– Один румб вправо! – скомандовал впередсмотрящий. Корзина на мачте отсутствовала, и матрос сидел, обхватив ногами канат, по которому вскарабкался. Основной вес при этом приходился на руки, которые крепко вцепились в рею. Рулевой налег на румпель, пытаясь весом своего тела преодолеть сопротивление воды при повороте кормовых весел. Вонкуло оторвал взгляд от шкатулки, лицо его при этом прояснилось. Он вытащил красный шелковый платок из-за пояса и принялся протирать коробку. Затем замер.

– Госпожа Илна! – крикнул он, перекрывая скрип весел в уключинах. – Подойдите сюда, если можете! Нужно поговорить!

– Идите, госпожа, – сказал Чалкус, продолжая грести. – Ребенок пусть остается на месте, с ней все будет в порядке.

Тон его был спокойным, лишь легкое придыхание обозначало напряжение, которое испытывал он при гребле. Парень умеет контролировать свое тело, с одобрением отметила Илна.

Девушка усмехнулась. Она могла понять профессиональную гордость моряка, которая толкала его на это ненужное, в общем-то, позерство.

– Полагаюсь на ваше слово, мастер Чалкус? – уточнила Илна, поднимаясь и отпуская руки младшей подруги. Девочка кивнула и даже попыталась улыбнуться.

– На мой меч, – рассмеялся запевала. – Уж ему-то вы можете верить.

Илна фыркнула и начала прокладывать себе путь на корму, переступая через такелаж, который был складирован в центральной части палубы. Ей вполне достаточно слова Чалкуса, и матрос знал об этом. Однако почему он выбрал в союзники Илну с Меротой – вот вопрос, на который девушка пока не находила ответа.

– Один румб влево! – похоже, впередсмотрящий разглядел новую опасность по курсу. – Два румба влево!

Рулевой со стоном налегал на весла, трирема медленно начинала разворачиваться. Справа по борту что-то вскипало пеной. Рыба, подумала девушка, но вскоре поняла: это само море плясало на опасных рифах. Глубина здесь уменьшилась, и лучи солнца проникали под воду, позволяя разглядеть выступающие скалы.

Вонкуло молча наблюдал за приближающейся девушкой. Рядом с ним стояла пара крепышей-матросов с обнаженными абордажными саблями. Интересно, подумала Илна, это для защиты шкипера или для моего устрашения?

Пренебрежительная улыбка скользнула по ее губам: она знала, что и то и другое бесполезно. Стоя перед мужчинами с руками, спрятанными крест-накрест в рукавах, девушка спросила:

– Так и будем молчать, Вонкуло? Если ты хотел просто посмотреть на меня, то я лучше вернусь на нос судна. Тамошняя компания устраивает меня больше.

– У нас проблема, – проговорил шкипер. – Дело в том, что лоция…

– Один румб вправо! – снова раздался крик Амбиана. Рулевой перехватил почерневший от времени дубовый румпель и потянул на себя. Эта деревяшка помнила прикосновение десятков человеческих рук, хранила их запах и пот.

Вонкуло вздрогнул, но продолжал говорить ровным тоном.

– Лоция находится здесь. – Он протянул Илне музыкальную шкатулку. – Она нацарапана на дне. Возьмите, пожалуйста.

Девушка покачала головой, не вынимая рук из рукавов.

– Я ничего не понимаю в мореходном деле, – сказала она.

К тому же – об этом Илна умолчала – она не умела читать. Не то чтобы она стыдилась своей неграмотности – на свете вообще существовало не так уж много вещей, которых Илна стыдилась, – просто не видела смысла сообщать какую бы то ни было информацию этому человеку.

Вонкуло нахмурился, скорее тревожно, чем сердито. С натянутой улыбкой он продолжал настаивать:

– Да ладно вам, госпожа. Нам следует подружиться. Не хотите ли вина?

Он сделал жест в сторону одного из своих телохранителей:

– Тайгач, сходи откупорь бутылку из…

– Не надо, – прервала его девушка. Поскольку предложение прозвучало достаточно любезно, она сочла нужным добавить: – Благодарю вас, не стоит. Простой воды будет достаточно.

На самом деле вода была невысокого качества уже когда ее заливали в просмоленные бочки в порту Вэллиса, а долгие дни хранения в трюме не улучшили ее вкуса. Но Илне не хотелось чувствовать себя обязанной шкиперу. Поэтому она предпочла бы несвежую воду даже кружке замечательного эля из запасов Рейзе.

– Так вот, проблема в том… – продолжал Вонкуло. Он на мгновение умолк, чтобы облизать пересохшие губы. – Что Мастин – ну тот, которого вы убили, – единственный, кто встречался с правителями острова, на который мы плывем. Он говорил…

Шкипер окинул взглядом окружавших его людей: охранники, рулевой, флейтист, сидевший у его ног и как раз отыгравший очередной час суток. Даже ближайшие гребцы могли услышать его голос, если б, конечно, он не стал шептать Илне на ухо. Но такая таинственность дорого обошлась бы шкиперу… гораздо дороже, чем любая информация, высказанная вслух. В конце концов, тот гребец, который декларировал свое нынешнее равенство, был абсолютно прав по сути.

– Мастин утверждал, что он маг, – решился наконец Вонкуло. – И благодаря этому он раздобыл шкатулку…

Мужчина продолжал держать реликвию в вытянутой руке, будто взвешивая ее. Она представляла собой замечательный образчик мастерства: снаружи ее украшали золотые спирали и вставки из слоновой кости с затейливым растительным орнаментом. Слишком вычурно, на взгляд Илны, но кому-то может понравиться.

– … которая озвучивает лоцию, – закончил фразу шкипер. – Еще он говорил, что властители таинственного острова тоже волшебники. Знаете, я не слишком жалею о том, что наш боцман отправился за борт по кусочкам… – И Вонкуло выдал улыбку, которую сам, наверное, полагал располагающей. Илна квалифицировала бы ее как «ужасающую». – … но в результате он оставил нам некий пробел.

– Я бы сказала, что мне он вообще ничего не оставил. – Девушка бестрепетно встретила заискивающий взгляд шкипера.

Солнце клонилось к горизонту и уже не так хорошо освещало морскую поверхность. Понятно, что впередсмотрящий четко различал светлую пену на темной морской глади. Но вот что он мог разглядеть глубже – это вопрос.

Вонкуло вставил ключик в основание музыкальной шкатулки и несколько раз его повернул. Раздался мелодичный перезвон, но механизм выдал просто гамму взамен той мелодии, которая получалась у Мастина.

Проиграв звукоряд, шкатулка смолкла. Все, кто стоял на корме, обернулись к ним. Но никто не сделал попытки вмешаться.

Шкипер снова протянул свою ношу Илне.

– Госпожа, вы можете заставить ее работать? – спросил он, стараясь спрятать отчаяние.

– Не стану даже и пробовать, – ответила та. Шкатулка выглядела вполне безобидной – милая, искусно сработанная вещица. Но девушка предпочитала не ввязываться в истории, которые не понимала. – К тому же я не знаю, как она может облегчить жизнь вам, мне или,

скажем, Мероте…

Вонкуло захлопнул шкатулку и быстрыми, точными движениями моряка укутал ее в шелк.

– Я слышал, вы тоже колдунья, – пробормотал он, не поднимая глаз.

– Мне доводилось встречать колдунов, – фыркнула Илна, – но ни один из них ни в малейшей степени не был похож на меня. Откровенно говоря, среди них есть лишь одна волшебница, с которой я бы согласилась сесть за стол.

– Румб вправо! – раздался крик с мачты. – Два румба! Ради Госпожи, два румба вправо!

– Как вы не понимаете? – с горечью спросил шкипер, руки у него тряслись. Он швырнул музыкальную шкатулку одному из телохранителей, и тот поймал ее левой рукой, – прижав к животу, – в правой он по-прежнему сжимал саблю.

– Послушайте! – теперь Вонкуло уже кричал на девушку. – Мы плывем на остров колдунов. Там рай: золото и бриллианты валяются прямо на улицах… я сам видел это, когда шкатулка играла у Мастина. Но ведь они маги… и нам нужно иметь мага на своей стороне. Разве непонятно?

Илна молча смотрела на мужчину. Ясно, что его сильно страшил путь, на который он вступил, но еще больше он боялся вернуться обратно.

Верил ли шкипер в дармовые золото и бриллианты? Не исключено. Но уж в чем он ни секунды не сомневается, так это в том, что первый же порт, куда трирема зайдет пополнить свои запасы, окажется для них последним. Их попросту повесят. На самом деле возникает немалая проблема: при таком количестве ртов еды хватит от силы на несколько дней.

– А на что ты сама-то рассчитываешь, женщина? – напирал Вонкуло. – Нас-то туда позвали, а ты намереваешься явиться на остров непрошеной гостьей. Помоги мне, а я составлю протекцию тебе и девчонке.

– Да бросьте, мастер Вонкуло, – рассмеялась Илна. – Вы не уверены даже в том, что сумеете защитить самих себя. Что же касается нас с девочкой… то Мерота может рассчитывать на меня. А когда мне понадобится чья-то помощь, я найду более впечатляющего покровителя.

Шкипер был взбешен. Телохранители переводили тревожный взгляд со своего хозяина на девушку и явно чувствовали себя неуютно. Тот, что держал музыкальную шкатулку, осторожно поставил ее на палубу и отодвинулся подальше.

Илна поморщилась. Она таки разозлилась. Этот ничтожный человечишка пытался завербовать ее в союзники, используя в качестве аргумента факт ее же похищения! Но все равно… Гнев являлся для Илны непозволительной роскошью. Пусти его в сердце, и не успеешь оглянуться, как он поработит тебя. К тому же, если уж говорить начистоту, то с мятежниками их с Меротой связывали общие интересы.

– Если вы интересуетесь моими планами, – сказала Илна, – то вот что я собираюсь делать: я буду относиться к вам так же, как к любому другому человеку. А именно: отвечать вежливостью на вашу вежливость, быть по возможности честной… Волею обстоятельств мы оказались соседями, а соседи должны помогать друг другу.

В этом месте Вонкуло выдал нечто, что вполне могло сойти за улыбку.

– Мы не хотели доставлять вам неудобства, госпожа, – уверил он. Или тем более леди Мероте. Но раз уж мы плывем вместе, есть смысл действовать заодно – для нашей обоюдной пользы.

Илна кивнула и собиралась уже было отойти, когда Вонкуло задал неожиданный вопрос:

– Скажите, госпожа, вы можете предсказывать будущее?

– Что за глупый вопрос, – рассердилась девушка. – Полотно своей жизни вы ткете собственными руками. С какой стати вы спрашиваете меня об этом?

– Подождите! – воскликнул шкипер, только что не хватая ее за рукав. – Скажите мне, чем закончится наша попытка? Прошу вас, скажите!

– Хорошо, – внезапно согласилась Илна. – Мне понадобится несколько волосков из

вашей бороды и нити из одежды. Вот, например, из той поношенной части кушака… А также фрагмент корабельного такелажа.

Девушка вытащила нож из-за пояса и срезала несколько волокон бечевы, которой прикреплялись снасти к мачте. Ее просто трясло от гнева. Она позволила заговорить своей злости, хоть и знала, что не должна была этого делать. И вот теперь яростный крик достиг души Илны и вызвал ее отклик, который обычно она подавляла.

Обернувшись, девушка увидела, что Вонкуло пытается срезать волосы тупым ножом.

– Стойте смирно, – с мрачной улыбкой скомандовала она. Шагнула поближе и отмахнула дюжину волосков из пышной бороды шкипера.

Они были рыжими с проседью. Мужчина вздрогнул при виде ножа в непосредственной близости от своего горла, но даже не попытался отшатнуться.

– Земля слева по борту! – раздался голос впередсмотрящего. – Достаточно большая, чтобы высадиться!

Шкипер подскочил к бакштагу и принялся карабкаться, подтягиваясь на руках и помогая себе ногами. Моряки прильнули к поручням, высматривая землю, и даже некоторые из гребцов побросали весла, невзирая на проклятия старших, сидевших на каждой пятой скамье.

Глаза Илны тоже были устремлены вперед, пока пальцы механически сплетали разнородные составляющие. Мерота наблюдала за ней в безмолвной тревоге. Чалкус, с привычной сноровкой налегая на весло, послал девушке уже знакомую улыбку. Никто из его пятерки не посмел бросить весла.

Вонкуло на мачте о чем-то препирался с впередсмотрящим. Наконец он принял решение:

– Причаливаем на ночь!

– Но там мы не найдем воды! – запротестовал один из матросов. – Это же песчаная коса, которая в прилив уйдет под воду.

– Тогда мы уже снимемся с якоря, – ответил шкипер, спускаясь с мачты. – К тому времени, как рассветет, мы найдем настоящий остров с питьевой водой. А сейчас приходится выбирать: ночевать здесь или на мели. Неужели не понятно?

Впередсмотрящий выкрикивал команды, моряк на носу дублировал их для рулевого.

– Табань! – распорядился Вонкуло, возвращаясь к флейтисту.

Затем, обернувшись к Илне, в сердцах выругался:

– Сестра забери этого дурака Лесера! Неужели он надеялся проскочить Восточные Мели в темноте?

– Если б они не были дураками, то вряд ли так опрометчиво последовали за вами, мастер Вонкуло, – заметила девушка.

– Возможно, такую знатную даму, как вы, золото мало интересует, – огрызнулся шкипер. – А тот, кто живет впроголодь, готов рисковать ради богатства.

Улыбка Илны больше походила на рыболовный крючок.

– Вот, – сказала она, протягивая Вонкуло плетеный узор, который изготовила на скорую руку. – Рассмотрите его на свету.

Она не стала говорить этому человеку, что дети, оставшиеся сиротами в семь лет, отлично знакомы с голодом. Ему это было неинтересно… да и непонятно тоже. Вонкуло относился к тем людям, которые считают богатство панацеей от всех бед. Однако получи он даже все сокровища мира, это не сделает его умнее. Он будет хотеть все больше и больше денег, не понимая бесполезность такого лекарства.

– Дай мне лампу, Тайгач! – скомандовал Вонкуло.

Фонарь, свисавший с изогнутого ахтерштевня, представлял собой деревянную конструкцию с роговыми окошками, служащими защитой от морских брызг. Названный матрос снял фонарь с крюка и поднес поближе к изделию Илны.

– Я ничего не … – начал было Вонкуло. Затем он заорал.

Одной рукой швырнул плетенку за борт, другой загораживая глаза.

Тайгач в испуге отскочил, наступив при этом на флейтиста. Тот вскочил на ноги, потеряв ритм мелодии. Как следствие сбились гребцы, оттуда послышались сердитые проклятия.

– Это неправда! – крикнул шкипер. В какой-то момент Илне показалось, что он схватится за нож. Вместо этого Вонкуло принялся яростно вытирать ладони о поручни, будто желая стереть даже мельчайшие частички того узора, что подарила ему девушка.

– Убирайся от меня! – произнес он. – Отправляйся на нос… или за борт, мне один черт!

Вторая трирема вплотную приблизилась к ним. На носу стоял матрос с медной трубой, он протрубил остановку. В лучах заходящего солнца медь горела подобно лунному серпу.

– Суши весла! – крикнул Вонкуло.

Флейтист дал три долгих сигнала, но гребцы уже и сами подняли весла. Илна заспешила к тому месту, где оставила девочку. Она быстро, но стараясь не терять достоинства, пробиралась меж канатов.

– Он попросил предсказать ему будущее? – спросил с ухмылкой Чалкус. – И что же такое вы ему такое показали, госпожа?

– Понятия не имею, – пожала плечами девушка, сжимая в ладони теплую, вспотевшую руку Мероты. – Это ведь был рисунок его судьбы, не моей.

Моряки обеих трирем перекрикивались, делясь замечаниями и планами. Обсуждение грозило затянуться. Эдак луна войдет в зенит, прежде чем они придут к согласию.

– Илна? – обратилась к ней девочка. – А ты действительно могла бы предсказать судьбу, если б захотела?

– Знаешь, дитя, – ответила девушка, – я на собственном опыте убедилась, что жизнь довольно неприятная штука. И знание будущего лишь добавляет забот. Ни к чему это…

– О да, девочка, – рассмеялся Чалкус. – Но мне почему-то кажется, будущее грозит значительно ухудшиться для тех, кто становится на пути этой госпожи.

– А что насчет твоих врагов, Чалкус? – неожиданно спросила Мерота. – Что с ними происходит?

Запевала серьезно посмотрел на девочку.

– Вот что я тебе скажу: обычно им хватает ума заблаговременно стать моими друзьями.

И мужчина рассмеялся. Смех его еще не стих, когда флейта протрубила сигнал причаливать. Островок смутно и даже как-то угрожающе вырисовывался в ночи.

* * *

Хотя Шарина и не разделяла страстной любви своего брата к классикам, она тем не менее тоже прошла курс обучения у Рейзе – как способная ученица и почтительная дочь. Сейчас, пробираясь через разрушенные временем каменные постройки, девушка пыталась как-то согласовать увиденное с тем, что когда-то читала.

Увы, безнадежно. Вроде ей припоминались какие-то намеки у Ригала в его эпической поэме «Странствия Данна» и что-то такое встречалось в альмсдоровском «Рождении богов». Но древние источники противоречили друг другу… а кое-где – как у Альмсдора – даже сами себе. Похоже, этот дворец и весь полуразрушенный город были старее самого мифа.

Что, впрочем, не уменьшало его реальности.

Время от времени дорогу Шарине преграждали обвалившиеся фрагменты каменной кладки. Лунный свет позволял разглядеть на них угловатые фигуры и сложный, запутанный орнамент. Но не они затрудняли путь девушке. Серьезной проблемой являлись не в меру разросшиеся деревья – они настоящей чащей покрывали то, что некогда являлось городской площадью. Порой Шарина в отчаянии останавливалась, не в силах проложить себе путь.

Здания по обе стороны от проспекта, по которому она пробиралась, были полностью скрыты растительностью. Настолько, что при дневном свете лишь строгая упорядоченность этих зеленых холмов указывала на их искусственное происхождение. Белый лунный свет

проникал меж стволов и стеблей и нет-нет да высвечивал блестящие камни в основании. Время от времени в зарослях распахивался черный прямоугольник от дверного проема. Или вдруг открывался стилизованный лик древней рептилии.

Некогда величественный город оказался полностью разрушенным временем. От него ничего не осталось.

Знаменитые историки – Херфа, Отшельник Пэлйч, а также Селондр в некоторых своих лирических стихотворениях описывали историю основания Королевства Островов королем Лорканом Первым. По их свидетельствам, королю в этом помогал великий маг из дочеловеческой расы рептилий. Все это произошло примерно за тысячу лет до того, как жил и писал Херфа.

Интересно, из каких источников он и все остальные черпали свои сведения? Ну прежде всего это хроники знатных семейств, основное предназначение которых – в том, чтобы прославлять их представителей. Затем, конечно, храмовые записи – увы, слишком поверхностные, чтобы быть достоверными. К тому же эти сведения, только в более поздние времена, продублировали в камне. А до того они неоднократно записывались и переписывались поколениями малообразованных и невнимательных писцов. Потом еще имелись баллады менестрелей – слагаемые скорее с развлекательными, чем с информационными целями и приукрашиваемые для большей продаваемости.

Ну и конечно воображение. Шарина понимала: историки Старого Королевства были обычными людьми. И как все люди, скорее изобретут фантастические объяснения непонятным фактам, чем распишутся в собственной невежественности.

Приходится признать: все сведения о короле Лоркане, которыми располагала Шарина, не более достоверны, чем слухи, распускаемые о самой леди Шарине возницами в тавернах Вэллиса. Рассказы же о его соратнике с нечеловеческой внешностью и вовсе могли оказаться выдумкой.

Но король Лоркан действительно существовал, доказательством тому – само Королевство Островов. И легче было поверить в наличие мага-помощника, чем представить себе, что мелкий аристократ с Хафта настолько возвеличился на фоне царившего тогда хаоса, что смог объединить Острова без помощи волшебства. И хотя встреченного на развалинах Дракона девушка не могла назвать полностью «реальным» – его нельзя, скажем, потрогать, как Кэшела, – все же значение подобной встречи трудно переоценить.

Шарина усмехнулась. Возможно, именно Дракон раскроет ей историю основания Королевства Островов и роль Лоркана в этом событии. Она может даже попытаться напечатать свою версию. Правда, скорее всего, высоко ученые мужи Вэллиса и Эрдина отвергнут ее сочинение как наивную попытку эвгемеризма. Ну что ж, она и не претендует на роль историка.

Какое-то движение впереди. Мышь, подумала Шарина. Но существо снова прыгнуло в дорожку лунного света, и девушка разглядела серую пятнистую жабу.

Она являлась не единственным представителем местной фауны: воздух вокруг буквально звенел от комаров, явно нацелившихся испить крови Шарины. Еще прежде ей удалось разглядеть ящерку, скользившую по камням. Однако никаких летучих мышей. И даже птицы, которых Шарина видела и слышала в окрестных лесах, здесь, на территории заброшенного города, не нарушали тишину своими голосами.

Девушка снова подивилась, почему преследовавшие ее аборигены побоялись пройти сквозь ворота. С ее точки зрения, данные развалины мало отличались от леса, окружавшего ее родную Барку. Но этот страх – чем бы ни вызывался – похоже, распространялся и на местных теплокровных.

Дракон проявил своеобразное гостеприимство по отношению к Шарине, и почти наверняка гигантская птица, доставившая ее сюда, тоже принадлежала Дракону. Так или иначе, девушка дала клятву служить этому существу. И даже сейчас, обдумывая происшедшее, не могла найти лучшего выхода из той ситуации.

Ее продолжал мучить вопрос: когда в необъятном временном пространстве

существовала эпоха, в которую ее закинуло? Дракон утверждал, что они находятся на Кордине – вернее на острове, которому в будущем предстоит называться Кордином. Она видела акулью голову на шесте возле поселения. Ригал упоминал акульи головы как символ первых правящих династий на Кордине. Но Ригал ссылался на события, отнесенные на тысячелетия пошлое, не говоря уж о том, что сам Ригал умер за тысячи лет до рождения Шарины. Миф о мифе…

Девушка улыбнулась. Пока она сохраняла способность улыбаться.

Впереди неясно маячила глыба. В ней Шарина опознала трон который разыскивала по приказу Дракона. Поэтому она начала взбираться на гранитную скалу – тот же материал, из которого безвестные ваятели выстроили весь город: светлый, очень твердый и гладкий.

Спинка трона и его подлокотники казались довольно низкими и довольно пологими, вместо того чтобы резко вздыматься вверх. Широкое сиденье, похоже, было вставлено в готовую конструкцию.

После недолгого раздумья девушка двумя решительными ударами пьюльского ножа срубила ствол ротанговой пальмы, чтобы использовать его в качестве рычага. Один конец ствола она просунула в зазор между плитами и умудрилась слегка сдвинуть сиденье вперед – так, чтобы образовался захват для пальцев. Она обратила внимание на интересный факт: за долгие века корни вездесущих растений проникли повсеместно меж плитами построек – такими же гладкими и хорошо подогнанными. Но трон оставался столь же гладким и чистым, как в первый день, когда его сработали каменщики.

Если, конечно, это были каменщик, а не волшебники.

Дальше произошло невероятное: сиденье скользнуло вперед, как выдвижной ящик стола: без малейшего усилия, несмотря на его огромный вес. Сдвинув крышу достаточно, чтобы разглядеть предметы, хранившиеся внутри, Шарина так и оставила тайник полуоткрытым.

Сверху лежало то, что вначале выглядело куском материи. Но, взяв ее в руки, девушка услышала характерное шуршание это оказалась змеиная кожа. По ширине она могла охватить объем толщиной с Шаринино бедро, но в длину было всего шесть футов. Девушка не знала ни одной змеи с такими размерами.

Она разглядывала находку в лунном свете. Похоже, изначально она была пятнистая. Но когда змея скидывала кожу, та растянулась, и пятна размазались. Во всяком случае, Шарина не могла четко определить рисунок. Она даже не взялась бы утверждать, что там вообще присутствовал рисунок.

Шарина носила нож на поясе, подогнанном на более тучную фигуру. Его длины хватило бы, чтоб дважды опоясать талию девушки, но ей не хотелось укорачивать пояс. Сейчас она расстегнула пряжку и сняла пояс. Скрутила змеиную кожу, будто это был обычный шелк, и обернула вокруг талии. Затем – поверх – вновь надела пояс.

Ее соседи по Барке сочли бы человека в змеиной коже сумасшедшим. Но Шарине доводилось видеть и более необычные материалы в костюмах столичных красоток. Ее рассмешила мысль, что, возможно, ей суждено стать родоначальницей новой моды в Вэллисе.

Девушка пошарила и достала второй предмет из тайника: брошку трапециевидной формы, выкованную из чистого золота. По углам имелись дырочки – очевидно, какой-то священник носил ее в качестве пектораля.

На брошке была отчеканена голова человекообразной рептилии: возможно, Дракона или кого-то из его сородичей. Слегка приоткрытые челюсти обнажали заостренные зубы. Улыбка или оскал?

По периметру броши шел бордюр из неповторяющихся символов – заостренных клинышков и треугольничков. Сначала Шарина посчитала их простым украшением, но более внимательный взгляд навел ее на мысль о письме. Перевести девушка не могла – да и вряд ли кто-нибудь из ее знакомых сумел бы, а предаваться бесплодным фантазиям времени не оставалось. Луна почти достигла своего зенита.

Шарина оттянула ворот туники и опустила брошь за пазуху, она скользнула и остановилась на животе над туго затянутым поясом. Золотая штуковина – даже такая тонкая, как эта, – ощутимо оттягивала тунику. Тяжелый металл… Пожалуй, такая брошка стоит побольше, чем весь отцовский постоялый двор.

Покончив с этим, девушка вошла в березовую рощу, преграждавшую ей дорогу к нужной арке. Деревьям удалось запустить корни в щели между плитами бывшей мостовой, но видать, не так много они вытягивали своими корнями: березки выросли довольно худосочными. И все равно, протискиваясь меж шершавых стволов, Шарина совсем запыхалась.

Когда деревья окончились, девушка остановилась оглядеться и внезапно поняла, что практически топчется на месте. С обеих сторон – чуть впереди от нее – вздымались колонны, которые вверху соединялись изогнутой аркой.

В отличие от всего прочего в городе, арка была изготовлена из какого-то незнакомого черного камня. Еще одна вещь (после трона), совершенно нетронутая временем. Поверх нее вились и свисали лианы, но ни одной из них не удалось внедрить свои корневища меж черных камней.

Шарина встала под аркой. Все пространство вокруг было окутано тенями, но точно посередине лежало светлое пятно. Девушка запрокинула голову, чтоб найти его источник.

Она обнаружила небольшое отверстие в самом верху арки. Падавший лунный свет позволял разглядеть, что его окаймлял узор, возможно, такой же, как на броши, лежавшей у Шарины за пазухой.

Сколь ни мало было отверстие, сквозь него как раз виднелась поднявшаяся в зенит луна. Белый диск холодно поблескивал над головой. Еще мгновение и…

Девушке показалось, она что-то увидела. Как-то раз на Овечью Ярмарку прибыл странствующий фигляр и принес с собой камеру обскура. Он поразил зрителей перевернутым изображением предметов на занавеси, размещенной позади устройства. Парень утверждал, что здесь замешано волшебство, и народ – как местный, так и пришлый – склонен был в это верить.

Один только Рейзе объяснял необычное явление прохождением света сквозь крошечное отверстие в дне коробки. Оптический фокус, сказал он. Не большее волшебство или чудо, чем радуга в небе. Шарина верила отцу, она знала: тот не станет лгать… скорее уж, выйдет голышом на улицу и станцует джигу. Но даже она тогда подумала: возможно, и в радуге присутствует элемент волшебства, о котором ее отец даже не подозревает.

Арка представляла собой еще одну камеру обскура, не более того. Проблема в том, что открывалась она в пустое небо, а образы, которые проецировались, были…

Она почувствовала, что тело ее растворяется, как соль в устье реки. Казалось, она стала частицей времени, путешествующей сквозь вечность: каждый утес, каждое дерево, каждое живое существо было Шариной ор-Рейзе, а она – ими всеми. Вселенная сверкала драгоценным занавесом вокруг нее. У девушка мелькнула мысль: наверное, именно таким видится мир Илне…

Нет, не может быть! Слишком уж здесь хорошо. Мир же, в котором жила ее подруга, наполнен болью и страданиями – это Шарина знала наверняка, как знала саму Илну. Теперь, увидев эту прекрасную вселенную, она испытывала жалость к подруге, рядом с которой выросла. Но, в конце концов, каждый сам выбирает свой жизненный путь…

В какой-то момент ее великолепное путешествие замедлилось. Вернее, не так: время не имело смысла в нынешнем существовании Шарины, но она почувствовала, что какие-то границы замыкаются вокруг нее.

Затем все остановилось. На мгновение девушке показалось, что она ослепла, но это было не так. Просто теперь она снова видела окружающий мир глазами – вместо того, чтобы быть самим этим миром.

… День клонился к вечеру и было гораздо теплее, чем когда Шарина покидала развалины древнего города. В конце аллеи девушка разглядела двух-, трехэтажные здания.

Там суетились, занятые своими делами, люди, одетые в килты и легкие, свободные блузоны.

Мужчина входивший в аллею, увидел Шарину и замедлил шаги. Он нахмурился скорее недовольно, чем удивленно.

Девушку била легкая дрожь. Она не могла припомнить детали своего переноса в эту реальность, но осталось ощущение огромного, чистого счастья от слияния с вечностью. И отсутствие этой гармонии в настоящий момент угнетало и глодало ее душу, подобно раковой опухоли. В своем путешествии она была… она была всем! А сейчас…

Шарина опустилась на корточки, опустив голову и заставляя себя дышать медленно и глубоко. Вскоре дрожь унялась, она смогла наконец выпрямиться, ощущая некоторую неловкость от своей реакции. Хотя, чего уж там…

Человек, которому удалось спастись из морской пучины, лежит на берегу, кашляя и отплевываясь. А ведь она тоже тонула и растворялась, угодив в поток вечности.

По аллее, мимо нее, спешили какие-то люди, они бросали любопытные взгляды на девушку. Их говор не сильно отличался от того, что она слышала на улицах Вэллиса. Несмотря на некоторый акцент, Шарина в общем улавливала, о чем говорят местные жители.

Она огляделась и решила: надо перевесить нож за плечо – так чтобы его скрывал свободный плащ. Похоже, здесь было не принято ходить вооруженными по улице. Пектораль по-прежнему находился там, куда она его поместила, – девушка ощущала тяжесть золота. Она сделала еще пару глубоких вдохов и приготовилась выйти из аллеи.

И только тогда обратила внимание на здание слева от себя. Местами штукатурка обсыпалась, и Шарина могла видеть под ней все те же каменные блоки, из которых был выстроен древний город – место ее встречи с Драконом.

* * *

Распрощавшись с Гарриком и двумя женщинами, Катчин-мельник понуро побрел по набережной. Он постоянно спотыкался, поскольку неровности каменной мостовой плохо были видны в неверном свете волшебного моста, а глаза Катчину застилали слезы обиды и разочарования.

Что же это такое? Как могло случиться, что маленький Гаррик ор-Рейзе – мальчишка, который вырос у него на глазах, – отослал его прочь?

Катчин слышал бормотание старухи у себя за спиной. Вдруг вспыхнул яркий свет. Внезапно удлинившаяся тень на мостовой напугала мельника. Он оглянулся через плечо и увидел, как расширяющийся конус голубого свечения охватил прогнавших его людей. Их фигуры обратились в дым, в воздухе раздалось жужжание – как от цикады, только громче. Картинка стала увеличиваться в размерах.

Перепуганный Катчин побежал. Прибыв в Вэллис он обзавелся парой новых туфель – из красной кожи, с загнутыми носами, которые оканчивались золотыми кисточками.

Их подметки были очень скользкими, а камни мостовой отполированные за долгие годы тысячами подошв превратились в сущий каток. Несчастный мельник поскользнулся и упал, крича от боли и злости на этот несправедливый мир.

Свет, окружавший Гаррика и остальных, делался все ярче, не отбрасывая больше теней. Конус постепенно начал раскручиваться, выбивая камни из мостовой у своего основания. Звук все усиливался, постепенно переходя на частоты, которые человеческим ухом уже не воспринимались. Но Катчин чувствовал, как его зубы и все кости вибрировали в унисон ультразвуку.

Задыхаясь от ужаса и тихонько скуля, он встал на четвереньки. С ума сойти! Сначала с ним обходятся, как с простым крестьянином… а теперь еще и это!

На улице не было ни души. Солдаты, стоявшие в отдалении, не могли видеть мужчину, скорчившегося в тени здания. Дома глядели на происходящее слепыми, темными окнами, там тоже никого не было.

А волшебная воронка, в центре которой находился Гаррик, все росла в своем вращении. Она медленно перемещалась по улице – освещая лишь саму себя и то, что мелькало внутри. С замирающим сердцем Катчин наблюдал обрывки других миров и других времен.

От основного конуса отделилось еще три воронки, поменьше размером. Каждая двигалась своим путем, одна из них направлялась в сторону мельника.

Мужчина вскочил на ноги и снова побежал. На сей раз, он старался двигаться осторожно – как горожанин, которому предстоит пересечь распаханное поле. Собираясь к Гаррику, Катчин надел свои лучшие одежды: короткий плащ с золотой каймой, многослойная туника темно-оранжевого цвета. Один только пояс малинового шелка обошелся ему в цену дюжины овец. Правда, он немного пострадал во время последней стирки. Дурочка Федра – жена Катчина – предпочла сделать это самостоятельно, чтоб не обращаться за помощью к Илне.

А ведь та бы не отказалась. Поворчала бы, конечно, но сделала бы все безупречно – как всегда, когда работала с тканью. Более того, еще и швырнула бы ему под ноги предложенную оплату… В том-то все и дело. Катчин, конечно, любил деньги. Но принимать одолжение от Илны было хуже, чем расставаться с деньгами. Вот в результате и поплатился испорченным поясом.

Мельник считал себя самой важной персоной в родной Барке. Ведь в качестве бейлифа он представлял самого графа Ласкарга! Как кто-то мог проявлять к нему неуважение!

Порой Катчин и сам верил в байки, которые рассказывал односельчанам: что присутствовал на обедах в каркозском дворце графа (на самом деле обычно его быстренько выпроваживали после доклада младшему служащему). Беда в том, что никто другой в них не верил. А ведь он являлся самым богатым человеком в деревне. И заслуживал уважения!

Боль в костях нарастала, становилась нестерпимой, как отчаянный заячий крик. На бегу Катчин бросил взгляд через плечо. Воронка его нагоняла! Мельник закричал, и как бы в ответ, воронка сделала пируэт, как искусный хороводный танцор.

Мельник рванулся в сторону…

… поскользнулся…

… и упал в тусклое, залитое серым светом пространство. Ни цвета, ни теней… Перед ним стояла женщина в робе из беленого полотна. Лицо ее под свинцовыми белилами выглядело еще белее одеяния.

– Где я? – произнес Катчин слабым голосом и отметил, что эхо здесь отсутствовало. Улица, мост из голубого света и магическая воронка, которая, как догадывался мельник, таки его настигла, – все это куда-то исчезло. Не было ничего, кроме женщины, бесцветной, как старые побелевшие кости. – Кто вы?.. Это вы перенесли меня сюда?

Пронзительное жужжание тоже пропало. Здешняя серая атмосфера казалась стеной, отделившей Катчина от мира, который он покинул.

Незнакомка подняла правую руку и легонько качнула предметом, свисавшим с указательного пальца, – это был человеческий шейный позвонок. Он висел на шнурке, сплетенном из человеческих волос. Другой рукой женщина закрутила свою страшную игрушку – сначала по часовой стрелке, затем против. Катчин смотрел во все глаза.

– Нам есть что обсудить, Катчин-мельник, – произнесла незнакомка монотонным голосом. – Ты пойдешь со мной.

– Япойду с вами, – повторили губы Катчина. Собственный голос показался ему безжизненным эхом. – Нам есть что обсудить.

Женщина развернулась и медленной поступью человека, несущего гроб, направилась прочь, в серую мглу. Шейный позвонок она по-прежнему несла на пальце, раскручивая то в одну, то в другую сторону. Катчин шел следом, не в силах оторвать глаз от страшной ноши.

Я пойду с вами, – бессознательно повторял он.

Глава 12

Внутренний двор, в котором стояли Гаррик, Теноктрис и Лиэйн, был огромным – больше Поля Героев в Каркозе. Постройки с запада – дома или просто стены? – оказались сплошь засыпанными песком.

– Не пойму: это город или все одно здание? – спросила Лиэйн. – С виду похоже, что все соединено между собой.

– И то, и другое, – ответила Теноктрис. – Огромное здание, вмещающее все человечество. Строители называли его Алэ, что в переводе с их языка означает «крылья». Последний город людей.

Несмотря на то что старая женщина бодрилась, Гаррик старался поддерживать ее при ходьбе. За то время, пока они шли, его левая рука онемела от веса колдуньи. Юноша старался дышать поглубже, но разреженный воздух не насыщал легкие. Нет, определенно нельзя позволять бедной женщине перенапрягаться в таких условиях.

– Последний? – переспросила Лиэйн. Ее голос едва доносился: и воздух плохо проводил звук, но и девушка говорила тихо. Похоже, эта мысль ее всерьез заинтриговала. Гаррик же был слишком сконцентрирован на своих проблемах, чтобы заинтересоваться мертвым городом.

– Смерть человечества в этом мире, – спокойно пояснила Теноктрис. – Всему рано или поздно приходит конец. Но хочу подчеркнуть: это был естественный конец – не то, что хаос возобладал над порядком и до времени прервал нить жизни.

Она ласково сжала бицепс Гаррика и потянулась, чтобы похлопать по руке девушку.

– Во всяком случае, мы должны постараться это понять.

– Зло не победит, пока я жив, – заявил Гаррик вслед за королем Карусом в его сознании. Затем, рассмеявшись, добавил: – Пока хоть один из нас жив.

Западные постройки, принесенные в жертву песку, тем не менее остановили его наступление и спасли от заносов остаток площади. Блестящие языки песка дотягивались до первой из пяти террас, вздымавшихся от центральной площадки. Но невысокий кустарник с мелкими листиками, пустивший корни в щели между плитами, заметно отличался от растительности песчаной дюны.

Они преодолели три ступени и поднялись на первую террасу. Раньше Гаррику доводилось видеть поля, где землю поднимали и укрепляли для лучшего сохранения дождевой влаги: таким образом облегчался труд земледельцев. Но то, что он наблюдал здесь – изменение ландшафта в таких грандиозных масштабах, – было для него совершенно внове.

Память Каруса услужливо предлагала ему образы городов Старого Королевства. Каркоза, Вэллис и еще дюжина столиц, конечно, впечатляли, но ни один из них не мог похвастаться таким памятником материальной культуры.

По периметру площадки – примерно через каждые двадцать ярдов – стояли статуи каких-то зверей, припавших к земле, будто изготовившихся к прыжку. Многие из них были изрядно занесены песком.

– Это львы? – с сомнением спросил Гаррик. Его смущали горбы на спинах тварей.

– Это сфинксы, Гаррик, – откликнулась Лиэйн. – Так называемые крылатые сфинксы. Хотя летать они не умели с такими маленькими крыльями.

Она бросила взгляд на Теноктрис:

– Или умели?

Юноша так и не понял, насколько серьезен ее вопрос.

Эти статуи поставлены просто для украшения, – ответила старая колдунья, рассматривая фигуры, пока они поднимались по лестнице на следующую террасу. – Но вот люди, изготовившие их, умели летать. По крайней мере те, которые хотели. Но они бросили это занятие задолго до того, как умер последний из них.

Гаррик от удивления даже оступился.

– Не поверю, чтобы кто-то отказался от возможности летать.

У себя в Барке часто, приглядывая за овцами, юноша откладывал в сторону начатую книгу и засматривался на чаек над морем. Сухопутные птички оставляли его равнодушным.

Эти крохи перепархивали с места на место, озабоченные лишь собственной безопасностью и поисками пищи. Стервятники целыми днями кружили над залитыми солнцем полями, но их полеты также диктовались чувством голода – еще более очевидный факт, чем в случае с их младшими собратьями.

А вот чайки… Чайкам принадлежал весь мир. Эти серокрылые птицы перелетали с острова на остров, устраиваясь на ночлег там, где захотят.

– Люди, построившие Алэ, имели другие интересы, – заметила Теноктрис, оглядываясь на застывших сфинксов. – Возможно, им жилось лучше без полетов. Хотя кто я такая, чтобы судить других людей, – добавила она.

Третью террасу окружали перила. Тучи вездесущего песка истончили их первоначальную форму. Местами середина столбиков оказалась выломанной. Тогда торчавшие обломки напоминали стремящиеся друг к другу сталактиты и сталагмиты.

Ступеньки упирались в массивные ворота – прямоугольные, украшенные орнаментом. Очевидно, ветер дул всегда с северо-запада, потому что резьба на противоположной, защищенной стороне дверей хорошо сохранилась. Гаррик разглядывал гибкие человеческие фигуры – обнаженные, бесполые, они выполняли какой-то сложный ритуал, заключавшийся в переливании жидкости из одной емкости в другую, а затем через ее край. Их миндалевидные лица выглядели совершенно бесстрастными.

Лиэйн, как обычно, несла с собой складной бювар. В нем она хранила письменные принадлежности и необходимые бумаги. Хотя поклажа была не тяжелее рядовой сумки, девушка остановилась, чтобы перекинуть лямку папки с правого плеча на левое. Гаррик и сам много быстрее уставал в этом разреженном воздухе.

– Так что, Альман – последний представитель сгинувшей расы? – спросила Лиэйн.

– Великий маг Альман бор-Халлиман жил во времена короля Лоркана, – с легкой улыбкой пояснила Теноктрис. – Устрашенный сдвигом реальности, неизбежно последовавшим за основанием Королевства, он решил удалиться в пустынное место, где ничто бы не отвлекало его от занятий. Он пришел в Алэ после того, как другие люди уже покинули город.

Волшебница оглянулась на окружавшее их великолепие, века и века разорявшееся ветром.

– У него есть магическая линза, сделанная из хрусталика единственного глаза Бехемоза, – добавила она. – Я хочу позаимствовать ее, чтобы разглядеть другой конец моста.

– А захочет Альман помогать нам? – спросила Лиэйн. – Если он пришел сюда в поисках покоя…

– Он поможет нам, потому что он человек – представитель человечества, которое сейчас в опасности, – вмешался Гаррик. – Если же Альмана не заботят больше судьбы человечества… – и юноша положил руку на эфес меча, – тогда меня не заботят желания самого Альмана.

Покрытие на четвертой террасе сильно отличалось от грубого камня, из которого был сложен весь город. Вода! Вот что подсказывали Гаррику глаза, но он не мог не замечать песчаной поземки на этой чрезвычайно гладкой поверхности.

– Неужто стекло? – спросил юноша вслух.

Поверхность к тому же была скользкой, опасно скользкой. Гаррик старался ступать очень осторожно, аккуратно ставя ноги одну перед другой. Он боялся в противном случае упасть и увлечь за собой Теноктрис. Песок скрипел под его ногами.

– Слишком твердо для стекла, Гаррик, – сказала Лиэйн. – Посмотри, за долгие годы песчаные бури не оставили ни малейшего следа на поверхности.

Она с трудом сглотнула. В такой разреженной атмосфере горло моментально пересыхало.

– Возможно, это сапфир, – спокойно добавила девушка. Гаррик нахмурился, пытаясь посмотреть на покрытие новым взглядом: как на любопытное создание человеческих рук, а не как досадное препятствие, которое приходится преодолевать. Поверхность казалась

абсолютно гладкой: окружающие постройки отражались в ней без малейшего искажения, да и соотношение звезд в этом зеркале нисколько не изменялось по сравнению с тем, которое было на небе.

Гаррик не мог сказать ничего определенного насчет цвета покрытия. Голубое или даже черно-голубое, но, может быть, просто в нем отражался цвет ночного неба.

Наконец они достигли верхней террасы. У Гаррика вырвался вздох облегчения, когда его ноги снова коснулись бледного песчаника. Он тоже был твердым и идеально отшлифованным – если судить по углам, которые не успело занести песком. Но по крайней мере безопасным для хождения.

– Как здешние жители умудрялись пересекать эту площадку, не свернув себе шеи? – пожаловался Гаррик.

– Они редко покидали свои дома, – пояснила Теноктрис. – Ближе к концу все вообще оставались в своих комнатах. Их жизнеобеспечением занимались создания, которые специально для этого сконструировали. Ничего удивительного, что в конце концов они все вымерли.

– Не понимаю, как кому-то может понравиться здесь жить, – произнесла Лиэйн. – Наверное, Альман мог выбрать другое место для уединения. Алэ не просто мертвое место – оно никогда и не было живым.

– Люди, построившие его, думали не так, как мы, – возразила старая волшебница, – и я очень благодарна им за это. Что касается Альмана, то тут я ничего не могу с уверенностью сказать… Знаю одно: он мог в любое время покинуть Алэ, но не сделал этого. Наверное, ему здесь хорошо.

– Что бы вы ни говорили, – вмешался Гаррик, – это место по-своему прекрасно. Сам бы я не смог здесь жить, но мне нравится ощущение покоя.

– Покой не для тебя, парень, – раздался голос короля Каруса. – В мое время тоже были мудрые, миролюбивые люди: среди них попадались священники, философы да и просто обыкновенные люди, возомнившие, что не смогут жить, если отнимут жизнь даже у законченных мерзавцев.

Предок Гаррика видел окружающее его глазами, но замечал гораздо больше: нишу, возможно скрывавшую убийцу; парапет, с которого лучники могли поливать стрелами тех, кто находился внизу; нависающий ветхий карниз, который даже ребенок обрушил бы, если б прикоснулся к нему. С несвойственной Гаррику резкостью Карус добавил:

– Возможно, Госпоже приятно их присутствие, но их принципы – то, что они боятся или не желают делать, – разрушают все государство и жизнь его подданных.

Юноша посмотрел на Лиэйн, затем на волшебницу. Вслух он сказал:

– Вселенная достаточно велика. В ней есть место и для миролюбивых людей. Думаю, они так же радеют за дело добра, как я со своим мечом.

Теноктрис ответила ему понимающим взглядом, Лиэйн удивленно подняла брови. Зато король в его сознании рассмеялся – похоже, он одобрял позицию Гаррика.

Троица вошла в здание через портал, достаточно высокий для настоящих великанов. Дверные створки, сделанные из серебра, гораздо больше пострадали от песчаных атак, чем каменный косяк. Одна из них беспомощно свисала с петель, другая была наполовину распахнута в обширный холл. На ней виднелись следы гравировки, хотя, возможно, здесь тоже поработал своим песчаным резцом ветер.

С расстояния здание выглядело хорошо сохранившейся монолитной глыбой. Но вблизи стало видно, что песок бесследно стер детали в нижней части резьбы. К тому же долгие века на стенах оседала утренняя роса, которая затем ручейками стекала вниз, создавая постоянный источник влажности в этих безжизненных пространствах.

Одного взгляда в сводчатый холл хватило, чтобы увидеть: безжалостное время и здесь поработало. Но даже при этом зрелище было незабываемое. Рука Гаррика невольно потянулась к мечу, а Лиэйн ахнула при виде гигантских каменных лиц, улыбающихся им со стен.

Черный жук размером с ноготь Гаррика поспешно полз по губам ближайшей маски. Первое живое существо, которое они обнаружили.

– Кто они? – тихо спросил юноша.

Лунный свет, падавший из отверстий наверху стен, освещал десять огромных ликов – по пять с каждой стороны – зловещее число… Но сами лица хранили благостное и безмятежное выражение. Полные губы, широкие носы, очертания щек слишком тяжелы по сравнению с бесполой грацией фигур, которые они раньше видели на воротах.

Теноктрис рассматривала изображения с тем спокойным интересом, который проявляла ко всему вокруг. Каждую голову венчал сложный головной убор, составленный из портиков и лесенок. Даже в слабом освещении Гаррик отметил, что неведомые скульпторы несколько исказили пропорции с целью компенсировать взгляд снизу.

– Подозреваю, эти лица символизируют все человечество в целом, – задумчиво сказала волшебница. – Впрочем, я не уверена.

Она улыбнулась своим спутникам.

– Единственный, кто имеет достоверные сведения про Алэ, – это сам Альман и его ученик, помогавший ему в исследованиях. Полное имя этого человека не сохранилось… все звали его Эколайт с Шенги. Он оставил после себя записи, которые позднейшие ученые использовали при составлении собственных альмагестов.

И Теноктрис смущенно закашлялась, как бы извиняясь за свое невинное хвастовство.

– Я не отношу себя к могущественным магам, – твердо сказала женщина. – Но магия – не единственный путь для постижения нашего мира. У меня на руках было несколько свидетельств, где даже не упоминалось имя Альмана, и одно, где о нем прямо говорилось, но отнюдь не в связи с Алэ. Сопоставив их, я тут же догадалась, что именно сюда он бежал во время Объединительных Войн, прихватив свой магический арсенал. И, честно говоря, очень горжусь своей необычайной прозорливостью.

Волшебница снизу вверх взирала на лики, возвышавшиеся над ее маленькой хрупкой фигуркой. Странное дело: при всей несхожести ее птичьего личика с остро очерченными чертами что-то роднило ее с древними колоссами на стенах – наверное, тихая, безмятежная улыбка.

– Я никогда не могла и подумать, – продолжала Теноктрис, – что увижу Алэ собственными глазами. Мне не хватало магических сил заглянуть сюда, не говоря уж о материальном переносе. Но мост представляет собой вытянутую плоскую полоску космоса с единым временем. Именно он сделал невозможное – позволил нам попасть сюда.

– Да, – кивнула Лиэйн, – но нам необходимо убрать мост, пока Алэ, Вэллис и все прочие эпохи не перемешаются и не сольются воедино. Трудно предсказать, к каким результатам это приведет, но я подозреваю… – Девушка мрачно усмехнулась и в поисках поддержки сжала руку Гаррика. – … что, скорее всего, повторится печальный конец Старого Королевства.

– Именно поэтому мы здесь, – осторожно промолвил юноша.

Теноктрис рассмеялась.

– Ну да, конечно, – согласилась она, пытаясь откашляться и освежить пересохшее горло. – Я так привыкла рассматривать себя в качестве беспристрастного ученого, что порой забываю: возникают ситуации, когда я могу и должна действовать.

– Ну хорошо, – встрепенулась она. – Так как же нам разыскать Альмана?

Взгляд волшебницы скользнул по трем коридорам, которые открывались из холла.

– Заклинание, которое я прочитала, призвано было по принципу подобия перенести нас в точку, откуда Альман вошел в этот план. Сходные приемы дают сходные результаты. Прекрасно, но мы, к сожалению, не знаем, куда направился Альман отсюда.

Песок на полу, увы, не давал им никакой информации – его поверхность была девственно чистой, если не считать мелких бороздок, надутых ветром. Гаррик оглянулся: за каждым из них тянулась четкая цепочка следов. Несомненно, со временем они исчезнут, но в такой разреженной атмосфере на это уйдут годы.

– Интересно, ему нужно выращивать какие-то растения? спросил Гаррик. – Или он колдовством добывает себе пропитание?

– Трудно однозначно ответить за такого могущественного мага, как Альман, – по губам Теноктрис скользнула скупая улыбка. Однако для обычных волшебников усилия, потребные для создания или преобразования материи, заняли бы большую часть их времени.

Бросив взгляд назад, на открывавшуюся внизу пустынную площадь, она с сомнением покачала головой.

– Хотя здесь выращивать что-то естественным образом может оказаться не менее трудоемким делом. Конечно, у меня немного опыта в сельском хозяйстве… Как, впрочем, и во всем, что не касается книг.

Гаррик рассмеялся.

– Ятоже небольшой эксперт по выращиванию сельскохозяйственных культур в такой неблагодарной местности, – сказал он. – Одно несомненно: если Альман решил жить здесь, то где-то обязательно должны сыскаться такие растения. Давайте просто пойдем… – Он махнул рукой вперед. – … и посмотрим, нет ли там еще одного двора. В любом случае заниматься земледелием внутри здания он не станет.

– Похоже, крыша в правом крыле обвалилась, – подала голос Лиэйн. – И, кажется, оно ведет к той точке, куда мы прибыли.

Гаррик потопал ногой.

– Пол здесь каменный, – констатировал он. – Трудно что-то выращивать на камне, даже при наличии достаточного количества света.

Юноша вспомнил, как неуютно чувствовал себя, впервые попав в большой город. И до сих пор здесь многое его смущало. Горожане, как правило, злятся или высмеивают человека, задающего глупые (с их точки зрения) вопросы. Слава Госпоже, что рядом находилась Лиэйн. Она терпеливо все объясняла, не смешивая глупость с невежеством в каких-то частностях. Это качество – одну из ее многочисленных добродетелей – Гаррик и сам пытался копировать.

Они шли по длинному коридору, и их шаги эхом отзывались в пустом помещении. Босые ноги Теноктрис ступали бесшумно. Перехватив ее поудобнее за талию, юноша поднял пожилую женщину на руки, чтобы максимально экономить ее силы.

– Теноктрис? – обратилась Лиэйн. – А почему помощник Альмана не прибыл сюда с ним?

– Что? – не сразу поняла старуха. – На самом деле, я ни в чем не уверена, Лиэйн. В сохранившихся записях об этом ничего нет, но…

И она бросила взгляд на девушку. Гаррик, тоже посмотревший в ее сторону, поразился серьезному выражению лица Лиэйн.

– … мне кажется, поскольку Альман поставил целью окончательный уход из мира, – задумчиво продолжала волшебница, – то он не планировал брать с собой своего ученика.

– Мне тоже так кажется, – согласилась девушка. – И вот я все думаю: каково ему было чувствовать себя покинутым?

В голосе ее прозвучала непривычная грусть. Гаррик промолчал. Если бы ему не мешала Теноктрис, которую он нес на руках, то он бы обнял девушку. Прижал к себе и попытался прогнать ее печаль.

По обе стороны коридора, которым они следовали, располагались двери – примерно через каждые двадцать футов. Некоторые из них – металлические – были плотно закрыты, другие – наполовину открыты. Прорехи в стенах, сквозь которые падал лунный свет, позволяли убедиться, что комнаты пусты, так же как и сам коридор. Тем не менее благодаря барельефам на стенах – весьма реалистично выполненным – у Гаррика создавалось впечатление, что за ним наблюдают.

После того как глаза адаптировались к слабому свету, падавшему сверху, юноша видел вполне сносно, но его не покидало гнетущее впечатление, что он идет по пещере, освещаемой патогенным грибом. Это навело его на размышления.

– Теноктрис, – спросил он, – изначально ведь в комнатах не было окон. Как же люди здесь видели? При помощи магии?

– Ну, они это так не называли, – пожала плечами та. – Они обладали способностями, которые считали вполне нормальными. Ты же не восторгаешься, когда тебе удается зажечь свечу. Заклинание, перенесшее нас сюда, из той же области. Полагаю, ненормальным будет, если ты не сможешь сделать это сам.

Теноктрис рассмеялась.

– Но мне определенно не удастся осветить залы так, как это делали строители.

Когда они углубились в коридор примерно на четверть мили, Гаррик увидел впереди открывающуюся ротонду. Они направились к ней. Если холл и коридор имели в высоту около двадцати футов, то ротонда была значительно просторнее: свыше ста футов в диаметре и столько же в высоту. На противоположной ее стороне открывался еще один грандиозный дверной проем, пропускавший свет. Но основным источником освещения являлся люк в потолке, к которому вела винтовая лестница.

– Он пользуется этой дверью, – Гаррик кивком указал на песчаные следы. – Я хочу взглянуть поближе.

Лиэйн без колебания приняла у него пожилую волшебницу, и Гаррик, освободив руки, быстро пошел в обход круглого помещения. Не то чтобы он ожидал нападения из открытого проема… нет, жук так и оставался единственным животным, которое они увидели в этом мире. Но юноша и без напоминаний со стороны короля Каруса (а тот мог бы припомнить немало засад и прочих сюрпризов) постоянно отдавал себе отчет в том, что он ничего не знает об этом месте. Кроме того, что раньше подобного ему видеть не доводилось.

Вокруг все было недвижимо, лишь стонал ветер, залетавший снаружи. Вдоль стены шел барельеф, изображавший людей, использовавших тело огромной змеи в качестве поворотного вала для мельничных жерновов. Центр всей конструкции располагался в дверном проеме. Двуногие чешуйчатые создания с жабрами жадно пожирали тех людей, которые падали на жернова.

В нижнюю часть барельефа были вкраплены луковицеобразные колбы размером с человеческую голову и стручки, вроде тех, что Гаррик видел на рожковом дереве. Таким образом, то, что издали показалось ему простым мусором, при ближайшем рассмотрении оказалось запасами еды.

Юноша обернулся. Обе женщины следовали за ним – настолько быстро, насколько позволяли силы Теноктрис.

– Думаю, мы нашли Альмана, – сказал Гаррик. – Раз его кладовая здесь, то и он сам где-то неподалеку.

И все трое как по команде посмотрели на винтовую лестницу, поднимавшуюся на чердак. На вид она казалась очень ненадежной: тонкая как паутинка к тому же изрядно изношенная. На ней совершенно явно виднелись отпечатки, царапины и остатки песчаной почвы, оставленные подошвами здешнего жильца.

– Ну, раз так, пойдем посмотрим, – решила Теноктрис и, опираясь на руку девушки, направилась к ступеням.

– Я пойду впереди, – со спокойной решимостью заявил Гаррик. При этом он выдвинул на палец меч из ножен и затем вложил его обратно.

Сверху по-прежнему доносилось завывание ветра. Не то чтобы там была какая-то опасность…

* * *

Кэшел всласть потянулся: вскинув руки и встав на цыпочки он дугой выгнулся назад. Для пущего удобства – чтобы ненароком не опрокинуться – он подперся сзади своим посохом получилась этакая тренога. Он чувствовал себя необыкновенно…

Собственно, он даже слов подобрать не мог. Сказать, что он чувствовал себя необыкновенно сильным, было смешно: ведь силу, данную ему от рождения, юноша воспринимал так же естественно, как солнечный восход. Вы же не станете толковать о необыкновенно восходящем солнце, верно?

«Свежим» – вот подходящее слово. Он отлично выспался. После бегства Кольвы юноша заснул как убитый. Но здесь присутствовало что-то еще, кроме полноценного ночного сна. У него было такое чувство, будто все вредоносные шлаки и отходы напрочь вымело из него, как бывает после жестокой лихорадки. Не исключено, что к этому причастна Кольва.

Кэшел ухмыльнулся. Пожалуй, еще и спасибо надо сказать этой твари… Хотя, если продолжать сравнение с лихорадкой, эта дамочка могла его как излечить, так и отправить на тот свет.

– Ну и чему ты ухмыляешься? – проскрипел Криас. – Не думаешь ли, что пора развернуться и припустить по другой дорожке?

Кэшел посмотрел на кольцо. Обычно демон выглядел смутным пятном внутри камня, но сейчас он поблескивал лиловой искоркой на поверхности.

– Нет, – улыбнулся юноша. – Я как раз собирался спуститься вниз. Скажи, мне следует притворить дверь за собой?

– Дверь не удержит монстров внутри, – ответил Криас. – Это мог сделать только Хранитель, но ты убил его!

– Ну да, – миролюбиво согласился парень. Он еще раз проверил свою котомку, затем затянул шнурок потуже. Там, внутри, лежали все его ценности – хлеб с сыром, которые он прихватил из Вэллиса, а также маленькая облатка с жизнью Ландура. Диск выглядел достаточно прочным, но Кэшел на всякий случай еще обернул его мхом и перевязал стебельком райграса.

– Думаю, все-таки прикрою, – решил он, миновав бронзовый портал. Интересно, почему это люди, а особенно мелкие люди – хотя Криас побил в этом все рекорды, – так стремятся разозлить его. Чаще всего подобное случается после того, как они переберут эля.

– Скажи, Криас, а ты пьешь? – спросил юноша. – Ну, в смысле, эль там… или сидр?

– Что? – возмущенно заверещал Криас. – Нет, конечно, дурья твоя башка! Ты, надеюсь, не забыл, что я демон?

Настоящий брюзга, решил про себя Кэшел. Ну ладно, не он один такой на свете… Парень вздохнул и посмотрел на дверь.

Вот и запирай как хочешь… Ни засова, ни защелки – только вертикальная скоба, чтоб можно было браться рукой. Причем нижняя часть ручки отполирована от частого использования. Похоже, Ландур отнюдь не все время проводил снаружи, бегая с обнаженным мечом по лесу. Он, наверное, придерживался тех же принципов в управлении Подземным Миром, что и Кэшел со своей отарой. А именно: будь всегда поблизости и приглядывай, чтобы не стряслась какая-нибудь глупость… или еще что похуже.

Юноша сделал шаг в пещеру. Впереди, насколько хватал глаз, тянулась сплошная скала – без малейших отметин, если не считать за таковые пятна сырости, проступавшие как раз там, где проходила граница света и тени. Кэшел только теперь озаботился этой проблемой: действительно, как же быть со светом? Хотя Ландур все же как-то обходился… да и Кольва, судя по всему. Может, Криас возьмется быть ему провожатым?

Кэшел взялся за внутреннюю ручку и толкнул дверь. Та легко пришла в движение, юноша удивился, какие такие петли использовали строители, что дверь закрывается без малейшего сопротивления.

Следующим стал вопрос: а что вообще это были за строители?

Бронзовая дверь притворилась с глухим ударом. Она настолько плотно прилегала к косяку, что в пещере создавалась своего рода воздушная подушка.

Собственно, это была уже не пещера. Все вокруг Кэшела озарилось красным, как раскаленное железо, светом, и он увидел что картина полностью изменилась.

Он стоял на обрыве, с которого открывался вид на заросшую соснами долину. Причем простирался очень далеко. Это напомнило Кэшелу, как он сидел на возвышенном пастбище к югу от Барки и глядел в море. Только здесь он находился гораздо выше.

Юноша оглянулся назад. Теперь дверь превратилась в экран, который отражал все, что он видел вокруг. Чахлые сосны и рододендроны вырастали в этом экране, но с несколько искаженными пропорциями. Ветви казались чересчур искривленными… и он никогда не видел сосны со столь гладкой корой, как та, что росла прямо у него над головой. Ну, что ж, в путешествии еще и не такое встретишь.

– Полагаю, тебя интересует источник света, не правда ли? – раздался голос Криаса.

Теперь и Кэшел подумал об этом, но честно ответил:

– Нет. Я рад, что свет появился. А то я как раз гадал, что делать в темноте.

Он откашлялся. В воздухе все еще чувствовался серный запах, он щекотал нос, когда тот вздыхал поглубже. Может, потом привыкнется. Деревья-то, похоже, выглядят вполне здоровыми, хоть и немного странными.

– Скажи, мне спускаться вниз, а там идти вдоль реки? – спросил Кэшел, указывая посохом на некое подобие тропинки в долину. Самой реки он не видел, но в конце концов в долине всегда протекает река.

Кэшел мог бы перебраться через скалы, но идея скалолазания его не вдохновляла. И дело было не в том, что ему не хватало силы или он боялся высоты, нет… проблема заключалась в весе. Все выступы и щели, которые обычно используются для штурма склона, попросту обрушивались под весом Кэшела.

– Тебя это не волнует? – Криас так удивился, что даже забыл ворчать. – Ты заходишь в темную пещеру, появляется свет, а тебя даже не интересует, откуда он берется? Так вот, он ниоткуда не берется! Это – отличительная особенность Подземного Мира… так же как скалы и все остальное. За исключением монстров. Скажем, это отличительная особенность их темницы!

– О! – весьма уместная реакция на столь пылкую тираду. Кэшел рассудил, что, похоже, его вопрос останется без ответа, и стал потихоньку спускаться по склону.

– Нет, ты меня сведешь с ума! – завопил демон. Юноша решил не извиняться – зачем же лгать? – но и не улыбаться чересчур широко. Вечная история: люди приходят в неистовство, и все лишь оттого, что Кэшел не обращает внимания на их нападки. Бедняга Криас не подозревал, что поет старую песню, давно знакомую Кэшелу.

В ветвях деревьев раздавались какие-то звуки, но они не напоминали юноше голоса лесных тварей, которых он знал по дому. И честно говоря, эти звуки вовсе не поощряли к знакомству с их обладателями. Что-то там мерзко пощелкивало, как скелет костями… а еще кто-то зловеще ухал, как филин, ведающий какую-то страшную тайну про тебя.

Кэшел схватился за деревце кизила, убедился, что оно достаточно надежно держится корнями за почву, и затем осторожно сделал следующий шаг. Как раз внизу простиралась узкая площадка, поросшая травой. После нее шел пологий спуск, позволяющий более или менее нормально продолжить путь.

Юноша вспомнил Ландура Хранителя: насколько позволяла судить их краткая встреча, одежда волшебника отнюдь не способствовала подобным спортивным упражнениям. Возможно, конечно, Ландур переодевался в более короткую тунику и снимал свои дурацкие шелковые башмаки, прежде чем войти в пещеру. Но куда в таком случае он девал длинный неудобный меч?

– Мастер Криас, а как решал эту проблему Ландур? – спросил Кэшел, спустившись на травянистую террасочку и с облегчением переведя дух. – В смысле спускался в долину таким же образом? Или существует другой путь?

Он пошевелил пальцами ног. Корни растений, которые изначально цеплялись за мелкий, как пыль, песок, со временем создали более плодородный слой почвы. Пожалуй, назвать это традиционным дерном нельзя, но все же куда приятнее ступать по такой земле, чем по рассыпающейся грязи.

– Ландур не путешествовал, как нищий пастух! – с достоинством ответил демон. – Он был великим волшебником и плыл по воздуху, не прилагая к этому никаких усилий.

– А ну да, – кивнул Кэшел. На самом деле ничего подобного ему и в голову не приходило.

Он осторожно переступил через край террасы, предварительно опробовав дорогу своим посохом. Не такая уж здесь круча, чтоб свернуть себе шею, но в любом случае падение не сулит ничего хорошего. Вот так скатишься под склон, подобно головке сыра, и неизвестно, у чьих ног финишируешь. Хорошо еще, если это будет какая-нибудь Кольва (хотя тоже приятного мало), но Кэшел не сомневался, что среди их племени существуют и более опасные представители.

– Знаешь, ты тоже мог бы летать… – неожиданно прогундосил Криас. – Волшебным образом проплывать над верхушками деревьев.

– А? – крякнул юноша. – Все это, конечно, замечательно, но я-то не маг.

Он продолжал осторожно спускаться, опираясь на посох. Не то чтобы он всерьез боялся упасть, скорее проявлял обычную предусмотрительность.

– Зато я демон с такими способностями, которые ты даже не можешь вообразить! – торжественно провозгласил Криас. – Благодаря мне ты сможешь летать!

Кэшел ухмыльнулся. С воображением у него и впрямь туговато, но он насмотрелся всякого разного после того, как покинул родную Барку. Не факт, что тщедушный Криас сможет переплюнуть те чудеса…

– Да я не возражаю против пеших прогулок, – сказал парень вслух. – Просто поинтересовался насчет Ландура.

Демон что-то бормотал себе под нос. На слух казалось, будто переполненная голубятня укладывается спать. Причем обитатели ее чем-то крайне рассержены…

Если б кто спросил Кэшела, то он бы сформулировал свою позицию так: в минуты опасности лучше, чтобы ноги крепко стояли на земле. А, судя по обещаниям Криаса, такие минуты не за горами. Другое дело, что ему к тому же не хотелось обращаться за помощью к попутчику: уж больно тот любил поворчать по любому поводу. Ну и, естественно, сами грядущие неприятности не вдохновляли парня.

Наконец он преодолел спуск и очутился в лесу. Действительно, росли здесь в основном сосны, хотя попадались и пламенеющие клены, а в местах, где свету побольше, – и кизиловый подлесок. То там, то здесь вылезала обнаженная скальная порода, местами ее покрывал густой мох, который оказался более колким, чем можно было ожидать.

Где-то вдалеке Кэшел услышал музыку – чистые и сладостные звуки флейты. Обычно в лесу высокие звуки теряются на расстоянии… Но здешний лес не являлся обыкновенным – тут у юноши не было ни малейших сомнений.

– Что это за шум, Криас, ты не знаешь? – спросил он. Он как раз собирался закинуть посох на плечо, но теперь переменил свое намерение и держал орешину в обеих руках перед собой.

– Я-то знаю, – злорадно ответил демон, – а вот тебе только предстоит узнать. О, это будет хороший урок! Думаю, ты вообще пожалеешь, что спустился в Подземный Мир!

Кэшел обдумал его слова. Звуки рога – или, может, настолько громкий крик? – не умолкали. Прекрасные переливы, казалось, доносились с разных сторон… хотя это могла быть игра эха.

Юноша вполне допускал всякие неприятные неожиданности в Подземном Мире. Но это вовсе не означало, что он жалел о своем решении спуститься сюда. Ну уж нет! Это путь, который приближал его к Шарине. А посему единственно возможный путь.

– Ну, так ты не хочешь расспросить меня об этом? – Криас, казалось, был разочарован тем, что юноша не проявляет любопытства.

– Зачем? – парировал Кэшел. – Думаю, в ближайшем времени я и так все узнаю.

Ему, конечно, хотелось узнать, что это за звуки – неспроста же он спросил в первый раз. Но играть в глупые игры, которые затевал самолюбивый демон, он не собирался. Только

время понапрасну тратить. Все равно, что бегать вокруг дома за курицей, которую хочешь отправить в котел. Лучше бросить пригоршню зерна у своих ног, и глупая птица сама прибежит.

Тебе останется только свернуть ей шею.

Кэшел хмыкнул. Интересно, а каков бульончик из демона? Наверняка, на вкус хуже тухлой каракатицы.

Светлый и просторный лес напомнил парню общинные лесные угодья у них под Баркой. Там за этим следили: хворост собирали, а сухостой валили – на дрова. Плюс к этому вездесущие свиньи подчищали лесок в поисках подножного корма. Возможно, здесь такая же картина? Правда, Кэшелу не хватало привычного дымка, которым обычно тянуло от деревни.

С другой стороны, он перестал чувствовать и серный запах, хотя по сухости в горле догадывался, что тот никуда не исчез. На самом деле с вонью всегда так: проходит немного времени, и ты к ней привыкаешь. Эрманд ор-Пайл тоже не замечает, как шмонит от его кожевенной мастерской, хотя у его односельчан с души воротит от этого букета – квасцы, моча и протухший жир.

Краешком глаза Кэшел уловил легкое движение среди деревьев. В какой-то момент ему показалось даже, что движение происходит внутри самих деревьев. Женщины вроде? Хотя вон Кольва тоже на первый взгляд выглядела как женщина…

Звучание рожков смолкло. Вместо них невидимая рука начала перебирать струны, а чей-то голос выводил мелодию. Слов Кэшел разобрать не мог.

Юноша несколько раз крутанул посох – сначала перед собой, затем над головой. Блестящие наконечники выписывали безукоризненные восьмерки, гладкие как масло. Перекрещивая запястья и меняя руки, Кэшел проделал весь набор движений, чтобы вернуть посох в исходное положение.

Хорошо, что здешний лес не отличается густым подлеском. Такое оружие, как семифутовый посох, занимает много места, даже если его просто держать в руках. Когда же такая штуковина с железными наконечниками начнет вращаться в лесу со скоростью, которую позволяют руки Кэшела – Дузи свидетель! – вы ослепнете от летящих веток и ползучих побегов.

– Эй пастух, судя по всему, ты решил сразиться с ними своей палочкой? – подал голос Криас.

– Я предпочитаю вообще не сражаться, если без этого можно обойтись, – ответил юноша, стараясь успокоить дыхание. Сердце его забилось сильнее… и не от привычного упражнения с посохом, а от перспективы схватки, которой – тут Кэшел не соврал демону – он не искал.

Собственно, сам по себе Кэшел редко нарывался на драку. Но уж случись такое, никогда не бежал от нее.

Впереди раздавалось журчание воды, стремительно бежавшей по камням. Ох уж эти ручьи! Скольких путников они одурачили… Шум, вроде бы и негромкий, смазывает все звуки вокруг и не дает заметить, как…

Мужчина шагнул из гущи деревьев на дорожку перед Кэшелом. Откуда он появился? Из той здоровой березы, что ли? Впрочем, он вполне мог стоять в ее тени. В руках незнакомец держал лук, причем сделан он был не из простого тиса или ясеня, а из золота. Да и наконечники у стрел отливали серебром. Ростом мужчина, пожалуй, мог сравниться с Кэшелом, но фигура его была стройная и гибкая, как у юной девушки.

– Приветствую тебя, чужестранец, – сказал он. – Наше племя Лесных Людей нечасто встречает гостей.

Цепким взглядом он отметил и железные наконечники на посохе, и магическое кольцо, поблескивавшее на мизинце у парня. Лицо его при этом приняло выражение, которое Кэшел часто наблюдал у старины Кифера, когда тот сидел в уголке пивной Рейзе и наблюдал за выпивохами. Сам-то Кифер не мог позволить себе кружечку эля с тех пор, как пропил свою землю и перебивался случайными заработками.

Кэшел расставил пошире ноги и осторожно огляделся. Ничего провоцирующего, просто открытый, спокойный взгляд: есть ли еще кто поблизости?

Увы, был… да еще как. По меньшей мере еще четыре группы мужчин и таких же сильных и гибких женщин стояли широким кругом среди деревьев. И только один из них – первый – находился в пределах досягаемости Кэшелового посоха.

– Добрый день, господин, – поздоровался юноша. – Меня зовут Кэшел ор-Кенсет, и я никак не хотел беспокоить вас – просто проходил мимо.

Стоявшие люди были одеты в одни только килты – неровно подрезанные, так, что справа были ниже, чем слева. Зато золотые луки имелись почти у всех. У троих с плеча свисали небольшие горны, а у пояса были мечи, извивавшиеся, как змеи.

Кэшел разглядел лишь одного невооруженного незнакомца. Им оказался долговязый паренек с копной огненно-рыжих волос, что сильно выделяло его среди белокурых соплеменников. Он держал лиру с двойным набором струн и посматривал на незваного гостя с явным неудовольствием.

– А я Велла, – представился стоявший перед Кэшелом мужчина. Он жадными глазами пожирал его кольцо. – Мы, Лесные Люди, польщены твоим прибытием. Ты просто обязан остаться с нами на сегодняшнюю ночь, чтоб мы оказали тебе достойный прием.

Одна из женщина ступила вперед и с благоговением протянула руку к Кэшелу – будто перед ней был драгоценный и хрупкий предмет. Он засек ее движение и быстро отреагировал. Женщина мгновенно отпрянула, виновато улыбаясь.

– Вообще-то я… – произнес юноша. Будь его воля, он пробыл бы рядом с этими Лесными Людьми ровно столько, сколько понадобилось, чтоб развернуться и унести ноги. Но их было так много, и все с луками… Кэшел даже подумал спросить совета у Криаса, но затем засомневался в полезности подобного шага. К тому же незнакомцы и так проявляли повышенный интерес к кольцу.

– Пойдем, Кэшел, – произнес Велла, протягивая вперед руку, незанятую луком. – Посети жилище Лесных Людей.

Кэшел пошевелился, его посох ударил железным наконечником в землю чуть ближе к Велле. Тот отскочил, блеснув топазовыми глазами.

– Элфин, проводи нашего гостя, – распорядился он. Юноша с лирой выступил вперед и тут же коснулся руки Кэшела.

– Пойдем, тяжеловес. – Голос его напоминал звук, с которым лопаются сосульки жестокой зимой. – Пойдем, и Лесные Люди покажут тебе, как следует обращаться с гостями.

– Ну, – пробурчал Кэшел. – Пожалуй, я бы что-нибудь поел.

Прикосновение юноши показалось ему обнадеживающе теплым. Кэшел ожидал чего-то холодного, металлического.

Все Лесные Люди развернулись и пошли в глубь леса, Кэшел оказался в самой середине. Пальцы Элфина по-прежнему сжимали его бицепс.

Ну точно, в ближайшее время ты все узнаешь…

* * *

– Сколько лет моей маленькой славной мисс? – пел Чалкус у разведенного на берегу костра. – Сколько лет тебе, о подружка?

Слушая его, Илна вновь представила себе Гаррика с его свирелью. И тут же решительно прогнала воспоминание: мало смысла и еще меньше радости в этом. Четверо моряков выплясывали на песке, высоко вскидывая ноги. Единственным аккомпанементом служил звук самодельных кастаньет: один из матросов надел на большие и указательные пальцы пустые морские раковины. Пощелкивая ими, он одной рукой задавал ритм, а другой – вел сложный, прерывистый контрапункт.

– Если я не умру от разбитого сердца, – продолжал свою песню Чалкус – теперь

тонким, девичьим фальцетом, – то к утру будет ровно шестнадцать.

Илна бросила взгляд на Мероту, спавшую на песке у ее ног. Девочка взяла в рот конец своего плаща и совсем по-детски жевала его во сне. Илна подумала было вытащить ткань, а затем махнула рукой. Зачем? Вреда от этого Мероте не будет…

Девушка вздохнула. На свете существовало множество вещей – неправильных, но безобидных. Не стоит обращать на них внимания. Не говоря уж о том, что некоторые из них являлись неправильными только с точки зрения Илны ос-Кенсет. Умом она все понимала, а в душе никак не могла смириться.

Например, не было ничего дурного – по сути – в этой матросской музыке. Просто Илну не тянуло на веселье, но с другой стороны, события нынешнего для не настолько измотали ее, чтобы лечь и заснуть, подобно Мероте.

Запасы провизии для лорда Тадая и его свиты остались на мятежном корабле. Сегодня вечером морякам предстояло отведать еду, о существовании которой они даже не догадывались. Что-то съедят, что-то выбросят… Для простых парней с южного побережья Орнифола яйца в соусе из подпорченных овечьих внутренностей – это просто протухшие яйца. А ведь это еще не самый перл по части экзотики при королевском дворе.

Илна скупо улыбнулась. На самом деле, гастрономические вкусы принца Гаррика не многим отличались от таковых у матросов. Просто один налегал на кашу с бараниной, а другие – на кашу с рыбой. Его придворные приходили в ужас от такой простоты.

Зато винные запасы лорда Тадая снискали всеобщее признание. Вина производились на различных Островах, по различным рецептам – со специями, из непривычных фруктов.

Но сегодня для моряков это не имело никакого значения. Знаете когда мужчины перепьются, им все равно, чем пахнет вино. Хоть червями, сдохшими в винном чане… Судя по всему, веселье продлится до рассвета. Хорошо, если Вонкуло удастся спустить судно на воду к полудню.

Илна поднялась, еще раз оглянулась на девочку и, убедившись что все спокойно, медленно пошла к другому костру, горевшему на противоположном конце серповидного острова. За ее спиной дюжина моряков грянула припев песенки Чалкуса:

– Тили-дили-ди, тили-дили-до!

Ну и пусть, ее не волновало, что другие люди веселятся. Девушка криво усмехнулась. По крайней мере, не должно волновать…

У второго костра расположилась пятерка моряков во главе с Вонкуло. Перед ними стоял кувшин с длинным горлышком, но царившая атмосфера сильно отличалась от бурного веселья на другом конце островка.

Илна не собиралась подходить к Вонкуло. Простые моряки, конечно, дураки, к тому же в усмерть перепившиеся, но все же они нравились ей больше, чем безумцы, спланировавшие весь этот бред.

На самом деле девушке просто хотелось побыть в одиночестве, пока она сумеет совладать с собственным раздражением. После этого она планировала вернуться к костру и заснуть рядом с Меротой. Илна жила, не особенно рассчитывая на счастье. Тут ведь как: кому-то дано, а кому-то – нет. Причем это зависит не от внешних событий, а от того, что заложено в самих людях.

Вот Кэшел, например, счастливый человек. Не все время, конечно, но гораздо чаще, чем другие… из тех, кого знала Илна. Порой она думала, что им с братом отведена одна мера счастья на двоих. Но черно-белые полосы не смешаются в серый цвет.

В настоящий момент Илну обуревала злость на весь мир. Заодно она злилась на саму себя за такую идиотскую реакцию. Тучам безразлично, на кого они прольют дождь. Так и судьбу совершенно не волновал тот факт, что Илна ос-Кенсет рассматривала жизнь как моток перепутанной пряжи, которую простому человеку не распутать.

Судьба и не рассчитывала, что Илна будет все распутывать. Она сама, в силу своей глупости, возложила на себя такую обязанность.

Девушка присела на песчаный бугорок, сцементированный морским ракушечником, из

которого здесь все было сделано. Она поглядела на звезды и подумала: «Интересно, а небесные жители, там на звездах… они счастливее нас?»

И снова улыбнулась. Наверное, счастливее – такие, как Кэшел. Нет никаких сомнений, что там на небесах все уравновешено. Так же, впрочем, как и на земле.

Вонкуло вел мрачную беседу со своими товарищами, не замечая девушки. Она и не пыталась прятаться, просто сидела неподвижно в своем темно-синем плаще, который маскировал ее лучше, чем чисто-черный цвет.

Она находилась слишком далеко, чтобы слышать их разговор. Да и не очень хотелось. Должно быть, обсуждают тот хаос, в который сами себя ввергли. Во всяком случае, Илна в их ситуации занималась бы именно этим.

Рулевой с «Разрушителя» поворошил угли при помощи просоленной сосновой ветки, затем подбросил ее во вспыхнувший с новой силой огонь. Вонкуло тем временем вставил ключик в дно музыкальной шкатулки и повернул его.

До того Илна смотрела на мерцающий костер, но теперь перевела взгляд на шкипера с его игрушкой. Она не шпионила – в конце концов, она сидела у них прямо на виду, могли бы и увидеть, если б посмотрели в ее сторону.

Вонкуло отпустил ключик, и шкатулка издала перезвон, как будто кто-то постукивал по лезвию стального меча. Никакой мелодии, один голый ритм…

Но искры, поднимавшиеся от костра, стали складываться в материальные образы. Неужели Вонкуло и другие не видели, что творилось? Но нет, их глаза были прикованы к самой музыкальной шкатулке, не замечая неистовый огненный танец.

А Илна наблюдала узор, в который складываются искры. Шесть магов образовали круг, в центре которого находилась мумия. Они распевали – Илна могла слышать их пение, но не понимала слов. Для нее они не имели смысла… так же, как для любого, кроме сил, которыми они управляли.

Звезды над ее головой начали медленно вращаться в такт крутящимся искрам костра. Их объединяли звякающие колокольчики из шкатулки. Так зубцы мельничных колес запускают вращение и обеспечивают перемалывание зерна в муку. Илна – маленький островок во Внутреннем Море, хотя какая-то часть ее сознания хранила эту информацию. Так же как помнила Вэллис, Барку и все ее прошлое.

Внутри круга, образованного шестеркой колдунов, находился еще один – коленопреклоненный. Он занес правую руку с кинжалом, левой придерживая на полу связанного ребенка. Позади группы колдунов стояла колонна, к которой был прикручен высокий мужчина. Рот его искажался в крике, мышцы напрягались узлами, как якорная цепь.

Маги продолжали распевать, затем умолкли. Их предводитель выкрикнул последние слова заклинания и обрушил руку с кинжалом.

Дрова вспыхнули как внезапная молния. Искры столбом поднялись вверх, разрушив всю картину. Из музыкальной шкатулки донеслись последние звуки, и все смолкло. Илна чувствовала, как ее бьет дрожь в теплом ночном воздухе.

Вонкуло вынул ключик и снова завернул шкатулку в шелковую тряпку. Моряки продолжали пить, беседовать и проклинать злую судьбу, которую они сами себе создали.

Опомнившись, Илна поднялась на ноги и побрела к другому костру. Тому, где спала Мерота, а Чалкус распевал песенку о черноволосой красотке, чьи губы слаще меда.

* * *

С глубоким вздохом Шарина расправила плечи и решительно вышла из аллеи. Мимо нее прошла тройка женщин с плетеными корзинами на головах. Они шли с рынка и оживленно болтали между собой. Девушка прижалась к стене, чтобы дать им дорогу. Горожанки проследовали мимо, одарив ее лишь беглым взглядом. Зато связанный каплун, сидевший в одной из корзинок, вывернул шею, не сводя взгляда с девушки, пока процессия

не свернула за угол.

Шарина поморщилась. Странно, что птица могла иметь против нее? Ведь это не она несла ее к себе на кухню.

Девушка намеревалась продать брошку, но прежде хотела кое-что выяснить о месте, где случайно оказалась. Она пошла в восточном направлении, так чтобы садившееся солнце било в глаза встречных прохожих. Шарина прислушивалась к уличным разговорам. Содержание ее не интересовало, просто девушка хотела быть уверена, что они с жителями поймут друг друга, когда она заговорит.

Ее мучило чувство голода. Мимо прошла женщина с полным подносом пшеничных булок, накрытым ветхой тряпицей. Желудок Шарины отозвался мучительным спазмом на запах свежей сдобы.

Городские улицы изгибались. Похоже, они были проложены на месте троп, по которым овец перегоняли на рынок. Или же по следам людей, которые так же мало заботились о прямых дорогах, как беспечные овцы. Широкий проспект, которым шла Шарина, разветвлялся на две улочки – столь узкие, что две соседки, стоящие на противоположных балконах, вполне могли бы пожать друг другу руку. Девушка свернула налево.

В лавках на первом этаже торговали гончарными изделиями. Надо сказать, не слишком высокого качества. Во всяком случае им было далеко до глазурованного фаянса, который изготавливали в небольшом местечке Дашене, на полпути из Барки в Каркозу. Здешняя посуда отличалась грубыми формами, а неумелая роспись добавляла цвета, но не изящества коричневым уродцам.

Шарина шла по улице, ловя на себе взгляды лавочников. Ничего удивительного: ростом она превосходила не только местных женщин, но и большинство мужчин. К тому же длинные светлые волосы выгодно отличали ее от кучерявых темноволосых горожан.

Девушка привыкла к этому еще в родной Барке. Там, дома, она на протяжении восемнадцати лет ходила белой вороной среди односельчан. Ну ничего, по крайней мере, никто здесь не кричит и не тычет в нее пальцами. К тому же Шарина вполне освоилась с местным диалектом и очень рассчитывала, что сможет удовлетворительно пообщаться с покупателем ее товара.

Скоро она дошла до перекрестка, откуда расходились три улицы, а на четвертую, пошире, требовалось спуститься по ступенькам. На углу развернул свою палатку врачеватель. На прилавке перед ним был расставлен его многочисленный инструментарий: глиняные кувшинчики и набор хирургических приспособлений. Лезвия железные, но позолоченная и посеребренная гравировка на медных ручках призвана была своим блеском укрепить веру в респектабельность владельца.

За спиной доктора на стене палатки Шарина разглядела диковинное существо. Формой тела и клешней оно напоминало скорпиона, но было шести футов в длину, к тому же имело странно приплюснутые конечности. Скорее еще одна попытка привлечь клиентов, решила девушка. Трудно себе представить, как подобное чудище могло использоваться в медицинском деле. Во всяком случае, не собираясь связываться с данным доктором, она от души надеялась, что это просто балаганный трюк.

Врачеватель как раз закончил взвешивать кусочек меди, полученный в качестве вознаграждения за помощь, которую он оказал больному фрамбезией. В воздухе еще стоял запах мази, которую он наложил на гнойные язвы. Вытерши шпатель клоком соломы, доктор швырнул ее на мостовую прямо под ноги подходившей Шарины.

– Чем могу помочь прекрасной госпоже? – вкрадчиво спросил он. Слегка прищурившись, добавил: – Если это касается чего-то личного…

– Я просто хотела спросить. – Девушка поспешно прервала словоизлияния лекаря, которые грозили принять не слишком приятный характер. – Не подскажете, как найти мастерскую ювелира?

– О, – протянул мужчина, вновь усаживаясь на свой табурет. – Могу я спросить, откуда родом прекрасная госпожа?

У Шарины тотчас появилось желание развернуться и уйти, но в данных обстоятельствах это могло насторожить лекаря. Она не знала, куда ее закинуло и, главное, в какое время. Хотя железные инструменты вселяли некоторую надежду.

– Я с Орнифола, – ответила Шарина, не вдаваясь в подробности. Действительно, ее настоящий отец, чью внешность унаследовала девушка, принадлежал к орнифольской знати. Повернувшись, чтобы уйти, она бросила через плечо: – Полагаю, у вас отбоя не будет от клиентов… при такой-то учтивости.

– Прошу прощения, госпожа, – встрепенулся мужчина. Если пройдете Фашинным переулком до площади, то слева от себя увидите улицу ювелиров.

– Благодарю вас, – бросила Шарина с улыбкой, хотя скулы у нее свело от напряжения. Она и не подозревала, насколько напряжена, пока не столкнулась с этим невинным интересом к своей внешности. Ну и, конечно, чувство голода никуда не девалось.

Девушка двинулась вниз по улице.

– Надеюсь, удача в делах улыбнется вам, прекрасная госпожа с Орнифола, – услышала она за своей спиной голос лекаря.

В центре площади располагался колодец с низким срубом и поилкой для скота. Выше, там, где три улицы вливались в площадь, расположились жонглеры.

Один мужчина пел и играл на монохорде, ему вторил тоненьким дискантом ребенок лет шести. О чем они пели, Шарине так и не удалось установить: то ли слова у песни были неразборчивы, то ли исполнители больше налегали на мелодию, чем на текст песни. Напротив мужчина жонглировал ножами, время от времени ловя один из них зубами.

Свернув налево, девушка натолкнулась на танцующую птицу. Достойный экземпляр – ростом не ниже взрослого человека. Перед ней на мостовой была расстелена рогожка, на которой валялось несколько брошенных зрителями металлических треугольничков толщиной в палец.

Шарина огляделась в поисках хозяина птицы. Поблизости находился только один лысеющий парень в кожаном переднике поверх туники. Он опустил руку в поясной кошель, нащупал там деньги, но платить ничего не стал. Просто повернулся и быстро ушел.

У птицы не имелось хозяина, она была сама по себе.

Это настолько удивило девушку, что она остановилась посмотреть, невзирая на настойчивые жалобы своего желудка. Птица-танцор двигалась с той же грацией, что и чайка над береговой линией. Вместо крыльев у существа (его как-то даже не хотелось называть птицей) были руки, хотя короткие нижние конечности сгибались все же на манер птичьих, а не как у человека или, скажем, у собаки. Тело существа покрывал легкий пух – как у птенца, но не желтого, а обычного серого цвета. Поверх красовалась упряжь из грубых волокон, сплетенных в затейливое макраме.

Голова существа, пожалуй, казалась меньше, чем полагалось бы человеку такого роста. На этом основании Шарина отвергла предположение, что это просто переодетый человек. К тому же вряд ли кто-нибудь сумел бы исполнить такой танец. Танцор то и дело высоко подпрыгивал в воздух, взмахивая одной лапой с тупыми когтями, в то время как другая оставалась на земле.

Девушка неохотно покинула площадь и свернула в Фашинный переулок. Птица не обратила на нее ни малейшего внимания. Она продолжала свой танец: серия коротких шажков и очередной вертикальный взбрык.

По левой стороне узкой улочки располагались в ряд пять палаток золотых дел мастеров. Тылом своим они примыкали к каменной стене здания, в котором Шарина, судя по фронтону над крышей, распознала храм.

Спереди палатки были открыты, безопасность обеспечивалась здоровенными охранниками с мечами или алебардами. Сами ювелиры сидели на своих сундуках, от костяных табуретов для клиентов их отделял неширокий прилавок. В каждой из палаток – в ее передней части – располагались крошечные алтари.

Одна из них отгораживалась невысоким занавесом – очевидно, для сделок с залогом.

Перед каждым прилавком рядом с охранником поджидала своя девушка-прислуга, она то размахивала руками, то застывала с безразличным видом.

Шарина огляделась в поисках свободного мастера. Трое из них встретили ее взгляд с профессионально-каменным выражением лица, четвертый вопросительно поднял брови. Его охранник был одет весьма опрятно, хоть и не так пышно, как соседи. Алтарь же представлял собой скромное изображение Пастыря на стене. Заметив интерес хозяина, телохранитель вежливо кивнул девушке, но взгляд его посуровел при виде пьюльского ножа, вырисовывавшегося под просторным плащом. Проводив Шарину к прилавку, он не задернул за ней занавеску, а тоже вошел и встал рядом с подозрительной посетительницей.

Ювелир поднялся со своего места и бросил вопросительный взгляд на охранника.

– Ваш человек обеспокоен ножом, который я ношу с собой, – сочла нужным пояснить девушка. – Если вас это тоже смущает, господин, то я обращусь к другому мастеру.

Ее собеседник слегка улыбнулся.

– Спасибо, Тилар, – сказал он. – Думаю, мы с юной леди поговорим наедине. Вполне понятно, что человек желает защитить себя и свои ценности.

Обернувшись к Шарине, он жестом предложил сесть и представился:

– Все зовут меня Милко из Разока, миледи.

Охранник вернулся на улицу и задернул за собой занавеску. Теперь свет падал только через деревянную решетку в потолке, но его вполне хватало.

Девушка уселась и заговорила, тщательно выбирая слова. Она обратила внимание, что здесь не пользовались родовым именем, как это принято на Островах в ее время.

– Меня зовут Шарина, – начала она. Милко выглядел худым, старым и очень педантичным. Казалось, его глаза ничего не пропускали. – У меня на руках фамильная драгоценность, которую я бы хотела обменять на деньги.

Губы ювелира улыбались, но глаза – нет.

– Поскольку вы прибыли издалека, миледи… – Интересно, что позволило ему сделать такой вывод: внешность или акцент?

– … позвольте сказать вам. Не обижайтесь, пожалуйста… но если каким-то образом вам в руки попала краденая вещь, то я не хочу ее даже видеть. И никто из моих коллег не захочет. И еще хочу напомнить: глупо надеяться, что мы не узнаем о факте кражи – здесь, в Валхокке, или ее окрестностях. Не стоит даже рисковать представлять на суд подобную вещь…

Шарина улыбнулась. Очень мило.

– Ценю вашу прямоту, господин, – заверила она. – Уверяю вас: вещь, о которой мы говорим, я получила из рук самого владельца, именно с целью продажи. Но прежде, чем мы перейдем к обсуждению деталей, позвольте спросить вас о ваших религиозных взглядах.

Ей доводилось встречать упоминания о Валхокке в эпических поэмах Серебряного Века – эпохи, последовавшей за тысячелетним царствованием Желтого Короля. В записях историков Старого Королевства имя города уже не упоминалось… Насколько она помнит, Валхокка являлась столицей Морских Повелителей Кордина.

Все, что связано с Морскими Повелителями, относилось к области мифов. Тем не менее сам город был вполне реален.

И вполне возможно, что за тысячу лет до Лоркана возникло древнее Королевство, объединившее южные острова Архипелага.

Но если поверить в существование Валхокки, то следует признать правдивыми истории о ее гибели. Согласно легенде, последний из Морских Повелителей – лорд Мантис – обрек на смерть некоего волшебника и бросил его тело в море. Тогда волшебник вернулся на землю во главе целой армии морских демонов. Подобно сухопутным медузам они хлынули на улицы города, предавая смерти все живое, разрывая на части здания своими щупальцами.

Ах все это, конечно, выдумки. Философ Бранком, изложивший данную историю, утверждал, что он обнаружил подлинные серианские хроники тех времен. Но многие считают, что все выдумал сам с целью утверждения версии божественного возмездия.

Ну, так или иначе, Шарина не собиралась здесь надолго задерживаться. Будем надеяться, ей так и не доведется проверить правдивость истории гибели Валхокки.

Милко кивнул в сторону дощечки, на которой был изображен Пастырь с двумя козами.

– Я верую в Пастыря, – сообщил он, – как и большинство выходцев из Разока. Однако здесь, в столице, больше поклоняются Госпоже.

– Я и сама поклоняюсь прежде всего Госпоже, – сказала девушка, – но хотелось спросить вас о другом. Как вы относитесь к артефактам других верований, из более древних времен?

Шарина хорошо помнила реакцию поселенцев на сверхъестественное событие: они гнали ее, как дикого зверя, до самого разрушенного дворца Дракона. Она очень боялась, что встретит подобное отношение у их потомков, населяющих Валхокку. Лучше бы ей в таком случае предварительно потрудиться над брошью и свести компрометирующее изображение.

– А, – просветлел лицом Милко, – вы, наверное, из тех, кто раскапывает древние гробницы… Знаете, люди по-разному относятся к этому. Что до меня, то я считаю: человек, достающий подобные вещи из земли, не более достоин осуждения, чем тот, который разрабатывает полезное месторождение. Но вы абсолютно правы, что решили обсудить это заранее.

Шарина откинула плащ на спину, полезла за пазуху и выудила золотую брошь. Она положила вещицу, еще хранящую тепло ее тела, на пустой стол перед ювелиром.

Глаза Милко расширились при виде размеров пьюльского ножа.

– Похоже, я напрасно сделал выговор Тилару, – сказал он. – А я-то не мог понять, почему он так встревожился при виде дамы с кинжальчиком. Не подумайте только, что я обвиняю вас, миледи.

– Этот нож принадлежал моему другу, – коротко сообщила Шарина. Ей все еще доставляли боль воспоминания о Нониусе. Она выставила золотую пластину на середину стола и добавила: – Яношу его в память о нем. Ну и чтоб использовать… в случае нужды. Как это не раз случалось в прошлом.

Милко кивнул с отсутствующим видом: все его внимание переключилось на брошь.

– Можно? – спросил он, и Шарина придвинула изделие к нему поближе.

– Прекрасный образец, – задумчиво произнес он, держа брошь за края и поворачивая ее в разные стороны. – Золото, конечно, не окисляется, но все же странно, что долгие годы, проведенные в погребении, не сказались на цвете изделия.

Девушка пожала плечами и улыбнулась, как бы извиняясь за свое нежелание давать дополнительную информацию о происхождении броши.

С полки, где у него хранились инструменты, Милко достал металлические весы и подвесил их на длинной медной цепочке к крюку на потолке. Вынул из сундука золотые грузики, положил три из них на одну чашу весов, на другую водрузил брошь Шарины. Осторожно, прибавляя по одному делению, уравновесил весы.

Девушка молча наблюдала за всеми манипуляциями. Не проявляя излишней спешки, ювелир тем не менее все делал быстро и точно. Покончив со взвешиванием, Милко достал из рукава маленький ножичек и сделал пометку на мерной палочке из ивы.

– Надеюсь, вас не оскорбит, если я возьму пробу на сплав, миледи? – спросил он. – Порой блеск вводит людей в заблуждение.

– Действуйте, – одобрила Шарина. – Мне и самой интересно, насколько золото чистое.

Тогда Милко снял с той же полки чашу, которую девушка назвала бы чашей для вина. Качество ее было намного выше, чем у изделий, что Шарина рассматривала в гончарных лавках по дороге. Чаша оказалась наполовину заполненной чистой водой.

Внутренняя глазурованная поверхность посудины была украшена гравировкой, изображавшей гарпию во всех деталях. Кончики ее расправленных крыльев касались края чаши, так что горизонтальные перья образовывали мельчайшие мерные деления чаши.

Милко с большой осторожностью опустил брошь в воду. Шарина стояла рядом и внимательно наблюдала за процессом, хотя имела весьма слабое понятие, что в сущности

происходит.

Ювелир в удивлении покачал головой. Он указал на позицию, до которой поднялась вода: в точности до кончика одного крыла и до середины, меж двух перьев, другого.

– Совершенно чистое, – произнес Милко, – это чувствуется даже на ощупь. Я даже утяжелил медью свои гири. Такой мягкий металл, как ваш, нельзя трогать, что бы не стирать его и, следовательно, терять в весе.

Он поставил чашу на стол и сел сам, жестом пригласив девушку последовать его примеру.

– При всем при том остается открытым вопрос, каким образом вы собираетесь распорядиться этой вещью, – осторожно произнес ювелир. – Как вы справедливо подозревали, в нашем обществе имеются люди, которые придут в раздражение от вашей находки. Настолько, что не остановятся перед насилием.

Слегка улыбнувшись, он поправился:

– Во всяком случае, сделают такую попытку… Вы понимаете, миледи, я говорю не о себе. Но это только одна сторона вопроса. Кроме подобных безумцев, существуют люди, которые, напротив, готовы выложить круглую сумму за подобный артефакт, независимо от металла, из которого он изготовлен.

– Коллекционеры? – спросила Шарина, ее удивил такой поворот разговора.

– Ну, вроде того, – согласился Милко. – Вы сами отметили, что брошь имеет религиозное значение. Если желаете, я могу осторожно навести справки. Наверняка кто-нибудь найдется, может быть даже при дворце. Сумма, которую вы получите в этом случае, будет значительно выше, чем стоимость самого металла.

– Благодарю вас, но не стоит, – пожала плечами девушка. – Я продам вам брошь по цене металла.

Кивнув, Милко снял старые весы и заменил их на другие: у этих плечо с противовесом намного превышало то, где крепилась чашечка со взвешиваемым грузом.

Наверняка можно было бы получить лучшую цену – сгодилось бы на харчи, но для этого требовалось выждать, пока ювелир проведет поиски ценителей культа демона. Шарине же не хотелось тратить на это драгоценное время. Неизвестно, на сколько ей придется задержаться в Валхокке: возможно, уйдут месяцы, а то и годы – прежде чем Дракон отправит ее на следующую ступень. Или пока друзья не вызволят ее отсюда. Шарина верила, что Кэшел идет ей на помощь, какие б препятствия ни ждали его в пути.

Сидя в ожидании, девушка попыталась представить себе тайных поклонников Дракона в Валхокке и улыбнулась. Он не являлся ни богом, ни даже демоном, хотя она вполне допускала наличие у него демонических способностей. Шарина очень сомневалась, что Дракон станет помогать кому-нибудь, откликнувшись на молитвы.

– Поскольку вы иностранка, – произнес Милко, устанавливая три золотых демона на чашу противовеса, – позволю вам напомнить. У нас меняют двадцать мер серебра на одну золотую, и двадцать медных – на серебряную. Железо стоит один к десяти по сравнению с медью.

– А какие монеты у вас в обращении? – спросила Шарина. Она уже видела железные треугольнички, которые бросали на площади зеваки, а проходя мимо одной из лавок, девушка заметила, как кусок меди обменивали на что-то еще. Но нигде ей не доводилось видеть настоящих денег.

– Монеты? – переспросил Милко, явно не понимая, о чем она толкует.

Шарина поняла, что попала впросак. Ну ладно, ювелир же знает, что она издалека… правда, он мнит отдаленность скорее в расстоянии. Не подозревая, что пропасть во времени еще больше.

– Ну, в моей стране, – начала объяснять девушка, – правитель штампует свой портрет на кусочках металла определенного веса и чистоты. Так, чтобы не приходилось его взвешивать при каждой сделке.

– Вы, наверное, очень доверчивые люди, – усмехнулся Милко, докладывая серебряные

брусочки на чашу весов. – Если бы один из моих коллег предложил мне кусок серебра, то я, скорее всего, поверил бы его мере… но все равно перевесил бы. А вот если бы такое же предложение сделал мне лорд Матумс, то я первым делом взял бы металл на пробу, дабы убедиться, что это действительно серебро, а не посеребренный свинец.

– Местные особенности, – рассмеялась Шарина. – Но тем не менее для вас лик правителя будет означать гарантию, что металл присутствует. Какую его величину вкладывает в это торговец – другое дело. Историки утверждают, что монеты в некоторых государствах шли по цене свинца.

Разговаривая, Милко наблюдал за весами. В настоящий момент чаша с брошью чуть-чуть перевешивала мерные гирьки. Ювелир выложил третий кусочек, который поменьше, с чаши на стол. Вместо него он поместил серебряную фигурку свиньи и добавил несколько серебряных полосок.

Шарина нахмурилась. Серебро весит немало – по меньшей мере четыре фунта – и к тому же довольно громоздко. Пожалуй, все это поместится в ножны от пьюльского ножа, но разгуливать с такой ношей будет не очень удобно.

Во всяком случае, не так неприятно, как ходить голодной, напомнила себе девушка. Она усмехнулась, в уме прикидывая, каковы в Валхокке цены на продукты.

Милко тем временем взял серебро с уравновешивающей чаши, добавил три медных полоски и четыре железных треугольничка сверху. Серебро и медь – отштампованные, с царапинами от времени и клеймом каждого ювелира, через руки которого проходили, помимо этого хранили отметины о весе в виде кружочков и зарубок.

Ювелир потянулся в свой сундук и достал еще два кусочка серебра: один большой, а второй примерно в пятую часть от первого. Он добавил их к окончательной куче.

– Хочу добавить вам премию к стоимости металла, – произнес он с улыбкой. Девушка обратила внимание, что глаза его при этом оставались серьезными. – Если мне удастся продать ваше изделие без переплавки, то его цена окажется намного выше.

– Вы не обязаны это делать, – возразила Шарина. – Мы же заключили сделку.

– Именно, – рассмеялся Милко. – Но может Боги вознаградят меня в будущем за то, что я не стал наживаться на чужеземцах. Как вы думаете? – Затем, посерьезнев, добавил: – К тому же свою роль сыграл тот факт, что я поверил вам. Когда вы сказали, что владелец данного артефакта…

Он снял брошь с весов и проворно упрятал ее в сундук.

– … дал вам его для продажи. Я поклоняюсь Пастырю, как уже упоминал. Но я не стал бы бросать камень в того, кто выбирает себе другие кумиры.

– Я поняла вас, – ответила Шарина. Она принялась закладывать серебро в кожаные ножны. Медь и железо пойдут в парчовый кошелек, который она обычно носит в левом рукаве.

Ей припомнился тон Дракона, когда он говорил о колдунах, использующих его тело для собственных целей. Она улыбнулась Милко несколько натянутой улыбкой и промолвила:

– Думаю, это свидетельствует о вашем здравомыслии.

Глава 13

– Не разбудив никого звуком грубым, – пел Элфин. Пальцы его касались сдвоенных струн лиры с небрежным изяществом. Вместо того чтобы играть полноценную мелодию, лира предоставила это серебряному голосу юноши, лишь обозначая аккорды. – Ночью во тьме мы на няньку напали.

Смех Лесных Людей напоминал звонкое журчание ручья. Спутники Кэшела весело болтали между собой, пока они шли меж вековых деревьев. Время от времени кто-нибудь оглядывался на чужеземца, и тогда смех становился громче.

– Мы серебром разрезали ей зубы, – продолжал Элфин, – ногти златые ей в грудь мы

вонзали.

Голос у него был необыкновенный: высокий и чистый, как у тех певцов, что исполняли баллады на первом банкете, устроенном Гарриком во дворце. Когда Гаррик узнал, какой ценой покупается подобный голос у взрослых мужчин, он в ужасе отослал их прочь с пожизненным пенсионом… увы, у бедняг ничего не отрастет заново по той причине, что принцу не понравилось пение кастратов.

Кэшел украдкой бросил взгляд на юношу. Его килт ниспадал свободными складками, которые ничего не позволяли разглядеть. Вообще же Элфин выглядел вполне нормально… если не считать его диковинного голоса.

– Мы ей глаза из глазниц вырывали, – пел Элфин. – Их, как сокровища мы сберегли.

– Вам нравится наша музыка, мастер Кэшел? – спросил Велла. Когда король Лесных Людей улыбался, язык его трепетал, как крылья мух.

– Да, Элфин замечательный певец, – ответил Кэшел. – Мой друг Гаррик тоже играет на свирели, но ему далеко до Элфина.

Тут у него мелькнула неожиданная мысль, и юноша нахмурился:

– Правда, не знаю, как понравилась бы такая музыка овцам. Гаррик-то мог заиграть их насмерть – так что овцы посреди грозы засыпали.

Велла моргнул, но не совсем обычным образом. Вместо век его глаза закрывались непрозрачной пленкой, причем с обеих сторон одновременно. Кэшел раньше такое видел только у змей.

– В ноздри ей медные клешни втыкали, – пел Элфин. – Медными клешнями мозг извлекли.

Лесные Люди провели Кэшела через реку по мосту, плетенному из лозы. Дерево, казалось, еще жило: узкие зеленые листья наполовину скрывали плетение. По эту сторону реки деревья были все как на подбор: великаны, что в ширину, что в высоту. Но даже среди них выделялся гигантский белый дуб, к которому они направлялись. Пространство под ним равнялось по площади хорошей поляне, а ветви образовывали плотный, непроницаемый шатер.

Дерево-монстр! Оно заняло, сожрало столько земли, что хватило бы на дюжину нормальных деревьев. Кэшел слегка нахмурился. У них в деревне такой дуб давным-давно бы срубили и на его месте посадили бы десяток новых.

Да, что там говорить… Нечего и сравнивать здешний лес с обычным, как в родной Барке. В конце концов, обитатели этих – мест – Лесные Люди – не имели ничего, кроме леса. Так что странно был бы ожидать от них привычного рачительного отношения, когда ни одна палочка не пропадает зря.

– Добро пожаловать к Лесному Королю, мастер Кэшел, – произнес Велла, обернувшись. – Ты видишь перед собой жилище Лесных Людей. Войди и посмотри, как мы отдыхаем, дорогой гость.

Элфин прекратил петь и теперь стоял, опустив руку на лиру. Он бросил на Кэшела нервный, сердитый взгляд и отвел глаза. Кэшел не мог понять, что юноша имеет против него. Элфин вел себя как собака, некогда побитая пьяным хозяином.

– О, мне очень приятно, – произнес Кэшел, поскольку видел: хозяева ожидают от него каких-то слов. Направляясь вместе с гостем к расщелине в дубе, они так и мельтешили вокруг, подобно стае ласточек.

Нельзя сказать, чтобы Лесные Люди проявляли какую-то враждебность – если только Элфин… но почему-то они действовали Кэшелу на нервы. Ему хотелось как можно скорее расстаться с этими людьми. Уж лучше бы он снова очутился в вэллисском дворце. И, кстати сказать, здешний народ и тамошняя придворная братия поразительно походили друг на друга.

Кэшел поднял левый кулак к лицу – будто бы потереть подбородок – и пробормотал:

– Криас, а нам это по пути? Ну, в смысле… это туда, куда мы шли?

Элфин смотрел на Кэшела со странным выражением… не злобы уже, нет. Может,

страстной жажды? Скорее, зависти.

– Это туда, куда ты пришел, дурак несчастный, – проскрипел демон. – А насчет подземного дворца Ландура, что тебе сказать… Может быть, по пути. Если тебе удастся продолжить свой путь, пастух.

Колючий, тоненький голосок Криаса составлял разительный контраст с серебряным пением Элфина. Но – как ни смешно – Кэшел почувствовал, что ему приятно слышать его. Это было как найти кусочек солонины после того, как полдня объедался медом.

Лесные Люди знали о Криасе, в этом сомневаться не приходилось. Один за другим проходили они мимо Кэшела и скрывались внутри дуба. И каждый прежде, чем исчезнуть из вида, оборачивался и бросал взгляд на кольцо. У них у всех – за исключением Элфина – были узкие глаза с двойными зрачками.

Кэшела беспокоило – как заноза, засевшая где-то в глубине, – что демон прервал свой бесконечный поток жалоб и оскорблений, как только Кэшел пошел с Лесными Людьми. Не то чтобы юноша сильно любил оскорбления… скорее они его не задевали. Так было всегда, и это его спасало. Уж больно много обид выпало на долю парня, который вырос бедным сиротой, к тому же не столь… сообразительным, как все остальные.

На самом деле следует признаться: он успел привыкнуть к ворчанию Криаса. Вокруг Кэшела происходило так много неожиданного и тревожного, что неизменная брюзгливость демона как-то успокаивала, что ли. Ну и конечно же с ним всегда был его надежный посох…

– Войди же, почетный гость, – пропел Велла, делая приглашающий жест в сторону дуба. – Войди в дом Лесных Людей, любезный Кэшел.

– Боюсь, вход недостаточно большой… – начал юноша и умолк. Потому что вход был достаточно просторным. Теперь расселина выглядела точно по размерам Кэшела, и он ничего не понимал. Ведь только что он видел, как лесные люди с трудом протискивались внутрь. А ни один из них не мог сравниться с ним ни ростом, ни шириной плеч!

– Войди, дабы мой народ мог оказать тебе гостеприимство, – настаивал Велла.

Деваться было некуда. Кэшел выставил вперед свой посох и так – с посохом наперевес – проследовал в дупло Лесного Короля.

То, что парень увидел внутри, никак не могло помещаться в дереве. Дуб, конечно, могучий, но этот зал казался намного больше. А стены его, похоже, были вылеплены из цветного воска. Отступив в сторону, чтоб освободить проход остальным, Кэшел коснулся поверхности левой рукой. Она была твердой, но теплой на ощупь.

Зеленый свет, составлявший освещение зала, казалось, шел из самих стен. Не слишком яркий, но Кэшел увидел на просвет свои пальцы – странно было наблюдать все косточки сквозь плоть. Кольцо смотрелось черной пустотой.

В центре под цилиндрическим сводом располагался стол в виде подковы. По внешней стороне этой подковы выстроились стулья с высокими спинками. На противоположной стороне было пусто, лишь в центре дуги стоял трон из золота и слоновой кости.

Велла зашел вслед за Кэшелом, за ним – оставшиеся из Лесных Людей. На лице короля мелькнуло выражение торжества.

– Элфин, – распорядился он, – проводи нашего гостя на почетное место.

Юноша прикоснулся к левой руке Кэшела.

– Пойдем, – сказал он. – Пойдем же.

Голос Элфина напоминал отдаленный бой курантов. Он медленно повел Кэшела к стулу, располагавшемуся напротив трона короля Веллы. Пальцы юноши незаметно сползли по руке гостя к его ладони и остановились, не доходя до кольца. При этом в его взгляде исподлобья Кэшел прочитал ужас кролика, застывшего перед удавом.

Лесные Люди расселись по внешней стороне подковообразного стола, двигались они почти невесомо – ну чисто пух на ветру. Их одеяния шуршали и позвякивали, как ручей, бегущий по камушкам. Странное дело, несмотря на мертвенно-зеленое освещение, они – каждое из них – имели свой собственный цвет. Золото, беж, голубизна – на любой вкус. Здесь, внутри, они все изменились, за исключением килта Веллы, который сохранял свой

неистовый огненно-красный с металлическим отливом цвет.

Высокий, почти неуловимый человеческим ухом звук наполнял пространство зала. Кэшел затруднялся определить его источник, он даже не мог с уверенностью сказать: действительно ли он слышит странную музыку или это просто жужжание насекомых.

Впечатление было такое, которое возникает поздней весной, когда сидишь на лугу, а тысячи пчел перелетают с цветка на цветок, звенят в кронах деревьев. Странные изменения не коснулись одного лишь Элфина: килт нормального зеленого цвета, да и лицо – того же нездорового, зеленоватого оттенка, который предполагало подобное освещение.

Кэшел поудобней уселся на стул, который тут же возмущенно заскрипел, но выдержал его вес. Разглядев его поближе, юноша увидел, что сделан он не из побелевшего от времени дуба, как показалось ему вначале, а из костей. Неведомый умелец настолько искусно собрал его из мелких кусочков, что лишь различия в текстуре костей – реберных, лопаточных и черепных – позволяли обнаружить многочисленные стыки между ними.

«Ничего себе вещица», – с неудовольствием подумал Кэшел. Ему не очень-то нравилось сидеть на овечьих (так он полагал) костях. Зато выяснилось, что Лесные Люди таки Держат овец.

Войдя внутрь, хозяева развесили свое оружие на крючках вдоль стен. Там же располагались изогнутые, как серп ущербной луны, щиты и золотые копья.

Места за столом для Элфина не сыскалось, и юноша скользнул обратно к стене. Вообще же, Кэшел никак не мог определить количество присутствующих Лесных Людей. Похоже, их число удвоилось, но юноша не был уверен. Дело в том, что количество стульев и соответственно сидящих постоянно изменялось.

Один из подданных Лесного Короля выступил прямо из стены, неся на вытянутых руках поднос с дымящимся мясом. Кэшел не знал, слуга это или кто-то из тех, кто сопровождал его в лесу. Честно говоря, он вообще уже слабо ориентировался в этих Лесных Людях. Их одежда меняла цвет, причем никогда прямо у него на глазах.

Слуга поставил поднос перед Веллой и отступил назад… Опять же Кэшел не успел заметить, скрылся ли он в стене или смешался с толпой сидящих за столом. Король поднялся, взял кусок тушеного мяса и, поднеся его к губам, оторвал изрядный кус. Наблюдая за глотающим Веллой, Кэшел обратил внимание, что у здешнего народа гортань не надувалась, как у обычных людей.

Король наклонился через стол, протягивая юноше остаток мяса.

– Откушай с нами, дорогой Кэшел, – торжественно произнес он.

До того юноша держал свой посох прямо перед собой, меж ног, но теперь положил его на колени, внимательно следя, чтобы не ударить о край изогнутого стола.

Он принял еще горячее мясо. Оно было совсем нежирное. Еще одна слуга – на сей раз женщина – выступила из стены. Она несла кубок из слоновой кости с золотой подставкой.

– Благодарю вас, – чинно ответил Кэшел. Он не столь доверял своим зубам, чтобы так смело кусать, как Велла, посему положил в рот весь ломоть целиком. И стал медленно пережевывать горячее мясо.

Король поднял свой кубок и отпил из него, улыбаясь гостю. С кубком тоже вышел конфуз: он оказался вовсе не из слоновой кости. Это был человеческий череп, понизу которого поблескивала сложная серебряно-золотая филигрань.

– Ты хоть понял, что это за мясо, пастух? – проскрипел голос Криаса.

Кэшел с испугом сплюнул, затем еще раз – дабы убедиться, что ничего из пережеванного не осталось во рту. Он резко поднялся, но Лесные Люди его опередили. Они уже все были на ногах.

Рты их разинулись так широко, что лица, казалось, раскололись надвое. Внутри обнаружились острые, как иглы, зубы в три ряда. Язык Веллы вылетел изо рта, подобно хлысту, и обвился вокруг правого запястья Кэшела. На ощупь он казался клейким и прочным, будто сплетенным из шелковых нитей.

Кэшел отпрянул, потянув за собой через стол короля. Кубок и поднос с грохотом

полетели на пол. Еще один язык змеей захлестнулся вокруг шеи Кэшела. Третий сомкнулся на его левой ноге. А затем длинные хищные языки всех Лесных Людей обрушились на Кэшела. Они тянули его в разные стороны, казалось, разрывая на части.

Юноша закричал, и тут же чей-то язык метнулся к его лицу, накрыл глаза. Выронив посох, Кэшел пытался оторвать эту гадость, ослепившую его, в то время как другие липкие плети противодействовали ему.

Наконец Кэшелу удалось освободить свои глаза, но, даже напрягая все силы, он не мог разорвать надвое мерзкий отросток. Все-таки эти языки были фантастически прочными. Из широко раскрытых ртов – пастей? – Лесных Людей вылетало шипение, и Кэшелу слышался в нем издевательский смех.

– Знаешь, в такой ситуации счастливчики, владеющие кольцом власти, наверняка бы им воспользовались, – раздался тоненький, как комариный писк, голос Криаса. – Ты же, хозяин, похоже, предпочитаешь быть сожранным заживо.

– Так сделай же что-нибудь! – прохрипел Кэшел, хватка на его горле усилилась. Краем глаза он заметил, как еще один неимоверно длинный язык захлестнул его посох и утащил в сторону. Ударившись в стену, железный наконечник высек голубые искры. В месте удара зеленоватая поверхность стены потемнела – будто на свежем листке появился плесневый грибок.

– Ты должен назвать меня по имени! – закричал демон. – Я не могу повиноваться, пока ко мне не обратятся по всей форме!

– Сделай что-нибудь, Криас! – промычал Кэшел, извиваясь всем телом, чтобы хоть немного снять давление с горла. Бесполезно… По меньшей мере трое Лесных Людей душили его, в то время как остальные пытались отодрать его руки-ноги, будто он сушеная тарань. – Сделай что-нибудь или, клянусь Дузи, я сотру тебя в порошок!

Юноша чувствовал, как горит его кожа. Он старался вырваться из тройной удавки, попутно соображая, не означает ли это жжение, что прикосновения Лесных Людей ядовито. Не очень своевременно, но, раз возникнув, эта мысль не покидала его.

Его кожа действительно горела. Языки монстров, сомкнувшиеся на Кэшеле, сморщились и пожухли, как слизняки на раскаленном камне. С нескольких сторон раздались крики ужаса. Велла замер с выпученными глазами, будто лягушка на острие багра. Кожа его почернела, спина выгнулась дугой: видно, мышцы спины сократились в предсмертной судороге.

Затем жар спал. Кэшел ощущал дрожь и головокружение. Он обнаружил, что сидит на полу: наверное, упал во время схватки с Лесными Людьми. Юноша начал было подниматься, но затем передумал и занялся прилипшими языками чудовищ. Он отряхивал их с себя, как мы очищаемся от паутины, налипшей после прогулки в вечернем лесу.

Плоть Лесных Людей выглядела почерневшей и сморщенной; иногда она рвалась от резких движений Кэшела. После нее на коже оставались грязные пятна, и юноше захотелось как можно скорее вымыться.

Элфин продолжал стоять у стены с непонятным выражением лица. Он так и не сдвинулся с места во время всей этой вакханалии. Пальцы юноши покоились на струнах лиры, но он не делал попытки петь или играть.

– Благодарю тебя, Криас, – сказал Кэшел. Вернее, прокаркал: должно быть, он сорвал голос во время драки.

– Ну что ж, неплохо, неплохо, – пропищал демон. – И вполне своевременно, я бы сказал. Не то чтоб меня сильно волновало, кому на обед ты попадешь, простофиля… Но вот служить до конца вечности королю Велле мне бы очень не хотелось.

Кэшел чувствовал в коже жжение и покалывание, как после солнечного ожога. Он взглянул на свое предплечье и обнаружил, что мельчайшие волоски на коже начисто исчезли, будто он слишком близко поднес руку к огню. Прикоснувшись ко лбу, убедился, что с бровями положение не лучше.

Повсюду валялись сморщенные тела мертвых подданных Лесного Короля. Самого его

можно было опознать по алому килту. Почерневшая плоть на глазах облезала с костей. Надо сказать, в таком виде они куда меньше походили на людей, чем при жизни.

Кэшел разыскал свой посох в углу, у стены. Подняв его, юноша сжал в руке гладкую орешину, успокаиваясь от привычного прикосновения. Он чувствовал…

По правде, Лесные Люди заслужили то, что получили, но Кэшел никому бы такого не пожелал. Так или иначе, все было позади, и юноша не собирался хныкать и жаловаться. Главное, он остался жив и мог продолжать свой неблизкий путь к Шарине.

Свет в помещении постепенно гаснул. Стены еще сохраняли свой цвет, но больше напоминали угли, изо всех сил тлеющие, перед тем как окончательно погаснуть.

– Не хотелось бы вторгаться в твои философские размышления, господин, – снова раздался голос Криаса, – но, может, ты не заметил: Лесной Король умер. Не мое дело тебя отговаривать, если уж ты выбрал себе именно такую кончину. Но на тот случай, если ты еще окончательно не решил похоронить себя под рухнувшим дубом…

– О, – спешно спохватился юноша, – большое спасибо тебе.

Держа перед собой посох, он сделал несколько поворотов влево, затем вправо – чтобы восстановить плечевые мышцы. Не так уж много ему пришлось драться. Скорее это напоминало попытку плыть сквозь ледяную толщу, которая со всех сторон сдавила тело. Но уж в этой попытке Кэшел выложился весь!

Дерево над его головой стонало, будто в бурю. Долго оно не продержится… Кэшел понимал, что и так – благодаря колдовству – оно простояло больше, чем полагалось.

Он направился ко входу и обнаружил, что отверстие стало больше: гнилая древесина обсыпалась по краям. Так бывает, когда дерево разрушается от старости: ветер обламывает одну за другой ветки, пока не обнажится полая сердцевина.

Элфин по-прежнему стоял без движения – так что казался темным пятном на сырой древесине.

– Ты идешь? – спросил Кэшел.

В ответ – молчание, только вздох струн.

– Ну как хочешь! – пожал плечами Кэшел и побрел прочь. Он ощущал слабость и злость. Красный закат снаружи показался ему зловещим и отнюдь не успокоил душу.

* * *

Гаррик ступил на крышу Алэ. Даже при том, что ветер яростно дул ему в лицо, легким не хватало воздуха. Было такое ощущение, будто все тело облепила тонкая, невидимая паутина.

Неподалеку от края крыши стоял обращенный на запад, лицом к бесплодной пустыне, огромный сапфировый трон. Его явно делали для великана, но сейчас на троне сидел обычный, невысокий человек.

Больше на крыше ничего не было – только ветер, трон и человек на нем. Гаррик помог Теноктрис преодолеть последнюю ступеньку. Ветер рвал на нем тунику, меч дребезжал в своих ножнах.

– Думаю, он там, – проговорил вполголоса юноша, кивком указывая на трон. – Во всяком случае, кто-то там сидит.

Старая волшебница улыбнулась, но говорить не стала – берегла дыхание. Поддерживаемая с двух сторон своими молодыми друзьями, она засеменила к трону.

Вблизи он выглядел еще громаднее, под стать всему остальному: плоской огромной крыше, безграничному, терявшемуся вдали горизонту, а над всем этим – бездонному небу с яркими, немигающими звездами.

– Лорд Альман, – обратилась Теноктрис неожиданно твердым голосом. Отсюда, от подножия трона, они могли видеть над сверкающим подлокотником лишь голову сидящего мужчины. – Мы пришли из времени, которое для вас является отдаленным будущим… чтобы

просить вашей помощи в борьбе с хаосом.

Несколько мгновений ничего не происходило. Затем медленно – с той же скоростью, с какой наступает зимний рассвет, – человек развернулся на своем сиденье, чтобы взглянуть на них… Оперся на подлокотник.

– Наверное, я сплю? – произнес он слабым, надтреснутым голосом – долгое молчание и сухой воздух подточили его голосовые связки.

Гаррик приподнялся на цыпочки и сжал руку волшебника. Под тонким слоем плоти явственно ощущались кости и сухожилия.

– Нет, господин, мы реальны, – уверил его юноша.

– Похоже на то, – удивился Альман. – Либо я окончательно лишился разума. Но в любом случае, думаю, мне лучше спуститься к вам. Одну минуту…

Маг развернулся и медленно – спиной к гостям – преодолел три ступеньки, ведущие на трон. Гаррику почему-то подумалось, что вряд ли когда этой махиной собирались пользоваться по назначению. Хотя с другой стороны, что за странный монумент – пустой трон?

– Вот уж не думал, что кто-нибудь разыщет меня здесь, – сказал Альман, рассматривая гостей с интересом и удивлением. Он оказался моложе, чем вначале показалось Гаррику: на вид не старше его отца. Волосы заметно поредели над лбом, но то, что осталось, радовало природным черным цветом. Кожа на лице была сухой и обветренной, но не такая морщинистая, как у Теноктрис.

– Ваша слава могущественного мага не меркнет, Альман. Люди помнят вас, даже несмотря на века добровольного затворничества, – улыбнулась Теноктрис. – И тем не менее у меня вряд ли хватило бы сил отыскать вас, не говоря уж о том, чтобы явиться сюда во плоти, если бы не тот переломный момент, который настал в нашем времени.

Волшебница сама остановила себя жестом и поправилась:

– Вернее, в том времени, которое я почитаю своим… Альман нетерпеливо пожал плечами.

– Полагаю, нам стоит спуститься вниз, – сказал он. – Теперь, когда вы разбудили меня, я ощущаю жажду. Да и поесть не мешает…

Он неуловимым образом изменился, теперь в словах его сквозила немощь глубокого старца. В этом он сильно отличался от Теноктрис. Она действительно была старой, но лишь телесно: внутри же сохраняла ум и характер молодой девушки.

Альман, в отличие от нее, одной ногой уже стоял в могиле. Он просто распространял вокруг себя ауру серой скуки и пустоты. Опустив голову, он прошествовал к лестнице. Гаррик шел впереди него. Не то чтобы он ожидал какой-то опасности на пустынной крыше или внизу… Но юноша знал, что король Карус одобрит его осторожность: не стоит легкомысленно рисковать в таком месте.

– Нигде не стоит легкомысленно рисковать, парень, – прошептал король Карус в его голове. – Хотя правитель, вообще не умеющий рисковать, тоже никуда не годится.

Гаррик хотел было предложить Альману руку на лестнице, но, подумав, решил, что это может показаться оскорбительным. В конце концов, наверх волшебник вскарабкался самостоятельно, да и путешествие это он наверняка проделывал не единожды.

– Лорд Альман, мы явились, чтоб позаимствовать у вас Линзу Рушилы, – сказала Теноктрис. – Я сказала «позаимствовать», но может так случиться, что я не смогу вернуть вам Линзу… Если нам удастся избавить наш мир от тех врат, что угрожают ему.

Старуха говорила, спускаясь по лестнице. Она опиралась на плечо Лиэйн и правильно делала. Узкие ступеньки и отсутствие перил даже Гаррику затрудняли спуск. Не дай Госпожа споткнуться в таком месте, подумал он.

– Линзу Рушилы? – Прошла, кажется, вечность, прежде чем Альман ответил, Гаррик уж потерял на это надежду. – Да, она есть у меня. По крайней мере мне так кажется. На самом деле я уж не помню, что я взял с собой в Алэ.

– Некий маг открыл ворота в наш мир, – пояснила Теноктрис, хотя Альман не просил

ее об этом. – Я не настолько сильна, чтоб разыскать его при помощи обычного магического кристалла. С вашей же Линзой я смогу увидеть его и понять, какую цель он преследует.

– Линза Рушилы? – повторил Альман с некоторым удивлением. – Я так гордился, когда впервые расколол скалу и посмотрел на свет сквозь ее кусочек… – Он покачал головой. – … впервые с начала времен, с тех пор как человек познал время и был создан наш мир.

Гаррик наконец достиг пола и вздохнул с облегчением. Ступеньки, которые трепетали под его ногами, словно сердце пойманного воробышка, все еще продолжали вибрировать на ветру. Лестничная спираль выглядела достаточно прочной – казалось, время никак не сказалось на ней – но все же… Как хорошо было снова почувствовать под ногами твердый камень!

– Линза сделана из хрусталика глаза существа старше, чем сами звезды, – бубнил Альман, направляясь к той части барельефа, где Гаррик обнаружил съестные припасы. – Рушила предполагал его существование, но так и не сумел обнаружить Линзу. Только мне это оказалось по силам!

На мгновение перед Гарриком предстал другой Альман – непревзойденный в своей мощи и кичащийся своей силой волшебник. Слова его эхом отзывались под высокими потолками ротонды. Но затем тот гулко закашлялся, втянув голову в плечи, и наваждение исчезло. Перед юношей снова стоял немощный старик – даже старше своих лет, измученный лишениями.

Гаррик протянул руку, чтоб поддержать хозяина, и спросил:

– Господин, у вас есть здесь вода? Я бы сбегал и принес…

– Не надо, – помотал головой чародей, справившись с кашлем. – Со мной все в порядке. Я просто смеялся над собой.

Он зашаркал к еде, опираясь на руку юноши. Из свисавших с пояса ножен достал нож с позолоченной кромкой и, подняв одну из колб размером с собственную голову, круговым движением сковырнул ее макушку. Держа пробку в руке с ножом, Альман другой рукой запрокинул колбу над лицом и приник к ней губами.

– Это у вас единственный источник воды? – спросила Лиэйн.

– Мое! – воскликнул старик, прижимая колбу к груди и замахиваясь ножом на стоявших поблизости людей. Глаза у него при этом были совершенно безумные. Затем взгляд прояснился, и Альман пробормотал: – О! Простите мою неучтивость… В конце концов, вы мои гости. Не желаете?..

И он нерешительно протянул колбу, содержимое струйкой стекало по ее стенке. Оно имело кашицеобразную консистенцию и резко пахло скипидаром. Представив себе, как он прикладывается к этой штуковине, Гаррик почувствовал спазм в животе, но постарался скрыть отвращение.

– Нет, благодарю вас, – Лиэйн, как всегда, проявила больше выдержки и дипломатичности. – Тем более что нам уже пора обратно.

И она бросила вопросительный взгляд на Теноктрис.

– Да, это так, – подтвердила та. – Как только вы дадите нам Линзу, мы удалимся и не будем мешать вашему уединению, лорд Альман. Хотя… Может, вы пожелаете вернуться с нами обратно?

– Дело в том, что водяные корнеплоды становится все труднее находить, – извиняющимся тоном пояснил хозяин. – Мне приходится уходить все дальше и дальше. А я не люблю покидать надолго Алэ… из-за трона.

Он посмотрел на лестницу, ведущую на крышу.

– У себя дома, в Сандине, я держал зеркало, – сказал он, – благодаря которому мог общаться с волшебниками прошлых времен. Я вызвал Рушилу, он явился и ответил на мои вопросы. Он был уже мертвым, а я обрел возможность пережить смерть. Я разговаривал и с другими… получал от них знания, добавлял собственные находки. Таким образом, в моем распоряжении оказалась мудрость всех времен!

И снова в словах Альмана прозвучала неимоверная сила. Все огромное здание

пульсировало и мерцало в такт его словам, или, по крайней мере, так казалось Гаррику.

– А затем настал день, когда я понял, – продолжал маг, снова угасая и съеживаясь в обычного человека, более того: в старого и болезненного человека, – что, несмотря на все свое могущество, я тоже умру. Придет другой волшебник, а я буду слабой тенью в его зеркале, танцующей под чужую дудку. Тогда я разбил свое магическое зеркало и пришел сюда, в Алэ. Когда я умру здесь, некому будет командовать мною. Я сижу на Троне Бога и наблюдаю за солнечным восходом… и так продолжится до того дня, пока солнце больше не взойдет.

– Позвольте нам взять Линзу Рутилы, лорд Альман, – прервала его излияния Теноктрис. – Мы уйдем, и вы сможете вернуться к вашим делам.

– Да, да, – пробормотал волшебник. Он снова припал к своей колбе, отчаянно пытаясь высосать последние капли из кожуры. Затем аккуратно заткнул отверстие пробкой и поставил колбу обратно в нишу.

– Иногда можно еще что-нибудь выжать, если оставить постоять на несколько дней, – объяснил он.

Гаррик боялся произнести хоть слово. Любое его высказывание могло прозвучать оскорбительно, а они так нуждались в помощи Альмана. Зато заговорил в его разуме король Карус:

– Если бы какая-нибудь сволочь посмела так обращаться с моим пленником, я бы спустил с него шкуру. И времени бы на это ушло ровно столько, сколько потребовалось бы, чтобы размотать мой хлыст. Но этот человек сам себя наказывает.

Альман затих, затем, снова заметив своих гостей, встрепенулся.

– О! – удивился он. – Вы еще здесь? Ах да, я же собирался подарить вам Линзу Рутилы. Она там, где я сплю… Подальше от ветра, понимаете…

По-старчески волоча ноги, волшебник прошел к массивным двойным дверям и выскользнул в звездную ночь. Теноктрис кивнула юноше, и тот поспешил за стариком. Обе женщины двинулись следом. Снаружи открылась полукруглая площадь, ограниченная невысоким парапетом. За ней тянулись бесконечные песчаные просторы.

Только выйдя из ротонды, где ветер просто выл и свистел, Гаррик смог оценить его истинную силу. Здесь, внизу, царил настоящий самум: песок скрипел на зубах, впивался в голые икры, забивая поры.

– Иногда я засыпаю на Троне, – рассказывал Альман. – Но там так холодно. Как-то раз я так застыл, что не мог разогнуться, пришлось ползком сползать по лестнице.

Они подошли к проему в парапете, куда ветер врывался особенно яростно. Гаррик оглядел безжизненный горизонт, и вдруг его посетило странное видение – неистовый дождь, ливень, заливающий равнину. Эта картина – даже больше, чем плачевное состояние зданий – убедила его в безнадежной древности Алэ.

– Вот здесь, – произнес Альман, опускаясь на колени. В камне имелось углубление, когда-то забранное решеткой. Она давным-давно исчезла, поэтому старик беспрепятственно пролез внутрь. Его босые пятки мелькнули и исчезли в темноте, подобно тому как мышь-полевка скрывается в расселине меж скал.

Гаррик в нерешительности опустился на корточки. Он свободно пролезал в дыру, для этого ему даже не понадобилось бы отцеплять меч. Но у юноши не было никакого желания лезть туда, если можно подождать снаружи.

– У вас там есть какой-нибудь свет, господин? – тихо спросил он.

– Свет? – повторил Альман. – О… Я уверен, что смогу найти ее…

Теноктрис опустилась на землю перед фигурой, которую она нацарапала при помощи бамбуковой палочки из сумки Лиэйн.

– Тай пикале, – нараспев говорила она, отмечая каждый слог прикосновением своего миниатюрного жезла к написанному. – Хуприста…

– Яуверен, она где-то здесь, – доносилось невнятное бормотание из норы. Его сопровождало постукивание и позвякивание каких-то предметов. Гаррик содрогнулся, хотя,

скорее всего, Линза Рушиллы достаточно прочный объект, раз для ее создания пришлось взрывать скалу. – В конце концов, не могла же она куда-то исчезнуть.

Камни под ногами покрывали извилистые узоры в бело-серых тонах или, возможно, вместо серого – какой-то другой цвет, неразличимый в лунном освещении. Все было изрядно засыпано песком, хотя и не сплошным слоем.

Неподалеку от проема Гаррик разглядел цепочку следов от какой-то обувки – явно не его собственной.

А может, просто дорожка, оставленная насекомым… В любом случае, возникла цепочка совсем недавно – судя по глубине и четкости следов.

– Конайой! – закончила заклинание Теноктрис.

В центре нарисованного шестиугольника возникло голубое свечение. Размером оно было с кулак, а яркостью могло сравниться с фосфоресцирующей гнилушкой. Поднявшись в воздух, светящийся шар поплыл в сторону проема и скрылся в норе. Гаррик, не теряя времени, нырнул за ним следом.

Он оказался в помещении с каменной кладкой, но таком низком, что, даже стоя на четвереньках, ему приходилось пригибать голову, чтоб не задевать за потолок. Нора ответвлялась в обе стороны. Слева все было засыпано песком, справа же громоздилась куча предметов явно искусственного происхождения: различные емкости, сделанные из дерева, стекла, камня. Некоторые из них сломаны и валяются как попало. Альман копался в своей коллекции, выбрасывая ненужное на кусок ткани, расстеленной на полу.

– Ну, вы видите? – произнес он, не оборачиваясь. Голос эхом разносился по норе. – Вот он, мой атам! А Линза должна быть вместе с ним.

Он протянул перед собой магический кинжал, выкованный из серебряных и железных полос столь искусно, что узором напоминал творения Илны. В голубом магическом свечении оба металла отливали каждый своим блеском.

Гаррик приподнял с земли обрывки материи – бархат, остатки прозрачного шелка – и разложил их, пока волшебник разгребал свои завалы. Еще один жучок вынырнул из кучи и поспешно кинулся в темный угол.

– Не понимаю, – повторял Альман. Он закопался в нору настолько глубоко, насколько позволяла длина рук. – Где же она может быть? Да что же это? Неужели я не взял Линзу с собой?

– Давайте я попробую, – предложил юноша. Он сдвинул мага в сторону, легонько, но кости старика, кажется, вообще не имели веса. Голубой магический шар переместился ко входу норы, затем вплыл внутрь. Гаррик разглядел швы между камнями, которые, сплетаясь в правильные узоры, продолжались до…

Юноша отпрянул, отчаянно моргая. Затем протер глаза, пытаясь прогнать наваждение. Присутствовало что-то гипнотическое в узоре каменной кладки – строители явно не просто соединяли камни между собой. Так или иначе, дальше не было ничего, кроме песка.

Отверстие норы – бледно-матовое – являлось единственным источником освещения в помещении.

– Давайте выбираться, лорд Альман, – предложил Гаррик. – Не думаю, что мы найдем Линзу.

Он стал отползать назад, чувствуя слабость и дурноту. Накатила головная боль, глаза слезились от пыли и сухости.

– Теноктрис, – произнес юноша. – Ее там нет. Думаю, кто-то опередил нас.

Он нахмурился, припомнив цепочку следов, которую заметил у входа. Интересно, насколько они свежие? Он, конечно, не уверен…

– Думаю, кто-то забрал Линзу, пока мы разыскивали лорда Альмана, – сказал Гаррик. – Такое возможно?

– Да, – кивнула Теноктрис. – Так и есть. Этот кто-то следил за мной и проскользнул следом в Алэ. Вполне возможно при наличии известных сил. Не знаю пока, что это означает, но… – она блеснула улыбкой, – но в любом случае думаю, результат нас не порадует.

Альман выкарабкался обратно. Он двигался с осторожностью древней черепахи.

– Лорд Альман, – обратилась к нему волшебница. – Благодарим за попытку помочь нам. Больше мы вас не потревожим.

– Просто не могу придумать, куда она запропастилась, – в недоумении качал головой старик. – Я точно помню, что брал ее с собой в Алэ. Не мог не взять! Ведь Линза Рушилы была предметом моей гордости.

Искрящаяся звезда промелькнула в небе. Она казалась гораздо ближе и ярче тех звезд, что Гаррик наблюдал по ночам на Хафте. Больше всего она напоминала комету.

Альман тоже увидел этот огненный прочерк.

– Линза Рушилы являлась частью глаза существа, которое родилось задолго до нашего мира, – задумчиво произнес старик. – Была старше нашей части космоса… И вот она тоже умерла. Все умирает.

– Для возвращения мне нужно начертать свое заклинание на месте, где мы вошли в этот план, – спокойно сказала Теноктрис, опираясь на руку Лиэйн.

– Господин? – позвал Гаррик. – Лорд Альман? Тот уже медленно шел ко дворцу. Услышав зов, он обернулся. Казалось, присутствие других людей его удивило.

– Господин, вы уверены, что не хотите вернуться с нами? – спросил юноша. Махнув рукой в сторону песочного океана, он добавил: – Здесь не место человеку. И вообще чему-то живому.

– Вернуться? – слабо улыбнулся старик. – Я понимаю, вы хотите быть любезным, но… уверяю вас, вы ошибаетесь. Ведь здесь я могу сидеть на Троне и наблюдать за солнечным рассветом. И я буду продолжать это делать до той самой ночи, когда заведенный порядок нарушится и солнце не взойдет. Либо для мира, либо для меня. На самом деле, это одно и то же. Ведь ничего не существует… ничего, кроме темноты. Или обещания темноты.

И Альман побрел по направлению ко дворцу. Несколько мгновений Гаррик смотрел ему вслед, затем подхватил на руки Теноктрис.

– Я понесу тебя, – сказал юноша. На это у него еще хватало сил. По крайней мере, на короткое расстояние. – Так будет быстрее. А мне хочется как можно скорее покинуть это место. Уж очень неприятно видеть, что оно делает с человеком.

* * *

Когда Шарина вернулась на площадь, возле птицы стояли двое с желтыми нашивками на рукавах. Один из них бросил железный треугольник к тем двум, что уже валялись на подстилке, после чего парни удалились, обсуждая, где бы пообедать.

Прервав танец, птица опустилась на корточки, и Шарина невольно вздрогнула, так как колени у нее сгибались назад. Танцор начал аккуратно складывать ткань с монетами.

– Погоди, – окликнула его девушка. Запустив два пальца в кошель, она подошла поближе. – Я наблюдала за твоим танцем раньше, но тогда у меня не было денег. Вот возьми.

И Шарина достала короткую медную полоску со стертыми от частого употребления краями. Она застыла в нерешительности, не зная то ли передать металл в руки танцору, то ли подождать, пока он снова расстелет свою подстилку, и, таким образом, избежать прямого контакта. Девушка насмотрелась достаточно, чтобы знать: в каждом месте свои обычаи. К тому же, как правило, обычаи блюдутся куда более строго, чем государственные законы и установления.

Птица поднялась, держа сверток в обеих руках. Она была на полголовы выше Шарины, хотя большей частью за счет перьевого гребеня. Перья вокруг глаз у нее напоминали отогнутые наружу лепестки, что зрительно увеличивало их.

– Благодарю вас, госпожа, не надо, – произнесла птица. – На сегодня с меня довольно денег.

Шарина не поверила себе: неужели птица действительно говорила? На слух, ее выговор

не сильно отличался от обычного валхоккского – по крайней мере, с точки зрения иностранки. Голос звучал несколько выше, чем, скажем, у ювелира, но вполне укладывался в нормальный человеческий диапазон.

– Но я хочу заплатить тебе, – настаивала Шарина, подняв повыше (чтоб было видно) медную безделицу. – Я же наблюдала твой танец, но не могла тогда заплатить. Теперь я вроде возвращаю долг.

Девушка знала, что ее дар, по крайней мере, втрое превышает заработок птицы за сегодняшний вечер. У ног птицы стояла небольшая плетеная корзинка. Возможно, туда отправились более ранние подаяния, но Шарина сильно сомневалась в этом. Крышка корзинки была наглухо приторочена пеньковой веревкой, побелевшей от времени. Если б ее рассупонивали ежедневно, это, наверное, как-то отразилось бы на цвете.

– Я – Далар, младший сын и страж Роконара, – представился уличный танцор. – Я сопровождал свою сестру во время путешествия к ее жениху Тестигу. Увы, моя сестра погибла – мне не удалось ее спасти во время шторма. Меня же на обломках корабля забросило на этот край земли, о чем я не перестаю сожалеть. Лучше бы я тоже тогда погиб.

Далар запрокинул лицо в небо и заухал, подобно черному орлану, – раз, другой, третий. Зловещее впечатление… Люди на площади опасливо оглядывались на них, одна из уличных торговок – рассыпавшая айву со своей тележки – разразилась проклятиями.

– Поскольку мне надо как-то жить, я унизился до того, что исполняю на улице Боевую Пляску Роконара, – теперь Далар говорил нормальным голосом, глядя прямо в глаза Шарине. – Но я не совсем потерял честь… поэтому беру только то, что необходимо мне на прокорм. Лишнего мне не надо, госпожа.

Он прижал к себе завернутые в тряпку три железки.

– Этого мне хватает. – Он повернулся, чтобы уйти.

– Подожди, – воскликнула Шарина. Птичья голова повернулась на сто восемьдесят градусов, так что круглые глаза смотрели на нее из-за плеча. – Я тоже чужестранка в Валхокке. Мой дом далеко отсюда… гораздо дальше, чем ваш.

Далар развернулся, чтобы снова оказаться лицом к лицу с девушкой, ноги его при этом совершили некое подобие танцевального па.

– Мне ничего неизвестно об этом городе, – продолжила Шарина, облизнув губы. – А также неизвестно, сколько придется здесь пробыть. Мое имя Шарина ос-Рейзе.

Ей удалось сдержаться – не закричать и не отпрыгнуть в ужасе, когда Далар на ее глазах сам себе свернул шею, но повторения этого трюка она не жаждала. Девушка подозревала: птица использовала нечеловеческую гибкость, чтобы ограждать себя от излишне любопытных зевак.

– Вы хотите, чтобы я послужил вам проводником, Шарина ос-Рейзе? – ровным голосом спросил Далар.

– Я хочу нанять вас на службу в качестве телохранителя, – поправила его девушка. Она старалась держаться лицом к собеседнику. Похоже, он привык именно так разговаривать. Янтарные глаза птицы с круглыми черными зрачками неотрывно смотрели на нее. – Раньше у меня не было денег, но теперь они есть, и мне нужна защита в незнакомом городе.

Шарина имела в виду ровно то, что сказала: получить нужного исполнителя и расплатиться с ним частью своих богатств. План созрел в ее мозгу в момент разговора. Она слабо себе представляла, каков боец из Далара – хотя вид когтей на этих лапах внушал невольное уважение, но одно девушка знала точно: воин чести, который не позволяет себе взять лишнего с незнакомца, никогда не перережет ей глотку за пригоршню сребреников.

Солнце садилось. В некоторых окнах на восточной стороне улицы уже зажигались масляные лампы, западная сторона все еще освещалась закатными лучами.

– Я – Далар, сын Роконора, – повторила птица. Она говорила спокойно, хотя в словах ее слышалась законная гордость. – Тридцать дней ветер нес на север обломки, на которых я держался. Временами шел дождь. Я обсасывал собственные перья, чтобы не погибнуть от жажды. Питался сырой рыбой, которую удавалось поймать. Нет никого в Валхокке, кто бы

проделал больший путь, чем я, госпожа.

– Есть я, мастер Далар, – сказала Шарина. – Мы с вами оба чужестранцы. Мне может понадобиться ваша сила, но еще больше я нуждаюсь в вашей честности. Согласны ли вы служить мне?

– Если вы беретесь обеспечивать меня наилучшим питанием и жильем, достойным воина, Шарина ос-Рейзе, – ответила птица. – Кроме того, на каждый День Года мне необходимы новые подвязки для моих когтей. Вообще-то говоря, традиции дома Роконаров предполагают, что главный телохранитель в качестве знака уважения получает еще и женщину из гарема нанимателя – после особо крупных побед… Но я думаю…

Далар широко распахнул свой широкий клюв и заквохтал, как рассерженная курица. Шарине потребовалось несколько мгновений, чтобы понять: он так смеется.

– Я думаю, – подытожил Далар, – что мы сможем вместе пережить это.

Шарина с облегчением перевела дух и сама удивилась своей радости. Ей действительно нужен охранник – это правда. Милко проявил себя честным человеком, но девушка не сомневалась, что среди жителей Валхокке сыщется также немало воров и убийц. Как в любом другом городе… А одинокая женщина, вышедшая от ювелира с полным кошельком, наверняка вызовет среди них нездоровый интерес.

Но Шариной двигал не только здравый смысл. Она чувствовала себя чужой в этом городе. И ей было очень важно объединиться с кем-то, кто также не принадлежал Валхокке – гораздо важнее, чем способность птицы защитить ее от разбойников.

– Ну что ж, – заявила она. – Начнем с еды и жилья для моего телохранителя – а также и для меня самой. В первую очередь, еды… Скажи, есть приличная гостиница в Валхокке?

В голову девушке пришла еще одна мысль, и она добавила:

– Такая, где бы не возражали против чужестранцев?

Далар снова залился смехом – на свой собственный манер.

– В конюшнях «Золотого Тунца» мне предоставляют ночлег за один серебряный грош в сутки, – сообщил он. – Там достаточно чисто – насколько может быть чисто в конюшнях… И найдется комната для женщины со средствами. К тому же они не станут возражать, чтобы воин из рода Роконаров спал у нее под дверью.

– Ну, тогда пошли, – кивнула Шарина. – Послушай, Далар…

– Да, госпожа? – отозвался ее новоявленный телохранитель. Он остановился и принялся распускать завязки на корзине. На руках у него было по четыре пальца, один из них – большой. Как и сами руки, пальцы казались короче, чем полагалось бы человеку его роста.

– Я не знаю, когда покину Валхокку, – сказала девушка – И не знаю, куда направлюсь. Мне известно только, что это будет дальний путь. К тому же небезопасный – так мне сказали, и думаю, не обманули.

Шарина усмехнулась и подумала, а распознает ли Далар выражение человеческого лица. Похоже, да.

– Короче, – продолжала она. – Если это не нарушает твоих планов, не согласишься ли ты сопровождать меня в моем путешествии?

Далар снова рассмеялся.

– Да будет вам известно, госпожа: воин Роконара не задумываясь сунет руку в. огонь, если того пожелает его хозяин.

– Отлично, но будем надеяться, до этого не дойдет, – кивнула девушка. Сама же призадумалась, а что на самом деле имел в виду под опасностями Дракон. – А теперь давай позаботимся об ужине, хорошо?

– Минуточку, госпожа, – замешкался Далар. Он наконец покончил с узлами и снял крышку. Достав содержимое, бросил корзинку под ноги. – Раньше я не смел прикасаться к этому… Но теперь я снова воин.

И птица протянула Шарине свои раскрытые короткопалые ладони. На них лежала странная конструкция: две восьмигранные пирамидки, чьи основания соединялись тонкой цепочкой. Ее длину девушка не могла определить, поскольку цепочка струилась и

переливалась, как ртутная. Все было сделано из одинакового темного металла.

Далар размотал цепочку где-то на ярд, держа прибор в правой руке. Масляные лампы в руках случайных прохожих освещали грани пирамидок, которые отзывались тусклым блеском. Раздалось короткое крак! – и плетеная корзина полетела в сторону, развалившись при этом на две нелепые половинки.

Далар сделал неуловимое движение, и крутящиеся пирамидки скрылись в его ладони – лишь блеснули белым светом звенья цепочки.

– Из чего это сделано? – спросила озадаченная девушка, надо же было хоть что-то сказать. Собственно, чему тут удивляться? Она же видела прежде танец птицы. – Я не узнаю металл.

– Разновидность бронзы, – легонько кудахтнула птица. – Очень прочная, кстати. Такая же твердая, как сталь, но не ржавеет.

Далар держал всю конструкцию в одной руке, она занимала места не больше чем пара куриных яиц. Девушка с улыбкой сказала:

– Ну что ж, веди нас к «Золотому Тунцу», Далар. Ты же знаешь дорогу.

Тот кивнул. Свободной рукой не спеша развернул свою подстилку и смахнул с нее три железных треугольничка – свой вечерний заработок. За ними в ночь полетела и сама подстилка. После этого птица зашагала прочь, гордо выпрямив грудь. Девушка пошла следом: похоже, Далар лучше видел в темноте, к тому же знал, куда идти.

У Шарины тоже не было сомнений в направлении движения – следовало идти прямо за проводником. И все дела, усмехнулась она.

Торговый люд на площади уже укладывал свои манатки, лавочники опускали ставни на окнах. Зато в харчевнях и тавернах царило вечернее оживление, а на улицах Шарина замечала женщин в ярких, безвкусных нарядах, занявших выжидательную позицию.

Узкий проулок ответвлялся от главной улицы. По обеим сторонам его стояли закрытые лавки.

– Госпожа? – замялся Далар. – Если вы не боитесь, мы пойдем дальше… но это самый кратчайший путь к постоялому двору.

– Лучше напрямик, – решила Шарина, прикоснувшись к рукояти пьюльского ножа, который всегда у нее был под рукой. Не то чтобы она всерьез тревожилась о предстоящем маршруте – чисто машинальный жест.

Здесь окна в домах заменяли небольшие отверстия с бамбуковыми решетками под самыми крышами. Из одного такого отверстия на втором этаже раздавался детский плач. Откуда-то слева долетал запах вареной капусты. Перед Шариной маячил нескладный силуэт ее спутника, слабо освещаемый масляными фонарями проходившей за темным проулком улицы.

И вдруг девушку настиг запах змеиного гнезда. Она резко остановилась.

– Стой, Далар!

Дракон сидел в нише слева – еще мгновение назад Шарина видела здесь только глухую стену с обсыпающейся штукатуркой.

– Приветствую тебя, слуга моя Шарина, – раздался его голос. – Ты готова продолжить путешествие?

Обеспокоенный Далар повернул назад.

– Что-то случилось, госпожа?

– Твой спутник меня не видит, – предупредил Дракон. – Можешь успокоить его, а затем обсудим дальнейшие инструкции.

– Далар, у меня видение, – быстро произнесла девушка. Если подумать, это было недалеко от истины, хотя сейчас Шариной двигало в первую очередь желание избежать ненужных объяснений. – Мне нужно сконцентрироваться.

– Совсем неплохо, – одобрил с кивком Дракон. Голос его раздался в мозгу Шарины до того, как она его услышала. – Теперь слушай. Еще до конца переулка слева в фундаменте здания ты увидишь кусок белого камня – тот, что когда-то располагался в основании моего

трона.

Щелкающий смешок.

– Давненько это было… Тебе удастся вынуть его из стены: раствор у здешних каменщиков никудышный. Так вот, достанешь его и пролезешь в образовавшееся отверстие.

– Господин? – прервала его девушка. Чувство голода, мучившее ее до того, куда-то улетучилось. Сейчас при мысли о еде желудок скрутило узлом. – Насчет моего попутчика… Можно, он отправится со мной?

Дракон снова рассмеялся.

– Покуда мои слуги честно исполняют свои обязанности, – беззвучно произнес он, – мне нет дела до их личной жизни. А сейчас прощай, Шарина.

И светлая картина – фрагмент стены с сидящим Драконом – померк и растворился в ночной тьме, как ночное созвездие на утреннем небе. Девушка снова видела перед собой глухую стену. Далар стоял поблизости: тело развернуто к выходу из проулка, но взгляд устремлен на хозяйку.

– Мы не идем к «Золотому Тунцу», Далар, – сказала Шарина. Ее била дрожь. Слишком много неожиданных событий за последние несколько часов. И ей все же требовалось поесть… хоть она и сомневалась, что желудок сумеет удержать какую-то пищу. – Нам надо найти белую плиту в фундаменте этого дома.

И она пнула носком туфли в стенку перед собой.

– А затем мы отправляемся дальше – ты и я, – обреченно добавила девушка. – И пусть Госпожа не оставит нас своей милостью!

* * *

– Внимание, отмель прямо по носу! – раздался крик впередсмотрящего с мачты «Разрушителя». Голос его звучал так же пронзительно, как и крики мечущихся над триремами чаек.

– Смотри вперед! – прорычал Чалкус, стоя у поручней рядом с Илной в двух шагах от носа судна. – Это не отмель, это раковины Морских Владык!

Затем вглядевшись, мрачно добавил:

– Странное дело, никогда не видел такого скопления их у поверхности. Да и острова в этих водах я никогда раньше не встречал.

Вонкуло с четверкой своих помощников стоял на корме. «Ужас» едва двигался – работали всего два десятка гребцов, и те вполсилы. Рулевой, передав румпель простому матросу, тоже присоединился к группе командиров.

Тоже мне, «командиры», фыркнула Илна. Она бы назвала их шайкой фигляров!

– Вы здесь уже бывали, мастер Чалкус? – спросила Мерота, отклонившись от поручней, чтоб видеть моряка.

– Так точно, госпожа, – ответил тот. – Хоть и очень давно. Можно сказать – целую жизнь назад. Верно я говорю, крошка Илна?

И он ухмыльнулся девушке.

– Ничего не знаю о вашей жизни или жизнях, если угодно холодно произнесла Илна. – Зато знаю, что мне не нравится, когда меня называют «крошкой».

Она не стала добавлять угроз, главным образом потому, что ей не хотелось их приводить в исполнение, если снова последует «крошка Илна» от Чалкуса. А она знала: пообещай она сейчас какое-то наказание (интересно, какое?), и позже непременно придется его выполнить.

– Ага, – кивнул моряк. – Тогда мне лучше быть поосторожнее со словами, не правда ли? А Илной можно вас называть, или тоже плохо?

– Это мое имя, – просто ответила девушка. – Нет ничего плохого в том, чтобы его использовать.

Чалкус казался ей… любопытным. Казалось, он прекрасно понял все, что промелькнуло у нее в голове: в частности, почему она не пообещала отправить его за борт подобно несчастному Мастину. А также прочувствовал, что Илна может исполнить это и без предупреждения: если возникнет такая ситуация и она достаточно разозлится.

Конечно, это было бы ужасно, но ей доводилось совершать и более страшные поступки в своей жизни. Так же как и самому Чалкусу, в этом девушка нимало не сомневалась. Любопытный человек.

Триремы направлялись навстречу заходящему солнцу. Островок, сколько хватало глаз, покрывала буйная растительность, легкий бриз колыхал водоросли у берега.

А море было буквально забито Морскими Владыками, солнце играло, отбрасывая блики на их раковины. Гаррик называл этих морских тварей с щупальцами и изогнутой раковиной, вместо студенистого тела, аммонитами. Когда-то их относили к морским богам, теперь же они являлись воплощением сущего зла. Вглядевшись в волны, Илна поняла: Чалкус абсолютно прав – впереди собралась огромная стая Морских Владык.

Триремы медленно продвигались вперед – со скоростью едва научившегося ползать младенца. Люди перекликались с борта на борт.

– Стараются подбодрить друг друга, – со смешком прокомментировал Чалкус.

– Скорее самих себя, – поправила его Илна.

Ей эти морские чудовища не казались ужасными. Нищая девчонка с братом, вымахавшим в два человеческих роста, привыкла использовать все, что попадается под руку. Надо же как-то кормиться… Аммониты тоже шли в ход. Достать из панциря, нарезать кольцами и потушить – совсем неплохо получается. Главное не переварить, как выяснила Илна. Иначе они получались жесткими, как бычий хрящ.

Вдруг огромные щупальца всколыхнулись, и Морские Владыки ушли на глубину, оставив за собой пенный след. Морская зыбь выглядела сегодня вечером особо мрачной, будто сама стихия протестовала против вторжения людей.

Илна ничего не имела против аммонитов, но вполне разделяла сомнения Чалкуса по поводу того, что надвигающийся остров покажется морякам раем. С палубы он выглядел чередой лесистых холмов, обрывающихся в море. На юге вырастали, нависая над волнами, каменистые утесы. По сути не такой уж зловещий пейзаж, но Илне он почему-то напомнил временные загоны для скота, которые воздвигал по осени Сталлерт Мясник, занимаясь выбраковкой стада.

Вонкуло обернулся и заорал на гребцов:

– Давай обратно на банки!

Приказ сопровождался взмахом руки, который, наверное, задумывался как повелительный, но получился почти безнадежным.

– Подойдем еще на расстояние полета стрелы, затем повернем к берегу!

– Боюсь, он сильно удивится, – с усмешкой пробормотал Чалкус, бросив взгляд в сторону Илны. Похлопав Мероту по плечу, он не спеша направился к своей скамье. Переместив ножны со своим кривым мечом так, чтобы они не мешали грести, взялся за весло и скомандовал:

– Эй, носовая секция, за весла!

В какой-то безумный момент Илне показалось, что Чалкус собирается и ее пошлепать по плечу. Она бы…

А что, собственно, она бы сделала? Со смущенным смешком, девушка вынуждена была признать: ответа на этот вопрос у нее нет. Ну и ладно, все равно такого не случилось.

– Илна? – удивилась девочка. – Что смешного?

– Я смеюсь над собой, Мерота, – пояснила Илна. – Пожалуй, это и в самом деле смешно.

Вот Чалкус действительно был командиром. Пожалуй, он бы справился и с более достойной командой, чем это сборище мятежников-неудачников. Собственно, из них лишь Мастин обладал сильным характером, но и с ним Чалкус справился бы не хуже самой Илны.

– Мы там собираемся ночевать? – спросила Мерота. Под ее нарочито ровным тоном Илна улавливала скрытое напряжение. Даже ребенок понимал, что здесь не лучшее место для высадки на берег. Собственно, Вонкуло со своими парнями тоже сознавали это, но отчаяние толкало их вперед.

– По крайней мере, сегодня ночью, – спокойно сказала Илна. – Я, правда, не вижу улиц, мощенных золотом и изумрудами, но, наверное, это из-за плохого освещения.

«Разрушитель» первым направился к острову. «Ужас» двигался в его фарватере, хотя гребцы и здесь налегали на весла.

Чалкус блеснул улыбкой. Хотя на тримему уже надвинулась тень острова, девушка разглядела, как блеснули его зубы.

Теперь и с мачты «Ужаса» раздался крик впередсмотрящего. Он указывал на что-то по курсу судна. Гребцы скатились со своих мест, и брошенные весла беспорядочно замолотили по воде.

– Иди ко мне, дитя мое! – Илна присела на корточки и, загородив собою Мероту, вцепилась в поручни.

– Обратный ход! – закричал Чалкус, бросаясь между скамьей и вальком своего весла.

Раздался чавкающий звук, и «Ужас» будто внезапно наткнулся на стену. Гребцы, снасти и незакрепленный (после того как в нем основательно покопались мятежники) багаж – все покатилось на нос судна.

Впередсмотрящий, почувствовав, к чему дело идет, соскользнул в более спокойное место на бакштаге, и вовремя – мачта под влиянием внезапной остановки опасно накренилась вперед. Слава Госпоже, не треснула, но Илна расслышала ужасный стонущий звук, перекрывающий крики моряков. Им следовало бы заранее укрепить мачту.

Илна горько усмехнулась. Пожалуй, это плохая примета – еще до начала плавания обсуждать предстоящий ремонт корабля.

Она поднялась, по-прежнему прикрывая девочку. Их трирема оставалась на ходу, в то время как «Разрушитель» впереди медленно заваливался на левый борт. Вода вокруг обоих кораблей пенилась темными водоворотами.

Среди царившей неразберихи Чалкус подобрался к Илне с девочкой. Рулевой «Ужаса» вылетел за борт при внезапной остановке. Вонкуло и еще несколько матросов попрыгали на таран судна, пытаясь помочь бедняге взобраться обратно. С полдюжины командиров выкрикивали различные глупости, абсолютно бессмысленные, с точки зрения Илны.

– Опять же, – произнес запевала, – следовало учесть, что Владыки Моря обычно плавают у самого дна. Такого, как здесь, мне не доводилось видеть раньше. Надо было посоветовать Вонкуло выслать вперед лотового!

Он бросил взгляд на берег, теперь уже полностью погрузившийся во тьму. На «Разрушителе» суетились матросы при свете масляных ламп. Они спускали на воду ялик, накренившийся вперед, как таран.

– А что нам делать, Илна? – спокойно спросила Мерота. Смотрела она при этом на Чалкуса.

– Ждать или добираться вплавь, – пожала плечами девушка. – Что касается меня, то я не умею плавать. Как вы считаете, мастер Чалкус, корабль сможет сам освободиться?

– Сможет, когда настанет прилив, – ответил тот, – а это случится часов через шесть. Когда луна будет вон там.

И он указал левой рукой на точку, где-то посередине между зенитом и западным горизонтом. Правая рука его касалась ушастой рукояти меча – бессознательный жест, как полагала Илна.

– Это если мы не пробили пояс наружной обшивки корпуса, – добавил Чалкус, – что, впрочем, вряд ли случилось в здешней тине. Хотя сейчас строят такие корабли, что все возможно: порой у военной триремы корпус не крепче яичной скорлупы. Сосна достойный материал, я согласен, – легкая и хорошо обрабатывается. Но дайте мне латенский двухпалубник из железного дерева, и я возьму на абордаж любое судно на полном ходу.

– Ведь Латенские острова принадлежат пиратам? Разве не так, мастер Чалкус? – спросила Мерота. Похоже, девочка не вкладывала в свой вопрос никакого подвоха. Так, по крайней мере, думала Илна, видя, что Мерота и впрямь невинное дитя.

– Ячто-то слышал об этом, госпожа, – как ни в чем не бывало ответил моряк. – Но не стоит верить всему тому, что говорят.

Через голову девочки он бросил взгляд на Илну.

– Хотя кое-что может оказаться правдой, – добавил он все тем же безразличным тоном.

– Как-нибудь я, возможно, расскажу вам, чем я занималась, когда впервые очутилась в Эрдине, – сказала Илна, наблюдая за яликом с «Разрушителя», приближавшимся к острову. На носу его стоял матрос с фонарем, хотя что уж он там мог осветить – одному Пастырю известно. Скорее, он светил, чтобы как-то приободрить изрядно напуганных людей, готовившихся к высадке.

На самом деле Илна вряд ли собиралась когда-либо рассказывать Чалкусу о тех амулетах, которые она изготавливала для богатых эрдинок. Ее любовные чары и в самом деле срабатывали, невзирая на все узы – любви или долга, которыми были связаны мужчины – объекты охоты.

Илна и посейчас не знала, сколько убийств и самоубийств вызвали ее проклятые кружева. А сколько других разнообразных несчастий… В те времена когда Илна находилась во власти Зла, ей и в голову не приходило считать, да и не имело смысла. Одно девушка знала точно: даже если всю оставшуюся жизнь она потратит на исправление нанесенного ущерба, и то ей вряд ли это удастся.

Что из того, что Чалкус когда-то был пиратом? Если кто-то и может поставить ему это в упрек, то только не Илна ос-Кенсет.

Должно быть, ялик уже достиг берега, то там, то сям мелькали фонари, которые прихватили с собой матросы. Больше ничего нельзя было разглядеть. Странное дело, небо выглядело довольно светлым, но не отдавало свой свет вниз. «Разрушитель» теперь уже был ближе к острову, чем к «Ужасу». Похоже, он медленно двигался по найденному каналу среди отмелей.

– Отлив продержится еще часок, – сообщил Чалкус, вглядываясь в сторону острова. Илна задумалась, возможно ли, чтобы он лучше ее видел в темноте. – Думаю, наше брюхо так прочно увязло в песке, что мы вряд ли завалимся на бок, как те ребята.

И он кивнул на «Разрушитель», который к тому моменту уже практически лежал на борту. Поручни по левому борту уже скрылись под водой. Команда карабкалась на корпус корабля с лампами и оружием в руках, проклиная всех и вся на чем свет стоит. Они что-то требовали от своих товарищей с «Ужаса», Вонкуло им отвечал, но большая часть моряков, похоже, предпочитала подождать новостей от первопроходцев.

– И хоть на палубе мы несколько ограничены в пространстве, – продолжал Чалкус с одной из своих самых широких улыбок, – я бы все же предпочел провести ночь здесь, а не высаживаться в темноте на берег. Разве не так?

– Согласна, – ответила Илна, сжимая плечо Мероты. – У меня есть хлеб и сыр. И хоть мы не сможем развести костер…

Вдруг один из фонарей на берегу взлетел в воздух и упал, описав широкую дугу. «Почему не слышно крика?», – успела подумать девушка. И тут крик раздался – через несколько ударов ее сердца – сказывалось расстояние до берега.

Затем крик прервался – как-то слишком внезапно. На мгновение наступила полная тишина, нарушаемая лишь плеском волн и взволнованным ропотом на борту «Ужаса».

И тут донесся смех с острова – чересчур громкий и устрашающий, чтоб принадлежать человеку. Эхо превратило его в раскаты, которые постепенно затихали и окончательно исчезли. Будто ужасное создание скрылось за холмом. Какое-то время Илне казалось: она все еще улавливает звук этого безумного хохота…

– Илна ос-Кенсет! – послышался крик Вонкуло. – Колдунья! Скорее сюда!

Глава 14

– Анхира пантон фроуги, – произнесла Теноктрис; затем, ткнув своим миниатюрным жезлом в центр нарисованной фигуры, закончила: – Атизэ!

На месте возник и закружился смерч – на удивление быстрый и плотный в такой разреженной атмосфере. Основание воронки достигло мощеного покрытия, разметало накопившийся за века сор – во все стороны полетел песок пополам с голубыми искрами, затем стало углубляться в землю.

Гаррик со своими спутницами оказался внутри воронки. Инстинктивно он отклонился назад, не выпуская рук обеих женщин. Углубление под их ногами продолжало увеличиваться, превращаясь в дыру, которая вела…

Они стояли не просто у колодца, а у входа в туннель с голубыми полупрозрачными стенами. Он уходил, казалось, к самому центру вселенной. Насколько можно было видеть, местами туннель сужался, будто какая-то неведомая сила сжимала его снаружи.

Внезапно Теноктрис осела, падая ничком; Гаррик успел ее поймать.

– Нам надо идти, – едва слышно прошептала волшебница, глаза ее сами закрывались от изнеможения. – Помоги мне, если можешь.

Если б он мог! Гаррик сделал то, что было в его силах: подхватил старую женщину на руки, бережно устроив ее голову у себя на плече. Лиэйн одобрительно кивнула с почти незаметной улыбкой. Она уже несла на плече сумку Теноктрис с ее магическими принадлежностями. Так – бок о бок – они двинулись по светящемуся туннелю.

Воздух здесь оставался сухим, но не таким разреженным, как в Алэ. У Гаррика было такое ощущение, будто он наконец вынырнул из-под воды. Он вообще не понимал выбора Альмана: как можно жить в подобном месте?

Юноша оглянулся назад и убедился, что и в том направлении туннель уходит в бесконечность. Заметив его жест, Лиэйн сказала:

– Неправильно было бы уводить Альмана против воли, не правда ли?

– Наверное, – согласился Гаррик и, покачав с сожалением головой, добавил: – По крайней мере, там для него безопасно.

– Ну да, – хмыкнул Карус. – А еще безопаснее было бы собственноручно повеситься. Я многое могу простить человеку, но только не трусость. А этот боится жить!

Гаррик невольно припомнил жизненные ситуации, когда он сам испытывал страх. Так, например, совсем недавно он стоял на набережной Белтис, Теноктрис читала свои заклинания, а за спиной у них светился грозный в своей сверхъестественной силе мост…

Если вытащить на свет самые давние воспоминания, то Гаррик видел себя трехлетним малышом. Он с трепетом ждал появления отца, поскольку не выучил заданный урок…

Все подобные неприятные ситуации объединяло одно… и оно же их объясняло: Гаррик испытывал страх всякий раз, когда не мог действовать – не знал, опоздал… И был в полном порядке, покуда имелось дело.

Придя к такому выводу, юноша рассмеялся громким честным смехом короля Каруса, так часто звучавшим в его сознании. Лиэйн бросила на него удивленный взгляд. Теноктрис, находившаяся в полубессознательном состоянии, пробормотала что-то невразумительное.

– Я просто подумал, – объяснил Гаррик, – хорошо, что я сейчас принц. У принцев, как правило, дел невпроворот.

Вряд ли это что-то объяснило Лиэйн. Моргнув пару раз, она приблизилась к своему другу и взяла его за руку.

– Не знаю, шутишь ты, Гаррик, или серьезно. Ты совсем меня запутал… Но тем не менее я рада находиться с тобою рядом.

В голосе девушки прозвучало… не то чтоб отчаяние или страх. Скорее, полное замешательство. Гаррик пожал ей руку и ответил:

– Я вполне серьезен, Лиэйн. Дело в том, что мне невыносимо сидеть у моря и ждать погоды. Особенно, если не понимаешь, что происходит.

Откашлявшись, он добавил:

– И я тоже рад, что мы вместе.

Они продолжали путь. Стены туннеля приобрели большую прозрачность – стали то ли чище, то ли тоньше. Сначала Гаррику показалось, что он наблюдает просто узор самих стенок: переплетение линий и пятен. Но затем он заметил в нем какое-то самостоятельное движение. Еще через сотню шагов юноша уже вполне различал фигуры, перемещавшиеся за стенами туннеля. Они двигались параллельным с ними курсом.

Глаза Лиэйн тоже были прикованы к полупрозрачным стенам. Она вопросительно посмотрела на Гаррика.

– Да, – ответил он с серьезным, но спокойным лицом. – Я все вижу.

Он наклонился, чтобы посмотреть на Теноктрис, но старая волшебница спала сном сильно уставшего человека. Визит в Алэ оказался нелегким для всех испытанием, а ведь ей еще приходилось читать заклинания.

– Мне кажется, там впереди что-то движется, – произнес Гаррик, подавив желание немедленно куда-то бежать. Пока он мог разглядеть лишь некое изменение в голубизне стен. Нельзя сказать, чтобы в туннеле было слишком тесно – даже подпрыгнув, юноша вряд ли смог бы коснуться изогнутого потолка. Но гладкая пустота стен действовала не менее угнетающе, чем вид пустыни за стенами Алэ.

Поверхности вокруг начали теперь слабо светиться, Гаррик ощущал, как при каждом шаге ноги его слегка вязнут. Если б он шел, скажем, по бревенчатому мосту, то решил бы, что дерево сгнило и, того и гляди, рухнет. Лиэйн, судя по всему, ничего не замечала. Оно и понятно: ведь юноша со своей ношей весил вдвое больше, чем тоненькая изящная Лиэйн.

К тому же, усмехнулся Гаррик, аристократы не имели опыта хождения по полусгнившим мостам.

– М-м? – улыбнулась в ответ девушка.

– Я размышлял о пробелах в образовании, – весело пояснил Гаррик. Лгать Лиэйн он не собирался, но и делиться дурными предчувствиями не хотелось.

Преграда из сверкающего золота перекрывала им впереди дорогу. Почувствовав страх, юноша прикидывал: что сейчас произойдет. Исчезнет препятствие, отодвинется или…

Или не то, не другое?

Стены туннеля стали прозрачными, будто слюдяные окошки в каретах богатых путешественников. Теперь было видно, что именно движется за ними: вооруженные люди – пехота и кавалерия. Войска маршировали стройными рядами, но в полном молчании, никак не координируясь. Это удивило Гаррика, а еще больше – короля, наблюдавшего его глазами. Фигуры казались призрачными – будто в лунном свете, но являлись людьми, в этом юноша не сомневался.

– Они идут по мосту, – спокойно объявила Лиэйн. – Тому самому, что мы видели в Вэллисе.

Она оказалась права. Раньше Гаррик рассматривал самих солдат, но теперь, присмотревшись, заметил те же самые филигранные перила, изогнутые, заостренные флероны, что и на призрачном мосту над Белтис.

Мосту, по которому Гаррик в своих снах попадал в Клестис.

– Я вижу их штандарт, – тихим, встревоженным голосом произнесла Лиэйн. – По-моему, там нарисован краб, но я не знаю ни одного дома, который бы использовал краба в своей символике.

– Теноктрис? – тихонько позвал Гаррик. Ему не хотелось беспокоить старую волшебницу, но он не знал, к чему может привести соприкосновение с золотым барьером.

Теноктрис у него на руках что-то пробормотала. Глаза ее открылись, и взгляд сразу сконцентрировался на невесть откуда взявшейся армии. На стену впереди колдунья не обратила ни малейшего внимания. Гаррик сделан еще один шаг – последний, отделявший его от барьера.

– Мне идти дальше? – с напряжением в голосе спросил он.

Ответа не потребовалось, поскольку туннель попросту исчез подобно соломе в костре. Гаррик споткнулся на внезапно затвердевшем под его ногами покрытии. Он упал на колени, хорошо еще не уронил старую волшебницу. За его спиной ахнула Лиэйн, и отделение Кровавых Орлов загрохотало по улице.

Гаррик с друзьями снова стояли на набережной Белтис. Приближающийся рассвет позолотил небо на востоке, хотя солнце еще не показывалось.

Светящийся мост мерк, теряя свою материальность. А по нему продолжали маршировать войска – тоже серые и полупрозрачные в предрассветном сумраке. Армия направлялась в Клестис.

– Я могу тебе рассказать о крабе, парень, – послышался мрачный голос короля Каруса. – Это штандарты герцогов Йоля. Но ведь и он, и его армия утонули тысячу лет назад, вместе со мной.

* * *

Шарина сидела на корточках перед плитой из белого камня. В том, что именно ее имел в виду Дракон, она ни на мгновение не сомневалась: этот огромный трехфутовый кусок твердого белого мрамора резко отличался от обычного тесаного камня, из которого был сложен остальной фундамент. Это замечательно, но как они с Даларом смогут вынуть такую махину?

Птица стояла, загораживая ее от зевак с улицы. При этом она постоянно вертела головой в свойственной ей манере – взад-вперед на сто восемьдесят градусов. Великолепный образчик усердного зрителя, который пытается наблюдать за игрой в нетбол одновременно на обеих половинах поля. Шарина подозревала, что подобная феноменальная подвижность шейных позвонков больше привлекает внимания, чем помогает соблюсти секретность. Но, слишком занятая своим делом, решила промолчать.

– Так, он сказал… – бормотала девушка, стараясь ухватиться за камень. К своему удивлению, обнаружила, что камень готов поддаться. Но, увы, это не решало проблемы: камень по-прежнему весил вдвое больше, чем они с Даларом, вместе взятые.

Вытащив пьюльский нож, Шарина прикинула, как бы просунуть его острие в щель между белым мрамором и соседним камнем. Девушке не хотелось использовать в качестве рычага единственный предмет, оставшийся ей на память от Ноннуса, но сейчас выбирать не приходилось. Отшельник сам неоднократно внушал ей, что вещи – это не более чем вещи. Человеческое существо – вот что имеет действительную ценность. Таким образом, важна память о Ноннусе и верность тем принципам, которые он ей преподал. А нож… что ж, это всего лишь инструмент.

Просунув нож, она стала осторожно его раскачивать. Из щели так и посыпался засохший раствор: будто она ковыряла лед, а не камень. Шарина засунула в образовавшееся отверстие фиксирующий камешек и принялась за другую сторону. Слава Госпоже, сталь была высококачественной и достаточно толстой. Не приходилось беспокоиться, что металл сломается, хотя мелкие царапины могли остаться.

Ей удалось немного повернуть камень вокруг его оси. Освободив нож, девушка бережно отерла лезвие, прежде чем спрятать его обратно в ножны.

– Далар, помоги мне, – попросила она, ухватившись за камень с левой стороны.

Ее спутник тоже опустился на колени. Приложив все усилия, Шарина умудрилась чуть-чуть подвинуть камень вперед. Затем Далар повторил ее манипуляции.

Когда камень вылез на половину своей ширины, появилась возможность получше ухватиться за него. Бросив взгляд на ладони птицы, девушка засомневалась, достаточно ли они сильные. И, как оказалось, напрасно. С силой у Далара все было в порядке.

– Эй, что вы там делаете? – раздался крик у входа в переулок. Человек, маячивший там, своим телом загородил и без того неяркий свет.

– Поправляем фундамент, чтоб стена не упала! – крикнула в ответ Шарина. Обменявшись взглядом с птицей, она шепотом скомандовала: – Давай!

Они напряглись, вцепившись в камень и отползая назад. Готово! Мраморная плита почти полностью вышла из основания. Девушка чувствовала, как пальцы у нее ломит и покалывает – в онемевших от напряжения руках снова восстанавливалось кровообращение.

– Поправляете фундамент? – с сомнением повторил мужчина. – Ерунда какая-то! Эй, Леймон, иди сюда, посмотри, что делается!

В случае надобности Шарина могла бы швырнуть пригоршню серебряных пластинок на улицу. Это наверняка отвлекло бы свидетелей и дало бы им возможность незаметно бежать.

Хотя «бежать» не совсем верное слово.

– Еще разок, – скомандовала она и снова ухватилась за край плиты.

Они потянули ее одновременно, стремясь свалить на землю и освободить отверстие. Нелегкое дело – девушка чувствовала непосильное напряжение в бицепсах, из полуоткрытого клюва Далара со свистом вылетало дыхание.

А затем камень скользнул вперед, будто сила трения сдалась и куда-то испарилась. Они едва успели отскочить, чтобы упавшая плита их не придавила.

– Идиоты! – подумала Шарина. Такая же глупость, как срезать капусту ножом на себя… и куда опаснее в смысле последствий.

– Эй, а ну-ка идите оттуда! Вам нечего там делать! – крикнул мужчина и сделал шаг в переулок. К нему подтянулись еще двое. Голос горожанина звучал не слишком злобно, да и пьяным он не казался – просто зануда, привыкший вмешиваться в чужие дела.

– Ползи! – пробормотала Шарина, подталкивая своего спутника в образовавшееся отверстие. Невзирая на вытащенный камень, стена пока держалась, но вот надолго ли сохранится такое положение вещей, девушка не знала.

Далар скользнул в прямоугольную дыру.

– Смотри-смотри, что он делает? – завопил один из мужчин.

– Послушайте, остолопы! – крикнула Шарина. При этом она старалось придать голосу убедительность – насколько это возможно, когда ты говоришь на чужом диалекте и к тому же сидишь на корточках в грязном переулке. – Сходите к хозяину дома, и он подтвердит вам, что нанял нас для этой работы. И наверняка он хорошенько всыплет вам за то, что суете нос не в свое дело!

Одновременно она снимала пояс с кошельком и ножнами. Застежка находилась под плащом, так что снять пояс через плечо было невозможно, нужно сначала расстегнуть пряжку. Сделанная из плотной кости тюленя, она плохо поддавалась.

– Я не верю ни единому слову, – произнес первый мужчина. Тем не менее он в нерешительности оглядывался на своих товарищей, боясь входить в темный переулок.

Одной рукой Шарина вытащила из ножен пьюльский нож, другой пропихивала в отверстие кошелек с деньгами и пояс.

– Во имя Госпожи! – крикнул валхоккец. Все трое отпрянули, наступая друг другу на ноги. – Да что же это такое?

Девушка просунула ноги в пролом и со всей силы оттолкнулась левой рукой. В правой она держала нож – на тот случай, если эти глупцы вздумают остановить ее. Но мужчины развернулись и побежали по освещенной улице, громко призывая на помощь.

Напрягая мышцы живота, Шарина изо всех сил протискивалась в слишком узкое для нее отверстие. Наконец это удалось, и она упала на землю с высоты одного фута. Не успела она и ахнуть, как руки Далара подхватили ее…

Они очутились на развалинах города, солнце клонилось к закату. Весь день перед этим, должно быть, моросило, потому что повсюду стояли лужи.

Далар протянул девушке ее вещи, и она нацепила нож и кошелек снова на пояс. Шарина оглядела себя и обнаружила, что туника у нее задрана до пояса, а бедра изрядно ободраны. Застежка плаща, выполненная в виде золотой бабочки, впилась в шею, но

ничего… не смертельно. Даже царапины не осталось.

– Теперь понятно, что вы называете дальней дорогой, – прокудахтал ее охранник. – А не может быть такого, чтоб вы направлялись к Роконару?

Далар резко поворачивал голову туда-сюда, озирая окрестности, в правой руке он держал наготове свои пирамидки на цепочке.

– Не думаю, – ответила девушка. Она прилаживала на талии пояс поверх змеиной кожи, это давало ей возможность не глядеть на птицу. И не видеть скрытой боли в ее глазах. – Я иду туда, куда меня направляет мой хозяин. Это все, что я знаю: надо идти, пока не доберусь до нужного места.

И она посмотрела своему спутнику в глаза. Тот кивнул… непонятно, перенял он этот жест от людей или же вкладывал в него какой-то свой, птичий смысл.

– Не пристало воину Роконара спрашивать о том, куда направляется его хозяин, – произнес Далар. – Простите мне мое неуместное любопытство, такое больше никогда не повторится.

Наконец Шарина принялась знакомиться с окрестностями. За ее спиной высилась стена – вся целиком из известняка, за исключением той гранитной плиты, которая снова заняла свое место, хоть они с Даларом и вынули ее в Валхокке. При дневном свете было видно, что камень старый, поцарапанный, и уголок у него откололся.

– Я видел, как вы проползали сквозь нее, – сказала птица, кивнув в сторону плиты. – Сначала появились ноги, затем все остальное – прямо из воздуха…

Плита располагалась в верхней части сохранившейся стены, но само здание – судя по всему, огромное в прошлом – разрушилось. Скорее всего, это был храм. Во всяком случае, вот это очень похоже на остатки цилиндрических колонн, которые обычно украшают фасады подобных построек.

Далар молча стоял рядом с девушкой, поигрывая своими гирьками на цепочке. Очевидно, он ждал, когда хозяйка примет решение и сообщит ему. Хотела бы Шарина, чтоб кто-то решил это за нее!

– Понятия не имею, где мы находимся, – сказала она, – и куда нам идти. Дракон… ну, то есть особа, которой я служу… Как ты видел, он явился…

Тут девушка с улыбкой поправилась:

– Вернее, ты видел только меня. Ну, все равно… Я хочу сказать: он без всякого предупреждения появился со своими инструкциями. Подозреваю, что и в будущем он сохранит свой стиль общения.

Развалины, на которых они стояли, вполне могли принадлежать Валхокке. Впрочем, при такой степени разрушения трудно было что-то сказать наверняка. С таким же успехом это мог оказаться любой город Островов… веков этак через пять-Шесть после катастрофы.

– В мое время бытует поверье, – ровным голосом сообщила Шарина, – что некий могущественный волшебник разрушил Валхокку. Более того, проклял, чтоб она никогда больше не возродилась. Однако для моего времени это не более чем легенда. Наверняка никто ничего не знает.

– Теперь я вижу, что вы действительно издалека, госпожа, – хмыкнул Далар.

Его мягкий пух намок под дождем, а сам воин больше всего напоминал цыпленка-великана, которого рачительная хозяйка ощипала для супа. С трудом удержавшись от смеха, Шарина решила (надо же было что-то делать!):

– Давай поищем какое-нибудь укрытие, да и поесть бы неплохо. Как ты думаешь, сможем мы найти что-нибудь в этом лесу?

Беглый осмотр окрестностей показал, что сезон ягод, скорее всего, уже миновал. Орехов тоже не было видно. Вместо них росли какие-то деревья с широкими, мясистыми листьями – совсем не похоже на то, что видела Шарина по пути ко дворцу Дракона.

Из леса, откуда-то с юга, донеслись пронзительные крики. Девушка вздрогнула и попыталась определить, насколько это далеко.

– Наверное, птица… – начала было Шарина, но не договорила – слишком уж

беспомощно это прозвучало.

По правде говоря, она понятия не имела, кто бы это мог быть. Но если допустить, что живое существо могло производить подобные звуки, то вряд ли это окажется птица.

Девушка усмехнулась своему слуге и вытащила из ножен пьюльский нож.

– Мы пойдем туда. – Она кивнула на север, вдоль одной из широких улиц, отходившей от руин.

– А ведь существо может оказаться съедобным, – предположил Далар. Он легонько подергивал головой – легкие, неуловимые движения, как отблески от фасетчатого стекла.

– Так же, как и мы сами, – парировала Шарина.

И они пошли на север, двигаясь по разным сторонам улицы. По дороге им попадались деревья, такие же могучие, как на развалинах, – Шарина со своим охранником едва ли смогли бы обхватить ствол такого дерева, даже если б раскинули руки. Но идти здесь было легче, чем пробираться через кучи мусора и камней, оставшихся на месте былых зданий.

Дождик продолжал моросить, ухудшая видимость. Шарина поймала себя на том, что не отрывает взгляда от земли у себя под ногами. Сделала себе строгий выговор: в незнакомой местности следует проявлять осторожность и смотреть по сторонам. Но все равно продолжала идти с низко опущенной головой.

Она громко хихикнула, и птица вопросительно посмотрела на нее:

– Госпожа?

– Я подумала: нечестно, что наша дорога сочетает в себе опасности с неудобствами, – пояснила девушка.

– Я как раз собирался пожаловаться богам по этому поводу, – с серьезным выражением лица поддержал ее Далар. – Меня удерживало лишь то, что я затруднялся определить, какое именно божество отвечает за удобства в пути. Видите ли, наша раса имеет около десяти тысяч различных богов… так что трудно правильно составить кляузу.

Шарина снова хихикнула. Не так-то легко птице состроить серьезную мину, поскольку вместо подвижных губ она обладала твердым и неподвижным клювом – столь же выразительным, как рог коровы. Но само наличие чувства юмора у попутчика порадовало девушку, к тому же это было понятное ей чувство юмора.

Снова раздался крик, и они невольно умолкли.

– По-моему, теперь он удалился от нас, – возобновила разговор девушка. Ну что ж, конкретное замечание. И по делу – не то что испуганный лепет десять минут назад.

– Да, – согласился Далар. – И, похоже, существо переместилось вправо от нас. Кем бы оно ни было.

И в этот момент из-за развалин рядом с Шариной выступил отвратительный гуль: восемь футов росту, желтые клыки, кожа какого-то замшелого, лишайного цвета. Он передвигался на двух ногах, но ссутулившись и подавшись вперед. Широкие бедра покачивались при ходьбе в попытке удержать баланс с массивной верхней частью туши.

Шарина замерла на месте, стараясь найти более устойчивую позу. Далар приблизился к ней справа – так, что теперь они оба оказались лицом к опасности.

Гуль поднял голову и издал тот самый пронзительный крик, который они слышали раньше. Вблизи эффект был ошеломляющий: будто звук трубы, перекрывающий рев разъяренного быка. Издалека ему ответили.

Снабженные когтями руки монстра доставали почти до земли. Сейчас в одной из них он держал тушку кролика, а второй пытался выковырять полу пережеванные кусочки плоти у себя из зубов. На пузе у него колыхалось три пары молочных желез – это была самка.

Увидев людей, она выронила на землю кролика и гнусно ухмыльнулась. Шарина обеими руками сжала рукоятку пьюльского ножа. Ее единственный шанс – в стремительной атаке, бежать в подобной ситуации бесполезно.

Сбоку раздался свистящий звук, но девушка не посмела оторвать взгляд от чудовища. Если она правильно выберет момент, то, возможно, сумеет вы…

Гулиха прыгнула. В тот же миг раздался глухой чавкающий звук – такой случается,

если ножом рубануть со всему размаху по дыне.

Безволосый череп монстра мотнулся в сторону и смялся. Шарина успела заметить, как одна из пирамидок Далара, вращаясь, полетела в сторону гулихи.

В следующее мгновение птица перехватила цепочку и, намотав ее дважды вокруг запястья, рванула обратно. Пирамидка описала сверкающую дугу над головой девушки и вернулась к хозяину.

Гулиха приземлилась рядом с Шариной и тут же, беспорядочно молотя в воздухе руками, отпрыгнула обратно. Однако оказалась недостаточно проворной – еще один проблеск в воздухе, пирамидка вонзилась ей в левую икру и снова вернулась обратно. Чудовище повалилось на землю, продолжая дергаться и брыкаться всеми четырьмя конечностями.

Страшные челюсти разомкнулись, обнажив клыки длиной в мизинец Шарины. Язык и слизистая у нее были противного белого цвета, с синими прожилками. Дыхание с бульканьем вырывалось из горла, тело изогнулось дугой, руки-ноги молотили по земле. Затем тело обмякло.

Девушка наконец перевела дыхание. Руки у нее так тряслись, что она даже не сумела засунуть нож в ножны. Так и стояла с ним в руках, изучая длинную царапину на ноге. В принципе не страшно, но – принимая во внимание ужасное состояние зубов монстра – лучше бы сразу обработать рану.

Она бросила мимолетный взгляд на своего телохранителя, выдохнула:

– Отличная работа, Далар.

– Рад оказаться полезным своей госпоже, – ответила птица. Триумф в голосе умерялся нарочитой простотой слов. Затем Далар добавил: – Раньше я не встречал такого существа.

– Я тоже, – ответила Шарина. – Хотелось бы протереть этот порез щавелем, а затем поискать паутину для перевязки. Ноннус всегда…

В это время снова раздался знакомый вой – не так уж далеко. Ему ответил еще один – подальше. До того как эта перекличка закончилась, к ней присоединились голоса по меньшей мере дюжины гулей. Большинство из них доносилось откуда-то с юга, но не все. Некоторые твари явно находились совсем близко.

– Порез может подождать, – мгновенно решила Шарина. И они бросились бежать в северном направлении.

* * *

Кэшел слышал пение Элфина, хотя и не мог разобрать слов. Может, оно и к лучшему, подумал он.

Он утрамбовал последние кедровые орешки на левой ладони, смахнул скорлупки на землю и поднялся. Старательно пережевывая ядрышки, задумался, удастся ли продержаться на них как на основном продукте питания. Вкус не слишком приятный – отдает живицей, но вполне съедобно. Что-то же надо есть в Подземном Мире.

– Лес кажется совсем тихим, – пожаловался он кольцу – Только Элфина и слышно. Здесь всегда так?

– Обитатели этого уровня боятся тебя и прячутся, – ответил Криас. – Они выйдут, когда ты удалишься.

– Ага, – кивнул Кэшел. – Но правильнее сказать, что они боятся тебя.

– Это одно и то же, глупый пастух.

– Вовсе нет, – возразил юноша.

На всякий случай он улыбнулся кольцу – желая показать, что ничего не имеет против него, просто не согласен с последним утверждением.

Кэшел крутанул в воздухе своим посохом, затем оглянулся в ту сторону, откуда доносилось пение, и крикнул:

– Эй, Элфин! Иди ко мне сюда, если хочешь. Я тебя не трону!

Музыка на мгновение смолкла, затем снова возобновилась. Но не приблизилась.

– Ты знаешь, он ведь не стал нападать на меня вместе со своими одноплеменниками, – сообщил Кэшел демону и сам поморщился: с какой стати он оправдывается? Но продолжил: – К тому же умеет петь и играть, правда ведь?

– Его соплеменниками? – подавился от смеха Криас. – Балда! Это ты его соплеменник! Лесные Люди похитили его еще из колыбели. Разве ты не слышал, о чем он пел?

– Ну, мало ли о чем поют, – пожал плечами юноша. – Бабушка Бриса тоже, бывало, пела о своей любви за горами, за морями. Или о сероглазом юноше, без памяти влюбленном в нее, ну и прочее такое. Хотя я уверен, никто не любил ее, с тех пор как умер ее муж – еще до моего рождения.

Демон кольца вздохнул – не так театрально, как обычно.

– Да, но с Лесными Людьми все по-другому, – сказал он. – Они сложили эту песню после того, как убили няньку и похитили Элфина (тогда он, конечно, носил другое имя). Таких песен у них тысячи, и все они правдивы.

– О Дузи! – воскликнул Кэшел. – Но это же ужасно!

Криас разразился кудахтающим смехом.

– Ну, когда мы их видели в последний раз, Лесные Люди не пели, – резонно напомнил он, – не правда ли?

Прижав к себе посох правым локтем, Кэшел сложил руки рупором и прокричал:

– Элфин! Иди ко мне! Я отведу тебя домой, как только покончу со своими делами!

Паренек даже не прекратил своего пения. Звучала все та же песня, и Кэшел снова ужаснулся ее словам.

– Ну ладно, – вздохнул он, – может, я перехвачу его позже. В любом случае: мы ведь будем возвращаться тем же путем, правда?

– Я волшебное кольцо, а не предсказатель будущего, – проскрипел Криас. – И не могу сказать, что ты будешь делать. Скорее всего, какую-нибудь глупость…

– Ну ладно, – сказал Кэшел, не в силах сдержать улыбку, слушая брюзжание демона. – Думаю, нам надо двигать дальше. Знаешь, – помолчав, добавил он, – у нас в деревне мальчишки часто развлекались: сунут пук соломы в муравейник и смотрят, как муравьи бегают кругами. Вреда это никому не приносило, а зрелище порой, ей-же-ей, было забавное.

Криас зашипел, как закипающий чайник, а Кэшел с той же усмешкой зашагал дальше.

Каждый раз, когда меж деревьев выдавался просвет, юноша видел впереди каменистый холм. Он пробирался сейчас сквозь заросли бука – ну, или почти бука: листья были нормальной пилообразной формы, но чересчур крупные даже для взрослых деревьев – и время от времени поглядывал вправо, где на расстоянии броска камня высился утес.

Кажется, он уже видел его раньше – или, может, похожий…

– Мастер Криас, сдается мне, это то самое место, где я встретился с Ландуром, – неуверенно сказал Кэшел. – Мы что, ходим по кругу?

– Посмотри на ворота, невежа, – возмутилось кольцо. – Разве эти ворота похожи на те, через которые мы проходили раньше? Нет и нет! Потому как мы подходим ко входу на второй уровень.

– А-а, теперь ясно, – протянул парень, огибая скалу, закрывавшую ему обзор. И впрямь дверь-то была деревянной, а не бронзовой.

Он не стал объяснять демону, что раньше попросту не обратил внимания на дверь. Какой толк в оправданиях, тем более таких дурацких: «Прости, я не видел того, что у меня перед носом».

Дверь была тяжелая, дубовая, с деревянными нагелями вместо железных гвоздей. Похоже, плотников больше интересовала прочность ворот, а не их красота. Створки подогнали не слишком хорошо, поэтому сквозь щели наружу пробивался свет.

Кэшел отметил, что он другого цвета – какой-то мертвенно-зеленый, а не красноватый, как за бронзовой дверью. Да уж, час от часу не легче… Юноша не сказал бы, чтоб нынешний

цвет нравится ему больше прежнего.

– Так что, я иду внутрь? – спросил он у кольца.

– Откуда я знаю, что ты делаешь? – проворчал Криас. – Ты же сам себе хозяин, бродишь где вздумается. Прямо как те меховые животные, которым едва хватает ума просыпаться по утрам… В отличие от меня ты не привязан к пальцу какого-нибудь идиота!

– Мастер Криас, – улыбнулся парень, – вам все равно не удастся вывести меня из себя, так что и не пытайтесь. Кроме того, полагаю, вы не меньше меня заинтересованы в том, чтобы вернуть Ландура к жизни. Так что, скажите: эта дверь на пути к новому телу Ландура?

– Да-да, пастух! Эта и еще одна такая же, если только ты доберешься до нее, – проворчал демон. – Запомни это «если».

Голос его звучал раздраженно – собственно, как и всегда, если только Криас не рассуждал о событиях, крайне неприятных для Кэшела, например о Лесных Людях, но сейчас он к тому же казался подавленным. Да уж, мало радости в том, чтобы быть запертым в кольце…

– Благодарствуйте, – сказал юноша и взялся за ручку – поперечную палку такой длины, что за нее свободно могли держаться трое. Потянул, дверь заскрипела, застонала, но не поддалась.

Кэшел уж было подумал, что изнутри заперто, но затем понял, в чем дело. Просто дверь оказалась слишком тяжелой и проседала на петлях. Юноша приподнял ее и попятился. Это сработало… По большому счету, при всей своей массивности и значительности, эта дверь была немногим лучше таковой в конюшне.

Заглянув внутрь, Кэшел обнаружил уже знакомую картину – безлюдный лес, хотя растительность показалась ему абсолютно незнакомой.

Прямо перед ним стояло дерево, которое юноша определил бы как иву… скажем, так: отдаленно похожее на иву. Его ветви змеились вниз, как у плакучей ивы, но были – насколько мог заметить Кэшел – начисто лишены листьев. И совершенно очевидно, что дерево не сбросило их на зиму: долетавший ветерок нес с собой тепло, как в летний полдень.

Взвесив в руке посох, юноша поинтересовался:

– Мастер Криас, а здесь тоже живут Лесные Люди?

– Они-то? Нет, пастух, здесь обитают существа куда хуже… Намного хуже!

– Ну ладно, будем надеяться: они нам не встретятся, – сказал Кэшел, переступая через порог.

– Ты не собираешься закрыть за собой дверь? – проворчал демон кольца. – Или ты настолько выдохся, что у тебя сил на это не хватает?

– Да нет, со мной все в порядке, – ответил юноша, привычно поглаживая гладкую орешину. Хорошо бы, чтоб Гаррик был сейчас рядом с ним! Но и посох неплох – тоже частичка родного дома. – Я специально оставил дверь открытой: вдруг Элфин захочет к нам присоединиться? Не думаю, чтоб ему удалось открыть эти ворота.

– Как-то я сомневаюсь, – фыркнул Криас, – что Элфина привлекает твое общество, деревенщина!

– Кто знает, а вдруг он почувствует себя одиноким? – возразил Кэшел и пошел внутрь залитой зеленым светом пещеры. Подняв голову, он обнаружил, что здесь – так же как и в предыдущем месте – крыша отсутствовала. Судя по всему, он стоял под открытым небом на вершине холма.

Деревья на склоне слегка колыхались, как ячменное поле на осеннем ветерке. Но вот что было интересно: все деревья двигались не в едином ритме, каждое из них, казалось, жило своей жизнью – сгибалось, распрямлялось, поворачивалось.

– Любопытно, – произнес Кэшел. Он хотел было обсудить это с демоном и уже открыл рот, но затем подумал, что вполне сможет обойтись без очередной порции насмешек и оскорблений. Вместо того юноша решил разобраться самостоятельно в заинтересовавшем его феномене. Он шагнул к деревцу квази-ивы и повнимательнее разглядел его. Гибкий, как бамбуковая удочка, ствол диаметром в три пальца, гладкая кора.

– Стой, ты сильно пожалеешь! – пропел Криас.

И в тот же миг длинные упругие ветви обвились вокруг тела юноши, спеленав его, как липкая паутина.

– Назови мое имя! – пропищал демон. – Скорее, пастух!

Кэшел выпустил из рук посох, в такой ситуации от него не было никакого проку. Ветви дерева сжимали его, как десяток змей.

Юноша напряг мышцы и попытался освободиться – пока еще не в полную силу, так, чтоб испытать противника. Тотчас появились новые ветви, они переплелись между собой, образовав живой барьер между Кэшелом и свободой. Парень ухмыльнулся: он ожидал чего-то подобного. Похоже, эта крошка не сталкивалась с настоящими борцами.

– Ты что, ненормальный? – заверещал Криас. – Забыл мое имя?

Кэшел сгорбился и шагнул к дереву. Он вцепился в нижнюю часть ствола, совсем как обхватывал за лодыжки противника в ярмарочных сражениях. За этим обычно следовал рывок, который повергал врага наземь.

Никому еще не удавалось разомкнуть стальную хватку Кэшела. Он медленно начал распрямлять колени, одновременно отклоняясь назад. При этом он не выпускал из рук ствол ивы, выдирая ее из земли.

Дерево вытянуло ветви, усилив свои объятия – старалось изо всех сил, так что, наверняка, рубцы останутся. Нет, оно абсолютно ничего не понимало в тактике боя! Все, что делал этот растительный борец, работало против него.

Кэшел в напряжении оскалил зубы, дыхание со свистом вырывалось из его груди… Но, как бы то ни было, он чувствовал: корни начинают поддаваться. Наверное, дерево тоже почувствовало, чем ему грозит такой поворот схватки. Ветви ослабили свои объятия и принялись хлестать юношу, как погонщик строптивого мула.

Напрасные усилия. Кэшел загородился левой рукой, чтобы прежде всего защитить глаза, ну и все остальное… Ощутимого вреда эти удары ему нанести не могут. Попросту не успеют, поскольку он уже видел, как из земли показался стержневой корень – жирный, желтый, весь покрытый полу оборванными отростками. Они отчаянно извивались, как земляной червяк, перерубленный лопатой.

Дерево закричало. Это был не крик в полном смысле слова, скорее, дребезжание, которое раздается из горшка с бурдой, если его хорошенько взболтать. И сопротивление сломалось: ветви прекратили хлестаться, и дерево рухнуло на руки Кэшелу – дряблое, как язык мертвой овцы.

Юноша отшвырнул его и медленно выпрямился, переводя дух. Голова у него кружилась, Кэшел и сам был близок к тому, чтобы навернуться вниз с откоса.

– Ох! – вот и все, что смог выдавить из себя победитель.

– Ну и что ты этим доказал? – пробурчал демон, хотя в голосе его слышалось скорее удивление, чем издевка.

– Я не собирался сейчас тебе ничего доказывать, – покачал головой юноша. – Дерево начало эту драку, а я ее завершил.

Осторожно выпрямив руки, он оглядел себя: мышцы все болят, но вроде бы не порваны… вот только несколько кровоподтеков в тех местах, куда пришлись удары веток. Надо бы поискать какой-нибудь ручей в долине и привести себя в порядок.

Большую заботу вызывала у него одежда. Правый рукав стараниями дерева оказался начисто оторван, а сама туника треснула по спине – это когда юноша с натугой наклонился к корням. Эх, жаль, нет Илны! Она бы все починила…

По правде говоря, Кэшелу очень не хватало друзей. Но ничего, скоро он к ним вернется. Вот найдет Шарину, и они вместе вернутся.

– Ты же знаешь: я мог бы гораздо проще решить эту проблему, – попрекнул его Криас.

Юноша поднял посох и несколько раз крутанул его, следя за тем, чтоб не задеть за каменистый склон.

– Но я же не собираюсь вечно носить тебя с собой, – резонно заметил Кэшел. – Да и в

любом случае я предпочитаю сам уничтожать своих змей.

И, хихикнув, добавил:

– Так же, как и деревья.

И он склонился над обрывом, присматривая маршрут для спуска. Это должно быть не сложнее, чем в первой пещере. Юноша привычно воткнул посох впереди себя.

– Эй, пастух? – раздался голос кольца.

– М-м? – промычал Кэшел.

– Ты мог бы съесть корень дерева, которое убил, – сообщил Криас. – Говорят, это даже вкусно. Раз уж ты относишься к низшим формам жизни, которые нуждаются в твердой пище.

– Ага, – обрадовался юноша. Он выпрямился и достал нож из-за пояса. – Спасибо, мастер Криас. А то эти орешки уже несвежие.

И он отпилил корневище у того места, где начиналась кора. Откуда-то, из-за открытой двери пещеры, доносилось пение Элфина.

* * *

Вонкуло обеими руками сжимал рукоятку своего широкого меча. Не вынимал из ножен, просто держался за него как за счастливый талисман. В его лице, освещаемом неверным светом лампы, проглядывало что-то звериное.

– Присмотрите за девочкой, – бросила Илна запевале и шагнула к шкиперу.

– Мы можем… – начал Чалкус, поглядывая в сторону Вонкуло и остальных матросов.

– Оставить ее в толпе перепуганных идиотов? – остановила его взглядом Илна. – Не думаю, что это хорошее решение!

Половина команды столпилась на носу судна вокруг командиров, всем хотелось узнать хоть что-нибудь. Невзирая на давку, матросы с опаской расступались перед Илной, будто она была гадюкой, ползущей по палубе.

Совершенно очевидно, что здесь, на судне, ничего не узнаешь. Очевидно для всех, кроме сборища недоумков с куриными мозгами. Но, похоже, эти горе-моряки надеялись на чудо. А на что надеяться команде судна в подобном положении?

– Ну, госпожа Мерота, – послышался голос запевалы, – сейчас мы с вами разучим женскую партию из «Рискового парня», а затем споем вместе.

– Итак, госпожа, – заговорил Вонкуло, – вы у нас колдунья. И если то, что мы слышали на берегу, не является результатом колдовства, то значит, там орудуют демоны. Вы должны защитить нас!

Он сам и его люди были слишком напуганы, чтобы действовать самостоятельно. Илна старательно держала свои пустые руки на виду. Она знала: если она попробует хотя бы прикоснуться к своим нитям, то будет разорвана на куски – или растоптана – толпой. К тому же при таком слабом освещении невозможно справиться со всеми одновременно. Они попросту не увидят ее изделия.

– Боюсь, я не подхожу для этого дела, – спокойно сказала девушка. – Яумею создавать узоры, которые обладают некоторой силой. В данном случае мое мастерство бесполезно.

– Клянусь мужским достоинством Пастыря! – громогласно заорал шкипер. – Если вы не способны помочь нам, госпожа, то не стоите той еды, что тратится на вас! На вас и на вашу девчонку!

– Ну хорошо, – фыркнула Илна, – я сплету вашу безопасность, мастер Вонкуло. Для этого отправлюсь на берег и выясню, что там происходит. Заметьте, что вы это могли бы сделать не хуже меня…

Она обернулась и обвела взглядом толпу мужчин. Все как один в страхе отшатнулись, что не удивило Илну.

В наступившей тишине она услышала, как детский голосок выводит:

– Господин, вы снова здесь…

Поверх головы девочки блеснула беспощадная, как лезвие ножа, улыбка Чалкуса. Илна снова обернулась к шкиперу.

– … если б среди вас был хоть один мужчина!

– Что вы хотите сказать?.. – Очевидно, Вонкуло никак не ожидал подобного выпада, и ему требовалось время, чтобы хотя бы понять, о чем говорит девушка.

– Вы прекрасно слышали: я пойду на берег и посмотрю, что случилось с моряками с «Разрушителя», – презрительно повторила Илна. – Лично я не вижу ничего сверхъестественного в том, что человек кричит. Уверена, вы и сами заорете, если сейчас рыбка выпрыгнет из воды.

– Думаю, нормальное предложение, – заявил рулевой. – У нас останется девчонка на борту…

– Ни в коем случае, Тиас, – громко – так, что наверное, и на острове было слышно – возразил Чалкус. – Мы с Меротой отправимся вместе с госпожой Илной осматривать остров.

– Я не хочу впутывать в это девочку! – резко развернулась девушка.

– Поверьте, это менее рискованно, госпожа, – сказал запевала, держа руку на плече Мероты, – чем оставить ее с толпой трусов, которым бы я не доверил даже мочу вылить из ботинка. Кстати сказать, я и вас, мастер Вонкуло, не исключаю…

Чалкус так и кипел бешенством, Илна видела это, несмотря на его вежливый тон и улыбку. И был способен на многое. Присутствовала в нем некая пружина, которая – если ее достаточно закрутить – толкала моряка на совершенно безумные поступки. Настоящая ситуация, результат глупости, грубости и страха мятежников, практически подвела Чалкуса к этой черте.

Илна не могла припомнить, видела ли она когда-нибудь столь же опасного человека… если не считать тех моментов, когда она смотрелась в зеркальную гладь воды.

– Эй, – крикнул кто-то из толпы, – а где гарантии, что они вернутся?

– Хороший вопрос, Скогара, – дружески улыбнулся Чалкус. – Не хочешь ли отправиться вместе с нами и лично присмотреть за колдуньей?

В ответ донеслись приглушенные проклятья… и больше ничего. Улыбка на лице Чалкуса расплылась еще шире.

– Так понимаю, что нет, – констатировал он. – Но можете не беспокоиться, мы вернемся. Не больно-то хорош был ваш остров при дневном свете. Не думаю, чтоб мы избрали его для проживания.

Мозг Илны работал стремительно, как челнок ткацкого станка, пытаясь оценить ситуацию. Безусловно, девочку нельзя оставлять одну. Уж лучше пусть отправляется с ними на берег. А уговорить Чалкуса остаться с ней на судне Илна и не надеялась. На самом деле может для них всех безопаснее оказаться на острове, чем в гуще полусотни насмерть перепуганных мужиков.

– Нам потребуется плот для Мероты и тех вещей, которые мы возьмем с собой, – громко объявила девушка. – Я не доверю ребенка этой шайке.

– А мы возьмем матрас лорда Тадая. – В голосе запевалы слышался кураж. – Он перьевой в провощенном чехле. Ты только подумай, Вонкуло, как, должно быть, мужик страдает без подобной вещи.

– Клянусь сосками Госпожи! – покачал головой шкипер. – Ты сумасшедший, Чалкус! Точно безумец!

С этим Илна не стала бы спорить. Но зато Чалкус отнюдь не дурак и – тут она готова держать пари! – сумел выжить в таких условиях, когда это редко кому удавалось.

Он обернулся и похлопал по багажу, который валялся на палубе, опутанный специальными сетями. Упомянутый матрас лежал поверх снастей в качестве покрытия.

Неуловимым движением фокусника Чалкус вытащил свой меч из ножен.

– Вам придется спуститься вниз, дорогая Илна, – продолжал он, пока остальные матросы боязливо жались в сторонке, – я передам вам эту штуковину, а затем спущу и ребенка. Если у вас есть какие-то личные вещи, я о них тоже позабочусь.

Девушка передала Чалкусу свой узелок, ступила на весло и легко сбежала за борт.

– И кстати, я вам не дорогая, – ровным голосом бросила она через плечо.

– Как знать, госпожа, – улыбнулся запевала. Он перенес матрас через поручни и помог Илне опустить его на воду – тот закачался на волнах, как утка. Затем Чалкус, как коромысло, свесил руку за борт, и держась за нее, Мерота спустилась вниз. Илна кивнула с одобрением: все правильно, если бы моряк держал девочку, наверняка у той остались бы синяки.

Холодная соленая вода доходила девушке до пояса. Никакой опасности, но передвигаться в ней оказалось не слишком приятным делом.

Как и многое другое в их путешествии, с кривой усмешкой отметила про себя Илна.

Необходимость прошлепать по мелководью, в общем-то, не пугала девушку, беда в том, что ее босые ноги подняли со дна осадок, собиравшийся годами: ил, тина, останки полуразложившихся животных. Вонь стояла неописуемая – куда хуже, чем в отлив по берегам Паттерн-Крик у них в деревне.

– Ох! – задохнулась Мерота, оказавшись на матрасе. – Илна, что за запах? Я не могу дышать!

Чалкус легко перемахнул через борт.

– Сейчас мы доберемся до берега, девочка, – усмехнулся он, – и будем надеяться, там воздух окажется чище. Хотя кто его знает. Я вообще не могу пообещать ничего хорошего в отношении этого острова.

– Ваш меч подмок, – заметила Илна, шагая к берегу и толкая импровизированный плот левой рукой. Под весом девочки матрас провис посередине, и вода плеснула ей на колени. Мерота вздрогнула, но промолчала.

– О да, – ответил Чалкус, – а сталь способна заржаветь даже от женских слез… Но что поделать, это же меч моряка. К тому же в мешке у меня припасен клок чистой овечьей шерсти. Как только мы доберемся до острова, я счищу соль с металла. Если, конечно, не найдется другого применения моему клинку.

И он рассмеялся. К удивлению девушки, Мерота тоже присоединилась к моряку. Да уж его шутки умели рассмешить людей. Илна и сама часто ловила себя на желании улыбнуться, хоть по привычке и старалась сдерживаться.

Они продолжали свой путь. Вода держалась все на той же – безопасной, но неприятной – высоте. Жидкая грязь облепила ноги девушке, и она каждую минуту рисковала поскользнуться и упасть. Мокрая одежда хлопала по поверхности.

Илна негромко рассмеялась. Грязь и вода – это не те обстоятельства, которые способны помешать в осуществлении ее плана. А неудобства давно уже стали повседневностью. Илна даже сказала бы: существенной частью жизни… хотя, может быть, другие с ней и не согласятся.

– Госпожа? – удивился ее смеху моряк. Они вдвоем тянули ношу, как пара… кого? Точно не быков… Скорее всего, упряжных лошадей. Конечно, не высокопородных скакунов, но вполне здоровых и хорошо чувствующих друг друга трудяг.

– Я тут думала, – вслух пояснила Илна, – о взглядах на жизнь леди Лиэйн бос-Бенлиман.

– Это ваша подруга? – уточнил Чалкус, впрочем, довольно безразличным тоном. Это позволило девушке проигнорировать вопрос и избежать серьезной проблемы. Интересно, а что бы подумал запевала, если б узнал кое-какие подробности из ее прошлой жизни?

– Во всяком случае, она всегда претендовала на эту роль, – осторожно сформулировала девушка. И она продекламировала всплывшие в памяти строки из Селондра: – Выбирай соразмерную цель! Ибо горе человеку, возжелавшему то, что по воле Богов для него недостижимо. Надеюсь, я тоже была ей подругой…

Они достигли лежавшей на боку триремы: на правом борту ее светились лампы и слышались проклятия – корабль неуклонно засасывало в жидкую грязь. Берег по-прежнему скрывался в темноте, хотя уже можно было разглядеть узкую полоску пены у берега и плавающие обломки.

Чалкус толкал плот в том же ритме, что и девушка. Для этого ему пришлось приспособиться к ее шагу, ведь сам он был намного крупнее и сильнее ее. К тому же привычный к такого рода нагрузкам. Илна поймала себя на том, что почти перестала замечать вонь, холод и слизь под ногами – настолько ей было удобно идти рядом с этим человеком.

Оказывается, намного удобнее работать в паре – для Илны это оказалось открытием. Важно, чтобы твой напарник нужным образом устанавливал очередность задач. Увы, таких людей существовало немного.

– Если вы позволите, – вслух сказала девушка, – хотела бы спросить: а как вы оказались на борту «Ужаса», мастер Чалкус?

Тот хохотнул.

– Я и сам часто задаю себе тот же вопрос, – сказал он. – Скажем так: расставшись со своим прежним занятием, я решил поменять и место обитания тоже. В то время Королевский Флот объявил набор желающих… и вот пожалуйста: разрази меня гром, если первое же плавание не привело меня снова в южные воды, которые я так хотел покинуть.

И Чалкус рассмеялся веселым смехом, который, долетев до берега, эхом отразился от него. Илна представила, как, должно быть, напугал этот звук бедолаг на «Разрушителе», которые могли вообразить невесть что.

– И вот что я думаю, госпожа… Такое невезение заставляет задуматься: а тем ли богам я приносил жертвы? – добавил запевала. – Или, может, не те жертвы, что надо?

– Чалкус? – вдруг вмешалась Мерота. – Я правильно поняла, что ты не хочешь встречаться с прежним хозяином?

– Скорее уж моими компаньонами, девочка, – осторожно поправил ее моряк. – На этом свете мне не грозит такая встреча. А вот на том… Боюсь, кое-кто там с нетерпением меня дожидается.

Через мгновение он добавил уже другим тоном:

– Думаю, последний кабельтов тебе лучше пройти пешком, малышка. Если боишься, держись за руку Илны.

И он отпустил свой конец матраса. Вода теперь доходила лишь до колен, хотя ноги Илны постоянно проваливались по щиколотку в ил.

Чалкус вытащил свой кривой меч, сталь издала вибрирующий звук.

– А я, – сказал мужчина, – пойду впереди, чтобы убедиться в отсутствии ям, в которые вы можете провалиться.

– Да, идите вперед, – согласилась Илна и обернулась к девочке: – Держись за мою тунику, Мерота. Какое-то время у меня обе руки будут заняты.

Дело в том, что переход по воде намочил нити, которые девушка всегда носила в левом рукаве. Достав их, она плотно отжимала пряжу пальцами, чтобы более или менее высушить. Если она преуспеет в этом, то белый шелк должен ниспадать струей, как пролитое молоко.

Заметив это, Чалкус одобрительно усмехнулся и направился вперед, стараясь идти прямо перед женщинами. Передвигался моряк почти беззвучно.

– Только недалеко, Чалкус, – попросила Мерота.

– Я совсем недалеко, малышка, – весело ответил запевала, не поворачивая головы. Следить за расстоянием между ними было делом Илны.

Море под ногами становилось все мельче, почва все тверже. Наконец они оказались на суше. Светлое пятно – туника Чалкуса, которое маячило впереди, замерло на месте.

– Мы подходим вплотную к вам, мастер Чалкус, – предупредила девушка.

– Зачем ты это сказала, Илна? – спросила Мерота.

– Потому что она чувствует: я сейчас нервный, как кот на охоте, – с усмешкой пояснил моряк. – И будет очень прискорбно, если я снесу тебе голову, по ошибке приняв за врага. Понимаешь, милая?

И он ласково потрепал девочку по подбородку, хотя глаза его при этом тревожно обшаривали прибрежные заросли. Высокие деревья здесь отсутствовали, но кустарник и

молодые побеги, переплетаясь между собой, образовывали сплошную стену.

– Во всяком случае, все оставшиеся пожалеют, – добавил Чалкус.

– Попробуем продраться? – спросила Илна. Хотя перспектива углубляться в непроходимые заросли ей не нравилась, но еще меньше нравилось маячить на берегу, подобно выставленным мишеням.

– Теперь, когда мы собрались все вместе, – произнес моряк – думаю, неглупо поискать место, где высадился десант с «Разрушителя». Годится?

– Как скажете, – смущенно пожала плечами Илна. – Мерота, будь так добра, встань между мной и мастером Чалкусом.

– Дело в том, Мерота, – объяснил запевала, – что ни я, ни Илна понятия не имеем, чего ждать. Но как бы ни сложилось, ты ни в коем случае не должна думать, что мы сердимся на тебя. Поняла, девочка?

– Да, Чалкус, – ответила Мерота. Она посмотрела на обоих взрослых и добавила: – Я ничего не боюсь, когда я с вами.

– Ого, такая молодая и такая хитрая врунишка! – рассмеялся моряк. – Хотя, девочка, оглядываясь на прошлое, я скажу: ты сделала правильный выбор, оказавшись с нами, а не оставшись на берегу.

Подняв бровь, он поглядел на Илну:

– Не правда ли, госпожа?

– Скорее да, чем нет, – фыркнула та. – Хотя неизвестно, что случится в будущем.

– Мы уже обсуждали эту тему, – кивнул Чалкус и зашагал вперед, поглядывая то на море, то на густые заросли слева.

Идя за ним по пятам, Илна тоже держала ухо востро. У нее был небогатый опыт по части разведки, но природная наблюдательность позволяла отмечать любое нарушение нормального узора окружающей обстановки.

Хотя кто знает… Возможно, для этого острова нормальным было существование драконов, достаточно больших, чтобы проглотить целый корабль. С другой стороны, таких чудовищ не пропустишь, даже если они идеально вписываются в обстановку.

Первое предупреждение уловил ее нос.

– Мерота, – произнесла девушка, – здесь кого-то недавно убили. Не исключено, что человека, а может быть, и не одного. Держи себя в руках и не кричи, если что-нибудь увидишь.

– Пожалейте девочку! – прикрикнул Чалкус.

– Я допускаю ситуации, когда внимательность спасет ей жизнь! – резко возразила Илна. – Мы попали в скверное место, и от ребенка это не скрыть. А если и попытаемся, то это может нам дорого обойтись!

– Не волнуйся за меня, Чалкус, – сказала девочка. – Я видела своих родителей. После пожара.

Они прошли еще три шага и остановились.

– Стоп, – скомандовал он. – Или вы наступите на его кишки.

С развилины молодого деревца свисал труп мужчины, пальцы его почти касались земли. «Очевидно, один из матросов», – подумала Илна, хотя опознать жертву она не смогла бы даже при дневном свете. Тело было исполосовано и выпотрошено, как форель, на месте лица чьи-то клыки оставили сплошную рану.

Здесь же валялось множество обломков от ялика. Находясь на палубе «Ужаса», Илна не слышала звука крушения лодки. Возможно, дикий хохот скрыл треск ломающегося дерева.

Смесь запахов крови, фекалий и страха напомнила ей подворье мясника. У себя в деревне они обычно собирали кровь в чан с овсяной мукой, с тем чтобы использовать для приготовления колбас и пудингов. Правда, там это была кровь свиней или овец.

Хотя легкие и кишки валялись здесь же на песке, сердце и печень отсутствовали.

– Ага! – вырвалось у Илны.

Ее спутники с удивлением посмотрели на девушку. Илна недовольно покривилась – не

стоило ей вслух выражать свое удивление, но честно пояснила:

– Я просто подумала, что убийца – кто бы он ни был – очевидно, небольшой любитель колбасы и пудинга.

Чалкус рассмеялся и сжал левой рукой плечо Мероты.

– Не бойся ничего, девочка. С нами ты будешь в порядке, – сказал он. – Я клянусь тебе в этом!

Мерота бросила вопросительный взгляд на моряка.

– Он был плохим человеком, Чалкус?

– Трехпалый Сину? – переспросил тот, кивнув в сторону жертвы. – Ленивый мерзавец, не способный грести в такт, даже если б от этого зависела его жизнь… Слава Госпоже, такого не случалось, во всяком случае пока он был под моим началом. Но все равно я обрадовался, когда он перешел на «Разрушитель» и стал проблемой Плестина. Может, у Плестина построже с дисциплиной, чем у меня. Как вы считаете?

И он снова рассмеялся. Илна не очень поняла, действительно ли запевала считает свою шутку удачной. Или просто желает развеселить ребенка. Наверное, и то, и другое, решила она, обнаружив, что и сама улыбается.

– Здесь просвет в лесу, – Чалкус мечом указал в сторону. – Скорее всего, другие прошли именно тут, возможно, мы увидим их следы на берегу. Я предлагаю дождаться рассвета и затем двинуться вглубь острова.

– Разве мы не собираемся возвращаться на корабль? – спросила Илна.

– Каждое решение нашего Вонкуло все глубже вгоняет нас в полное дерьмо, дорогая Илна, – сказал запевала. – Думаю, нам лучше держаться самим по себе.

– Полагаю, вы правы, – согласилась девушка. – По крайней мере, пока не настанет время обеда у местных жителей.

Она отыскала углубление меж корней инжира, чьи ветви создавали зеленую подстилку для ее спины. Спать Илне не хотелось, но почему бы не устроиться поудобнее? Насколько это возможно в таких обстоятельствах.

– Иди сюда, Мерота, – позвала она девочку. – Положи голову мне на колени и постарайся уснуть. У нас был длинный день.

– Да уж, – с улыбкой подтвердил Чалкус. Сам он устроился повыше, охраняя проход сквозь ветви. Лунный свет играл на искривленном лезвии меча, пока моряк снова и снова полировал его комком овечьей шерсти.

Помогая Мероте устроиться, Илна прислушивалась к песенке, которую он напевал вполголоса:

– Оба мы вольны как птицы, – я женюсь, когда случится. Так же как и ты…

Глава 15

Гаррик сидел в зале заседаний, положив локти на стол, он уронил на них голову. Он знал, что вокруг него люди, слышал, как Лиэйн о чем-то тихо переговаривается с канцлером Ройясом и тройкой старших помощников. Вопрос касался петиции граждан вольного города Геракса на востоке Орнифола. Они пытались опротестовать Королевский Закон о налогообложении, ссылаясь на Хартию, дарованную им герцогом Вальболгом Сильным. Этот документ они почитали доказательством юридической самостоятельности.

Вальболг умер семьсот пять лет назад. Признавая в принципе законность этой Хартии, правительство во главе с Ройясом занимало следующую позиция: поскольку королевская монархия пресекла династию герцогов, то новые законы отменяли старые, принятые века назад. Дело скиталось по судам уже лет пять, если не все двадцать, и тормозило весь процесс перестройки законоуложения, затеянный Гарриком.

– О Пастырь, помоги мне, – простонал принц, беззвучно шевеля губами. – Я понимаю важность происходящего, но просто не могу удержать глаза открытыми.

– Я бы взял вооруженный караул и за ночь доскакал до Геракса, – раздался голос

короля Каруса в его голове. – Вытащил бы непокорных жителей из постелей, согнал на главную площадь и держал бы в кольце мечей и алебард, пока зачитывал им новый закон.

– И не подумаю сделать подобное, – заявил Гаррик, тем не менее усмехаясь словам предка.

– Да и я бы сейчас не стал, – расхохотался Карус. Король носил придворное платье из прочной шерсти: короткая туника ярко-желтого цвета и оранжевые обтягивающие штаны, которые он заправлял в высокие сапоги. Вот и сейчас – он стоял перед ментальным взором Гаррика: яркий, как пылающий огонь, и такой же живой и искрящийся весельем. – В прошлом мне случилось проделать такое дважды, и оба раза жители этих городов впоследствии захлопывали передо мной свои ворота… стоило только замаячить на горизонте подходящему узурпатору. Ты же слишком сообразительный паренек, чтоб повторять мои ошибки и затруднять себе путь к успеху.

– К тому же у меня хорошие советчики, – ухмыльнулся Гаррик, с трудом справляясь с усталостью.

Он резко встал, вызвав удивленные взгляды окружающих. Наверняка, они ожидали, что вот-вот грохнусь мордой об стол, подумал Гаррик. И были недалеки от истины.

– Господа! – произнес принц. Все подпрыгнули от неожиданности, даже Ройяс, который за последние месяцы довольно хорошо успел изучить нового хозяина дворца. Гаррик вовсе не собрался кричать, но он настолько сосредоточился на поисках наиболее вразумительных слов, что забыл проследить за тоном. В результате из глотки его вырвался форменный рев.

Лиэйн – вот уж кто знал юношу лучше других – приветливо улыбнулась, но эта улыбка скрывала искреннюю озабоченность. Она видела, что Гаррик засыпает на ходу.

Проблема заключалась не только в этом деле Геракса, хотя само по себе, оно могло утомить кого угодно. Но рабочий день принца, начавшийся еще до рассвета, был посвящен куче сходных проблем. Снаряжение флота, передвижения в вооруженных силах, наводнения в графстве Толл-Спрингс, которые смыли половину посевов ячменя (по свидетельству местных жителей); судебные же курьеры казначейства утверждали, что весь урожай собран и зерно припрятано в закрома.

Эти вопросы и еще дюжина других; каждый из них важен и с ходу не решается. Интересно, и что должен делать Гаррик? Обыскивать каждый амбар и коровник в Толл-Спрингс, разыскивая мешки с ячменем? Решение подобных проблем исчерпывало силы Гаррика ор-Рейзе, доводя его до крайнего истощения.

Уже долгие месяцы принц Гаррик провел в решении государственных вопросов, и впереди его ждали все новые и новые проблемы.

– Итак, вот что я предлагаю, господа, – произнес он уже более спокойным тоном. В глазах у него на миг потемнело, но юноша взял себя в руки. Попытался даже улыбнуться, получилось не очень-то. – Мы уведомляем граждан Геракса, что закон о королевском налогообложении еще задерживается в верховном суде, но… при одном условии. Наше правительство выпускает в свет долговое обязательство на сумму… скажем, в размере годового налога с доходов Геракса и прилегающих районов. Данная бумага может являться предметом торга.

– Исключено, Ваше Высочество. Они никогда не пойдут на это, – влез один из помощников Ройяса, прежде чем канцлер успел шикнуть. – Мы уже предлагали вам нечто очень похожее.

– В том же самом уведомлении делаем приписку, – продолжал Гаррик, не обращая внимания на замечание. – Вежливо запрашиваем список адресов для расквартирования восьми тысяч солдат. Объясните, что правительство планируют разместить армейские соединения вне столицы, и Геракс окажется первым таким городом, если наши планы реализуются.

– А мы в самом деле планируем это, Ваше Высочество? – выпалил еще один помощник. – В Гераксе всего четыреста двенадцать облагаемых налогом домов и …

В этом месте Ройяс наставительно поднял палец, и помощник проглотил свои дальнейшие выводы.

– Клянусь Дузи! – заявил Гаррик. – Мы сделаем это, если горожане не пойдут на предложенный компромисс!

– Думаю, они согласятся, – вступил Ройяс. – Я подготовлю необходимые документы, Ваше Высочество.

Затем, обернувшись к своим помощникам, он ворчливо распорядился:

– Пошли! Пусть принц Гаррик хоть немного отдохнет!

Юноша снова рухнул на свое место у стола, хорошо еще локти успел подставить… Сквозь жалюзи пробивался яркий свет, но Гаррик видел лишь размытое пятно. Он слышал, как Лиэйн разговаривала – с ним? или Ройясом? – затем дверь захлопнулась.

– О да, у тебя неплохие советники, парень, – донесся до него голос короля Каруса. – Но ты и сам хороший принц.

Гаррик рассмеялся вместе со своим предком и, еще не закончив смеяться, провалился в сон – где тоже для него не предвиделось покоя. Он вместе с Карусом покинул зал заседаний, пройдя прямо через стену, и зашагал по городу. Диковинный маршрут, на котором сменялись не только улицы, но и эпохи.

Ночь то и дело перебивалась дневным светом. Время от времени Гаррик встречал знакомые лица, но большей частью даже костюмы людей не будили у него никаких воспоминаний. Разок перед ними промелькнула процессия, которая несла огромную статую Госпожи из золота и слоновой кости, работы Гудвина из Кариса. Это творение, по словам Каруса, сгорело вместе с вэллисским храмом Госпожи за несколько поколений до его рождения.

Карус улыбнулся своему далекому потомку. Как и прежде, это путешествие нелегко давалось древнему королю, но – как и прежде – он не оставлял Гаррика одного. Плечом к плечу они направлялись к реке, над которой висел волшебный мост – его-то ни с чем не спутаешь.

Как только они ступили на мост, образы Вэллиса, нынешнего и прошлого, растаяли и исчезли. Зато мост приобрел материальность и красоту: остроконечные флероны, венчающие опоры, длинные вымпелы развевались на ветру, который, странным образом, никак не касался одежды Гаррика и его спутника.

Они были не одиноки на мосту. Туда-сюда сновали люди, большей частью пешеходы, но попадались и всадники. Проехала даже высокая карета с форейторами впереди и сзади. Людей хватало, но они не теснились, а свободно проходили друг сквозь друга. Каждый из них шел по своему мосту – нематериальному, но реальному для него самого. Это было место, где пересекались множественные планы вселенной.

Гаррик крепче сжал руку короля. Нет ничего хуже, чем чувствовать себя одиноким в таком чужом и враждебном мире. Как бы ни сложилось их дальнейшее путешествие, уж, по крайней мере от этого горестного чувства Гаррик был избавлен.

На сей раз сила, которая ими управляла, быстро забросила путников во временную мышеловку Клестиса, затем – сквозь каменные стены дворца Ансалема. Им даже не пришлось тратить время на головоломную внешнюю лестницу. Не прошло и минуты, как они стояли в покоях Ансалема. Легкий свет сочился через алебастровую ширму, но основным источником освещения служило восточное окно, забранное золоченой решеткой.

– О? – Сам хозяин поднялся с мраморной кушетки и уставился на Каруса. – Похоже, я вас знаю, господин… не правда ли? Ах, ну конечно же, вы король!

– Я приходил к вам, когда был жив, – ответил Карус. Он стоял неподвижно, сцепив руки за спиной. Гаррик подозревал: чтобы не схватиться за рукоять меча. Король вообще не любил колдунов, и Ансалем не сделал ничего хорошего, чтобы изменить его мнение. – И после того мы еще однажды встречались с вами.

– Вы уже призывали нас сюда прежде, лорд Ансалем, – пояснил Гаррик. Он обнаружил, что амфисбена, трепещущая над мраморной кушеткой, сильно отвлекает его и мешает

сосредоточиться. Она напоминала солнечный зайчик от невидимого зеркала, который плясал где-то на периферическом зрении. – Скажите, вы хотите, чтоб мы как-то вам помогли?

Покачивая головой, Ансалем прошествовал к окну.

– Не припомню, чтобы я вас призывал, молодой человек, – сказал он. – Честно говоря, я вообще вас не помню.

Он бросил взгляд на короля из-за плеча юноши, и лицо его прояснилось.

– Вот вас я помню. Вы хотели, чтоб я омочил свои руки в крови… и стал похож на вас.

Карус пожал плечами. Даже посторонний человек, не говоря уж о Гаррике, сразу бы увидел, как он напряжен.

– Я просил у вас нечто, чего вы мне не захотели дать, – медленно произнес он. – И, возможно, чаще, чем следовало, проливал кровь. Я вообще совершил много ошибок в своей жизни. Надеюсь, сейчас я их не повторяю.

– Так что вы хотели, лорд Ансалем? – повторил свой вопрос Гаррик. – Может, мы здесь, чтобы помочь вам с вашими планами?

– Вот уж не думаю, – со скрытой усмешкой ответил волшебник. – Ведь вы вроде бы не маги? Или я ошибаюсь? Да и в любом случае мне не нужна ничья помощь. Взгляните-ка на это!

Он указал на зарешеченное окно и отступил в сторону, чтобы гости могли полюбоваться видом Клестиса. Гаррик вопросительно посмотрел на своего предка. Тот криво улыбнулся и сжал плечо юноши. Вместе они подошли к окну.

Раньше король Карус видел в колдовских чарах причину распада Королевства Островов. Теперь он убедился, что ошибался, но побороть свою неприязнь никак не мог. Сохранять вежливость по отношению к Ансалему ему было так же трудно, как Гаррику стерпеть паука на своем лице.

Из окна им открылся диковинный вид – не развалины древнего города, которые они наблюдали с моста. Но и не тот живой Клестис, который когда-то предстал перед Карусом. Сейчас перед ними простирался прекрасный город: сверкающие здания, разбросанные между ними сады, в которых беззаботные горожане собирали фрукты и орехи. Изобилие овощей и цветов… Цветы были повсюду – на крышах домов, на уличных клумбах, даже на перилах балконов.

По улицам бродили стада, гладкие и откормленные, они лениво пощипывали травку. В городе царило изобилие – и для людей, и для животных.

Вдалеке Гаррик заметил кого-то из горожан, доившего корову, которая стояла возле символического колышка – он служил не столько для привязи, сколько для обозначения места, где надлежало производить дойку. Хотя у них в Барке в основном использовались овцы, Гаррик примерно представлял себе, сколько молока может дать хорошая дойная корова. Так вот, человек внизу давно уже перекрыл все нормы. Он носил ведро за ведром, а молоко все не иссякало.

– Это все ненастоящее, – заявил юноша. – Молоко, фрукты… все фальшивка.

– Оно могло бы быть настоящим, – слегка нахмурился хозяин. – И стало бы, если б…

Ансалем бросил взгляд назад, на каменную кушетку.

– Думаю, произошла ошибка, – сказал он. – Но я не мог даже предположить… Я решил вздремнуть после того, как изъял Клестис из канвы времени. А мои помощники связали меня амфисбеной и заперли здесь навечно. Зачем, скажите на милость, они это сделали?

– Потому что они хотели использовать вашу мощь в своих личных целях, – безжалостно ответил Карус. – Не удивлюсь, если они мечтали самолично править Островами. И развязали им руки именно вы – потому что мнили себя слишком хорошим для реального мира. И решили заменить его вымышленным, созданным по собственному вкусу.

– Неужели это сделал Пурлио? – Лицо мага скривилось в плаксивой гримасе. – Хотя, полагаю, больше некому – только он и другие помощники…

– У меня есть друг – волшебница Теноктрис, – сказал Гаррик. – Так вот она говорит, что вы собрали коллекцию мощных артефактов, безопасных для вас, но могущих

представлять опасность для менее сильных магов. Она приезжала как-то к вам в Клестис, но уехала, испугавшись влияния этих сил.

– Не припоминаю такой волшебницы, – печально покачал головой Ансалем. – Впрочем, боюсь, я многое забыл. Я действительно собирал повсюду магические безделушки. Мне нравилось обладать ими, это не приносило никому вреда. В моей коллекции присутствовал один из Морских Владык. К тому времени как я обнаружил его, он уже превратился в марказит. Но тем не менее жизнь еще теплилась в этом существе – пусть и в непривычном виде. Разве мог я оставить его там, где им завладел бы какой-нибудь профан, скажите мне?

– Но именно так и случилось, – беспощадно напомнил Карус, в его голосе звучал металл. – Судя по всему, ваш Пурлио.

– Ну да, я ошибся, – признал Ансалем. – Может, я сейчас смогу сделать для вас то, о чем вы просили тогда?

Несколько мгновений король молчал, затем расхохотался – так, как умел только Карус. Он взял волшебника за обе руки и промолвил:

– Не стоит, лорд Ансалем. Я вовсе не уверен, что это надо. Тогда вместе мы могли бы изменить ход событий – по крайней мере, на время… но я не уверен, что к лучшему. Теперь мне это ясно.

Карус покачал головой и отошел от волшебника. В нем больше не чувствовалось былого напряжения.

– Эх, если бы кто-то мог указать нам, что делать, – горько произнес он. – Клянусь, я бы сделал!

– Господин? – обратился Гаррик к волшебнику. – А можем мы вас как-нибудь вызволить из этой… ловушки? Из этой клетки? Ведь не исключено, что именно для того вы и привели нас сюда?

– Инкапсулирование может быть разрушено лишь извне, – грустно ответил Ансалем, – и лишь с помощью амфисбены. А она, как вы видите, находится внутри, со мной.

Гаррик заставил себя бросить взгляд в сторону змеевидного существа, мерцавшего на грани времени и пространства. Иногда обе ее головы появлялись в поле зрения, но затем все исчезало, и мраморная кушетка выглядела совершенно пустой. Оставалось лишь ощущение неминуемой угрозы – столь же осязаемое, как змейка перед этим.

– Но, может быть, нам удастся вынести талисман? – спросил Гаррик. – Наша подруга-волшебница попытается нарушить вашу капсулу… Или поищет более могущественного мага для этих целей.

– Ценю вашу идею, молодой человек, – произнес Ансалем тем тоном, каким взрослый человек объясняет ребенку, почему небо голубое. – Беда в том, что вы нереальны. Как и все остальное здесь… за исключением меня самого.

И кабинет волшебника растворился. Или, может, это сам Гаррик исчез из мира Ансалема? Юноша снова шел по мосту рядом со своим предком. Он оглянулся и увидел за своей спиной руины Клестиса – города, угодившего в ловушку вечных сумерек. Без всякой надежды на будущее.

– Теперь мне жаль его, – донеслись слова Каруса. Он кричал, но Гаррик, скорее, читал слова по его губам, чем слышал. – Будь моя воля, я бы дал ему еще один шанс. Такой, как я получил с тобой, парень.

Навстречу им маршировала армия. На этот раз Гаррик мог хорошенько разглядеть ее: верхом на трупах лошадей ехали трупы воинов. То там, то здесь мелькали кости, обглоданные рыбами или крабами, но холодная бездна останавливала нормальный процесс разложения.

Над армией реяло знамя с черным крабом на белом фоне. Оно развевалось над головой человека в белых одеждах. Лицо казалось смутным пятном, но по фигуре Гаррик узнал одного из помощников Ансалема, который встречал короля Каруса во время его визита к волшебнику.

Когда маг-призрак поравнялся с Гарриком – каждый на, своем плане, он обернулся.

Юноша заглянул в его глаза и обнаружил там не больше чувств, чем в глазах паука.

– … еще один шанс, – прошептал голос Каруса в мозгу: принца, когда он с содроганием вынырнул из своего сна и очнулся в дворцовом зале для заседаний.

* * *

Во время сумасшедшего бега Шарина правой рукой сжимала рукоятку пьюльского ножа, а левой держалась за обратку лезвия возле острия. Сил держать нож, как полагается – в одной руке, у нее не осталось. А вложить его в ножны девушка не решалась, боясь, что не успеет выхватить его в случае опасности.

А опасность была тут как тут: судя по крикам, гули двигались широкой цепью, которая замыкалась впереди беглецов. Таким образом, они образовывали петлю, которой надлежало сомкнуться на шее жертв.

– Я больше не могу… – задыхаясь словами, пожаловалась Шарина.

– Ятоже, – ответил Далар. Он-то не хрипел и не задыхался – возможно, это объяснялось иной конструкцией горла – но изъяснялся коротенькими, экономными словами. – Найдем дерево, чтоб прислониться спиной… и передохнем. По сюжету я должен был бы умереть первым, – с горьким юмором прокудахтала птица, – но кто его знает, каково чувство чести у наших врагов.

Большинство деревьев вокруг них составляли дубы, тсуги и нечто, отдаленно похожее на можжевельник. Некоторые из них были настоящими великанами, простоявшими не один век. Шарина имела возможность наблюдать, как осваивался Кордин – во время первой остановки с птицей-похитительницей, но, похоже, за минувшее тысячелетие дикая природа снова вернулась к своему мрачному великолепию.

Ветви деревьев поросли седым мхом, с них продолжало капать, хотя дождь на время прекратился.

Вопли гулей слышались теперь чаще и ближе. Судя по всему, чудовищ было не меньше десятка. Девушке почему-то припомнилось, что они с Даларом так и не пообедали. Смешно! Можно подумать, это что-нибудь бы изменило в нынешней ситуации…

– Смотри! – крикнула она и указала своим широким ножом на заброшенное строение, почти похороненное под буйной растительностью. Она проделала это с такой горячностью, что, потеряв равновесие, чуть не упала. – Туда! Мы сможем забраться внутрь по тису.

Прямоугольное здание с остроконечной крышей целиком было сложено из тесаного камня, очевидно взятого из более ранних построек. В результате получилось довольно грубое подобие пирамиды на пьедестале, но эта неуклюжая конструкция обладала большим запасом прочности и пережила другие, более искусные творения древних времен.

Похоже, площадка вокруг здания неоднократно расчищалась за прошедшие века. Тоненькие деревца кедра – не толще шести дюймов в обхвате – начинали расти лишь в двадцати шагах от стен.

Однако на протяжении, как минимум, последнего поколения никто не ухаживал за зданием, и лес в жарком и сыром климате быстро наверстывал упущенное. Колючие заросли тиса оплели консоли крыши и пустили корни меж камней. Шарина разглядела щель – достаточно узкую, но ведь она стройная, а Далар после дождя и вовсе выглядел скелетом с мокрым прилипшим пухом. Может и получиться…

Просто обязано получиться!

Стены были весьма невысокие – всего восемь рядов кладки – Шарине чуть выше плеча. В другое время она могла бы просто с разбегу взбежать на стенку и по инерции долететь до крыши.

В другое время. А сейчас девушка аккуратно положила нож на край обросшей мхом крыши и начала карабкаться по стене, выискивая босыми ногами зазоры меж камней. Она очень устала, задыхалась и вряд ли смогла бы забраться без помощи Далара. Выяснилось,

что пальцы у него не только короткие, но и очень сильные.

Строители соорудили стены совершенно глухими – ни окон, ни дверей.

– Далар, – позвала Шарина, протягивая руку товарищу, он выглядел уставшим не меньше ее. – Похоже, что это гробница.

Ее телохранитель издал серию кудахтающих звуков.

– Боюсь, очень кстати, – даже в подобной ситуации чувство юмора ему не изменяло.

Никакого страха, кстати, в его голосе не было. Девушка и сама с удивлением обнаружила, что не испытывает паники. Немудрено, подумала она, при таком крайнем истощении просто не оставалось места для эмоций – будь то страх или надежда.

– Лезьте внутрь! – скомандовал Далар. Он стоял с оружием наготове: обе пирамидки свешивались вниз, вращаясь каждая в свою сторону. Остатки цепочки создавали петлю длиной в шесть футов между руками воина. Шарине даже показалось, что вся конструкция слегка посапывает, как гончая, рвущаяся с поводка.

Вообще-то правильнее послать вперед птицу – она худее. А тут уж такое дело: застрянет первый, пропадать обоим. Но времени на препирательства не оставалось.

Прихватив с собой нож, девушка ужом стала протискиваться сквозь щель в каменной кладке. В это время на опушке леса показался первый гуль. На этот раз самец, и значительно крупнее того экземпляра, которого прикончил Далар. При виде жертв он завизжал – впечатление такое, будто металл разрывают на части.

Лаз сужался к внутреннему концу. Девушка как раз просунула голову внутрь гробницы, когда почувствовала, что плечи ее застряли. Неимоверным усилием она как можно дальше выдвинула вперед правую руку и прижалась к левой стенке.

Туника затрещала. Острые тисовые корни обдирали ей бок, но кто сейчас об этом думает! Еще одно мучительное усилие, рывок… и она свалилась в темноту. Снаружи, совсем рядом раздался вой гуля, окончившийся резким звуком вжик! – это бронзовая пирамидка ударилась о череп.

Шарина мысленно подготовилась к падению с высоты своего роста, но оказалось вдвое глубже. Уже на лету она сгруппировалась, но, к несчастью, ноги девушки разъехались на скользком полу, и она с размаху хлопнулась на спину. Да так, что искры из глаз посыпались.

Придя в себя, она обнаружила, что по-прежнему держит в руке нож. Ноннус гордился бы своей ученицей!

Ноги ее почему-то зависли в воздухе. Проморгавшись, чтоб восстановить зрение в темноте, Шарина разглядела отверстие в полу помещения. Ведь она могла свалиться…

Свет из щели в крыше внезапно померк – это лез Далар. Он перемещался ногами вперед.

– Здесь дырка в полу! – крикнула девушка, она постаралась своим телом загородить отверстие.

Далар свалился внутрь. Уже на лету Шарина пихнула его плечом, прочь от опасной дыры. Какая там была глубина, девушка не могла сказать. Во всяком случае, при скудном освещении разглядеть дно ей не удалось.

Снова стало темно, огромная когтистая лапа просунулась в отверстие и стала шарить по воздуху. Далар изготовился, держа в обеих руках свою цепь.

– Нет! – громко крикнула Шарина. – Лучше поддержи меня!

Бросив оружие, птица присела на корточки и сложила руки замком.

– Давай, – скомандовала девушка, наступая на импровизированную подставку.

Одним резким движением Далар встал и поднял Шарину на уровень своих плеч. Описав плавную дугу, пьюльский нож обрушился на локоть монстра.

Хрустнула кость, когти конвульсивно дернулись, и на пол гробницы упало предплечье гуля. Тот с воем отпрянул, оставляя на краях щели кусочки кожи и плоти.

Шарина приземлилась на полусогнутые ноги, птица подхватила ее. Снаружи вой раненого гуля сливался с воплями его соплеменников, окруживших здание.

Девушка скорчилась на полу гробницы, казалось, ноги отказываются ей служить.

Неверными руками она сжимала свой нож, затем – почти не соображая, что делает, – принялась очищать его подолом туники.

Горько улыбнулась. Все равно разодранная одежда ни на что больше не годилась…

Гули не уходили, девушка слышала их ворчание. Ни один из них не мог пролезть в узкую щель, но мерзкие твари принялись толкать и раскачивать камни.

– Вы чувствуете запах? – спросил Далар. – Здесь чья-то нора.

Шарина принюхалась, и в ее сердце родилась безумная надежда – мы спасены! Но затем лицо ее окаменело. Вслух она сказала:

– Да, мы в змеиной норе. А я уж было подумала: это мой хозяин явился… чтобы забрать нас на следующую ступень.

– Змеиной? – переспросил Далар. Цепочка свесилась на ярд-другой с ладони и снова спряталась. Да уж, не слишком удобное оружие в таком замкнутом пространстве. Впрочем, девушка не сомневалась, что ее телохранитель сумеет использовать все плюсы сложившейся ситуации. – Ясно. Должно быть, большая змея.

Внутренние стены гробницы – если только это действительно была гробница (ни гроба, ни похоронных дрог не наблюдалось) – были оштукатурены и покрыты фресками. В нижнем углу вылез огромный корень, который теперь медленно догнивал без срубленной верхушки. Почвенная влага и мелкие животные расширили отверстие, которое когда-то проделал корень – так, что камень, в конце концов, вывалился из стены.

Образовался лаз, который облюбовала себе змея. Шарина разглядела змеиную чешуйку на краю камня. Немаленькую, надо сказать, – крупнее, чем отверстие, которое девушка могла образовать между большим и указательным пальцами.

– Попробуем проползти по туннелю, – предложил Далар. – Возможно, дальше он расширяется.

Глаза Шарины уже адаптировались к слабому свету, и она видела: нора еще уже, чем щель в крыше. К тому же они не знали, как далеко тянется ход… Но, с другой стороны, он мог расширяться ближе к поверхности земли.

– Хорошо, – решилась девушка. Свет в помещении снова померк: очередной монстр загородил отверстие. Оба пленника бросили быстрый, отчаянный взгляд наверх – так смотрит кошка на прогибающиеся в буфетной доски.

Гуль отошел в сторону, раздалось ворчание одновременно нескольких тварей. Камень на крыше заскрипел, но удержался на месте. Это вызвало злобный вой гулей.

– Ладно, – повторила Шарина. – Надо попробовать… Но только давай немного передохнем.

– Согласен, – кивнул Далар. – Мне тоже это необходимо. Думаю, у нас в запасе около часу… Используем его, чтобы отдохнуть и набраться сил.

В этот момент раздался грохот: гули решили использовать ветви деревьев для разрушения крыши. Это меняло дело – вряд ли в их распоряжении будет час… Но какое-то время есть.

– Да, нужно отдохнуть, – сказала Шарина, и ее усталый смех эхом отразился от низкого потолка гробницы.

* * *

– Госпожа Илна, – послышался вкрадчивый голос Чалкуса, – еще не совсем рассвело, непонятно: сменилась ночная вахта на утреннюю или нет. Но думаю, мы сможем увидеть это с берега. Если вы и девочка готовы вставать…

– Да, конечно, – Илна принялась осторожно тормошить Мероту. Ей не хотелось бы, чтоб моряк считал девочку обузой на том лишь основании, что она женщина, к тому же молодая. Илна вот тоже обрела самостоятельность – и вечно голодного братца в придачу, когда была еще моложе Мероты!

Хотя, если разобраться, не так уж много у них общего: у деревенской сиротки и девочки-аристократки… да и Чалкус вроде бы не собирался их бросать. Если только станет совсем худо. Еще хуже, чем сейчас…

– М-м? – сонно промычала Мерота, но тут же рывком села, испуганно тараща глаза по сторонам.

– Тш-тш, – успокоил ее Чалкус. – Мы собираемся прогуляться, госпожа. Ничего страшного не случилось. Просто уже достаточно светло, чтоб осмотреть окрестности. Грех не воспользоваться случаем…

Илна тем временем вглядывалась в море. Лампы на триремах погасли еще около полуночи, и сейчас трудно было разглядеть суда на фоне неба, только-только начинающего светлеть. По словам Чалкуса, сейчас самое время кораблям сниматься с мели, но девушка всю ночь прислушивалась и никакого шума не слышала.

– Да-да, – согласилась Мерота, потом жалобно сказала: – Чалкус? Мне так хочется пить.

– Этим мы тоже займемся, – пообещал моряк. – При таком количестве кустарника здесь обязательно должен протекать ручей. Думаю, мы скоро на него наткнемся. Но не забывайте: в первую очередь мы ищем не его. Так что держите ушки на макушке, а свои молодые глазки широко открытыми, хорошо?

– Да, Чалкус, – улыбнулась девочка. И они принялись выбираться из-под корней дерева, как всегда – Мерота плотно зажата между взрослыми.

Он умеет обращаться с женщинами, несмотря на то, что является пиратом и убийцей. А может, именно потому и умеет…

Тропинка резко пошла в гору. Самыми крупными здесь являлись дубы, вязы и амбровые деревья, но все они еще были молодыми. Самое высокое едва достигало тридцати футов в высоту. Они пропускали довольно много света, поэтому внизу буйно разрослись оливы и ежевика, местами образуя непроходимую стену.

Чалкус осторожно продвигался вперед. Ветки олив он отгибал в сторону, колючие кусты утаптывал, если считал, что они помешают идущим сзади женщинам. Его собственные мозолистые подошвы на шипы не реагировали.

При этом моряк держал меч обнаженным, но не использовал его в борьбе с кустарником. Глаза его неустанно прочесывали заросли по сторонам.

По дороге наверх Илна не раз оборачивалась посмотреть на корабли. Но густая растительность не позволяла ничего разглядеть, кроме ближайших окрестностей. Девушка решила не беспокоиться раньше времени.

Чалкус первым достиг гребня, тянувшегося параллельным курсом к берегу.

– Ничего себе! Забери меня русалка! – воскликнул запевала, слегка расслабившись. – Илна, дорогая, подойдите сюда и объясните мне, дураку, что это такое мы здесь видим!

Девушка нахмурилась, но сдержала раздраженную реплику. Действительно, что взять с дурака? А если б даже и можно, то сейчас у них есть более важные заботы. Легонько подталкивая перед собой девочку, Илна вскарабкалась туда, где стоял моряк.

Открывшийся вид ее удивил. Вместо дикой перепутавшейся растительности она увидела аккуратно высаженный и ухоженный сад. Несомненно, фруктовый, правда Илна затруднялась распознать круглые яркие плоды. Точно не яблоки, да и для персиков окраска не подходит, а других фруктов девушка у себя в деревне не видела.

– Апельсины! – взвизгнула Мерота. – Ой, Чалкус, можно сорвать несколько? Я так хочу пить!

– Думаю, никто особенно не будет возражать, – ответил тот и взглянул на Илну, вопросительно подняв брови. – А вы что, дорогая, думаете?

Илне доводилось как-то видеть апельсины на приемах в Эрдине и Вэллисе. Но она почему-то считала их овощами, а они, оказывается, как яблоки растут на деревьях…

– Думаю, это будет нормально, – вслух сказала девушка. Даже дети и простые матросы знают больше тебя, с горечью думала она. – Если вдруг появятся хозяева, мы сможем

заплатить им.

Чалкус стал спускаться по противоположному склону: его можно было бы принять за беспечного путешественника, если б не встревоженные взгляды, которые моряк бросал по сторонам, как настороженная мышь-полевка. Меча он по-прежнему не выпускал из рук, правда, теперь, когда лесная чаща осталась позади, он сменил манеру на менее угрожающую – переложил меч в левую руку и направил его в землю.

– А ведь с моря остров выглядит совершенно диким, – задумчиво произнесла Илна. – Но ведь эти деревья не вчера же выросли… Наверное, их скрывал хребет.

– Все еще любопытнее, госпожа, чем вы думаете, – мрачно сообщил Чалкус. – Вы-то не плавали в этих водах. А я разбираюсь в звездах не хуже Вонкуло, поэтому знаю: мы сейчас где-то между Серизом и Канбезой. Так вот, дорогая, когда я в последний раз здесь плавал, никакой земли тут не было и в помине.

Она спустились к саду. Левой рукой Чалкус сорвал апельсин и, не оборачиваясь, бросил его Мероте.

Затем он с улыбкой посмотрел на Илну, пальцы его поглаживали гладкую кору дерева.

– Три месяца назад тут плескалось море, госпожа, – сказал он. – Конечно, остров может подняться со дна морского… но вот деревья за три месяца не вырастут. Сами по себе, без колдовства, я имею в виду.

– И так понятно, что здесь не обошлось без колдовства, – холодно ответила Илна и усмехнулась. – Даже Вонкуло подозревает это, и тут я ему склонна верить… Как если бы он предположил, что солнце взойдет на востоке.

Смех Чалкуса прозвучал медными колоколами. Он сорвал еще два апельсина и больший бросил девушке. Надрезал свой ногтем большого пальца и принялся очищать одной рукой. Понаблюдав за ним, девушка обработала свой плод при помощи ножа, который всегда носила на поясе. Мерота же просто надкусила кусочек кожуры и затем выдавила сок прямо в рот.

– Как вы думаете, зачем местным понадобились наши корабли? – спросил Чалкус, в перерывах между словами удаляя зернышки и внутренние пленки. – Или, может быть, члены команды – безнадежные бедняки, насколько я знаю?

– А я думаю, здесь никто не живет, – проговорила Мерота с набитым ртом. – Мы же никого не встретили.

– Но кто-то же ухаживает за этими деревьями, – возразила Илна. Даже при ее минимальном опыте садовода девушка знала: если не следить за деревьями, их буквально облепит насекомыми. Сладкий сок привлекает паразитов не меньше, чем свежее мясо – мух.

– Похоже, здесь сорок рядов деревьев… – произнес моряк, бросая кожуру сквозь ветви ближайшего дерева. Именно сквозь, а не на ветки, отметила Илна, хотя глядел в этот момент совсем в другом направлении. – А за ними поля. Думаю, мы все увидели, пора доложиться Вонкуло. Как вы считаете?

– Да, – согласилась девушка. – Мы и так оказали ему большую услугу.

И они двинулись вперед. Сад имел замысловатую планировку: деревья были разбиты не только на продольные ряды, но и на поперечные. Каждая секция вдруг раскрывалась в новые колонки, ориентированные в том или ином направлении.

– Единственное, чего заслуживает Вонкуло, это добрая крепкая веревка, – хохотнул запевала. – Хотя, думаю, найдется немало людей, которые то же самое скажут и обо мне.

Вокруг них деловито жужжали насекомые – пчелы и легкокрылые мотыльки. Наблюдавшая за ними Илна никак не могла отделаться от ощущения, что присутствует в их полетах какая-то странность. Но что именно не так, определить не смогла. Просто знала: если бы она сама была насекомым, то летала бы иначе. Не так, как эти… Суть раздражающе ускользала от нее, и девушка решила оставить свои наблюдения при себе.

– А сейчас тихо, – скомандовал Чалкус, они приближались к границе сада, впереди осталось всего один-два ряда деревьев. Моряк застыл возле корявого ствола, легонько касаясь коры.

Мощеная дорога, изрядно разрушенная временем и невзгодами, отделяла апельсиновую рощу от ячменного поля, заползавшего на противоположный пологий склон. Там, в дальнем конце, работала команда жнецов. Они находились слишком далеко, чтоб рассмотреть все детали, но Илну снова укололо: что-то не так в движениях крестьян. Так же, как в полетах пчел.

– Илна, мы подойдем к ним поговорить? – тихо спросила Мерота. Она чинно сжимала руки перед собой, но это не могло скрыть их дрожь.

– Тихо, милая, – шикнула на нее девушка. Она не отрываясь наблюдала за людьми на поле.

Они собирали колосья специальными лотками. Косы тоже были снабжены плетеными подносами для складывания срезанных стеблей. Каждого мужчину сопровождала женщина. Она доставала колосья из лотка, перевязывала их пучком скрученной соломы и укладывала на специальную тележку, которую тащила за собой.

Каждое по отдельности движение было вполне нормальным, знакомым любому крестьянину, имевшему дело с зерновыми. Но в сумме создавалось фальшивое впечатление, и Илна наконец поняла, почему. Эти люди только работали, сосредоточенно жали и ничего больше.

Обычно односельчане за работой болтают: обсуждают урожай, нынешнюю жару, лихорадку, которая в этом году напала на свиней Синкарфа, и беспокоятся, а не перекинется ли она на соседние хозяйства. Здесь же двадцать человек шли, каждый по своей полосе, и общались между собой не более, чем камни в одном оползне.

– Их одежда вся изорвана, – совсем тихо проговорила Мерота.

– У них и кожа вся в клочьях, дитя мое, – также прошептал Чалкус. – Это мертвецы. Просто движущиеся мертвецы.

– То же самое можно сказать о здешних насекомых, – добавила Илна. – Они летают, ползают, но давно мертвы. Думаю, нам надо как можно скорее вернуться на корабль и убедить Вонкуло покинуть эти места.

– Точно, – согласился моряк. – Тем более что все равно здесь на земле не видно золотых слитков. – Затем он кивнул Илне. – Может, теперь вы пойдете впереди, а я стану замыкающим?

– Хорошо, – согласилась девушка. И она размеренным шагом двинулась через сад, прокладывая путь меж рядами.

Чувство опасности теперь не покидало их. Чалкус ждал нападения сзади, а Илна подозревала дурное повсюду – в земле, в воздухе, которым они дышат. Так что, в каком порядке двигаться, было абсолютно не важно.

Достигнув кустарника, обрамлявшего рощу, люди испытали почти облегчение. Изогнувшись, чтобы не оцарапаться, Илна скользнула в заросли, которые теперь казались спасительными. Девочка последовала за ней.

– Одну минуту, дорогие мои, – остановил их Чалкус. – Там что-то движется по дороге. Давайте посмотрим.

С юга двигалась процессия, с трудом прокладывая себе путь по разбитой дороге. Целая армия трупов, одетых в форму пехоты, тащилась за парочкой открытых карет – каждая с восьмеркой лошадей-скелетов. Несмотря на большие колеса, экипажи так и швыряло из стороны в сторону – того и гляди перевернутся.

В каретах тряслись дамы, по крайней мере, до смерти они могли претендовать на это звание. Время наложило свою тлетворную лапу на их наряды, но даже с такого расстояния Илна оценила их роскошь. Такие наряды могли себе позволить лишь принцессы. Драгоценные камни и золото блестели и переливались в лучах восходящего солнца.

Девушка обратила внимание, что одна из дам носила браслеты с рубинами и бриллиантами – они унизывали всю ее правую руку, от запястья до локтя. Возможно, подобные же украшения были когда-то и на левой руке, но сейчас от нее остались лишь кости и сухожилия, на которых повисли морские раки.

Замыкала это шествие мертвецов некая странная фигура. Не то женщина, не то мужчина; непонятно, едет он или идет: руки скрещены на груди, а ноги скользят, не касаясь поверхности земли. Существо было одето в черный шерстяной балахон с капюшоном, кожу рук и лица покрывала смесь сажи с жиром.

– Уходим, – решительно прошептала Илна. Ни тени вопросительных интонаций. Ее спутники без звука повиновались, хотя Чалкус про себя подивился, откуда такая резкость в тоне.

Пальцы девушки безостановочно двигались, быстро вывязывая сложные узлы из шелковой пряжи и так же быстро их распуская. Чтобы не казалось, будто она молчит из страха признать правду, Илна вслух заявила:

– Я, кажется, догадываюсь, кто этот парень… ну, который волшебник. Глядя на него, я припомнила, как сама смотрелась в зеркало. Не так давно, когда жила в Эрдине.

– Не думаю, госпожа, – возразил Чалкус, – чтоб вы когда-нибудь лицезрели свое будущее отражение. А также сильно сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из этой публики увидел еще что-то, кроме своего нынешнего лица. Разве нет?

– Надеюсь, что это так, – фыркнула Илна. – Да, конечно; во всяком случае, я приложу к тому старания. Могу поклясться!

За разговором они дошли до береговой полосы, девушка первая вышла на берег. Прилив уже пошел на убыль, но все равно уровень воды заметно превышал тот, при котором они высадились на остров.

– Корабли исчезли, – негромко констатировала Илна. Голос ее прозвучал лишь на полтона выше, чем это требовалось, чтобы спутники услышали ее.

– А мы точно там, где?.. – растерянно спросил Чалкус, подходя к девушке. И тут же сам ответил: – Ну да, конечно. И мне даже не требуется смотреть на труп бедняги Сину, чтоб лишний раз убедиться: Илна ос-Кенсет не могла заблудиться.

Он зашел по колено в воду, затем остановился и бросил через плечо:

– Держись поблизости, малышка. И вы, госпожа, тоже…

– Пойдем, – сказала девушка Мероте, но та и сама уже спешила к запевале.

Чалкус всматривался в море, в западном направлении.

– Вон они где, – показал он. – Как раз огибают мыс.

Загородившись правой рукой от солнца, Илна тоже посмотрела в указанном направлении и увидела корабли. Один из них еще полностью был на виду, в то время как второй уже почти скрылся за каменистыми утесами южной оконечности острова – выглядывала лишь изогнутая корма.

– Но я не вижу никого на палубе, – молвила Илна, не вполне доверяя своим глазам. – Да и весла не двигаются.

– Странное какое-то море вокруг них, – медленно проговорил Чалкус, – казалось бы, солнце должно играть на волнах…

– Это не волны, – догадалась девушка. – Их окружают сплошные раковины Морских Владык. И они буксируют триремы.

* * *

Кэшел рукавом вытер пот со лба. В другой ситуации он пожаловался бы, что солнце нынче сильно припекает, но солнца-то не было – зеленый свет струился невесть откуда. Так что юноша мог с уверенностью только сказать: ему очень жарко!

Из расщелины на скале вырос цветок мака – кто его знает, как он там удержался. И хотя в здешнем освещении лепестки его выглядели не красными, а темно-коричневыми, сердце Кэшела порадовалось этому скромному подарку.

Он перевел взгляд наверх, и вначале ему показалось, что там стоит, поджидая его, с полдюжины темнокожих людей. Но при ближайшем рассмотрении он понял, что принял за

людей кучку деревьев, стоявших кругом. Довольно странные деревья: ветви у них казались непропорционально хилыми, а стволы венчали странные наросты в виде шишки.

– Вот так деревья! Ну точно люди, – дружелюбным тоном обратился Кэшел к кольцу. Точно так же он раньше разговаривал со своими овцами, хотя сильно сомневался, что те понимали его. С другой стороны, утверждать с уверенностью, что овцы не понимали, он тоже не мог. В конце концов, доброе слово и кошке приятно… Ему ж не трудно побеседовать с овечками.

– Ничего удивительного, – проскрипел Криас, – они и были людьми. Увы, в нужный момент им не хватило ума придержать свой язык. Это оказалось большой ошибкой… и теперь уж они ее больше не повторят. Ха-ха!

Насмешка в голосе демона покоробила юношу. Возможно, эти парни и заслужили свою участь… Кстати, не исключено, что среди них были и женщины – Кэшел предпочитал об этом не думать. Но не мог не жалеть бедняг… так же, как не мог понять злорадства Криаса. Что ж мир таков, каков он есть. В нем существуют не только кэшелы, но и демоны.

Деревья обступили площадку, в центре которой что-то слабо поблескивало. Вода? Кэшел не хотел тешить себя несбыточной надеждой… но вдруг? Он уже страдал от жажды. Дело в том, что голод он утолил очень сытными корнями поверженного дерева, а вот запить было нечем…

Решив отложить вопрос о воде на потом, Кэшел спросил у кольца:

– Так что же – эти люди попали под горячую руку волшебнику?

– Вполне возможно, – ответил Криас с кислой надменностью, которая живо напомнила юноше Лору, мать Шарины. – А может, это было Божество. Знаешь ли, пастух: в Подземном Мире случается всякое. Ну и, в конце концов, это мог быть демон… не все же из нас навечно привязаны к сапфиру на пальце какого-нибудь болвана!

– Ясно, – сказал Кэшел, как-то утратив интерес к этому вопросу. Да и что толку обсуждать подробности события, которое наверняка произошло задолго до того, как даже Гаррик прочитал об этом. Особенно, с таким зловредным демоном.

– Там, похоже, вода, – прокашлявшись, ткнул он пальцем.

– Ну да, вода, – согласился Криас. – Вкус тебе, скорее всего, не понравится, но пить можно смело. Не помрешь… А вот процесс доставания воды из смолы, в которой она заключена, это может запросто тебя убить.

Кэшел остановился в нескольких шагах от деревьев. Вода слабо поблескивала – отражавшееся в ней небо придавало ей довольно устрашающий вид. Берега были и впрямь смоляные. Занесенные пылью, они казались твердыми на вид, но Кэшел знал: под ними скрывается трясина – одному Дузи известно, какой глубины.

Подумав немного, юноша спросил:

– Мастер Криас, а если я подойду поближе, эти деревья нападут на меня?

– Ага, испугался, пастух?

– Не то чтобы испугался, – честно ответил Кэшел, – но мне хотелось бы знать, чего ждать.

Криас фыркнул.

– Эти? Нет, эти уже ни на кого не нападут. И уж меньше всего – на человека, который носит меня на пальце!

– Приятно слышать, – сказал юноша, осторожно приближаясь к краю смолы. Дождевая влага стояла в двух шагах от него.

Кэшелу показалось, что одно из деревьев вздохнуло, когда он проходил мимо, но юноша отнес это за счет разгулявшегося воображения. Породу деревьев он затруднялся определить, но своей шершавой корой и колючками на ветвях они напомнили ему растительность какой-то засушливой страны.

Тем временем начало темнеть. Скоро здесь будет ни зги не видно – в этом бессолнечном мире надеяться на луну не приходилось. Да и никакого подобия лунного света вроде бы не наблюдалось.

– Не удивлюсь, если скоро похолодает, – произнес Кэшел, отвязывая с пояса флягу для воды – прочную керамическую бутылку, закупоренную бледно-кремовой глазурью. Юноша выковырял ее.

– Ну так разведи огонь! – проворчал демон. – А если ты успел забыть, как это делается, то я готов тебя просветить: надо просто наломать веток.

Кэшел привязал один конец ремня к посоху и бросил взгляд на ближайшее дерево. Н-да, не бог весть какой красавец, но все же…

– Пожалуй, я лучше померзну, – решил юноша. – Мне не впервой…

Он немного отодвинулся от смоляного берега и улегся на землю. Двигался он с неспешной аккуратностью, как и обычно, когда не возникало особых поводов торопиться. А такие поводы в жизни Кэшела случались крайне редко. Многие люди на этом основании решали, что юноша, вообще, не способен быстро двигаться. Как правило, они расплачивались за свое заблуждение сломанными костями или еще как похуже.

Кэшел медленно протянул посох на середину озерца и окунул горлышко фляги поглубже в зеленоватую жидкость. Он и без Криаса знал, что вода не порадует его своим вкусом, но приходится мириться… День выдался жарким, а завтра, наверняка не станет прохладнее.

– А еще ты мог бы использовать куски засохшей смолы – бубнил демон. – Правда, тогда тебе придется спать с подветренной стороны, но полагаю, это не проблема. Конечно, если ты такой жалостный, чтобы использовать пару-тройку засохших сучьев, тебе трудно будет развести костер. Пожалуй, без моей помощи не обойтись.

Кэшел приподнял посох с уже наполненной бутылкой и не спеша, в своей обычной манере, вытянул ее на берег.

– Благодарю вас, мастер Криас, – сказал он сапфиру на своем пальце, – я бы сам не догадался.

– Еще бы ты догадался, пастух! – проверещало кольцо. – Конечно, нет!

Вода оказалась на вкус именно такой, как Кэшел и ожидал. Главное – не забыть хорошенько вымыть флягу, когда доберется до чистого ручья. Он усмехнулся.

– Над чем это ты смеешься? – оскорбился Криас.

– Да над собой же, – отмахнулся юноша. – Мне следовало бы беспокоиться о том, найду ли я чистую воду, а не о том, где вымыть флягу.

Он сделал еще глоток и добавил:

– Но пока и такая сойдет.

И подумал, а есть ли вода у Шарины? И что она ест? Ну ничего, скоро он сам обо всем позаботится. Юноша очень на это надеялся.

Продолжая улыбаться, он босой пяткой расчистил себе полукруг на земле неподалеку от озерца – место для ночевки. Почва была твердая, каменистая. Правда, камешки – большей частью плоские, размером не больше утиного яйца – не мешали ходить, но вот спать Кэшел предпочел бы на чем-нибудь помягче… если есть, конечно, выбор. Эх ма!

О Дузи! Земля и впрямь слишком жесткая. Юноша вынул нож и тупой стороной принялся разбивать особо твердые комья, которые впивались ему в бока.

– Я могу тебе помочь, – вызвался Криас. – Хочешь, сотворю для тебя перьевую подстилку, а пастух?

– Мне и так хорошо, – отмахнулся Кэшел, осторожно счищая землю с лезвия ножа. Он не привык спать на мягком. Слышал, правда, что перьевая постель очень теплая. Ну так, наверное, не намного теплее шерстяных одеял его сестры.

Демон что-то бурчал себе под нос. Слов Кэшел не мог разобрать, да и не особо стремился. О чем ворчат все стареющие люди… и демоны? Хотя, кто его знает? Может, такие демоны придумают что-то новенькое…

Юноша собрал валежник и сложил небольшой костерок на расчищенном месте. На ветках застыла смола – чистая, как слеза, кое-где оставались засохшие листья.

Берега озера застыли и растрескались. Используя нож как рычаг, Кэшел выковырял

несколько кусков смолы размером с кулак и подложил их к веткам. Он постарался не испачкать лезвие: шершавая кора заколдованных деревьев, конечно, отчистила бы нож, но ему не хотелось обдирать стволы. Юноша от души понадеялся, что дальше будут и другие деревья. Простые, обыкновенные…

Он подобрал один из валявшихся неподалеку камней и с помощью ножа высек искру на трут. Вообще-то, он носил с собой в сумке кусочек кремня, но здешние камни оказались достаточно твердыми, к тому же более удобного размера. Перенес огонь на тоненькие веточки, от которых занялась и смола.

Она горела красноватым пламенем, выделяя густой смолистый дым. Это оказалось очень кстати: с наступлением темноты быстро холодало. А дым… ну что ж, будем надеяться, ветерок не изменит свое направление за ночь.

– Спокойной ночи, мастер Криас, – вежливо произнес Кэшел, пристраивая согнутую левую руку под щекой – чем не подушка? В правой руке он продолжал сжимать посох.

– Ну, и тебе спокойной ночи! – ответил демон. – Если она будет спокойной. Надеюсь, ты понимаешь: мне безразлично, тьма вокруг или свет.

Кэшел призадумался, что Криас имел в виду, когда говорил свое «если», но уточнять не стал. Наверное, демона действительно что-то беспокоит, раз он так разворчался. Но не в привычках Кэшела вмешиваться в чужие дела. Да и практика показывает, что лишние вопросы влекут за собой лишь новые оскорбления.

Он уже привык к бурчанию демона, и оно действовало на него усыпляюще, как жужжание цикад. Поэтому Кэшел с улыбкой и мыслями о Шарине погрузился в сон.

Среди ночи что-то разбудило его. Юноша не имел представления ни что это было, ни сколько времени он проспал. Огонь продолжал гореть, даже ярче прежнего. Куски смолы уменьшились, но они в отличие от дерева при сгорании не образовывали золы, которая забивала пламя.

Кэшел почувствовал, что он не один. Оглядевшись, он обнаружил, что деревья покинули свое место у пруда и обступили его.

– Ага, – произнес парень, приподнимаясь на локте. Он не вскочил, не схватился за посох. Криас сказал же, что деревья не нападут на него. Собственно, они и не напали – просто перебрались поближе к огню.

Откашлявшись, Кэшел произнес:

– Да уж, ночка выдалась прохладная. Не хотите ли, чтоб я подкинул веток в костер? Ну, я имею в виду валежник.

Деревья не шелохнулись, не произнесли ни звука. Если б юноша всего не знал, он бы подумал, что просто стоят себе деревья – растут, где росли.

– Ты что, ждешь от них ответа, пастух? – усмехнулся Криас.

– Ну, мало ли, – пожал плечами парень. И добавил, обращаясь к деревьям: – Доброй ночи вам, господа. И вам, леди… если таковые имеются.

Ему показалось, что в отдалении он слышит пение Элфина. А может, просто ветер ладит свою песню. Во всяком случае, звук был приятным.

Кэшел поворочался еще немного, устроился теперь на левом боку. И впрямь нежарко!

Когда по времени на земле наступило утро, небо здесь тоже посветлело. Костер прогорел, деревья снова стояли на прежнем месте. Может, ему все приснилось?

Но все же, наполнив заново флягу водой из озерца, он, прежде чем покинуть стоянку, вскинул свой посох в знак приветствия. Прощай, заколдованная роща!

Глава 16

– О нет! – простонала Мерота, глядя, как корабли скрываются за кромкой суши. Она с мольбой переводила взгляд с моряка на Илну – очень юная, дисциплинированная… и очень напуганная девочка. – Что мы теперь будем делать?

– Я бы сказал, – рассмеялся запевала, – что имею не больше представления, чем ты,

дитя мое. Но мне не хочется перекладывать эту ношу на твои хрупкие плечи.

И он вопросительно посмотрел на Илну:

– Что скажете, госпожа?

– Мы сможем самостоятельно отплыть с этого острова? – спросила та. – То есть вы сможете это сделать? Я-то ничего не понимаю в мореходстве.

– Вы имеете в виду: построить лодку и управлять ею? – Чалкус нахмурился, обдумывая вопрос девушки. – Думаю, да – если б от этого зависели наши жизни. Но мне понадобилось бы на это время. Полагаю, лучше бы нам отплыть на борту «Ужаса» вместе с командой. Даже если эта команда включает Вонкуло и всех олухов, которые верят в его байки про сокровища.

– Тогда давайте попробуем догнать их, – решила Илна. – Поднимемся обратно на хребет, на мысе утес слишком крутой, я вряд ли смогу вскарабкаться.

Информации у них было небогато, что ж, тем проще план, который надо составить. Во всяком случае, стоять на берегу и глазеть в пустое море – это означало попусту тратить время, полагала Илна. Которого и так немного.

– Решено, – согласился Чалкус. – Но я пойду вперед.

И он быстро зашагал вперед – неуклюжей походкой человека, больше привыкшего к палубе корабля, чем к твердой земле. Мероте приходилось карабкаться на четвереньках, но она не жаловалась. На самом деле девочка едва не наступала Чалкусу на пятки.

Илна без особых затруднений следовала за ними. Она привыкла быстро ходить, хоть и не могла в этом поспорить со своей длинноногой подругой Шариной. Уж, во всяком случае, обогнать моряка для нее не составляло бы проблемы!

Когда они наконец поднялись наверх, лицо Мероты пылало, но скорее от возбуждения, чем от усталости. Подобно многим детям, она предпочитала двигаться – хоть что-то делать, когда была напугана. Ей предстояло еще узнать, что порой слепые действия приводят к еще худшей опасности, чем бездействие.

Илна уже имела подобный опыт, но и она была рада размяться. Эта мысль заставила ее усмехнуться: еще одно проявление ее человеческой сущности. И, как всегда, достаточно глупое.

Вся группа во главе с Чалкусом потянулась вдоль хребта к южной оконечности острова. Крестьяне все еще работали на поле, но колдун со своей процессией скрылись из виду.

Илна прислушивалась к жужжанию и пощелкиванию насекомых. Птицы порхали в кустах без единого звука. К югу от апельсиновой рощи простиралось болотце. Лягушки с приближением людей плюхались в воду, но тоже абсолютно молча – ни кваканья, ни трелей.

Над ними спланировала ворона, наблюдая за незваными гостями круглым недобрым глазом. Мерота не вскрикнула, не ахнула, просто опустила взгляд.

Чалкус на ходу насвистывал какую-то мелодию, но глаза его так и шныряли по сторонам. Тропинки вниз, к мысу, не было, им приходилось самим прокладывать себе путь. Они миновали болото, и стало посуше – ноги уже не проваливались, но сохранялась достаточная влажность, чтобы хвощи и камыши разрослись в полный рост. Местами они образовывали непроходимые заросли. С поверхности стоячей воды под солнечными лучами поднимались испарения, которые не мог разогнать слабый ветерок. Куда ни глянь – в пределах полета стрелы – виднелись обломки скал, заросшие растительностью.

– Так… Насколько я могу судить, – проговорил, останавливаясь, Чалкус, – мыс примерно там… – И он указал рукой направление.

По дороге им пришлось углубиться в лес, и теперь Илна ничего не видела, кроме стоявшего стеной кустарника. Но если моряк считает, что они идут правильно, наверное, так и есть. Девушка ему доверяла.

– А мы достигли того места, откуда снова сможем увидеть… – задумчиво произнес моряк, – наши триремы.

С этими словами Чалкус шагнул в самую гущу растительности. Заросли ежевики,

заполнявшие нижний ярус, так и затрещали под его огрубевшими ступнями.

– Держись к нему поближе, дитя, – посоветовала Илна девочке. – И не переживай, если случайно порвешь одежду, мы сможем ее починить.

Эта простая по сути фраза подразумевала многое. Например, что они с Меротой проживут достаточно долго, чтобы починка одежды имела смысл. Илна действительно так считала, но, поймав себя на этой мысли, скептически улыбнулась. Кто б со стороны мог предположить в ней такие запасы оптимизма!

– А, по-моему, бодрость духа вполне естественна для таких героев, как вы. Да еще с таким защитником, – бросил Чалкус, не оборачиваясь. – Разве нет?

Он что, читает мои мысли?

– Будем надеяться, – вслух сказала девушка.

В этот момент подол Меротиной туники зацепился за колючки. Прежде чем Илна смогла ей помочь, девочка сама нагнулась и ловко высвободилась.

Девушка улыбнулась с одобрением. Этот ребенок на глазах учился, как удается немногим взрослым, во всяком случае, вышитый подол даже не порвался. Илна ценила любое проявление человеческих талантов, а способность к обучению относилась к наиболее редкому из них.

– Вот мы и пришли, – раздался голос Чалкуса, однако торжества в нем не слышалось. – И что мы имеем? А ничего, кроме лишайников и одинокой сосны на скале.

«Интересно, а что он ожидал увидеть», – удивилась про себя Илна. Нет, она, наверное, никогда не узнает как следует этого человека.

Мыс представлял собой острый клин из плотного песчаника, подмытый с обеих сторон бесконечными приливами. Выбираясь вслед за Меротой из колючего кустарника, Илна с облегчением вздохнула. Хотя с берега скала выглядела очень крутой – почти вертикальной – с этой стороны на нее вел пологий подъем, преодолеть который не составляло труда.

Чалкус лежал на краю, раскинув для устойчивости ноги и наполовину свесившись со скалы.

– Подойдите, посмотрите, – позвал он спутниц. Мерота подниматься отказалась наотрез.

– Илна, – прошептала девочка, – я боюсь высоты. Честно, я не могу…

– Хорошо, милая, – легко согласилась девушка. Она видела, что здесь не обычный страх или детское упрямство. В глазах девочки плескался неподдельный, слепой ужас. – Подожди нас здесь.

После этого на четвереньках вскарабкалась на утес к Чалкусу. В общем-то, она могла бы подняться и более достойным способом, но, поскольку ей все равно сейчас ложиться на землю, какой смысл беречь коленки. К тому же со стороны это могло выглядеть так, будто она что-то хочет доказать моряку… или еще кому-нибудь.

Взглянув вниз – кстати, не очень приятное ощущение, хотя и не столь леденящее, как для Мероты, Илна увидела, как корма одной из трирем огибает мыс. Вода, очевидно, сильно поднялась, потому что корабль шел совсем рядом с берегом.

– На палубе никого, – заметил Чалкус, – и вокруг полно этих дьяволов.

Солнечные лучи падали прямо на волны, и было видно, что вода и впрямь кишмя кишит аммонитами – девушке они напомнили личинок в разлагающемся трупе.

Трирема плавно скрылась под нависшим краем обрыва: подобное Илна наблюдала при спуске судна со стапелей в Вэллисе. Они подождали, но корабль так и не появился с другой стороны. При той длине, которую имели военные триремы, в принципе они должны были одновременно видеть и нос первой из них и корму второй.

– Интересно, – протянул запевала. – И как вы полагаете, дорогая, куда направляются наши корабли?

Он поднялся на ноги с той бесподобной небрежностью, которую Илна никак не могла себе позволить на такой высоте.

– Похоже, здесь не обошлось без колдовства?

– Я не больше вас разбираюсь в колдовстве, – ответила девушка резко и, надо признаться, не слишком правдиво. – Я бы скорее предположила, что в утесе имеется дыра, и корабли волокут именно туда.

Моряк восхищенно хлопнул в ладоши (с резким звуком ударили мозоль о мозоль).

– Точно! – воскликнул он. – Тогда нам следует исследовать этот туннель… не правда ли?

Чалкус снова высунулся с обрыва. Вторая трирема исчезла, точно так же, как и первая. К удивлению и ужасу Илны, моряк засунул свой меч в ножны и принялся осматривать обрыв с явным намерением спуститься.

– Я не смогу отправиться с вами! – воскликнула девушка. Дело было не в страхе – хотя ее, конечно же, пугала такая высота, но Илна знала, что ей не хватит физической силы висеть на кончиках пальцев на вертикальной поверхности. Вот ее брат Кэшел и Гаррик развлекались тем, что собирали птичьи яйца на таких склонах в родной Барке. Но даже им подобная задача показалась бы нелегкой.

Что ж, каждому свое. Вот Чалкус, например, не силен в узлах – вряд ли он способен на что-то более сложное, чем связать два куска веревки. А Илна не станет соревноваться с ним в скалолазании.

– А вам и не надо. Одного человека здесь вполне достаточно, – ответил моряк. Он старался говорить нормально, но девушка слышала напряжение в его голосе. Сейчас не время отвлекать его. – Приглядите лучше за госпожой Меротой, ладно?

Илна инстинктивно оглянулась. Она и забыла про… Девочка пропала.

– Мерота! – закричала Илна.

Ребенок попросту не мог исчезнуть без малейшего шума! Хотя там вверху, на скале, ветер завывал…

– Я в порядке! – раздался голос Мероты из кустов под скалой. – Мне просто хотелось побыть одной!

О Госпожа! Как она могла об таком не подумать. Еще бы, все эти дни девочка провела на палубе в обществе пятидесяти мужчин, не имея ни минуты для уединения…

– Ага! – крикнул Чалкус. – Якое-что нашел!

И в этот миг Мерота закричала. Кусты затрещали, будто сквозь них ломился бык. С гибкой петлей в руках Илна бросилась на звук. Она видела, как гнутся кусты и верхушки молодых деревьев, обозначая существо, которое удалялось от нее.

Крик девочки внезапно захлебнулся, будто ее горло… Будто кто-то с размаху накрыл ей рот. И в воздухе – таком безобидном, пронизанном светом – разнесся безумный кудахтающий хохот, тот самый, который сопровождал несчастный случай на «Разрушителе».

Илна крикнула: «Я за девочкой! » – и нырнула в кустарник. Она не знала, расслышал ли ее Чалкус, но проверять времени не оставалось.

Девушка плохо представляла, что она сможет сделать… но она была обязана попытаться. Это ее вина…

Она мчалась в густых зарослях, которые при других обстоятельствах посчитала бы непроходимыми. Сейчас же Илна проскальзывала меж стволов, стоявших практически рядом, и огибала колючие кусты, едва замечая их. Не оставалось времени ни на раздумья, ни на тревоги. Ее вел тот же безошибочный инстинкт, который позволял создавать искусные творения.

Ужасный смех все удалялся: девушка расслышала несколько взрывов хохота, затем визгливый торжествующий вой.

Она достигла края болота, где деревья уступали дорогу камышу и топям. Захлопнулась дверь, или, может быть, просто на поверхности трясины лопнул пузырь метанового газа, поднимавшегося со дна.

Илна остановилась. Болото колыхалось перед ней, временами по нему проходила рябь. Она докатывалась до ближайшей кувшинки и снова откатывалась назад. И никаких следов, никакого прохода сквозь водную гладь.

Но проход должен существовать. Раз пробралась эта тварь, похитившая Мероту, значит, может пройти и Илна ос-Кенсет. Девушка шагнула вперед. Ноги погрузились по щиколотку. Еще один шаг – по середину икры…

А третий привел ее на твердую поверхность. Внизу, под темной от тины водой, под вонючими испарениями скрывалась каменная опора. С улыбкой, больше похожей на оскал, Илна зашагала по ней.

Пальцы ее скользили по веревке, девушка гладила ее так же, как старая дева ласкает свою кошку. Она не знала, что ее ждет в конце этого пути, но в самой встрече даже не сомневалась.

Илна просто шла – как по собственной кухне, прокладывая извилистый путь между пучками болотной травы. Ей приходилось делать большие шаги, но девушка ни разу не поскользнулась. Темная вода журчала и побулькивала вокруг, будто гневаясь, что жертва от нее ускользает.

На болоте стоял густой туман. Временами он рассеивался, и тогда Илна могла видеть на двадцать футов в том или ином направлении, но большей частью видимость ограничивалась на расстоянии вытянутой руки.

Девушка не боялась – ей доводилось бывать в местах и похуже. И это ее как-то успокаивало.

Впереди неясно вырисовывалось что-то темное. Вначале девушка подумала, что это очередная игра болотного морока, но темнота имела вполне конкретные, неизменные контуры. Вглядевшись, Илна поняла, что это остров с хижиной.

Наконец каменная колонна, по которой она шла, окончилась, и девушка ступила на твердую сухую почву. Вокруг нее росла нормальная трава, хоть она и отливала нездоровым желтоватым оттенком. То, что она издалека приняла за хижину, оказалось огромным валуном. В нем виднелась бронзовая дверь.

Илна внимательно огляделась по сторонам, но ничего подозрительного не обнаружила. Собственно, она могла немногое разглядеть в этом чертовом тумане, даже размеры острова оставались для нее загадкой. Никакого движения, только время от времени раздавалось бульканье – то ли пузыри болотного газа лопались, то ли лягушки плюхались в воду. И ни малейших следов Мероты и ее похитителя…

Девушка нерешительно прикоснулась к дверной ручке – она была, против ожидания, сухой и ощутимо теплой. Это удивило Илну, хотя и порадовало: внутренне она приготовилась к чему-то мокрому и осклизлому. Девушка усмехнулась и напомнила себе: сюрпризы в подобном месте вряд ли обещают что-либо приятное.

Особо не надеясь, она потянула дверь на себя, и та неожиданно легко подалась. Странно… никаких запоров, одна только ручка. Илна решила, что, наверное, замки существуют, но скрыты от всех, кроме опытных магов.

Вниз вела винтовая лестница, высеченная в скале. Девушка поморщилась – она не любила камень, но не возвращаться же ей по этой причине обратно. Надо спускаться.

Уже на первом витке лестницы она услышала глухой стук, и приток свежего воздуха прекратился. Слабый свет, который падал из-за спины, тоже пропал. Очевидно, дверь захлопнулась сквозняком. Хотелось бы очень верить… На несколько мгновений Илна застыла, прислушиваясь. Напрасный труд: единственным звуком был стук ее собственного сердца, гулко отдававшийся в крови.

И она пошла дальше. Очень медленно: вряд ли стоило спешить к тому, что ее ждало внизу.

Через несколько поворотов внизу замаячил слабый свет. Продолжая двигаться вперед, Илна озадаченно нахмурилась. Тут действительно было чему удивляться: свет больше напоминал обычный дневной, чем желтоватое свечение масляных ламп.

На следующем витке сбоку в скале обнаружилась щель, сильно смахивающая на бойницу в башне – если забыть, что эта башня уходила на сорок футов под землю. Заглянув в отверстие, девушка увидела оживленную улицу города. У нее под ногами люди толпились у

торговых палаток, не спеша прогуливались по площади. Вдоль улицы стояли трехэтажные кирпичные здания, крытые красной черепицей. Из окон выглядывали женщины, перекликаясь с соседками, – так близко, что Илна, стоя на своей лестнице, их могла окликнуть. Женщины выглядели совершенно реальными.

На площади загрохотали копыта – это проезжал отряд кавалерии, над их головами развевалось знамя с черным крабом. Горожане недовольно жались к стенам, уступая дорогу.

Вздохнув, Илна продолжила свой путь вниз. То, что она увидела, очевидно, лежало в далеком прошлом – ведь все люди, снующие внизу, были живы-здоровы.

По пути ей встречались еще «окна»; из них открывался вид то на поля, в которых работали люди, то на море, в котором маневрировала эскадра, то на замковый двор, где дородный мужчина в короне разглагольствовал перед толпой придворных и горожан.

Илна уже не задерживалась. Эти картинки мало интересовали ее, поскольку явно не имели отношения к ее реальности.

Она спускалась уже достаточно долго. Трудно сказать, сколько витков лестницы осталось позади. Илна не потрудилась сосчитать, да и вряд ли была способна это сделать без специальных счетных палочек.

В конце концов она уткнулась в полуоткрытую деревянную дверь, которая вела в темную комнату, но глаза девушки успели уже привыкнуть к полумраку. Света, падающего из окон-щелей, хватило, чтобы Илна рассмотрела вход.

Свободной левой рукой она толкнула дверь и шагнула внутрь. В тот же момент стены сами по себе засветились, и девушка увидела… что попала в сокровищницу.

Илна почувствовала, что у нее захватило дух. С малых лет ей приходилось из кожи лезть вон, чтоб заработать какие-то деньги себе и брату на пропитание. Но не более того… Деньги сами по себе ее не интересовали. Уже позже, когда она приобрела славу искусной ткачихи – на Хафте и за его пределами, Илна, конечно, брала деньги, но ровно столько, сколько стоили ее изделия. Лишнего девушка не брала ни с кого, равно как и не любила переплачивать сама.

Ее не интересовали чужие деньги – зависть и алчность были чужды ей. Илна, вообще, не придавала значения богатству. Но даже она потеряла дар речи при виде несметных сокровищ, разбросанных по комнате. Золотые монеты и драгоценные камни, ожерелья и браслеты, вазы и блюда из золота и серебра… Все это сверкало и блестело в рассеянном белом свете, струившемся невесть откуда.

У девушки вырвался сдавленный смешок. Выходит, это правда – те байки, что рассказывали своим товарищам смутьяны Мастин и Вонкуло. Правда, шансов получить эти богатства у моряков немного. И столь же маловероятно, что открывшаяся перед Илной картина заставит забыть ее о поисках Мероты.

Она еще раз окинула взглядом сокровищницу. Повсюду валялись мешки и горшки с монетами и драгоценностями. Но не они привлекли внимание девушки, среди куч золота попадались менее драгоценные, но более любопытные вещицы. Например, маленький деревянный гробик. Или же странное устройство из медных шаров, соединенных между собой стержнями. А также ослепительный двояковыпуклый диск размером с тарелку… Да чего там только не было – небрежно брошенного на пол, перемешанного с банальными золотыми безделушками.

В углу Илна заметила свернутый в рулон гобелен. Она взялась за него, желая развернуть и рассмотреть получше. Но как только ее пальцы прикоснулись к ткани, перед глазами девушки встала леденящая кровь картина: морские волны, перекатывающиеся через крыши домов; несчастные люди, в ужасе призывающие своих богов на помощь.

Девушка отдернула дрожащую руку, на лице ее застыла мрачная улыбка. О, ткани всегда рассказывали ей свои истории, но немногие делали это с такой ясностью и беспощадностью, как та, что она держала. В который раз Илна пожалела о своем таланте. Отчего-то так получалось, что ее видения почти всегда были трагичны. Но это… Упаси Госпожа увидеть такое наяву: тысячи гибнущих людей; остров, опускающийся в море.

Как только девушка переступила порог, дверь за ней захлопнулась сама по себе. На гладких, будто отполированных стенах Илна разглядела еще несколько малозаметных дверей.

В настоящий момент одна из них распахнулась, пропустив в сокровищницу человека во всем белом, и снова закрылась. Трудно сказать, отчего Илна сразу определила вошедшего как мужчину – никаких явных признаков пола не замечалось, и все же она ни секунды не сомневалась. Это был мужчина, и он воплощал откровенное зло – подобно пауку, раскинувшему свои невидимые сети в ожидании жертвы.

– Добро пожаловать в Йоль, госпожа, – произнес он. – Я не ждал гостей, но тем не менее я рад. Меня зовут Эвис Замптский.

Он поклонился, не отрывая взгляда от лица гостьи. Темные глаза, как угли, пылали на белом лице.

– А я Илна ос-Кенсет, – представилась в ответ девушка. – И я ищу ребенка, который находился на моем попечении. Скажите, это вы похитили девочку?

– Я? – хихикнул Эвис. – О небеса, конечно же, нет! Ни я, ни мои соратники этого не делали. Подозреваю, ваш ребенок у Верзилы. Но он сейчас сытый, так что не беспокойтесь – чрезвычайной опасности нет.

Эвис достал из рукава граненую бусину из слоновой кости и подкинул ее на ладони.

– Кроме того, – уверенно добавил он, – Верзиле нравятся дети. Чего нельзя сказать о взрослых… и особенно о волшебниках.

– Отлично, – сказала Илна, хотя ничего хорошего в сложившейся ситуации она не видела. – Так где же мне найти вашего Верзилу? Он что, дикий зверь?

– О великие боги! – снова рассмеялся Эвис. – Ну как вам сказать… Дикий? Да, пожалуй. И зверское в нем что-то определенно имеется. Хотя я бы не назвал его диким зверем.

Тут он посерьезнел и снова впился своими черными паучьими глазами в лицо девушки.

– И боюсь, госпожа, что я не смогу сказать, где его искать. Видите ли, я и мои коллеги… нам пришлось изгнать его. И теперь он очень зол на нас.

– Но если вы изгнали Верзилу… – задумчиво произнесла Илна. Ей довелось наблюдать столько отвратительных вещей в жизни, что сейчас она вполне могла спокойно рассуждать об этом создании, – … то должны знать, где он. Так скажите мне.

– Ну что ж, тут вы, может быть, и правы, – кивнул Эвис. – Да, мне придется это сделать. Наверняка. Но прежде… Не хотите ли взглянуть на сокровища, которые мы с моими товарищами собрали?

Левой рукой он порылся в куче серебряных подносов и извлек на свет фаянсовую чашу.

– Вот, посмотрите. С помощью этого вы можете вызвать любого человека, – с гордостью сообщил Эвис. – Позовите, и он явится – живой или мертвый.

– Мне нужна девочка по имени Мерота, – упрямо повторила Илна. Ее пальцы сжимали пряжу, свернутую гибкой петлей. Это помогало девушке обуздать гнев, а иначе… – Это все, что мне от тебя нужно, волшебник.

– Вас не впечатлила Чаша Желаний, госпожа? – прыснул со смеху Эвис. – О небеса!

Он поставил на место чашу и подошел к хрустальному диску, который еще раньше заметила Илна.

– Но, может быть, тогда вам понравится эта штучка? Обратите внимание: Линза Рушилы. Она способна показать вам все что угодно в нашей Вселенной. Ни один чародей, какие бы барьеры он ни воздвигал, не способен укрыться от того, кто владеет Линзой Рушилы. Разве не удивительно?

Живя в Эрдине и Вэллисе, Илна видела плоские и гладкие стекла – не в пример тем, что устанавливали в Барке. Но даже они искажали изображение. Тот же кристалл, который она сейчас держала в руках, был абсолютно чистый и прозрачный: создавалось впечатление, будто смотришь просто сквозь воздух.

– Если вы такой могущественный маг, то почему страшитесь своего Верзилы? – спросила девушка. – Скажите мне, где он держит Мероту?

Эвис снова хихикнул, но Илна заметила, что руки у него дрожат, когда он бережно отложил в сторону Линзу Рушилы. Волшебник не переставал подбрасывать на ладони костяную бусинку.

– О… Верзила! – вздохнул он. – Как я уже сказал, он представляет для нас определенную проблему. Дело в том, что мы нуждались в нем…

Эвис вновь бросил быстрый, испытующий взгляд на девушку.

– Да-да, – продолжал он тонким, ядовитым голосом. – В то время он еще был человеком и звали его Кастиган. С помощью колдовства мы изъяли его ярость и использовали ее для создания важного заклинания. Заклинания, которое навеки заточило в темницу нашего наставника Ансалема. Видите ли, госпожа, в таких ситуациях ярость не менее важна, чем кровь…

Илне припомнилась картинка, возникшая перед ней в искрах костра, у которого сидел Вонкуло с товарищами.

– И вы убили ребенка, – догадалась она. – Вы убили его ребенка… у него на глазах!

– Ну, нам пришлось так поступить, – снова гнусно улыбнулся чародей. – Если б Ансалем проснулся, думаю, ему бы все это очень не понравилось. Проблема в том, что теперь мы не можем использовать Верзилу по собственному усмотрению. Понимаете, он перестал быть человеком. Теперь это ярость в чистом виде… и голод.

– С меня довольно, – решительно заявила Илна. – Я ухожу, Эвис-Волшебник. Скажите, где найти девочку.

Она обратила внимание, что его левая рука все еще дрожала.

– Хотите уйти отсюда, госпожа? А вы уверены, что сможете найти дверь?

– Да, – ответила Илна и выставила перед собой белую петлю. Дверь, через которую она пришла, в настоящий момент находилась за спиной у Эвиса. Но девушка уже начинала прозревать канву предстоящих событий, и идти в том направлении ей не хотелось.

– В самом деле так думаете? – вроде бы удивился волшебник. – Что ж, возможно, возможно… Вы мне не оставляете выбора.

Бусина исчезла с его ладони. Он даже не бросал ее – просто освободил, будто спустил с поводка возбужденную гончую.

Илна швырнула вперед петлю. Ее бросок не достиг цели, поскольку свечение, исходившее от граней бусины, окутало девушку легким коконом. Почти неощутимое прикосновение, но Илна чувствовала, как с каждой минутой оно делается все туже и плотнее.

– Ну вот, теперь придется вас убить, – лучезарно улыбнулся Эвис.

* * *

Когда Гаррик с Лиэйн вошли в галерею, выходившую окнами на декоративный пруд, король Валенс Третий играл там в шахматы со своим лакеем. По воде плавали черные лебеди: крылья им обычно подрезали, но откормленные птицы и без того вряд ли смогли бы улететь.

– О принц Гаррик! – воскликнул король. – Всегда рад вас видеть! И прекрасная леди Лиэйн с вами!

– Валенс сильно растолстел, с тех пор как ты снял груз правления с его плеч, – проворчал король Карус, глядя на монарха глазами Гаррика. – Вернее сказать, он сам сложил с себя эти обязанности задолго до того, но раньше его глодала совесть.

* * *

– Я хотел доложить вам о последних событиях, Ваше Величество, – сказал Гаррик, кланяясь королю. Лиэйн сделала грациозный реверанс.

– Надеюсь, не какая-то работа для меня? – нахмурился Валенс. Он резко откинулся на своем стуле слоновой кости, рискуя перевернуться. Лакей, который вскочил при появлении Гаррика, поспешно бросился к своему хозяину, чтобы в случае надобности поддержать его.

– Отнюдь нет, Ваше Величество. Просто я нуждаюсь в вашем совете по некоторым вопросам.

Гаррик постарался придать голосу успокаивающие интонации, а заодно и скрыть собственное раздражение. С тех пор как он занялся государственными делами, юноша постоянно чувствовал себя уставшим, и это часто портило ему настроение.

Идея время от времени встречаться с королем – по крайней мере раз в десять дней – принадлежала Лиэйн. Для большинства орнифольцев королевская власть являлась символом, неотъемлемой частью их жизни – примерно как поклонение Госпоже, Владычице Небесной. Для них Валенс Третий по-прежнему оставался Повелителем Островов, как и двадцать лет назад, когда он только вступил на престол.

Для всех было только выгодно, чтобы Валенс занимался тем, чем он занимался, и пребывал в довольстве. Спросите, чем именно? Да ничем особенно: играл в шахматы, болтал со старыми приятелями и время от времени представительствовал во всем своем великолепии на официальных мероприятиях. Иногда его сопровождал приемный сын и наследник трона – Гаррик скромно стоял по правую руку от Валенса, но народ, скорее всего, его даже не замечал. Они хотели видеть короля! А эти регулярные встречи-советы в покоях короля призваны были предотвратить такую ситуацию, когда Валенс вдруг почувствует себя отодвинутым в сторону и решит снова вернуть себе реальную власть.

– Хотел бы я посмотреть, как он это сделает! – презрительно произнес Карус. Гаррик очень надеялся, что это презрение не проскальзывает в его собственном голосе, во всяком случае, он очень старался. – Он не смог удержать власть, данную ему по праву рождения!

Это соответствовало истине, тут Гаррик не спорил, но проблема-то заключалась в другом. Пусть Валенс не способен править, даже сильно разобидевшись… Но он вполне мог осложнить правление Гаррику и его правительству. Всегда ведь легче что-то саботировать, чем действовать самому.

– Ага, – немного успокоился король. Он снова уселся поудобнее, так что все ножки стула уперлись в пол, хотя и сохраняя некую настороженность во взгляде. – Ну что ж, мне очень приятно в таком случае.

– Реорганизация Орнифола успешно продвигается, Ваше Величество, – сообщил Гаррик. – К настоящему моменту ваша власть установлена практически во всех районах острова. Хотя есть недовольные, но нигде до открытого сопротивления дело не доходит.

Он присел у ног Валенса. Хотя, согласно протоколу, посетители обязаны были стоять в присутствии короля, но Гаррику не нравилось нависать над сидящим. И он, и Лиэйн с Ройясом полагали, что лучше уж незначительно нарушить этикет, чем воплощать скрытую угрозу. Психика Валенса все еще оставалась очень уязвимой.

– Как уже я говорил во время нашей последней встречи, – продолжал Гаррик, – мы достаточно продвинулись в установлении отношений с правителями Сандраккана и Блэйза. С посольством в Эрдин случилась небольшая заминка – команда судна, на котором плыл лорд Тадай, взбунтовалась и высадила его на необитаемом острове. Но теперь все в порядке, их спасли, и путешествие возобновилось. Надеюсь, теперь более успешно.

– Тадай пропал? – нахмурился король. – Я не слышал об этом. Вы рассказывали мне, что ваша сестра, леди Шарина, похищена. Я очень хорошо помню!

Гаррику понадобилось несколько мгновений, чтобы справиться с нахлынувшими чувствами. Он мучительно закашлялся. Лиэйн, видя, как надулись у него вены на лбу, поспешила вмешаться:

– Вы совершенно правы, Ваше Величество: леди Шарину унесла птица. Неприятный

инцидент с лордом Тадаем случился позднее… но теперь уже все наладилось.

– От души надеюсь, что с Шариной не случилось ничего плохого, – высказался король. Взгляд его уткнулся в шахматную доску, и он озадаченно заморгал, будто видел ее впервые. С Валенсом вообще трудно было сказать наверняка, как много из сказанного оседало в его памяти. – Очень красивая девушка. Я бы сказал, настоящая принцесса, не правда ли?

– Истинная правда, Ваше Величество, – согласился Гаррик, заставив себя улыбнуться. – Наш друг, мастер Кэшел, отправился на ее поиски. Я очень верю в его способности… так же как и в способности Шарины, если на то уж пошло. С ней все должно быть хорошо.

Не имея никаких известий о сестре и друге, Гаррик на самом деле очень беспокоился. Он многое дал бы, чтоб испытывать такую же уверенность, какую демонстрировал в разговоре с королем. Самым успокаивающим доводом являлось соображение, высказанное Теноктрис: девушка похищена с определенной целью… если, конечно, эта цель не была сугубо гастрономическая.

– Вы уже упоминали этого Кэшела, – заинтересовался король. – Он что, не благородного происхождения?

– История рождения мастера Кэшела покрыта мраком, – снова вступила Лиэйн. – Наша знакомая волшебница, леди Теноктрис, полагает, что, возможно, Госпожа послала его вам в качестве поддержки в этот трудный период.

Гаррик бросил удивленный взгляд на девушку, но тут же совладал с собой, от души надеясь, что Валенс ничего не заметил. Слова Лиэйн, скорее всего, имели целью отвлечь короля от неприятного хода мыслей… тем более что дело касалось их друга Кэшела.

– В самом деле? – удивился Валенс. – Я не знал этого. Мне мастер Кэшел всегда казался… как бы это сказать. Несколько провинциальным, что ли.

Теноктрис не верила в богов: ни в конкретных сверхчеловеков, сидящих в храмах, ни в абстрактную идею так называемой Судьбы, Рока и прочее и прочее. Совершенно невероятно, чтоб она определила Кэшела как подарок богов… уж, во всяком случае, не такими словами. И, тем не менее, Гаррик отдавал себе отчет, что ни он сам, ни Королевство Островов не выжило бы в последние месяцы без помощи и поддержки его друга.

– О Ваше Величество, лишь немногие способны разглядеть за маскировкой истинное лицо Кэшела, – продолжала гнуть свою линию Лиэйн. Не столько словами, сколько мягким, увещевающим тоном она воздействовала на Валенса, предотвращая назревающий приступ раздражительности. – Леди Теноктрис как раз одна из таких людей. Ну, и леди Шарина, конечно, тоже…

– Ага, ясно, ясно, – важно покивал король. Валенс казался просто идеальным монархом, когда он находился в спокойном, умиротворенном состоянии, но как же мало требовалось, чтоб вывести его из себя. А уж когда король Валенс впадал в расстройство, тут уж он превращался в форменного нытика и труса. – Конечно, леди Шарина должна его знать.

Из соседней с галереей комнаты доносился невнятный шум голосов. Лиэйн оглянулась, затем поймала взгляд принца и сделала ему незаметный знак.

– Сожалею, что помешал послеобеденному отдыху, Ваше Величество, – произнес Гаррик, подымаясь на ноги и делая шаг в сторону двери. – Но я считал своим долгом информировать вас о позитивных изменениях в обстановке.

– Вам надо уже идти, – отозвался Валенс, и в голосе его прозвучали грустные нотки. – Я понимаю.

Юноша низко поклонился. Вместо того чтобы отпустить посетителей и вернуться к прерванной игре, Валенс неожиданно произнес:

– Ли вправду был у Каменной Стены, юноша. Сегодня это уже кажется невероятным – будто происходило с кем-то другим. Но я хорошо помню атаку сандракканской кавалерии и свою мысль: настал мой последний час. А может, я на самом деле умер там, Гаррик?

Юноша внимательно посмотрел на старика, на этот раз действительно посмотрел. И возможно, впервые увидел перед собой человека, а не скопище причуд и капризов, которые ему, принцу Гаррику, приходилось обуздывать в интересах государства.

– Нет, Ваше Величество, – ответил он. – Вы не умерли там. Вы являетесь тем стержнем, на котором все держится. Ройяс, Теноктрис и все мы только пытаемся подогнать спицы к вашей оси… Вы нужны нам, сир. И, что главное, нужны королевству.

– Вы и в самом деле так думаете? – Король просветлел лицом, подобно даме, которой сделали комплимент по поводу удачной прически. – Может, вы и правы. Держите меня в курсе, принц Гаррик.

Гаррик снова поклонился и попятился. Так, спиной, он и дошел до выхода и развернулся, лишь когда слуга закрыл за ним дверь.

Он очутился в полукруглом приемном покое с расставленными по дуге скамейками и низкими столами. Стены вместо гобеленов были покрыты фресками в красноватом тоне. Отдельные панно разделялись колоннами, а увенчивались каким-нибудь мифическим животным.

Здесь Гаррика поджидала Теноктрис. Она стояла у стены со сложенными руками, от двери казалось, что золотой гиппогриф запутался в ее седых волосах. Она с улыбкой приветствовала друзей, но видно было: что-то ее тревожит, и весьма основательно.

– Это и так ясно, – заметил Карус. – Иначе она бы не оторвала тебя от беседы с «королем».

Кроме Теноктрис в зале присутствовали гвардейцы – явившиеся с Гарриком и те, что отвечали за безопасность Валенса. Небывалая толпа по меркам последних пяти лет, когда король, теряя власть, все больше превращался в отшельника. Люди обычно избегают неудачников, очевидно, подсознательно считая поражение заразной болезнью.

Сегодня в этих залах не было недостатка в посетителях – состоятельные горожане стремились встретиться с королем. Идя навстречу желаниям своих подданных, тот регулярно давал званые обеды – это входило в его официальные обязанности, но душой отдыхал в шахматных партиях со своим лакеем. Должно быть, пять лет забвения его кое-чему научили.

– Я исследовала мост, – тихо сказала Теноктрис, когда ее друзья подошли к ней. – Собственными силами.

Кровавые Орлы с бесстрастными лицами образовали полукруг между троицей и всеми остальными присутствующими. Хорошие солдаты всегда серьезно относятся к своим обязанностям – даже в королевском дворце.

– Получилось? – спросил Гаррик. – Ведь нам же не удалось добыть…

Слабая улыбка тронула губы Теноктрис.

– Если б у меня была Линза Рушилы, я бы узнала больше и с меньшими затратами. Но даже я – со своими слабыми способностями – способна на удивительные открытия в непосредственной близости от моста. Он сконцентрировал в себе невероятное количество энергии.

Лицо волшебницы застыло.

– К сожалению, это отняло у меня много сил. Последние шесть часов я проспала как убитая. А сюда пришла, потому что боялась еще больше задерживать информацию. Дело в том, что нам грозит вторжение с Йоля.

– Но, Теноктрис, остров Йоль ведь затонул тысячу лет назад, – удивилась Лиэйн. – И все, кроме тебя, погибли.

– Я помню это, девочка, – ответила волшебница, улыбкой смягчая резкость отповеди. – Но кто-то поднял Йоль со дна моря. Подозреваю, один из учеников Ансалема. Или же все они вместе – что еще более вероятно. Но сейчас не о том речь.

Теноктрис вздохнула и на мгновение показалась совсем слабой и хрупкой.

– Люди, возродившие Йоль, колдуны, – сказала она. – Они оживили и всех мертвецов Йоля. Мы и сами их видели, когда возвращались из Алэ.

– Так они были реальны? – спросил Гаррик. – Я имею в виду, они существуют в нашем времени?

– Да, – ответила волшебница, – боюсь, что так. Рано или поздно они используют призрачный мост для переброски войска прямо в Вэллис. И это еще не самое страшное.

Гаррик почувствовал, как Лиэйн сжала его руку. Ее прикосновение неожиданно успокоило юношу и влило в него новые силы. Повинуясь минутному порыву, он потянулся к Теноктрис, переплел с ней пальцы.

– Мы сумеем победить Йоль, – сказал он, и король Карус в его душе мрачно возликовал.

– В этом я не сомневаюсь, – улыбнулась Теноктрис. – Но если мост останется и если эти колдуны столь могущественны, как я подозреваю, то они не ограничатся одним Нолем. Ты когда-нибудь задумывался, насколько число мертвых – за все минувшие века – превышает число ныне живущих?

– О! – Гаррик кивнул и невольно вспомнил, как несколько минут назад наблюдал тот же жест у Валенса. Это воспоминание вызвало у него слабую усмешку. Никогда не забывай, что ты всего-навсего слабый человек, такой же как все остальные…

– Выходит, надо срочно что-то делать с мостом, – сказал он. – Я поведу армию в Клестис. Если мост сможет выдержать материальные тела на себе, мы пройдем по нему и освободим Ансалема, разбив стены его темницы.

– Очень в этом сомневаюсь, Гаррик, – вздохнула волшебница. – Мне так хотелось бы ошибаться… ведь ничего лучшего я предложить не могу. Ни я, ни Ансалем – судя по твоим снам.

* * *

Некоторое время Шарина изучала фрески на стенах гробницы, прежде чем у нее наступило озарение, и она осознала смысл изображения.

– Далар, – вскликнула девушка. – Это не просто картинки, здесь рассказана целая история.

Камень у них над головой заскрипел. При помощи рычага гулям удалось расщепить его, и вниз полетел большой обломок. Он мячиком подпрыгнул на полу и скрылся в дыре. Несколько мгновений спустя до них донесся какой-то вязкий всплеск.

Шарина снова вернулась к стенам. Возня наверху заставила ее внимательно оглядеться, загородившись рукой от обломков. Ей стало страшно…

– Они не слишком-то продвинулись, – тихо успокоила ее птица. – Я-то вначале подумал, что им удалось сломать крышу.

– Я тоже, – отозвалась девушка. Она все еще собиралась с силами, чтобы попытаться протиснуться сквозь змеиный ход. Это было неизбежно – все лучше, чем сражаться с толпой разъяренных гулей.

Рисунки на каждой из стен располагались в четыре колонки, читать их полагалось сверху вниз. Змея при своем движении стерла нижнюю часть рисунков – тех, что не в углу. Сырость довершила дело, погубив большие куски штукатурки. Но все равно Шарине удалось довольно связно восстановить историю, рассказанную во фресках. Она указала на картинки острием ножа.

– У народа Роконара свое представление о живописи, не такое, как у вас, – сказал Далар. Он склонил голову набок, будто пытаясь поймать изображение в фокус, затем безнадежно кудахтнул. – Наши художники смешивают краски с целью возбуждения определенных эмоций. То, что я вижу здесь, представляет собой мазню, недостойную кисти самых зеленых из наших цыплят.

В этот момент наверху раздался торжествующий вопль нескольких гулей одновременно. Каменная плита застонала и с тяжелым грохотом отлетела. Шарина и Далар замерли в напряжении.

Крыша выглядела такой же неприступной, как и прежде. Раздался скрежет, а за ним последовал вой одного из монстров. Спустя несколько мгновений он стих, перейдя в жалобное скуление.

– Кто-то поднял ношу не по силам, – прокомментировала Шарина с усмешкой. – Эти твари не слишком-то смышленые…

Угловые плиты провисли, разом увеличив освещение в гробнице.

– Но зато сильные, – вздохнула девушка, – и быстро учатся.

– Тем не менее, время у нас еще есть, – молвил Далар. – Объясните мне рисунки, госпожа.

И он разразился кудахтающим смехом.

– Знаете ли, я решил отложить последний акт трагедии – свою смерть на потом, – добавил он. – Подозреваю, эта публика все равно не в состоянии следить за сложностями интриги.

Улыбнувшись, Шарина начала объяснять:

– Вот это волшебник. Видишь, он пришел в город – предположительно Валхокку – по волнам в круге красного света.

– Вот эти заборчики обозначают волны? – удивился Далар. – Поразительно. Я тридцать дней провел в окружении волн и ни разу не видел ничего похожего.

– Это условность, – отмахнулась девушка с некоторой обидой. Затем рассмеялась. – Моя подруга Лиэйн лучше бы тебе все объяснила. Уверена, она изучала изобразительное искусство в Академии госпожи Гудеа для девушек. Мой-то отец делал упор больше на литературу.

– С нетерпением жду встречи с вашей подругой, – серьезно заметила птица. Плиты над их головой снова заскрипели, затем с грохотом встали на место, породив целый ливень грязи и мелких камешков. Но Шарина уже не обращала на это внимания.

– Этот волшебник совершал различные поступки, – продолжала она объяснять, указывая острием ножа. – Некоторые – весьма неприятные, другие и того хуже.

Фрески были выполнены яркими красками на белом фоне. Они не отличались тонкостью изображения, но сцены, где детей варили заживо в кипящей смоле, и не требовали особой утонченности.

– Тогда горожане выследили и изловили волшебника, – Шарина обернулась к правой стене. – Не могу сказать, как именно его обнаружили, – это, должно быть, на той части, которая утрачена. Но дальше его пытали перед судом… хотя нет, человек в центре – это, наверное, Морской Повелитель Кордина. Женщины по обеим сторонам от него представляют собой аллегорическое изображение островов Шенги и Тизамура, которые находились в то время под властью Валхокки.

– Это женщины? – искренне удивилась птица. – Но если они действительно женщины, как они могут одновременно быть островами?

– Ну, в сознании живописца, это сливается воедино. – Жалкое объяснение, но лучше придумать Шарина не могла. – И зрители – если они умели читать картину – это понимали.

– Но какие зрители, госпожа? – резонно спросил Далар. – Ведь сюда же никто не мог войти?

Каменная плита издала визгливый скрип, скользнув в сторону. Затем глухой удар, и движение прекратилось. Но теперь в гробницу хлынуло еще больше света.

– Думается, это задумали как предупреждение взломщикам, – ответила девушка, изучая следующие фрагменты фрески. – Ну, знаешь, охотникам за сокровищами.

Мотивы гулей были куда примитивнее, и живопись значила для них не больше, чем для Далара.

– Затем волшебника при большом стечении народа обезглавили… видишь, вот здесь, в морском порту, – рассказывала Шарина. – Тело рассекли на куски, сложили в тяжелый сундук и утопили в море. Спустя одну… так, здесь нарисована луна – не знаю, что это означает: одну ночь или один месяц. Так вот спустя этот промежуток времени волшебник вновь всплыл в порту Валхокки. Его тело снова срослось, но не так, как полагалось бы.

Девушка перешла к следующей колонке. Здесь света было меньше, но даже такое освещение позволяло разобрать изображение.

– Он убивал всех, кто попадался по пути, и – поглощая их тела – сливался с ними. Ему навстречу вышли солдаты, они попытались атаковать то существо, в которое превратился волшебник. Смотри, их оружие разрывает его тело, но куски снова соединяются и разрастаются, поглощая несчастных солдат.

Следующая стена оказалась сильно поврежденной. Шарина запнулась, пытаясь разобраться в сохранившихся фресках.

В этот момент в отверстие над ней всунулась когтистая лапа и принялась шарить в поисках жертвы. Резким движением Далар метнул вперед одну из гирек, которая описала дугу и с хрустом вонзилась в запястье монстра. Вопль гуля эхом отразился от расписных стен гробницы. Лапа дернулась и исчезла.

– Существо все увеличивалось в размерах, – вернулась к своему рассказу Шарина. – Теперь, если судить по картинкам, оно достигало сотни футов в высоту и было похоже на гигантскую медузу. В верхней части тела имелись щупальца, которыми чудовище и крушило все подряд. Жители города бежали в панике, но существо их не преследовало. Оно переключилось на здания…

Плиты над их головой продолжали шевелиться. Открылся еще один кусочек неба, но светлее не стало, так как снаружи уже наступали сумерки.

– Наверное, нам пора, госпожа, – произнес Далар.

– Погоди минутку! – с досадой отмахнулась девушка, она с головой погрузилась в изучение ужасной истории в картинках. Затем, более спокойно, продолжила: – На какое-то время чудовище осталось одно на развалинах города. В округе уже не осталось ничего, что бы можно было съесть, поглотит! Процесс приостановился. Существо съежилось, уменьшилось в размерах, но не умерло. В конце концов, толпа мужчин окружила его и накинула на него сети. Пойманного монстра бросили в колодец… вернее, не в колодец, а в естественный провал в известняке. А сверху выстроили гробницу, вот эту самую, – так, чтобы чудовище не могло вырваться наружу снова начать пожирать все подряд.

Наверху раздался дружный вой. Гулям удалось сорвать одну из плит, две другие свесились внутрь помещения, зацепившись концами друг за друга. Похоже, скоро вся крыш могла рухнуть.

– Госпожа! – крикнул Далар. – Надо уходить! Шарина провела пальцами по волосам, удаляя грязь и обломки, нападавшие с крыши.

– Я пойду вперед! – решила она. Вытянув перед собой руки, крепко сжимая нож, она принялась ввинчиваться в змеиный лаз.

Нависавшие камни обдирали ей плечи, но зато земля внизу – достаточно сырая и мягкая – облегчала передвижение. Девушка продиралась, корчась и извиваясь, упираясь локтям в стенки.

Ей нечем было дышать. Шарина решила, что это просто следствие паники, охватившей ее в тесном пространстве. Она решительно оттолкнулась ногами от пола гробницы.

Да нет же! Это не иллюзия – она действительно не могла дышать. Никакое осознание не могло превозмочь ужас, который зарождался на уровне спинного мозга.

– Далар! – закричала девушка, и голос ее напоминал приглушенное ворчание. Шарина активно заработала локтями, пытаясь продвинуться обратно. – Здесь нет прохода. Туннель заблокирован…

Что-то коснулось ее руки. Не соображая, что делает, девушка резко дернула головой. При этом она сильно ударилась о каменный потолок норы и закричала. – Змея проползла по моей руке!

Однако это оказался всего-навсего змеиный язык. Хозяин гробницы возвращалась к себе домой.

Шарина изо всех сил засучила ногами, пытаясь выбраться обратно. Через несколько нескончаемых мгновений ее тело рухнуло на грязный пол гробницы. Здесь ничего не изменилось к лучшему. Вечернее небо проглядывало уже в десятках проломов, до падения крыши оставались считанные минуты. Далар отскочил к противоположной стене и смотрел

на свою ободранную, перепачканную хозяйку.

– Там змея! – едва выдохнула девушка. – Она ползет сюда!

Бросив отчаянный взгляд наверх, Шарина попыталась оценить, что сейчас произойдет: рухнет вся крыша или же гули наконец проделают себе достаточно просторный проход. Она уже видела их огромные нелепые фигуры, маячившие над головой. Может, если Далару удастся накинуть свою цепь на конек крыши, им удастся опередить монстров и выкарабкаться наружу. Дохленький шанс, но другого у них попросту не было.

– Далар… – позвала девушка, оборачиваясь.

Птица стояла у стены, скованная ужасом – карикатурное чучело ее ловкого, подвижного телохранителя. Далар не отрываясь смотрел в туннель.

Сначала в полумраке гробницы затрепетал змеиный язык, затем показалась клиновидная голова размером с Шариниу грудную клетку. Пятнистая тварь вползала в тесное помещение.

Взгляд змеи сфокусировался на птице. Шестифутовая шея изогнулась в воздухе – так что голова оказалась на уровне лица Далара. Змея готовилась к нападению.

Сжимая в обеих руках пьюльский нож, Шарина со всей силы обрушила сокрушительный удар на спину рептилии, перерубая мышцы, поддерживающие голову со смертоносными зубами. Мгновенно нижняя челюсть змеи отвисла, и тело рухнуло на пол, заполнив чуть не все внутреннее пространство гробницы.

Шарина оказалась прижата к стене. Она сидела, ничего не видя в облаке пыли, поднявшейся от штукатурки. Кольца змеиного тела перекатывались по ней, хлестали по стенам. Длина твари впечатляла – не менее сотни футов.

В какой-то момент девушке даже показалось, что агонизирующая змея удушит ее, похоронит под своим телом. Далара она не видела: очевидно, он оказался запертым в противоположном углу гробницы и не в лучшем положении. Вот бы посмеялась эта гадина, если б ей удалось таким образом поквитаться со своими убийцами.

И вдруг давление чешуйчатой массы ослабло. Голова змеи угодила в центральное отверстие, и теперь вся туша скользила вниз. Закон гравитации спас жизнь Шарине: именно сила тяжести сбросила с нее чуть ли не центнер змеиного веса – что было не под силу никакому человеку.

И вот, наконец, промелькнул хвост – удивительно узкий при такой толщине туловища, промелькнул и скрылся в отверстии. Девушка сидела, по-прежнему сжимая в руке пьюльский нож, хотя ни за какие сокровища мира сейчас не смогла бы поднять его. Туннель расчистился, но слишком поздно… Шарина не находила силы не только подняться на ноги, но даже и проползти пару ярдов.

Тем временем еще две плиты слетели с крыши, а три упали внутрь. Одна из них едва не придавила ногу Шарины. Раздался победный вой, и первый гуль свалился в пролом.

Далар находился в футе от него. Он попытался замахнуться, чтобы метнуть вперед свое оружие… бесполезная затея на таком малом расстоянии.

И в это страшное мгновение из отверстия в центре пола – в ореоле красного магического свечения – показалось новое действующее лицо. То самое мифическое существо в пульсирующей полупрозрачной оболочке.

Гуль уже занес лапу над Даларом и теперь со всего размаха обрушил ее на светящуюся плоть. Лучше бы он этого не делал! Нет, его когти оставили три глубокие царапины на теле существа, но взамен взметнулись десятки щупальцев – или, может, жгутиков? – они обхватили гуля и утащили в недра желеобразного тела.

Сопротивляться было бесполезно. Шарина видела, как напрягалось тело гуля, но длилось это очень недолго. Практически сразу крик замер в перехваченном горле монстра. Борьба закончилась…

Еще один гуль прыгнул вниз. Чудовище поймало его прямо в воздухе: изогнувшееся дугой тело мелькнуло и исчезло. Первый гуль за это время успел полностью раствориться внутри полупрозрачной массы.

Существо заметно подросло. Теперь верхняя часть его оболочки (Шарина, хоть убейте, не могла назвать лиловую шишку наверху головой) уже касалась провисших каменных плит.

Еще несколько мгновений, и крыша буквально взорвалась, разнесенная этой разбухающей массой. Так упорная поганка прорывает каменное покрытие и вылезает наружу после живительных летних дождей. Щупальца метнулись в разные стороны и ухватили еще несколько гулей, топтавшихся на крыше гробницы.

Шарина окаменела от ужаса. В противоположном углу стоял коленопреклоненный Далар: он тоже напоминал статую с двигающимися глазами. Но теперь в его глазах страха не было.

Чудовище объяло своей мантией верх здания и всосало в себя каменные стены, оголив центральное отверстие. Слизистая колонна, служившая ему ногой, скользнула поверх остатков стены, наступила на кучу камней, когда-то служивших крышей.

Два первых гуля уже растворились в мерцающей плоти существа, остальные таяли на глазах – так исчезает снег на поверхности горячей печки. Треск верхушек деревьев отметил путь чудовища через лес.

Шарина наконец перевела дух. Все тело сотрясала дрожь, но силы – как ни странно – вернулись к девушке.

– Теперь мы можем уйти, – послышался слабый голос Далара, он уже успел подняться на ноги. – Думаю, лучше поторопиться.

Солнце закатилось уже с час назад, а луна еще только собиралась взойти. В полутьме Шарина увидела, что все фрески облетели вместе со штукатуркой. Но вместо грубых камней на месте стены обозначилась едва заметная голубоватая рябь.

– Погоди, – прошептала она. По крайней мере, губы ее сделали такую попытку… Услышал ли ее Далар, осталось непонятным.

Прямо перед ней за столом сидел Дракон, устремив на нее немигающий взор. Эти холодные глаза напомнили девушке погибшую змею, и руки снова затряслись.

– Ты в порядке, Шарина? – прозвучал вопрос. – В состоянии продолжать путь?

– Я жива, – ответила та и неожиданно для себя улыбнулась. – Но боюсь, это ненадолго, если мы останемся дожидаться возвращения хозяина этой гробницы.

– Ах да, ты имеешь в виду Омквата, – безгубые челюсти рептилии выдали Шарине уже знакомый эквивалент улыбки. – Он не был человеком, хотя имел определенное сходство, когда впервые появился в Валхокке. Он доберется до развалин города и останется там. Пройдет несколько дней, вся береговая линия окажется затопленной. А Омкват снова попадет на дно морское, где ему и надлежит находиться.

Шарина с трудом поднялась на ноги.

– И все же мне бы хотелось как можно скорее покинуть это место, – произнесла она. – Хотя… Далар, а ты как считаешь?

Взгляд птицы быстро метнулся к девушке и снова вернулся на то самое место, которое ему виделось просто куском голой стены.

– Я пойду тогда и туда, когда и куда будет угодно моей хозяйке, – пожал он тощими плечами. – Но если бы это зависело от меня… – послышалось веселое кудахтанье, – то я бы бежал отсюда так скоро, как можно. Или еще скорее.

В голове Шарины раздался смех Дракона.

– Выход отсюда лежит на дне колодца, – сказал он, – того самого отверстия в центре гробницы, где был заточен Омкват. Его поместили под большой камень – так сказать, дополнительная страховка. Кстати, совершенно излишняя, у колодца достаточно большая глубина. Вы перевернете камень и пролезете в отверстие под ним.

– Какова глубина колодца? – спросила девушка. Она чувствовала себя на удивление хорошо – наверное, наступила своеобразная эйфория после пережитого стресса.

– Тридцать с половиной футов, – ответил Дракон, и изображение стало меркнуть. До Шарины донесся его прощальный шепот: – Подождите, через несколько минут выйдет луна и все осветит.

– Нам все равно нужно время для подготовки, – сказала девушка, больше себе, чем погасшему изображению. Затем обернулась к своему спутнику: – Далар, нам потребуется лиана длиной тридцать футов, чтобы спуститься на дно колодца, где находится выход из этого мира. Даже думаю, не тридцать, а побольше: надо ведь еще обвязать лиану вокруг каменных плит. Лично я сейчас не рискну спускаться в колодец без страховки.

– Присоединяюсь, – поддержала ее птица. – Хотя если б передо мной стоял выбор: закрыть глаза и прыгнуть вниз или остаться здесь, то я бы лучше прыгнул.

Он сам себя прервал смехом.

– Не слишком честно так ненавидеть место, где мне так неожиданно спасли жизнь. Думаю, такую неблагодарность мне еще придется отрабатывать в следующей жизни.

Тем временем над верхушками деревьев показался серп молодой луны. Далар отыскал подходящую ползучую плеть толщиной в большой палец, протянувшуюся аж на верхушку кедра. Шарина перерезала стебель у основания, а затем они с Даларом битый час выпутывали ее из ветвей дерева.

– Дракон пообещал, что эта тварь не вернется обратно, – пробормотала девушка, когда они тянули лиану к развалинам гробницы. – Но я все равно буду рада убраться отсюда.

– Ятоже, – отозвался Далар. – Сдается мне, что ни этому монстру, ни гулям не понравится тот факт, что мы остались в живых.

Шарина закрепила их живую веревку вокруг достаточно увесистого каменного блока. На глазок его вес вдвое превышал вес девушки – этого должно хватить. Узлы завязать на такой грубой плети было затруднительно, но Шарина дважды обмотала ее вокруг камня и решила надеяться на лучшее.

Далар решил спускаться первым, он уже стоял у отверстия: в одной руке боевая цепь, другой держится за лиану.

Девушка с тревогой наблюдала, как та трется о каменный край колодца. Наконец снизу долетел гулкий крик птицы:

– Я уже на дне!

После этого Шарина начала осторожно спускаться, перебирая лиану руками и упираясь ногами в стенку колодца. В принципе их самодельная веревка, наверное, могла бы выдержать обоих. Но Шарина благоразумно решила избежать излишнего риска: довольно и того, что неизбежно.

Примерно на середине колодец сужался чуть ли не вдвое. Девушка едва не застряла в каменном мешке и с тревогой посмотрела вниз: увы, в темноте ничего было не разглядеть. «Наверное, Далар предупредил бы меня, если б внизу оказалось слишком тесно для нас обоих».

Наконец стало посвободнее, и спуск пошел веселее. Здесь, внизу, вода, насыщенная продуктами гниения, подточила каменные стенки, как кариес основание зуба. Лиана закончилась, ноги Шарины повисли в воздухе. Затем Далар подхватил ее и помог преодолеть последние несколько футов. Пальцы птицы были ощутимо теплее человеческих.

Девушка ступила на землю, практически ничего не видя, и почувствовала, как под ее ногами захрустели кости. Старые кости.

– Это скелет человека, – спокойно пояснил Далар, – череп лежит в другой стороне. И никаких признаков змеи.

Хихикнув, добавил:

– Не то чтобы я жаждал снова встретиться с ней…

– Или с тем, что ее пожрало, – закончила за него Шарина. – Но надо отдать должное: не появись он вовремя, вряд ли нам удалось уцелеть. Омкват спас нам жизнь.

Даже в полной темноте девушка нимало не сомневалась: каменная плита, которую она нашарила в центре колодца – это именно то, что им надо. На ощупь все ее поверхности казались гладкими, обтесанными – все, за исключением одной. Создавалось впечатление, что этот кусок отломали от какого-то большего камня.

– Сиденье от трона! – осенило Шарину. – Далар, это же вторая половина того камня,

который мы вынули из фундамента в Валхокке. Хотя вряд ли это важно.

– Ха! Дабы понимать, что важно, а что неважно в этом деле, – хмыкнул ее охранник, – требуется намного больше ума, чем у меня в наличии.

– Думаю, если мы вместе потянем ее на себя… – предложила девушка. Она ухватилась обеими руками за один конец плиты и подождала, пока Далар займет позицию со своего конца.

Они навалились совместными усилиями. Какое-то время ничего не происходило – камень лежал, как приколоченный. Но затем, когда Шарина готова была уже сдаться, плита чуть-чуть сдвинулась и свободно соскользнула с места, где пролежала целое тысячелетие. Под ней обнаружилось углубление, в котором плескалась вода.

Видать, здесь – под гранитной крышкой – веками собиралась влага, сочившаяся из земли. Кто его знает, насколько глубокая образовалась полость.

– Чур, я первая.

Девушка задержала дыхание на краю колодца. Отверстие едва позволяло ей протиснуться, и Шарине пришлось уговаривать себя, что это действительно портал в другой мир. Если внизу обнаружится просто-напросто глубокая расселина, то это будет не самая приятная смерть.

– Далар, – спросила она, прежде чем шагнуть в колодец, – а ты жалеешь, что тебе не хватило ума прогнать меня там, на площади в Валхокке?

– Нет, Шарина, – серьезно ответила птица. – Это единственная вещь в моей жизни – я имею в виду после злополучного шторма, – о которой я не жалею.

Усмехнувшись, девушка спрыгнула вниз.

* * *

– Надеюсь, с Элфином все в порядке, – идя по лесу, вслух размышлял Кэшел. – Скорее всего, мы не слышим его пения из-за густой листвы. Хотя, ты знаешь, мне бы хотелось, чтобы он шел с нами.

Деревья в лесу отличались от тех, к которым юноша привык у себя дома. Стволы их покрывала не кора, а тонкая зеленая кожица, листья же выглядели чересчур крупными: самые маленькие размером с его ладонь, а попадались и вовсе великаны. Местами с веток свешивались гроздья мелких голубых и белых цветов. На других деревьях возвышались какие-то белые пушистые конусы.

Все вокруг буквально сочилось влагой. Причем Кэшел не мог разобрать, то ли это моросит мелкий, частый дождик, то ли сам воздух пропитался водой. О Дузи! Капало отовсюду – даже у него с носа и с металлических наконечников посоха!

– Тебя волнует Элфин? – проворчал демон. – И совершенно напрасно! Чем беспокоиться об этом подменыше, лучше бы подумал о себе, пастух. Ты даже не представляешь, какие опасности поджидают тебя в Подземном Мире!

Кэшел задумался над его словами.

– Знаете, мастер Криас, мне не хотелось бы быть человеком, который беспокоится только о себе самом, – сказал он наконец. – Я знаю много таких людей, и они мне не нравятся. Во всяком случае, я не хотел бы жить с ними рядом. А от себя ведь, как вы понимаете, не убежишь…

В ответ на эту глубокомысленную тираду демон лишь презрительно фыркнул.

– Если все же Элфин появится, – продолжал он, – то я бы на твоем месте размозжил ему голову этой деревяшкой. Или передал его в мои умелые руки. Пойми, он всю жизнь провел здесь, с Лесными Людьми… и это уже не человек. Причем я вовсе не хочу сказать, что он стал глупым, как овца!

– Знаешь, я не очень-то большое значение придаю месту, – сознался Кэшел, – но вообще-то мне доводилось бывать в таких местах, куда бы я ни за что не хотел вернуться.

Тут он хохотнул и добавил:

– Кстати, не могу припомнить, чтоб хоть где-то было так мокро, как здесь. Если не считать, конечно, море или речку.

– В вашем мире правит Солнце, – наставительно произнес демон кольца. – Возможно, не везде и не всегда… и уж конечно, не всецело единолично. Но, тем не менее, там власть принадлежит Солнцу, а здесь – в такой же степени – Малкару.

В этот момент две птицы сорвались с неестественно зеленых ветвей и тяжело полетели сквозь висящую в воздухе морось. Наверное, им так же не нравилась погода, как и Кэшелу. Одна из них смахивала на сову, а вторая – на орла или очень крупного ястреба. У обеих из клюва свисали клочья темной плоти.

Кэшел рассеянно проводил их взглядом, раздумывая над тем, что сказал Криас.

– Выходит, мастер Ландур здесь, в Подземном Мире, сражается с Малкаром? – спросил он затем.

Сквозь шорох листьев под ногами ему показалось, что он снова слышит звуки лиры. Хорошо, все-таки, что у Элфина серебряные струны. Обычные растягиваются, как слова правды на устах у дядюшки Катчина.

– Благодаря тебе, пастух, – огрызнулся демон, – Ландур сейчас удобряет почву в лесу. И это единственное, что он делает. Если же говорить о прежних временах, то и тогда Ландуру хватало ума не вступать в схватку с Малкаром. Он занимался в основном тем, что удерживал здешних монстров в пределах Подземного Мира. То есть мешал им вторгаться в реальный мир.

– А разве он не мог… ну, улучшить, что ли, положение вещей здесь, внизу? – спросил Кэшел. – Если б постарался?

– Ты что, меня не слушаешь? – заверещал Криас. – Я же тебе рассказываю о существующем равновесии между Солнцем и Малкаром, между Светом и Тьмой. Одного без другого не бывает, надо просто держать их подальше друг от друга!

Ага, решил Кэшел, типа как Илна обходится со своими узорами. Смешай она все нити вместе, и получится грязно-серый цвет. Хорошая пряха никогда так не поступает!

– Мастер Криас? – У юноши возник еще один новый вопрос. – А кто складывает узоры? Ну, я имею в виду: кто планирует победу добра или зла?

Он не привык рассуждать о Солнце и Малкаре или даже о свете и тьме. Это все понятия для ученых, наподобие Теноктрис, задача которых – всесторонне рассматривать вещи. Кэшел же не ученый. Он простой пастух, и если что-то угрожало его стаду – или его друзьям, его миру – то он, не мудрствуя, называл вещи своими именами: зло и есть зло.

– Узоры? – переспросил демон. – Да нет никаких узоров, пастух. Тут уж как выпадет!

– Но вы же сами толковали мне про равновесие, мастер Криас, – настаивал на своем юноша. – А равновесие не может складываться случайно. Иначе бы людям в деревнях не приходилось столько трудиться. Так вот, я спрашиваю: а кто хранит равновесие в мире? Или, может, даже равновесие всех миров?

– Ты несешь чушь! – взвился Криас. – Ты что же, хочешь, чтобы я воздвиг алтарь Госпоже – здесь, в своих вместительных апартаментах?

– Нет… но думаю, мне не помешает принести скромные подношения Пастырю во время следующей трапезы, – задумчиво произнес Кэшел. – Раньше я всегда за обедом крошил немного хлеба и сыра для Дузи. Вот только не знаю, сможет ли такой маленький бог, как Дузи, услышать меня здесь?

– Никто тебя не слышит! – рявкнул демон. – Очнись, парень! Здесь только ты и я.

– Все равно… думаю, следует установить камень и оставить на нем подношения, – ему не хотелось спорить с Криасом. Тот, конечно, многое знал, но мнил о себе еще больше. Демон считал, что все должны слушаться его. А Кэшел привык следовать своей линии, не обращая внимания, что говорят другие люди – или демоны. И пока это правило его не подводило.

Весь день юноша шел по лесу. Ландшафт в этих местах выглядел на редкость ровным,

как распаханное поле, только сейчас впереди замаячил невысокий холм. Обычно Кэшел наугад выбирал дорогу, и все выходило неплохо… во всяком случае, Криас не возражал.

Но сейчас…

– Мастер Криас? – обратился к нему юноша. – Мне подниматься на холм или лучше поискать дорогу в обход?

– Откуда я знаю, что тебе делать? – по своему обыкновению пробурчал демон. – Полагаю, лучше всего было бы вернуться домой к своим овцам.

Кэшел уже знал, что следует подождать ответа. И, действительно, спустя какое-то время Криас разговорился.

– Тиан здесь, скорее, широкий, чем высокий. Если пойдешь в обход, чего доброго угодишь в места, которые тебе не слишком понравятся. Хотя, кто ж знает, что творится в твоих скудных мозгах…

– Благодарю вас, мастер Криас, – произнес юноша, приступая к подъему на холм. Почва здесь была более каменистая, скользкую глину сменил песчаник, смешанный с глиной. И все равно Кэшел внимательно поглядывал под ноги, старательно переступая через препятствия, а иногда и помогая себе посохом. Хорошо хоть на четвереньках карабкаться не приходилось.

Начинало темнеть. Дождь – если это и впрямь был дождь – утих, но все вокруг настолько промокло, что о костре и мечтать не приходилось.

Лес тоже отличался от того, что окружал его на равнине. Во-первых, деревья обрели нормальную кору. Затем, появились какие-то ползучие растения с прозрачными плодами размером с кулак. Они походили на очень крупный виноград.

– А можно их есть, мастер Криас? – снова спросил юноша. – Они не повредят мне?

– В зависимости от того, что ты понимаешь под вредом, пастух, – ответил демон. – Фрукты Тиана способны расширить твое сознание. Подозреваю, прежде у тебя не было подобного опыта. Тем не менее, до сих пор никто из экспериментаторов не жаловался.

Тем временем Кэшел достиг вершины холма – насколько он мог судить в густом лесу. Он отыскал сухое местечко в корнях могучего дуба, вполне пригодное для ночлега.

Прежде всего он позаботился о главном: перевернул валун и поверх мха нацарапал схематическое изображение лика Дузи. Получилось не очень похоже, но немногим хуже, чем пастушеский алтарь на холмах родной Барки. Дузи не слишком капризен. Это простой бог для простых почитателей.

– Дузи, пожалуйста… помоги мне разыскать Шарину, – просил парень. – Возможно, она и не нуждается в моей помощи. Но все же – помоги, если можешь.

Кэшел вздохнул и сорвал крупный плод с плети. Затем опустился на корточки и сделал на нем два глубоких надреза. Установил подношение перед изображением божества, критически оглядел его. Мякоть плода чем-то напомнила юноше воды ручья, взбаламученные грозой: скорее, чистые, чем грязные, но все же в глубине таится какой-то подвох.

– Ядумаю, можно попробовать, раз другие ели и не отравились, – решил Кэшел и надкусил плод. Он оказался одновременно и сладким, и терпким – как долька апельсина. И еще восхитительно прохладным. До того юноша полагал собрать влагу, осевшую на камнях, но теперь понял, что ему есть чем утолить жажду.

Кэшел съел целиком весь плод и потянулся за новым. Вообще-то, он не жаловался на питание в Подземном Мире – голодать не приходилось, но сейчас он впервые ел ради удовольствия, а не чтобы набить брюхо.

После ужина юноша с блаженной улыбкой свернулся калачиком под дубом. Он ощущал удивительный комфорт, несмотря на холодные капли, падавшие на него с веток. Вскоре он заснул и приснился ему сон…

Глава 17

Кэшел ор-Кенсет, закинув посох на плечо, шел по полю колыхавшейся на ветру пшеницы к городу, который висел в небе. Глинистая дорога с обеих сторон сползала в канавы. Дорога была неплохая, но какая-то нехоженая.

Солнечные лучи играли на остроконечных золотых крышах и шлемах солдат, расхаживавших среди городских укреплений. На шпилях развевались флаги всех цветов радуги.

Во всем этом присутствовало что-то необычное.

Кэшел озадаченно поморгал, а затем сам себя высмеял. Нет, в самом деле… Прекрасный, блистающий город висел в воздухе, связанный с землей одной только извилистой лестницей, спускавшейся от городских ворот. И он еще гадает, что в этом странного!

Даже в такой дикой ситуации Кэшел время от времени поглядывал на свой левый мизинец в надежде обнаружить там сапфировое кольцо. Вот еще незадача! Он же никогда не носил кольца, с какой стати ему там взяться?

С городской башни протрубил рог. Откуда-то издалека ему отозвался еще один. Не обращая внимания на весь этот переполох, Кэшел продолжал идти своим обычным шагом. Тем временем на городских укреплениях появлялись все новые люди, некоторые пытались получше разглядеть приближавшегося путника. Женские шелковые шарфы развевались на ветру как боевые вымпелы.

Две дюжины вооруженных воинов вышли из городских ворот и быстрым маршем пошли вниз по лестнице. Шлемы и бронированные наплечники сверкали на солнце, на латах были нарисованы лики каких-то фантастических чудовищ. Большинство из них сжимало мечи (правда, пока в ножнах), один мужчина – судя по всему, старший по званию – шел с копьем.

Кэшел не стал останавливаться, просто чуть замедлил свой и без того неспешный шаг, чтобы подойти к основанию лестницы одновременно с воинами. Похоже, те несколько нервничали… Наверное, чужестранцы нечасто посещали их город.

Кэшел задумался. Честно говоря, он не мог припомнить, чтобы встречал кого-нибудь по дороге сюда.

Затем юноша нахмурился. Как выяснилось, он вообще ничего не помнил. Вроде бы он направлялся куда-то, чтобы встретиться с Шариной. Но не могла же она ждать его в этом городе… Или могла?

Воины остановились перед юношей. Теперь он видел: лестница достаточно широка для того, чтобы все эти люди стали плечом к плечу. Миниатюрной она выглядела лишь на фоне величественного города.

И сделана она была вовсе не из металла, как вначале показалось Кэшелу, а из какого-то блестящего вещества, похожего на стекло. Оно то отражало, то пропускало солнечные лучи, в зависимости от угла их падения. Тот же диковинный материал, похоже, использовали для строительства городских зданий. Он казался настолько гладким, что в нем отражались пшеничное поле и холмы, возвышавшиеся далеко на западе. Здесь заканчивалась дорога, по которой шел Кэшел.

– Остановись, о монстр! – скомандовал предводитель горожан. С обоих плеч у него свешивались золотые кисточки, остальные носили только по одной такой штучке. – Мы убьем тебя, если попытаешься войти в Тиан!

Кэшел выпрямился, уперши свой посох рядом в землю.

– Меня зовут Кэшел ор-Кенсет, – гордо сказал он, – и я не привык навязывать свое общество. Если вы не хотите видеть меня в своем Тиане или поблизости, то я просто пойду восвояси.

Юноша откашлялся, стараясь, чтоб голос звучал не столь угрожающе-хрипло.

– Но мне не нравится, когда меня называют монстром. В моих родных местах так со странниками не обращаются.

– Этот человек не похож на Великана из пророчества, – заметил один из приближенных

вождя.

– Однако он достаточно большой, – возразил другой. – Мы не вправе игнорировать такую возможность.

Воины, стоявшие перед Кэшелом, выглядели взрослыми мужчинами – особенно лицо предводителя выдавало его возраст, но ростом они были с мальчишек. Даже самый высокий из них – тот, с копьем – вряд ли потянул на обычного односельчанина Кэшела. Не говоря уж о нем самом и Гаррике, который был еще выше.

– Да, ладно тебе, Пенья, – подал голос третий. – Ну скажи на милость, как он снесет стены Тиана? Кроме того, согласно пророчеству, Великан должен появиться только завтра.

– Возможно, в предсказание вкралась ошибка, Сиа, – возразил предводитель, – и мы не должны…

– А, возможно, все эти пророчества не более чем суеверная чепуха, которой здравомыслящие люди давно уже не придают значения, – огрызнулся Сиа. – Послушай, король Лью, неужели ты веришь в богов, которых никто и никогда не видел…

– Протестую, это богохульство! – вскричал человек с копьем – его широкий наконечник с серебряными вставками был выгравирован в виде облачка.

– Честно говоря, Мэх, у меня нет определенного мнения о богах, – продолжал Сиа. – Но зато я знаю наверняка: убийство мирного крестьянина, по несчастью оказавшегося поблизости, не одобрит ни один из богов… если он только существует.

– Вообще-то, я пастух, – подал голос Кэшел. – И если уж речь зашла об убийстве, то не грех узнать бы об этом и мое мнение.

С этими словами юноша неуловимо поменял позу: теперь он выставил посох на уровне груди. Кэшелу было не привыкать к тому, что люди воспринимают его как кусок окорока, не способный мыслить или говорить. Другое дело – согласен ли он с такой позицией…

– Эй, а Сиа-то дело говорит! – воскликнул еще один воин. – Этот человек не похож на Великана, сегодняшний день не совпадает с предсказанным и вообще… негоже набрасываться с угрозами на первого гостя, который появился в Тиане за долгие-долгие годы. Нам следует принять его с почестями!

Король Лью со вздохом приподнял свой шлем, волосы у него оказались совершенно белые и тонкие, как у ребенка.

– Мы не можем отвергать пророчество, – опечаленным голосом произнес он, – но ты прав, Пенг: этот Кэшел наш гость, и мы должны его принять, как подобает.

И он торжественно протянул руку Кэшелу, тот не мог отделаться от впечатления, что пожимает руку подростку.

– Я король Лью, – представился «подросток», – а эти люди – рыцари Тиана. Сегодня у нас – как обычно в канун пророчества – большой пир. Приглашаем вас присоединиться к нашему празднику.

Кэшел снова откашлялся, горло у него пересохло и голос звучал как… ну, слава Пастырю, хоть вообще как-то звучал. Юноша чувствовал дрожь во всех мускулах – подсознательно он уже подготовился к драке.

– Почту за честь сесть с вами за стол, сир, – ответил он. – А особенно я был бы благодарен за глоток воды, прямо сейчас.

– Воды? – весело вскричал Сиа, он скинул шлем с головы, и остальные последовали его примеру. – Никакой воды! Только самые лучшие вина для нашего странствующего пастуха!

Кэшел обратил внимание на острые черты лица и умные глаза этого человека. Он приметил также, что в ходе спора Сиа стремился не столько помочь ему, чужестранцу, сколько утвердить собственное превосходство над единоплеменниками. Подобные люди уже встречались ему и прежде.

Вся процессия двинулась обратно к городу, Кэшел шел в самой гуще – рядом с королем Лью. Он невольно отметил необычайную тонкость лестницы – не толще лезвия ножа, и тем не менее, материал не пружинил под ногами, а оставался твердым, как камень.

– Не нравится мне все же, что мы пускаем его в город, – ворчал мужчина с копьем,

шагавший прямо перед Кэшелом. – Ведь пророчество сделано еще тысячу лет назад. Может, тогда великаны выглядели именно так?

– Слава храбрецу Мэху! – насмешливо воскликнул откуда-то сзади Сиа. – Защитнику Тиана от пастухов!

Кэшел молча слушал препирательства. По правде сказать, этот Сиа нравился ему не больше Мэха с его подозрениями. С другой стороны, он ведь являлся здесь чужестранцем, а чужаков остерегались повсюду. Если не считать, конечно, больших городов, где все были незнакомы друг с другом. И все не доверяли друг другу.

– Мне никогда раньше не доводилось видеть города, висящего в воздухе. – Юноша завел беседу с королем главным образом для того, чтобы положить конец перебранке воинов. – Как это вам удается?

– О Тиан – благословенное место, дар Богов, – серьезно ответил Лью. – Это единственное место, которое можно назвать настоящим раем, создано Небом и Землей для их любимых детей. Первый Священник Города, Лан Ти, воздвиг алтарь Земле и Небу. А наш Тиан возник из дыма от его священного огня.

– И тот же самый Лан Ти предсказал, что через тысячу лет появится Великан, который разрушит Тиан, – пробурчал Пенья, окинув юношу подчеркнуто неприязненным взглядом. – А мы ведем этого Кэшела в город!

– Нам следует разрушить лестницу, – послышался голос из хвоста процессии. – И тогда пусть Великан делает внизу что хочет. Мы вполне можем обойтись и без пшеницы при том изобилии, которое царит в наших садах!

– Наша обязанность как рыцарей Тиана… – прервал его король Лью. Затем продолжал, возвысив голос: – Наша обязанность и честь, Лью, в том, чтобы защищать лестницу – нашими мечами и нашими жизнями. Вот если мы когда-нибудь погибнем, тогда жители города смогут разрушить лестницу и укрыться в городе.

Кэшел задумался над словами короля. Принимая во внимание мрачное пророчество, здравый смысл подсказывал Лью прямо сейчас, не откладывая, разрушить лестницу. Но это означало бы, что все горожане никогда не смогут покинуть своего убежища. Юноша вздохнул. Если бы Шарина тогда не уехала с послами короля Валенса, то он, Кэшел, и не помышлял бы о расставании с родной Баркой. А ведь висячий город ничуть не меньше их деревни.

Лестница впереди делала изящный изгиб и приближалась к городским воротам. Кэшел, которому долгая прогулка помогла изгнать дрожь из мускулов, заметил, что ворота и башни по обе стороны от них выстроены из камня, а не из того блестящего материала. Причем каждый камень имел в центре искусно вырезанный цветочный узор, а по краям – зазубренный бордюр.

На стенах города собралось множество народа: они весело переговаривались и смеялись, женщины махали прозрачными шарфами. Тианцы отличались миндалевидными глазами, волосы у них разнились от темно-медового цвета до черного, как ночь.

Одна из красоток бросила Кэшелу венок из плюща и роз, юноша машинально поймал его в воздухе. И тут же обратил внимание на ревнивый взгляд Мэха.

Под радостные крики король с рыцарями вошли в город, и тут же ворота захлопнулись у них за спиной. Мало того: сверху, из арки опустилась снабженная зубцами решетка. Механизм был настолько отлаженным, что ухо Кэшела не уловило ни скрипа, ни скрежета. И этим воротам тысяча лет?

В толпе изящных, томных горожан в светлых шелках выделялась совсем иная раса: эти люди были пониже ростом и более коренастые. Но еще больше их отличали темные одежды и смуглый цвет лица. Когда Кэшел глядел на них, ни один из них не отвечал прямым взглядом, обычно они опускали глаза или смотрели в сторону.

Группа рыцарей продолжала свое шествие по широкой улице меж зданий с выступающими верхними этажами. Все они были построены из того же твердого рыжеватого песчаника. Юноше Тиан напомнил пчелиный улей: одно здание, разделенное на множество

секций, обнесенное одной городской стеной.

– Сир? – спросил Кэшел. – Я вижу людей в шелках… – Будучи достойным братом Илны, юноша умел, как немногие, различать ткани – даже на расстоянии, – … и других: в темных холщовых одеждах. В чем разница между ними?

– Люди в холщовых одеждах? – переспросил Лью. – А, я понимаю вас. Это просто слуги. Они берут на себя работу, которую мы, горожане, не можем выполнять – ну, там уборка, приготовление пищи и всякое такое.

– Ага, – Кэшел одобрительно кивнул, уж это он отлично понимал. И все-таки, куда ни пойди, везде одно и то же!

Горожане спускались с балконов и стен, чтобы поприветствовать короля и его свиту. Слуги уступали им дорогу, с улыбкой отходя в сторону и кланяясь своим изящным хозяевам, которые их почти не замечали.

Легкая улыбка тронула губы Кэшела. С ним аристократы Тиана обращались по-другому – оттого что он оказался одним из немногих чужестранцев в их городе… ну и еще, наверное, из-за его высокого роста.

Процессия приближалась к входу в здание, обрамленное колоннами. Его крыльцо было затейливо украшено все тем же цветочным орнаментом, покрывавшим камни.

К Кэшелу приблизилась женщина – будто повеял ветерок с запахом лаванды – и взяла его за руку. Отняла у него венок и, поднявшись на цыпочки, водрузила его на голову парню.

– Глупенький, – промолвила она нежным голосом. – Я подарила тебе венок не затем, чтоб ты носил его в руках. Меня зовут Лия.

– Видите ли, – кашлянул юноша, – Мне не приходилось раньше иметь дело с цветами. Позвольте представиться, я… э-э… Кэшел ор-Кенсет.

– А ведь я сама их вырастила, – с улыбкой сказала Лия. – Ты будешь сидеть за столом рядом со мной, дорогой Кэшел. Не правда ли?

Мэх обернулся и уставился на них злыми глазами. В ответ Лия хихикнула и показала ему язык. Мужчина вспыхнул как маков цвет и споткнулся на лестнице. Он выронил свое копье, что вызвало насмешки среди его товарищей.

– Эй, Мэх! – раздались крики. – Смотри под ноги! А то еще ненароком убьешь кого-нибудь!

Вот уж чего ему хотелось в этот момент больше всего, наверное. И когда он поднимал свое копье, Кэшел даже подумал, что без кровопролития не обойдется. Вместо того Мэх оттолкнул смеющихся рыцарей и прошел в украшенные тройной аркой двери.

– Я… э-э… – в замешательстве пробормотал юноша. Он многое сейчас бы дал, чтобы оказаться где-нибудь в другом месте. Ему было жаль Мэха… Но обида на то, что тианец с самого начала воспринял его в штыки, все же осталась.

Невесело усмехаясь своим думам, Кэшел бок о бок с королем Лью вошел в куполообразный вестибюль здания. Тут же к ним подскочили слуги – по несколько человек к каждому рыцарю – и принялись освобождать их от военных доспехов. Те покорно стояли, как лошади на конюшне. Доспехи, изготовленные из металлических пластин и скрепленные между собой легкими цепями, позванивали, как колокольчики на ветру.

Пара слуг приблизилась с обеих сторон к Кэшелу, и Лия посторонилась. Вначале юноша думал, что его просто хотят поприветствовать, но когда маленький человечек потянулся к его посоху, юноша взревел, как раненый бык:

– Нет!

Все на мгновение замерли. Собственно, это происходило всякий раз, как Кэшел повышал голос, особенно внутри помещения.

– Мы чем-то обидели вас, Кэшел? – вежливо спросил король. – Если так, приношу глубочайшие извинения от имени Тиана. Мои слуги рассматривали ваш посох, как обычную вещь… но если он является религиозным атрибутом, с которым вы не расстаетесь даже во время приема пищи?..

Юноша покраснел от собственной невоспитанности, но тем не менее твердо отвечал:

– Никакой религии, сир. Но если вы не возражаете, я бы хотел оставить посох возле себя. Понимаете, он дорог мне как напоминание о доме.

– О как мило! – воскликнула Лия. – Вы такой чуткий, дорогой Кэшел.

Это смелое утверждение, сам по себе, повергло юношу в замешательство. А когда красавица Лия потянулась, чтобы поцеловать его в щечку, Кэшел и вовсе готов был провалиться сквозь землю.

С антресолей вестибюля грянул хор из труб и рожков. Внутренние двери распахнулись, и король проследовал в пиршественный зал. За ним шел Кэшел, которого вела под руку Лия.

По обе стороны просторного зала располагались колонны, поддерживавшие арочные перекрытия. Меж ними открывался длинный, накрытый всяческими яствами стол. Король Лью прошествовал к середине стола и уселся рядом с красивой женщиной примерно его возраста. Лия подвела Кэшела к месту по правую руку от короля.

Юноша замялся, но король приветственно кивнул и даже похлопал рукой по спинке стула, который предупредительный слуга выдвинул для Кэшела. Держать посох на коленях за столом показалось юноше не очень удобно, поэтому он прислонил его к спинке стула и только потом уселся на предложенное место.

Лия опустилась рядом с Кэшелом. Это не слишком удивило его, но юноша тяжко вздохнул, припомнив Шарину. Как ему хотелось бы, чтобы его любимая оказалась сейчас рядом. Ну, или Гаррик… или хотя бы кто-то, кто мог бы подсказать ему, как вести себя в такой обстановке.

Рыцари входили в зал, причем, как Кэшел обратил внимание, отнюдь не в том порядке, как их разоблачали. Очевидно, на этот счет существовал строгий этикет. На входе к мужчинам присоединялись дамы. Пары усаживались за высоким столом, попеременно то справа, то слева от короля.

Кэшел ухмыльнулся.

– Кэшел, дорогой? – произнесла Лия, прикоснувшись к мочке его уха. – Почему вы улыбаетесь? Что-то обрадовало вас?

– Просто это напомнило мне, – честно ответил юноша, – как стадо коров заходит на вечернюю дойку. Все строго по порядку, если кто-то лезет вперед, остальные очень недовольны.

– Забавно! – ненатурально рассмеялась Лия. – Стадо, говорите?

Кэшелу пришло в голову, что девушка не слышала этого слова раньше. Интересно, она хоть овцу-то видела? Он не видел здесь ни клочка шерсти – или кожи, если на то уж пошло.

Слуги поставили перед каждым фарфоровые кубки, такие тонкие, что сквозь них просвечивало пламя свечи. Кэшел сразу же потянулся к своему: отчасти оттого, что хотел пить, но еще и желая избежать ненужных объяснений со своей дамой. Вино ярко-красного цвета напоминало чистый гранатовый сок, но пощипывало губы и язык.

Постепенно зал заполнился придворными – рыцарями и прекрасными, грациозными женщинами. Они сидели за столом, а вокруг сновали незаметные слуги: проворные, молчаливые, моментально растворявшиеся на фоне бархатных стенных панелей, когда оказывались не нужны. Появились фарфоровые блюда: некоторые белые, но большей частью – нежных оттенков всех цветов радуги. Темноволосые маленькие человечки подносили их и так же молча уносили, уже опустошенные.

Обычно Кэшел за едой обходился ножом и руками, но Рейзе в своей гостинице приучил гостей пользоваться ложками, а на пирах в Вэллисе юноша познакомился с вилками. Однако при дворе короля Лью предпочитали маленькие кинжальчики. Вся еда подавалась мелко нарубленная. Слуги расхаживали с небольшими тюбиками приправ. Они держали их заткнутыми большими пальцами и по желанию гостей подсыпали и подливали на тарелки.

Какое-то время Кэшел не ел, а наблюдал за Лией, желая перенять манеры. Это оказалось ошибкой: любвеобильная дама тут же бросилась кормить парня, будто он был несмышленым младенцем. Юноша покраснел до корней волос, но возражать не решился, боясь только ухудшить положение.

– Скажите, Кэшел, вас привело в Тиан древнее пророчество? – вопрошала Лия, выискивая на тарелке очередной лакомый кусочек.

Поспешно – чтобы опередить услужливую даму – юноша наколол какую-то снедь на кинжальчик и запихал в рот. Старательно пережевывая пищу – кажется, это была смесь грибов и шпината, запеченная в тесте, – он пробубнил:

– Вы имеете в виду великана, пришедшего разрушить Тиан? Нет, госпожа, я никогда даже не слышал о вашем городе.

Он снова погрузился в воспоминания и озадаченно нахмурился, поскольку все, что касалось прошлого, оказалось затянуто какой-то дымкой.

– Честно говоря, я не помню, куда шел… кроме того, что мне надо встретиться с Шариной. Где-то…

– Ну, так или иначе, я рада вашему появлению, – прощебетала Лия. Затем хихикнула. – А может, вы пришли повидать меня?

Посерьезнев, она бросила на него взгляд искоса и громко добавила:

– Я, во всяком случае, считаю все эти разговоры просто глупыми суевериями, и все. Но мне бы очень хотелось, чтобы глубокоуважаемый Лью разрушил лестницу.

– У вас будет для этого время, прекрасная Лия, если я со своими рыцарями потерплю поражение, – склонившись вперед, вмешался в беседу король. – Надеюсь, мы – благодаря мужеству и умению – сумеем защитить город. Даже ценой собственных жизней.

– О, я не желаю слышать ничего подобного! – произнесла королева, чьего имени Кэшел не разобрал. – Меня в дрожь бросает при мысли о завтрашнем сражении с монстром.

– Я уже говорил вам, дорогая, – вступил в разговор мужчина, сидевший по другую сторону от королевы. Он выглядел точной копией Сиа, только постарше и погрузнее. И голос у него, в соответствии с комплекцией, был более звучный и елейный. – Я и мои предшественники на посту Священника Города верим, что так называемое пророчество Лана Ти не более чем аллегорическое утверждение, направленное на сохранение священных основ нашего государства. «Тысяча лет» – это фигура речи, которую буквально надо понимать как «через очень долгий срок» или даже «никогда».

– Ах, Шэн, ваш здравый смысл всегда действует на меня успокаивающе, – вздохнула королева. – Но тем не менее я не могу не волноваться о моем Лью. Увы, мы, женщины, лишены вашей силы.

Кэшел представил, как кто-нибудь взял бы на себя смелость заявить подобное Илне и аж поперхнулся. Уж кто-кто, а его сестра проявляла больше холодной решимости, чем, скажем, ласка или другой какой хищник. В то же время, если только он правильно понял королеву, эта женщина так и не научилась твердости в решениях.

– Когда заявится Великан, – прокричал с другого конца стола Мэх (именно прокричал, дабы ненавистный Кэшел не смог пропустить его заявление), – мы встретим его во всеоружии. Сам по себе большой рост не значит ничего по сравнению с храбростью и истинным благородством рыцаря Тиана!

Кэшел наколол на столовый кинжал нечто, с виду напоминавшее нераскрывшуюся белую гвоздику. Это оказалась репа, обильно посыпанная специями. Справившись с удивлением и тщательно прожевав кусочек, юноша решил, что, пожалуй, ему понравилось. Во всяком случае эти манипуляции позволили ему проигнорировать и хвастовство Мэха, и колкости, которыми обменивался Сиа с другим рыцарем.

– Скажите, Кэшел, вы счастливы сейчас? – спросила Лия, так близко придвинувшись к уху юноши, насколько позволял ее малый рост.

– Конечно, – ответил юноша и так сильно подул на очередной кусок пищи, что ненароком выплеснул вино из своего кубка. Слуги тотчас же наполнили его заново.

Вообще-то, Кэшел не слишком любил вино, но это было таким восхитительно освежающим! К тому же не оставляло неприятного осадка во рту, что прежде отталкивало его в винах. Юноша находил здешнюю еду великолепной, единственное, что огорчало, – так это мизерные кусочки, на которые она нарезалась. Но вино… вино почти убедило Кэшела,

что Тиан действительно являлся райским местом.

– Я так рада, – прошептала Лия, снова наклоняясь к парню. Затем, уже другим тоном, спросила: – Кэшел, а вы верите в это пророчество?

Юноша нахмурился – он честно обдумал вопрос дамы. Прежде чем ответить, снова приложился к своему кубку:

– По правде говоря, не знаю. Я ведь только сегодня об этом услышал. Прежде я ничего не знал про Тиан.

– Но что вы об этом думаете? – настаивала Лия. Она стала внезапно серьезной. – Вы многое видели, вам довелось пожить в мире, отличном от нашего. Так что вы думаете, Кэшел ор-Кенсет?

Обернувшись, чтоб посмотреть на собеседницу, юноша пролил вино на руку. Лия была прелестна, как цветок орхидеи… Но, глядя на нее, Кэшел ощущал лишь безнадежное одиночество.

– Леди Лия, – сказал он, – мне ничего неизвестно о великанах. И я не имею привычки размышлять о вещах, которые от меня не зависят. Простите, но это все, что я могу вам сказать.

Кэшел допил свое вино, глядя в глаза девушки.

– Завтра мы все узнаем правду, – заключил он. – И все наши сегодняшние разговоры – что бы ни говорили мы с вами или священник – не изменят ее ни на йоту.

Лия вдруг вздрогнула, рука ее отдернулась от Кэшеловой – будто сама по себе, против воли хозяйки.

Остаток вечера Кэшел помнил смутно. Вино Тиана – несмотря на свежий и тонкий вкус – оказалось намного крепче обычного горького пива. В какой-то момент, уже среди ночи, юношу обожгло тревогой: ему показалось, что десятки маленьких рук несут его куда-то по коридору. Это чувство вернулось еще позже, когда он обнаружил себя лежащим под роскошным балдахином на непривычно мягкой постели.

Но это были отдельные озарения. Большую же часть времени Кэшел спал… Мертвым сном.

* * *

В тот момент, когда чары Эвиса сковали ее по рукам и ногам, Илна услышала, как совсем близко, за стеной сокровищницы, закричала Мерота. Тут же, заглушая крик девочки, раздался взрыв уже знакомого безумного смеха. И это сжало ужасом сердце Илны еще сильнее, чем красноватое магическое свечение – ее тело.

Какое-то мгновение девушка еще могла двигаться. Но вместо того, чтобы броситься на хихикающего колдуна – абсолютно бесполезное действие, ведь его чертов костяной шарик сокрушит ее прежде, чем она успеет сделать второй шаг! – нет, вместо этого Илна развернулась к бледной стене с почти неразличимыми дверями. Медленно – ей показалось, что не быстрее, чем тает снег под солнцем, – девушка вытянула указательный палец.

Но Эвис угадал ее намерение. Хихиканье оборвалось, и раздался крик:

– Нет, ты…

Но Илна уже прикоснулась к едва заметному пятнышку на стене. Дверь беззвучно отворилась.

– … не должна… – Голос Эвиса сорвался на душераздирающий визг.

Отшвырнув девушку в сторону, в комнату ворвался худой, как скелет, человек. Вернее, бывший человек… Сейчас это было существо семи футов росту, на шее у него болтался золотой медальон в виде солнечного диска с лучами.

И оно смердело. Корка мерзкой грязи покрывала все его тело. Илна подумала: ни одно животное не довело бы себя до подобного состояния, если только оно не было безнадежно, смертельно больным.

Инстинктивно Эвис махнул рукой, и костяная бусина изменила свой узор. Илна почувствовала, как исчез наведенный на нее паралич. Теперь кокон розового свечения устремился к Верзиле. Еще один взрыв хохота – казалось, смеялись все демоны ада, – и существо метнулось через комнату, прорывая и волоча за собой оказавшиеся недостаточными магические путы. Так могучий кабан ломится сквозь чащу, не замечая тянущейся за ним паутины. Верзила вцепился в колдуна своими похожими на клешни рака руками и принялся жевать его лицо.

– Илна! – раздался крик Мероты. Илна подхватила с полу петлю, которую выронила, когда ее сковало магическое заклятие, и бросилась навстречу девочке. Та как раз показалась в дверном проеме с явным намерением вбежать в комнату.

– Нет, дитя мое! – едва не сбив с ног девочку, Илна схватила ее и увлекла обратно в коридор. Остальные порталы по периметру сокровищницы тоже отворились, и внутрь устремилась целая толпа мужчин, вооруженных мечами и копьями.

Девушка повернулась закрыть дверь и увидела, как дюжина охранников со всех сторон рубили и кололи Верзилу. Тот продолжал дико хохотать, изо рта у него вылетали осколки костей и ошметки мозгов.

Дверь захлопнулась, но смех не стих, просто стал тише. Илна крепко прижала к себе девочку. Затем, не выпуская ее руки, бросилась вниз по темному коридору. По обе стороны – сколько глаз хватало – тянулись голые каменные стены.

– Илна, я так испугалась! – всхлипывала девочка.

– Еще бы не испугалась, – едва смогла выдохнуть Илна. – С мозгами-то у тебя все в порядке! Скажу по секрету: я тоже испугалась.

Она действительно боялась, но не за себя. Ее приводила в ужас мысль, что она навсегда потеряла Мероту. Этого девушка не сказала – просто не могла сказать вслух. У девочки даже мысль не должна была возникнуть, что Илна ее не спасет.

– Кто-то идет, – воскликнула вдруг Мерота, прижимаясь к старшей подруге. Та замерла, настороженно вслушиваясь.

Да нет… она различала лишь собственные шаги, эхом разносящиеся по коридору. И биение крови в ушах…

– Ага, да это, никак, вы, Илна-дорогуша? – раздался из темноты голос Чалкуса. – И, слава Госпоже, девочка с вами. Простите, что так припозднился, но я искал более подходящий для вас проход – не ту кошмарную дорогу, по которой сам спускался.

– Ой, Чалкус! – взвизгнула девочка. – Как я рада, что ты здесь!

– Присоединяюсь, – сказала Илна. – От души надеюсь, что вы лучше меня представляете себе это «здесь»… а также нашли выход отсюда. Нам нужно как можно скорее покинуть Эвиса и его гостя, а та дорога, которой я пришла…

– Пойдем тогда по моему маршруту, – решил Чалкус. Девушка не видела его в темноте, но хорошо представляла его насмешливую улыбку и жесткий блеск в глазах. – Если хотите, я могу взяться за ваш пояс и вести…

– В этом нет необходимости, – отрезала Илна. Мысль, что ее будут вести на поводу, как неразумную овцу, претила ей. К тому же может возникнуть ситуация, когда моряку понадобятся обе руки. – Мы просто будем держаться поближе к вам.

И они – в полной темноте – пошли по коридору. Чалкус использовал свои ножны, как слепец трость. Он шел, выстукивая дорогу по стенке слева от себя. Время от времени железо ударялось об железо, высекая искры.

– А как ты нашел нас, Чалкус? – спросила девочка. – Я боялась, что больше никогда уже не увижу вас.

– О, это очень интересно, моя милая, – принялся рассказывать моряк. – Я отыскал отверстие в скале, за ним обнаружился туннель, который привел меня на галерею. Когда я посмотрел с нее, то увидел под собой огромную гавань. Знаешь, больше я в жизни не видал. И все это вырублено прямо в скале, можешь себе представить? Проход, через который они втащили наши корабли, запирали тяжеленные ворота. Думаю, целая армия не смогла бы их

выломать. Но, по счастью, там в скале были вентиляционные отверстия… как раз через одно из них я и проник.

– А я… – прошептала девочка. – Я плохо все помню. Вокруг было темно… и ужасно воняло. Затем распахнулась дверь, и я увидела Илну. А вскорости и ты появился, Чалкус. Госпожа не оставила меня своей милостью!

– Затем мне посчастливилось найти еще один выход с галереи, ближе к земле, – продолжал запевала, – он и привел меня к вам. Я не устаю благодарить за это Госпожу, покровительницу мореходов. Ну и, конечно, Пастыря, который приглядывает за малыми мира сего…

Чалкус обращался в основном к Илне: девочка, очевидно, все еще переживала собственное чудесное спасение и навряд ли могла адекватно воспринимать чьи-то слова. Хотя сама Илна подозревала, что обычные человеческие голоса должны были успокаивать Мероту после того ужасного смеха, который звучал в ее ушах.

– Ну, – уверенный голосом сказала девушка, – если Великие Боги таки снизошли к нуждам простых людей, то это большой прогресс. У нас дома, в Барке, мы такого не видели. Но факт остается фактом: в сокровищнице, где оказались мы с Меротой, было много дверей. И вы безошибочно выбрали те, что нужно.

Где-то впереди забрезжил слабый свет. Вначале Илне показалось, что это ей кажется. И лишь маячивший впереди силуэт Чалкуса убедил девушку в правдивости ощущений. Не то чтобы Илна боялась темноты. Но они уже достаточно хорошо изучили это место – этот Йоль, – чтоб убедиться: враг может появиться неожиданно с любой стороны. Конечно, наличие света не убережет их от нападения, но окажет существенную помощь.

– Пришли, – сказал Чалкус, засовывая ножны обратно за пояс. – Вот вам и гавань. Пожалуй, шуметь особо не стоит, но когда я проходил здесь в первый раз, мне не встретилось ни души.

Все трое вышли на балкон шириной восемь футов, являвшийся частью огромной пещеры. Слабый свет проникал сквозь отверстия в ее своде. После полной темноты, которая царила в туннеле, им показалось здесь светло, как в солнечный полдень.

Балкон не имел ограждений, и Мерота в ужасе прижалась к задней стене. Илна решила ни в коем случае не поддаваться страху (а, как известно, эта болезнь заразнее крупа), она подошла к краю и бросила взгляд вниз.

От такой высоты у нее чуть не закружилась голова. Дюжина кораблей, стоявших каждый в своей каменной нише, показались ей совсем крошечными.

– Как могли мы оказаться на такой высоте? – удивилась девушка. – Я ведь все время спускалась, чтобы дойти до сокровищницы.

– Да? – недоверчиво поднял брови Чалкус. – Ну а как же иначе? Вода не заливалась бы в туннель, по которому я шел, а также в вентиляционные отверстия или в тот переход, где я встретил вас.

Тишина в пещере оживлялась лишь плеском волн о причал, которые, возможно, будут накатываться еще тысячу лет.

– Ясно, – кивнула Илна. – Давайте спустимся к кораблям, поищем хоть какие-то следы команды.

И тут она припомнила винтовую лестницу, по которой она спускалась в поисках Мероты. Ей следовало догадаться раньше. «Окна», сквозь которые она наблюдала сцены чужой жизни, явно не являлись частью их реальности.

– Здесь лестница, ведущая вниз, – сообщил Чалкус. – И с другой стороны балкона такая же. – Он обернулся к Мероте: – Возьмите мою левую руку, Ваша Светлость. Нам лучше держаться друг за друга, чтобы не поскользнуться на ступеньках, правда же? И вам, наверное, лучше не смотреть вниз. Отвернитесь к стенке.

Дополнительно инструктировать Илну не понадобилась: кивнув, она заняла ту же позицию. В руке девушка по-прежнему держала аркан, хотя вроде бы непосредственного повода для беспокойства не было. У Илны вырвался резкий смешок, и запевала удивленно

вскинул на нее глаза.

– Госпожа?

– Я просто подумала: сейчас мы настолько в безопасности, насколько это вообще возможно в Йоле, – пояснила девушка. – То есть в любую минуту можем подвергнуться нападению.

Чалкус рассмеялся с пониманием, в следующий момент к нему присоединилась Мерота. «Боюсь, с нами бедная девочка усвоила весьма специфическое чувство юмора», – подумала Илна. Если она продемонстрирует его где-нибудь на балу в Эрдине, придворные посмотрят на нее как на двуглавого монстра.

Эта вымышленная ситуация настолько позабавила девушку, что мгновение спустя она тоже смеялась.

Лестница была вырублена прямо в скале, что существенно уменьшало ширину галереи. Сами ступеньки тоже оказались не слишком удобными: узкие и крутые, они скорее напоминали лестницу на сеновал.

– Кстати, госпожа, вы обратили внимание: на поверхности утеса налипли ракушки и рачки? – раздался голос Чалкуса.

Илна не обернулась, все ее внимание занимала очередная ступенька.

– Рачки? – переспросила она. – Нет, а что здесь такого? Вы же сами говорили: месяц назад остров находился под водой.

– Да, но на какой глубине! Там должно было быть не меньше тысячи фатомов, – пояснил моряк. – А рачки обычно прилепляются по линии прилива, если, конечно, они не самоубийцы, решившие заморить себя голодом. Сдается мне, что этот остров не мог подниматься на такую высоту, понимаете? Гавань-то находилась под водой.

– Но кто же тогда построил ее? – спросила Илна. – Ей ведь уже сто лет в обед.

Пожалуй, могущественные маги могли бы, изрядно потрудившись, поднять такую скалу при помощи своих чар. Но дело в том, что девушка видела на стенах следы обычных строительных инструментов. Да и засохший хлам обсыпался повсюду, где ни прикоснись. Это место явно относилось к числу рукотворных.

Вот только человеческих ли рук это дело?

– Да, загадка, не правда ли? – вздохнул Чалкус. – Думается, мы еще поломаем над ней голову… после того как выберемся отсюда. Как вы думаете?

– Отвечу, когда выберусь, – отрезала Илна. Манера поведения ее спутника очень часто раздражала ее, но положа руку на сердце, приходилось признать: это большое благо, что он оказался с ними. По крайней мере, с ним Мероте гораздо спокойнее.

Девушка наконец достигла конца лестницы и сейчас ждала, когда спустятся ее товарищи. Вода здесь имела какой-то особо застарелый запах, ничего подобного она не ощущала ни в одном порту. Даже на берегу при отливе…

– Смотрите-ка, а я и не заметил этого сверху, – удивился Чалкус, указывая на расположенный поблизости каменный слип. – Глубина-то здесь всего один фантом, видите?

– И что?

– Сейчас стоит отлив, – объяснил моряк, – ну или около того. Ворота в скале – это не иначе как шлюзовые ворота. В противном случае здесь будет сухо, как в глотке гребца.

Махнув в сторону кораблей своим кривым мечом, он предложил:

– Давайте осмотрим их. Вдруг нам повезет обнаружить шлюпку на борту одного из «торговцев». По мне, так лучше поскорее покинуть этот остров.

– Этот остров называется Йоль, – машинально поправила его Илна. – Так назвал его Эвис.

И, подумав, добавила:

– Впрочем, это дела не меняет. Я полностью с вами согласна.

В гавани были оборудованы как слипы для парусных судов, так и наклонные пандусы для гребных трирем. Причем в огромном количестве.

В настоящий момент здесь находились два их злополучных корабля и целая куча

торговых судов, которые обычно ходили под парусами, а в трюмах вместо гребцов размещали необходимые грузы.

Все корабли располагались неподалеку от входа в гавань. Им пришлось какое-то время шагать вдоль изогнутого причала, чтобы добраться до этого места. Илна и ее спутники по достоинству оценили масштабы подземной гавани.

– Я чувствую себя здесь такой маленькой, – призналась Мерота.

– А мы и есть маленькие люди в огромном мире, дитя мое, – заметил моряк. – Здесь все очень похоже на настоящий морской порт, просто звук прибоя заменяет плеск волн о стены пещеры.

Чалкус погладил девочку по голове: увы, благодаря соленому ветру и песку от ее некогда роскошного чепца немного осталось.

– Мы маленькие, зато держимся вместе, – продолжал он. – И к тому же имеем какой никакой мореходный опыт, не правда ли, госпожа?

– Да, Чалкус, ты прав, – кивнула Мерота, – просто я иногда забываю об этом.

Илна вполуха прислушивалась к их разговору, она ощущала смутную тревогу. Глаза девушки пытались разыскать… а что, она и сама не знала. Наверное, чувство незащищенности вполне естественно: в конце концов, они торчат на фоне открытой береговой линии, без всякого укрытия. Но Илна подсознательно искала не столько опасности, сколько признаки складывающегося узора.

Поймав себя на этой мысли, девушка усмехнулась. Ну да, опасности не надо искать, они и сами появляются.

По периметру пещеры имелось с полдюжины входов в туннели. Некоторые располагались на уровне воды, другие находились значительно выше, к ним вели ступеньки. На противоположной стороне гавани Илна разглядела еще одну лестницу на балкон.

– В выходах недостатка нет, и то хорошо, – радостно заметил моряк.

Или входах, подумала про себя Илна. Возможно, у Чалкуса мелькнула такая же мысль, но озвучивать ее он не стал, чтоб не пугать девочку.

– А мы хотим взять какой-нибудь корабль, да? – спросила Мерота.

Илна улыбнулась: девочка в который раз доказывала свою природную смекалку.

– Да, дорогая, – подтвердила девушка. – Но для этого нам придется дождаться прилива и выяснить, как открываются ворота к морю. Пока же не грех присмотреть себе пути для отхода. Чтобы в случае чего юркнуть туда, как мышка в буфетную.

Моряк улыбнулся обеим женщинам.

Вода, веками сочившаяся по стенам, проложила блестящие дорожки в камне. Даже самые твердые скалы, со временем дают трещины.

Некоторые вертикальные расселины выглядели довольно глубокими. Когда они проходили мимо, из одной такой расселины повеяло сухим теплом. Илна замерла, предостерегающе подняв руку. С правой стороны трещина была несколько выше, чем с левой. Открывался узкий треугольный лаз, в который, пожалуй, мог протиснуться человек.

– Что-то интересное? – спросил Чалкус, пытаясь шутливостью прикрыть напряжение в голосе.

– Нечто созданное помимо творцов этой гавани, – ответила Илна. – И поскольку здешние волшебники – хозяева гавани – не хотят быть нашими друзьями… думаю, да: моя находка представляет интерес. Но давайте посмотрим дальше.

Она отошла в сторону от щели и снова погрузилась в сырую, промозглую атмосферу пещеры. Девушка непроизвольно содрогнулась и поморщилась, недовольная своей реакцией.

Наконец они дошли до кораблей. Большинство из них представляло собой среднего размера суда непонятного назначения. Снасти и паруса в беспорядке валялись на палубе, так что, глядя с высоты балкона, и впрямь можно было заподозрить скрытую под ними шлюпку. Теперь же, при ближайшем рассмотрении, стало ясно, что мечты Чалкуса напрасны.

– Давайте-ка проверим эту красавицу, – нарочито беззаботным тоном предложил он, направляясь к прогулочной яхте. – Не удивлюсь, если ее хозяин-богатей припас кое-что

интересное для нас.

Пришвартованные корабли стояли в ряд, по два у каждого слипа. Как правило, между их бортами оставалось расстояние не меньше шести футов. Чалкус, вместо того чтобы переходить по каменной набережной, предпочитал перепрыгивать с судна на судно.

Причем это не являлось юношеской рисовкой – наверняка запевала даже не задумывался, как выглядит со стороны. Меч он не выпускал из рук: похоже, моряка гораздо больше волновала предполагаемая угроза на борту, чем потенциальная возможность поскользнуться и свалиться за борт.

– Чалкус, там есть хоть какие-то следы людей? – крикнула Илна. Она обратила внимание, что держит руку на плече девочки. Конечно, в основном она делала это для успокоения Мероты, но ей и самой не меньше требовалось ощущать живого человека поблизости.

– Большей частью лужи крови, – откликнулся моряк после обследования палубы. На какое-то время он скрылся из виду – очевидно, пустился к переднему иллюминатору, затем снова выскочил на палубу.

– Зато я нашел еду, – сообщил он, направляясь к своим спутницам. – Похоже, там были еще винные кувшины, которые предпочитали вскрывать при помощи молотка, повсюду валяются черепки. От самих кувшинов и следа не осталось, видать, их опустошили и выбросили за борт. В общем, все, как на «Ужасе» и «Разрушителе»…

Чалкус ловко спрыгнул на каменный причал.

– Вода, к сожалению, осталась лишь на донышке бочек и в таком состоянии, что ее, скорее, надо есть, а не пить, – продолжал он свой отчет. – Но она поможет продержаться, пока мы не доберемся до острова со свежей водой. И вот еще что… думаю, я смогу сам управлять шхуной, когда мы выберемся из пещеры.

И он в ожидании посмотрел на женщин.

– Пожалуйста, – умоляюще сжала руки Мерота. – Я так хочу уехать отсюда. Если это возможно.

Несколько мгновений Илна стояла молча, оценивая их шансы: выбирать приходилось между плохим и худшим. Хотя надо еще разобраться, что есть что…

– Да, – решила она в конце концов. – Если мы сможем обойтись без команды, то я первая вздохну с облегчением. А механизм открытия дверей должен быть… у входа, собиралась она договорить, но в этот момент Мерота прервала ее.

– Кто-то приближается! – воскликнула девочка и ткнула пальцем в ближайший туннель.

«Что она может расслышать в этом бедламе? » – удивилась Илна, но на всякий случай быстрым движением изготовила свою петлю. Чалкус тоже переменил позу: теперь он держал меч повыше, на уровне груди. И зловеще улыбался.

Из туннеля показался матрос с абордажной саблей. Девушка узнала его в лицо, хотя имени вспомнить не могла. За спиной матроса толпились его товарищи.

– Далтро! – с заметным облегчением воскликнул Чалкус. – Пьеццо, Кант… какая приятная неожиданность!

Те продолжали молча наступать. Илна насчитала примерно два десятка человек, и все вооруженные. Она напряженно вглядывалась в их лица, пытаясь разглядеть в слабом свете…

– Чалкус, у них глотки перерезаны! – громко крикнула девушка.

В этот момент из туннеля позади ходячих мертвецов показался волшебник в белых одеждах и с раскрашенной кожей.

– Схватить их! – оглушительно заорал он, указывая на троицу. Голос у него был пронзительный, как у чайки. – Убейте их!

– Сюда! – крикнула Илна и потянулась к Мероте. Но Чалкус уже перекинул ее через плечо, словно мешок шерсти. – В трещину! Трупы не устают!

Она обратила на это внимание, когда наблюдала за уборкой урожая в поле на поверхности острова. Как же давно это было! Девушка знала, что погоня не остановится и

чары ее не подействуют на сознание мертвецов. Так что единственной надеждой оставалась трещина в скале. Она слишком узкая, преследователи туда могут протиснуться лишь по одному. Опять же трещина ведет в место, где сухо и тепло.

Худой шанс на спасение все же лучше никакого…

– Возьми ее! – скомандовал Чалкус, сбрасывая Мероту у входа в расселину. Но той помощь не понадобилась: девочка резво, как белка, стала карабкаться внутрь щели. Илна, встав на четвереньки, поспешила за ней. Чалкус – лицом ко входу – двигался следом.

Внезапно он зарычал. Затем раздалось лязганье стали о сталь, и звук затих в чем-то мягком.

– Это на какое-то время замедлит их продвижение! – приглушенным голосом пообещал моряк. – Вы, может, удивитесь, дорогие леди… но, оказывается, быть мертвым – это еще не гарантия, что вас снова не убьют.

– Да, – отозвалась Илна, ввинчиваясь в трещину, которая обдирала ей плечи, – я очень рада.

Тьма впереди нее, казалось, дышала, как живая.

* * *

На мгновение Шарина зависла в воздухе, затем с громким всплеском шлепнулась в глубокую лужу на полу облицованного камнем помещения. Вода доходила ей до икр, но примерно с середины комнаты дно понижалось, ступенями уходя к дальнему концу. Над головой девушки показались когтистые ноги Далара, и она поспешно отскочила в сторону. Тот факт, что отверстие было проделано в знакомой гранитной плите, ее уже не удивил.

Птица приземлилась – надо сказать, куда изящнее Шарины. Голова Далара мгновенно развернулась: назад на сто восемьдесят градусов и снова вперед, напомнив девушке флюгер в ветреный день. При этом тело птицы оставалось неподвижным, лишь цепь с пирамидками поблескивала в руках. Шарина на всякий случай прижалась к сырой стене – не столько из-за предполагаемого врага, сколько из-за боевой стойки Далара. Позади них вырисовывался дверной проем, откуда падал дневной свет и доносились голоса.

– Так… Мы находимся в баке для воды, – констатировал телохранитель, заметно успокоившись. Затем раздалось знакомое кудахтанье – Далар смеялся: – Благодарение судьбе, что мы приземлились на этом конце… ибо я не умею плавать.

– Такой большой бак? – удивилась девушка. Мельница, которой владели на пару с дядюшкой ее друзья, тоже имела бак, выстроенный еще во времена Старого Королевства. Вода с крыши стекала туда по специальным желобам.

Илна утверждала (а уж она-то знала в этом толк), что дождевая вода гораздо полезнее для полоскания деликатных тканей. Но это помещение выглядело настолько большим, что вполне могло вместить мельницу вместе с постоялым двором. Оно сгодилось бы не то что отдельному дому, а целой деревне.

– Раз Валхокка так перестроилась, – сказала Шарина, – то, думаю, нам не грозит встретить здесь гулей. И… – она похлопала себя по кошельку, – мы сможем найти какую-нибудь еду. Честно говоря, я бы ужасно обрадовалась.

Далар ответил веселым кудахтаньем, шлепая за своей хозяйкой к выходу.

Дверь оказалась запертой снаружи.

– Может, нам удастся выломать ее? – в задумчивости спросил Далар.

Тяжелая деревянная дверь не имела изнутри ни запоров, ни ручки. Похоже, пользоваться ею полагалось лишь чистильщикам бака. Причем, судя по илистому налету на стенках, они вспоминали об этом весьма нечасто.

– В этом нет необходимости, – возразила Шарина, обеими руками поднимая свой нож. Она ударила изо всех сил, подрубая верхнюю петлю и высекая сноп искр. Дверная панель заметно накренилась, девушка присела на корточки и проделала то же самое с нижней

петлей.

– Да уж, слуга из меня еще тот, – хихикнул Далар. Вдвоем они толкнули дверь, освобождая ее от засова и крюка. Путь был свободен. Засунув нож обратно под плащ, Шарина шагнула вперед. Но ее телохранитель оттеснил девушку в сторону и занял передовую позицию, держа наготове в руке боевую цепь.

С едва заметной улыбкой Шарина последовала за ним. По идее следовало бы задержаться и привести в порядок лезвие ножа, на котором появилась свежая зазубрина… но уж больно возмущался ее пустой желудок. Чувство голода победило чувство долга.

Стоял ранний вечер, город вокруг них суетился и спешил по своим делам. Причем, если судить по внешнему виду, город, куда более современный, чем та Валхокка, где они повстречались с Даларом. Их окружали трех-, четырехэтажные здания с узкими фасадами и на каменных фундаментах. Верхние этажи были отделаны дранкой и изразцовыми плитками. Некоторые дома имели перед собой крохотные садики, отгороженные ажурными решетками.

– Ага, – с удовлетворением произнес Далар, разглядев постройку, которую они только что покинули. – Это не бак, а водоочистное сооружение для акведука. Вот уж не думал, что здесь, вдали от родины, обнаружу такую же совершенную систему водоснабжения, как в родном Роконаре.

Мимо них по тротуару проследовала пара богатых горожан, за которыми по пятам следовали слуги. Хозяева настолько были заняты своей беседой, что едва не наткнулись на Далара. Увидев его, они так и замерли с открытым ртом. Затем один из них театральным жестом распахнул свой голубой плащ и провозгласил во всеуслышание:

– Смотрите, вот он знак! Боги посылают нам весть о прибытии Микона Защитника!

Шарина сделала еще один шаг и загородила собой своего спутника.

– Мой друг прибыл из далекого края, – объяснила она. Девушка легко понимала речь местных жителей и надеялась в этом смысле на взаимность. – Мы чужестранцы, но не более того. Никакого отношения к Богам мы не имеем!

«По крайней мере, ничего об этом не знаем», – щепетильно добавила про себя.

Неподалеку от них остановился портшез с женщиной. Она что-то прошептала на ухо лакею, который осторожно обогнул оратора в голубом плаще и приблизился к Шарине.

– Скажите, он настоящий? – спросил лакей.

Далар с возмущением отверг попытку человека дернуть его за клюв. Тот, при виде цепи в ладони птицы, счел за благо удалиться.

– Конечно, настоящий! – ответила Шарина. – Он является дворянином из рода Роконара. Сюда прибыл с визитом.

– Каким именно? – поинтересовался мужчина, первым заметивший парочку. – Может, вы явились в Порт-Хокк, чтобы повидать принца Микона?

Шарине доводилось читать о Миконе Защитнике, принце Кордина, но она не предполагала, что это реальная историческая фигура. Согласно источникам, человек по имени Микон объединил под своей властью остров Кордин. И все это произошло в эпоху, предшествующую основанию Лорканом Королевства Островов. Это вполне могло соответствовать истине. Но вот дальше начиналась фантастическая часть истории. Якобы Микон являлся младшим братом Брута, бога Грозы, и пировал с ним в его облачном дворце. Раньше Шарина считала: раз конец истории выдуман, то и вся она – сказка.

Как выяснилось, нет. Так кто знает… может, Микон и впрямь посещал дворец Брута?

– Да ладно тебе, Гарамон, – одернул оратора его спутник. – Не валяй дурака! Скорее всего, это какой-то странствующий фигляр с Лодок. Микону не понравится твоя попытка выставить шута в перьях доказательством божественного происхождения Защитника.

– Боги когда-нибудь поразят тебя, Малат, за твое богохульство, – высокопарно заявил Гарамон. Затем, завернувшись в свой плащ, обратился к Шарине, уже спокойнее: – Это действительно так? Вы с Лодок?

– Да, господин, – ни секунды не колеблясь, ответила девушка. – Не подскажете, где мы могли бы найти пищу и ночлег?

– Не понял вопроса! – с удивлением нахмурился горожанин. – Наверное, в порту, среди своего народа. Где же еще?

Гарамон с товарищем отправились восвояси, лакеи поплелись следом. Собравшаяся толпа тоже стала расходиться, однако то и дело кто-нибудь оборачивался, чтобы посмотреть на Далара и Шарину. Пожалуй, разумные птицы попадались им реже, чем высокие блондинки. Хотя и блондинка весьма неплоха…

– Район порта, скорее всего, изменил свои очертания, – пробурчал Далар, – но, думается, двигать надо на юг.

И они пошли: Шарина впереди, птица за ней, идти бок о бок при таком оживлении на улицах у них не получалось. На противоположной стороне водоочистного сооружения находился бассейн с фонтаном, который питался внутренним сифоном. Здесь толпились женщины: наполняли свои терракотовые кувшины, болтали друг с другом, время от времени перекликаясь со знакомыми на балконах.

– А что такое эти Лодки? – тихо спросил Далар у своей хозяйки.

– Понятия не имею, – усмехнулась та через плечо, – но думаю, это лучше, чем быть предзнаменованием Богов.

Они шли по узкой, пыльной улице – замощена была лишь сточная канава посредине. Улица привела их к набережной, вот здесь все сверкало новеньким покрытием, стояли кирпичные бордюрные столбики. Войска в серебряных латах и с жезлами вместо мечей регулировали движение на набережной, но весь портовый район был забит народом. Здесь прогуливалось немало горожан в узорчатых одеждах, однако большую часть публики составляли сельские жители в домотканом сукне. На ногах их еще сохранилась пыль дальних дорог и грязь коровников.

В порту скопилось множество парусных судов: широкие, с низкими бортами и круто задранными носами, они представляли собой склады всяческих товаров. Окинув баркасы беглым взглядом, Шарина разглядела гончарные изделия, ткани, бесчисленные корзины с фруктами и даже несколько лавочек, где можно было опрокинуть чарку-другую. С корабля, стоявшего несколько на особицу, доносился стук кузнечного молота.

– Не исключено, – деланно безразличным тоном произнес Далар, – что в этом столпотворении я встречу кого-нибудь из соотечественников.

Шарина бросила сочувственный взгляд на товарища:

– Далар, ты же помнишь: от того времени, когда ты потерпел кораблекрушение, нас отделяют тысячи лет.

– Да, я знаю, – так же бесстрастно подтвердил роконарец. – Ну и, в любом случае, Шарина, я принес присягу и последую за тобой туда, куда придется. Хотя… не скрою, мне бы очень хотелось хоть разок еще встретиться с кем-нибудь из своих земляков. Пожалуй, – хохотнул он (несколько принужденно, с точки зрения Шарины), – мне следует определиться, к какому из десяти тысяч наших богов обращаться со своими молитвами.

Баркасы в некотором смысле являлись продолжением причала: они были пришвартованы так плотно, что давали возможность перебираться с одного на другой без всяких сходней. Кивнув в сторону одной из посудин – в третьем от берега ряду, девушка сказала:

– Смотри-ка, кажется, там что-то вроде кухни!

И они с Даларом начали прокладывать себе путь к вожделенной еде.

Вообще-то, по берегу тоже слонялись бродячие торговцы с тележками, но Шарине не хотелось есть на ходу. К тому же она рассчитывала разжиться хоть какой-нибудь информацией о месте, куда они попали. И, в частности, о Лодках. В многочисленных книгах, которые Рейзе читал со своими детьми, нигде не встречалось упоминания о них.

Хотя, если разобраться, это вполне объяснимо: большинство классиков из библиотеки Рейзе писали о Богах и полубогах, славных битвах и дворцовых интригах… ну и, может, о любовных похождениях. Смешно себе представить, чтобы Ригал описывал скитания Данна в поисках рыбной похлебки. Шарина, не удержавшись, хихикнула.

– Госпожа? – удивился ее телохранитель.

– Все в порядке, Далар, – отмахнулась девушка. – Наверное, у меня легкая истерика…

Но это и в самом деле было смешно.

Они спрыгнули с мощеной набережной на борт первого баркаса, где велась оживленная торговля одеждой самых различных покроев и расцветок. Даже не будучи столь искушенной в тканях, как ее подруга Илна, девушка все же понимала: здесь представлены товары с самых разных концов острова (а может, и не одного). Некий грузный мужчина в сопровождении двух слуг – или рабов – пытался всучить хозяину баркаса рулон грубого сукна. Женщины в Порт-Хокке использовали подобную материю для изготовления накладных украшений на одежде. Несомненно, Лодки служили распространению элементов отдельных культур во всем регионе.

Хозяева этих плавучих домов заметно отличались от смуглых горожан более светлым цветом лица и худощавым сложением. Под солнцем их лица приобретали красноватый оттенок. Они бегло болтали со своими покупателями, но Шарина заметила, что между собой эти люди изъяснялись на особом жаргоне, существенно отличавшемся от знакомого ей языка.

Следующая баржа была сплошь гружена картофелем в свободно увязанных тюках. Они перекатывались по палубе, как бурдюки с вином. Хозяин, как раз насыпавший свой товар на обширную чашу подвесных весов, мельком кивнул проходящим Шарине и Далару. Зато его многочисленные потомки побросали все свои дела и откровенно уставились вслед диковинной птице. Если это и было неприятно роконарцу, то виду он не подал: напротив, еще выше задрал голову и на третий корабль перескочил картинно-танцевальным движением.

В плавучей харчевне хозяйничала женщина средних лет. Она стояла у жаровни, а симпатичный юноша лет двадцати помогал ей: мелко рубил рыбу с овощами и заворачивал в лепешки. Тут же суетился десятилетний мальчишка – раскладывал готовые пироги на широких листьях морских растений и получал деньги у покупателей.

Шарина чуть не захлебнулась от набежавшей слюны. Впрочем, она чувствовала себя настолько голодной, что сейчас и сырые водоросли показались бы ей вкуснятиной. Когда опередившая ее пара пожилых крестьян отошла в сторону, с удивлением разглядывая приобретенный пирожок (вот вам и новые городские впечатления!), Шарина поспешила занять их место.

– Мне, пожалуйста, три вон тех… а мой друг будет… – и она вопросительно посмотрела на Далара.

– Тоже три, – кивнул тот, – для начала.

– О-о, вы, похоже, не местные, – подал голос юноша. Он с улыбкой поднял глаза на девушку, в то время как руки проворно продолжали работать. – Я имею в виду, не с наших Лодок.

Мальчишка подал Шарине два пирога, женщина тут же шлепнула еще парочку на жаровню. Она искоса бросила взгляд на чужестранцев, но вмешиваться в разговор не стала.

– Я с Хафта, а мой друг из более далеких мест, – ответила девушка, доставая кошелек. Медяки, которые она хранила в рукаве, растерялись за тысячи миль и лет отсюда. Хорошо еще, что серебро сохранилось. – К сожалению, у меня нет монет. Но, может быть, это…

– О, у нас на Лодках вы гораздо выгоднее продадите свой металл, – улыбнулся юноша. – А-а… Хафт, где же это такой будет?

Тем временем, женщина, все так же молча, сняла очередные два пирожка, отложила их в сторону и потянулась за слитком, который предлагала ей Шарина. Юноша вытер о фартук нож и подал матери. Та расположила слиток на разделочной доске, точным и сильным движением отколупнув крошечный кусочек.

– Чистое? – спросил сын.

– Судя по мягкости, да, – ворчливо ответила женщина. Она вернула серебро девушке, поместила осколок на одну чашечку подвесных весов и уравновесила другую несколькими

зернышками овса. Добившись желаемого результата, она смахнула металл в непромокаемый кошелек, который носила под туникой.

– Хафт – это остров, на севере отсюда, – пояснила Шарина.

Женщина подала ей три бронзовые монеты из мешочка, весящего у гриля. Единственной отличительной чертой монет являлась буковка, нацарапанная на лицевой стороне.

– А, мы-то больше плаваем в южном направлении, – продолжал говорить юноша. – На восток несут течения, на запад приходится добираться под парусами. Меня зовут Бантрус, мы вместе с моей матерью Браской владеем «Колумбиной».

Затем он ткнул большим пальцем на мальчишку-помощника:

– А это Пилф, мой племянник. Впрочем, здесь, на Лодках, мы все в той или иной степени родственники. Раз вы с Севера, то можете и не знать этого.

Естественно, они не знали.

– Я Шарина, а моего друга зовут Далар, – проговорила девушка с набитым ртом. После жаровни начинка пирожков, конечно, прогревалась, но пропечься не успевала. В другое время полусырая рыба покоробила бы Шарину, но сейчас она, наверное, проглотила бы кефаль еще живой.

– Вы, наверное, приехали посмотреть процессию Микона? – предположил Бантрус. Он вернулся к работе, но на лице по-прежнему гуляла улыбка как приглашение к продолжению разговора. – Поверьте, это прекрасное зрелище. Говорю вам абсолютно точно, несмотря на то, что уже наблюдал его пять раз.

– Микон следует за нами по всему побережью, – внес свою лепту Пилф, подавая Шарине последнюю пару пирожков. – По словам моего брата Джема, Микон знает, что толпу можно поймать на такой дешевый трюк. Именно поэтому он и тащится вдоль всего побережья.

– Пилф, прекрати болтать о политике с незнакомцами! – крикнула Браска. – И не вздумай обсуждать земельную политику с кем бы то ни было. У Джема мозги морского ежа, но я-то понимаю, что к чему… Так вот: если ты ослушаешься, я спущу с тебя шкуру и вдобавок отправлю обратно на «Попутный ветер».

– Да, госпожа, – пробормотал Пилф. Он без напоминания поджег от жаровни пучок морской травы и, вскарабкавшись на десятифутовую мачту, засветил там фонарь.

В этот момент где-то на набережной взревели трубы. Взошедшие звезды ярко горели на темно-лиловом восточном горизонте.

– Смотрите, начинается процессия! – в сердцах воскликнул Бантрус. – Мам, можно я поднимусь с нашими гостями на мачту? Ведь во время процессии все равно покупателей не будет.

– По мне, так они и сами могут куда-нибудь забраться и посмотреть, – огрызнулась Браска. Пожав плечами, она добавила, очевидно, в продолжение старого разговора: – Ты ведь теперь уже взрослый и не обязан считаться с матерью… Что тебе до нашего дела?

– Мам! Ну сколько раз тебе говорить…

– Думаю, нам лучше уйти, – громко вмешалась Шарина. Она обрела способность говорить таким образом – громко и звонко, с тех пор как стала леди Шариной с Хафта. Не то чтобы она очень хотела превратиться в аристократку или ей очень это нравилось… просто девушка научилась этому так же, как в свое время научилась обслуживать отцовских клиентов во время Овечьей Ярмарки.

Шарина решительно повернулась. И тут же Далар, поспешно запихав в рот последний пирожок, встал между нею и Бантрусом. Типичная реакция телохранителя, даже когда ситуация ничем не угрожала.

– Подождите! Глупо обращать внимание на ее ворчание, – обратился к ним Бантрус, снова понизив голос до нормальной громкости. Теперь с ними снова беседовал обычный паренек, а не разъяренный сын надоедливой матери. – Шарина… э-э… Далар!

Ну да, конечно. Ничего удивительного, что юноша запомнил в первую очередь имя

девушки.

– Давайте поднимемся на мачту, и вы насладитесь зрелищем процессии, – говоря это, парень отвесил легкий поклон в сторону Браски. Та с непреклонным видом стояла на корме судна, нарочито не замечая сына.

– Благодарю вас, – ответила Шарина, – с большим удовольствием.

С мачты свисала грубая веревка с узлами – очевидно, она играла здесь роль лестницы. Проигнорировав ее, девушка начала карабкаться по мачте, цепляясь руками и босыми ногами. У себя дома она привыкла лазать по деревьям, и ей хотелось доказать этому Бантрусу, что она не какая-нибудь изнеженная городская девчонка.

Увы, ее прошлое в Барке было так давно… Боль в грудных мышцах напомнила Шарине, что завтра наутро ей придется жестоко расплачиваться за сегодняшнее лихачество.

Взобравшись, она уселась на свернутый парус достаточно далеко от мачты, чтобы там осталось еще место для Далара между ней и Бантрусом. Похоже, юноша предпочел не понять намека (или, может, понял его весьма своеобразно) и устроился рядом с Шариной. Девушка начала что-то говорить, но тут ее телохранитель, совершив героический прыжок снизу, повис рядом – зацепившись когтями и вежливо поглядывая на юношу.

Тот сначала было сердито нахмурился, но затем, рассмеявшись, отодвинулся поближе к мачте и уступил место гостю. Он указал вдаль, откуда раздавался призывный звук труб.

– Смотрите! Скоро начнется.

Набережная была буквально запружена народом, но, насколько Шарина могла разглядеть при свете фонарей, среди наблюдателей собралось гораздо больше сухопутных горожан, чем старожилов баркасов. Она припомнила, что Бантрус рассказывал о Миконе, следующем за Лодками. Процессия приближалась, освещаемая светом дымящих факелов. Теперь девушка могла уже разглядеть лошадей: одна из них вскинула голову и громко заржала. Это вызвало одобрительные крики среди зрителей.

– Микон утверждает, что он брат бога Грозы, – заговорил Бантрус, понизив голос, чтобы мать не могла его расслышать. – Не удивлюсь, если люди верят ему – во всяком случае, обитатели сельской глубинки. Иначе какой смысл устраивать подобный переполох?

– Мой собственный опыт подсказывает: не всегда вы, люди, делаете то, что имеет смысл, – ответил Далар, наблюдавший за столпотворением. – Да и моя жизнь на Роконаре подтверждает это.

Какое-то время Бантрус обдумывал замечание птицы. Шарине юноша показался довольно неглупым, но сейчас он явно был поставлен в тупик. Очевидно, он привык больше ориентироваться на тональность слов, чем на их значение. Далар же принципиально избегал эмоциональной окраски своей речи… Да и вообще подчас вкладывал в слова совсем не тот смысл, который мог бы заподозрить слушатель.

– Ну, так или иначе, это достойное зрелище, – отреагировал наконец юноша. – Особенно когда смотришь впервые.

Он откашлялся и продолжал, снова заговорщицки понизив тон:

– Этот принц Микон… как бы поточнее выразиться. Он не делает ничего плохого жителям Лодок. Пока, во всяком случае… Но он какой-то недружелюбный, что ли. По-моему, он ставит целью подчинить себе весь Кордин. И, возможно, не только. Не удивлюсь, если он не успокоится, пока не доберется до облачного дворца с молнией – или куда там он нацелился…

– Но в вашем распоряжении ведь все море, – возразила Шарина. – Разве вы не можете убраться подальше от этого Микона? В конце концов, уплыть с Кордина?

– Нет, госпожа, не можем, – покачал головой Бантрус. – Лодки всегда останавливаются на ночь в каком-нибудь порту. Посмотрите сами…

И он обвел рукой гавань, забитую плоскими с крутыми носами баркасами.

– Мы можем пришвартоваться просто к берегу, если нам нигде не предоставят места… иногда мы так и делаем. Но плыть от Пэйра до Ноля – нам это не под силу. Мы – торговцы, а не мореходы.

– До Ноля? – вырвалось у Шарины.

– Есть такой остров на востоке, госпожа, – пояснил юноша, очевидно, решив, что она никогда о нем не слышала. – Йольцы торгуют зерном и цитрусами. А также поставляют на рынок так называемое апельсиновое вино.

– Ну да, – кивнула девушка. Она и забыла, что пока Ноль представлял собой просто один из Островов. Пройдет еще несколько тысячелетий, прежде чем ошибка придворного мага приведет к катастрофе. Остров опустится на морское дно и на многие века станет символом воинствующего зла.

– Мы на своих Лодках играем роль посредников для жителей всех Островов, – с гордостью продолжал Бантрус, но в голосе его девушка услышала и тревожные нотки. – Видите ли, все реки, впадающие во Внешнее Море, текут по неудобным скалистым долинам. Крестьянам, обитающим в глубинке, приходится добираться до побережья, обменивать свой товар и затем возвращаться обратно к себе на ферму. Возможно, от соседней долины их отделяет всего несколько миль. Но там дорога пролегает через непроходимые горные хребты, и им проще осуществлять торговлю через нас.

Краем глаза Шарина заметила какое-то движение в дальнем конце набережной, но продолжала, наклонившись вперед, слушать Бантруса. Юноша рассказывал ей совершенно незнакомые вещи. Помимо академического интереса, который Рейзе сумел привить детям, Шарину интересовала и практическая сторона вопроса: в путешествии любая информация ценна. Не исключено, что именно она спасет ей жизнь.

– Выходит, сухопутные люди нуждаются в нас, – продолжал Бантрус. – Но и Лодки не могут существовать без земли. Во времена моего прапрадедушки на каждом клочке суши был свой правитель со своим законом… где лучше, где хуже. Но все они знали, что Лодки необходимы им. Сейчас же… – Юноша пожал плечами. – Микон подминает под себя весь Кордин. Он требует, чтобы все подчинялись ему – поклонялись, как он теперь говорит. Он претендует на роль Бога. А мы, на Лодках, не привыкли кланяться кому-то на суше. Да даже если б мы и хотели… не можем же мы одновременно поклоняться Микону и Жрице Гвельфа на Шенги. А ведь есть еще Рагга на Тизамуре и многие другие. И кто его знает, сколько новых богов появится, прежде чем я доживу до возраста моей матери?

– Возможно, у правителя всех Островов и не возникнет такой нужды в Лодках, как у мелких вождей, – логично предположила Шарина. – Хотя, на мой взгляд, им невыгодно отказываться от ваших услуг.

– Знаете ли, среди моих соотечественников очень часто встречались люди, – снова вступил Далар, – которые скорее бы поступились своими материальными интересами, чем властью над другими согражданами. То же самое я видел и среди людей.

Скривившись, Бантрус махнул в сторону набережной.

– Ладно уж, смотрите представление, а то все пропустите. И, если на то пошло, все эти разговоры бесполезны. Вряд ли вы сможете нам чем-то помочь… если, конечно, вы сами не относитесь к разряду богов.

Трубачи, сопровождавшие процессию, выдули долгую пронзительную ноту и смолкли. Вместо них в рупор взревел глашатай:

– Да здравствует Микон, Защитник Кордина, брат бога Грозы!

– Вы слышите? Гром! – удивленно воскликнула Шарина. Она хорошо видела человека, неподвижно стоявшего в открытой повозке, которая медленно катилась по улице. Его серебряные доспехи ярко блестели в свете факелов. Рядом с повозкой шел закованный в латы эскорт. И этот звук… при совершенно ясном небе!

Затем она разглядела группу слуг в простых туниках и головных повязках. Выбежав из-за экипажа, они бросились вперед, таща с собой…

И тут девушка начала смеяться.

– Смотрите! Да они же несут бронзовые листы и подстилают их под колеса повозки. Немудрено, что раздается такой грохот, будто гремит гром. Вот вам и вся божественность Микона!

– Да здравствует Микон, Защитник и Бог! – продолжал надрываться человек с рупором, его слова едва можно было разобрать из-за искусственного грохота. Впереди повозки шагали солдаты, в чью задачу, помимо приветственных криков, входила еще и расчистка дороги от напиравшей публики.

Собравшиеся горожане тоже надсаживались будь здоров. Шарина вспомнила мужчину, который заговорил с ними, как только они появились из водяного бака.

– Должно быть, некоторые и впрямь верят в Микона, – произнесла она вслух. – Или же решили поддерживать его по каким-то своим соображениям.

– Да, – нехотя согласился Бантрус. – Но даже среди тех, кто не верит… вряд ли сыщется хоть один из десяти, кто рискнет возмутиться, если Микон захочет прибрать к рукам Лодки.

Юноша придвинулся к собеседникам и еще больше понизил голос.

– Нам надо сражаться, если мы хотим выжить, – прошептал он. – По крайней мере, быть к этому готовым. А такие, как моя мать, даже мысли подобной не допускают. Мы же с моими друзьями не можем мириться.

Шарина в ответ серьезно кивнула, но что сказать, не нашлась. Если уж Лодки непригодны к дальним плаваниям, то еще меньше они годятся на роль пиратского флота. Вот и выходит, что правители Островов вполне могут обойтись без Лодок с их обитателями. И те оказываются в полной зависимости от доброй воли – или хотя бы терпения – правителя.

Теперь девушка понимала, почему никаких упоминаний о Лодках не дошло до ее дней. Они попали в разряд информации между правдой и мифом, нечто мимолетное, которое исчезло, испарилось еще на памяти поколения Бантруса. Как он и боялся…

Процессия – все так же медленно и с помпой – продвигалась по набережной. Шарина не могла отделаться от ощущения, будто происходит что-то зловещее.

Проследив за взглядом Бантруса, она заметила человека, который приближался к «Колумбине», пересекая ряды пришвартованных баркасов.

– Это Джем, – пояснил юноша. – Наверное, что-то случилось.

Он начал спускаться, бросив гостям:

– Мне надо поговорить с ним. А вы можете здесь оставаться …

– Думаю, мы увидели уже достаточно на сегодня, – решила Шарина. Ее телохранитель, поняв с полуслова, последовал за Бантрусом вниз по мачте.

Они спустились как раз в тот момент, когда Джем – здоровый парень со шрамом через весь лоб – ступил на палубу. Браска, угрюмо зыркнув на него со своего места, запальчиво заявила:

– И не рассчитывай, что я потерплю тебя здесь с твоими глупостями! Думаешь, я не знаю, что у тебя на уме? Прекрасно знаю!

– Они здесь! – воскликнул Джем, пожирая глазами Далара. Затем обернулся к Бантрусу: – Он настоящий?

– Вполне, – уверил его Далар и для вящей убедительности дрыгнул правой ногой в воздухе. Из-под другой ноги полетели щепки – никто не посмел бы утверждать, что это переодетый человек.

– Что ты имеешь в виду? Кто здесь? – поинтересовалась Шарина, у нее появились дурные предчувствия.

– Вы – те самые, кого разыскивает Микон! – пояснил парень. – Кто-то сообщил ему, что на Лодках объявилась огромная птица, а с нею прекрасная принцесса. По словам Микона, их послал его брат Брут, бог Грозы. Он уже отправил людей обыскивать порт.

Обернувшись к приятелю, Джем добавил:

– Хоть я считал все это выдумкой, тем не менее понимал: ни с того, ни с сего Микон не устроит такой переполох, должна существовать какая-то причина. Именно поэтому я поспешил сюда предупредить тебя. Вот уж никак не ожидал…

Он снова уставился на Далара. Спросил:

– Так это правда? Боги действительно послали вас встретиться с Миконом?

– Вы должны немедленно покинуть наш корабль! – завизжала Браска. Она выхватила разделочный нож и, не помня себя от страха, замахнулась на Шарину. – Сейчас же! Вон отсюда!

Далар немедленно подобрался для броска, но Шарина встала между ним и обезумевшей женщиной.

– Она права, нам надо уходить, – сказала она. Девушка понятия не имела, каковы у Микона виды на птицу, зато прекрасно представляла себе, какая роль уготована ей самой при дворе правителя. – И не беспокойтесь: мы не собираемся вести дел с Миконом. Скажите, куда мы можем уйти?

– Ей нельзя здесь оставаться! – продолжала вопить Браска. Руки у нее тряслись, глаза остекленели от ужаса. Она была сильной, уверенной женщиной, но сейчас неведомая опасность буквально парализовала ее мыслительные способности.

– Джем? – очнулся Бантрус. – Если сегодня ночью мы выплывем в Клестис, у нас будет время все подготовить. Надо действовать немедленно!

– Точно, – кивнул его товарищ после секундного колебания. Обращаясь к Шарине, он произнес: – Пойдемте с нами на «Попутный Ветер», мы отплываем сегодня же. Они хотят сделать из вас символ… Отлично, но вы станете нашим символом!

Он развернулся и перепрыгнул с носа «Колумбины» на корму соседнего судна, возвращаясь тем же путем, которым прибыл сюда. Без малейших раздумий Шарина последовала за ним. Слабо себе представляя, во что ввязывается, девушка тем не менее прекрасно понимала от чего бежит.

У них за спиной Бантрус торопливо увязывал в узел свои нехитрые пожитки. Его мать, выронив нож из рук, тихо подвывала.

* * *

Лорд Валдрон, отвесив поклон принцу Гаррику, произнес:

– Восемь батальонов могут выступить в течение четырех часов…

Скорчив кислую гримасу, он выдавил из себя:

– … Ваше Высочество. Сюда же я включаю фалангу. Практически передовые части готовы к марш-броску немедленно, остальные подтянутся за ними.

Он бросил через стол высокомерный взгляд на лорда Аттапера и спросил.

– Командир Кровавых Орлов с многолетним стажем желает что-нибудь добавить?

Несмотря на ворчливый тон Валдрона, Гаррик оценил его поступок: обращение к извечному сопернику являлось попыткой снизить накал страстей в ходе совещания. Старый аристократ понимал: принц все равно поинтересуется мнением Аттапера. Считая это оскорбительным для себя, он пытался предвосхитить подобное развитие событий собственным вопросом.

– Я бы ввел фалангу в бой без промедления, – ответил Аттапер. – Лорд Зеттин вместе с инструкторами из Кровавых Орлов проделали большую работу и достигли впечатляющих результатов… под общим управлением Королевской Армии.

Легкий поклон в строну Валдрона.

– Ну что ж, тогда сегодня ночью… – начал Гаррик.

Но в этот момент дверь у него за спиной распахнулась, и юноша обернулся. Остальные члены совета были возмущены: Валдрон в гневе даже схватился за меч. Гаррик же почувствовал, как его окатило ужасом. Должно было произойти что-то из ряда вон выходящее, чтобы их прервали в такой момент.

На пороге появился его отец в сопровождении человека с наспех перевязанной, головой и в забрызганной кровью одежде. Судя по костюму – туника с белой каймой и высоко зашнурованные сапоги – мужчина служил носильщиком для высокопоставленных придворных лиц.

Рейзе вскинул руку, останавливая лорда Питре, который собирался сказать что-то резкое.

– Перескажи им то, что ты сообщил мне! – велел он носильщику.

– Мы с Хиллером стояли на посту у покоев леди Теноктрис – вдруг понадобится куда-нибудь ее отнести? – когда к ней заявился какой-то мужчина, с виду – жирный деревенщина, – начал рассказывать парень. Невольно содрогнувшись, он прикоснулся к повязке, которая успела уже пропитаться кровью.

Отложив свои записи в сторону и прихватив кувшин со стола, Лиэйн поспешно бросилась к носильщику.

– Мельник Катчин, – пояснил Рейзе сыну и всем остальным. – Прости, Гаррик, это моя оплошность. Часовые на воротах видели, как он приходил ко мне раньше. Поэтому приняли на веру его слова о том, что у него личное дело к господину управляющему.

Гаррик лишь отмахнулся. Сейчас не время искать виноватых. К тому же никто – ни Рейзе, ни он сам – не мог предусмотреть такого подвоха со стороны родственника.

– Я слышал их разговор, – продолжал носильщик с закрытыми глазами. Лиэйн тем временем сняла свой пояс и, разодрав его на бинты, осторожно промакивала рваную рану на голове бедняги. – Он заявил, что вы послали за леди Теноктрис. Якобы необходимо срочно доставить ее в конюшни на Белой улице, те самые, что стоят на развалинах старого храма. Причем немедленно и без охраны.

– Без охраны? – взвился Аттапер, голос его не предвещал ничего хорошего.

– Именно так он сказал, – поспешил поправиться носильщик. – Но стражники отказались отпускать леди одну. Они сослались на приказ командира и сказали, что не посмеют его нарушить, пусть хоть сама Госпожа спустится с неба и потребует иного.

Аттапер удовлетворенно кивнул. Гаррик не решился бы назвать гримасу на лице старого Кровавого Орла улыбкой, но это было максимально к тому близко… если вообще допустить, что гранитная глыба способна улыбаться.

– Мы вышли вместе с этим простолюдином, – рассказывал носильщик. – За воротами его дожидались наемные носилки. Леди Теноктрис захватила с собой свою сумку. Она что-то делала по дороге, но что именно, я не знаю.

Раненый принял чашу из рук Лиэйн и жадно прихлебнул из нее. Девушка поморщилась, заметив, что вода смешалась с капавшей кровью, но сам носильщик, похоже, не обратил на это ни малейшего внимания. Скорее всего, он попросту ничего не видел.

– Мы прибыли на место, – продолжал мужчина. Голос его звучал по-прежнему хрипло, но он немного приободрился. – Это действительно оказались конюшни, как он и говорил. Там было заперто, но незнакомец отпер дверь своим ключом. Он повел леди Теноктрис вниз, и охранники отправились с нею. Мы с Хиллером остались снаружи у носилок, но нам все было хорошо слышно.

«Мы знаем имя его напарника, – подумал Гаррик, – но не его собственное. При других обстоятельствах я никогда вообще бы не обратил внимания на этого человека».

– Так вот, я слышу: леди Теноктрис говорит что-то о камне. А стражник толкует о какой-то статуе. И тут кто-то как закричит… И вспышка красного света, только…

Носильщик поднял глаза на слушателей и замялся в некотором смущении.

– Клянусь Госпожой, милостивые господа: он проявился прямо сквозь камни, а не то, чтобы прошел через обычную дверь, как это делают все. Поверьте, я не лгу. Именно так все и было.

– Продолжай, – спокойно велел Гаррик. Он чувствовал присутствие короля Каруса внутри себя – будто пружина сжата до предела. Но оба: и юноша, и его предок – понимали, что прежде, чем действовать, необходимо получить информацию. Аттапер и Валдрон выслали своих помощников из зала заседания: в случае чего войска должны быть готовы к немедленным действиям.

– Мы с Хиллером побежали к лестнице, – рассказывал носильщик. – Он впереди меня… ну, как мы и шли до того. И увидели перед собой фундамент… а задней стенки нет

как нет. Вместо нее: заснеженное поле. И посреди него стоят какие-то ужасные создания – ничего страшнее я в жизни не видел. Знаете, вроде пауков… или еще хуже. Но стоят на задних лапах и огромные, как быки. И эти твари пошли в нашу сторону, а охранники бросились на них.

Мужчина бросил тоскующий взгляд на графин с вином, стоявший на столике. Гаррик потянулся и подал его страдальцу, игнорируя строгий отцовский взгляд.

– Правильно, парень, ну его к чертям собачьим – этот этикет, – проворчал король Карус. – Бедняге просто необходимо выпить.

– Хиллер бросился обратно, а я замер на месте, как примерз, – продолжал носильщик. Лиэйн тем временем оканчивала промывать рану у него на голове. Кинжалом, который всегда носила с собой, она откромсала кусок от подола своей внешней туники. – Тут мы столкнулись и кубарем покатились по лестнице. И увидели… там был какой-то человек, весь в белом. Он появился вместе с монстрами. Леди Теноктрис что-то начала говорить ему… но тот покрутил какую-то штучку перед ней, и леди вроде как окаменела. И этот парень увел ее с собой.

– А что в это время делали стражники? – спросил Аттапер. Он старался говорить бесстрастно, но слова дрожали и рвались вперед, как горячие скакуны на старте.

Носильщик бросил на него странный взгляд.

– Они умирали, милорд, – ответил он. – Я уже говорил вам: эти твари были ростом с быков. К тому же имели жуткие когти на всех шести лапах. Один ударил меня, вот посмотрите, что осталось…

И он осторожно прикоснулся ко лбу, стараясь не мешать Лиэйн, которая накладывала ему новую повязку.

– … сами понимаете: после такого я попытался удрать. И здесь мне повезло больше, чем бедняге Хиллеру.

– Госпожа Милостивая! – вскипел Валдрон. – Ты просто бежал?! Да ты должен…

– Он сделал именно то, что должен был, – вмешалась Лиэйн. Она бросила на вояку взгляд через плечо, в то время как пальцы ее ловко закрепляли повязку золотой фибулой. – А именно: поспешил сюда информировать нас.

– Ты в состоянии ехать верхом? – спросил Гаррик у носильщика.

– Что? – растерянно переспросил тот. – Я верхом? Нет, конечно, милорд.

Как Гаррик и ожидал.

– Тогда мы все пойдем пешком, веди нас! – решил он. Может, лучше положить парня в паланкин? – Ты сможешь проделать этот путь?

– Еще бы, сир, – с неожиданной гордостью ответил мужчина. – Сюда я бежал во весь опор и радовался, что голова осталась на плечах. А вот Хиллер… Подонки! Он валяется там, как головешка! – Вскинув голову, он решительно сказал: – Пойдемте. Я поведу вас!

– Берем с собой всех дежурных Кровавых Орлов, – дал распоряжение Гаррик лорду Аттаперу. – Остальные остаются здесь и ждут дальнейших приказаний.

– Есть, – козырнул тот, еще один его помощник метнулся к двери. – Я уже поднял весь батальон по тревоге.

– Лорд Валдрон, – продолжал принц. – Распорядитесь, чтобы Королевские Войска были наготове в казармах.

– Да, Ваше Высочество. – На этот раз в его обращении не чувствовалось ни зависти, ни иронии. Наверное, дело в серьезности момента, а возможно, в той стальной решимости, которая появилась в голосе юноши – вот он, Карус! – в минуту кризиса. – Сейчас они уже вооружаются.

– Ну все, тогда выходим! – Гаррик поднялся и принял из рук слуги свой меч на перевязи, который снимал на время совещания.

Глава 18

Отряд Кровавых Орлов в походном снаряжении – щиты, нагрудники и шлемы – следовал по Белой улице. Они решительно распихивали зазевавшихся прохожих, которые имели неосторожность проигнорировать предупредительные сигналы трубы. Гаррик недовольно поморщился: несмотря на то, что солдаты орудовали не остриями, а древками копий, зрелище не из приятных.

Однако выбирать не приходилось, они спешили на выручку Теноктрис, и удобством горожан придется пожертвовать. Что такое пара синяков по сравнению с хаосом, воцарившимся во всем мире. А это, несомненно, произойдет, если им не удастся вернуть волшебницу.

Окраинные улицы Вэллиса прокладывались на месте существовавших когда-то овечьих троп. Эти животные, как правило, мало заботятся о скорости передвижения: они выбирают не кратчайшую дорогу, а наиболее удобную. Носильщик (как выяснилось, его звали Майло) миновал очередной поворот и ткнул пальцем:

– Вот, это здесь!

Наряд городских дозорных топтался у бокового входа в конюшни. Они явно чувствовали себя не в своей тарелке, один из стражников корчился в стороне – его рвало. Городские зеваки держались на разумном расстоянии. Собралась изрядная толпа, и уличные торговцы уже шныряли со своими тележками.

Завидев подкрепление, командир Дозора с видимым облегчением бросился навстречу солдатам.

– Там есть убитые! – для доклада он выбрал Аттапера, очевидно, привлеченный блеском его кирасы. Гаррик в гражданской одежде стоял рядом. – Там внизу валяется какое-то чудовище… и мертвые люди. Прости меня Пастырь, но я не знаю, сколько их!

Тем временем прибыли новые солдаты. Становилось тесно, один из вояк поскользнулся и упал, грохоча своим металлическим обмундированием. Подбитые гвоздями солдатские сапоги мало подходили для передвижения по мощеным городским улицам, как всегда залитым помоями.

Гаррик с завистью посмотрел на их проводника: тот даже не запыхался. В отличие от него самого. В последние недели слишком много времени приходилось ему проводить за столом, вот и потерял форму. Принц ежедневно тренировался с мечом, но, как выяснилось, это оказалось слабым подспорьем в пеших переходах.

А еще Гаррик ежедневно молился Пастырю, чего раньше – в бытность простым крестьянином – за собой не замечал. Скорее всего, дело заключалось не в возросшей религиозности. Просто принцу приходилось решать множество важных дел. Помощь и поддержка были ему крайне необходимы.

Юноша обнажил меч, чувствуя трепет короля Каруса при звоне лезвия о ножны. Дозорный отпрянул, с удивлением глядя на человека в штатском, демонстрирующего оружие.

– Аттапер, – распорядился Гаррик (или король Карус в его сознании?), – десять человек спускается вниз с нами. Остальные стоят наготове.

Командир Кровавых Орлов прокричал приказ, и небольшая группа во главе с принцем начала спускаться по грубо вырубленным ступеням. В принципе, идти первым полагалось бы Аттаперу, но юноша – как более молодой, к тому же не отягощенный тяжелым обмундированием – оказался проворнее и захватил инициативу.

В подвале царила сущая бойня. Обнаружились останки четверых Орлов, причем у одного из них кираса буквально сплющилась, раздробив грудную клетку. Тут же, у колонны, валялась голова несчастного Хиллера, но уже облегченная на унцию мозгов, которые размазались по камню.

В углу сидел Катчин Мельник, занятый весьма неотложным делом: он пытался вправить обратно собственные кишки, которые вывалились через рваную рану на животе. Он поднял глаза на появившегося Гаррика, но не произнес ни слова.

Труп одного из монстров валялся неподалеку от его жертв – юноша услышал, как лорд

Аттапер пробормотал что-то одобрительное. Все тело и конечности чудовища покрывали скользкие хитиновые пластины грязно-белого цвета. На вид они казались достаточно прочными, чтобы вынести скользящий удар мечом. Суставы лап поросли шерстью.

Этой твари повезло меньше: все ранения оказались проникающими. Из глубоких порезов сочилась желтоватая сукровица. Но смерть ему, очевидно, принес удар, поразивший один из его сложных глаз – обломок меча так и остался торчать из глазницы. Монстр попытался извлечь его, но не преуспел в этом занятии: лезвие вошло слишком глубоко в мозг. Тем не менее, стальные клешни буквально свили стальной клинок, как простую тянучку.

По словам Майло, чудовища были ростом с быка. Если он и ошибся, то в меньшую сторону. Челюстные пластины у этого экземпляра оказались разбитыми и перемешанными в разверстой пасти, как битое стекло.

– Что тут произошло, Катчин? – негромко спросил Гаррик. Придерживая ножны, юноша присел рядом с умирающим.

– Все пошло наперекосяк, – промолвил тот. – Мне полагалось только привести сюда старуху и поставить вон в ту нишу статуэтку, которую мне дали.

Катчин говорил обычным голосом, видно, глубокий шок не позволял ему чувствовать боли. Понимал ли он, что уже мертв – так же, как те расчлененные трупы, которые валялись поблизости?

Гаррик повернулся к стене, по которой блуждал отсутствующий взгляд Катчина. Там, на стыке двух камней, он и впрямь разглядел неглубокую нишу. Но никакой статуэтки не было.

– Кто велел тебе это сделать, Катчин? – твердо спросил юноша.

Аттапер тем временем молча исследовал хитиновую броню монстра, сначала – в сочленениях конечностей, затем – на груди. Остальные Кровавые Орлы с интересом наблюдали за изысканиями своего командира. Лишь один солдат стоял рядом с Катчином, предусмотрительно приставив копье к его груди. Его товарищ укладывал останки погибших в отдельные кучки.

Катчин нахмурился, пальцы продолжали двигаться, казалось, помимо его воли: скользкие внутренности снова и снова вываливались из его живота.

– Не знаю, – потерянно промолвил он. – Я не помню. Хотя… там, кажется, был мужчина в белом. Может, волшебник? Точно, мне велел волшебник.

Мельник смотрел на всех отстраненным взглядом. Насколько помнил Гаррик, этот человек никогда ничем не интересовался, кроме своей персоны. Сейчас, похоже, и собственная судьба его не занимала. Совсем плохо. Перед принцем сидел живой мертвец.

– Ваше Высочество! – послышался из угла комнаты голос одного из солдат. Острием копья он указывал на что-то, наполовину скрытое под оторванной ногой монстра. – Тут какая-то статуэтка. Может, он о ней говорит?

Приподнявшись, Гаррик попытался рассмотреть, но в глаза ему лезли лишь жуткие обломки.

– Приподними ее, – попросил он солдата, но тут же понял: Кровавый Орел до смерти боится прикоснуться к своей находке. И это бывалый вояка, не раз смеявшийся в лицо опасности! Да, в такой ситуации лучше не насиловать волю человека. Принц поднялся с корточек и направился в угол.

И тут его взгляд наткнулся на Лиэйн. Видно, она проскользнула в подвал, пока Гаррик беседовал с Катчином. Предполагалось, что девушка, прибыв сюда на носилках вслед за солдатами, останется снаружи. И вот теперь, обнаружив ее в этой покойницкой, юноша снова – в который раз! – был поражен ее выдержкой и самообладанием. Лиэйн казалась живым воплощением статуи Госпожи.

Шагнув мимо застывшего громилы-солдата, девушка подняла статуэтку. Она представляла собой непонятный конус, похожий на детскую игрушку-вкладыш: в каждом конусе вырезан другой, поменьше, и так далее. Когда Лиэйн подала вещицу Гаррику, та

тихонько зашуршала.

В контуре угадывалась обнаженная женская фигура со странно удлиненными формами. Даже в таком искаженном виде она обладала неизъяснимым холодным очарованием. Гаррику на ум почему-то пришли морские волны, набегающие на берег в зимний день.

– Статуэтку надо повернуть в определенном направлении? – спросил принц у Мельника. Самый внешний конус был окрашен в желтовато-кремовый цвет, в то время все внутренние поверхности отливали холодным тоном – как солнечный свет на заснеженном поле.

Бесполезно. На лице Катчина застыла слабая улыбка. Он не говорил, не перебирал больше свои внутренности, но продолжал едва заметно дышать.

– Так, ладно, – Гаррик поднялся, держа конус в левой руке. В правой блеснуло лезвие меча.

– Лиэйн, отойди за спину солдат, – распорядился юноша, отсылать наружу ее было бесполезно. Обернувшись к Аттаперу, он усмехнулся: – Давайте рискнем и посмотрим, что получится.

Гаррик установил статуэтку в нишу и отступил на шаг. Костяная поверхность внезапно растворилась в алом пламени – так же, как и древние камни вокруг. Стены подвала задрожали, как при землетрясении. С перекрытий посыпалась пласты вековой грязи.

– Гаррик и Острова! – крикнул Аттапер и шагнул во главе своего отряда за принцем в неизвестность.

Переступив порог портала, Гаррик чуть не задохнулся от холода. Кожу у него моментально стянуло, юноша зажмурился и в какой-то момент решил, что накинувшийся на них дикий ветер – тоже магического происхождения.

Оступившись на неровном гравии, он невольно открыл глаза и огляделся. Гаррик со своими людьми, окутанные розовым сиянием – с этой стороны портала оно было гораздо бледнее, оказался в выстуженной пустыне. Жалкий мох ютился в щелях между камнями. Все остальное пространство занимал лед: от горизонта до горизонта. Он сиял под лучами солнца, только-только показавшегося над каменистой пустыней.

– Вон Теноктрис! – воскликнула Лиэйн, указывая на запад. Там, на фоне неба светилась арка моста – того самого, призрачного моста. За дальним его концом вздымались блестящие здания Клестиса.

А посередине моста двигалась фигура в белом: мужчина скорее плыл по воздуху, нежели шел. Перед ним четверка слуг, даже издали можно было разглядеть неживую механистичность их движений – несла на носилках застывшую фигуру Теноктрис. И они уходили! Участки моста, которые процессия миновала, попросту исчезали: растворялись во вспышках света. От берега их отделяло расстояние, меньше одного полета стрелы. Гаррик со своими людьми ни при каких условиях не мог их перехватить.

К тому же, похоже, у них назревали более неотложные дела.

– Помогите! – раздался отчаянный крик. Со стороны ледяной пустыни к ним брела обнаженная женщина. Казалось, еще немного – и она упадет. На теле у женщины видны были ссадины и синяки, а самая глубокая рана обнаружилась на правом бедре. – Господа! Во имя Госпожи, молю о защите!

В этот момент сквозь пелену света выступило новое подразделение Кровавых Орлов. И это, несомненно, было кстати, поскольку за женщиной обнаружилась погоня – парочка насекомовидных чудовищ. Двигаясь на четырех задних конечностях, они довольно быстро приближались. Время от времени то один, то другой становились на две ноги и издавали скрежещущие вопли.

– Разбиться по шеренгам! – скомандовал Аттапер. – Сомкнуть ряды! Первая шеренга встречает врага на копья! Вторая – по команде пускает в ход дротики, затем переходит на мечи!

Затем он обернулся к Гаррику:

– Вы вместе с леди Лиэйн…

Женщина на поле едва переставляла ноги. Она находилась в двадцати ярдах от двойной шеренги Кровавых Орлов, и примерно на таком же расстоянии от нее были преследователи.

Гаррик закинул свой меч в ножны и метнулся навстречу беглянке.

– Вперед! – рявкнул Аттапер.

– Гаррик и Острова! – поддержала его Лиэйн. Если кто-то из этих двоих и подумал: «Гаррик – идиот! », то до поры они оставили свое мнение при себе.

В мозгу у юноши раздавались подбадривающие возгласы Каруса, но – надо отдать ему должное – решение броситься на спасение незнакомки принадлежало лично Гаррику. Настигнув ее в два прыжка, он перекинул женщину через правое плечо и развернулся, чтобы бежать обратно. До него уже доносилось зловонное дыхание монстров, в нем чувствовался застарелый трупный запах.

Чудовища бодро продолжали преследовать свою жертву, ведь им вдобавок предлагалось дополнительное свежее мясо – что ж, они явно не возражали.

Грубый гравий под ногами представлял собой не самую удобную беговую дорожку, но у Гаррика имелась солидная подготовка на аналогичных пляжах родной Барки. К тому же в таком взвинченном состоянии, как сейчас, юноша, наверное, мог бы при необходимости исполнить джигу на острие меча.

– Да благословит вас Госпожа, прекрасный герой! – выдохнула женщина. Тело ее оказалось неожиданно горячим, будто она только что выскочила из натопленной комнаты, а не брела по ледяной тундре. К тому же ее гибкая фигурка была на удивление легкой.

Первая шеренга Кровавых Орлов шагнула вперед: звякнули их защитные передники с заклепками, слаженно грохнули о землю кованые башмаки. Они держали свои деревянные щиты достаточно высоко, чтобы иметь возможность озирать поле боя. Зато копья, наоборот, находились в нижнем положении: хочешь – метни вперед, хочешь – упрись тупым концом в землю. Задняя шеренга и другие Кровавые Орлы, которые все прибывали через открытый портал, вскинули копья, изготовясь их метать по команде.

Гаррик проскользнул мимо передовых Орлов и затормозил, ухватившись левой рукой за копье. Женщина скатилась с его плеча, и Лиэйн подхватила ее, чтоб не дать упасть на землю.

– Залп! – громко скомандовал Аттапер.

– Гаррик! – взревела шеренга Кровавых Орлов за его спиной. Руки метнулись вперед, посылая тяжелые дротики в приближающихся монстров.

К сожалению, времени на планирование не оставалось. Поэтому с копьями случился разнобой. В чудовище, которое бежало слева, полетело шесть копий, в то время как на долю правого пришлось только четыре. Почти все достигли цели, лишь одно копье вскользь столкнулось с мощной хитиновой пластиной на животе твари и отлетело в сторону.

Монстр справа завалился набок. Три его конечности продолжали молотить в воздухе, тогда как остальные три замерли в той позе, в какой их застало копье, угодившее в глаз чудовища.

Его товарищ продолжал наступать, потрескивая хитиновыми пластинами, переступая с ноги на ногу. Пять копий застряло в его торсе и брюхе – по ним стекала желтоватая сукровица. Передний ряд солдат обрушился на раненого монстра как молот на наковальню. Мелькнули копья, раздались яростные крики Орлов-ветеранов.

И практически в тот же момент треснул щит, во все стороны полетели щепки: береза не выдержала удара. Одновременным движением мощных передних лап чудовище отшвырнуло в стороны двоих солдат и продолжало переть дальше.

Уцелевшие переместились на фланги, предоставив противника второй шеренге, которые приняли его на ощерившиеся мечи. Еще два копья воткнулись в хитиновое тело, появились новые вмятины и порезы. Одна из средних лап повисла в воздухе, перерубленная в суставе. Но монстр, орудуя ею, как цепом, умудрился вывести из строя еще одного солдата.

Гаррик обнажил свой меч.

– … Колдуны пленили меня, – доносился сквозь шум схватки голос спасенной

женщины. Информация, может, и полезная, но несколько несвоевременная.

Собственно, все окажется неважным, если в ближайшие минуты Гаррик сложит голову.

Чудовище продолжало наступать, оставляя за собой дорожку искалеченных тел. Кровавые Орлы являлись храбрыми воинами, искушенными во многих битвах, но они привыкли сражаться с людьми – к тому же их собралось слишком много на маленьком пятачке для успешной рукопашной схватки.

– Лорд Аттапер! – крикнул Карус голосом Гаррика. – Отведите своих людей назад! Я сам сражусь с монстром, мне не впервой!

Именно так и поступали король Карус и Гаррик: в драке с чудовищами подчас приходится прибегать к скорости и изворотливости там, где грубая сила бесполезна, а оружие является, скорее, обузой, чем преимуществом.

– Отзовите людей! Или клянусь честью – вы все у меня будете чистить выгребные ямы! По крайней мере, все выжившие…

Аттапер в схватке потерял шлем и лишился меча, по нагруднику змеилась длинная глубокая царапина. В настоящий момент он подползал к телу одного из солдат, так и не успевшего вытащить меч из ножен.

Командир Кровавых Орлов бросил взгляд на Гаррика – на своего принца и скомандовал:

– Взвод, назад!

Гаррик сделал шаг вперед и рассмеялся. Его захлестывали эмоции, о которых он даже понятия не имел всего несколько месяцев назад – во время мирной жизни в Барке. Желание сражаться с монстром один на один не являлось чистым бахвальством: ему необходимо было расчистить поле боя. Бесчисленные мечи и дротики Кровавых Орлов представляли для юноши не меньшую (если не большую) опасность, чем для его противника.

Конечно, Гаррик мог бы уйти через портал и предоставить биться своим солдатам. В конце концов, это их прямая обязанность. Но юноша понимал, что у принца Гаррика тоже есть обязанность – вести своих воинов в бой. Так что решение сразиться с мерзкой тварью и зажечь Кровавых Орлов личным примером являлось вполне взвешенным со стороны Гаррика.

Ну, может быть, в этом было совсем чуть-чуть от бахвальства, от мальчишеской удали.

Последнее соображение вызвало смех у юноши. Что ж, по крайней мере, честно: шутка, понятная лишь бывалым воинам и безумцам. Так – с усмешкой на устах и поющим мечом в руке – Гаррик выступил навстречу монстру. Взмах, и острие его лезвия отсекло в суставе одну из смертоносных конечностей, что тянулась к нему. Судорожно сжимаясь и разжимаясь в воздухе, клешня полетела прочь.

Юноша отпрыгнул.

Чудовище нависло над ним: стоя на том, что заменяло ему ноги, и вереща противным голосом. Один из его глаз был поврежден в схватке, и теперь желтая жидкость стекала по гладким хитиновым пластинам живота.

Изогнувшись, Гаррик сделал выпад и нанес удар по согнутым назад ногам монстра. В тот же миг уцелевшая передняя клешня щелкнула у него над головой так близко, что отхватила прядь волос. Не рассуждая, юноша бросился на стылые камни и откатился в сторону. Завтра наверняка все тело окажется усеяно синяками, но это будет только завтра…

Чудовище снова издало визгливый вопль и повалилось набок, как срубленное дерево. Раздался звук тяжелого удара ну, чисто старый дуб! – и в воздух взметнулись камни и комья мерзлой земли. Гаррик услышал треск конечностей, подломившихся под тяжестью массивного тела.

Челюсти монстра распахнулись и снова захлопнулись с громким клацаньем. Даже в своей предсмертной судороге тварь пыталась ползти вперед, к врагу, помогая себе сохранившимися конечностями. Гаррик стоял в двух шагах, весь дрожа от возбуждения и пережитого напряжения.

– Ваше Высочество? – раздался рядом голос Аттапера. В руке у него снова появился

меч, и командир Кровавых Орлов был снова готов к бою, несмотря на глубокую рану на голове и покалеченный нагрудник. – Прикажете прикончить его?

Гаррик бросил взгляд на горизонт: там из ледяных пещер вылезали еще шесть таких же монстров. Все они направлялись в их сторону.

– Нет, – ответил принц, – оставим это его соседям. Мы возвращаемся, Аттапер, но прежде следует подобрать тела наших товарищей.

– Кровавые Орлы никогда не бросают своих павших, Ваше Высочество! – оскорбленно воскликнул легат. Он тоже посмотрел в сторону приближавшихся монстров и добавил: – И уж тем более в таких условиях.

Оставшиеся солдаты стояли посреди замерзшей тундры в ожидании приказа. Портал за их спинами пришел в движение: он съеживался и трепетал как флаг на ветру.

– Сэр? – подал голос офицер. Он обращался к командиру, но говорил громко, так чтобы его слышал Гаррик. – Земля трясется, конюшни долго не продержатся.

Аттапер вопросительным взглядом посмотрел на принца и, поймав его утвердительный кивок, развернулся к своим подчиненным:

– Так! Пошевеливаемся! Передней шеренге – поднять мертвых и раненых!

Лиэйн обняла Гаррика. Он неловко оперся на ее плечо левой рукой, в правой у юноши по-прежнему был меч, перепачканный кровью чудовища. Вкладывать его в ножны в таком виде не стоило. Да, честно говоря, он даже и не вспомнил о том, что надо убрать меч.

– Ваше Высочество! – снова окликнул его Аттапер, взгляд у него был тверже, чем ледяные скалы вокруг.

– Да, Аттапер, ты прав. На сегодня довольно глупостей, – кивнул Гаррик и поковылял, опираясь на плечо девушка, к пульсирующему порталу.

Спасенная женщина находилась поблизости, она укрывалась кружевным плащом Лиэйн. Он мало спасал ее как от пронзительного ветра, так и от нескромных взглядов – так, скорее, уступка женской стыдливости. Увидев приближавшегося Гаррика, незнакомка расцвела улыбкой.

Кровавые Орлы отступали. Каждая пара тащила с собой третьего – искалеченного или мертвого – товарища, да и сами солдаты часто вынуждены были использовать копья как костыли. На их лицах принц явственно читал отвращение ко всякого рода колдовству. И все же эти люди последовали сюда за ним, оставаясь верными присяге.

– Отличные парни, – прошептал в его уме Карус. – Каковы бы ни были эти люди сами по себе, они доблестно несут службу своему королю.

И помоги мне Пастырь быть королем, достойным таких слуг, подумал Гаррик.

Увидев подходившего к порталу принца, двое Орлов, которые несли обезглавленное тело, остановились и посторонились. Один из них умудрился даже поклониться – при том, что он жестоко хромал, посеревшее лицо свидетельствовало о большой потере крови.

Гаррик не стал препираться с солдатами, кому проходить вперед.

– Скорее! – скомандовал он женщинам (может, резче чем хотелось) и нырнул в светящиеся ворота. С той стороны, в подвале, все – и пол, и стены – ходило ходуном, как палуба корабля, в воздухе висели тучи пыли.

– Скорее на улицу! – крикнул юноша. – С минуты на минуту здесь все обвалится!

Когда Катчин поместил статуэтку в нишу, от нее стали распространяться толчки, сотрясавшие стену. Гаррик, вернув резной кусочек кости в нишу, установил ее так, чтобы он клином намертво вошел в пространство меж двух камней.

Там статуэтка и останется стоять, пока не обвалится вместе со стеной.

Юноша нагнулся подобрать труп одного из охранников Теноктрис. Сделать ему это мешал меч в руке.

– Я подержу его! – раздался голос у него над ухом, и нежная женская рука легла поверх его собственной. Он позволил забрать свое оружие и потащил вверх по ступенькам все, что осталось от человека, принявшего смерть на посту.

Миновав лестницу, Гаррик вышел из пыльного облака на улицу, заполненную

солдатами. Валдрон привел по меньшей мере батальон Королевской Армии.

– Ваше Высочество? – кинулся он к принцу. По его знаку двое солдат приняли тело из рук Гаррика.

– Мы не смогли добраться до Теноктрис, – с горечью сознался юноша. – Придется попробовать с другой стороны. Войска готовы к боевым действиям?

– Да, Ваше Высочество, – просто ответил старый аристократ, хвастовство он считал ниже своего достоинства.

– Тогда им придется этим заняться. Как только спустится ночь и мы сможем пройти по призрачному мосту в Клестис, – произнес Гаррик, озвучивая план, который только что созрел в его голове. Время для опасений и колебаний прошло, настала пора действовать. Да, они не смогли догнать мага, выкравшего Теноктрис. Тогда он попытается попасть непосредственно в место, куда направились похитители.

И возможно, с помощью Дузи или какого-то еще бога, отвечающего за воинскую дисциплину, ему удастся убедить войска последовать за ним. Хотя, если потребуется, Гаррик готов идти и один.

Лорд Валдрон кивнул и отвернулся, передавая приказы своим помощникам. Тем временем из подвала выскакивали оставшиеся Кровавые Орлы. Теперь дело шло быстрее, так как всех раненых успели уже вывести. И хорошо, потому что постройка немилосердно качалась, грозя с минуты на минуту обвалиться. Благодарение Дузи, здесь, на окраинах, народ предпочитал крыть крыши соломой, а не черепицей, как в центре.

Наружу выскочил Аттапер – весь в каменной крошке, качаясь от полученных ран.

– Больше там никого не осталось, я последний, – пробормотал он.

Король Карус в душе Гаррика кивнул с мрачным пониманием: «А как же иначе».

– Всем отойти, очистить улицу! – распорядился принц. Не успел он закончить фразы, как стены конюшни с оглушительным грохотом обвалились, поглотив последние слова.

Гаррик медленно шел, спотыкаясь, с закрытыми глазами и опираясь на руку Лиэйн. Неподалеку сигнальщик Валдрона трубил отбой – уму непостижимо, как ему удавалось наполнить воздухом легкие в этой пыльной завесе.

Толчки, до того сотрясавшие землю, с падением здания утихли. Очевидно, резную статуэтку – их источник – вышвырнуло из ниши или, что еще скорее, стерло в порошок обвалившимся камнем. Впрочем, теперь это уже не имело значения: Гаррик не собирался вновь посещать неприветливую равнину, откуда только что вернулся.

Как только облако пыли немного осело, Гаррик с Лиэйн приблизились ко входу в то, что когда-то было конюшнями, а еще ранее – древним храмом. Здесь уже собрались жители окрестных домов, желавшие выяснить, что за тарарам случился в их квартале среди бела дня. Кровавые Орлы, сопровождавшие принца, поспешили отогнать их прочь.

Но не всех… К Гаррику подошла спасенная им незнакомка. Теперь на ней был военный плащ, доходивший до середины икр. Он распахнулся, когда женщина протянула принцу меч рукоятью вперед.

– Вот, лорд Гаррик, – промурлыкала она сладким как мед голосом. В другой руке она держала скомканную накидку Лиэйн со следами желтоватой сукровицы. – Я очистила его для вас.

Продолжая обнимать Лиэйн, юноша принял меч. Незнакомка улыбнулась и наконец представилась:

– Кстати, меня зовут Кольва.

* * *

Незадолго до рассвета Кэшела разбудил звук рожков. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, где он находится. Юноша никак не мог отрешиться от сна, в котором он лежал на холме, увитом виноградником. Вместо неба над ним нависала сплошная

скала. И он был не один – с ним находился крошечный ворчун, умевший отбрить собеседника почище Илны…

Кэшел поднялся с низкой кушетки и огляделся. Вместо привычной одежды на нем была какая-то легкая шелковая хламида. Свою тунику и башмаки он обнаружил поблизости. Кто-то позаботился их вычистить (весьма кстати!), шерстяная ткань казалась еще влажной на ощупь. Вместе с благодарностью Кэшел ощутил легкое чувство вины по поводу собственной бесполезности.

Он поспешно вылез из ночной одежды и с облегчением швырнул ее на кушетку. Тонкий шелк напоминал ему паутину: будто он ночью продирался сквозь лесную чащу и весь извозился.

На столике рядом с постелью стоял таз и кувшин с водой. Кэшел жадно припал к нему и выпил чуть не половину, прежде чем сообразил: вода приготовлена для мытья. Ну и пусть… Его лицо и руки куда меньше нуждались во влаге, чем пересохшая глотка. Юноша попытался восстановить события минувшей ночи. Ага, кажется, он пил местное вино… и в немалых количествах. Сколько именно он выпил, Кэшел не смог вспомнить, но явно больше, чем требовалось, – судя по сегодняшнему самочувствию.

В утренней тишине продолжали заливаться трубы. Интересно, который час? Небо на востоке уже достаточно посветлело, звезды попрятались, облака тоже отсутствовали.

Его посох стоял прислоненный к стенке неподалеку от одежды. Юноша взял его в руки, надеясь, что знакомое теплое прикосновение прогонит смутное беспокойство, которое владело им с момента пробуждения. Однако испытанное средство не помогло, и это только ухудшило душевное состояние Кэшела.

Откинув занавеску из звенящих бус – яшма, кварц и сердолик, парень вышел в просторный коридор. Он был пуст, но откуда-то справа доносились голоса, и Кэшел направился в ту сторону. Он намеревался выяснить у первого же встречного, как выбраться из дворца. Ему хотелось как можно быстрее покинуть Тиан.

Вскоре коридор, по которому шагал юноша, завернул вправо и вывел его в уже знакомый просторный вестибюль. Именно здесь вчера происходил обряд разоблачения рыцарей перед пиром. Сейчас в зале толпились слуги. Они что-то оживленно обсуждали между собой, но при виде Кэшела сразу же замолчали.

– Простите, – обратился юноша, но толпа молча расступилась перед ним. – Я просто ищу выход.

Собственно, говорил он больше из вежливости, поскольку уже сориентировался: знал, где находится, и видел тяжелые ворота в противоположном конце улицы. Туда он и направился. Слуги отводили глаза в сторону, делая вид, что незнакомы с Кэшелом. В их поведении не было ничего враждебного, просто молчаливая демонстрация: ты здесь чужак.

Это заставляло его чувствовать себя еще более скованно, хотя осуждать людей юноша не мог. Ведь он и сам-то стремился покинуть город, чего ж удивляться замкнутости местных жителей?

Кэшел шел по пустынной улице, сопровождаемый шепотом слуг, которые толпились за каждой дверью. Странно, но он не видел никого из вчерашних сотрапезников. Вообще, вся разодетая в шелка часть горожан куда-то подевалась. Юноша недоумевал, пока краем глаза не заметил какое-то движение вверху. О как! Аристократы всей кучей толпились на крепостных сооружениях, они тревожно переговаривались мелодичными голосами и поглядывали на восток.

Кэшел подошел к распахнутым воротам. Группа тианцев собралась вокруг подъемного механизма моста, разглядывая лебедку, сработанную из того же прозрачного материала, что и плита, на которой покоился весь город. Один мужчина даже теребил ручку кабестана, будто в раздумье: не повернуть ли?

– Полагаю, их следует позвать! – говорил дородный парень с пышными белыми усами. – Что толку в слугах, которые не желают работать?

– А я думаю, король обо всем позаботится, когда… – возразил другой, напряженно

глядя вниз, за ворота. – Ну… когда вернется обратно.

Кэшел прошел мимо аристократов, ощущая на себе их взгляды. Он старался сохранять невозмутимый вид, но чувствовал смятение, как ребенок в окружении толпы перепуганных взрослых.

Пройдя в открытые ворота, он вышел из Тиана. Начиная свой спуск по длинной лестнице, он еще раз взглянул наверх и увидел маячивших там горожан. Разглядеть отдельные лица в предрассветных сумерках он не мог, но ему показалось, что в одном из бледных овалов он узнал Лию.

Король Лью вместе со своими рыцарями стоял внизу, у основания лестницы. В руках оружие, лица всех обращены в сторону восходящего солнца. Сделав последний большой шаг, Кэшел сошел с последней ступеньки и оказался за спиной компании.

Некоторые из рыцарей оглянулись, но никто не заговорил, не остановил его. Их взоры лишь мельком скользнули по мощной фигуре юноши и снова обратились на восток.

Кэшел снова обернулся. Солнечные лучи уже позолотили башни Тиана, хотя все остальное скрывалось в тени.

– Король Лью! – обратился юноша. – Если приближается враг, то я готов встретить его вместе с вами.

Он говорил громче обычного. В подобной ситуации – когда люди игнорировали его – Кэшелу приходилось повысить голос, чтобы привлечь внимание. Или молча пройти мимо. В том смятенном состоянии духа, в котором он находился сегодня утром, юношу так и тянуло наподдать какому-нибудь гордецу, но он сам себя одернул… в конце концов, у рыцарей вполне могли быть поводы нервничать.

Отреагировал Мэх. Сжимая подрагивающее копье, он сердито прорычал:

– Убирайся отсюда! Мы удовлетворили твои права гостя… теперь возвращайся в свою жизнь!

Сиа также обернулся, и юношу поразило замкнутое выражение его лица. На нем была написана враждебность не только по отношению к Кэшелу, но и ко всему окружающему миру. Его плотно сжатые губы выражали куда большую угрозу, чем слова, брошенные Мэхом.

– Господа, не забывайте: мы рыцари Тиана! – одернул их король Лью. – А рыцарь всегда должен вести себя достойно, как в последнее мгновение своей жизни. И это особенно справедливо сегодняшним утром!

Сиа пробурчал что-то нелицеприятное и отвернулся. Мэх продолжал глазеть на Кэшела, в эту минуту он сильно смахивал на терьера, решившегося атаковать медведя.

– Что касается вас, мастер Кэшел, – заключил король Лью, – то вам здесь нечего делать сегодня. Защищать ворота города – это почетная обязанность рыцарей Тиана. Вы же… либо идите своей дорогой, либо присоединитесь к остальным жителям города за его стенами.

Он бросил взгляд в небо. Там над далекими холмами вставала светящаяся дуга.

– Осталось недолго ждать, – задумчиво произнес король, по-видимому, обращаясь больше к себе самому.

– Коли так, – сказал Кэшел, – благодарю за гостеприимство. Я, пожалуй, пойду.

Ответом ему было молчание. Рыцари проявили не больше желания попрощаться с гостем, чем тополя вдоль дороги. Ну ушел и ушел… Когда Кэшел уже миновал их, один из аристократов взглянул наверх и взволнованно воскликнул:

– Что это? Ваше Величество, что происходит в городе? Кэшел оглянулся через плечо. Из ворот Тиана выходила нестройная толпа, они напомнили юноше овечью отару, которую гонят по узкой городской улице. Первые лучи солнца освещали их тускло-коричневую одежду и нехитрую поклажу, которую люди тащили с собой.

С крепостных укреплений неслись гневные и удивленные крики знати. Слуги Тиана покидали город. Судя по плотности этой серо-коричнево-черной массы, уходили все слуги.

– Они не могут так поступить! – завопил Сиа. – Мы не позволим! Они же просто бегут, как крысы!

– На большой башне дым, – с удивлением заметил Мэх. – Шэн совершает священное жертвоприношение. Он же это делает только во время зимнего солнцестояния!

Король Лью какое-то время смотрел на свой город и на молчаливую толпу слуг, приближавшуюся к ним, затем снова повернулся лицом к восходу.

– Пусть идут, – обронил он. Его высокий пронзительный голос напоминал клекот ястреба в небе. – Это ниже достоинства рыцаря – заниматься подобными делами!

Кэшел двинулся по дороге, ведущей его к месту, которое он никак не мог припомнить. Он не нашел Шарины в Тиане, и – милостью Госпожи – она никогда там и не окажется. К тому времени как юноша удалился от города на несколько фарлонгов, сознание его начало проясняться.

Он заметил, что утренний свет как-то померк. Хотя небо оставалось ясным, на востоке стала собираться облачная гряда, заслонявшая солнце.

Кэшел посмотрел туда и нахмурился. Поблизости – в пределах часа ходьбы – он не видел никакого убежища. Такая черная кипящая масса, какая зарождалась на горизонте, обещала обернуться потрясающей грозой. Самой сильной, которую Кэшел когда-нибудь видел. Юноша стянул под подбородком шнурки своей широкополой сельской шляпы. Случись град – а в этом Кэшел уже нимало не сомневался – кожаные поля помогут избежать ненужной травмы. Это уже не просто вопрос удобства.

Со стен Тиана донеслись пронзительные крики, они заставили парня снова взглянуть на горизонт и замереть… То, что собиралось над холмами, не было грозой! Оттуда шагала гигантская облачная фигура.

Черно-серые завихрения скрывались в теле великана, красные молнии сверкали на том месте, где полагалось быть глазам. В руках существо держало дубину, размером с самые высокие деревья.

Тианская знать причитала со стен города, но их вопли казались простым блеянием овец перед лицом надвигающегося разрушения. Великан шел прямо на них. Голова его возвышалась над башнями, а клубящиеся руки уже заносили дубину.

Кэшел наблюдал за приближением чудовища. Он начал было поднимать свой посох, но затем передумал и остался стоять, опершись на него. Ни один человек не мог сопротивляться такой громаде. Оставалось только бежать или молча наблюдать. Бежать Кэшел ор-Кенсет не привык, но и выставлять себя дураком не намеревался.

Толпа слуг находилась уже неподалеку от него. Они сбились в кучу, подобно муравьям, спасавшимся на кленовом листе от наводнения, уничтожившего их муравейник. Облачный великан не обратил на них ни малейшего внимания, как и на рыцарей у подножия лестницы. Что ему букашки, размахивающие игрушечными мечами или возносящие молитвы к безмолвным небесам!

Гигантская дубина, набиравшая скорость в своем нескончаемом полете, наконец обрушилась на парящий в воздухе город. Удар пришелся в самый центр… затрещали камни, Тиан затрясся как овца при виде занесенного молотка скотобойца: несчастная тварь мечется, пытаясь бежать неизвестно куда.

Великан перехватил свою дубину двумя руками и снова ударил – на этот раз сбоку, подсекая цель. Прозрачная лестница взметнулась в воздух, как лента на ветру, и, рассыпавшись в полете, упала на землю грудой обломков. Несущая плита, на которой покоился воздушный город, смялась еще при первом ударе. Повторный удар оказался решающим.

Дубина ушла, но плита начала разрушаться, утончаться и попросту растаяла, как ночной туман поздним утром. Тяжелые камни, оставшиеся без поддержки, посыпались с неба. Они падали неправдоподобно долго, затем наконец опустились на землю, подскочили, как мячики, и снова попадали друг на друга. Город превратился в могильный курган для своих рыцарей.

Знатные господа и дамы дождем посыпались в куче обломков. Их яркие шелковые наряды развевались во время бесконечного смертельного полета.

Кэшел отвернулся и побрел прочь от того, что когда-то было городом. Он все еще продолжал идти, когда яркий зеленый свет разбудил его на склоне холма, где он когда-то ел крупные сочные ягоды.

– Ну? Надеюсь, это научило тебя чему-то, пастух? – раздался голос Криаса.

Вместо ответа юноша провел указательным пальцем по ореховой поверхности посоха, затем прикоснулся к сапфиру.

– Эй! – прикрикнул демон кольца. – Это еще что такое? Я, кажется, задал тебе вежливый вопрос!

– Просто радуюсь, что ты со мной, – ответил Кэшел. – Здесь не слишком-то приятно быть одному, не правда ли?

– Я провел целую вечность в одиночестве, – сказал Криас непривычно мирным голосом. – Затем появился Ландур и достал меня из скалы. Увы, он не захотел выпустить меня из сапфира, пастух. А ведь я так его просил! Так я оказался с Ландуром… и это получилось совсем неплохо. Знаешь, хоть он был дурак дураком… Но все же Ландур – это все, что я имел.

Кэшел потер большим пальцем каменную плиту, служившую ему подушкой. Один конец ее украшала резьба: цветы, вроде тех, что он видел в пиршественном зале. Вообще-то, припомнил юноша, все стены Тиана были резными. Этот камень мог упасть с любого места в городе.

– Мастер Криас? – спросил юноша. – Этот мой сон… он был реальным?

– «Реальный» в данном случае не слишком подходящее слово – проскрипел демон. – Не для пастуха. И уж, конечно, не для меня.

Кэшел встал. Он чувствовал себя голодным, но решил, что поищет пищу где-нибудь подальше от этого места. И начал подниматься на выросший за эту ночь могильный холм. Путь его лежал в том направлении.

– Мастер Криас? – снова обратился он к демону. – А вы могли бы поднять в воздух дворец и заставить его там парить?

– Теперь никто на это не способен, пастух, – ответило кольцо. – Я хочу сказать: не здесь и не без помощи Малкара. А я не стану связываться с Малкаром – ни для тебя, ни для кого другого!

Кэшел откашлялся.

– Да я и не собирался просить вас об этом, – попытался он оправдаться. – Я просто думал… э-э… наверное, это не очень хорошо для людей – жить вот так.

– Главная задача приличных людей в Подземном Мире, – произнес Криас, вроде бы про себя, но так, чтобы юноша слышал его, – это не дать ему смешаться с реальным миром. А Ландур Хранитель, к несчастью, мертв.

* * *

Илна вывернулась из узкой щели и оправила тунику. Да уж, одежда, конечно, здорово пострадала после такого путешествия. Мерота уже ждала ее: девочка стояла, сжав руки и глядя во все глаза, молчала.

Стены пещеры, где они очутились, шли слоями – некоторые определенно были светлее. Они испускали слабое фосфоресцирующее свечение, ну, как гнилушки в лесу. Не бог весть какой свет, но все же достаточно по сравнению с полной темнотой в расщелине.

Илна провела рукой по мерцающему слою, ожидая обнаружить привычную плесень. Но пальцы ощутили лишь шероховатый камень.

В отверстие скользнул Чалкус и, мгновенно развернувшись, оглядел пространство пещеры. Удовлетворенно кивнул и со смешком вложил свой меч обратно в ножны.

– Ну что, сударыни, полагаю, проблем с этими парнями у нас не предвидится, – сказал он.

– Чалкус? – Голос Мероты почти терялся в звуке эха, многократно отраженного от сводов подземелья. – Ты убил их?

– Хочешь сказать: убил их снова, дитя мое? – весело переспросил запевала. – Нет, мэм, не стал я этого делать, когда увидел, что командиром у них Терлинг. Знаете, этот парень здоровый, как бык. И почти такой же глупый… всю жизнь был, даже когда ему еще не перерезали глотку. Они прямо таки пылали решимостью – наши морячки. Ну, я и подумал: если увалень Терлинг горит желанием закупорить собой щель, которая даже нам с госпожой Илной показалась чересчур узкой, то кто я такой, чтобы мешать ему?

– Пойдемте, – Илна кивнула в дальний конец пещеры, откуда тянуло теплым ветерком. Куда ведет проход, девушка, естественно, не знала, но вряд ли на новом месте окажется хуже, чем там, откуда они только что удрали.

– О да, госпожа, – Чалкус занял позицию впереди маленькой процессии и продолжал говорить на ходу: – Знаете, было время, когда я горел желанием собственноручно перерезать горло этому красавчику. Уж больно глупым и ленивым он мне казался! Думаю, парень оказал неоценимую услугу всему Королевскому флоту, собственной участью доказав известную истину: не в свои сани не садись.

– Было время, – в тон ответила Илна, – когда я считала, что мир станет лучше, если складывать комбинации из людей, как нити в ковре. Однако скоро, господин пират, выяснилось: такой мир мне нравится еще меньше, чем тот, в котором я родилась.

Они продолжали свой путь: насколько понимала девушка, все больше спускались вниз и вниз… Хотя ее опыт пребывания в Йоле свидетельствовал лишь об одном: она здесь вообще ничего не понимала. Вокруг было царство твердого камня, большей частью, гладкого, хотя порой под ногами вздувались какие-то кочки, наподобие гигантских поганок.

– Ну, барышни, кто скажет: каким образом возникла эта пещера? – вопрошал Чалкус, отмеривая шаги. Вообще-то, места в проходе хватало, чтобы идти хоть строем, но часто ответвления и изгибы вели в глухие тупики. К тому же Чалкус предпочитал в случае чего иметь свободное пространство для маневрирования мечом.

– Боюсь, не я, – отозвалась Илна. – Я, вообще, ничего подобного в своей жизни не видела. Здесь все из песчаника.

– Да уж, – согласился моряк. – Ну, в любом случае, не стоит придираться к подаркам Госпожи, не правда ли?

Илна представила себе, как Великие Боги создавали эту пещеру в качестве убежища для Чалкуса и компании, и фыркнула. Тем не менее кто-то же просверлил этот проход в твердой скале – явно не вода и не ветер. И ведь стенки гладкие, будто действительно что-то пробиралось из земли наружу.

Вслух девушка сказала:

– Полагаю, это объяснение не хуже любого другого.

– Ага, и думаю, нам троим надо будет возвести алтарь для Госпожи… после того как благополучно спасемся, – произнес с улыбкой моряк. Смех смехом, а двигался он по-прежнему настороженно, как рысь на охоте, да и Илна, глядя в спину шедшей перед ней Мероты, не выпускала из рук заготовленной петли.

Пещера все не кончалась. Илна надеялась, что через некоторое время они придут куда-нибудь, но не представляла, сколько времени это займет. Стены пещеры продолжали излучать свет – когда больше, когда меньше. На одном участке даже пол состоял из такого блестящего материала: девушка видела смутное отражение своих ног.

Местами по границам слоев на стенах сочилась вода. Увидев это впервые, они прошли мимо, но в следующий раз девочка пробормотала, что хочет пить. Они остановились и приложили шарф Илны к стенке, пока тот не пропитался влагой, которую затем можно было высосать.

Процесс занял какое-то время: вода сочилась потихоньку, к тому же быстро испарялась в сухом воздухе пещеры. Но делать нечего: это все, что у них имелось, и они радовались минимальным благам.

Мерота не жаловалась. А Чалкус…

– Льдистый Мыс мы обогнем, – напевал он, тихо и мелодично, напомнив Илне звук гарриковой свирели. – Снег, мороз нам нипочем…

Они все продолжали идти вперед. Закончив одну песню, моряк завел другую:

– Спину гни, греби, моряк. Море нам с тобой не враг.

– Пусть кровавые мозоли – тем щедрее будет доля… – А можно мне тоже, Чалкус? – спросила Мерота. – Мы могли бы спеть на два голоса «Рискового парня»… помнишь, ты учил меня?

– Давай как-нибудь в другой раз, дитя мое, – ответил моряк, и Илна в очередной раз удивилась перемене тембра его голоса. Обычно, когда Чалкус разговаривал, в голосе слышалась легкая хрипотца, зато пение по своей чистоте и мелодичности могло сравниться с птичьей трелью. – Позволь мне покрасоваться как солисту. Не поверишь, но я тщеславный человек.

«Истинная правда, – подумала Илна, – тщеславие ему не чуждо. Но все-таки прежде всего Чалкус – человек, а не какая-нибудь разменная монета в любых обстоятельствах».

Они дошли до участка стены, где разнородные слои переплетались и скручивались, подобно узлу на вязаном полотне. Здесь свет, пробивавшийся изнутри породы, стал интенсивнее, он отбрасывал резкие рельефные тени. Илна нахмурилась.

– Не знаю, как вы, леди, – проговорил моряк, – но по мне, так пора отдохнуть. Как вы смотрите на то, чтобы устраиваться на ночлег? А утром продолжим путь?

Уж кто-кто, а он прекрасно знает, в каком мы состоянии. Видел, что Мерота едва с ног не валится от усталости. Вслух девушка сказала:

– Хорошо, но давайте пройдем до следующего водоносного слоя.

На самом деле Илне категорически не нравилось переплетение светящихся полос на стене. Она не стала объяснять истинную причину своего решения, слишком сложно описать тот клубок негативных эмоций, которые порождал в ней узор на стене. Да и зачем? Есть прекрасный довод, касающийся воды…

– Отлично, – не стал спорить Чалкус. Он неспешно двинулся вперед, приговаривая: – Я как раз чувствую: вода где-то здесь, рядом.

Мерота не сдвинулась с места. Она продолжала стоять, глядя на светящийся рисунок. На лице ее была написана страсть, которая едва ли пристала столь юному и невинному созданию.

– Мерота, пошли, – резко сказала Илна.

Девочка не шелохнулась.

– Быстро!

Илна встала перед девочкой, загородив ей рисунок. Только тогда Мерота вернулась к действительности. Вздрогнув, она посмотрела на строгое лицо старшей подруги.

– Ой, Илна! Я была… – Нахмурилась. Безнадежно покачала головой: – Я не помню, где была.

– Явно не в самом подходящем месте, – заметила Илна, легонько подталкивая девочку вперед. – Пойдем лучше поищем место для ночлега.

– А вот и вода! – донесся голос Чалкуса из-за поворота, – Не скажу, что она напоминает ручей на дядюшкиной ферме на Шенги. Но все же она мокрая и, я так думаю, нам она сгодится.

Да уж, это мало походило на подарок судьбы. Путешественникам пришлось изрядно помучиться, пропитывая влагой различные предметы своего гардероба, а затем обсасывая их. Другие запросы отошли как-то на второй план.

Чалкус разул Мероту и внимательно осмотрел ее ноги. Опытным движением он ощупал подошвы девочки.

– Годится, – заключил он, наградив юную аристократку дружеским шлепком. – Я боялся, что ты повредила ноги на этих твердых камнях, но, слава Госпоже, ты передвигаешься легко, как перышко. Это тебя и спасает.

Затем он обернулся к Илне.

– А вы, госпожа? – спросил он. В здешнем слабом освещении улыбка моряка выглядела странно нежной, чуть ли не волшебной.

– С моими ногами все в порядке, – пожала плечами девушка. Затем совершенно неожиданно для самой себя – Илна, вообще, не имела привычки откровенничать – добавила: – Я понимаю материю как никто другой, мастер Чалкус. Но здешняя скала… – Она провела кончиками пальцев по стене пещеры. – … если бы она умела чувствовать, то наверняка ненавидела бы меня. И примерно то же самое я ощущаю по отношению к ней. Я ее ненавижу.

Моряк нахмурился:

– В таком случае вам, должно быть, невероятно трудно находиться здесь. Сочувствую… я не знал об этом.

В ответ Илна лишь пренебрежительно фыркнула.

– Жизнь вообще тяжелая штука, – сказала она. – Ничего иного я от нее и не жду. И в этом, по крайней мере, жизнь оправдывает мои ожидания.

Чалкус со смехом пригладил взъерошенные волосы Мероты и сказал:

– Спокойной ночи, леди. Чем скорее мы заснем, тем скорее поднимемся для продолжения нашего путешествия. На свободу.

Завернувшись в плащ, Илна устроилась подле девочки. Моряк улегся с другой стороны от Мероты. Дозор выставлять не стали – слишком уж усталыми и голодными они себя ощущали. Но любому врагу, попытавшемуся напасть на девочку, пришлось бы сначала иметь дело с одним из взрослых. И заплатить дорогую цену за свою добычу.

Илна боялась, что не сможет уснуть. Однако практически сразу она провалилась в глубокий сон без сновидений.

* * *

Трудно сказать, что разбудило ее. Не звук и не отсутствие тепла, исходившего от ребенка. Скорее произошло нечто на уровне более глубоком, чем ее сознание во сне. Изменился узор, и Илна проснулась.

И обнаружила, что Мерота пропала.

– Чалкус, – позвала она, но тот и сам уже пробудился. Его кривой меч слабо светился в полутьме.

Бесшумно – как перемещается уток вдоль ткани – Илна двинулась в том направлении, откуда они пришли. И почти сразу увидела девочку, стоящую перед светящимся узором на стене.

– Мерота! – вскрикнула девушка с облегчением. Она-то думала, что девочка безвозвратно потеряна. Похищена – чем-то, ничем – самой материей проклятой пещеры.

Мерота не ответила, даже не взглянула на своих друзей. Просто шагнула в сплетение светлых линий и… исчезла. Рисунок на мгновение пришел в движение, закрутился, затем снова застыл в своем первоначальном виде.

С безумным криком Чалкус бросился на стену и со всей силы ударил кулаком. Меч он держал занесенным в другой руке, ища хоть малейший намек на опасность. Или на то, что скала, поглотившая ребенка, сейчас отступит и впустит его тоже.

Его встретила глухая, непроходимая стена. Илну это не удивило.

– Назад! – скомандовала девушка, останавливаясь перед скалой. Она закрепила у себя на талии веревку затяжным узлом, затем выдернула отдельный моток пряжи из левого рукава. – Не загораживай, мне нужно видеть рисунок!

«Видеть» было не совсем подходящим словом для действий Илны – она изучала, примеряла на себя, проживала открывшийся путь. Где-то на краю сознания у нее мелькнула мысль, что моряк мог повредить рисунок, но даже это сейчас ничего не значило. Ей было

достаточно небольшого фрагмента, чтобы восстановить всю картину в целом. Скала перед ней исчезла, сплетение светящихся линий сложилось в подобие лестницы – ее Илна видела так же четко, как звезды на ночном небе родной Барки – и тогда девушка…

Шагнула в то, что являлось монолитной стеной, и… очутилась в месте, находящемся вне времени и пространства.

– Эй, Мерота, – мягко позвала она. – Я пришла, чтобы забрать тебя.

– Илна? – раздался голос девочки из клубка чего-то колючего, шипастого, направленного внутрь. – Я не могу пошевелиться!

«КАК "ЭТО" ПОСМЕЛО ПРИЙТИ БЕЗ ПРИГЛАШЕНИЯ?» – раздался повелительный голос в голове девушки. Он казался холодным, как свет остывшей звезды.

Она находилась внутри пустой конкреции. Стенки ее, как и полагалось, состояли из разноцветных кристаллов, но эти, вдобавок, светились, трепетали, были живыми. Сотни кристаллов группировались в шипы, тонкие и острые, как листья юкки. Именно из таких шипов была соткана оболочка, обволакивающая Мероту.

– Я в ответе за этого ребенка, – твердо произнесла Илна и почувствовала, как ее слова вызвали шелест в окружавших кристаллах. Они потрескивали, мерцали внутренним светом. Ритм пульсации у каждого был индивидуальный. – Я пришла увести ее в наш мир.

«"ЭТО" НЕ МОГЛО ПРОНИКНУТЬ СКВОЗЬ ПАУТИНУ, – произнес голос. Он являлся сплавом сотен, возможно, тысяч мыслящих клеток, вещавших как единое целое. – ПАУТИНА ЗАМКНУТА, МЫ НЕДОСЯГАЕМЫ».

Илна расхохоталась.

– Ну, тогда считайте, что меня здесь нет, – сказала она. – Освободите девочку, мы уйдем, и вам не придется гадать: иллюзия я или нет.

Если скала и чувствует что-то по отношению ко мне, то это только ненависть. И я тоже, несомненно, ненавижу ее.

– О Илна, – вздохнула девочка. – Мне так жаль…

По скале прошла мелкая дрожь. Беззвучные слова проникали в сознание девушки. Казалось, будто слушаешь умирающий огонь: шипение и вздохи, да иногда приглушенный треск.

«МЫ ОТПУСТИМ ДЕВОЧКУ, – сказал голос – ПОДОЙДИ И ЗАБЕРИ ЕЕ».

Вращающиеся огоньки начали тускнеть и застывать, превращаясь в твердые образования на стенках конкреции. Осталось всего три источника света, они образовали красные у своего основания лучи, которые скрестились на груди Мероты.

Девушка подбросила вверх узор, который ее пальцы сплели, пока она прислушивалась к тихим, лживым словам кристаллов. Освещенные сиянием самой скалы, нити мелькнули в воздухе.

Конкреция закричала. С легким дребезгом кристаллы начали искажаться, оплывать, как тающее на сковородке масло. Один из лучей, державших в фокусе девочку, внезапно сломался, устремившись в собственное основание. Здесь он рассыпался на тысячу крохотных угольков, означавших смерть огня.

Мерота с криком бросилась к старшей подруге. Девушка в тот момент продолжала прислушиваться к звуку, который вовсе не был звуком, но тем не менее терзал ее уши. Она прижала к себе девочку, радуясь возможности соприкоснуться с чем-то живым – тем видом жизни, который был естествен и понятен для нее.

Конкреция начала меркнуть. Теперь ее цвет напоминал грязноватый оттенок плохо выкрашенной шерсти.

– Илна, миленькая, помоги мне… помоги! – продолжала кричать девочка.

Скала, реальность, окружавшая их, – содрогнулась в конвульсии. Илна с ребенком полетели вперед, поскользнувшись на гладком камне. Чалкус поймал их левой рукой и прижал к груди.

– Леди? – спросил он. – С вами все хорошо?

Глаза Илны снова привыкали к полумраку. Она ласково похлопала девочку по спине и

выпустила из своих объятий. Затем освободилась от рук моряка.

– Вы можете убрать свой меч, мастер Чалкус, – сказала она.

Скала, пытавшаяся похитить Мероту, снова превратилась в обычный песчаник. Ее поверхность покрылась сетью трещин, как лед по весне. Мелкие (и не очень) кусочки отвалились от стены, образовав кучу гравия на земле.

– Да, мы в порядке, – наконец ответила девушка на вопрос запевалы. – И мне хочется поскорее уйти отсюда. Очень сомневаюсь, чтобы мы с Меротой могли снова заснуть.

Девочка вновь прижалась к старшей подруге. Она попыталась что-то произнести, но не смогла. Вместо этого Мерота просто кивнула.

* * *

В ярких лучах восходящего солнца по волнам скользили шесть баркасов, свежий бриз надувал их прямоугольные паруса. В общем-то, все Лодки были похожи друг на друга. Но Шарина подметила, что «Попутный Ветер», которым владели Джем и его три брата, поменьше, поновее и заметно грязнее, чем «Колумбина».

– Прибыв в Клестис, – рассуждал Бантрус, вместе со своими гостями стоявший на носу судна, – мы первым делом пойдем на Дворцовую площадь и объявим о своей независимости: Лодки не подчиняются принцу Микону. Вот увидите, к нам присоединится все Южное Побережье Кордина!

Шарине показалось, что, столь страстно толкуя об успехе своего дела, юноша пытается убедить в первую очередь самого себя. Далар, менее снисходительный к человеческим слабостям – а ведь подчас людям свойственно закрывать глаза на свои фатальные ошибки – или, возможно, менее чуткий, чем его хозяйка, спросил напрямик:

– А почему вы считаете, мастер Бантрус, что люди поддержат вас?

До того Джем стоял со своими старшими братьями у руля и о чем-то беседовал. Сейчас они принялись пробираться вперед, аккуратно огибая груду гончарных изделий, складированных и притороченных сетями в центре судна.

– Что такое? – нахмурился Бантрус. Сама мысль, что кто-то сомневается в его победе, повергала юношу в гнев. – Ну, прежде всего их убедит сам факт вашего присутствия. Ведь вы – посланцы Богов. Кроме того, Клестис, как и все прочие города, нуждается в Лодках. В нашу задачу входит заронить искру и указать людям путь к их спасению.

Джем с братьями присоединился к ним. Один из баркасов, чей груз – плетеные корзины – был ощутимо легче, чем у других, удалился вперед на расстояние полета стрелы. Два других шли неподалеку от «Попутного Ветра», а еще парочка плелась в хвосте.

Если баркас Джема являлся грузовым, то два других, шедших рядом, приторговывали спиртным и женским телом – если только Шарина правильно поняла их вывески. Народ на них был в основном молодой – до тридцати лет. И все мужчины, за исключением двух красоток в броских нарядах.

– Тиглет подходит сбоку, – сообщил один из братьев Джема, кивнув на плавучую таверну. Вдоль ее палубы была натянута сеть – на двух шестах, на корме и носу, а также главной мачте, на которой трепыхались флаги. Специальный навес защищал палубу от непогоды. В настоящий момент трое мужчин управлялись с парусом, а четвертый, чернобородый крепыш, стоял на рулевом весле.

– Пожалуй, лучше опустить кранец, – проворчал Бантрус. – Тиглет из тех героев, что не задумываясь пробьют чужой борт, лишь бы занять лучшее место в порту.

Шарина встрепенулась, обрадовавшись возможности прервать неприятный разговор о перспективах Лодок.

– Давайте я помогу. Это кранцы?

В принципе две бухты каната из пальмовых волокон не могли являться ничем другим, но девушка посчитала, что лучше все-таки спросить. Она уже взялась за бухту и успела

отцепить ее, но Джем вмешался:

– Госпожа, вам не стоит…

– Не утруждайте себя, юная леди, – присоединился к его словам чернобородый. – Я могу быть очень осторожным… если захочу!

Шарина подняла взгляд, чтобы оценить положение приближавшегося баркаса. Это оказалось несложно: скорость сближения показалась бы недостаточной даже ленивой овце. Тем не менее девушка вывесила кранцы на участки вдоль планшира, которые показались ей наиболее вероятными для соприкосновения, и посмотрела – стараясь сохранить нейтральное выражение – на чернобородого.

Он хрипло рассмеялся и возвестил:

– Эй вы, на «Попутном Ветре», готовьтесь! Я перехожу к вам на борт.

– Ага, Тиглет, – с кислой физиономией ответил один из братьев Джема. – Привет, вот и ты!

Удар при стыковке двух судов оказался не сильнее, чем Шарина производит каблуком при обычной ходьбе. Если столь умелый рулевой все же регулярно ломает бока своим товарищам, наверняка это делается специально, для устрашения.

– Диккон, прими руль! – распорядился Тиглет. Не дожидаясь, когда член команды сменит его, он перепрыгнул на палубу «Попутного Ветра». Один из его матросов перебросил канат Джему, который молча привязал его к стойке.

Тем временем судно-бордель пришвартовалось к левому борту баркасу Тиглета. На палубе его стояли трое мужчин – все рослые и обнаруживающие семейное сходство с одной из женщин. Они настороженно наблюдали за происходящим, не произнеся ни слова с тех пор, как остановились.

– Нам лучше поторопиться, – сказал Бантрус, провожая взглядом лениво прохаживающегося по палубе Тиглета.

– Да ладно, куда спешить? – отмахнулся тот. – Клестис никуда не денется, да и принц вроде бы нас не преследует, не правда ли? А я хотел бы получше разглядеть посланцев Богов.

И он потянулся, собираясь, очевидно, поднять указательным пальцем подбородок Шарины. Девушка отпрянула: хамство посетителя рассердило, но не удивило ее. Она уже встречала подобных людей среди стражников и мелких разносчиков на Овечьей Ярмарке. Богатые владельцы скота и крупные торговцы, как правило, вели себя более воспитанно (хотя, может, в душе и не слишком отличались от этих плебеев).

– Меня зовут Шарина ос-Рейзе, – произнесла она звенящим голосом. – Я просто путешествую и отнюдь не являюсь посланцем Богов.

Далар встал между ней и Тиглетом: пирамидки свесились на короткой цепочке, но пока не раскачивались.

– А это мой друг Далар, – продолжала девушка. – Он тоже путешественник.

– Для меня большая честь называться другом госпожи Шарины, – произнесла птица. – Но я сам считаю себя ее защитником. С вашего позволения, телохранителем, мастер Тиглет.

Упершись кулаками в боки, Тиглет запрокинул голову и оглушительно расхохотался.

– О Боги! Такая хорошенькая леди заслуживает лучшего телохранителя, чем эта пыльная метелка для мусора! – проговорил он сквозь смех. – Тем не менее я впечатлен. Знаете, у меня есть говорящий ворон, но он и вполовину не так хорош, как этот красавчик!

Ухватившись за бакштаг, Шарина одним гибким движением перемахнула на другой конец палубы. Она умудрилась даже не задеть груз высотой по грудь. Далар дважды дернул головой в сторону Тиглета – со стороны могло смахивать на кивок, хотя девушка сильно сомневалась, что у этого жеста именно такое значение. Перекувырнувшись в воздухе, птица перелетела через кучу товаров и присоединилась к хозяйке.

Тиглет наблюдал за ними со смешанным выражением гнева и удивления.

– Послушай, Тиглет, – вмешался Бантрус, – если тебе есть что сказать – давай выкладывай и вали отсюда. У нас и без тебя хватает проблем.

– Ага, это как раз то, о чем я хотел с тобой поговорить, – произнес чернобородый, наступая на юношу. Тот вынужден был попятиться, чтобы не столкнуться с ним. Джем вроде намеревался поддержать друга, но три его брата плотной кучкой сгрудились на корме «Попутного Ветра» и не обнаруживали ни малейшего желания вмешиваться. – Ну-ка скажи на милость, парень, кто это помер и поставил тебя вместо себя командиром всех Лодок, а? По мне, так сейчас самое время решить, кто здесь главный… раз уж мы теперь самостоятельные!

– Ставлю на тебя, Тиглет! – крикнул матрос с борделя.

Он подбросил на ладони суковатую дубинку. – Мои монеты и вот это!

– Ты что, ненормальный, Тиглет? – возмутился Бантрус. – Прибереги свой пыл для принца Микона!

Тиглет ткнул указательным пальцем юношу в грудь.

– Вот ты как запел, мальчишка! Обзываешь людей сумасшедшими только потому, что они не верят, будто ты – Бог. Так вот теперь послушай меня! Я собираюсь стать вождем нашего движения. А если ты не согласен, то можешь вызвать меня на бой. Тебе ясно, сопляк?

– Лично я не отношу себя к Богам, мастер Тиглет, – заявил Далар. Он снова перелетел через упакованный груз и с удивительной точностью приземлился на верхушку сосуда в пять бушелей, в котором хранились более мелкие и тонкие гончарные изделия. – Еще меньше я испытываю желание встать во главе вашей героической шайки. Но я готов сразиться, если уж вам так приспичило.

Тиглет смотрел на Далара с недоумением, а тот стоял, растопырив свои короткие руки, поигрывая пирамидками на блестящей цепочке.

– Тебя это не касается, пижон! – с раздражением воскликнул чернобородый. Похоже, он не очень понимал, что делать дальше.

Шарина переводила взгляд с одного на другого. «О да, – думала она, мне хорошо знаком такой тип людей». Повернувшись к Тиглету, она громко заявила:

– А я думаю иначе… поскольку Далар мой телохранитель. И я прекрасно представляю, какое место в своем новом порядке мастер Тиглет отведет мне, если он победит.

– Имеешь на это право, крошка! – самодовольно заявил тот. Похоже, замечание Шарины подтолкнуло его к решению, которое только зрело в душе.

– Хозяин, эти вертящиеся штучки… – нерешительно предупредил матрос из его команды.

Тиглет широко развел руки ладонями вверх.

– Конечно, я принимаю твой вызов, птичка, – заявил он. Затем добавил, ткнув пальцем в сторону собственного баркаса: – Чур, с голыми руками… и на моем «Роге Изобилия». Навес помешает солнцу светить нам в глаза.

А заодно навес помешает совершать Далару его великолепные вертикальные прыжки. Выражение лица Шарины не изменилось, но глаза быстро обежали предполагаемую арену боя, подмечая все особенности. Она-то рассчитывала, что схватка состоится на берегу…

– В противном случае, – добавил Тиглет с довольной улыбкой человека, приступившего к нарезанию дичи за столом, – ты можешь сразиться с нами всеми. Верно говорю, парни?

«Парни» – члены его команды и те, что толкались на судне-борделе – выразили свое одобрение: кто оскалился, кто зарычал, в зависимости от темперамента и настроения. Все они держали в руках дубинки или предметы, с успехом их заменяющие. Пьюльский нож, скрывавшийся под плащом Шарины, сам просился в руки, жаждал выпрыгнуть на свободу.

Нет, пока еще рано.

– Я принимаю твои условия, – спокойно произнес Далар.

Втянув блестящие пирамидки в ладонь, он смотал туда же цепочку и затем, не оглядываясь, бросил кольцо Шарине.

Та поймала оружие левой рукой, лишь цепочка звякнула. Оценив вес красноватой

бронзы, удивилась: девушка ожидала, что та легче.

– Вике, Твенус, Талла! – с отчаянием крикнул Джем братьям. – Мы не можем этого допустить!

– Джем, ты достаточно наворотил дел сегодня и вчера ночью, – ответил старший из братьев. – Подозреваю, даже больше, чем надо. Так что заткнись и стой радом с нами!

Далар, в свою очередь, указал на членов команды Тиглета, толпившихся за его спиной:

– Надеюсь, эти не будут вмешиваться? Только вы и я на палубе «Рога Изобилия»?

– Ну да, давайте, парни, валите на борт «Любезной Богини», – беспечно махнул рукой Тиглет. Затем смерил тяжелым взглядом Джема с братьями. – И вы тоже держитесь подальше от моего корабля, ясно? А если этот маменькин сынок попытается вмешаться…

И он снова развернулся в сторону Бантруса. Юноша едва успел отскочить от указующего перста чернобородого.

– … то я не поленюсь и его обработать. Одновременно. Правда, потом будет проблема: кого из этих двух героев пустить на подливку к обеду? Верно говорю, парни?

Шарина пробралась на нос «Попутного Ветра». Джем отправился на корму, как и требовали братья, в результате Бантрус остался один посредине судна. Он вроде бы хотел присоединиться к девушке, но та одарила его таким взглядом, что бедняга примерз к палубе – еще более несчастный, чем прежде.

Галдя и зубоскаля, команда Тиглета собралась на бору борделя. Диккон успел еще прихватить бурдюк с вином из низкого кубрика на корме.

Сам Тиглет прыгнул на палубу своего корабля и принялся разминать мышцы. По меркам Лодок, он был крупным мужчиной, а уж слабаком бы его никто не назвал.

– Ну что, птичка, идешь? – прокричал он.

Далар был по меньшей мере вдвое легче его. Он перелетел на ограждение «Рога Изобилия» и теперь стоял, покачиваясь на месте, как пересмешник на жердочке. Его короткие руки покачивались подобно рычагам весов. Тиглет с ревом обрушил правый кулак в брюшную область Далара, одновременно левой защищая лицо от его стального клюва.

Увы, недолет. Птица клюнула его в кулак, силой своего удара подбросив аж к навесу. Кровь окропила парусину.

Далар спрыгнул с поручней и, запрокинув голову вверх, издал торжествующий клич, напоминавший звук флейты. Ничего подобного Шарине не приходилось прежде слышать. На когтях птицы виднелась кровь.

Скорчившись, Тиглет подался назад и присел. Он ощупывал правый кулак левой рукой, проверяя, не сломаны ли кости. Опытный боец и отнюдь не трус, он не впервой получал ранение в драке. С пальцев капала кровь, но, возможно, травма была не столь страшной, как выглядела.

– Ну все, гад, теперь-то я сожру тебя с потрохами! – заорал мужчина и поднырнул вперед, растопыренными пальцами защищая лицо.

Далар лягнул его своей когтистой лапой, длина которой превышала длину рук противника. Удар пришелся прямо в лоб и обладал такой силой, что Тиглет перекувырнулся в воздухе и рухнул на палубу. Борода задралась черным веником, а из глубокого пореза на лбу хлынула кровь.

Стоя со сложенными на груди руками, Далар снова протрубил победу. Он настолько был уверен в координации своих движений, что, отражая удар Тиглета, даже не потрудился расправить руки.

Затем птица прошлась мелкими шажками и высоко подпрыгнула в воздух. Эта наглядная демонстрация превосходства выглядела еще оскорбительнее, чем его торжествующие крики. Публика на палубе «Попутного Ветра» ликовала, в то время как над соседним судном повисла мрачная тишина. Диккон в ярости скрутил свой бурдюк, будто горло врага. Он даже не замечал, что винные капли забрызгали его тунику.

Опершись на руки, Тиглет с трудом поднял голову. Кровь со лба заливала ему глаза, борода запеклась в сбившийся ком.

– Ну что, ты сдаешься, чемпион «Рога Изобилия»? – прокукарекал Далар. – Признаешь превосходство моей хозяйки, Шарины ос-Рейзе?

– Клянусь Сестрой, я не… – прохрипел Тиглет. Он умудрился стать на колени.

Далар снова пнул его в лицо. Захрустели кости. Туловище Тиглета шмякнулось об мачту и снова отскочило назад. Затем он замер, сложившись пополам, будто исполняя почтительный сидячий поклон.

С яростным ревом Диккон перепрыгнул на палубу «Рога Изобилия», собираясь напасть на птицу сзади. Далар нагнулся и с акробатической ловкостью перебросил через себя противника. Тот рухнул ничком на палубу.

– Далар! – крикнула Шарина, и ее рука с ножом взметнулась из-под плаща. Птица перелетела к ней с грацией резвящейся ласточки.

Мужчины с судна-борделя и оставшиеся члены команды Тиглета высыпали на палубу «Рога Изобилия». Их командир проиграл дуэль, теперь они намеревались взять реванш в общей свалке.

Тяжелый нож Шарины обрушился на шесты, которые сзади и спереди поддерживали навес над соседним кораблем. Парусина, каркас, веревки – все это посыпалось на приспешников Тиглета, которые бились там словно рыбы в сети.

Гукая и кукарекая, как целый выводок молодых петушков, Далар снова перелетел на палубу таверны. Всякий раз, когда кто-то из поверженных врагов пытался подняться, птица бросалась туда. Несколько секунд его когтистые ноги вытанцовывали бешеную сарабанду на парусине. Этого оказалось достаточно, чтобы подавить сопротивление. Вскоре из-под навеса доносились лишь сдавленные хрипы и стоны.

Женщины на «Любезной Богине» с немым удивлением наблюдали за этим избиением. Затем одна из них – та, что обнаруживала фамильное сходство с мужчинами, – принялась хохотать, как безумная.

– Мастер Далар, прекратите! – кричал Бантрус. – Вы выиграли схватку! Неужели вы не видите, мастер Далар?

Птица с достоинством вернулась на палубу «Попутного Ветра» и наконец-то опустила руки. Во время всей схватки – если это можно назвать схваткой – они так и оставались скрещенными на груди. Девушка вложила оружие Далара в его ладонь.

Отвесив изящный поклон четырем братьям, стоящим у румпеля, птица обернулась к Бантрусу.

– Наверное, ваше племя понимает драку не так, как мы, юный человек, – сказал он. – А может быть, вы и вовсе ничего в этом не смыслите.

Далар бросил презрительный взгляд в сторону развалин на палубе «Рога Изобилия». В дальнем конце из-под парусины высунулась голова, в которой трудно было опознать владельца – все лицо оказалось залито кровью. Поймав взгляд птицы, мужчина благоразумно спрятался обратно.

– Если вы считаете, что схватка с такими подонками заканчивается еще до того, как их ощиплют и подвесят вниз головой… что ж, так тому и быть, – продолжал Далар. – Это ваш мир, и решать вам.

– Он это серьезно, Джем? – спросил один из братьев. – Я не желаю слышать подобные вещи, даже в качестве шутки.

Голова птицы мгновенно повернулась, Далар уставился на говорящего, и тот невольно отшатнулся. С удовлетворением кивнув, Далар снова обернулся к Бантрусу. Того, казалось, сейчас вырвет.

– Ваше дело, – повторила птица. – Но мы – моя хозяйка и я – не станем снова сражаться на вашей стороне. Именно потому, что вы предпочитаете растягивать драку на два раза, где можно было бы обойтись одним.

– Давайте отвяжем их лодки, – спокойно предложила Шарина. Ее тяжелый нож блестел на солнце, слегка подрагивая. Девушка двумя руками вложила его в ножны.

– Да, – прошептал Бантрус. Он нагнулся и распутал узел под своими ногами, в то время

как Джем проделал те же манипуляции на другом конце судна. – Хорошая мысль. Думаю, мы высадим вас в Клестисе.

Соседние баркасы, освободившись от привязи, медленно дрейфовали прочь. Люди на палубе «Рога Изобилия» выползали из-под парусины с ошарашенными лицами.

– Послушайте меня, юноши, – трубным голосом обратился Далар к Бантрусу и его друзьям. – Не мое дело вам указывать, но сдается мне, ваш принц Микон, да и мастер Тиглет, понимают драку в точности как мы, роконарцы. И если вы не возьмете этого в толк, то лучше вам не ввязываться в войну с ними.

В завершение своей речи птица высоко дрыгнула одной ногой, затем другой. Когти на обеих были обагрены кровью.

Глава 19

– Прошу вас, – Кольва вложила свои руки в гарриковы. Они втроем с Лиэйн стояли на берегу Белтис. – Меня все еще бьет дрожь.

Теперь на ней была пара женских туник – они, в отличие от мужских, едва закрывавших колени, спускались аж до середины икр. Помимо этого для Кольвы приобрели плащ у торговца, который – на свою удачу – не укатил с прибытием солдат Валдрона, а остался возле конюшен. Одежда, хоть и поношенная, была хорошего качества и теплая. Несмотря на это, руки Кольвы оставались ледяными даже в такую теплую ночь.

Гаррик высвободился и довольно резко попросил:

– Объясните, что это за существа, с которыми мы столкнулись? – Краем глаза он заметил, как прояснилось лицо Лиэйн.

Неподалеку от них расположился королевский астролог со своими помощниками. Еще при солнечном свете они возвели водяные часы и откалибровали их с помощью солнечных часов. Сейчас, уловив взгляд принца, астролог бойко отрапортовал:

– Осталось двенадцать минут до полного захода солнца, Ваше Высочество!

Валдрон выстроил свои войска на набережной – вверх и вниз по течению. Мост уже вырисовывался голубой светящейся конструкцией над поверхностью реки, но твердым – достаточно, чтобы обычные люди могли пройти по нему, – он станет только с заходом солнца. Через двенадцать минут…

У Гаррика имелось четыре батальона копейщиков, объединенных в фалангу, два – пехоты, вооруженной легкими дротиками, и еще два – кавалерии в полном вооружении, с мечами и короткими копьями. Юноша слабо себе представлял, достаточно ли этого, чтобы выиграть сражение, которое им предстояло на том берегу. Кто его знает, что там их ждет…

– Это как обычно, парень, – в голосе короля Каруса слышалось непривычное смирение. – Ты можешь планировать, надеяться и молиться… но наверняка узнаешь, лишь когда окажешься на месте.

– Там семеро колдунов, – сообщила Кольва. – Те самые, что подняли Йоль со дна морского. Но настоящие дела они творят в Клестисе. Они захватили меня в плен, после того как мой муж Ландур Хранитель спустился в Подземный Мир с чужестранцем по имени Кэшел. Полагаю, они хотели принести меня в жертву.

– Как Кэшел? С ним все в порядке? – встрепенулся Гаррик. Он и не знал, что Кольва встречалась с его другом.

– Ничто в Подземном Мире не может повредить Ландуру Хранителю, – со странной улыбкой сказала Кольва. – Это всем известно. Тамошние жители могут только попытаться проскользнуть мимо Ландура в реальный мир… ваш мир. Но даже это удается немногим.

Гаррик болезненно поморщился. Ну вот, этому самому Хранителю пришлось оставить беззащитную жену, чтобы отправиться куда-то с Кэшелом. А ведь такого не случилось бы, если б он, Гаррик, не допустил похищения собственной сестры. Среди бела дня, в собственном присутствии.

Лиэйн легонько прикоснулась к руке юноши, и он с благодарностью улыбнулся. Ему

очень хотелось, чтобы Теноктрис находилась рядом и разъяснила, чего ждать на той стороне моста. Но, положа руку на сердце, всем знаниям в мире – включая мудрость Теноктрис – Гаррик предпочел бы присутствие Лиэйн.

– Колдуны управляют армией мертвецов, – продолжала Кольва. – Не исключено, что онимогут бросить в бой всех когда-либо умерших людей. Может, именно за этим они и похитили вашу подругу-волшебницу: принеся ее в жертву, они поручат большую силу, чем, скажем, от меня или какого-нибудь ребенка.

– Восемь минут, Ваше Высочество! – раздался голос астролога. Мост почти уже сформировался, но оставался несколько расплывчатым в своей эфемерности.

Гаррик задумался: а что произойдет с человеком, если вдруг призрачный мост исчезнет под его ногами? Наверняка, упадет… и юноша подозревал, в место, гораздо худшее, чем грязные воды Белтис.

– Ах, вы такой храбрый, раз собираетесь атаковать их! – ворковала Кольва, не спуская пронзительного взгляда с Гаррика. – Как только я увидела вас, сражающегося с ледяным жуком, я сразу поняла: другого такого героя нет на свете.

– Перестаньте! – прервал ее юноша, возможно, более резко, чем того заслуживала ситуация. Но ему претило подобное поведение – откровенная глупость и льстивая болтовня – в человеке, который едва не распрощался с жизнью.

Самое же страшное заключалось в том, что ему и впрямь была приятна лесть женщины. При том, что он понимал ее нарочитость, где-то в душе у него теплело от слов Кольвы. Гаррику не требовалось советоваться с Карусом или видеть морщинки вокруг глаз Лиэйн, чтоб осознать, насколько опасна лесть для правителя.

Лорд Валдрон в окружении полудюжины помощников, кружащихся в его фарватере, точно сухие листья на ветру, подошел к принцу. Заметив его приближение, Аттапер тоже поспешил к Гаррику со своего поста в десяти футах отсюда, где он стоял со своей группой в сто семьдесят Кровавых Орлов.

– Армия ждет вашего приказа, Ваше Высочество! – четко доложил Валдрон.

– Четыре минуты, Ваше Высочество! – выкрикнул астролог, отметив, что еще одна чашечка заполнилась водой и опрокинулась.

Гаррик перевел взгляд со своих офицеров на ряды солдат. Перед его глазами колыхался лес двадцатифутовых копий, будто какому-нибудь безумному садовнику пришла в голову мысль засадить порослью молодых деревьев всю набережную Белтис. Лица людей выглядели бледными и напуганными.

Сердце у принца сжалось. Он и сам боялся. Боялся потерять Теноктрис и все Королевство. Боялся того, что случится с Лиэйн и всеми остальными в случае его неудачи.

– Я подозреваю, что многие откажутся идти вперед, – уверенно произнес один из помощников – молодой блондин с приятной внешностью и достаточным количеством звонкой монеты в кармане, если судить по его позолоченному оружию. Он с сомнением покачал головой. – Люди боятся колдовства.

– Во имя Госпожи, они же приняли присягу! – возмутился Валдрон. – Солдат должен бояться – если он не полный дурак, но, несмотря на это, он обязан выполнять приказы. И они сделают это – пойдут через мост… Или же украсят собою виселицы на этом берегу. Клянусь честью!

– О, безусловно, они подчинятся, – вмешалась Кольва со своею странной, будто в предвкушении чего-то, улыбкой. – Последуют за принцем Гарриком. Ведь все слышали, как принц в одиночку сокрушил ледяного жука.

– Она права, Валдрон, – кивнул Аттапер. – Солдаты пойдут, если их поведет Гаррик.

– Мы приняли в наши фаланги крестьян и галантерейщиков, – вмешался Карус. На Гаррика обрушились воспоминания о десятках сражений, которые вел король, против людей и не совсем людей. – И они последуют за тобой хоть в ад, парень. Ведь ты доказал, что они не менее важны для Королевства, чем аристократы типа Валдрона. И все остальные – знать и землевладельцы, тоже пойдут, чтобы не выглядеть трусами перед вчерашними торговцами и

землепашцами.

Юноша рассмеялся, у него полегчало на душе – впервые с тех пор, как он вернулся из ледяного мира и принял решение о походе за Теноктрис.

– В таком случае, все в порядке, – произнес Гаррик. – Потому что я-то точно пойду во главе.

– Одну минуту, Ваше Высочество!

Хотя сам мост из камней и древесины смыло столетия назад, береговые устои сохранились. Улыбнувшись своим соратникам, Гаррик вспрыгнул на одну из подпорок. Теперь все войско могло если не слышать, то уж видеть точно своего принца. Слева от него вырастал силуэт моста из голубого призрачного света – он становился все реальнее и надежнее по мере того, как мерк дневной свет. Справа колыхалось море копий и голов – там стояла его армия.

– Мужчины Островов! – прокричал Гаррик. Он вытащил меч и размахивал им, как знаменем. – Мои добрые солдаты! Наше Королевство, наши семьи и сама наша честь лежат за этим мостом из света. Вперед, друзья!

– Все, солнце село!

– Гаррик видел как шевелятся губы астролога, но голос терялся в приветственном реве восьми тысяч солдатских глоток.

Он перепрыгнул на материализовавшийся мост, твердый в настоящий момент, как гранит. Два взвода Кровавых Орлов по обе стороны от опор моста проорали: «Гаррик и Острова!!! »

Гаррик улыбнулся Лиэйн, шедшей рядом. Он даже не пытался отговорить девушку следовать за ним. Они оба знали, что на другом конце моста их ждет опасность, но если их попытка провалится – на всех Островах не сыщется безопасного убежища.

Гаррик оглянулся через плечо. Вся регулярная армия во главе с фалангами следовала за ним. Ближайшие воины поймали взгляд своего принца и ответили радостными криками.

Кольва тоже шла по мосту, приотстав всего на шаг от Гаррика и Лиэйн. Она улыбалась со столь странным выражением, что Гаррик в замешательстве отвернулся. Чувства Кольвы оставались для него загадкой.

Вдалеке светились башни Клестиса. Вскинув меч, юноша бросился вперед.

Сейчас ему хватало тревог, связанных с Клестисом, и тем, что его там ждет.

* * *

На этот раз Кэшел признал утес. Еще бы: ведь он видел его в Вэллисе, а затем при входе на каждый предыдущий уровень Подземного Мира. На этот раз вход в пещеру закрывал огромный валун.

– Это уже последний, мастер Криас? – спросил юноша, опираясь на посох и оценивая предстоящие действия. С каменюкой придется повозиться, но ничего такого, с чем Кэшел не справился бы.

– Я же тебе уже говорил! – привычно вскипел демон. – Ты хочешь, чтоб я снова повторил: имеется три уровня. Или у тебя проблема со счетом до трех?

Кэшел улыбнулся. Он слышал где-то в лесу пение Элфина, достаточно близко, чтобы разбирать отдельные слова. Похоже, с каждой ночью юноша отваживался подходить все ближе и ближе к Кэшелу.

– Я умею считать до трех, – миролюбиво ответил парень.

Прислонив посох к откосу, он принялся ощупывать валун. Глазами работу не оценить как следует.

– Я могу сдвинуть его, – с некоторой надеждой предложил Криас.

– Да все нормально, мастер Криас, – прокряхтел Кэшел. Он навалился левым боком на камень и попытался столкнуть его.

Сразу не получилось, но юноша на это и не рассчитывал: камень так глубоко угнездился в земле, что там образовалось углубление. Он еще поднатужился, чувствуя, как побагровело лицо и напряглись связки на шее.

– При таком отношении я, вообще, не понимаю, зачем ты носишь меня на пальце, – завелся демон. Пока он говорил, валун потихоньку стал поддаваться. Стоило разорвать железную хватку земли, и дело пошло на лад: дальше камень покатился, как яйцо с горки. Кэшел отошел в сторону и перевел дух.

Ласково потер кольцо на пальце и ответил наконец на его вопрос:

– Ношу, мастер Криас, ради вашего общества… ну, и ради знаний, которыми вы обладаете. К тому же я никогда не забуду, что вы спасли мне жизнь в истории с народом Элфина.

Он отряхнул ладони и аккуратно очистил от грязи перепачканную тунику. Затем поднял свой посох и, привычно крутанув его пару раз, вступил в пещеру, залитую холодным, фиолетовым светом.

– Сколько раз тебе повторять: они не являются его народом, – беззлобно пробурчал Криас. – Лесные Люди держали его в качестве домашнего питомца. Хотя самому Элфину не хватало ума это понять. Да и, бьюсь об заклад, до сих пор не хватает.

Кэшел тем временем начал осторожно спускаться по склону – уже знакомому, так же как и сама пещера. Правда, на этот раз никаких деревьев не наблюдалось. Вообще, никакой растительности – все, что юноша издалека принимал за растения при ближайшем рассмотрении становились частью скалы. Даже ползучие лианы на поверку оказались прожилками горной породы.

Куда-то исчезло и русло ручья, которое Кэшел запомнил по предыдущим уровням Подземного Мира. Сколько глаз хватал в фиолетовом свете простиралась равнина, пересекаемая лишь разломами в скальном грунте. Голода юноша пока не ощущал, но тем не менее…

– Мастер Криас, а здесь сыщется какое-нибудь питье? – поинтересовался вслух парень. – Я имею в виду: безопасное для моей жизни…

– Тут есть вода, – прозвучал обнадеживающий ответ. – Более того, пастух: живая вода. Она способна излечить все твои болезни и обеспечить бессмертие – если ты будешь ежедневно купаться в ней. Но это в том случае, если ты сможешь добраться до источника. В чем лично я сомневаюсь.

– Меня бы устроила и простая вода, – вздохнул Кэшел, шагая с закинутым на плечо посохом. – Но я за все буду благодарен.

По правде говоря, ему решительно не нравилась идея «живой воды». Раз Криас утверждает, что она не повредит ему, так оно и есть. Но, вспоминая историю с тианскими фруктами, юноша вынужден был признать: хоть они и не повредили его здоровью (как демон и обещал), но подарили такие переживания, без которых он, Кэшел, с радостью бы обошелся.

Безусловным плюсом здешнего пустынного ландшафта являлось то, что не приходилось обходить деревья и продираться сквозь густой подлесок, как на верхних уровнях. Зато здесь значительно прохладнее. Юноша не сомневался: выдохни он сейчас, и увидит пар изо рта. Впрочем, проводить подобный эксперимент он не посчитал нужным.

– А здесь кто-нибудь живет, мастер Криас? – продолжал допытываться Кэшел, решив пренебречь неудобствами климата. Пока никаких животных он не видел, хотя это ничего не доказывало.

– Здесь жила Кольва, пастух, – проворчал Криас. – До того, как ты ее освободил.

– Ага, – понимающе кивнул юноша. Строго говоря, он не освобождал Кольву – просто произошла ошибка. Какой смысл цепляться к словам, если по существу демон прав: он совершил ужасный промах.

И тут он углядел впереди костер, возле которого сидели двое лохматых парней.

Те тоже разглядели гостя и медленно поднялись… До Кэшела донесся гортанный и довольно зловещий смех. Он почувствовал, как земля под ногами затряслась, и понял, что

сильно ошибся с расстоянием. Прежде ему показалось, что костерок незнакомцев аккурат за тем пригорком, на который он сейчас взбирался. Ничего подобного: ему вряд ли удалось бы докинуть до парней камень… Если б пришла такая нужда.

Но сейчас Кэшелу было не до того. Он сообразил, что незнакомцы ростом никак не меньше дерева, а дубинки, которыми они поигрывали, как раз таки и являлись настоящими деревьями.

Один из великанов откусил от чего-то, что держал в руке. Это оказалась – спаси нас Дузи! – человеческой ногой. Причем выглядела – по сравнению с едоком – она не крупнее цыплячьей ножки. Жир стекал по всклоченной бороде незнакомца.

– Отлично, братец, – прорычал второй великан. – Не успели мы прикончить свой обед, как ужин сам идет нам в руки.

Кэшел продолжал неторопливо идти вперед. Первым, инстинктивным, движением его было вскинуть верный посох на уровень груди. Но юноша предпочитал не проявлять открытую враждебность, пока не вынудят обстоятельства. У него будет время для такого простого действия – если события пойдут по худшему сценарию. Что казалось весьма вероятно…

К тому же у Кэшела имелись сильные сомнения относительно действенности своего оружия в подобных обстоятельствах.

– Мастер Криас, – спросил он, – что, по вашему мнению, мне следует сейчас предпринять?

Уже задавая вопрос, он подготовился к обычному язвительному ответу демона. И сильно удивился, услышав:

– Поскольку эти великаны не более чем иллюзия, то самым правильным будет попросту не обращать на них внимания. Как думаешь, пастух, тебе по силам такое?

И, будто сожалея о своем честном ответе, Криас тут же добавил:

– Естественно, слово «думаешь» я употребил весьма условно!

Кэшел хохотнул с облегчением.

– Смогу ли не обращать внимания? Конечно! Это намного проще, чем то, что я собирался делать.

– Мы отлично развлечемся, играя в шары его черепом, брат! – пророкотал первый великан. – После того как я высосу мозги.

Второй оторвал кусок мяса от ляжки теленка, которую держал в руке, и отшвырнул прочь кость. С нее все еще свисали сухожилия.

– Эй! – возразил он. – Это нечестно! Ты в прошлый раз сожрал все мозги!

Голоса их могли сравниться по громкости с раскатами грома. Хотя… если, по словам Криаса, великаны были ненастоящие, то, очевидно, и голоса являлись не более реальными. Если б еще знать, что нормальная логика действует в таком месте, как это!

– А далеко еще идти до воды, мастер Криас? – спросил юноша. Он направлялся прямиком меж двух великанов. Вонь от них стояла просто сногсшибательная… Кэшелу припомнился случай, когда старину Тодлера угораздило повеситься в своей хижине, куда никто не заглядывал целую неделю.

– Почитай целую вечность, пастух… при условии, что ты не дрогнешь!

И это при том, что бедняга Тодлер даже при жизни не злоупотреблял ваннами…

– Ого, не так уж плохо! – впечатлялся Кэшел.

Один из великанов грохнул оземь свою дубинку прямо перед юношей. Нормальная такая дубина – целиковый ствол сосны, местами облезлый от частого употребления.

Абсолютно не задумываясь, Кэшел прошел прямо сквозь нее. И ничего не почувствовал… ну, может, на мгновение в глазах потемнело. Затем все осталось позади, великаны растворились, как утренний туман. Они с Криасом снова были одни на каменистой пустоши.

– А что, впереди еще есть такие орлы, мастер Криас? – поинтересовался юноша.

На одно мгновение камень в кольце блеснул ярче обычного. В здешнем освещении

сапфир смотрелся гораздо богаче, чем на солнышке.

– Все может быть, – ответил Криас. – Хотя лично я сомневаюсь. Ты прошел проверку, парень.

– Ага, – кивнул Кэшел. – Так это была проверка?

– Здесь тебя постоянно проверяют, пастух! – усмехнулся демон. – Неужели ты думал, до замка Ландура так просто добраться?

– Я, вообще, ничего об этом не думал, – честно признался юноша. Вроде на горизонте что-то появилось… Дерево? Это было бы просто прекрасно на фоне безжизненной равнины. Впрочем, Кэшелу не хотелось тешить себя напрасными надеждами.

– Ты не испугался? – неожиданно спросил Криас.

– Но вы же сказали, они ненастоящие, – пожал плечами юноша. – Думаю, если б я считал их реальными, то напугался… и здорово.

Сам Кэшел не был в этом уверен, но он не хотел выглядеть хвастуном в глазах демона. За свою жизнь он пугался довольно часто, но всякий раз речь шла о том, что может случиться с кем-то другим – чаще всего, с одной из его овец. Что касается его самого… юноше казалось: он в состоянии выпутаться из любой ситуации. Пока, по крайней мере, все складывалось именно так.

– Знаешь, с этими великанами… если б ты дрогнул, вот тогда они оказались бы настоящими, – сказал Криас. – Я не был уверен, стоит ли тебе сообщать об этом заранее. Кто его знает, как бы ты повел себя в таком случае…

– Ну, – рассмеялся юноша, – уж, во всяком случае, ударяться в панику я не собирался. Независимо от того, намеревались они меня съесть или нет.

Подумав чуть-чуть, он добавил серьезным тоном:

– Видите ли, мастер Криас, я не самый сообразительный парень – это правда. Мне ох как далеко до Гаррика или Теноктрис! Но бегать от опасности я не привык… не имею такой привычки.

– Действительно, – произнес демон тоном, который Кэшел раньше у него не замечал. – Я имел время в этом убедиться.

Криас издал металлический звук – будто скрипучая дверь откашлялась. И сообщил:

– Фонтан Жизни прямо перед нами. Там ты сможешь поесть и напиться.

Предмет на горизонте действительно оказался деревом, которое к тому же росло на маленьком острове посреди пруда. Ветви низко склонялись под тяжестью плодов, но, как ни странно, все плоды были разные. В какой-то момент Кэшел даже подумал, что это очередная иллюзия – вроде братьев-людоедов, правда, куда более приятная на вид.

– Как долго нам еще добираться до дворца Ландура? – спросил он у демона. Насколько он мог видеть, за этим маленьким оазисом простирался все тот же безжизненный пейзаж. – Я имею в виду: если никаких неожиданностей не произойдет?

– Если, если… Пока все шло по плану, не правда ли, пастух? – проворчал Криас. – По крайней мере с тех пор, как ты решил, что убийство Ландура Хранителя – не самый твой удачный поступок.

Кэшел привычно промолчал. Настроения у крохотного демона менялись, как у овцы по весне. Не далее как на прошлой неделе одна знатная дама долго воспевала перед ним мирный характер овечек. Слушая ее, парень лишь головой качал: как мало знают иные люди!

– Скорее всего, ты доберешься туда завтра к полудню, – сообщил Криас юноше, как раз когда они подходили к оазису. – Это если ты встанешь с рассветом и будешь идти своим обычным шагом. А если поторопишься, то сможешь дойти и еще раньше.

Берег пруда зарос какой-то растительностью Кэшелу по колено. Листья нежно ласкали его босые ноги. Юноша присел на корточки, чтоб повнимательнее их рассмотреть. К своему удивлению, он не смог обнаружить и пары одинаковых растений. Некоторые из них напоминали деревья или кустарник в миниатюре.

Кэшел стоял, пошевеливая пальцами ног. Хорошо…

– А что, у нас есть особые причины спешить, мастер Криас? – спросил он с сомнением.

– У меня их нет, – проворчал демон. – Но, помнится, ты жаждал поскорее увидеть свою возлюбленную Шарину.

– Так и есть, – согласился юноша, устремляясь вперед. – Просто я быстрее перемещаюсь, когда не тороплюсь. К тому же в спешке ломается чертова пропасть вещей.

Он осторожно опробовал посохом дно. Оно казалось твердым и так же плавно понижалось, как и прибрежная полоса. Похоже, что и посредине оно будет не глубже, чем до пояса.

Кэшел неторопливо вошел в воду, держа посох наготове перед собой. Ничто не предвещало подводных ям или других неприятностей. Вода – ни горячая, ни холодная – слегка пощипывала кожу.

Юноша дошел до самого глубокого места (оказалось, даже мельче, чем он предполагал), затем дно так же плавно начало повышаться. Остров зарос той же странной растительностью, что и берега пруда, – нежной и мягкой, как мох.

Кэшел обратил внимание, что трава под его ногами не сминалась напрочь, а тут же упруго разгибалась. Оглянувшись, он даже не смог обнаружить своих следов.

– Имеется еще одна опасность, которую, может быть, есть смысл с тобой обсудить, – продолжал Криас. В голосе его появилось нечто странное: не гнев, а скорее какая-то пронзительность, что ли… – Она заключается в том, что ты, возможно, не захочешь отсюда уходить.

– Ну, это вряд ли, – рассмеялся юноша.

– Ты уверен, пастух? – проскрипел демон. – Взгляни-ка на свой посох!

Кэшел взглянул и ошарашено заморгал.

– Ничего себе!

В мире было немного вещей, которые он знал бы лучше, чем свой посох. Помнится, он срубил огромную орешину для своего односельчанина, и в уплату за труды получил одну из ее ветвей – прямую, как стрела. Юноша очистил ее от веток, сначала с помощью топора, затем специальной смесью песка и топленого жира – такое средство позволяло добиться исключительной гладкости древесины. На заключительном этапе Кэшел отполировал орешину клочком овечьей шерсти, богатой ланолином. Пришлось потрудиться не один день, зато в результате посох приобрел гладкость обкатанного в ручье камешка.

Сейчас Кэшел с удивлением разглядывал конец, который он погружал в воду. Вокруг железного наконечника появились молоденькие листики. На его глазах вылез еще один нераспустившийся лист – более яркий и сочный, чем на обычном, зрелом дереве.

– И что, это так и останется? – спросил юноша, недоумевая, как же ему обходиться с таким посохом. Хорош он будет, вертя в воздухе зеленой веткой!

– Да нет, завянут… если ты не станешь ежедневно окунать свою палку в Фонтан Жизни, – успокоил его Криас. – А у тебя есть такая возможность. Ты можешь остаться навечно на этом острове: питаясь фруктами и каждый день купаясь в живой воде.

Напоминание о фруктах пробудило чувство голода у Кэшела. Отягощенные плодами, ветви дерева свисали до самой земли, подобно веткам плакучей ивы, хотя остроконечные овалы листьев больше напоминали вишневую листву.

Поколебавшись, Кэшел сорвал нечто смахивающее на яблоко… хотя в этом фиолетовом освещении ничего нельзя было сказать наверняка. Плоды – некоторые довольно крупные, размером с дыню – также поражали разнообразием: двух одинаковых не сыщешь.

– Ничего, если я его съем, мастер Криас? – спросил парень. Он помнил обнадеживающие слова демона… Но тут происходили такие диковинные вещи – взять хотя бы зазеленевший посох! Кэшелу вовсе не хотелось радовать демона внезапно почерневшей кожей или отросшим бюстом.

Впрочем… у него не было оснований не доверять своему попутчику. До сих пор Криас – при всем его демоническом чувстве юмора – ни разу не впутал его во что-то действительно вредное или опасное. Язычок у него, конечно, острый – что есть, то есть. Но то же самое люди говорили и о его сестре Илне… а ведь Илна никого не бросит в беде, даже их дядюшку

Катчина.

– Ничего? – возопил Криас. – Хорошее «ничего»! Да это пища богов! Ты никогда в жизни не ел ничего подобного! И не будешь есть, если у тебя хватит глупости покинуть это место.

Кэшел надкусил плод. Ох! Это было похоже… Нет, подобный вкус не с чем сравнить. Больше всего это напоминало раннее утро на залитом солнцем медовом лугу, когда воздух чист и прозрачен, а все вокруг кажется самим совершенством.

– Ясно, – только и сказал юноша. Он не помнил, как проглотил кусок, просто обнаружил, что рот его уже пуст, и кончик языка слегка пощипывает. Тогда он снова откусил. Сердцевина, наподобие яблочной, отсутствовала… равно как и семечки.

Кэшел съел все без остатка, до самого черешка, за который он держал чудо-плод. Каждый кусок казался таким же восхитительным, как и самый первый. В качестве послевкусия осталось воспоминание чего-то божественно прекрасного.

– Ты можешь есть его каждый день, – подал голос демон. – И он подарит тебе вечную жизнь. А некоторые из этих фруктов способны даже воскресить мертвого.

Юноша покачал головой. Похоже, Криас не шутил насчет того, чтобы остаться здесь навсегда. Глупое допущение, с точки зрения Кэшела… Даже если примириться с мерзким фиолетовым светом.

– Что бы я здесь делал, мастер Криас? – спросил он. – Здесь ведь даже нет овец, чтобы пасти. Да и потом – мне необходимо разыскать Шарину. Может, конечно, она находится в отличном месте, но все же…

И юноша умолк. Он и так сказал больше, чем намеревался. Кэшел никогда не слыл болтуном, а если уж ему бы приспичило излить душу, то навряд ли он выбрал бы в качестве наперсника острого на язык демона.

– Ты не понимаешь, пастух: ты можешь жить вечно! – В жужжании Криаса тем не менее отсутствовала привычная резкость.

– Но для чего? – удивился Кэшел. Он сорвал еще один плод – на этот раз больше всего похожий на баклажан. – Возможно, для вас, мастер Криас, вечная жизнь хороша. Но я ведь простой пастух.

– Ага, так ты считаешь, что для меня это хорошо, Кэшел ор-Кенсет? Японимаю твою мысль: ты хочешь сказать, что этот остров не сильно отличается от сапфира, в который я заключен, не так ли? Ну ладно… мы проведем здесь ночь, а затем отправимся оживлять Ландура.

Кэшел откусил от второго фрукта. Вкус оказался совершенно иным – он навевал мысли о раннем летнем вечере, только-только появились бледные звездочки на небе… и овцы блеют в своем загоне – но тоже восхитительным.

– И не забудь прихватить с собой пару плодов, пастух, – напомнил Криас (будто пчела прожужжала над лугом). – Это сэкономит тебе время. А время – важная штука. Так же как и жизнь. В этом ты еще убедишься.

* * *

Ноги Илны уже некоторое время ощущали биение воды в канале, по которому они шли. Чуть подальше она услышала и журчание ручья, но все равно оказалась неподготовленной к тому грохоту, который обрушился на них, когда они вышли наконец в огромную пещеру с куполообразным сводом.

Воздух здесь был насыщен влагой, как на лугу после прошедшей грозы, на стенах скапливался конденсат, придавая им зеркальную гладкость. Через всю пещеру проходила глубокая расселина, деля ее на две неравные части. С этой стороны скала образовывала узкий карниз всего в несколько пядей – ощущение такое, будто стоишь над глубоким каньоном. Противоположный берег Илна могла разглядеть с трудом: над бездной клубился

подымавшийся снизу холодный туман, поглощавший свет.

Через расселину проходил канат толщиной с человеческое тело – во всяком случае он уходил в клубы тумана и, надо думать, доходил до того берега. На этой стороне канат прикреплялся к скале, но каким именно образом, Илна со своего места не могла разглядеть.

Прямо у скалы неподвижно стоял человек – высокий и очень худой. Его худобу не мог скрыть даже плащ с капюшоном, оставлявший открытым лишь лицо незнакомца.

– Добрый день, мил человек, – произнес Чалкус, выходя вперед с низким поклоном. Левой рукой он изобразил перед собой некий сложный жест – получилось весьма приветливо и виртуозно, несмотря на то что в правой руке он держал за спиной меч.

Моряк сделал несколько шагов вперед, старательно делая вид, что просто не успел или не счел нужным вложить меч в ножны.

– Я путешественник и зовут меня Чалкус. Могу я поинтересоваться вашим именем, господин?

– Харн, – лаконично ответил высокий мужчина – очень высокий, как стало ясно теперь, когда запевала подошел достаточно близко для сравнения. – Я так понимаю: вы желаете воспользоваться моим мостом?

Его голос, необычно высокий для мужчины, тем не менее с легкостью перекрывал рев потока, чего не удавалось даже хорошо тренированному тенору Чалкуса. Он имел неприятный скрипучий тембр: будто два куска грифеля трутся друг о друга.

– Мне он не нравится, – тихо произнесла Мерота.

Илна стояла, одной рукой обнимая девочку за плечи, а в другой – держа наготове моток веревки.

– Мне тоже, дитя мое, – сказала девушка. – Но, с другой стороны, мне не нравятся многие люди. Так что, наверное, мое мнение можно не принимать в расчет.

– Естественно, хотелось бы, мастер Харн, – ответил Чалкус, подходя еще чуть ближе. – Будем очень вам признательны.

– Мне не нужна признательность, – отрезал Харн. – Либо вы платите и проходите, либо остаетесь на том берегу.

Илна тоже шагнула вперед, пытаясь загородить собою девочку. Но та упрямо стояла рядом с нею.

– А куда ведет ваш мост? – требовательно спросила девушка. Она смотрела во все глаза, пытаясь уловить общий рисунок места: будто проход, которым они следовали перед этим, являлся ведущей нитью, а канат был ее продолжением. Увы, даже искусство Илны не обеспечивало ей полного понимания.

– Мой мост приведет вас туда, куда вы хотите, – ответил Харн. Неподвижная поза и руки, сложенные на груди под плащом, делали его более похожим на столб, чем на живого человека. – Здесь нет другого пути. Либо вы идете по моему мосту, либо возвращаетесь туда, откуда пришли. Но вы должны мне заплатить.

Помост, на котором они стояли, являлся частью ниши, достаточно, впрочем, просторной. На расстоянии полета стрелы с одной и с другой стороны вздымались стены пещеры, исключая всякую возможность обойти трещину. Единственная дорога через пропасть пролегала по канату – тут Харн не лгал. Казалось совершенно немыслимым, чтобы две женщины спустились вниз, преодолели грохочущий поток и снова вскарабкались с другой стороны.

– О чем разговор, мастер Харн! – весело разливался Чалкус. Я и мои спутницы честные люди… все, даже те из нас у кого в прошлом были какие-то отягчающие обстоятельства. Назовите свою цену – сколько мы должны заплатить за пользование вашим замечательным мостом?

– Вас трое, – произнес Харн. – Одного вы должны принести мне в жертву – это будет ваша плата за то, что двое других пройдут к своей мечте.

Илна злобно усмехнулась. Ну что ж, всегда хорошо четко знать положение дел. Она почувствовала, как рядом напряглась Мерота, но – надо отдать должное выдержке девочки –

не взвизгнула, не закричала.

– Не низкая плата, – по достоинству оценил Чалкус. – Но у меня к вам есть предложение получше, мастер Харн. Я и мои друзья проходим по вашему мосту, а в награду я оставляю голову…

И он взмахнул своим кривым мечом в дюйме от затененного капюшоном лица мужчины.

– … на ваших тощих плечах.

Харн внезапно прыгнул. Не на Чалкуса – это был бы смертельный номер, тем более что в левой руке моряка появился кинжал – а в сторону. Прилипнув к искривленной стене пещеры, он оглянулся на своих несостоявшихся клиентов. В таком ракурсе лицо его выглядело совершенно треугольным и нечеловеческим.

– Вперед! – скорее прорычал, чем крикнул Илне моряк. Он стоял между Харном и женщинами: меч направлен в пол, зато кинжал смотрит вверх.

Канат, похоже, был приклеен или даже припаян к поверхности скалы.

– Держись за конец моего шарфа, Мерота, – посоветовала девушка, ступая на ненадежный мост. – И ни в коем случае не смотри вниз.

Канат, по которому им предстояло идти, казался сделанным из шелка: тысячи прозрачных нитей сплели в прочную косу, способную выдержать вес целого города. Твердая, как скала, она пружинила и тихонько поскрипывала под босыми ногами.

Илна сделала первый шаг совершенно спокойно. У себя в деревне, с детства, она привыкла переходить стремительные ручьи по стволам поваленных деревьев или дорожке из камешков, отполированных до блеска поколениями односельчан.

Обернувшись, она встретилась со спокойным, доверчивым взглядом Мероты. Все будет хорошо!

Девушка с одобрением улыбнулась.

– У нас все в порядке, мастер Чалкус! – крикнула она моряку, стоявшему спиной к пропасти у начала каната.

Харн сбросил свой плащ. Он – нет, оно! – являлось обладателем восьми тонких ножек с множеством суставов. С их помощью существо ловко полезло по голой скале, как паук по каменной стенке.

Илна продолжала идти все тем же размеренным шагом. До нее доносилось стрекотание Харна, перекрывающее шум потока. Он уже достиг верхней точки куполообразного потолка и продолжал ползти, цепляясь своими паучьими ножками.

Чалкус тоже вступил на канат, но держался в начале, чтобы не мешать идущей Мероте. Он смотрел вверх, и в какой-то момент Илне далее показалось, что она слышит обрывок его песни.

Свет струился с самого дна ущелья, и на такой высоте казался просто блеклым молочно-белым пятном – даже когда девушка внимательно всматривалась вниз. Прохладные брызги разлетались во все стороны, пропитывая одежду и приятно холодя кожу. Илна тихонько засмеялась.

Скосив глаза назад, она встретилась со взглядом Мероты и произнесла:

– Вот видишь, судьба переменчива, дитя мое! Мы напьемся вдоволь, когда перейдем пропасть.

Девочка заставила себя улыбнуться, но Илне показалось, что по щекам у нее скатывались не просто водяные капли. Девушку захлестнуло внезапное острое чувство жалости. И нежности к этому бедному, такому стойкому ребенку.

Храбрость не означает отсутствие страха. Это – когда боишься, но тем не менее идешь вперед.

– Вы все равно мне заплатите, людишки! – раздался сверху голос Харна. Его туловище – тощее и длинное, как у стрекозы – распласталось на потолке. А пара верхних конечностей работала над чем-то пенящимся, выползавшим из его брюшка. – Мне все платили!

Илна с девочкой достигли середины моста, отсюда начинался подъем – под тем же

небольшим углом, под которым раньше спускался прогибающийся канат. Хотя конец их пути по-прежнему терялся в тумане, все же было очевидно, что осталось совсем немного.

– Илна, сеть! – крикнул Чалкус.

Девушка посмотрела наверх и увидела свесившееся над ними тело Харна. Оно содрогнулось в болезненной конвульсии и выбросило нечто все еще прикрепленное к его брюху. Не сеть – паутина, своей трепещущей массой нацелившаяся на Мероту.

Изогнувшись, Илна умудрилась прикрыть собою девочку. Она почувствовала, как липкая масса опустилась на ее спину. Видела Чалкуса, бегущего по канату, и понимала: его остро оточенный клинок бесполезен в борьбе с этой тягучей субстанцией, которую можно разорвать, лишь растянув до предела.

– Не пытайся ее разрубить! – крикнула девушка, даже не надеясь, что он прислушается. Так и видела, как моряк с размаху опускает свой меч в эту липкую кашу и безнадежно запутывается.

Но случилось чудо: Чалкус стоял, не двигаясь. Он послушался ее! Это было столь невероятно, что Илна – в последний момент своей жизни – поверила в Богов!

Мерота тоже замерла на месте. Девочка стояла с закрытыми глазами и тихим, дрожащим голосом напевала молитву, которую дети обычно читают перед сном. Руки ее по-прежнему судорожно сжимали Илнин пояс. У них над головой хихикал и пощелкивал Харн; он пока не решался натягивать свою сеть, боясь меча моряка.

Бросив взгляд на Чалкуса, замершего в нелепой позе – рука с мечом занесена вверх, лицо перекошено от ярости, Илна приняла решение. Размахнувшись, она одним движением накинула собственную веревку на канат и поймала конец петли другой рукой. Подстраховавшись таким образом, она обрела некоторую свободу действия.

– Отпусти мой пояс, Мерота! – крикнула она девочке, от души надеясь, что та повинуется. В противном случае она умрет. Смерть привычная гостья в нашем мире. – Закрой глаза, милая, и беги вперед!

Сжавшись в комок, Илна соскользнула с каната, унося с собой паутину Харна.

Она слышала, как заверещал вверху человек-паук. Почувствовала, как он выпустил из лап паутину, и та резко, рывком растянулась. Длина шелковой нитки оказалась больше, чем ее веревка, и девушка всем своим весом повисла на ее петле.

– Илна! Илна! Илна! – раздался крик девочки, но при этом она проворно, как белка по ветке, метнулась вперед, преодолевая последние двадцать футов пути. Все, спасена! Если бы Чалкус мог все понять…

Для того, чтобы дать моряку возможность перерубить путы Харна, ей придется выпустить из рук веревку и повиснуть на паутине, создавая необходимое натяжение. Что ж, падение в бездну спасет ее от смерти в желудке твари… или от еще более незавидной участи.

– Держись! Или пусть чайки выклюют тебе глаза! – прорычал Чалкус. Теперь, когда Мерота находилась в безопасности, он начал действовать. Опустившись на колени, он глубоко, наискось вонзил кинжал в канат. Что он делает?

И тут, все поняв, девушка рассмеялась, как одобрительно смеется профессионал, проникнув в замыслы другого мастера. Кинжал призван обеспечить ему страховку, когда канат порвется – именно за него моряк будет держаться.

Закрепившись, Чалкус нанес рубящий удар позади себя. Канат обладал невероятной прочностью, оценить которую могли лишь Илна и сам Харн. Но тем не менее он являлся мягким материалом. Стальной клинок нанес порез глубиной в человеческую руку. Далее включилось в дело собственное натяжение нити, растягивая V-образное углубление. Теперь Чалкус видел, куда наносить второй удар.

И он не стал медлить. Жах! Еще сильнее, чем прежде. Все верно!

Харн тонко и пронзительно вопил, но Илне сейчас было не до него. Напрягая все силы, выворачивая руку, она исхитрилась обмотать веревочную петлю вокруг запястья. Теперь, если онемевшие пальцы не выдержат, веревка продержит ее в течение нескольких минут. Этого девушке хватит, чтобы восстановить силы. Как правило, Илне в голову не приходило

сомневаться в своих способностях, но сейчас слишком уж велика цена…

Меч снова обрушился на канат и довершил дело. Илна ждала, что потребуется пять-шесть ударов, но она явно недооценила своего попутчика.

Шелк треснул по швам; несколько оставшихся нитей растянулись и начали рваться. Обычно волокна шелка легче воздуха, но эти были свиты в такой толстый и прочный пучок, что выдержали бы оба жернова с мельницы дядюшки Катчина.

С торжествующим криком Чалкус рывком вложил меч в ножны, затем обхватил канат обеими ногами и правой рукой. Левая рука мертвой хваткой сомкнулась на рукоятке кинжала, ничто на свете не могло разжать его пальцев.

И вот лопнули последние нити. Большая часть моста отлетела к противоположному краю пропасти – тому самому, откуда они пришли. Короткая часть – всего в четыре-пять человеческих ростов – свисала с утеса.

Паутина Харна была достаточной, чтобы выдержать падение Илны в пропасть, но эта дополнительная нагрузка оказалась пауку не под силу. Девушка чувствовала на своем теле и голове липкую сеть, сила клейкого слоя держала ее, мало того – подтягивала вверх, пытаясь оторвать от каната.

Но Илна продолжала держаться, раскачиваясь на канате. Она рассчитывала, что паук ослабит хватку, бросит свой конец паутины. Но он попросту не мог этого сделать: паутина являлась частью его тела, и освободиться от нее было не так-то легко.

Харн оторвался от каменного потолка и по широкой дуге полетел по направлению к стене.

Илна старалась держаться ногами вперед, чтобы избежать удара о камень, но канат, освободившись от натяжения, раскручивался в воздухе. В результате девушка ударилась таки боком о стену – удар был сильным, но недостаточным, чтобы заставить ее разжать пальцы. Ей даже не понадобилась дополнительная страховка в виде веревочной петли и поддержки Чалкуса.

Харн со всего размаха налетел на каменную поверхность скалы и треснул, как краб, свалившийся с большой высоты. Мышцы его напряглись в предсмертной конвульсии, затем расслабились; теперь, по крайней мере, его сфинктер освободил шелковую нитку, которую так цепко держал до того.

Паук полетел вниз, в клубящийся туман. Илна следила взглядом за падающим телом, пока оно окончательно не исчезло из виду.

– Ты сможешь сама вскарабкаться, Илна? – спросил Чалкус. – Или мне тебя потащить?

– Смогу, – ответила девушка. Она обхватила ногами толстый канат и начала ползти по нему вверх. Липкая паутина все еще держалась у нее на спине. Она вызывала дрожь отвращения у Илны, но, если разобраться, приносила пользу – поскольку помогала ей держаться на канате.

Илна собиралась освободиться от мерзкой паутины после того, как выберется наверх. Но когда долгожданный момент наступил, единственное, чего хотелось девушке, – это упасть и никогда больше не подниматься.

– Дорогая, вы были просто великолепны! – воскликнул Чалкус за ее спиной. – Я бы никогда не догадался сбросить этого мерзавца, если б вы мне не подсказали.

– Уверена, вы кривите душой, – ответила Илна, оставаясь верной себе. По той же самой причине она добавила: – Но все равно я вам благодарна, ведь это очень приятная ложь.

Она прикоснулась к скале и тут же почувствовала, как маленькие руки Мероты сжали ее запястье. Чалкус весело напевал:

– Той ночью дух мой воспарил, почуяв Пастыря приход…

* * *

– Тихий ход! – скомандовал Джем. Он занял позицию у румпеля «Попутного Ветра», в

то время как его братья вместе с Бантрусом сидели на веслах. Обычно баркас шел под парусами, но при слабом ветре и в условиях с ограниченной маневренностью, например, при заходе в гавань, приходилось пользоваться веслами. На темном небе холодными искрами поблескивали первые звездочки, хотя луна еще не взошла.

– Табань!

Гребцы осторожно работали веслами, подводя судно к илистому берегу. Стоял теплый вечер. В окнах близлежащих домов зажигали лампы, где-то вдалеке выводил мелодию невидимый скрипач.

Их плавание подошло к концу. Почти все время после утренней схватки с Тиглетом Шарина и Далар простояли на носу баркаса. Они держались в стороне от команды, те, в свою очередь, старательно не замечали своих пассажиров. Пару раз перед ними выставляли нехитрую снедь, но и тогда разговор ограничивался простым выражением благодарности.

Девушка сошла на берег в сопровождении своего телохранителя. Далар со вкусом потянулся, почти сделав шпагат, затем рывком переменил ноги, чудом – с точки зрения любого человека – удержав тело в полете. Затем поднялся на ноги и отвесил поклон в сторону баркаса, на борту которого темными силуэтами вырисовывалась команда «Попутного Ветра».

– Миролюбие – это, конечно, замечательно, – вполголоса заметила птица, – но не до такой степени. Что за народ, где даже мятежники жалеют своих угнетателей! У нас таким людям вряд ли сыскалось бы место под солнцем. Да и у вас, Шарина, тоже… если на то пошло.

Девушка с грустью кивнула. Она собиралась уже уходить, когда Бантрус отделился от своих товарищей и подошел к ней.

– Мастер Бантрус, – громко, чтобы слышали все остальные, обратилась к нему Шарина. – Благодарю вас за гостеприимство, которое вы нам оказали. Простите, если создали вам проблемы.

– Да все в порядке, – промямлил парень с таким несчастным видом, будто обдумывал собственную казнь. Бросив взгляд на город, добавил: – Мы обычно не путешествуем после захода солнца.

У Шарины не было оснований сомневаться в правдивости его слов. Она видела: остальные четыре баркаса еще несколько часов назад остановились на стоянку в местечке, где ручей впадал в залив. Тогда команда «Попутного Ветра» наскоро посовещалась – без Бантруса и, естественно, чужестранцев – и решила продолжить плавание. Похоже, желание поскорее отделаться от пассажиров перевесило боязнь путешествовать в темноте.

– Если я могу как-то компенсировать вам неудобства… – произнесла девушка, доставая кошелек.

– Нет! – громко крикнул один из братьев Джема. – Нам не нужны ваши деньги. Мы не хотим иметь ничего общего с вами!

– Тем не менее спасибо, – пожала плечами Шарина. Она отвернулась и быстрым шагом пошла прочь. Далар тронулся следом, через несколько шагов – когда, по его мнению, Бантрус с друзьями уже не мог представлять угрозы – он поравнялся с хозяйкой и зашагал рядом.

Одна мысль, что бедняга Бантрус вообще может кому-нибудь угрожать, вызвала у девушки грустную улыбку. Похоже, Далар прав: соотечественники Бантруса – обитатели Лодок – заслуживают лучшей участи, чем та, что, судя по всему, их ожидает.

Клестис стоял в замечательной естественной бухте, но вот оборудованного причала, как в Порт-Хокке, ему не хватало. Рыбачьи лодки располагались здесь прямо на берегу. В некоторых сидели люди, при свете висячих ламп они занимались починкой сетей и вели негромкие разговоры. При виде красавицы блондинки и птицы размером с человека рыбаки замолчали, но никто не окликнул незнакомцев. Сегодняшний Клестис, хоть и сильно отличался от прибрежной деревушки (каковой являлся во времена Шарины), явно не дотягивал до блистательной метрополии, которая, согласно легенде, тысячу лет процветала

под началом Ансалема.

– Я ираньше не любил корабли, – рассуждал Далар, подходя к первым зданиям. – Более близкое знакомство – ну, я имею кораблекрушение и прочее – естественно, любви не прибавило. Но, возможно, какой-нибудь Бог сделает меня более терпимым в этом вопросе.

– Хорошо бы нам найти укромное место для ночлега, – сказала Шарина. Вообще-то не мешало бы и поесть, и попить, но было похоже, плавание на «Попутном Ветре» испортило ей аппетит.

По обе стороны от них стояли одноэтажные здания, крытые сухим тростником. Строго говоря, улицы в Клестисе отсутствовали: просто цепочки домов, выстроенные не всегда параллельно. Сейчас они вступили в одну из таких улочек, сужавшуюся к дальнему концу.

– Надеюсь, ваш хозяин сможет связаться с нами здесь? – поинтересовался Далар и насмешливо хихикнул. – Очень уж не хотелось бы возвращаться в Порт-Хокк.

– Не знаю, – вздохнула Шарина, ощущая прилив холодного отчаяния. А что, если ей придется провести здесь остаток жизни? Без Кэшела, без друзей… вдали от своей страны и своего времени!

Безусловно, выжить она сумеет. У нее осталось достаточное количества серебра в кошельке, а ум и трудолюбие помогли бы обратить его в выгодный капитал. Например, она могла бы содержать гостиницу. И все же…

Вслух девушка сказала:

– Думаю, я могла бы здесь жить, если б пришлось. Но не уверена, что хотела бы.

– Мне прекрасно известно, госпожа, что означает навек распрощаться с родным домом, – серьезно произнес роконарец. – Но деваться некуда – приходится жить, как это делал я до встречи с вами.

Змеиный запах девушка учуяла еще до того, как глаза ее разглядели светлый прямоугольник на глухой – с точки зрения Далара – стене.

– Стой! – бросила она своему попутчику.

Дракон одарил ее знакомой зубастой улыбкой. Он, как всегда, восседал за своим столом.

– Приветствую тебя, Шарина ос-Рейзе, – раздался шипящий голос. – Твои опасения потерять со мной контакт совершенно напрасны. Для меня все места одинаковы.

Раздвоенный язык затрепетал в беззвучном смехе.

– Так было всегда, даже при моей жизни… много-много лет назад.

– Ну, так или иначе, рада вас видеть, хозяин, – слабо улыбнулась девушка. – Что теперь мы должны делать?

– Твое путешествие близится к концу, – обнадежил ее Дракон. – Неподалеку отсюда на центральной площади Клестиса ты увидишь колодец с каменной кладкой для защиты от поверхностных вод. Она сложена из тех камней, что использовались в качестве балласта на судах. Знаешь… сюда они прибывали порожние, а отсюда увозили груз. Один из этих камней ты сразу узнаешь. Удали его и пролезь в образовавшееся отверстие.

Шарина кивнула, посмотрев туда, где стоял Далар – безмолвный, как звезды. В руках он держал свои пирамидки.

– Лорд Дракон, – обратилась девушка. – Скажите, пожалуйста: когда я… если я успешно выполню ваше задание, не могли бы вы отправить моего телохранителя к нему домой?

– Когда ты выполнишь задание, я перестану существовать, – ответил тот.

И снова улыбнулся своей нечеловеческой улыбкой.

– И это будет правильно, поскольку я вот уже много тысячелетий мертвый. Ты хочешь добавить это в качестве условия своей службы?

– Нет, конечно, нет! Я же дала вам слово!

– Я тоже дал слово, что ты и твои друзья останетесь в выгоде в результате твоей службы. Все твои друзья.

– Ясно, – сказала Шарина. Дракон вкладывал в свои обещания столько же, сколько она

– вместе с друзьями – в свои. – Тогда я, пожалуй, займусь делом.

Ее хозяин ничего не ответил. Вместо этого он снова улыбнулся своей зловещей улыбкой и исчез из виду. Далар выжидающе смотрел на девушку.

– На площади имеется колодец, – начала объяснять она. – Нужный камень лежит в его кладке. Мы вынем его и, как обычно, пройдем внутрь.

Далар медленно двинулся вперед, давая возможность Шарине нагнать его. Свет, падавший из окон домов, позволял разглядеть открытое пространство в конце улицы. Что ж, пожалуй, похоже на центральную площадь. Подобное место определенно могло использоваться для городских сходок, хотя, судя по его неправильной форме, Шарина сказала бы, что это просто выпас для овец, которых пригоняют в Клестис на продажу.

– Далар, ты слышал наш разговор? – спросила девушка. Ее охранник резко вскинул голову.

– Я слышал только ваши слова, Шарина. Ни слышать, ни видеть вашего хозяина я не мог.

– В награду за мою службу Дракон обещает помочь моим друзьям, – пояснила девушка. – А ты мой друг.

– Для этого нам, прежде всего, надо выжить, – философски заметила птица. – Хотя полагаю, вариант, когда мы не выживаем, здорово упрощает подобные обещания.

– Не думаю, что вопрос нашей жизни или смерти решается чьим-то выбором, – так же серьезно заметила Шарина. – Хотя, конечно, я всего-навсего слуга и не могу судить о высших мотивах своего хозяина.

И они оба рассмеялись – каждый на свой лад. Сегодня на вечерней молитве, подумала девушка, не забыть бы поблагодарить Госпожу за такой подарок – напарник с чувством юмора.

Луна выползла наконец на небо и теперь хорошо освещала пустынную площадь. Единственным заметным строением на ней являлся колодец, обложенный камнями. Немногочисленные горожане сидели на лавочках перед своими домами и молча наблюдали за незнакомцами. Ни постоялого двора, ни таверны…

Подойдя поближе, Шарина опустилась на колени, чтобы изучить каменное основание. Должно быть, Клестис испытывал недостаток в собственных каменоломнях, если местные жители использовали в постройках привезенный издалека и выброшенный балласт. От этого город, которым правил Ансалем – если верить легендам и снам Гаррика, – казался еще удивительнее.

Кусок бледного гранита резко выделялся среди окружавших его темных камней. Это была вторая половина той плиты, которую они выковыряли из водоочистного сооружения в Порт-Хокке.

– Вот… – показала Шарина.

– Стой, кто идет? – прервал ее резкий окрик Далара. Пирамидки в его руке начали свое стремительное вращение с тем негромким жужжанием, которое для Шарины теперь ассоциировалось с чьей-то близкой и неминуемой смертью.

– Госпожа? – раздался мужской голос. Бантрус все-таки последовал за нами. – Это я, Бантрус. Понимаете, я подумал, что неправильно… вот так уходить. Вернитесь к нам и…

Далар остановил вращение пирамидок, с металлическим щелчком они шлепнулись в его ладонь.

– Мастер Бантрус, нам надо идти, – сказала девушка. – Ваши друзья абсолютно правы: у нас нет ничего общего – у вашего народа и моего. Возвращайтесь на судно.

– Но… – не желая примириться с неизбежным, юноша направился к ним.

Одним прыжком Далар оказался перед ним и заставил отступить, надвигаясь на него мелкими шажками. Шарина нахмурилась, но затем осознала: действия ее телохранителя являются живым доказательством того, что она пыталась выразить словами. Бантрус был выше и крупнее птицы, но у него даже мысли не возникло отстаивать свои позиции.

– Иди к своим друзьям, – максимально мягко произнес Далар. – И постарайтесь

помириться с принцем Миконом. Я даю тебе этот совет в благодарность за то, что вы помогли нам бежать. Если прислушаетесь, это, возможно, спасет вам жизни… А сейчас иди.

Птица развернулась, на ходу перевешивая оружие на пояс и освобождая руки.

– Давайте сдвинем камень, Шарина, и поскорее покинем это место, – произнес Далар.

Они опустились на колени, девушка нащупала край плиты. Как и прежде в Валхокке, им надо лишь придать камню начальный толчок, дальше плита пойдет легко.

– Но?.. – Бантрус все не уходил.

– Давай, на себя, – скомандовала Шарина, толкая камень кончиками пальцев. Плита повернулась на полпальца…

– Теперь вы, – сказал Далар, поменявшись ролями. Со второго, более сильного толчка камень сдвинулся на целую ладонь.

– Ого, наше мастерство растет! – с усмешкой произнес роконарец. – Пригодится в тяжелую годину.

Из образовавшегося зазора посыпались искры, как от далекого костра. Бантрус, раскрыв рот, глядел на это чудо.

– Так вы и в самом деле Боги? – спросил он, замирая. – Это действительно правда?..

Далар одним холодным взглядом прервал восторженный бред юноши.

– Думаю, вам лучше лезть первой, госпожа, – сказал он. – А я последую за вами.

– Хорошо, – сразу же согласилась девушка. Она скользнула ногами вперед в открывшееся отверстие. Впервые ее грело ощущение близкого завершения миссии, до этого они просто пытались бежать из неприятной действительности.

Впрочем, и здесь действительность оказалась не слишком приятной. В каком-то смысле даже фатальной. Судьба Лодок ужасала девушку даже больше, чем физическая опасность, исходившая от гулей на руинах древней Валхокки. Лодки, как феномен, являлись чересчур хрупкими и ранимыми, чтобы выжить в этом мире укреплявшейся цивилизации.

Лунный свет перед ней завертелся, закручиваясь в спираль, подобно воде, уходящей в сток. Неподвижные фигуры Бантруса и Далара вибрировали, колебались в ритме окружавшей их вселенной… затем исчезли. Шарина пролезла сквозь стенку колодца, чтобы оказаться в центре совсем другого Клестиса.

Здесь над колодцем простирался новый навес, выстроенный для защиты древнего памятника. Сама площадь приобрела весьма нарядный вид: мощенная гладким булыжником, с фонтанами и декоративными цветочными кашпо.

Прямо перед девушкой высился дворец. Собственно, все окружающие здания можно было назвать великолепными дворцами, другого слова не подберешь. Высокие, одетые в сверкающий металл, они ярко блестели под куполом из магического красного света, который здесь заменял небо.

На площади собралась толпа. Их взгляды были прикованы к дворцу, никто не обращал внимания ни на Шарину, ни на появившегося несколькими мгновениями позже Далара.

Птица бросила сердитый подозрительный взгляд на магический купол. Воздух, казалось, гудел от напряжения. Свет, падавший сверху, окрашивал одежды собравшихся зрителей во всевозможные оттенки красного цвета.

– Господин? – обратилась Шарина к находившему поблизости мужчине средних лет. Рядом с ним стояла его семья: женщина и целый выводок детей. Младшего из шестерых держала на руках нянька.

Мужчина обернулся, и Шарину поразило выражение его лица. «Он напуган до безумия», – подумала девушка. Они все напуганы.

– Что? – переспросил мужчина. – Вы что-то сказали, госпожа?

Шарина была достаточна знакома с колдовством, чтоб понять их страх.

– Мы с другом прибыли издалека, – произнесла она заготовленную фразу. Ей приходилось повышать голос, чтобы перекрыть гул толпы и вибрацию воздуха. – Не скажете ли, что… – девушка в нерешительности замялась, ей не хотелось напрямую спрашивать о магическом свете и гудении, – что здесь происходит?

Взгляд горожанина скользнул по Далару, но удивление вспыхнуло и тут же угасло в его глазах. Все силы мужчины поглощало магическое действо, творившееся на площади. В момент купол неба вспыхнул ярко-малиновым цветом, затем снова постепенно вернулся к изначальному приглушенному оттенку.

Вздрогнув, собеседник Шарины пояснил:

– Это дело рук Ансалема Мудрого, нашего правителя. Королевство на пороге хаоса. Ансалем со своими помощниками трудится над тем, чтобы охранить нас от такого…

Голос мужчины дрогнул, он сглотнул, зажмурившись, будто желая сдержать слезы. Все семейство за его спиной смотрело на чужестранцев, но никто не произносил ни слова.

– Ансалем хочет спасти нас от такого конца, – с трудом договорил мужчина. – Вот, что происходит, госпожа. Ансалем – наш защитник!

– Смотрите, они вышли на крышу, – вдруг вмешалась нянька, в ее голосе Шарина разобрала легкий сандракканский акцент. – Ансалем и другие волшебники. Вот где они проведут обряд нашего спасения.

Толпа жалась на площади, все избегали близко подходить ко дворцу. Двери в здание стояли открытые и без охраны.

– Это сам Ансалем сказал вам, господин? – спросил Далар. Разговаривая, он повернул лишь голову, тело же оставалось застывшим и напряженным – как у молодого животного, попавшего в капкан.

– Мы и сами знаем это! – выкрикнул мужчина. – Ансалем всегда защищал нас! И сейчас делает то же самое!

С крыши дворца раздался отчаянный мужской крик:

– Мой сын! Нет, только не он!

Дальше голос перешел в неразборчивые бормотания, человеческий голос узнавался лишь по тембру. Небо снова полыхнуло красным, будто свет упал на пролитую кровь.

Мужчина с женой держались за руки. Нянька упала на колени, причитая:

– Ансалем спасет нас! Ансалем спасет нас!

Шарина выхватила пьюльский нож и бросилась ко дворцу. Далар с оружием в руках бежал следом.

Глава 20

– У них тяжелая кавалерия! – крикнул командир первого подразделения Кровавых Орлов, ступившего с моста на территорию Клестиса. В следующее мгновение трубач подал сигнал «Приближения противника».

– Такое количество кавалерии сыграет с ними злую шутку! – усмехнулся король Карус. – На этих каменных тротуарах конница все равно как на льду.

Кровавые Орлы растянулись цепью, защищая свои позиции. Стояла оглушительная какофония: пение труб смешивалось с надсадными криками командиров, все это перекрывалось грохотом солдатских башмаков по булыжникам. Вложив меч в ножны, Гаррик поспешил на правый фланг: настало время командовать, а не зажигать толпу.

Волей-неволей лорд Валдрон последовал за ним, а следом потащился целый штат помощников, знаменосцев, сигнальщиков, курьеров и подразделение личной охраны. Обычно штаб перемещался верхом, дабы все солдаты могли их видеть. Но сейчас Гаррик опасался, что лошадей напугает колдовство и они ударятся в панику. Достаточно и того, что люди нервничали.

Правый фланг был ничем не лучше и не хуже, чем любое другое место. Гаррик подсознательно выбрал его, потому что король Карус, как правило, занимал эту позицию.

– Вы бы посторонились, Ваше Высочество! – прорычал Аттапер, увидев Гаррика рядом с собой. По мере того как фаланга разворачивалась, Кровавые Орлы, вооруженные мечами, сдвинулись вправо и сбились там в плотную массу. Аттапер находился там же.

Шестнадцатирядная фаланга – мощное, почти непобедимое оружие при лобовой атаке.

Но вот мгновенно развернуть копья, чтобы отразить нападение с тыла или флангов, практически невозможно. Поэтому в задачу Кровавых Орлов – самых опытных воинов Островов – входило прикрывать фалангу сбоку. Точно так же они стояли цепью впереди, пока не подоспела легкая пехота.

– Я здесь не для того, чтобы лично сражаться, Аттапер, – ответил Гаррик. – Но для успешного командования мне необходимо видеть картину боя… и я собираюсь ее получить, милорд!

Металл в голосе Гаррика шел от его предка, но слова… слова были теми самыми, которые рвались из души самого юноши. Аттапер, Валдрон и другие офицеры Королевской армии привыкли действовать на свой страх и риск. Их к этому приучила позиция короля Валенса, который даже в свои лучшие годы являлся лишь номинальным лидером государства. В отличие от него принц Гаррик Хафтский – с помощью короля Каруса – намеревался реально править страной.

Либо умереть, потерпев поражение.

Клестис представлял собой те же блистательные руины, что являлись Гаррику во сне. В лучах солнца, затемненного магическим куполом, юноша видел пышно разросшуюся траву, вывороченные булыжники мостовой и полуразрушенные здания, с которых облезало металлическое покрытие. Он даже разглядел алебастровую филигрань вокруг приемного зала на крыше дворца.

Но чтобы достичь дворца, ему пришлось бы преодолеть заслон из построенной в боевом порядке конницы. Помимо обычных лошадей здесь находилась восьмерка лохматых мамонтов, защищенных бронированными латами. На их спинах, на специально устроенных платформах, восседали солдаты с дротиками и длинными копьями.

Шкура клочьями облезала с мамонтов. У одного бивни были наполовину обгрызены крабами и другой морской живностью. Оружие всадников изрядно проржавело, а сквозь забрала виднелись пустые глазницы и облезающая плоть. И тем не менее они двигались…

Аттапер и Валдрон оставались бесстрастными. Зато неопытного трубача била дрожь. Он судорожно прижимал свой инструмент к груди, и Гаррик слышал, как труба выбивает дробь об его бронзовые латы.

Принц с сочувствием обнял юношу за плечи: по возрасту тот был даже моложе его, к тому же не имел за спиной такой мощной поддержки, каковой являлся для него король Карус.

– Они один раз уже умерли, парень, – весело сказал Гаррик, он старался говорить громко, чтобы его слышали все вокруг. – Значит, могут умереть еще раз. И, клянусь Дузи, это предстоит им очень скоро!

В западной части площади высилась декоративная арка, на которой была установлена жаровня. Вокруг нее застыли фигуры трех колдунов. Двое из них были в черном, один – в белом. С того места, где стоял Гаррик, он не мог определить пол людей, да это и не имело значения. Колдуны совершали медленные движения руками, и в такт их пассам закручивался дымок, поднимавшийся от жаровни. Этим же пассам повиновалась шедшая в нападение кавалерия.

Валдрон отрывисто отдал какой-то приказ, продублированный трубой сигнальщика. Фаланга подалась вперед, одновременно размыкая ряды. Это был первый бой фалангистов, но ему предшествовали месяцы усиленной тренировки с веслами и, собственно, с копьями. Настоящий маневр они выполнили безукоризненно, чем сильно порадовали Гаррика. Даже король Карус одобрительно улыбнулся.

Шестьсот копьеносцев просочились в разомкнутые ряды фаланги, дабы встретить наступающую конницу. В других условиях, когда б времени было достаточно, им полагалось бы заблаговременно занять позиции…

– Добро пожаловать на войну, парень, – услышал юноша голос Каруса. – Здесь постоянно случаются непредвиденные вещи и ситуации. И я бы сильно обеспокоился, если б все шло по плану.

Раньше Гаррик представлял себе кавалерийскую атаку, как стремительный натиск – лошади несутся как на скачках. Однако здесь эскадроны, объединившиеся под знаменем с йольским крабом, двинулись шагом и лишь постепенно набирали скорость. Наверное, вес воинов в полном вооружении оказался неподъемной ношей даже для мощных лошадей. Колдуны сумели оживить армии, но, очевидно, не смогли изменить саму природу этих людей и животных.

Батальоны тяжелой пехоты были последними, кто пересек волшебный мост, им для занятия позиции требовалось время. Гаррик обратил внимание, что воины, пробегавшие мимо их командного пункта, тяжело дышали под тяжестью оружия и полного боевого облачения. Их офицеры с трудом, задыхаясь, отдавали команды, а трубачам требовалось по несколько судорожных вздохов, чтобы набрать воздух, прежде чем поднести инструмент к губам.

– Последний на маршруте следования всегда вынужден бежать, – пояснительным тоном сказал король Карус. – У передних батальонов другая задача – тоже неблагодарная – возводить шатры и погибать еще до того, как последние воины включатся в битву. Трудно сказать, почему? Так же трудно, как ответить на вопрос: почему небо синее? Но тем не менее это так.

Теперь, когда застрельщики прошли вперед, фаланга снова сомкнула свои ряды. Командный пункт по-прежнему оставался своеобразном наростом на правом фланге всего организма армии, и регулярные батальоны в тяжелом вооружении, с мечами и короткими копьями прикрывали крыло справа от офицеров и Кровавых Орлов.

Даже лорд Валдрон вынужден был одобрить такое построение. Король Валенс Третий, так же как и его предки, всегда занимал привычную позицию в центре. Но Валдрон как опытный вояка понимал, что фаланге необходимо дать пространство для прохода копейщиков навстречу врагу.

Карус ухмыльнулся в неистовом предвкушении. Рука его сомкнулась на рукояти меча, существовавшего лишь в воображении Гаррика.

Юноша носил посеребренные латы и шлем, хотя взять щит не позаботился: ведь он не собирался собственноручно сражаться. Но, с другой стороны, командир не может точно предсказать, как пойдет битва…

– Или даже – чем именно придется заниматься ему в гуще схватки, – пробормотал Карус. – Конечно, ты должен стараться предугадывать события, а также контролировать себя… но при случае будь готов пробиваться через стену щитов!

Насколько можно было судить по голосу короля, такая перспектива его совершенно не пугала. Да и Гаррик в настоящий момент с замиранием сердца и восторгом представлял себе, как ворвется в цепь врага.

Копейщики в кожаных шлемах стояли с плетеными щитами, создавая заслон между врагом и Королевской армией. Внезапно один из застрельщиков с криком бросил первый из своих трех дротиков, и тут же вся цепь, как по сигналу, принялась на ходу метать снаряды.

Их дротики представляли собой короткие копья с узкими металлическими наконечниками. Они летели по высокой дуге и дождем сыпались сверху на вражескую кавалерию. Хотя иногда сквозь щели в доспехах они поражали и всадников, основной их целью служили собственно лошади, которые и без того спотыкались на раздолбанном покрытии площади. Дротики впивались в шеи и холки животных, те падали, сбрасывали своих седоков под ноги следующих сзади всадников.

И все бы хорошо, но эти лошади вели себя совершенно не типично. Они не вставали на дыбы, не вертелись на месте, как обычно ведут себя раненые животные. Беспорядок, который, по мнению Гаррика, должен был сломать строй, не состоялся. Лошади, если только они не опрокидывались, продолжали идти рысцой, переходящей в легкий галоп. Ни запаха крови, ни паники из-за ржания соседних лошадей.

Один мерин бежал с петлей кишки, намотанной на заднюю ногу, и с каждым шагом внутренности все больше вытягивались из его брюха. Бедняга умудрился сделать не меньше

десяти шагов, прежде чем свалился.

– Назад! – крикнул Гаррик, он уже понимал, что сейчас произойдет. – Они должны отойти – или будут сейчас опрокинуты.

Валдрон открыл рот, чтобы передать приказ трубачу. Но застрельщики и сами осознали угрозу и поспешно отступали под защиту своего заслона.

Увы, слишком поздно! Для многих стрелков этот день стал последним! Польская кавалерия налетела, как горный поток в узкой теснине. Не обращая внимания на потери, оставшиеся всадники неслись, неустрашимые перед лицом боли и смерти. Они пронзали бегущих людей длинными пиками и молниеносным движением валили с ног, успевая еще на скаку освободить оружие для нового удара.

Смерть и последующее оживление не лишили йольских всадников боевых навыков. Лишь изредка случалось, что в результате промаха копье с искрами вонзалось в булыжник, порой выкидывая своего хозяина из седла.

Успевшие добежать стрелки ныряли под плетеные щиты фаланги и тяжелой пехоты, с поспешностью и отчаянием мыши-полевки, ищущей укрытие среди скал. По приказу Аттапера восемь рядов Кровавых Орлов сомкнули строй щит к щиту, прикрывая командную группу.

Гаррик увидел, как над его головой – совсем близко – нависает линия йольской конницы: так пенящаяся волна прибоя накатывает на берег. Затем обе армии схлестнулись: металл на металл, металл на камень и на ломающиеся кости. Шум стоял невероятный, еще хуже был расползающийся смрад.

– Конница обычно не атакует в лоб! – кричал Карус. – Но что взять с этих чудовищ! Они перестали быть лошадьми в тот момент, когда умерли. Сестра забери и сожри сердца всех колдунов!

Каждая из лошадей вместе со своими бронированным всадником весила, должно быть, тонну; и вся эта лавина на полном скаку ударила в королевскую армию. Люди кричали, древки копий ломались со страшным треском. Передний ряд фаланги буквально впечатало в щиты стоявших за ними воинов, в результате строй был напрочь сломан.

Спасало то, что фаланга имела шестнадцать рядов в глубину, и даже йольской коннице со всей ее мощью и неустрашимостью трудно было пробить многократное заграждение из смертоносных копий.

Атака захлебнулась и сломалась, как лопата, наскочившая на твердый валун. Задние ряды всадников, столь же безрассудные, как и передние, напирали, вливаясь в кучу павших – умерших по второму разу – своих сотоварищей. Они врывались с высоко поднятым оружием, некоторым даже удавалось верхом вскарабкаться на трупы уже павших воинов – чтобы в свою очередь встретить удар копьем в грудь и упасть замертво. Королевская армия яростно защищалась. Даже сломанные копья встречали врагов, как кольями, своими острыми ясеневыми древками.

Подгоняемые командирами – неслись ободряющие крики, проклятия – так же как и собственным порывом, фалангисты восстанавливали утраченные позиции. Тяжелые солдатские подошвы вонзались в гниющую, облезающую плоть оживленных противников, заставляя их терять конечности. Порой, нанося удар, солдатам случалось и поскользнуться, но они не падали, потому что стоявшие рядом товарищи подставляли плечо и поддерживали, пока те снова не восстанавливали равновесие. Вражеская конница продолжала наступать: все новые всадники присоединялись к своим товарищам, чтобы встретить повторную смерть.

– Они не более координированы, чем ржаное поле, – отметил король Карус. – А мы играем роль серпа на этом поле!

И впрямь, если йольские колдуны направляли свои войска в основном на площадь, то королевская армия растеклась широким фронтом по всему городу, вплоть до окраин. Опять же, они были всего-навсего колдунами – никак не воинами, хотя бы и плохими, неопытными. Посему они без всяких хитрых маневров бросали своих солдат прямо в центр, на пики фалангистов. Таким образом, почти весь натиск оказался подавлен.

«Почти», да не весь. Два десятка всадников в полном вооружении неслись в настоящий момент на ядро, в котором находился Гаррик. За всадниками следовали четыре лохматых мамонта.

Копейщики побросали свои легкие овальные щиты, чтобы освободить обе руки для боевых действий. У Кровавых Орлов же тяжелые щиты крепились ремнями на предплечьях, так что сейчас они вскинули их, защищая лица от копий атакующих. Это не мешало им своими – более короткими – пиками поражать в грудь и шею лошадей.

И все же некоторым конникам удалось, на почти издыхающих животных, прорваться сквозь передние ряды фаланги. Их ждала печальная участь. Отбросив копья, солдаты при помощи мечей подрезали поджилки, вспарывали брюха коням, а затем добивали, кроша в капусту, упавших всадников. Копейщики из задних рядов своими копьями отбрасывали назад прорывавшихся врагов, а тяжелая пехота тем временем замкнула круг на флангах, отрезав им путь к отступлению.

Гаррик наблюдал, как один из йольских воинов пытался таки размахнуться мечом, несмотря на копье, проткнувшее его латный воротник. Спустя мгновение он опрокинулся навзничь с грохотом, перекрывавшим общий шум.

К королевской линии приближалась четверка мамонтов: оживленные трупы находились настолько в плохом состоянии, что при движении с них падали клочья шкуры вместе с полусгнившим мясом. Животные-гиганты перемещались неторопливым шагом, но каждый такой шаг покрывал расстояние в человеческий рост.

Командир на фланге батальона прокричал приказ. Его подопечные с силой швыряли копья, не единожды проткнув многотонные туши монстров. Под ливнем из дротиков уже погибли погонщики на шеях мамонтов, а также почти все солдаты, расположившиеся на боевых платформах на спинах животных.

И тем не менее лохматые чудовища – умершие задолго до того, как получили первое ранение в этой схватке, – продолжали невозмутимо переть вперед: в брешь, пробитую кавалерийской атакой, прямо на защищенных легкими щитами солдат.

– Перерезать им поджилки! – крикнул Гаррик. Никто на Орнифоле не имел опыта борьбы с подобными существами. Но королю Карусу доводилось встречаться с ними в ходе подавления восстаний в разных концах своей державы. Именно его опыт использовал принц. – Обезножьте их!

На передней линии стоял Аттапер, командующий Кровавыми Орлами. Сам Гаррик вместе с лордом Валдроном и его командным штабом находился сзади. Он уже вытащил меч из ножен, но в его задачу входило командовать, а не…

– Кольва! – раздался отчаянный крик Лиэйн. – Назад!

Гаррик попытался оглянуться, но ему мешали нащечные пластины шлема. Чтобы хоть что-то увидеть, ему пришлось изогнуться и отклониться назад. Кольва гибкой тенью проскользнула мимо него.

Юноша успел ухватить ее левой рукой. Женщина обернулась и посмотрела на него с искаженным злобой лицом. Затем легко повела плечами и неожиданно легко высвободилась. Казалось, что она начисто лишена костей – как струя воды.

Издыхающий мамонт шагал сквозь строй солдат, давя их своими огромными ногами. Люди представляли для него не большее препятствие, чем сухие побеги ежевики. Одним взмахом изогнутых бивней он, как серпом, выкосил целый ряд фаланги, отметая несчастных людей, как мусор, в сторону. Мохнатый хобот яростно вздымался вверх, закручиваясь ко лбу.

Кольва замерла у него на пути, запрокинув лицо и широко раскинув руки. Между ней и приближающимся чудовищем ничего не было.

И тогда Гаррик шагнул вперед, отшвырнув женщину в сторону. Он не раздумывал о том, что делает. В таких ситуациях ведь как: если успеешь подумать, то уже не станешь действовать.

Мамонт был совсем рядом. Гигантские бивни вздымались по обеим сторонам от

юноши. Юноша нанес разящий удар мечом снизу вверх. Острие клинка отсекло хобот и глубоко вонзилось в пористую надлобную кость. Из перерезанных кровеносных сосудов потоком хлынула ядовитая черная жидкость.

Мамон сделал еще шаг вперед, опрокидывая Гаррика. При этом юноша поскользнулся на руке валявшегося трупа. Он отчаялся высвободить застрявший меч и обеими руками ухватился за бивень чудовища.

Тот наклонил голову с явным намерением размозжить человека о землю. Единственным уцелевшим глазом (другая глазница была пустой) мамонт взирал на Гаррика – бесстрастно и безнадежно, как глядел бы каменный идол. Обрубок хобота дернулся; будь он целым, такое движение скинуло бы юношу на землю, прямо под ноги чудовищу. Сейчас же его только окатило фонтаном вонючей крови.

Огромный глаз сделался стеклянным. Мамонт медленно заваливался – снова и окончательно, вернувшись в мир мертвых. Гаррик оттолкнулся, чтобы уберечься от падающей туши. Он было решил уж, что навсегда лишился своего меча – потеря, которую нетрудно восполнить на поле боя, но тут монстр перекатился набок: рукоять по-прежнему торчала изо лба. Гаррик раскачал ее, точно ручку рычага, и без труда выдернул свой меч.

Сражение закончилось. Польские батальоны полегли до последнего человека. Если, вообще, дозволительно называть их людьми…

Лиэйн налетела на Кольву сзади, скрутив ей руки. Лицо девушки было непроницаемым, как камень, но глаза полыхали яростью.

– Прости, – произнесла Кольва срывающимся голосом, якобы в порыве отчаяния. – Это все силы, которые бьют здесь фонтаном! Они захватили меня!..

Гаррик, весь перепачканный в крови мертвого чудовища, стоял посреди трупов – трупов его солдат, так же как и пришельцев из далекого прошлого. Он посмотрел в глаза Кольвы и почувствовал приступ дурноты.

– Взять ее! – скомандовал он Кровавому Орлу, переводившему вопросительный взгляд с него на двух женщин. – Не Лиэйн, а вот эту…

Юноша отвернулся, превозмогая себя.

– Не вредите ей, просто держите в стороне, – добавил он, уже падая. Он чувствовал, что почти теряет сознание. Скорее всего, сказывалась недавняя схватка… Но, возможно, и то, что он увидел в глазах Кольвы.

Лиэйн прикоснулась к его плечу. Это привело Гаррика в чувство, помогло удержаться даже больше, чем поддерживающая в падении рука.

Трое колдунов поспешно спускались по лестнице, прислоненной к арке. Они выглядели живыми мертвецами. Колдовство истощало и вытягивало силы не меньше почтенного возраста.

– Схватите их! – крикнул принц, указывая на магов острием меча. – Убейте!

Он понимал: эти люди представляют опасность, покуда живы.

Пустое отчаяние, которое Гаррик узрел в единственном глазе мамонта и которое так поразило его, начисто исключало сострадание к колдунам, оживившим всех этих мертвецов. Весьма вероятно, что на их совести имелись и худшие злодеяния, но это было то, что юноша видел своими глазами.

Он двинулся вперед. Прямо перед ним простирались горы трупов – результат неудачной лобовой атаки. Пришлось обходить по флангу, где было свободнее.

Обогнув эти завалы, Гаррик перешел на бег, хотя мостовая изрядно пострадала в ходе сражения. Там и сям валялись вывороченные и перевернутые булыжники, приходилось внимательно смотреть под ноги. Но юноша бежал, не сбавляя скорости, как белка, лавирующая меж ветвей.

Прежде чем бежать, колдуны опрокинули свою жаровню, и сейчас с арки тянуло дымком. Как бы перекликаясь с ним, с крыши дворца восстал новый столб дыма, гораздо более густой и свитый из двух потоков: белого и черного.

Гаррик знал, что завтра он будет чувствовать себя развалиной после нынешних

испытаний, но все это потом… А сейчас ему нужно как можно скорее добраться до дворца.

Офицеры пытались навести порядок в фаланге, который заметно пошатнулся в результате победы. Впрочем, справедливости ради надо отметить, что поражение оказалось бы куда худшим испытанием. Так или иначе, рассчитывать на фалангистов не приходилось, пока они не разберутся со своими копьями.

Кровавые Орлы и тяжелая пехота находились почти в таком же плачевном состоянии. Услышав приказ принца, некоторые из солдат бросились вдогонку за убегавшими колдунами, но было ясно: они не успеют добраться до дворца вовремя.

Самыми активными оказались стрелки – те, что уцелели после йольской атаки. Проскользнув между своих тяжело вооруженных, а потому неповоротливых товарищей, они поспешили на помощь Гаррику. Причем если его самого уместно было сравнить с белкой, то эти напоминали рой кровожадных шершней, устремившихся в погоню за белкой.

Бежали они очень быстро. Трое передовых стрелков нагнали колдунов, когда Гаррик находился еще в двадцати ярдах. Они уже израсходовали все свои дротики, но оставались еще топорики, которые обычно крестьяне используют по хозяйству.

Колдун в белом обернулся и распростер руки навстречу приближающимся стрелкам. Но один из них метнул свой топорик прямо в лицо. Двоих колдунов в черном постигла аналогичная участь: они получили по меткому удару в спину.

– Подождите, Ваше Высочество! – задыхаясь, крикнул Аттапер. – Во имя Госпожи, Ваше Высочество!

Гаррик бросил на него взгляд. Командир Кровавых Орлов сбросил свой шлем и щит и сейчас возился со шнурками, освобождаясь от нагрудных пластин. К нему спешили человек двадцать солдат, один из них – даже с копьем.

– Сестра забери вас, Ваше Высочество! – крикнул Аттапер.

Справившись наконец с латами, он поравнялся с более молодым и проворным принцем.

– Только не через дворцовую дверь, – предупредил Карус. Все время, пока Гаррик сражался с мамонтом, Карус пребывал на заднем плане, не вмешиваясь. Но сейчас он снова проскользнул в сознание юноши и занял свое привычное место. – Лучше по внешней лестнице, которая ведет на крышу.

Мертвые колдуны лежали, как сброшенная одежда. Рука, выкрашенная белой краской, высовывалась из рукава – тонкая, как конечность скелета. Сила, которую они контролировали, стерла их организмы, как точильный камень сталь, еще немного – и совсем ничего не осталось бы. Вмешательство Гаррика лишь слегка приблизило их кончину.

Но этого «слегка» могло оказаться достаточно, чтобы спасти мир от гибели, которую уготовали ему колдуны.

– Взять башню! – приказал Гаррик, указывая на нее мечом, который все еще держал в руке. Мельком отметил, что успел отереть лезвие, хотя и не помнил, когда. Должно быть, сказывались рефлексы Каруса. – Внутренняя дверь будет заперта.

Алебастровая загородка представляла действенный барьер для горожан, желавших протолкнуться поближе к своему правителю. Но никак для спешащих солдат.

На спиральной лестнице Гаррика снова обогнали. Копейщики, прикончившие колдунов, теперь снова рвались в бой. Два десятка солдат бросились по лестнице, следуя указующему клинку принца. Некоторые успели даже вооружиться, выдернув по пути дротики из трупов.

Трупы, повторно убитые, моментально начали разлагаться. Карус, глядевший на все это глазами Гаррика, озадаченно нахмурился. Ему не раз доводилось наблюдать подобные сцены, и всегда там присутствовали птицы: вороны, орлы, грифы и особенно чайки – поскольку дело всегда происходило на Островах, то есть недалеко от моря.

Клестис являлся городом мертвых. От рая, задуманного Ансалемом, благодаря стараниям колдунов сохранилась лишь буйная трава да немногие насекомые.

Гаррик бежал вверх по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Он не мог бы навечно сохранять такой темп, но это и не понадобилось. У них нет этой «вечности» – ни у

Гаррика, ни у Островов.

Подымаясь по винтовой лестнице, юноша бросил взгляд на раскинувшийся под ним Клестис. Все выглядело точно так же, как в его снах, если не обращать внимания на Королевские батальоны, маршировавшие по главной площади, старательно обходя горы трупов. Лорд Валдрон занимался своим делом – наводил порядок во вверенной ему армии.

А принцу Гаррику предстояло заняться своим – тем самым, о котором знал лишь он один.

Лиэйн, наблюдавшая за ним с площади, помахала ему белым шарфом. Еще одно отличие от сна – очень важное для Гаррика, за которое он согласился бы вдвое уменьшить свою армию.

Мост из Вэллиса нарушал занавес из магического света, с помощью которого Ансалем отгородил свой город от всего остального мира. Это тоже знакомо…

Однако сейчас вместо одного Гаррик увидел бесчисленное количество мостов, накладывающихся один на другой и расположенных по периметру магического колпака. Сохранившиеся колдуны умудрились открыть новые проходы в Клестис и из Клестиса на другие Острова.

В сопровождении Аттапера (уж как он еще держался на ногах, неизвестно) и следующих за ним Кровавых Орлов принц взбежал на крышу дворца. Поднявшиеся ранее стрелки уже обработали своими топориками алебастровую перегородку, образовав отверстие, достаточное, чтоб в него пролез человек.

Сквозь дыру была видна жаровня, вырезанная из доломита в виде пасти дракона, которая стояла в центре кабинета Ансалема. Выходивший из нее дым проходил через экран с узким отверстием и дальше поднимался тоненькой струйкой.

На узкой кушетке, которую во снах Гаррика занимал Ансалем, сейчас лежала в застылой неподвижности Теноктрис. В головах у нее маячила фигура, вся в белом. Под слоем краски Гаррик узнал тонкое, устрашающего вида лицо одной из помощниц Ансалема, которую он видел во сне. Она держала кинжал у горла Теноктрис, ожидая сигнала, чтобы пустить его в ход.

В изножье стоял не кто иной, как Пурлио. Вся левая часть его фигуры была выкрашена в черный цвет, правая – в белый.

В руках Пурлио держат окаменелый аммонит. Марказитовая раковина пульсировала светом, излучая вместе с ним нечто, что ощущалось Гарриком как зло. Колдун начал произносить заклинание, и комната вздрогнула, грозя исчезнуть из этой вселенной.

– Остановите их! – закричал Гаррик. Со всего размаха он ударил каблуком в перегородку. Ослабленная временем, она осыпалась, образовав новое отверстие размером с голову человека.

Следуя примеру принца, Кровавые Орлы обрушили град ударов на алебастр. Стрелки тоже продолжали работать своими топориками, хотя теперь они представляли, скорее, опасность, чем пользу.

Колдунья в белом выронила кинжал и отступила на шаг. В тот же самый момент Пурлио страшным голосом выкрикнул очередную фразу и поднял марказитовую окаменелость на уровень лица.

Последовала вспышка красного света, глубокого, как закат над умирающим миром. Дальше произошло нечто ужасное. Раковина – бывший Морской Владыка – слилась с лицом Пурлио, поглотила его и заняла место на плечах вместо черепа. Из отверстия показались дымчатые, сотканные из света щупальца – они шевелились, как живые.

Солдаты побросали оружие и бросились наутек, образовалась свалка.

– Вперед! Вперед! – кричал Аттапер, колотя рукоятью меча в алебастровую перегородку. Но даже ему глаза застилал ужас от увиденного.

Колдунья обернулась и, бросив взгляд на Пурлио, начала кричать. Щупальца Великого Владыки протянулись к ее голове, обхватили ее и притянули к птичьему клюву. Раздался треск ломаемых костей, и женские крики смолкли.

Желая ускорить процесс, Гаррик прыгнул на загородку, на этот раз двумя ногами. От удара обвалилась, разлетевшись на кусочки и образовав входной проем, целая секция.

Пурлио обернулся, блеснув на Гаррика изогнутыми зрачками сквозь глазницы аммонита. У его ног валялась мертвая колдунья с растерзанным в клочья лицом. Тихо шевелились испачканные кровью щупальца Великого Владыки.

Юноша взмахнул своим мечом, и Пурлио превратился в фонтан малиновых искр. Он закрутился волчком и растворился в воздухе в тот самый момент, как острый клинок Гаррика пронзил его.

На месте только что присутствовавшего колдуна образовалась пустота.

На каменной кушетке зашевелилась Теноктрис, приходя в себя после ледяного оцепенения и потряхиваясь, как просыпающийся воробей. Гаррик опустился перед ней на колени. Выронив меч из онемевших пальцев, юноша вцепился в край кушетки.

– Клянусь Госпожой! – донесся крик солдата с крыши. На нас наступают новые армии по этим чертовым мостам! Клянусь Госпожой! Там не меньше миллиона солдат… и все они мертвые!

* * *

– Перед тобой Дворец Ландура, пастух, – объявил демон кольца. Затем, сменив патетический тон на несколько удивленный, добавил: – Как ни странно, мы добрались. Вот уж не думал.

– Все было не так уж страшно, – честно заметил Кэшел. – Благодаря вашей помощи, я хочу сказать.

Дворец был выстроен – вернее, высечен – прямо из внушительного утеса. В точности, как и на каждом предыдущем уровне Подземного Мира, который посетил юноша. На входе располагалось крыльцо с четырьмя колоннами, изображавшими пальмовые деревья. Их основания имели один цвет, а кроны, образующие капитель – другого цвета. Стволы каменных пальм и вовсе оказались полосатыми, хотя цвета Кэшел затруднялся определить в здешнем холодно-голубом освещении.

Вся постройка здорово смахивала на склеп.

Вместо металлической или деревянной дверной панели в проходе свисала занавеска из серебряных бус. Они поблескивали на легком сквознячке, причем юноше показалось, что в их движении присутствует некоторый – неведомый ему – ритмический рисунок.

– Наверное, мне следует войти внутрь? – спросил Кэшел. – Или предварительно необходимо сделать что-то еще, мастер Криас?

– Да нет, пастух, – ответил тот. – Теперь тебе осталось только зайти внутрь и поместить облатку туда, куда я тебе велел. На этом все… Ты свободен.

– Отлично, – произнес Кэшел, перешагивая через порог. В голосе демона ему послышались какие-то непонятные интонации, но юноша не мог их распознать. В который раз он вздохнул: жизнь была бы намного проще, если бы люди прямо говорили о том, что у них на уме. Увы, как правило, этого не происходило, и Кэшел давным-давно понял, что никакие уточняющие вопросы здесь не помогут. Если человек не хочет говорить напрямик…

Слава Госпоже, хоть овцы не умеют разговаривать. Наверное, они были бы еще те собеседники!

Отводя в сторону занавес, сквозь позвякивание стеклянных бусин юноша услышал где-то позади аккорды. Элфин по-прежнему держался неподалеку. Кэшел вздохнул с сожалением, хотя не он породил проблемы этого парня. Во всяком случае, до определенного предела.

За занавеской открылась длинная невысокая комната, залитая белым светом, льющимся неизвестно откуда. Кэшел поставил перед собой посох, чтобы проверить, куда падает тень. И убедился, что ни он сам, ни посох тень не отбрасывают.

Над головой у него простирался потолок, довольно высокий, по крестьянским меркам, – он не смог бы достать до него своим посохом, но далеко не выдающийся, если судить по тем дворцам, которые доводилось видеть Кэшелу. Определить, насколько далеко он простирается в обе стороны, юноша не мог. Наверное, не бесконечно, но гораздо дальше, чем хватало глаз. Стены были покрыты фресками, живописующими жизнь и подвиги Ландура.

– Сверни направо, – ворчливо подсказал Криас. – Здесь недалеко.

– Ого! – восхитился Кэшел, медленно шагая и разглядывая стенную роспись. Собственно, род деятельности Ландура не отличался разнообразием, хотя обрамление постоянно менялось. Волшебник поражал своим мечом некое летучее создание, которое можно было принять за летучую мышь, если бы не его размеры – с доброго запряжного быка; волшебник своим сапфировым кольцом – длань простерта, кулак сжат – испепеляет людишек ростом с мышей, которые толпятся меж обломков камней; волшебник стоит на берегу, загоняя обратно в море создания с акульими головами; волшебник…

– А Ландур еще чем-нибудь занимался, помимо сражений, мастер Криас? – простодушно спросил Кэшел.

– Еще он умудрился помереть, пастух, – ответил демон. – Хотя, помнится, ты и сам присутствовал при этом.

Они дошли до сцены, где Ландур восседал на троне, сотканном из света. Неведомый художник облагородил мрачное выражение лица волшебника и придал ему нечто царственное. Перед ним собралась неисчислимая толпа: кто не пал ниц, тот так низко кланялся, что аж касался лбом земли.

Толпа состояла из монстров: наполовину людей, наполовину чудовищ, среди них Кэшел признал Лесных Людей, чуть было не сожравших его. Помимо них, присутствовали существа с фасетчатыми глазами и усиками насекомых, разнообразные великаны и карлики, а также всевозможная другая нечисть. Фигуры их, выписанные весьма подробно, простирались в обе стороны и скрывались на горизонте. Сильная вещь! Наверняка, если б у Кэшела была лупа, он смог бы разглядеть даже выражение лиц уродов.

Образ Ландура сверкал с картины – так, что делал юношу сопричастным изображенному действу, он как бы вливался в поверженную толпу. Кэшел покрепче сжал посох.

Вообще говоря, он являлся довольно покладистым человеком. Это необходимо для парня его мощи, если он хочет жить среди обычных людей. Но Ландур – даже в нарисованном виде – знал, как вывести добряка Кэшела из себя.

– Ну, и чего же ты ждешь, пастух? – проскрипел Криас. – Ты же хотел освободиться, разве нет? Ну, так вложи жизнь в рот нарисованного Ландура, и дело сделано!

– А… – Кэшел почувствовал облегчение. Люди часто сердились на него, не дождавшись каких-то желанных действий. А беда заключалась в том, что они не удосужились все объяснить Кэшелу. Наверное, им не хватало терпения, полагал юноша… А может, им просто нравилось злиться?

Сейчас все было в порядке. Он достал свой кошель, удостоверился, что чудо-фрукт по-прежнему на месте, и выудил кристаллическую облатку. В здешнем бестеневом освещении она сверкала и переливалась всеми цветами радуги.

Кэшел для верности еще раз взглянул на кольцо, демон поблескивал едва заметной искрой в глубине темного сапфира. Тогда парень поднес руку с облаткой к фреске, прикоснулся ко рту нарисованного Ландура и… облатка легко исчезла на изображении, которое, собственно, перестало быть частью стены. Вместо этого живой и невредимый Ландур шагнул вперед и величественно проворчал:

– Кто ты и что делаешь здесь?

Кэшел отступил на шаг. Нарисованный трон стоял пустой.

– Я Кэшел ор-Кенсет, – пробормотал юноша.

– И, кстати, этот парень только что вернул тебе жизнь, которую ты умудрился

прошляпить, хозяин, – вмешался Криас. – Если ты, конечно, не заметил…

– Молчать! – взревел волшебник. – Я вижу, что скорее умру от старости, чем дождусь вразумительного ответа от этого деревенщины.

Магические символы и слова были уже начертаны на мозаичном полу. Ландур расстегнул застежку своего плаща, сделанную в виде золотой пиявки, якобы присосавшейся к его горлу, и опустился на колени.

– Сак кала бове, – забормотал он, используя булавку в качестве магического жезла. – Бадава бадаха вар-ру.

Кэшел стоял молча, держал посох сбоку от себя. Он ощущал легкое жжение на коже, всегда вызываемое у него чародейством. Сначала юноша хотел поставить посох перед собой, но потом решил, что это может выглядеть враждебно.

Но он и впрямь ощущал враждебность – это правда. При повторной встрече Ландур Хранитель обнаружил не намного лучший нрав, чем при первой. Видать, такой уж человек…

– Ризауда! – прокричал он, легонько ударяя атамом по магической фигуре перед собой. В воздух поднялся сноп крутящихся искр. В какой-то момент наблюдавшему Кэшелу показалось, что он различает знакомые фигуры в этой круговерти, но слишком быстрое вращение мешало ему сфокусировать взгляд.

Ландур поднялся, слегка пошатываясь. Похоже, магический обряд отнял у него силы. Но волшебник был слишком зол и сразу кинулся в нападение:

– Ага, крестьянин, ты посмел убить меня!

– Так точно, господин, – ответил Кэшел.

Он не повысил голос, не бросился объяснять волшебнику уже известные факты. И уж тем более не отшатнулся в испуге от разгневанного взгляда Ландура.

Тот тоже стоял на своем, хотя тон все-таки несколько сбавил:

– Вижу, ты принес мое кольцо. А где же меч?

Кэшел повертел кольцо туда-сюда на пальце и наконец снял его. Золотой ободок плотно сидел на мизинце, не создавая, впрочем, ощущения дискомфорта.

– Вот, пожалуйста, ваш Криас, – сказал юноша, передавая кольцо волшебнику. – Он очень помог мне в пути. А что до вашего меча, господин, то я оставил его лежать там, где он находился. К мечам я никакого отношения не имею.

– Ага, если не считать того, что время от времени он убивает дураков с мечами, – язвительно пропел демон. – Тех самых дураков, которых верные слуги не раз предупреждали.

Надевая кольцо на средний палец левой руки, Ландур бросил на него испепеляющий взгляд. Затем снова обратил свое грозное око на Кэшела.

– Надеюсь, ты понимаешь, что наделал? – нахмурился волшебник, снова накидывая плащ на плечи. – Я имею в виду: помимо того, что освободил Кольву? В реальный мир хлынул поток демонических сущностей, которые используются колдунами для создания черных армий!

– Я ничего такого не знал, – спокойно ответил юноша.

Он был выше волшебника и сильнее, по крайней мере, трех Ландуров…

И, если на то пошло, ему уже случилось один раз убить Ландура. Конечно, тот зол – и не без основания… но это не заставит Кэшела отказаться от своего первоначального намерения. Он вообще не имел такой привычки – менять намерения.

– Упомянутые сущности в любом случае наводнили бы реальный мир, – заметил Криас. – Ведь колдуны используют в качестве талисмана тело Дракона.

– Я мог бы помешать… – не слишком уверенно возразил Ландур.

– Хотите сказать, хозяин, что вы могли бы выстоять против Дракона? – подбавил яду в голос демон. – Вы, который не сумел помешать простому крестьянину размозжить вам голову? О боги! Похоже, в этом воплощении вы избрали для себя роль Ландура Придворного Шута!

Волшебник опасно побагровел (Кэшел даже испугался, как бы беднягу не хватил

удар!). В какой-то момент ему показалось: вот сейчас Ландур произнесет проклятие – настоящее проклятие, а не то, что мы обычно бормочем, когда норовистый бык наступит нам в хлеву на ногу.

Вместо этого волшебник набрал полную грудь воздуха и успокоился.

– Ладно, я мог бы изгнать некоторых из этих сущностей, – тихо сказал он, – но сейчас в подобном споре нет смысла. Дел слишком много, и мне обязательно понадобится мой меч.

– Эй, пастух, расскажи ему, зачем ты пришел! – вмешался Криас. – Или что, ты просто так совершил путешествие?

– Что? – взвился Ландур, в голосе снова появилась желчность.

– Я разыскиваю мою подругу Шарину, – пояснил Кэшел, почувствовав, как кровь прилила к лицу. – Теноктрис говорила, что вы сможете помочь мне. И еще она говорила, что это важно – найти Шарину. Я имею в виду, не только для меня.

– Теноктрис из Гэльфа? – нахмурился Ландур. – Вроде слышал о ней. Но я не знаю, что…

Он пожал плечами.

– И в любом случае, мне некогда, – заторопился он. – Если хочешь, можешь подняться вместе со мной наверх, и я отправлю тебя обратно домой.

– Он не желает возвращаться наверх, – снова вмешался Криас. – Он хочет отправиться к Бездне и попасть туда, где находится девушка.

– Он не может перебраться через Бездну! – заявил Ландур; разговаривая с кольцом, он держал руку на отлете.

– Сможет, если ему помочь. Как ты…

– Эй, демон! Может, мне снова засунуть тебя в базальтовую скалу, которая простоит до скончания веков? – закричал волшебник. – Ты не забыл: этот придурочный крестьянин убил меня и запустил монстров в свой собственный мир!

– Ты умер не оттого, что парень не слушал, – парировал демон, – а потому, что ты не позаботился объяснить. И сейчас, хозяин, ты жив только потому, что этот парень совершил путешествие, на которое тысячи других даже бы не решились!

– Послушайте, – проговорил Кэшел пересохшими губами если вы доставите меня к этой Бездне, мастер Криас, то дальше я обо всем позабочусь сам. Я не хочу просить помощи у человека, который чересчур для этого занят.

– А я не нуждаюсь в нравоучениях от слуг! – закричал Ландур, сжимая правую руку в кулак. – Или от простолюдинов!

– Конечно, конечно… Ты, вообще, ни в чьих нравоучениях не нуждаешься, – издевательских тоном проговорил Криас. – Что же касается «слуг»… так слушай меня внимательно: я прекращаю служить тебе, Ландур Хранитель. Теперь я увидел, как должен вести себя человек, и намереваюсь сам следовать этим принципам. Даже если ты сваришь меня в смоле, как не раз грозился!

Ландур несколько раз моргнул. Он стоял, вскинув голову, будто внимал голосам, слышным ему одному. Гнев его улетучился, как воздух из спущенного пузыря. Волшебник снял кольцо с пальца и протянул его Кэшелу со словами:

– Вот, возьми. Я дарю его тебе в благодарность за то, что вернул меня к жизни. Демон Криас будет направлять и защищать тебя, куда бы ты ни пошел.

Юноше ничего не оставалось делать, как снова надеть кольцо на палец. Сидело оно по-прежнему хорошо. Ландур посмотрел на сапфир и добавил:

– Криас знает, что будет наказан, если он подведет тебя.

– Я не боюсь твоего наказания! – огрызнулся Криас. Нельзя сказать, чтобы Кэшел полностью доверял демону. Но он знал: если уж Криас что-то пообещает, то он обязательно выполнит свое обещание. – А насчет помощи мастеру Кэшелу, тут ты прав: я сделаю это с удовольствием. Ты даже не представляешь, Ландур, как это здорово – иметь в друзьях настоящего человека.

Тут демон фыркнул:

– Правда, довольно глупого человека, но с этим мы справляемся.

Кэшел рассмеялся:

– Вот теперь я узнаю настоящего Криаса! А то я уж было подумал, с ним что-то случилось.

Он слегка пристукнул посохом по земле, как бы завершая разговор.

– Ну что, мастер Криас, – официально обратился он к кольцу, – куда мы теперь направляемся?

Ландур указал ему вперед, в том направлении, куда они прежде шли.

– Ты найдешь то, что тебе нужно, через пятьдесят ярдов отсюда, – сказал он. Заметив сомнение на лице юноши и правильно его истолковав, он поправился: – Ну, скажем, тебе надо пройти расстояние, равное длине большого дерева.

– Я скажу тебе, когда остановиться, пастух, – пообещал демон. – Начинай шагать.

Кэшел поклонился волшебнику и пошел восвояси. Ландур, нахмурившись, смотрел ему вслед. На лице его было написано не раздражение, а скорее удивление.

А юноша улыбнулся на ходу. Ему подумалось, что они с Криасом отлично подходят друг другу. Правда, неизвестно, как Шарина отнесется к его новому приятелю. Хотя обычно она отлично ладила со всеми.

Картины на стенах продолжали развивать все тот же сюжет под названием «Великий Ландур». Вот он устанавливает Закон, который сводится к следующему: Ландур решает, где находиться всевозможным монстрам, и казнит их, если они повинуются недостаточно быстро.

Кэшелу все это не слишком нравилось, но он знал: с некоторыми приходится вести себя именно таким образом. Взять хотя бы тех же самых Лесных Людей… Вежливое обращение привело Кэшела к тому, что он едва не стал главным блюдом за праздничным столом.

– Кажется, я понимаю, откуда у твоего Ландура такая вспыльчивость, – сказал он демону.

– Ха! – фыркнул тот. – Ландур вспыльчив от рождения. Если послушать его, то он мученик, принесший себя в жертву делу охраны реального мира. Но правда заключается в том, что он выбирал себе занятие по характеру. Чтобы иметь возможность вести себя так, как ему нравится.

Резко сменив тон, он скомандовал:

– Остановись! Еще пара шагов, и ты пройдешь мимо. Ты что, слепой?

Кэшел остановился перед фреской, изображавшей пейзаж. В отличие от всех предыдущих, Ландур здесь не присутствовал, равно как и все остальные. Однако, принимая во внимание огромные размеры изображения, там за деревьями мог скрываться целый полк.

Острые скалы обрамляли расселину, откуда поднимался клубящийся туман. На заднем плане высились горы с плоскими вершинами. За ними, похоже, поднимались новые горные цепи, но в этом Кэшел уже не был уверен.

Через ущелье перекинулась радуга. Когда юноша поворачивал голову, чтобы рассмотреть то один берег, то другой, радуга тоже меняла свое месторасположение.

– Ну вот, теперь войди в нее! – сказал Криас. – Просто шагни вперед! Или это слишком сложно для тебя, пастух?

– Нет, мастер Криас, – ответил Кэшел и подумал, что, может быть, демоны не самые приятные создания. Но, по крайней мере, такой парень не станет говорить гадости за твоей спиной. Улыбаясь своим мыслям, юноша сделал шаг вперед.

Он не почувствовал стены. Ощущение создавалось такое, будто он с залитого солнцем луга шагнул под сень леса. Только здешние деревья были непомерно огромными: в основном пихты и тсуги, ветви у которых начинались выше человеческого роста.

Кэшел для пробы покрутил посохом: сначала перед собой, затем над головой и под конец совершил круговое вращение вокруг тела.

– Очень впечатляет, пастух, – проворчал Криас. – Ты, должно быть, собираешься

перепрыгнуть Бездну?

– Нет, мастер Криас, – смиренно ответил парень, шагая по тропинке между деревьями-великанами. – Мне хотелось размяться на тот случай, если придется спускаться но склону. А как глубока ваша Бездна?

Демон запыхтел, как закипающий чайник.

– Тебе жизни не хватит, чтобы достичь ее дна. Даже если ты просто прыгнешь вниз с обрыва… Что лично я тебе не рекомендую делать, пастух. Да в этом и нет нужды: там имеется мост.

Какое-то время Кэшел молча переваривал информацию. Он уже видел утесы за кронами деревьев: каменная гряда взмывала в небо подобно крутому носу корабля. Но никаких следов моста – в этом юноша был уверен.

– А как же я найду этот мост, мастер Криас? – спросил он. Он вышел на край широкого ущелья и заглянул вглубь. Там клубились облака, насыщенные влагой и какой-то скрытой, непонятной жизнью. Ощущение было, как в краткое затишье перед бурей.

– Ты можешь вызвать его, пастух, – ответило кольцо. – Однако до того, как ты это сделаешь, хочу довести до твоего сведения: у моста есть сторож. И даже ты не сможешь с ним сразиться.

Кэшел промолчал, скептически вскинув бровь. Заметив его жест, демон прыснул со смеху – впрочем, несколько нервно.

– О, я не сомневаюсь, что ты захочешь попробовать, – заметил он, – но тебе не удастся победить, покуда ты остаешься человеком. А ты вроде бы не собираешься бросать это дело, не так ли, Кэшел ор-Кенсет?

Юноша нахмурился. «Быть человеком» – это вроде не то занятие, которое подлежит обсуждению. Ты просто являешься тем, кто ты есть… и все. А «перестать быть человеком» – не равносильно ли это «перестать быть живым»?

– Да нет, мастер Криас, – наконец ответил он. – Думаю, я сражусь с ним в своем нынешнем качестве. И будь что будет.

Кэшел вновь несколько раз покрутил посохом, дабы убедиться, что все работает как следует. Конечно, он знал, что в принципе мог проиграть. Но только теоретически. Его не побеждали уже очень давно – с тех пор, как он перестал быть малышом, не умеющим связать двух слов.

– Вот я могу померяться с ним силами, – заявил демон, и в голосе его трепетало нечто неуловимое. Похоже, в мыслях у Криаса было гораздо больше, чем он облек в слова. – Да, я могу сразиться со сторожем, но для этого тебе придется освободить меня.

– Освободить вас? – удивился юноша. – Я бы с радостью, но мне и в голову не приходило, что я могу это сделать.

– В голову не приходило? – возмущенно заверещал демон, переходя на самые высокие ноты. – Да знаешь ли ты, что я провел в заточении в этом сапфире больше веков, чем рассыпано песчинок на морском берегу! И ты не догадывался, что я хочу освободиться?!

– Я не знал, что именно я могу освободить вас, – спокойно пояснил Кэшел. – Объясните, что я должен для этого сделать.

На свете огромное количество людей, которые предпочитают ходить вокруг да около, использовать всяческие окольные пути для достижения своей цели. Наверное, у них имеются для этого веские причины… или, может быть, они просто не умеют иначе. Но, так или иначе, Кэшел к подобным людям не относился.

В тех случаях, когда ему что-то было нужно, он так и говорил. И, соответственно, предпочитал, чтобы его просили об одолжениях четко и прямо. Иначе оставался шанс, что Кэшел попросту не поймет, чего от него хотят.

– Ради тебя я вступлю в схватку с хранителем моста, – продолжал демон, все с той же дрожью в голосе. – Но после этого ты не должен меня больше удерживать. Я не стану исполнять никаких твоих приказов!

– Мастер Криас, – улыбнулся юноша, – честно говоря, я не припомню, чтобы давал вам

какие-то приказы. Если не считать тех случаев, когда вы сами требовали, чтобы я сказал определенные слова. А что касается предстоящего сражения… то я никогда и никого не просил драться вместо меня. И – совершенно точно! – не собираюсь сейчас менять свои правила. Расскажите мне, как я могу освободить вас. И сможете отправиться на все четыре стороны по своим делам, пока я буду заниматься своими.

Теперь Криас замолк надолго, Кэшел даже устал ждать ответа. Наконец он сказал:

– Ладно, пастух. Вот что мы сделаем. Положи меня на камень и произнеси слова: «Мост, перенеси меня к Шарине». Именно так. А затем разбей кольцо железным наконечником своего посоха… или булыжником, если тебе так больше нравится.

– Думаю, посох подойдет, – решил юноша и снял перстень с пальца. – Готово…

Кэшел положил кольцо на камень и выпрямился. Но тут же ему снова пришлось наклониться, чтобы поднять кольцо, которое сдуло ветром на землю. Там было чертовски ветрено. Почему-то он не разгонял туман, который клубился над Бездной, как пар над закипающим горшком. Странно… Рукава и подол туники Кэшела трепетали на ветру, будто птенец в гнезде в ожидании кормежки.

– Не так уж это трудно, – спокойно заключил юноша. Затем он повернулся к Бездне и крикнул: – Мост, перенеси меня к Шарине!

Еще раз взглянул на камень, хорошенько примеряясь. Сапфир лежал, поблескивая искрой в глубине. Кэшел поднял посох вертикально вверх – на манер пестика, и со всего размаха обрушил железный набалдашник на кольцо. Оно со звоном разлетелось.

Кэшел поднял посох и прижал его к груди. Золотая оправа сплющилась, камень превратился в фиолетовый порошок, который на ветру начинал закручиваться в крохотный вихрь.

– Мастер Криас? – позвал парень. И ничего не услышал, кроме собственного голоса, принесенного эхом: – Шарине… Шарине… Шарине…

Нахмурившись, Кэшел отвернулся. Туман над Бездной начал конденсироваться в нечто мерцающее. Больше всего оно напоминало радугу, начинавшуюся прямо у ног юноши.

Точно радуга… И она же являлась мостом через Бездну. Он подымался со скалы, на которой стоял юноша, и уходил в неведомую даль, терявшуюся в тумане.

– Благодарю вас за все, мастер Криас, – тихо сказал Кэшел. Ему казалось: что-то должно произойти после того, как он разобьет кольцо. Может, он что-то неправильно понял? И раздавил демона вместе с золотой оправой? Ну, так или иначе… – Думаю, мне пора идти своей дорогой.

«Шарине… Шарине… » – все шептала облачная даль.

Где-то в глубине Бездны туман начал собираться в некое уплотнение. Заметь Кэшел подобную штуку в июльском небе, он решил бы, что на его глазах рождается грозовая туча. Но на этот раз туча имела плечи и шишку, навроде головы. В ней посверкивали красные искры.

Он уже прежде видел такое. В Тиане.

Мост постоянно переливался, менял свой цвет, но от этого не становился менее реальным. Кэшел потыкал в него посохом, чтобы определить, насколько твердым и устойчивым он являлся. Сейчас, удовлетворенный результатом, снова оперся на посох и замер в ожидании.

Юноша не хотел встретиться с туманным великаном на мосту. Перспектива сражаться над бездонной пропастью мало его прельщала, лучше уж надежная матушка-земля. Внезапно ему вспомнился король Лью и его рыцари тем злополучным утром, когда погиб небесный город. Стоя на краю Бездны, Кэшел подумал, что, наверное, он сейчас выглядит так же жалко и безнадежно, как и тианцы.

Шарина… Скорее всего, она справится со своими трудностями и без участия Кэшела. Там все, наверняка, должно быть в порядке.

Юноша начал крутить в воздухе посох, все убыстряя вращения, пытаясь найти нужный ритм движений. Сноп голубых искр сорвался с одного наконечника, затем к нему

присоединился такой же с другого. Кэшелу, конечно, далеко до Ландура или Теноктрис, но это были не простые искры.

Тем временем его противник все рос, вбирая в себя все новые порции грозовых туч. Он напоминал человека, взбирающегося на крутой морской берег. Над головой великан держал все ту же смертоносную дубинку, которая, по сути, представляла собой сталкивающиеся грозовые фронты. Несмотря на это, выглядела дубина устрашающе материальной, будто вытесанная из базальта. Да и – памятуя печальную участь Тиана – так оно и было.

Если б даже Кэшел являлся великим волшебником – сильнее тех, что он встречал на своем веку (а он навидался-таки всякого), и то вряд ли это помогло ему в предстоящей схватке. Грозовой великан казался слишком огромным, чтобы остановить его магическим заклинанием… если только заставить землю разверзнуться под его ногами и поглотить вместе с его дубиной и с его яростью. Слишком, непомерно огромный…

Несчастный Тиан. Бедняжка Лия.

В этот момент у Кэшела под ногами что-то затрещало, и волосы у него на руках встали дыбом, как наэлектризованные. Посмотрев вниз, он увидел, как на месте разбитого кольца возник крохотный фиолетовый смерч. Он рос с невероятной скоростью – так разгорается от одной искры пожар в засохших, занесенных пухом зарослях чертополоха.

Юноша отступил назад, хлопая опаленными ресницами и вдыхая обжигающий воздух. На его глазах в огненном вихре стала вырисовываться фигура.

Криас!

Теперь демон был ростом с дом, затем перерос самое высокое дерево. Простирая свои огненные руки, он переступил с одной скалы на другую…

И затем ринулся в сторону сторожа моста, потрясавшего своей грозовой дубиной.

Оба противника столкнулись. Раздался громовой раскат, молния расколола небо надвое и ударила в бездонные глубины пропасти, породившей великана. Тот своей облачной рукой швырнул Криаса на утес, разлетевшийся от удара на мелкие кусочки. Демон отскочил, как мячик, и сделал попытку вцепиться великану в горло. Но промахнулся: вместо того огненная рука зацепила плечо – снова раздался грохот, потрясший вселенную, и из раны хлынул ливень. Дождевые потоки смыли туман в этом месте Бездны, открылись глубины, в которые было даже страшно заглядывать.

– Давай, пастух! – прогремело из глубины фиолетового пламени. – Отправляйся по своим делам, пока я занимаюсь своим!

Юноша закинул посох на плечо и ступил на радужный мост. Босыми ногами он ощутил его холодную и твердую поверхность. Она даже не пружинила, как боялся Кэшел, а напоминала почву, схваченную сильным морозом еще до того, как выпал первый белый снег. Он невольно ускорил шаг: за свою жизнь юноша достаточно повидал драк, чтобы представить себе, чем может окончиться такая битва гигантов. Шарина ждала его по ту сторону моста! И теперь – когда выяснилось, что у Кэшела есть еще шанс пожить – это снова стало самым важным.

Искрящийся фиолетовый вихрь вырос до огромных размеров, но до грозового великана ему было далеко: тот уже превратился в туманный остров. Со стороны это выглядело, как схватка крысы с бульдогом.

Вот демон кольца сгруппировался в воздухе, крутанулся волчком и поднырнул под опускающуюся гигантскую дубину. Ни на мгновение не задерживаясь, он бросился на врага, снова метя ему в горло. Зубы сверкающих молний вырвали еще один кусок облачной плоти из запястья великана, и снова вниз, в Бездну, хлынул поток дождя.

Кэшел одобрительно улыбнулся: нет, его друг Криас не крыса. Он хищная стремительная ласка, и вполне возможно…

Отвернувшись, юноша двинулся дальше, теперь он почти бежал. Половина пути уже пройдена, и хотя глаз еще не мог различить другой конец моста, но твердая, промерзлая дорога под ногами явно пошла под уклон. Кэшел бросил взгляд вниз. Там, в глубине он видел мерцающие огоньки, бесчисленные, как звезды на ночном зимнем небе.

Они и были звездами! Юноша различал знакомые созвездия: Кортеж Госпожи, Врата Ада с его двумя звездочками-сторожами, Стадо…

Почувствовав внезапное головокружение, Кэшел отвел глаза. Если звезды находились под ним…

Впереди по-прежнему простирался мост из застывшего света. Что было за ним, он не видел. Так дерево, вырастая из тумана, являет взору свой ствол и снова уходит кроной в туман.

Если звезды находились под ним, может, демон не лгал, сказав, что он будет падать вечно?

Снова прогремел гром, и молния окрасила небо в фиолетовый цвет. Не сбавляя шага, Кэшел огляделся по сторонам.

Плотная пелена облаков над Бездной начинала рассеиваться. Из ее гущи донесся крик Криаса:

– Свободен! Я свободен! Теперь уже навсегда! Юноша шагнул в выросшую перед ним стену. Последнее, что он услышал перед тем, как исчезнуть в холодной темноте, был крик:

– Я свободен, Кэшел!

Возможно, это ему только показалось… Но юноша от души надеялся, что слух не обманул его.

* * *

– Ну, что я скажу, госпожа Илна, – проговорил Чалкус, вышагивая впереди маленькой процессии по бесконечной ледяной пещере, – если Харн не лгал и его мост доставил нас туда, куда вы хотели, то у нас с вами совершенно разные вкусы.

– Нисколько не сомневаюсь! – ехидно парировала девушка. Проход, по которому они шли, извивался подобно червоточине в дереве, но от стен и потолка исходило голубоватое свечение, позволяя видеть дорогу. – Однако то, что мы видим, и для меня неожиданность. Возможно, это Харн так шутит. Так сказать, прощальная шутка.

– Там солдаты во льду, – раздался тонкий голосок Мероты. – Как ты думаешь, Илна, они настоящие?

Девушка поморщилась. Слишком много света, он освещает не только им путь, но и целую армию, замороженную в стенах пещеры. На головах у воинов остроконечные шлемы со спускающимися медными звеньями. Низшие чины одеты в малиновые костюмы с золотой вышивкой, поверх медные латы. Зато на командирах – великолепные золотые и серебряные нагрудные пластины с вкраплением драгоценных камней.

– Полагаю, что так, – честно ответила Илна. – Но нам они не могут навредить, так что не обращай внимания.

Пожалуй, с последним утверждением она перегнула палку. На самом деле, будь Илна так уверена, как хотела показать, она бы выражалась более осторожно. Девушка сжала губы.

– Совершенно верно, – весело поддержал ее Чалкус. Он на ходу подобрал с пола металлический обломок и помахал в воздухе, чтобы привлечь внимание спутниц. Это оказалось сломанное лезвие кинжала с выгравированной сценой охоты, почти невидимой под слоем патины. – Посмотрите, клинки-то у них тоже медные!

Он со смехом отбросил свою находку и продолжал:

– Интересно, сколько веков уже прошло с тех времен, когда люди использовали медное оружие? Уж не знаю, кто запер этих парней в ледяные ловушки… но он продержал их там достаточно долго, чтобы мы могли их не бояться. Можешь идти смело, девочка.

Но Илна приметила одну вещь, которая отнюдь не подняла ей настроения. Судя по тому, как моряк держал перед собой обнаженный меч, от него тоже не укрылась эта деталь: медное лезвие было не сломлено, а отгрызено. Безусловно, эти замороженные мертвецы не представляли для них опасности – тут Илна не кривила душой. Другое дело – та тварь,

которая проделала ход в леднике, чтобы добраться до мертвецов.

– Похоже, мы приближаемся к выходу из туннеля, – доложил Чалкус. – Я это нутром чую.

Его веселый смех перекрыл свист ветра, врывающегося в пещеру.

– Хотя лучше я помолчу, чтоб не сглазить. А как вы думаете, девушки? Не стоит искушать Госпожу.

– Если б я верила в Госпожу, – ответ Илны прозвучал резче, чем она хотела, – то сказала бы, что моя Госпожа не станет тратить время на злые шутки с несчастными путешественниками.

– А ты не веришь в Госпожу, Илна? – искренне удивилась девочка.

– Я уже не знаю, во что верю, – нехотя ответила та. – Раньше мне казалось, что мир куда более простое и понятное место. Как выяснилось, нет… При том, что лучшим местом его не назовешь.

Так, разговаривая, они вышли – плечом к плечу – на продуваемую ветром равнину. Их туннель оказался одним из множества, испещривших ледник, который тянулся аж до самого горизонта. По равнине струилось множество мелких ручейков, сливавшихся в речушки покрупнее. В южном направлении очертания скал скрадывались мхами и скудной растительностью.

– Я бы не возражал повстречать здесь других людей, – заметил Чалкус, разглядывая шесть фигур, застывших на расстоянии полета стрелы. – Но эти конкретно мне совсем не нравятся. А что вы скажете, госпожа?

– Согласна, – откликнулась Илна, доставая моток нитей из левого рукава. Похоже, все складывалось не лучшим образом. – И, кстати сказать, думаю, их наше присутствие тоже не обрадует. Тем более что придется прервать их занятие… в чем бы оно ни заключалось.

Волшебник в наполовину черном, наполовину белом одеянии стоял возле жаровни, с другой стороны от нее находилось мумифицированное тело какого-то существа – явно не человека, хотя и смахивающего на него по своим размерами. Потемневшая от времени ткань, которой была обмотана мумия, развевалась на ветру. Оба – и колдун, и его напарник – произносили нараспев заклинание. Илна не услышала – почувствовала – слова заклинания. Тем же странным образом, как она ощутила биение потока еще до того, как вошла в пещеру Харна.

Там присутствовал еще один колдун в черном балахоне, но он не принимал участия в произнесении заклинания. Он стоял поодаль и наблюдал за столбом света, выраставшим из центра очерченного круга. Свет покачнулся в сторону людей, затем погас.

Колдун поднял взгляд и выкрикнул приказ: слова затерялись, не достигнув Илны.

– У того мужчины нет головы, – сказала Мерота, в ее голосе слышалась плохо скрытая паника. – Вместо головы у него… Один из Морских Владык.

– Ты, как всегда, права, девочка, – произнес вслух Чалкус. – Но смею уверить тебя: она слетит с плеч не хуже обычной головы. – Его кривой меч выписал сложную фигуру в воздухе. – Хотя это может и подождать перед лицом более срочных дел.

Оставшиеся три фигуры представляли собой насекомовидных монстров. По приказу колдуна они поднялись на свои многосуставчатые конечности и направились к незваным гостям. В распахнутых пастях виднелись зазубренные хитиновые пластины устрашающего вида.

– Я займусь колдуном, – бросила Илна. Я попытаюсь справиться с ним. – Боюсь, остальных вам придется взять на себя, мастер Чалкус.

– Я помогу, – откликнулась девочка.

Оба взрослых посмотрели на нее и промолчали.

– Вот увидите! – сердито крикнула девочка. – Они погонятся за мной, и вы сможете их убить!

– Ну что ж, – решил моряк. – Если, конечно, они не окажутся сообразительнее, чем кажутся. Тогда, с помощью Госпожи и если Илна отвлечет на себя парня, который ими

командует… думаю, дело может выгореть.

Илна присела на корточки, чтобы защитить от ветра нити, из которых она плела свой узор. Ее товарищи пошли вперед, забирая вправо под углом, чтобы оказаться между Илной и жаровней, возле которой маг и мумия продолжали заниматься своими делами.

И моряк, и Илна понимали, что девочка подвергает себя опасности, но приняли ее план. По правде говоря, на этой неприветливой равнине вряд ли сыскалось бы место, где можно было бы спрятать ребенка.

Особенно от таких врагов. Клянусь честью!

Илна работала в молчаливой сосредоточенности. Пальцы ее двигались с той точностью, с которой движутся звезды по ночному небу. Возвысив голос, одетый в черное колдун произнес заклинание, которое долетело до ушей Илны в виде неразборчивого напева. При этом он вытянул левую руку, указывая на Чалкуса.

Монстры-насекомые взяли с места в карьер, как свора гончих, спущенная с поводка. Двигались они не кучей, а растянувшись в цепочку – так, чтобы отрезать Чалкусу путь к отступлению.

Илна слегка улыбнулась и плотно затянула очередной узелок. У колдуна перехватило дыхание. Руки его со скрюченными подагрическими суставами опустились. Он обернулся и безошибочно отыскал на равнине фигурку Илны – своего главного врага. Глаза их встретились.

Моряк, должно быть, что-то сказал Мероте, потому что они разъединились. Он замер на месте, а девочка рванула налево. Оставшиеся без контроля монстры, все как один, бросились за ней вдогонку.

Черно-белый посмотрел через жаровню на мумию, но та, погруженная в заклинание, не обращала ни на что внимания. Тогда он опустился на колени и, достав из пояса серебряный атам, принялся рисовать круг на каменистой почве.

Илна добавила еще один узел. Рука колдуна дернулась по направлению к его телу. Лезвие атама было слишком тупым, чтобы прорезать плотную ткань балахона. Но острие кинжала, ткнувшееся в живот, заставило колдуна сложиться пополам от боли.

Дыхание со свистом вырывалось из груди Илны, но пальцы уверенно продолжали свое дело. На губах ее играла зловещая улыбка.

Чалкус ожил. Меч его описал в воздухе «восьмерку», когда он побежал вслед первому монстру. Нагнав его, он одним точным движением подрезал его «ноги» на уровне нижних суставов. Хотя, скорее всего, сухожилия там отсутствовали, наверняка было что-то похожее.

Чудовище упало на оставшиеся конечности, развернулось и издало пронзительный вопль. Чалкус уже проделал аналогичные манипуляции со следующим насекомым. Движение получалось неуловимо-изящным, как крыло летящей чайки, но это не мешало ему быть смертельно-опасным. Загнутый кончик меча высекал капли сукровицы, которые янтарными бусинами разлетались по воздуху.

Одетый в черное, колдун сделал несколько неверных шагов в сторону Илны, губы его шевелились, произнося слова силы. Девушка почувствовала, как сгустился вокруг нее воздух – будто в мгновение, предшествующее удару молнии. Она нашла очередной пробел в своем узоре и заполнила его узелком. Колдун споткнулся и со всего маху грохнулся на землю.

Несмотря на пронзительный ветер, Илна вся вспотела, как косец в жаркий полдень. Весь лоб был усеян бисеринками пота, по позвоночнику текло ручьем. Все мускулы дрожали – все, кроме тех, что отвечали за работу пальцев, вывязывающих тончайший узор, напоминающий перистые облака на небе.

Третье насекомое оказалось сообразительнее своих сородичей. Оно успело обернуться навстречу Чалкусу. Но тот – вместо того чтобы отскочить назад – бросился на монстра и двумя неуловимыми движениями ткнул сбоку мечом в средние и нижние конечности. Монстр покачнулся и, наверняка, упал! бы, если б не ухватился за землю левой рукой. Засмеявшись, Чалкус подрубил и ее тоже. Чудовище упало и покатилось, как! безногая личинка, выпавшая из тела.

Колдун умудрился подняться на колени. Илна перекрутила нить и сильно ее потянула. Работа требовала от нее невероятного напряжения: несмотря на стиснутые челюсти, зубы выбивали дробь.

Почти уже поднявшийся на ноги колдун снова упал лицом вниз. Девушка тоже вынуждена была опереться о землю, чтоб не последовать его примеру. Закрыв глаза, она глубоко дышала и старалась восстановить силы.

По Чалкусу тоже было заметно, что он устал. Тем не менее, моряк опустился на одно колено и замахал мечом, чтобы привлечь внимание тех чудовищ, которые еще могли передвигаться. Очевидно, обманувшись их увечьями, он посчитал расстояние в шесть ярдов достаточно безопасным.

И просчитался. Оба монстра атаковали его одновременно с двух сторон с яростью баранов, сражающихся за главенство в стаде. Чалкус попытался встать, но было ясно, что ему не успеть – слишком быстро двигались огромные насекомые. Молниеносно приняв решение, моряк бросился наземь между ними.

Инерция бросила монстров в объятия друг друга. Их смертоносные конечности, вместо того чтобы пронзить грудь врага перепутались и сцепились между собой. Чалкус выкатился из-под массивного брюха правого насекомого.

Чудовище снова развернулось (похоже, искалеченные конечности никак не сказались на его боевом духе), но на этот раз моряк оказался во всеоружии. Еще одна изящная «восьмерка» в воздухе стоила подрезанных суставов левому монстру. Тот – подобно предыдущей жертве – рухнул на грудину и пополз к Чалкусу, оставляя за собой глубокие борозды на каменистой почве.

Скорчившись, моряк укрылся за телом обезноженного насекомого, как за щитом. Тот отчаянно пытался перевернуться, чтобы двумя сохранившимися правыми конечностями дотянуться до противника.

Когда Илна открыла глаза, колдун снова пытался добраться до нее: он полз на четвереньках и довольно уверенно. Правая его щека кровоточила, очевидно ободранная о камень, но губы продолжали двигаться, творя заклинание.

Девушка снова вскинула свой плетеный узор, но обнаружила, что зрение ее затуманено. Ей казалось, что пальцы перебирают нити, но она уже ни в чем не была уверена…

Почти теряя сознание, она увидела, как сзади к колдуну бежала Мерота. Двигалась она неуклюже, потому что прижимала к груди огромный камень. Мужчина, наверное, услышал ее приближение, так как оглянулся и вскинул руку.

И сразу же зрение Илны прояснилось. Она вскинула нити и туго натянула их, будто душила гадюку.

Колдун завизжал; рука конвульсивно прижалась к телу. Мерота высоко подняла камень и обрушила его на череп колдуна. Тот упал, раскинув руки-ноги, как распластанный паук. Девочка с трудом потянула на себя камень, чтобы снова нанести удар.

Насекомое, сохранившее четыре из шести конечностей, ползло к своему дергающемуся сородичу, за которым прятался Чалкус. Тот с улыбкой вскинул голову, наслаждаясь яростью твари, которая невольно служила ему убежищем.

Когда нападающий подполз, моряк вскочил на ноги и нанес удар – так ловко, будто кратковременный отдых вернул ему все силы. Меч вошел в покрытую тонким хитином шею чудовища.

Когда он выдернул меч, испачканный сукровицей, монстр рванулся вперед, но это являлось, скорее, предсмертной конвульсией, чем полноценной атакой. Так или иначе, результат оказался бы фатальным для моряка, если б он не успел отскочить в сторону. Чалкус смотрел на поверженного врага и смеялся.

Тот упал и заелозил на скалах, инстинктивно выбирая наиболее безопасную позицию. В конце концов, он скорчился так, что со всех сторон – кроме разве непосредственно снизу – его бронированный торс и голова защищали наиболее уязвимую, легко пробиваемую шею. Неизвестно, планировал моряк течение схватки или просто умело использовал

представлявшиеся возможности.

«Скорее всего, и то и другое», – подумала Илна, подымаясь на ноги. Ей-то показалось, что Чалкус хороший боец.

И, если на то пошло, очень достойный человек.

Мероте так и не удалось поднять камень, похоже, она была измучена не меньше Илны. Девушка положила руку ей на плечо и сказала:

– Не стоит стараться, Мерота. Он больше не сможет нам навредить.

Еще бы: верхняя часть черепа колдуна была расплющена, в ушах и ноздрях запеклась кровь. Она создавала странный контраст с его черной одеждой.

Чалкус стоял на безопасном расстоянии от сцепившихся в смертельном объятии монстров. Для одного из них все уже закончилось: он был изуродован больше, чем его собратья.

У одного из них в жвалах запутался кусок рукава, он трепетал на ветру. Чалкус прикинул дистанцию, затем, шагнув вперед, подцепил кончиком меча тряпку. Использовал ее для того, чтобы очистить клинок от сукровицы насекомых. Насекомые так и остались в объятиях друг друга: похоже, они сцепились сильнее, чем вначале показалось Илне с ее наблюдательного пункта.

Подняв вопросительно брови, Чалкус мотнул головой в сторону жаровни. Илна утвердительно кивнула и сказала Мероте:

– Пойдем, дитя мое.

Она направилась к существам, творившим заклинание. Пальцы ее перебирали уже готовый узор, что-то изменяли в нем – для оставшейся пары необходимо было нечто новое. Сейчас Илне требовалось подчинить себе целую вселенную, затерявшуюся во времени.

– Мне бы хотелось все время видеть тебя рядом, – сказала она девочке. – Как можно дольше.

Чалкус тоже, не спеша, зашагал к жаровне. Он все еще тяжело дышал, но уже завел какую-то из своих песенок. Над углями поднимался не простой дым, а сплетающиеся в клубок огненные образы.

Внезапно моряк остановился, а монстр с аммонитом на плечах обернулся. Он уставился на приближавшегося человека – S-образные зрачки, которые были древнее самой земли, замерли под колыхающимся ореолом из щупальцев.

Мерота подобрала еще один камень, на этот раз поменьше. С одобрительным смехом Чалкус шагнул вперед, меч его просвистел в воздухе. Илна вывязала первый узел нового рисунка…

И в этот момент воздух вспыхнул красным светом и застыл, превратившись в кусок твердого рубина.

* * *

Шарина и Далар беспрепятственно проникли в пустынный дворец. Здесь, среди его молчаливого великолепия, крики мужчины несколько скрадывались толстыми стенами, но, тем не менее слышались по-прежнему четко.

Девушка была удивлена таким безлюдьем. В Вэллисе во дворце обычно толпились рядовые граждане, падкие на зрелища. Церемониймейстеры сопровождали делегации к разным официальным лицам, которые никогда ничего не делали, но, по крайней мере, выслушивали просителей. Главный распорядитель выделял в толпе важных граждан и курьеров, которым действительно нужно было встретиться с принцем Гарриком. И повсюду сновали слуги: как правило, незаметные, они прибирали, готовили, бегали по различным поручениям придворных и гостей.

Конечно, Клестис – не столичный город, но тем не менее Шарина ожидала увидеть нечто подобное вэллисскому устройству. Вместо этого дворец Ансалема напоминал

пустынную гробницу.

– Нам надо найти… – проговорила она, обшаривая глазами безлюдный зал.

– Здесь лестница, – воскликнул Далар, отодвигая занавес, спрятанный двумя колоннами, выполненными в виде трилистника.

– Я пойду вперед! – решила девушка. Ее телохранитель обернулся на свой обычный манер, вызывающий содрогание у публики: лицо просто обозначилось посредине спины. Уступать дорогу он не собирался.

– Ты слышал: я пойду первая, – повторила Шарина, – потому что на лестнице в твоем оружии никакого… – поймав взгляд птицы, она поправилась: – Меньше толку, чем в моем ноже.

Засмеявшись, Далар отступил.

– Если бы мы спускались, то я бы напомнил тебе о своем умении лягаться, – сказал он. – Но в данном случае…

Девушка поспешила вверх, прыгая через две ступеньки. Для длинноногой Шарины здешние лестницы казались детской забавой. Похоже, местный народ не любил утруждать себя физическими нагрузками.

Здесь, в лестничном колодце, гудение ощущалось даже сильнее, чем в обширном вестибюле. Сквозь узкие окна проникал красный свет, освещая ступеньки, более широкие по внешнему краю. Восковые свечи в настенных канделябрах дожидались своего часа, чтобы вспыхнуть во всем великолепии. Если только город доживет до ночи …

– Как ты думаешь, Далар, ночь когда-нибудь настанет здесь? – спросила Шарина, достигнув первой лестничной площадки.

Сзади донесся неопределенный звук – не то смех, не то стон.

– Меня вообще-то больше интересует, взойдет ли здесь солнце, – ответил Далар. – И боюсь, что ответ отрицательный.

Они миновали вторую площадку и продолжили подъем. Теперь крики стали громче.

Девушка выглянула в узкое окошко. Жители Клестиса по-прежнему толпились на площади: лица запрокинуты, взгляды устремлены наверх, рты разинуты в немом крике. Шарине почему-то вспомнилась картинка, которую она однажды наблюдала: выброшенный на берег карп задыхается на жарком полуденном солнышке. Иногда до их ушей долетали снизу вопли ужаса и отчаяния.

В последнее время жизнь Шарины складывалась довольно бурно. Она попадала в такие ситуации, что и не надеялась уцелеть. Тот факт, что она все еще жива, воспринимался девушкой как подарок судьбы. И если Госпоже будет угодно лишить ее этого дара… что ж, она не будет выть и рыдать.

Будто подслушав ее мысли, Далар произнес:

– Тридцать дней я плыл на плоту. Питался сырой рыбой, когда удавалось ее поймать. Собирал дождевые капли, чтобы напиться. Каждый день Смерть стояла за моей спиной. Что же меня может напугать в этом месте, если мы – старые товарищи со Смертью?

Милый Далар… надежный друг и несгибаемый воин. И все же Шарине так хотелось, чтобы сейчас Кэшел был рядом с ней. Он – во все, что делал, – привносил оттенок твердости и стабильности. Наверняка он сумел бы разобраться и в этом аду.

Наконец они достигли вершины лестницы. Их взору открылся еще один занавешенный дверной преем. Далар предостерегающе поднял руку.

Поняв его намерение, Шарина кивнула в ответ. Вместо того чтобы отодвинуть занавеску, она рывком сорвала ее с карниза. Далар замер со своими пирамидками, готовый разить налево и направо врагов, которые, возможно, там притаились.

Но там никого не было. Шарина с телохранителем прошли в пустынную прихожую. Напротив находилась дверь с позолоченной решеткой в смотровом окошечке. Именно оттуда и доносились крики. Далар заглянул в отверстие, затем уступил место Шарине.

Семерка колдунов в черной, белой или черно-белой одежде окружала окровавленное тело юноши. Напротив их главы стояла еще одна, восьмая, фигура – девушка ее сразу узнала.

Мумифицированная рептилия в потемневших от времени похоронных одеждах шипящим голосом произносила слова силы. Наконец-то Шарина увидела своего хозяина во плоти.

У стены застыл высокий тощий мужчина, он не отводил взгляда от колдунов и кричал. Красные ленты магического света связывали его по рукам и ногам, девушка видела, как напрягались мышцы несчастного в попытке разорвать колдовские путы. На каменной кушетке за его спиной спал благообразный мужчина, пухлое лицо которого обрамлял венчик седых волос.

– Это Ансалем, – прошептала Шарина. – Мой брат видел его во сне. Мы…

Однако времени на разговоры не оставалось. Девушка отступила на шаг и двумя руками занесла над головой пьюльский нож. Она нанесла удар туда, где, по ее мнению, располагался запор с той стороны двери.

Нож отколол длинную щепку и отскочил, наткнувшись на металл. Шарина стояла с дрожащими руками и смотрела на лезвие, которое все еще вибрировало в воздухе. Под деревянным шпоном скрывался металл, своим блеском напоминавший серебро, хотя никакое серебро (да и, вообще, ни один известный ей металл) не смогло бы устоять против такого удара. На этом же не осталось ни царапины.

– Назад! – скомандовал Далар. Раскрутив цепочку, он обрушил пирамидки на обнажившийся зазор в шпоне. Не самый сильный удар, поскольку места для размаха не хватало… но Шарина знала, на что способен ее телохранитель. На стали образовалась бы вмятина, дерево разлетелось бы на кусочки.

Раздалось звонкое крак! – пирамидка, исчерпав свою энергию, отскочила и безвольно повисла на цепочке. Дверь даже не покачнулась от удара, который сокрушил бы человеческий череп.

В окошко было видно, что тело спящего Ансалема окутало золотое свечение. Над его головой возникла двухголовая змейка – по одной голове с каждого конца. Она трепетала, то появляясь, то исчезая из реальности, в которой существовал волшебник. Тело его застыло и стало твердым, как мрамор.

– Может, попробуем сломать стену? – предложила Шарина, сама понимая безнадежность этого мероприятия. Стена была сложена из твердого песчаника, причем камни так плотно подогнаны, что некуда даже воткнуть острие ее ножа. Они огляделись в поисках чего-то, что можно бы использовать как таран. Увы, и здесь разочарование. Комната была пуста, как стойло в конюшне.

Но им необходимо помешать творившемуся обряду! Шарина знала из снов брата, что в противном случае они навсегда останутся здесь, выпав из времени и пространства. Если сейчас не прервать заклинание, то они разделят печальную судьбу жителей Клестиса – жить оставшиеся годы без всякой надежды вырваться. Когда-нибудь появится человек, который сумеет сокрушить колдовские чары, но это произойдет слишком поздно, когда от них с Даларом останется один только прах.

Ее телохранитель выглянул на лестницу, чтобы поискать подходящие инструменты. И в этот миг одна из внешних стен вдруг исчезла, на ее месте образовалась светящаяся радуга.

Шарина с криком схватилась за нож. Далар одним прыжком вернулся в комнату, на ходу приводя свое оружие в действие. На их глазах из светящего облака в комнату ступило нечто огромное и неумолимое.

Это был тот, кого больше всего хотела увидеть Шарина, – ее друг Кэшел шагнул в комнату, держа на плече свой посох. На лице его застыло встревоженное, но привычно-дружелюбное выражение. При виде девушки он широко улыбнулся.

– Кэшел! – воскликнула она, не веря своему счастью. – Далар, это друг!

Радуга за спиной Кэшела постепенно растворилась, как утекает песок в песочных часах. Неведомая вселенная поглотила ее, снова оставив на месте каменную стену с окном, выходящим на волнующуюся площадь.

– Кто?.. – переспросил Далар. Он выжидал, не проявляя прямой враждебности к парню, который возник из ниоткуда, но пирамидки продолжали раскручиваться на конце цепочки.

– Кэшел, нам надо попасть в ту комнату! – Шарина указала на дверь, с которой она безуспешно пыталась сражаться. – Там внутри колдуны, они убили мальчика.

– Ага! – кивнул Кэшел. Лицо его, оставаясь по-прежнему дружелюбным, обрело некоторую твердость. Он покрепче сжал посох. – Отойди в сторону!

– Дверь сделана из какого-то металла, потверже стали, – сообщил Далар. – Вы вряд ли сможете…

Кэшел разбежался, держа посох, как таран. Наконечник ударил в центр двери. Все ожидали услышать звон металла о металл, но вместо этого возникла вспышка голубого света, которая пронзила толщу камня. Вселенная вздрогнула, время замерло.

Затем все снова ожило: вернулись звуки и движения. Отброшенный силой удара, юноша отступил назад. Дверь сорвалась с петель и влетела в комнату.

Колдуны исчезли, за исключением одного, оставшегося лежать на полу безликим трупом. Растерзанный мальчик и его связанный отец тоже пропали. В мгновение ока века пронеслись через комнату, но все так же лежало тело на каменном ложе, а группа вооруженных мужчин атаковала загородку в дальнем конце помещения.

Фигура на кушетке пошевелилась.

– Теноктрис! – воскликнула Шарина, затем обернулась к ворвавшимся солдатам. – Гаррик, это я!

– Во имя Госпожи! – кричал кто-то. – На нас наступает миллион мертвецов!

Гаррик упал на колени возле кушетки. Выронив меч, он потянулся к Теноктрис, сжал ее хрупкие, будто сделанные из слоновой кости, пальцы в своих сильных загорелых руках.

Кэшел, все еще пошатываясь от пережитого напряжения, ступил в комнату. Шарина кинулась к нему в объятия. Она даже не успела зачехлить свой нож, который ударился плоской стороной о плечо юноши, неважно… Судя по тому, как Кэшел подхватил девушку и закружил ее в воздухе, он бы не обратил внимания и на порез. Аттапер с ворчанием отступил в сторону, чтобы ноги Шарины не задели его. Далар смотрел, склонив голову набок.

Гаррик потянулся за мечом. В воздухе стояла гипсовая пыль от сломанной перегородки, дым от перевернутой жаровни и флюиды, исходящие от мертвого тела колдуна.

Что случилось с этим человеком? Безусловно, он нес в мир зло, но Гаррик?..

– Лиэйн осталась на площади, – пробормотал юноша. – Мне надо спуститься к ней и к армии.

– Нет! – возразила Теноктрис. Она казалась настолько слабой, что едва могла сидеть прямо, но в голосе звенела несгибаемая уверенность. – Куда подевался Пурлио? Главный колдун?

Кэшел опустил подругу на пол, но все еще продолжал обнимать за плечи. Далар нарочито отвернулся и сейчас, поворотив голову на сто восемьдесят градусов, рассматривал солдат, набившихся в комнату. Цепочку с пирамидками он держал в ладони, а лицо выглядело еще бесстрастнее, чем обычно.

– Он исчез, – произнес Гаррик, осторожно поднимаясь на ноги. Даже под слоем алебастра лицо его казалось серым и изможденным. – Он стоял вон там… – Юноша указал на изножье кушетки. – … а затем полыхнуло красным светом, и он пропал. Но послушай, Теноктрис, там атакуют моих людей, и я должен…

– Нет, – терпеливо повторила волшебница и пояснила: – Это Пурлио насылает на вас армии мертвецов. Остановим его, и все его войска сгинут. А теперь, пожалуйста, не беспокойте меня. Я попытаюсь открыть ворота, которыми он воспользовался. Здесь сосредоточена большая сила, и возможно, мне повезет…

Теноктрис соскользнула с кушетки. Кэшел догадался об ее намерениях и помог усесться на пол, как всегда, со скрещенными ногами.

Если Кэшел рядом, он всегда первый придет на помощь…

Указательным пальцем волшебница нацарапала шестиугольник на пыльном камне, затем стала быстро писать слова на Старой Вязи вдоль всех сторон треугольников. Шарина с улыбкой протянула старухе щепку, отлетевшую при штурме от двери.

Та ответила едва заметной улыбкой.

– Дарзах хова валаб, – четко произнесла Теноктрис, сопровождая каждое слово прикосновением импровизированного атама. – Варзахо беха гетаят…

Внизу на площади протрубили боевые рожки. Послышались крики людей и лязганье оружия – это войска смыкали строй перед лицом новой угрозы. Все мертвецы всех времен…

– Ре соу лампсе, – продолжала Теноктрис. – Лак отхит калак…

Не желая находиться рядом с полуразложившимся трупом, Шарина направилась в прихожую. Кэшел держался у нее за спиной.

Демонстрируя похвальную предусмотрительность, ее телохранитель в великолепном прыжке опередил обоих, чем вызвал у Кэшела легкую усмешку. Девушка обратила внимание, что один из наконечников почти оторвался от посоха, да и сама орешина опалилась.

Шарина выглянула в окно. С такой высоты Клестис по-прежнему выглядел роскошной столицей – с пышными садами и сверкающими зданиями. Только приглядевшись внимательно, вы замечали следы упадка: обвалившуюся местами кладку, не в меру разросшиеся растения одного вида, которые забили своих соседей по клумбе.

Армии подтягивались по всем мостам, перекинутым из тысячи миров в Клестис – они со всех сторон пронзали защитный колпак из красного магического света. Девушка попыталась сосчитать знамена, под которыми маршировали мертвецы, и сбилась со счету. Мертвые всадники на мертвых лошадях. Тяжелая пехота шла в полном вооружении, гремя шлемами и латами, но там и сям в забралах просвечивали полуистлевшие кости. За ними следовали копейщики, и вся эта бесчисленная рать тянулась по мостам нескончаемым потоком.

– После того как они заполонят Клестис, – сказала Шарина, – они ринутся на Вэллис и все Острова.

– Возможно, попытаются, – пожал плечами Кэшел. – Но Гаррик с Теноктрис знают, что делать.

Далар бросил взгляд на юношу, тот улыбнулся.

– Нозаба! – выкрикнула волшебница.

Меж лопаток у Шарины пробежал озноб. Красный свет сгустился, а затем исчез, явив взорам серое зимнее небо. Все, кто пришел с Гарриком, по-прежнему оставались на местах, но теперь на сцене с изменившимся ландшафтом появились еще и новые фигуры.

Крыша дворца Ансалема с мозаичным полом замерцала и растворилась. Вместо этого Шарина со своими спутниками оказалась на холодной, каменистой пустоши. Свет далеких времен светил над горящей жаровней. А внутри нее маршировали крохотные армии мертвецов, послушные манипуляциям расположившегося рядом колдуна. Очевидно, силу свою он черпал в заклинаниях, которые бормотала мумия Дракона, стоявшая у дальнего конца жаровни.

Чуть поодаль замерла Илна, пальцы ее сжимали нити, лицо напоминало мраморную маску. Рядом с ней – девочка с обломком скалы в руках. Еще подальше стоял улыбающийся мужчина, занеся над головой меч с изогнутым, как хвост скорпиона, клинком. Вся группа – Илна и ее спутники – стояли неподвижно, как на сцене в финале пьесы, освещаемые красным светом.

Меч мужчины был направлен на колдуна в черно-белом одеянии с окаменелой раковиной аммонита вместо головы.

Дальше все происходило, как в дурном сне. Морской Владыка на плечах колдуна повернулся и уставился на Шарину своими желто-зелеными глазищами с вертикально посаженными S-образными зрачками. Клюв его раскрылся в хриплом крике. Руки человека оставались неподвижными, зато щупальца, окружавшие мантию, шевелились, сплетаясь в диковинном узоре. Девушка замахнулась своим ножом…

Кэшел поднял посох…

Пирамидки Далара засвистели, вращаясь в бешеном темпе…

Меч Гаррика описал длинную дугу…

Копья, мечи, ножи нацелились на того, кто когда-то был человеком. Шарина почувствовала, как ее тело охватывает летаргическая неподвижность, наведенная красным светом.

Илна же, напротив, очнувшись от оцепенения, вернулась к своему узору и туго затянула очередной узел. Мужчина завершил прерванное движение меча, а девочка с усилием толкнула камень в сторону колдуна.

И все они опоздали. С криком – безмолвным, но нестерпимо давящим на уши людей – маг исчез, растворился в воздухе. Искривленный клинок пронзил пустоту. Мгновение спустя удары всех остальных, включая нож Шарины, скрестились все в той же бесполезной точке.

Они снова очутились во дворце Ансалема. Все кричали наперебой. Теноктрис пыталась дать какие-то объяснения, но они терялись в общем взволнованном шуме.

Колдун успел уйти, но осталась мумия Дракона, которая неотрывно смотрела на Шарину. Девушка медленно вложила пьюльский нож в чехол и взялась за трехногую жаровню. Подняла ее и, толкнув изо всех сил, сбила с ног Дракона. Древняя холстина рассыпалась от прикосновения, но плоть под ней, несмотря на прошедшие века, оставалась твердой. Возможно, это был не более чем обман зрения, но Шарине показалось, что мумия подмигнула ей.

И тогда она высыпала горящие угли на тело Дракона. Пламя моментально охватило тело, которое неведомые бальзамировщики обильно пропитали кедровой смолой и натром. Все произошло так быстро, что волоски на руках девушки схватились жаром, хоть она и отскочила в сторону. Кэшел отпихнул ее подальше.

В мгновение ока вспыхнул огонь, достигавший потолка ансалемовского кабинета.

– Вон! – взревел Гаррик, перекрывая общий шум. – Немедленно все наружу!

Не обращая внимания на протестующий крик Шарины и возмущенное кудахтанье ее телохранителя, Кэшел перекинул девушку через плечо и бросился к выходу. Двое солдат подхватили Теноктрис, которую до того Гаррик прикрывал своим телом. У выхода образовалась свалка. Не желая терять времени, Кэшел изо всех сил пнул уже порядком подпорченную алебастровую перегородку, и изрядный кусок ее обвалился в прихожую. Еще удар, и новая порция, размером со стол, зашаталась и рухнула, теперь внутрь помещения. Проход был свободен. Кэшел – не нагибаясь и не снимая Шарины с плеча – вышел из комнаты.

Факел разгорался с небывалой силой: сказывалась его магическая природа. Пламя прожрало дыру в крыше дворца и вырвалось наружу. Огненные языки радостно взметнулись в небо, затем они сложились в огромную, тридцатифутовую фигуру с характерными длинными челюстями.

– Ты отлично мне послужила, Шарина ос-Рейзе! – прогудел голос Дракона. Он махнул своей пылающей трехпалой рукой в сторону горизонта, и в то же мгновение армии мертвецов оказались охваченными пламенем. Поднялся столб черного дыма, который унесло ветром. Многочисленные мосты – тончайшие переплетения магического света – остались нетронутыми, но огонь очистил их от всего, что двигалось и претендовало на роль живого.

Пылающий силуэт Дракона рос, расширялся, пока не охватил весь горизонт. Многие солдаты в ужасе попадали, когда огненная длань прошлась над их головами, но Шарина не ощутила ничего, кроме легкого покалывания от соседства с источником великой мощи.

С шипящим смехом Дракон заложил крутой вираж и прыгнул далеко ввысь – к магическому светящемуся куполу, который по воле Ансалема накрыл древний город и изъял его из времени.

Огонь растекся по поверхности купола, а затем пропал в громовом раскате. Несколько мгновений эхо гуляло над Клестисом, затем все стихло и на город опустилась тишина.

– Мы победили, – произнес Гаррик, и в голосе его прозвучало скорее облегчение, чем торжество. Юноша выглядел совершенно изможденным.

– Нет, – возразила Теноктрис. Она попыталась подняться, но удалось ей это лишь с

помощью Кэшела. – Мне очень жаль, Гаррик, но мы не победили. Пурлио бежал в такое место, куда ни один человек не может последовать за ним. А мост…

И она махнула в сторону горизонта, безошибочно – невероятным, с точки зрения Шарины, образом – найдя среди тысяч мостов тот самый, который вел в Вэллис и их родную эпоху.

– Мост остался на месте. Так же как и прочие ловушки, которые я вам описывала, – сказала Теноктрис. – Колдуны не создавали этот мост. Но покуда он существует, они – будь то Пурлио или еще кто похуже – могут использовать его снова и снова. Эта угроза сохранится навечно, до тех пор пока мы не победим Зло. Помочь нам может только Ансалем, а он недосягаем в своей темнице, построенной усилиями Пурлио.

– Но мы с Шариной видели Ансалема, – воскликнул Далар. – Всего мгновение назад.

Люди, которые до того были полностью захвачены собственными страхами и переживаниями, с удивлением воззрились на птицу. Многие из них, вообще, впервые заметили чужака. Один из Кровавых Орлов вскинул копье, но Аттапер звонким ударом по шлему призвал недотепу к порядку.

– Должно быть, вы видели Ансалема как раз в тот момент, когда колдуны накрывали его магическим колпаком, – пояснила волшебница. – Разомкнуть его может лишь амфисбена – двухголовая змея. К несчастью, она оказалась заперта вместе с Ансалемом.

– О! – вдруг вспомнила Шарина. Она развернула змеиную кожу, которую нашла на руинах дворца Дракона. – Думаю, это сможет нам помочь…

Радостный крик Теноктрис не дал ей договорить.

Глава 21

Гаррику хотелось спать, но он слишком устал. Прислушиваясь к тому, что говорила Теноктрис, он продолжал натачивать свой клинок при помощи маленького камешка, который всегда носил на поясе. Вот когда адреналин улетучится из его крови, а мозг освободится от обрывочных видений закончившегося сражения… тогда он, возможно, уснет.

– Когда я приду в себя… – произнесла волшебница с виноватой улыбкой. Рядом с ней с двух сторон сидели Лиэйн и Шарина. Кэшел, даже сидя на корточках, мощным утесом возвышался за ее спиной.

– То есть я надеюсь, – продолжала Теноктрис, – что смогу попытаться отпереть то место, где спит Ансалем. К сожалению, с Пурлио я ничего не могу поделать. Возможно, он больше не вернется в наше время… или даже на протяжении тысячелетий. Но если вдруг он решится, то мы не сможем помешать ему. Вернее сказать, если оно решится.

Гаррик отослал Валдрона вместе с его армией обратно в Вэллис. Потери оказались незначительными.

– На удивление незначительными, – согласился Карус. – Хотя я продолжаю считать колдунов опасными по своей сути… но мне понравилось сражаться с армией, которой командуют колдуны. Вот бы всегда так.

Призрачный король, живший в сознании Гаррика, тоже выглядел уставшим. И это – несмотря на отсутствие материального тела, которое могло бы утомиться беготней и рубкой минувшего боя. Хотя война утомляет не только мускулы… и может быть, меньше всего мускулы.

Гаррик с остатком своего войска – Кровавыми Орлами и застрельщиками из фаланги, отлично проявившими себя в деле с колдунами, – расположился лагерем на перекрестье заросших травой улиц Клестиса. Он вообще не видел смысла держать здесь войска, но Аттапер решительно воспротивился приказу увести свое отделение через мост. И хотя это было открытое неповиновение, на сей раз лорд Валдрон всецело поддержал мятежного командира.

У Гаррика и его друзей еще оставались дела в Клестисе.

– Но вы же сумели доставить меня к Ландуру, – говорил Кэшел волшебнице в своей

обычной неторопливой манере. – Если теперь вы отправите меня туда, где отсиживается Пурлио, уж я сумею устроить так, чтобы он никогда не вернулся.

Они сидели под тентом, который солдаты натянули, чтобы защититься от красного магического свечения. Хотя, само по себе, оно не причиняло людям вреда, но изрядно действовало на нервы. Гаррик обдумывал перспективу временного отступления в Вэллис, пока у Теноктрис оставались силы на прочтение заклинания. Но это означало необходимость дважды пересекать мост, что было плохо со всех точек зрения.

Он тихо улыбался своим мыслям.

– То есть убить его? – уточнила Теноктрис с оттенком неудовольствия. Они все смертельно устали, но на ней это сказывалось сильнее всего. – Как ты не понимаешь, Кэшел! Пурлио уже мертв. Он умер в тот момент, когда подчинился Морскому Владыке… хотя сам-то он, наверное, полагал, что это его последний шанс спастись. Но тот факт, что Пурлио мертв, делает его неуязвимым для живых.

– При всем моем уважении к вашей мудрости, госпожа… – проговорил новый приятель Илны. Звали его Чалкус, и он был моряком.

– Моряком? – фыркнул король Карус. – Ха! Ну, тогда я могу называться жокеем на том основании, что иногда езжу верхом!

Чалкус сидел на корточках у одной из стен палатки, рядом с Илной и спящей девочкой – очевидно, племянницей лорда Тадая. Девочка наотрез отказалась разлучаться со своими старшими друзьями, хотя это означало задержку в Клестисе на неопределенное время. Ведь Илна заявила, что собирается «посмотреть, чем дело закончится». Что бы это ни означало в ее холодном, отточенном уме.

– Но мой личный опыт подсказывает, что от мертвых куда меньше хлопот, – закончил свою фразу Чалкус. – Если ваш колдун мертв… что ж, тем лучше.

– Да оно мертвое, – подтвердила Теноктрис, и голос ее прозвучал особенно пронзительно на фоне вкрадчивой манеры моряка. – К несчастью, мы имеем дело не с человеком. Это существо, которое не является живым в нашем понимании уже много веков… гораздо больше, чем вам лет, мастер Чалкус. Но покуда он связан с нашим миром, мы не можем чувствовать себя в безопасности.

Гаррик смочил свой точильный камень в китовом жире, чтобы удалить частички металла с лезвия меча, который он перед этим долго и упорно натачивал. В ходе боя он вогнал клинок в основание кости мамонта и оставил зазубрины на стали.

Скрип точильного камня об острый металл как нельзя лучше успокаивал его разум. Как раз то, что ему надо: простое, кропотливое занятие. Оно действовало успокаивающе, почти как снотворное.

С опоры шатра свисала лампа на три фитиля. Ее едва хватало, чтобы осветить лица присутствующих, зато она отлично скрывала красное свечение, которое едва пробивалось в щели полога. Солдаты пытались жечь костры, подкармливая их ветками разросшихся деревьев, но, как выяснилось, костер не разгонял красноватый полумрак, а лишь делал его еще более зловещим. Именно поэтому Гаррик предпочел укрыться в кожаном шатре с масляной лампой – здесь все выглядело почти как в нормальном мире.

Глаза у юноши закрывались. Он сделал две попытки – или больше? – спрятать точильный камень обратно в пояс, но в конце концов просто выронил его на траву у своих ног. Механически протер лезвие меча обрывком туники, который оторвал у одного из мертвецов, в изобилии валявшихся на площади. Затем, ведомый инстинктами своего предка, аккуратно вложил меч в ножны. Король Карус, наверное, даже в обезглавленном состоянии не забыл бы позаботиться о своем оружии.

Голоса окружающих превратились в невнятное жужжание. Лиэйн что-то говорила, губы Гаррика послушно улыбнулись в ответ, хотя смысл сказанного не пробился сквозь кокон безмерной усталости, окутавший его разум.

Как в тумане, он отметил, что его друзья поднялись и покинули палатку. Лиэйн, выходя последней, прихватила с собой лампу.

Гаррик спал. Во сне он находился в дремучем лесу. Вокруг бушевала гроза: она раскачивала деревья, срывала с них листья, и это был хорошо. Бесчинствующие дождь и ветер каким-то образом успокаивали юношу. Творимое в природе насилие отвлекало, помогало ему скрыть живший внутри страх. Хотя и не прогоняло его окончательно.

Облака унеслись прочь. На расчистившемся небе засверкали звезды, но Гаррик не узнавал созвездий. Юноша смутно чувствовал, что ему нужно куда-то попасть… но куда именно, не мог вспомнить. Да и ладно… все равно он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Потому что являлся каменным изваянием, лежащим под дубом.

Взошла луна. Гаррик надеялся, что листва защитит его от лунного света, но тот проникал сквозь ветви, будто дуб был сделан из стекла.

Холодный улыбающийся лик луны протянул свои лучи-щупальца и объял ими тело Гаррика. Под их воздействием тело началось крошиться, как старый гипс. Кусочки падали на землю, распадались в порошок и поглощались ненасытной почвой. Юноша наблюдал со стороны удивительный процесс своего исчезновения, потери формы. Сначала на его месте образовался невысокий могильный холмик, затем он осыпался, стал едва заметным и окончательно растворился. Будто Гаррика никогда и не существовало.

Луна склонилась совсем низко. Она запечатала ледяным поцелуем то место, где когда-то лежал юноша. И Гаррик смешался с холодным светом, став безымянной космической пылью. Он не ощущал ничего, кроме холода.

– Кольва! – донесся крик из того мира, в котором ему уже не было места. Юноша хотел что-то сказать и не смог… Он не существовал.

Не осталось ничего, кроме вселенского холода.

* * *

Илна тщательно расчесывала костяным гребнем волосы Мероты. Голова у ребенка, впрочем так же, как и ее собственная, пришла в ужасное состояние за то время, что миновало со дня мятежа на корабле. Сейчас в их распоряжении оказалось грубое солдатское мыло, да бочонок воды, нагретой на костре. Негусто, конечно, но тем не менее они снова почувствовали себя чистыми. Теперь оставалось привести в порядок волосы при помощи гребешка, позаимствованного у одного их офицеров.

– Илна, дядюшка Тадай снова отошлет меня в Эрдин? – упавшим голосом спросила девочка.

– Я же не предсказательница будущего! – пожала плечами девушка, прежде чем сообразила, что слова Мероты не являлись, строго говоря, вопросом. Когда же поняла, болезненно поморщилась. Девочка, надо отдать ей должное, вела себя очень мужественно. Она не жаловалась на едкое мыло или колючие ветки молочая, которые пришлось использовать в качестве мочалки. Илна, вообще, за все время знакомства с Меротой не слышала от нее ни единой жалобы.

– Я, конечно, не гадалка, – более мягко повторила девушка, – но не думаю, чтобы тебя насильно выдали замуж в Эрдине. Нет… И знаешь почему? Потому что я не позволю! По крайней мере, пока ты сама этого не захочешь.

Девочка порывисто обернулась и прильнула к старшей подруге.

– Я не хочу! – со слезами сказала она. – И никогда не хотела.

За стеной палатки кто-то сладко, звучно потянулся и раздался знакомый голос Чалкуса:

– О Госпожа! Спасибо тебе за снисходительность к своим заблудшим сыновьям. Ну, и кто из вас, бравые воины, утверждал, что я не сумею сделать стойку на руках?

Кэшел спал в дальнем углу восьмиместной палатки, которую они с сестрой и Меротой делили с четырьмя солдатами. Когда один из них задал вопрос – вполне невинный, как полагала Илна, – не для мастера ли Чалкуса припасено последнее местечко, девушка весьма красноречиво подкинула на ладони веревочную петлю. Парень тут же смешался, стал

бормотать извинения и поспешно ретировался. Ему хватило ума осознать неуместность своего вопроса.

Девушка насмешливо хмыкнула. Уж себе-то Илна ос-Кенсет не привыкла лгать. Предположение солдата оказалось как раз таки весьма справедливым – именно поэтому она столь резко на него отреагировала.

– Сиди спокойно, я заплету тебе косы, – велела она девочке, разделяя на пряди и пропуская меж пальцев ее длинные густые волосы. Как всегда, простое прикосновение подскажет Илне, как лучше сплести нужный узор и…

И тут сердце у нее замерло и похолодело. Узор, открывшийся ей, был ужасен!

– Кэшел, проснись! – крикнула Илна, вскакивая на ноги. Уже выскакивая из палатки, она продолжала кричать: – Гаррик! Принц Гаррик!

Двое Кровавых Орлов, охранявших вход в палатку, замерли в удивлении.

– Скорее! – выдохнула девушка и бросилась со всех ног к высокому шелковому шатру, где они оставили спавшего Гаррика.

Мерота следовала за ней по пятам. И хорошо, потому что Кэшел, не привыкший к палаткам, спросонья сшиб один из поддерживающих столбов. Не успел он выскочить наружу, как вся постройка обвалилась.

– Гаррик! – снова крикнула Илна.

Светящийся купол давал света не меньше, чем полная луна, но при этом он как-то странно искажал все предметы. Вишневое дерево возле палатки принца отбрасывало причудливо-корявую тень, напоминавшую сгорбленного тролля. Казалось, ветви изгибаются и корчатся, хотя стояло полное безветрие.

У опущенного полога застыли часовые, в своей неподвижности Кровавые Орлы напоминали мраморные статуи. Свисавший с шеста фонарь ярко освещал круг у входа, но лица солдат скрывались в тени. Тут же стоял офицер в серебряной кирасе.

– Нам необходимо немедленно увидеть принца Гаррика, – обратилась к нему девушка. Она ожидала отказ, и на этот случай у нее был заготовлен ответ – пальцы ее перебирали уже готовый узор из хитрых узелков. И никаких угрызений совести: опасность, которую она увидела, вернее, почувствовала, заплетая косы девочке, не оставляла времени на раздумья. Однако Кровавые Орлы даже не моргнули. Они не только казались – они и были статуями, силой магии погруженными в мертвый сон.

– Нужен свет! – воскликнула Илна. Сама она дотянуться до фонаря не могла: слишком высоко он висел. Чалкус в прыжке дотянулся до светильника и приземлился, держа в левой руке горячую железную плошку. Они поспешили в палатку, столкнув по дороге часовых. Упав, те наконец очнулись и разразились удивленными криками.

Илна шла вслед за братом, моряк от них не отставал. Теперь он нес фонарь за верхнюю петлю и по привычке что-то напевал себе под нос. От руки у него пахло паленым, но благодаря толстым мозолям гребца он, похоже, даже не почувствовал ожога.

В первый момент Илне показалось, что тело Гаррика в углу палатки окутывает полог из паутины. Затем покрывало пошевелилось, развернулось… и проявилось паучье лицо.

– Кольва! – крикнул Кэшел. Он шагнул вперед, держа наперевес посох как таранное орудие.

Шевелящаяся паутина затвердела, лицо налилось плотью и снова приобрело очертания молодой привлекательной женщины, вместо того ночного кошмара, который только что предстал их взорам. Дамочка была совершенно не знакома Илне. Зато та, похоже, кое-кого узнала.

– Кэшел, мой герой… – пропела она.

– Кольва! – повторил юноша и изо всей силы ударил посохом в лицо. Твердая орешина прошла насквозь, будто тело женщины было соткано из дыма.

– Железо! – раздался из-за спины голос Теноктрис. – Надо использовать…

Веревочная петля вылетела из рук Илны, но вместо того чтобы затянуться на шее жертвы, свободно соскользнула вниз. Кэшел на лету перевернул посох, чтобы использовать

конец с сохранившимся металлическим набалдашником, но тот зацепил шелковый полог палатки и напрочь запутался.

Кольва рассмеялась в лицо наступавшему на нее Чалкусу. После этого она шагнула прямо сквозь стенку шатра.

Но тут же ввалилась обратно. Из груди Кольвы – как раз слева – торчал маленький кинжал с позолоченной рукоятью.

Она страшно закричала, и в следующий миг мелькнул меч Чалкуса, обезглавивший ее. Кольва умерла.

Прямо на глазах существо, называвшееся Кольвой, стало съеживаться и исчезать, как тающая меренга. В нем оставалось все меньше и меньше человеческого.

Боковая стенка палатки приподнялась, и внутрь проскользнула Лиэйн – бледная, как смерть. В левой руке она все еще держала позолоченные ножны от маленького кинжальчика, решившего судьбу Кольвы.

– Как он?.. – прошептала девушка, обращаясь к Илне. Теноктрис, поддерживаемая Шариной, опустилась на колени возле принца. Она пощупала пульс у него на шее и закрыла глаза. Затем снова открыла и обернулась к остальным.

– Поздно, – сказала старуха. – Мне очень жаль, но Гаррик мертв.

В наступившей гробовой тишине раздался крик. Это кричала Илна – впервые в жизни.

* * *

Гаррик шагал по темным улицам мертвого города. Сверху на него давили мили воды: Йоль снова опустился на морское дно. Но Гаррика это нисколько не трогало, поскольку он и сам был мертв.

Рыбы чувствовали его приближение. Они поднимались из ила, на мгновение зависали в воздухе и затем спешили прочь.

– Я потерпел неудачу, – произнес юноша. Он успел свыкнуться с постоянным присутствием короля Каруса. И хотя в смерти, как и все, оказался одиноким, тем не менее по привычке продолжал разговаривать вслух. – Я умер, так и не успев объединить Острова. Полный провал…

По обеим сторонам улицы располагались высокие дома, в них жили богачи – в те времена, когда сам Йоль был живым городом. С окон свисали распахнутые ставни, стекла повылетали, очевидно, в момент катастрофы.

На булыжной мостовой валялась черепица. Гаррику показалось, что она красная, хотя на такой глубине цветов не существовало.

Легкая улыбка тронула губы юноши. Да, он мертв, но все же идет по улицам Йоля. У него еще здесь были дела.

Перед ним стоял дворец герцогов Йольских – укрепленная крепость, резко отличавшаяся от остальных великолепных домов. Ворота стояли распахнутыми, внешний барбикан обвалился во время землетрясения, сопровождавшего затопление города. Опускная решетка на внутренних воротах разрушилась, оставив лишь изъеденные солью огрызки прутьев на разбухшей деревянной раме.

Впрочем, решетка бы его сейчас не остановила. Сейчас его не остановило бы ничего.

Во дворе замка плавали три огромных аммонита. Набрав воздух в свои изогнутые раковины, они умудрялись держаться над самой поверхностью мощеной площади. На появление юноши они отреагировали легким колыханием щупальцев.

Гаррик рассмеялся.

– Хотите испугать меня? – спросил он. – Напрасно, я уже мертв.

Он наклонился, чтобы подобрать осколок камня с мостовой. Он оказался отвалившимся носом горгульи, которая служила лепным украшением замка. Юноша собирался швырнуть камень в Морских Владык, но пальцы его прошли сквозь песчаник.

Гигантские твари и сами поднялись над крепостной стеной, затем, выпустив струю воды, смешанной с воздухом, резко набрали скорость и растворились в темноте. Их опаловые раковины блеснули всеми цветами радуги в небесах подводного ада.

Последнее, что увидел Гаррик, были их злобные светящиеся глаза.

Юноша вошел в обширный зал, служивший вестибюлем. Он, наверное, и раньше, на земле, не радовал глаз великолепием. Толстые стены и узкие окна-бойницы создавали тесный, мрачноватый интерьер. Увы, герцогам Июльским всегда не хватало средств на роскошное строительство.

Впрочем, освещение сейчас волновало Гаррика меньше всего. У него осталось чрезвычайно важное дело, с которым требовалось разобраться до того, как он окончательно сойдет в царство Сестры. Он потерпел неудачу с объединением Королевства, но это дело обязательно доведет до конца.

Юноша прошел под арку дверного проема, от занавеса осталось несколько золотых и серебряных нитей, с которых свисали покоробившиеся клочья льна. За ним открывалась высокая комната, в дальнем конце которой стоял герцогский трон. На нем восседала фигура.

– Приветствую тебя, брат, – произнесла она, не шевеля губами. У фигуры не было губ. – Добро пожаловать, Гаррик, вечный Король всего Мира.

– Здорово, Пурлио, – громко рассмеялся в ответ Гаррик. – Я пришел, чтобы убить тебя.

– Нет, нет, брат, – возразил колдун. Аммонит, который заменял ему голову, слабо шевелил щупальцами, сплетая и расплетая их в причудливый узор. – Ты не можешь убить меня, поскольку я уже мертвый. Но…

– Я могу тебя убить, лжец!

Гаррик улыбнулся в предвкушении приятной и удачно сделанной работы. В этой реальности меча у него не было, но сей факт мало его заботил.

– Я не виноват в твоей смерти, Гаррик! – воскликнул Пурлио. – Зато могу снова вернуть тебя к жизни. Вместе мы станем непобедимыми!

– Попробуй сначала победить меня, Пурлио, – уверенно ответил юноша, приближаясь к трону. Он полагал, что движение в этом царстве мертвых – не более чем иллюзия, как и то тело, в котором он сейчас пребывал. Как выяснилось, ошибался. Затонувший город выглядел вполне реальным, в отличие от его собственной руки, которая потерпела фиаско с камнем.

Щупальца, обрамлявшие нынешнее лицо Пурлио, пришли в беспокойство.

– Ты хотел стать Королем всех Островов, настоящим королем. Так вот, брат, я могу даровать тебе жизнь и власть! Ты только вслушайся: Гаррик, Король всего Мира! Гаррик Бессмертный!

Трон стоял в нише, обрамленной с трех сторон высокими окнами. Задумка, позволявшая герцогу восседать в сиянии дневного света, в то время как его просители стояли в тени. Изначально в окна были вставлены цветные стекла, но сейчас от них остались лишь направляющие рейки с мутными осколками. Казалось, Пурлио сидит в виноградной беседке после внезапно ударившего мороза.

– Мне не повезло, колдун: я умер до того, как стал королем на твоих условиях, – со смехом ответил Гаррик. – Действительно умер. И единственная вещь, которая еще меня удерживает, – это надежда навсегда убрать тебя отсюда. Прощай, Пурлио!

Юноша прыгнул вперед. Щупальца аммонита обхватили его правую руку и потянули к клюву.

Гаррик толкнул колдуна в бок. К его удивлению, трон от удара развалился на куски. Инкрустация из слоновой кости и золотые накладки отвалились от разбухшей древесины. Пурлио – или, вернее, чудовище, подчинившее себе Пурлио, – принадлежал царству мертвых, что давало юноше возможность достать его. Но какая-то часть колдуна продолжала сохранять связь с миром живых.

Продолжая смеяться, Гаррик высвободился. Эта связь станет причиной гибели Пурлио.

Щупальца Морского Владыки извивались. Илна, наверное, смогла бы понять заклинание, которое они пытались свить, но они действовали только на живых, облеченных

плотью. Гаррика они не затрагивали.

Он ставил себе целью победить человека, но человек по имени Пурлио больше не существовал. Юноша сграбастал колдуна за пояс. Любой нормальный человек в ответ попытался бы схватить его за горло или за плечи, но руки не подчинялись Пурлио. Вместо этого он наклонился, стараясь дотянуться щупальцами до лица Гаррика. Тот увернулся, перемещая вес. В деревне, где рос Гаррик, юноши в основном занимались бегом и борьбой, и он преуспел в обоих видах спорта.

В мозгу Гаррика раздался пронзительный визг аммонита – будто кто-то пилил стекло. От этого звука у юноши заломило уши и потемнело в глазах, но, собравшись с силами, он толкнул Пурлио головой на мраморную колонну, возвышавшуюся рядом с троном.

Раковина треснула, полетели осколки марказита, заключенная в нее сердцевина ярко-розового цвета выплеснулась наружу. Хранилище, откуда Морской Владыка черпал ресурсы для физического существования, оказалось разрушенным.

Пурлио упал замертво. От него осталась кучка усохших мышц и хрупких костей. Куски плоти колдуна на глазах расползались, выпадали из одежды.

И тут юноша почувствовал, как некая сила влечет его наверх. Лежавший вокруг него город лишился своих красок. Затем его серые контуры растворились и воскресли в серых очертаниях реального мира.

С последним проблеском интереса к победам и поражениям Гаррик закричал:

– Тебе больше не вернуться в мой мир, Пурлио! А затем темнота поглотила его.

* * *

Шарина почувствовала, как голова брата, которая лежала у нее на руках, пошевелилась. Она вознесла молитву Госпоже, чтобы это не оказалось посмертное сокращение мускулов.

– Он приходит в себя! – воскликнула девушка.

– Мастер Криас не солгал, – отозвался Кэшел. – Он сказал, что этот фрукт пригодится мне. Так оно и вышло.

Юноша сидел на корточках, опираясь на посох, немного в стороне от друзей, обступивших постель принца. Шарина всегда смеялась над опасениями Кэшела что-либо случайно задеть и повредить, но тот неукоснительно проявлял осторожность.

Далар стоял в другом конце палатки, как раз напротив Кэшела. В обществе взволнованных людей он один сохранял невозмутимое спокойствие.

Лиэйн держала в руках сливу, которую Кэшел достал из своего дорожного кошеля. Она выжала последние капли в открытый рот Гаррика. Юноша поперхнулся, глазные яблоки под закрытыми веками вздрогнули.

– О Госпожа, – прошептала Лиэйн. Все это время девушка крепилась и не плакала, но сейчас слезы хлынули по ее щекам. – Благодарю за Твою Милость.

Теноктрис откинулась назад, на руки Илны.

– Хотелось бы мне верить в Богов, – сказала старуха. – Так, чтоб тоже могла кого-нибудь поблагодарить. Возможно, ты помолишься и за меня, Лиэйн.

Затем она бросила взгляд на Кэшела.

– Лично я не сомневаюсь в честности твоего друга демона, – продолжала она. – По крайней мере, теперь. Но я не понимаю, почему фрукт сработал только сейчас?

Гаррик что-то пробормотал, как человек, приходящий в себя после глубокого сна. Шарина пыталась уловить смысл в словах брата, но они звучали слишком невнятно.

– Потому что раньше было не время для той нити узора, – отозвалась Илна, она не сводила глаз с Гаррика… и Лиэйн. Ее улыбка, как всегда, таила смысл, понятный только ей одной. – Как вы полагаете, кто стоит за станком, госпожа Теноктрис?

– А я бы сказал, – вступил в разговор Чалкус, – что мастер Гаррик задержался, желая закончить свою работу. Хотя, может быть, все это одно и то же… Как на ваш взгляд?

И он так улыбнулся Илне, как никто и никогда не улыбался. Но Шарина видела, как работал меч Чалкуса, и знала: из всех мужчин на свете именно этот знал, какова Илна в душе.

Гаррик закашлялся и открыл глаза. Он в удивлении смотрел на окружающих. Шарина почувствовала, что брат пытается подняться, но тут новый приступ кашля свалил его. Юноша повернулся на бок, чтоб стало немного полегче.

В конце концов Гаррику удалось выпрямиться. Лиэйн с рыданиями бросилась ему на грудь, она не могла вымолвить ни слова. Чувствуя смущение от подобной сцены, Шарина поднялась и направилась к Кэшелу.

Выплакавшись, Лиэйн оторвалась от возлюбленного. Несмотря на покрасневшее лицо, на лице девушке играла счастливая улыбка. Она достала из рукава крохотный кружевной платочек… и благодарно кивнула Илне, протянувшей ей свой платок – солидный кусок плотного полотна.

– Но я же мертвый, – удивленно произнес Гаррик.

– Нет, – покачала головой Теноктрис. – Хотя ты был им.

Гаррик вытянул перед собой руки, сжал и разжал пальцы, недоверчиво наблюдая за движением мускулов. Затем обвел взглядом друзей и улыбнулся жутковатой улыбкой.

– Понятно, – сказал он. – У меня для вас новость: Пурлио мертв и, надеюсь, навсегда.

Глава 22

На полу кабинета Ансалема валялись осколки аммонитовой раковины, а поверх них труп крайне изможденного мужчины. Ну, просто кожа да кости… И к тому же без головы.

– Уберите этот мусор! – рявкнул лорд Аттапер на своих солдат. Затем с каменным лицом обратился к принцу: – Если только Ваше Высочество не возражает?

Гаррик покачал головой и эхом повторил:

– Уберите этот мусор. Ябы приказал бросить его собакам на съедение, но в Клестисе нет собак…

– А мне нравятся собаки, – вмешалась Лиэйн, с омерзением глядя на останки Пурлио.

Двое солдат взялись за труп. При этом его правая рука оторвалась и осталась у одного из солдат. Он выругался, но его товарищ даже не заметил, что несет тело в одиночку. Усохший труп почти ничего не весил.

Расправив платок, Илна собрала в него остатки марказита, валявшиеся на полу. Завязала платок узлом и бросила солдату.

– Заберите это тоже, – распорядилась она. – Он мне больше не нужен.

Гаррик обменялся взглядами с Теноктрис, затем обернулся к командиру Кровавых Орлов:

– Мы готовы продолжать, лорд Аттапер. Если вы разместите своих людей на крыше, то они смогут при надобности вмешаться.

– Вряд ли нам понадобятся солдаты, – удивилась волшебница.

– Считай это уступкой мне, – с улыбкой ответил принц. А я делаю уступку Аттаперу. Если бы я прямо заявил о его бесполезности, он, наверняка, стал бы спорить. А так – получив приказ стоять наготове – он с радостью повинуется.

Король Карус одобрительно рассмеялся, прогуливаясь по саду времен своей юности, где буки подпирали каменные стены. Половину всего времени королю приходится размышлять над тем, что другие хотят услышать… а вовсе не над тем, что ты сам хочешь сказать. И ты, парень, в этом преуспел куда больше меня.

Получив приказ, войска прошли на крышу через пролом в алебастровой перегородке. После того как над ней потрудились солдаты и особенно Кэшел, там можно было провести хоть мамонта.

С их уходом атмосфера резко изменилась. Дело даже не в том, что присутствие Кровавых Орлов создавало излишнюю скученность, просто они являлись посторонними

людьми, не принадлежавшим к кругу друзей Гаррика.

Юноша оглядел оставшихся с улыбкой. Среди них все же были незнакомцы: птица Далар – судя по словам Шарины и по манере двигаться, опытный воин; юная леди Мерота, встретившая его взгляд с аристократическим спокойствием и холодностью, ну и Чалкус.

Моряк ответил ему улыбкой. На нем был широкий кожный пояс, под стать новым сандалиям с высокой шнуровкой. Вместе с парой вышитых туник они подозрительно походили на обмундирование Кровавых Орлов – тех, что побогаче.

– О да, такого парня мы сможем пристроить, – одобрительно хохотнул король Карус. – В какую-нибудь независимую команду. Где он не будет сталкиваться с полковыми командирами или с Городским Дозором.

Покачав головой, Теноктрис развернула сверток, который ей подал Кэшел.

Внутри оказалась змеиная шкура, завернутая для надежности в старую тунику. Коричневая с проблесками золотого цвета, амфисбена была толще обычной змеи: в длину она насчитывала примерно шесть футов, соответственно – около фута в диаметре.

– Мне страшно, – сказала волшебница, виновато улыбаясь. – Но с другой стороны, сколько ни оттягивай, легче не станет.

– Здесь кроется какая-то опасность? – спросил Гаррик. Он инстинктивно потянулся к рукояти меча, хотя умом понимал: в таком месте, как это, меч бессилен.

– Только опасность потерпеть поражение, – пожала плечами старуха. – Боюсь, моя ошибка повлечет за собой расширение трещины в космосе и дальнейшее разрушение Королевства.

Кэшел нахмурился.

– Ты не ошибешься, Теноктрис, – сказал он. Люди, которые знали его похуже, услышали бы в его словах угрозу.

Илна посмотрела на Гаррика, затем на волшебницу. Покачала головой:

– Это, конечно, не мой узор. Но мне почему-то кажется, что ткачиха, которая стоит у станка, не расположена выткать нам несчастья.

– Ты так уверена, что существует какой-то узор? – живо спросила Теноктрис.

Девушка подняла руки ладонями вверх, затем сложила пальцы щепотью.

– Так же, как уверена в этих вот руках. Я еще ни в чем так не была уверена.

– И ты думаешь, Добро победит Зло?

– Мне ничего не известно о Добре и Зле, – спокойно ответила Илна. – Зато я все знаю об узорах и мастерстве.

Волшебница решительно кивнула головой, затем подошла к кушетке и разложила змеиную кожу на травертиновой поверхности. Блестящие чешуйки ярко выделялись на фоне желтоватой поверхности с коричневыми прожилками. Сжав губы, Теноктрис повертела кожу, нашла ей подходящее положение.

И вдруг обе пятнистые поверхности – камень и змеиная кожа – идеально легли, слились в едином узоре.

– Да там получаются слова! – затаив дыхание, прошептала Лиэйн. – Слова на Старой Вязи!

Кэшел, казалось, не удивился. Улыбаясь со спокойным удовлетворением, он протянул волшебнице бамбуковую щепку, которую заранее заготовил.

– Теноктрис, от нас нужна какая-нибудь помощь? – тихо спросила Шарина. – Ну, в смысле произносить заклинание?

– Пожалуй, одного голоса будет достаточно, – ответила старуха. – Я знаю: вы… некоторые из вас умеют читать на Старой Вязи не хуже моего. Но думаю, подобное заклинание должен прочитать маг. От души надеюсь, что моих невеликих сил хватит на это.

Она глубоко вздохнула и выпрямилась. Ей приходилось стоять, чтобы прочесть слова, написанные на кушетке. Гаррик шагнул к волшебнице – на тот случай, если обряд исчерпает ее физические возможности, но Илна, опередив его, уже стояла рядом.

Поскольку его помощь оказалась не нужна, юноша предпочел отвернуться, чтобы не

видеть всего действа. По прежнему опыту он знал: если глаза его будут следить за словами силы, то губы непременно станут повторять их вслух. А такая работа всегда изнуряла его: горло пересыхало, язык приставал к небу.

– Все верно, парень: каждому свое, – рассмеялся король Карус у него в голове. – Ведь леди не пытается же стрелять вместо тебя из лука.

Гаррик был не силен в чародействе, но Карус всю свою жизнь ненавидел и боялся колдунов. Как показала практика, одного только меча оказалось недостаточно для спасения Островов. Но, с другой стороны, юноша нисколько не сомневался: точно так же не обойтись чистым колдовством в борьбе с хаосом.

Принц напружинил правую руку и рассмеялся. Вот уж действительно: каждому свое.

– Фоурис чфоурис он, – читала нараспев волшебница. – Тхала матро арматроа…

Гаррик разглядывал обломки алебастровой перегородки. Грустно, погибла такая искусная работа… но, к сожалению, у них не было другого выхода. Сегодня пришлось принести и худшие жертвы: люди отдавали жизни, чтобы охранить Острова от хаоса. Несправедливо сожалеть о погибшем творении неизвестного каменщика и не вспомнить погибших солдат.

Он почувствовал руку Лиэйн на своем плече. Это заставило Гаррика расслабиться и снять ладонь с эфеса меча. Обняв девушку, он тряхнул головой и улыбнулся.

– Аларо ало аа, – произнесла Теноктрис. – Марта макс соумарта…

Далар издал удивленный возглас, и Гаррик инстинктивно оглянулся. Шаринин телохранитель, не отрывая глаз, смотрел на каменное ложе. Рядом с ним в таком же напряжении застыл Чалкус, казалось, он даже забыл про обнаженный меч в руке. Причем было видно, что магический обряд пугает его.

Над кушеткой возникло золотое свечение, оно водопадом обрушилось на камень и пронзило его. На какое-то мгновение показалась змеиная голова с трепещущим язычком: будто пробует воздух на вкус. Затем этот образ исчез, зато позади золотого водопада возник…

– Зохарайе сатра! – воскликнула Теноктрис и ткнула щепкой в самый центр змеиной кожи. Затем отступила на шаг и, вероятно, упала бы, если бы Илна заботливо не подхватила ее.

На травертиновой кушетке появился Ансалем Мудрый, он лежал, укрытый бархатным покрывалом. Вот он поднял голову и удивленно заморгал навстречу посетителям.

– Кто?.. – спросил он, пытаясь подняться. Кэшел подставил руку и помог пожилому мужчине принять сидячее положение.

– Лорд Ансалем? – вступил в разговор Гаррик. За безопасность Королевства отвечал он, а не его друзья. – Мы разбудили вас, чтобы вы уничтожили мост, который несет угрозу нашему миру.

– Я помню вас, – произнес Ансалем. Его взор, казавшийся слегка затуманенным, прояснился. – По своим снам. А где мои ученики?

– Слава Госпоже, мертвы, – напрямик заявил Гаррик. – Иначе они натворили бы дел! И так слишком много от них вреда.

– Я боялся чего-то подобного, – вздохнул Ансалем. Он аккуратно спустил ноги в сандалиях с кушетки и встал. – Не могу понять, зачем они это сделали. Зачем заперли меня в этой темнице? Ведь я желал только добра своему народу… в том числе и им.

– Они оказались не такими сильными, как вы, – сказала Теноктрис. Хотя старая волшебница уже пришла в себя, Илна на всякий случай держалась поблизости. – Все эти магические раритеты, которые вы воспринимали как любимые игрушки, для них оказались чересчур страшными. Они деформировали личность ваших помощников так, что не оставили почти ничего человеческого.

– Мы с вами знакомы, не правда ли? – спросил Ансалем, приглядываясь к Теноктрис. – Но это было давно – еще до того, как я спрятал свой город от грядущего краха. Вы вроде тоже волшебница?

– Да, – ответила та. – Я навещала вас в Клестисе, но почувствовала, что это не мое место, и поторопилась уехать… Пока не стало слишком поздно.

– Но вас должны были хорошо встретить, – удивился Ансалем. – Глупо уезжать только потому, что вы не обладаете возможностями других волшебников.

– Зато вашей силы хватило на то, чтобы погубить своих соотечественников. А ведь они доверяли вам, лорд Ансалем! – довольно резко вмешался Гаррик. Он и сам не знал, шли эти слова из глубины его возмущенного сознания или были подсказаны королем Карусом. Но в любом случае, он намеревался рассказать волшебнику правду – какой бы страшной она ни казалась. – Без вашего искусства, естественным путем, растения и животные не могли производить и десятой доли пропитания, потребного городу. Несчастные жители съели все, что нашли… а затем вынуждены были пожирать друг друга. В конце концов, они умерли.

Ансалем выглядел потрясенным.

– Но я не хотел такого… – едва слышно произнес он. Затем голос его прервался, полное, жизнерадостное лицо посерело.

– Мне очень жаль, Карус, – сказал волшебник. – Я совершил ошибку… Самую ужасную ошибку в моей жизни.

Гаррик схватил Ансалема за локоть.

– Тогда все пошло неправильно, – воскликнул он, не тратя времени на объяснения, что он Гаррик, а не его далекий предок. – Но этого уже не исправишь. Давайте сконцентрируемся на том, что происходит сегодня. Вы можете убрать мост, который вы проложили в наш мир?

Оставив слова юноши без ответа, Ансалем подошел к окну, выходящему на площадь. Двигался он решительно, будто все обязаны были расступаться перед ним. Собственно, все так и поступили: Шарина отошла в одну сторону, Чалкус с Меротой – в другую.

Моряк вложил меч в ножны, жест получился довольно резким. Похоже, в этой компании не один Ансалем страдал заносчивостью.

– Вы хотите сказать, что я сделал это, пока спал? – оборачиваясь, спросил волшебник.

– Вы создали один коридор, – пояснила Теноктрис, – а ваши ученики могли создать все остальное, так сказать, по образу и подобию. Но в основном, да – это ваша работа.

– Потрясающе! Во время сна… – повторил Ансалем с оттенком гордости. – Вот уж не думаю, что кому-нибудь другому это удалось бы! Да еще в инкапсулированном состоянии…

– Хотелось бы надеяться, что вы сможете разрушить это! – заметила Теноктрис спокойным, но настойчивым тоном – так разговаривают с набедокурившим ребенком. – Ваше творение создает угрозу для других планов. Для всех других планов!

– Да, да. Наверное, вы правы, – сокрушенно вздохнул волшебник. – Мне так жаль. Поверьте, я не хотел…

Внезапно его взгляд остановился на Даларе.

– О Боги! – воскликнул он, теряя нить разговора. – Похоже, вы из Роконара, не так ли? А я и не знал, что кто-то из вашего народа пережил катастрофу Третьего Века!

Его слова заставили Шарину содрогнуться. Птица же ответила с едва заметным кивком:

– Вы правы, господин, я воин Роконара. Судьба разлучила меня с моей землей и моим народом. Боюсь, мне уже не суждено увидеть родные края.

– Ну, я мог бы возвратить вас домой. Это не составляет проблемы, – отмахнулся Ансалем. Похоже, он даже обиделся, что кто-то усомнился в его способностях. – Если желаете, я могу сделать это прямо сейчас – до того, как уничтожу связи между реальностями.

Но тут на лице волшебника отразилось сомнение, и он обратился к Теноктрис:

– Как вы думаете? Это ведь не ухудшит общей обстановки? Я совершил уже столько серьезных ошибок…

Волшебница бросила взгляд на Шарину. Та порывисто обняла своего телохранителя и отступила в сторону.

– Дракон обещал мне, что я и мои друзья только выиграют от службы ему, – сказала девушка. – Я была бы вам только благодарна, если б вы помогли Далару – моему другу,

который помог мне выжить в долгих странствиях.

– У меня в жизни не было лучшего хозяина, чем ты, Шарина, – ответил роконарец с поклоном. – Но если вы спросите мое мнение, то – да, я хотел бы вернуться домой.

– Мы все будем вам очень признательны за помощь Далару, лорд Ансалем, – официально подтвердила Теноктрис. – А еще больше за то, чтобы вы освободили наш мир от груза этих пространственно-временных коридоров.

– Да, да, конечно, – с нотками раздражения произнес волшебник, но тут же сам себя одернул и покаянным тоном добавил: – Простите меня. Я знаю: это моя вина. И позабочусь обо всем, как только вы вернетесь к себе.

Нахмурившись, Ансалем уточнил:

– Но вы точно хотите покинуть это место? Потому что если кто-нибудь хотел бы остаться…

– Нет, – твердо ответил Гаррик, подавив вздох облегчения. – Мы на самом деле желаем вернуться в свой мир.

«Я даже не догадывался, насколько хочу этого, – подумал юноша, – пока не провел целый день в этом Раю, обратившемся в Ад».

– Лорд Аттапер, – крикнул он, – объявите войскам о немедленном возвращении в Вэллис!

* * *

– Снова дома, – со счастливой улыбкой на лице произнесла Лиэйн, шагая рядом с Гарриком к дальнему концу моста. – Никогда еще в жизни я так не радовалась дневному свету.

– Я тоже, – поддержал ее юноша, чувствуя, как сердце его замирает от счастья. – Хотя, думаю, рано еще радоваться. Подождем, пока ступим на родную землю…

Остальные были менее сдержанны. Чалкус, шагавший вместе с Илной и девочкой в арьергарде застрельщиков из фаланги, воздел к небу меч и радостно прокричал:

– Да здравствует солнце!

И тут же его возглас подхватила, по меньшей мере, дюжина солдатских глоток. Мгновение спустя к ним присоединились Кровавые Орлы – они с ликованием возвращались домой.

Это нарушение дисциплины вызвало возмущение Аттапера, но Гаррик, поймав его яростный взгляд, улыбнулся и выкрикнул, в свою очередь:

– Солнце!

Командир Кровавых Орлов выдавил кривую улыбку.

Гаррик рассчитывал, что на набережной их будет дожидаться все воинство Валдрона. Но вот то, что на крыши домов и балконы высыпали сотни горожан, – это оказалось сюрпризом. Издали услышав ликующие вопли солдат, они – сначала нерешительно, затем все энергичнее – поддержали их.

– Они, наверное, думают, что мы возвращаемся с победой, – сказал принц, обменявшись взглядами с Лиэйн и Шариной. – А мы попросту радуемся, что остались живы.

– А мы и в самом деле победили, – отозвался Кэшел, который шагал рядом с Шариной и нес на сгибе локтя старую волшебницу. Аттапер хотел было построить для нее носилки, но Кэшел только отмахнулся. – Разве неправда, Теноктрис?

– Думаю, это так, – ответила старуха, слишком еще слабая после выпавшего испытания, но тем не менее довольная. Гаррик с трудом разобрал ее слова, но улыбка на губах говорила сама за себя. – Мы выполнили то, что собирались сделать. По крайней мере, это будет так, когда Ансалем выполнит свое обещание.

Наконец-то тяжелые башмаки Гаррика застучали по каменной насыпи старинного моста – не призрачного, а настоящего моста времен Старого Королевства, из дерева и камня.

Юноша вытянул меч из ножен и помахал им над головой:

– Острова! – прокричал он. – Да здравствует Королевство и его граждане!

Для них, вернувшихся из Клестиса, нестройные крики горожан звучали слаще соловьиного пения. Гаррик обнял Лиэйн. Не будь у него меча в руке, он бы и подбросил ее в воздух, как это делается в праздничном Танце Урожая.

Лорд Валдрон поджидал их на каменной насыпи, в окружении своих помощников и еще дюжины вэлисских аристократов. Он взирал на все сумрачным соколиным взором, не обнаруживая ни страха, ни надежды. Должно быть, с таким же лицом стоял он рядом с королем Валенсом у Каменной Стены – убежденный, что это не самый лучший день в жизни Королевства, но мужественно приемлющий подобное знание.

Королю Валенсу тогда повезло – он со своей армией победил у Каменной Стены. Но за ним стояли такие люди, которые при всем своем пессимизме, скорее, умерли бы, чем отступили. Гаррик – и король Карус в его душе – ощутили внезапный прилив признательности к этому старому вояке.

Аттапер не позволил принцу последним выйти из Клестиса, как тот собирался. Вслед за ним выходило подразделение Кровавых Орлов: выкрикивая радостные лозунги и колотя копьями по своим деревянным щитам, солдаты прогрохотали по мосту. Толпа, даже части Королевской Армии, встретили их со страхом и надеждой.

Гаррик обернулся. Мост поблескивал, будто первый снег на солнце. Голубое свечение, которое еще минуту назад казалось таким твердым и надежным, стало гаснуть, уходить внутрь самого себя. Юноша видел, как каждая частичка конструкции пришла во вращение, которое увлекало ее невесть куда – в места, неподвластные времени и пространству.

Река Белтис, раздувшаяся после прошедшего ливня, несла свои темные воды во Внутреннее Море. Волны бурлили, перекатываясь через остатки древней опоры, которая когда-то поддерживала мост Старого Королевства.

Река была пуста. Призрачный мост исчез без следа. Резким движением Гаррик отправил свой меч в ножны.

– Интересно, что сейчас осталось от Клестиса на Кординском побережье? – промолвила Теноктрис. – Но еще больше я хотела бы знать, что станет делать предоставленный сам себе Ансалем…

Немного поколебавшись, лорд Валдрон во главе своего окружения направился к Гаррику. Лорд Тадай поодаль о чем-то беседовал с Илной. В это время Чалкус, как с удивлением заметил принц, развлекал Мероту, показывая ей фокусы с золотой монетой.

– Твоя подруга, похоже, не нуждается в советах, – заметил король Карус, ухмыльнувшись из глубин Гаррика. – А когда она в таком настроении, как сейчас, умный человек постарается держаться на почтительном расстоянии.

Кэшел поставил старую волшебницу на мостовую, но стоял рядом, загораживая своим посохом ее и Шарину от напиравшей толпы. Гаррик со смехом увлек Лиэйн в эту защищенную гавань. Шум вокруг стоял неимоверный: люди кричали и радовались. Рядом оказался канцлер Ройяс, он что-то бубнил про герцога Сандракканского.

Это могло подождать. Безусловно, Сандраккан представлял угрозу для Королевства – не единственную и далеко не самую страшную. Со всем этим предстоит разбираться. Но не сегодня.

– Королевство Островов! – прокричал Гаррик народу, своему народу. – Пусть оно всегда живет в мире и покое!

– И пусть его правители всегда стоят на страже этого мира, – прокричал сквозь века король Карус. – Так, как это делает нынешний правитель – принц Гаррик!